

*БОСПОРСКИЕ
ИССЛЕДОВАНИЯ*

Вып. XXVI

**BOSPOROS
STUDIES**

Vol. XXVI

Симферополь - Керчь

2012

Simferopol - Kerch

*Крымское отделение Института востоковедения им. А.Е.Крымского
Национальной академии наук Украины*

*Центр археологических исследований
БФ «Деметра»*

Рекомендовано к изданию Ученым советом Крымского отделения
Института востоковедения НАН Украины

Редакционная коллегия:

А.И. Айбабин, д.и.н., проф. (главный редактор)
В.Н. Зинько, д.и.н. (зам. главного редактора)
М.Г. Крамаровский, д.и.н.
С.Д. Крыжицкий, чл.-корреспондент НАН Украины
А.А. Масленников, д.и.н., проф.
Л.В. Матвеева, д.и.н.
Е.А. Молев, д.и.н., проф.
В.А. Сидоренко, к.и.н.
И.Н. Храпунов, д.и.н., проф.

*Состав редколлегии утвержден Ученым советом Крымского отделения Института
востоковедения НАН Украины (Протокол № 2 от 17.03.2009 г.)*

Ответственный редактор: д.и.н. В.Н.Зинько

Ответственный секретарь: к.и.н. А.В.Зинько

**М 34 Боспорские исследования. - Вып. XXVI. /Отв.ред. В.Н.Зинько. –
Симферополь-Керчь. – 2012. - 544 стр.**

В очередной выпуск «Боспорских исследований» вошли статьи и публикации по античной и средневековой истории и археологии Боспора и припонтийского региона, подготовленные украинскими и российскими специалистами. Значительный раздел составляют исследования по истории изучения древностей юга Украины.

Для археологов, историков, музейных сотрудников, студентов и преподавателей, а также для всех, кто интересуется древней историей и археологией Северного Причерноморья.

Издание профинансировано Благотворительным фондом «Деметра»

Свидетельство о гос.регистрации – серия КВ, № 8048, 23.10.2003 г.

© Крымское отделение Института востоковедения
им. А.Е.Крымского НАН Украины, 2012

© Центр археологических исследований
БФ «Деметра», 2012

СТАТЬИ

В. Н. ЗИНЬКО

К ВОПРОСУ О НАСЕЛЕНИИ ПОЗДНЕАРХАИЧЕСКОЙ ТИРИТАКИ

Рассмотрение вопросов греко-варварских контактов в период эллинской колонизации Боспора Киммерийского давно привлекает пристальное внимание исследователей. Считается практически общепризнанным, что на европейском побережье пролива в это время отсутствовало какое-либо стабильное туземное население [Шелов-Каведяев, 1985, с.53; Масленников, 1987, с.15; Виноградов, 2005, с.213], за исключением лишь редких появлений скифских номадов в результате «сезонных перекочевок из Приднепровья на зимние пастбища в Прикубанье» [Вахтина, Виноградов, Рогов, 1980]. Однако эта обобщенная картина вряд ли в полной мере отражает конкретную демографическую ситуацию в том или ином районе европейского побережья Боспора в первое столетие жизни эллинов на северо-восточной окраине ойкумены.

Появление первой волны эллинских переселенцев на суровых берегах Боспора Киммерийского датируется 580-560 гг. до н.э. [Зинько, 2011, с.3; библиография]. В это время на западный берег Керченского пролива выводятся несколько апоекий, в том числе и Тиритака. Это событие, на основании новейших археологических исследований, можно датировать не ранее 565-560 гг. до н.э. [Зинько, 2010, с.229]. Незначительные строительные остатки и отсутствие представительной выборки материалов из позднеархаических слоев не позволяли исследователям достаточно аргументированно рассматривать вопросы этнокультурного состава населения Тиритака на раннем этапе его истории. Однако предполагалось, что уже с первых шагов на чужой земле колонисты должны были как-то контактировать с аборигенами. Так, В.Ф.Гайдукевич, публикуя результаты раскопок тиритакского дома 540-480 гг. до н.э., особо отмечал присутствие среди вещей, отвечающих обычному греческому культурному обиходу, типичной «скифской» лепной чашки [Гайдукевич, 1952, рис.100,1]. Эту находку В.Ф.Гайдукевич считал весьма симптоматичной, т.к. она показывает, что в обиход боспорских греков стали проникать предметы местной культуры с очень ранней поры, и это как бы в миниатюре отражает «процесс культурного взаимодействия и взаимопроникновения, который затем будет проходить красной нитью через всю социально-

политическую и культурную историю Боспорского царства» [Гайдукевич, 1952, с.86].

Впоследствии, анализируя лепную керамику из ранних слоев Тиритаки, Е.Г.Кастанаян отмечала, что она занимала в обиходе жителей довольно скромное место, т.к. выходцы из варварской среды не могли составлять значительного контингента среди населения античного города [Кастанаян, 1981, с.111]. По мнению исследовательницы, эта ранняя лепная керамика делится на две группы: первая - нелощеная керамика, представлена горшками с округлым туловищем и отогнутым наружу краем с ямочным орнаментом. Такие сосуды, датируемые VI-IV вв. до н.э., находят ближайшие аналогии среди раннескифской керамики [Кастанаян, 1981, с.112]. Вторую группу лепной посуды составляла лощеная керамика с резным орнаментом, ближайшим районом распространения которой является горный и степной Крым, где сосредоточены таврские поселения [Кастанаян, 1981, с.113]. По мнению Е.Г. Кастанаян, в боспорский город уже с начала существования проникал какой-то незначительный процент негреческого населения - как скифского, так и таврского [Кастанаян, 1981, с.114]. Хотя ею же была особо отмечена лепная чашка, найденная в одном из помещений дома на участке XIV, о которой в свое время писал В.Ф.Гайдукевич, называя ее типично «скифской». Е.Г.Кастанаян полагает, что такие чашки характерны для меотского населения Прикубанья в VII-V вв. до н.э. [Кастанаян, 1981, с.56].

Суммируя результаты раскопок В.Ф.Гайдукевича, можно отметить, что основание Тиритаки им датировалось в пределах 550-540 гг. до н.э. В последней четверти (во второй половине) VI в. до н.э. начинается строительство сырцово-каменных домов. На рубеже VI-V в. до н.э. эти каменные постройки были обнесены крепостной стеной [Гайдукевич, 1952, с.89]. Вопрос о том, что представляли собой жилища первых греческих колонистов, остался открытым. Собственно, это и все, что было известно до недавнего времени о раннем этапе жизни Тиритаки.

Проводимые в настоящее время широкомасштабные раскопки Тиритаки не только существенно дополнили, но и дали качественно новые результаты. В первую очередь это касается самого раннего этапа, связанного с основанием греческой колонии. В последние годы в центральной части Тиритаки (участок XXVI) вдоль восточного края высокой приморской террасы открыт ряд ранее не известных первых построек (рис.1-2) эллинских переселенцев, которые датируются второй третью VI в. до н.э. [Зинько, 2010, с.222-224]. Однако, помимо обломков привозных амфор и столовой посуды, фрагменты лепной керамики выявлены лишь в верхнем горизонте засыпи этих непритязательных сооружений.

Интересные результаты дали материалы палеоботанических исследований самых ранних построек. Во всех образцах основную массу составляют

зерновки двух зерновых культур - пшеницы голозерной и ячменя пленчатого с преобладанием зерновок ячменя. Количество зерновок других культурных растений очень незначительно. Это лишь единичные зерновки пленчатых пшениц – однозернянки и двузернянки, ячменя голозерного, проса и семян бобовых растений – вики эрвили и чечевицы. Также единичны находки семян винограда культурного и сорных растений – щавеля воробьиного и мари белой [Зинько, Пашкевич, 2010, с.66]. Это соответствует тому факту, что греки на начальном этапе колонизации Северного Причерноморья выращивали две основные привезенные с собой зерновые культуры - голозерную пшеницу и ячмень пленчатый [Янушевич, 1986, с. 41, 46; Пашкевич, 2006].

Конечно, мы обладаем пока довольно фрагментарными данными о первых десятилетиях жизни переселенцев. Однако уже на их основании можно предположить как небольшую численность эллинских колонистов, так и вероятное отсутствие на первом этапе, в отличие от близлежащего Нимфея, каких-либо материально фиксируемых варварских этнических компонентов.

Лишь через несколько десятилетий после основания колонии начинается планомерная застройка Тиритаки сырцово-каменными домами с внутренними дворами. Начало этого второго этапа в жизни апойкии можно датировать около 530 гг. до н.э. [Зинько, 2011, с.10]. Еще В.Ф.Гайдукевич, основываясь на остатках сырцово-каменных домов в западной и восточной частях города, сделал заключение о широком заселении всего верхнего плато городища в позднеархаическое время [Гайдукевич, 1958, с.179]. Это предположение было подтверждено раскопками 2007 – 2010 гг., когда в центральной части Тиритаки на площади около 1000 кв. м были исследованы остатки ранней квартальной застройки из сырцово-каменных построек. Здесь открыто несколько городских усадеб (рис.3-4), которые состояли из ряда помещений и внутреннего двора. В планировочном отношении среди них выделяются дома типичной схемы с двух- и трехсторонним расположением крытых помещений вокруг внутреннего двора. Дома строились вплотную друг к другу и образовывали небольшие кварталы. Учитывая результаты прежних раскопок, площадь города в конце VI – начале V вв. до н.э. была около 5 га [Зинько, 2010, с.230]. За вычетом улиц и сооружений общественного назначения жилая застройка могла составлять около 3 – 3,6 га.

Общую численность населения Тиритаки в это время можно определить в пределах 2100-2900 человек. Это при модуле 7 – 8 человек на 100 кв.м жилой застройки [Крыжицкий, 1982, с.164]. Все это на порядок большее количество жителей, чем несколькими десятилетиями ранее. Учитывая то, что численность колонистов изначально составляла, вероятно, одну-две сотни семей, а демографическое удвоение населения происходит лишь через 50-60 лет, то рост числа жителей Тиритаки на втором этапе в значительной степени происходит за счет притока новых эллинских эмигрантов и в какой-то

мере окрестных варваров. Приток значительных масс новых переселенцев на Боспор из ионийских полисов был связан с завоеваниями персов в Малой Азии [Кошеленко, Кузнецов, 1992, с.23-24]. В то же время в результате разнообразных контактов с аборигенами начинает формироваться и незначительная группа несвободного варварского населения, в том числе и рабов [Зубарь, Зинько, 2006, с.36].

При исследовании слоев и построек Тиритаки последней трети VI – первой четверти V вв. до н.э. были найдены в подавляющем большинстве многочисленные фрагменты привозных амфор и столовой посуды. Среди тары для вина и оливкового масла преобладали такие центры, как Хиос (рис.6), Лесбос, Северная Эгеида, Клазомены (рис.5), другие же: Фасос, Аттика, Милет, Коринф – представлены незначительным количеством фрагментов. Столовая посуда содержит находки расписной керамики различных южно- и североионийских центров, Аттики (рис.7), а также простых сероглиняных сосудов.

На 37 обломках привозных сосудов встречены граффити¹. Наряду с т.н. бытовыми граффити, найдены фрагменты чернолаковой посуды с остатками посвящений, свидетельствующих, по заключению А.С. Русяевой, о частном почитании божеств, среди которых предположительно установлен Аполлон Дельфиний – верховный покровитель Милета и милетских колонистов. На некоторых фрагментах аттических кубков полностью сохранились имена жителей Тиритаки, среди которых редкие греческие имена Антес (рис.8) и Пифоман. Кроме того, выделяются отдельные граффити в виде перекрещивающихся линий и символических знаков, а также нечитаемого набора букв и схематических рисунков, которые обычно связываются с магическими представлениями эллинов. Они относятся к наиболее ранним на Боспоре и в значительной степени пополняют эту разновидность сакральных граффити новыми типами. Исключительное место в аспекте изучения магических представлений боспорских эллинов занимает граффити с надписью и разнообразными схематическими рисунками и наколами на специально изготовленном для этой цели остраконе из донца чернолакового килика начала V в. до н.э. (рис.9).

По палеографии все граффити соответствуют датировке керамики последней трети VI – первой четверти V вв. до н.э. и связаны с исследованными строительными комплексами. С одной стороны, они свидетельствуют как о грамотности жителей ранней Тиритаки, так и о желании в той или иной форме запечатлеть умение писать; а с другой стороны, небрежное отношение к начертанию даже одной или двух букв, а также к магическим знакам и

¹ В настоящее время А.С. Русяевой подготовлена публикация этих граффити, за что я ей очень признателен.

рисункам. Лишь на предполагаемых посвящениях божествам тиритакцы более старательно и аккуратно прочерчивали слова.

В отличие от построек первого этапа в слоях и домах второго этапа было найдено уже и незначительное количество обломков лепных сосудов - не более 2-4 %. Они обычно достаточно невыразительны, но среди них можно выделить фрагменты различных видов горшков (рис.10), ковшей (рис. 11), кружек, кубков и мисок. Незначительное количество обломков лепной керамики украшено вдавленным орнаментом на внешней стороне венчика и прочерченным орнаментом – на тулове. В столь же малых количествах лепная керамика была ранее найдена в позднеархаических постройках и слоях В.Ф.Гайдукевичем [Кастанаян, 1952, с.251, рис.2-3]. Аналогичные группы лепной керамики была выявлены О.Д.Чевелевым и при исследовании небольшого раннего сельского поселения к западу от Тиритаки, которое датируется последней четвертью VI – первой четвертью V вв. до н.э. [Зинько, 2007, с.57-59]. Однако в количественном отношении лепной керамики по сравнению со столовой посуды здесь встречено несколько больше, чем в аналогичный период в городских слоях. Целый кизил-кобинский лощеный сосуд с геометрическим орнаментом известен и в одном из ранних варварских погребальных комплексов тиритакского некрополя. Это таврское погребение С.С.Бессонова датирует второй половиной VI – началом V вв. до н.э. [Безсонова, 1972, с.106].

Изменился на втором этапе и состав выращиваемых зерновых культур. Так, из помещения 1 большого тиритакского дома (СК–XXXIII) были взяты пробы с уровня пола и из слоя пожара, связанного с разрушением комплекса на рубеже первой-второй четверти V в. до н.э. В образце из слоя пожара среди черной пылевой массы преобладали зерновки пленчатой пшеницы однозернянки (*Triticum monocossum*), и почти втрое меньше здесь зерновок голозерной пшеницы. Несущественную примесь составляют зерновки пшеницы двузернянки, ячменя голозерного, проса. В образце, отобранном на полу, были семена вики эрвильи (основная масса) и единично - гороха и чечевицы, зерновок пшеницы голозерной и пленчатого ячменя. Таким образом, основу находок в помещении 1 составляют зерновки пленчатой пшеницы однозернянки с примесью (около 30%) зерновок пшеницы голозерной и семена вики эрвильи [Зинько, Пашкевич, 2010, с.72-74]. Выше уже говорилось о том, что на начальном этапе греческой колонизации в Северном Причерноморье в числе основных выращиваемых зерновых культур были голозерные пшеницы вместе с ячменем пленчатым и что этот ассортимент греки, вероятнее всего, привезли с собою. Появление значительного количества обугленных зерновок пшеницы однозернянки в слое пожара в помещении 1 можно объяснить, очевидно, налаживанием активных контактов с ближайшим местным населением. Это могли быть или скифы, или меоты,

или тавры. Причем в отличие от кочевых скифов, меоты и тавры, как известно, занимались земледелием. Те скромные данные, которые имеются в настоящее время, свидетельствуют, что эти племена использовали иной, чем греки, состав растений. Судя по археологическим материалам, тиритакцы, вероятно, могли заимствовать пшеницу однозернянку для своих посевов у представителей кизил-кобинских племен, издревна небольшими общинами проживавших в отдаленных районах восточно-крымского холмогорья.

В целом можно предполагать появление лишь на втором этапе (последняя треть VI – первая четверть V вв. до н.э.) среди эллинского населения Тиритаки небольших групп представителей варварских племен, пользующихся лепной керамикой, характерной для той или иной археологической культуры. Среди этого туземного населения можно выделить (судя по лепной керамике) представителей кизил-кобинской культуры, скифской культуры, в меньшей степени меотской и, возможно, фракийской культур. Это определенным образом отличает Тиритаку от близлежащих эллинских колоний, где изначально констатируется присутствие варваров. Так, детальный анализ лепной керамики из позднеархаического слоя Нимфея позволил С.Н. Сенаторову выявить присутствие фрагментов посуды, начиная с эпохи средней бронзы и заканчивая последней четвертью VI в. до н.э. [Сенаторов, 1999, с.65]. Исследователь пришел к выводу о том, что на месте, где позднее был основан Нимфей, длительное время существовало варварское поселение. Причем количественное преобладание на участке «С» фрагментов лепной кизил-кобинской посуды VIII - первой половины VI вв. до н.э. над греческой керамикой второй-третьей четверти VI в. до н.э. может даже свидетельствовать о совместном проживании греков и варваров на территории Нимфея в первой половине VI в. до н.э. [Сенаторов, 2006, с.147]. Позднее, в середине - третьей четверти VI в. до н.э., здесь в землянках все еще проживали носители кизил-кобинской культуры [Бутягин, 1999, с.114]. И в этих комплексах доля лепных сосудов достигает около трети от всей керамики. В Мирмекии процент лепной посуды в составе керамического материала возрастает к середине VI в. до н.э. примерно до 20% от неамфорной тары, после чего постепенно снижается вплоть до конца столетия, составляя чуть более 10%. Первоначальное разнообразие типов, среди которого встречаются фрагменты керамики, характерной как для кизил-кобинской культуры, так и Прикубанья, уменьшается фактически исключительно до горшков типа 1, по К.К. Марченко [Бутягин, 2011, с.37-38].

Возведенные в Тиритаке дома с некоторыми перестройками просуществовали до первых десятилетий V в. до н.э., когда и погибли в результате сильного пожара на рубеже первой-второй четверти V в. до н.э. (рис.12). Причем какой-то катаклизм, сопровождаемый пожаром, происходил на Тиритаке и ранее - в конце VI в. до н.э., после чего город и был

обнесен сырцово-каменной крепостной стеной. В.Ф. Гайдукевич полагал, что ранняя стена Тиритаки была рассчитана на то, чтобы воспрепятствовать неожиданному набегу и проникновению на территорию города конных групп степных кочевников [Гайдукевич, 1952, с.89]. В первой четверти V в. до н.э. гибнет в пожаре и раннее сельское поселение к северо-западу от Тиритаки [Зинько, 2007, с. 59].

Все это, вероятно, можно связывать с появлением в конце VI - начале V вв. до н.э. в степном Крыму новой волны близкородственных скифам номадов [Алексеев, 1992, с.38], известных по письменным источникам как сколоты или «царские» скифы. Об усилении скифского присутствия в районе Боспора Киммерийского, возможно, свидетельствует и сообщение Ктесия Книдского о пленении брата скифского царя во время морской экспедиции каппадокийского сатрапа Ариарамна [Ctesias Cnid., 16]. Вероятно, в конце VI в. до н.э. какая-то группа скифов обитала более или менее постоянно у побережья пролива [Масленников, 1999, с.175]. С начала V в. до н.э. на территории городского некрополя Нимфея, как и на его сельской округе появляются курганные погребения скифского облика. На некрополе Нимфея было выделено до десятка захоронений со скифскими чертами в обряде, самое раннее из которых, по мнению Л.Ф. Силантьевой, датируется первой половиной V в. до н.э. [Силантьева, 1959, с.87, сл.]. Прекращаются погребения с несомненно скифскими чертами на городском некрополе Нимфея в начале последней четверти V в. до н.э. [Зинько, 2003, с.41]. Однако в ближайших окрестностях Тиритаки отсутствуют какие-либо археологические объекты (в первую очередь погребальные комплексы), которые могли бы свидетельствовать о присутствии здесь кочевых скифов в V в. до н.э., в отличие от территории южного соседа - Нимфейского полиса.

На протяжении всей ранней истории население Тиритаки сохраняет определенную этническую однородность. Судя по материалам исследований, лишь с последних десятилетий VI в. до н.э. можно предполагать проникновение в состав жителей боспорского города довольно незначительного количества варваров. Хотя на поселениях сельской округи Тиритаки их, возможно, было несколько больше. Позднее, войдя в боспорское объединение во главе с тиранами Пантикапея, Тиритака до конца V в. до н.э. становится крайним южным крепостным форпостом нового государственного образования. Это, вероятно, в какой-то мере не способствовало проникновению в состав его населения значительных групп варваров, вожди которых в это время на европейском побережье Боспора Киммерийского контактируют в первую очередь с Нимфеем и Пантикапеем.

ЛИТЕРАТУРА

- Алексеев А. Ю. Скифские хроники (Скифы в VII-I вв. до н.э.). – СПб., 1999.
- Безсонова С.С. Таврське поховання з некрополя Тірітаки //АДУ 1969. – Вип. IV. – К., 1972.
- Бутягин А.М. Особенности домостроительства архаического Боспора // Боспорский феномен. Материалы конференции. – СПб., 1999.
- Бутягин А.М. Мирмекий: малый город Боспора в зеркале варварского влияния // Материалы XII Боспорских чтений. – Керчь, 2011.
- Вахтина М.Ю., Виноградов Ю.А., Рогов Е.Я. Об одном из маршрутов военных походов и сезонных миграций кочевых скифов //ВДИ. - № 4. – 1980.
- Виноградов Ю.А. Боспор Киммерийский //Греки и варвары Северного Причерноморья в скифскую эпоху. – СПб, 2005.
- Гайдукевич В.Ф. Раскопки Тиритаки в 1935-1940 гг. // МИА. - № 25. – М.-Л., 1952.
- Гайдукевич В.Ф. Раскопки Тиритаки и Мирмекия в 1946-1952 гг. // МИА. - № 85. – М.-Л., 1958.
- Зинько В.Н. Хора боспорского города Нимфея //БИ. – Вып. IV. - С. - Керчь, 2003.
- Зинько В.Н. Поселения VI в. до н.э. Европейского побережья Боспора Киммерийского //БИ. – Вып. V. – С. - Керчь, 2004.
- Зинько В.Н. Хора городов европейского побережья Боспора Киммерийского (VI-I вв. до н.э.) // БИ. - Вып. XV. – С. - Керчь, 2007.
- Зинько В.Н. Основание и становление Тиритаки //ДБ. – Вып.14. – М., 2010.
- Зинько В.Н. Эллинская колонизация Восточного Крыма //БИ. – Вып.XXV. – С.- Керчь, 2011.
- Зинько В.Н. Греки и варвары на берегах пра-Чурбашского залива в VI-V вв. до н.э. //Боспорские чтения. – Вып.XII. – С.- Керчь, 2011а.
- Зинько В.Н., Пашкевич Г.А. Палеоботанические материалы ранних комплексов Тиритаки // БИ. – Вып.XXIV. – С.- Керчь, 2010.
- Зубарь В.М., Зинько В.Н. Боспор Киммерийский в античную эпоху. Очерки социально-экономической истории //БИ. – Вып.XII. – 2006.
- Кастанаян Е.Г. Лепная керамика Мирмекия и Тиритаки //МИА. – Вып.№ 25. – М.-Л., 1952.
- Кастанаян Е.Г. Лепная керамика боспорских городов. – М., 1981.
- Кошеленко Г.А., Кузнецов В.Д. Греческая колонизация Боспора (в связи с некоторыми общими проблемами колонизации) //ОАИБ. – М., 1992.
- Крыжицкий С.Д. Жилые дома античных городов Северного Причерноморья (VI в. до н.э. – IV в. н.э.). – К., 1982.
- Масленников А.А. Основные этапы этнической истории европейского Боспора //Киммерийцы и скифы. Тез. докл. семинар. – Ч.II. - Кировоград, 1987.
- Масленников А.А. Греки и варвары на «границах» Боспора (Взгляд на проблему к концу тысячелетия) //Древнейшие государства Восточной Европы. 1996-1997 гг. Северное Причерноморье в античности: Вопросы источниковедения. – М., 1999.
- Сенаторов С.Н. О лепной керамике варварского поселения на месте Нимфея //Боспорский город Нимфей. – СПб, 1999.
- Сенаторов С.Н. Лепная керамика эпохи бронзы – раннего железа из Нимфея //Греки и варвары на Боспоре Киммерийском. – СПб, 2006.
- Силантьева Л.Ф. Некрополь Нимфея //МИА. – 69. – М.-Л., 1959.
- Пашкевич Г.А. Современное состояние палеоэтноботанических исследований Херсонеса // Херсонесский сборник – вып. XV, 2006.
- Шелов-Каведяев Ф.В. История Боспора в VI-IV вв до н.э. //Древнейшие государства на территории СССР. Материалы и исследования. 1984 год. - М., 1985.
- Янушевич З.В. Культурные растения Северного Причерноморья //Палеоэтноботанические исследования. – Кишинев: Штиинца, 1986.

В.М. Зинько

ДО ПИТАННЯ ПРО НАСЕЛЕННЯ ПІЗНЕАРХАІЧНОЇ ТИРИТАКИ

Резюме

Поява першої хвилі еллінських поселенців на суворих берегах Боспору Киммерійського датується 580-560 рр. до н.е. В той час на східному березі Керченської затоки виводиться декілька апойкій, в тому числі і Тиритака. Цю подію на підставі новітніх археологічних досліджень можна датувати не раніше 565-560 рр. до н.е. На підставі новітніх розкопів виділяються два етапи в житті пізнеархаїчної Тиритаки: 1 – друга третина VI ст. до н.е.; 2 – остання третина VI – перша чверть V ст. до н.е. В останні роки у центральній частині Тиритаки (ділянка XXXVI) вздовж східного краю високої приморської тераси відкрито ряд раніше невідомих перших споруд еллінських поселенців, які датуються другою третьиною VI ст. до н.е. На підставі досліджень можна припустити як невелику численність еллінських колоністів, так і відсутність на першому етапі, на відміну від навколишнього Німфею, якихось варварських етнічних компонентів. Ці висновки підтверджують і результати палеоботанічних досліджень самих ранніх споруд.

Лише на другому етапі серед еллінського населення Тиритаки фіксується поява невеликих груп представників варварських племен, які користувалися ліпною керамікою, характерною для тієї або іншої археологічної культури. Серед цього туземного населення можна виділити представників кизил-кобинської культури, скіфської культури, у меншому ступені меотської та, можливо, фракійської культур. Також змінюється і склад вирощуваних зернових культур. Все це певним чином відрізняє Тиритаку від навколишніх еллінських колоній, де споконвічно констатується присутність варварів.

В. Н. Зинько

К ВОПРОСУ О НАСЕЛЕНИИ ПОЗДНЕАРХАИЧЕСКОЙ ТИРИТАКИ

Резюме

Появление первой волны эллинских переселенцев на суровых берегах Боспора Киммерийского датируется 580-560 гг. до н.э. В это время на западном берегу Керченского пролива выводится несколько апойкий, в том числе и Тиритака. Это событие, на основании новейших археологических исследований, можно датировать не ранее 565-560 гг. до н.э. На основании новейших раскопок выделяются два этапа в жизни позднеархаической Тиритаки: 1- вторая треть VI в. до н.э.; 2 – последняя треть VI – первая четверть V в. до н.э. В последние годы в центральной части Тиритаки (участок XXVI) вдоль восточного края высокой приморской террасы открыт ряд ранее не известных первых построек эллинских переселенцев, которые датируются второй третью VI в. до н.э. На основании исследований можно предположить как небольшую численность эллинских колонистов, так и отсутствие

на первом этапе, в отличие от близлежащего Нимфея, каких-либо варварских этнических компонентов. Эти выводы подтверждают и результаты палеоботанических исследований самых ранних построек.

Лишь на втором этапе среди эллинского населения Тиритаки фиксируется появление небольших групп представителей варварских племен, пользующихся лепной керамикой, характерной для той или иной археологической культуры. Среди этого туземного населения можно выделить представителей кизил-кобинской культуры, скифской культуры, в меньшей степени меотской и, возможно, фракийской культур. Также изменяется и состав выращиваемых зерновых культур. Все это определенным образом отличает Тиритаку от близлежащих эллинских колоний, где изначально констатируется присутствие варваров.

V.N. Zinko

TO THE QUESTION ABOUT THE POPULATION OF THE LATE ARCHAIC TYRITAKE

Summary

Appearance of the first wave of Hellenic settlers to the severe shores of the Cimmerian Bosphorus is dated to 580-560 yrs. BC. At that time several apoikias, including Tyritake, were displayed on the western shore of the Kerch Strait. This event can be dated no earlier than to 565- 560 yrs. BC on the basis of the latest archaeological research. Data of the latest excavations can distinguish two stages in the life of the late archaic Tyritake: 1 – the second third of the 4th century BC; 2 – the last third of the 6th – the first quarter of the 5th century BC. In recent years a number of previously unknown buildings of first Hellenic settlers, which are dated to the second third of the 6th century BC, have been discovered in the central part of Tyritake (site 26) along the eastern edge of a high coastal terrace. On the basis of studies we may suggest a small number of Hellenic colonists and the absence of any barbaric ethnic component here at the first stage unlike in the nearby Nymphaion. Results of paleobotanical studies of the earliest buildings confirm these conclusions.

Appearance of small groups of representatives of the barbarian tribes, who used molded pottery characteristic for a particular archaeological culture, among Hellenic population of Tyritake is recorded only at the second stage. It is possible to select representatives of Kyzil-Koba culture, Scythian culture, to a lesser extent Meotian culture and, perhaps, Thracian culture among the indigenous population. Cultivated crops also varied. All these features in some way distinguish Tyritake from the surrounding Hellenic colonies, where the presence of the barbarians is stated.

Рис.1. Раскоп XXVI, полуземлянка № 1. Вид сверху.

Рис.2. Раскоп XXVI, полуземлянка № 3. Вид с юга.

Рис.3. Восточная часть раскопа XXVI, постройки последней трети VI – первой четверти V вв. до н.э.

Рис.4. Центральная часть раскопа XXVI, помещения и двор дома (СК-XXXIII) последней трети VI – первой четверти V вв. до н.э.

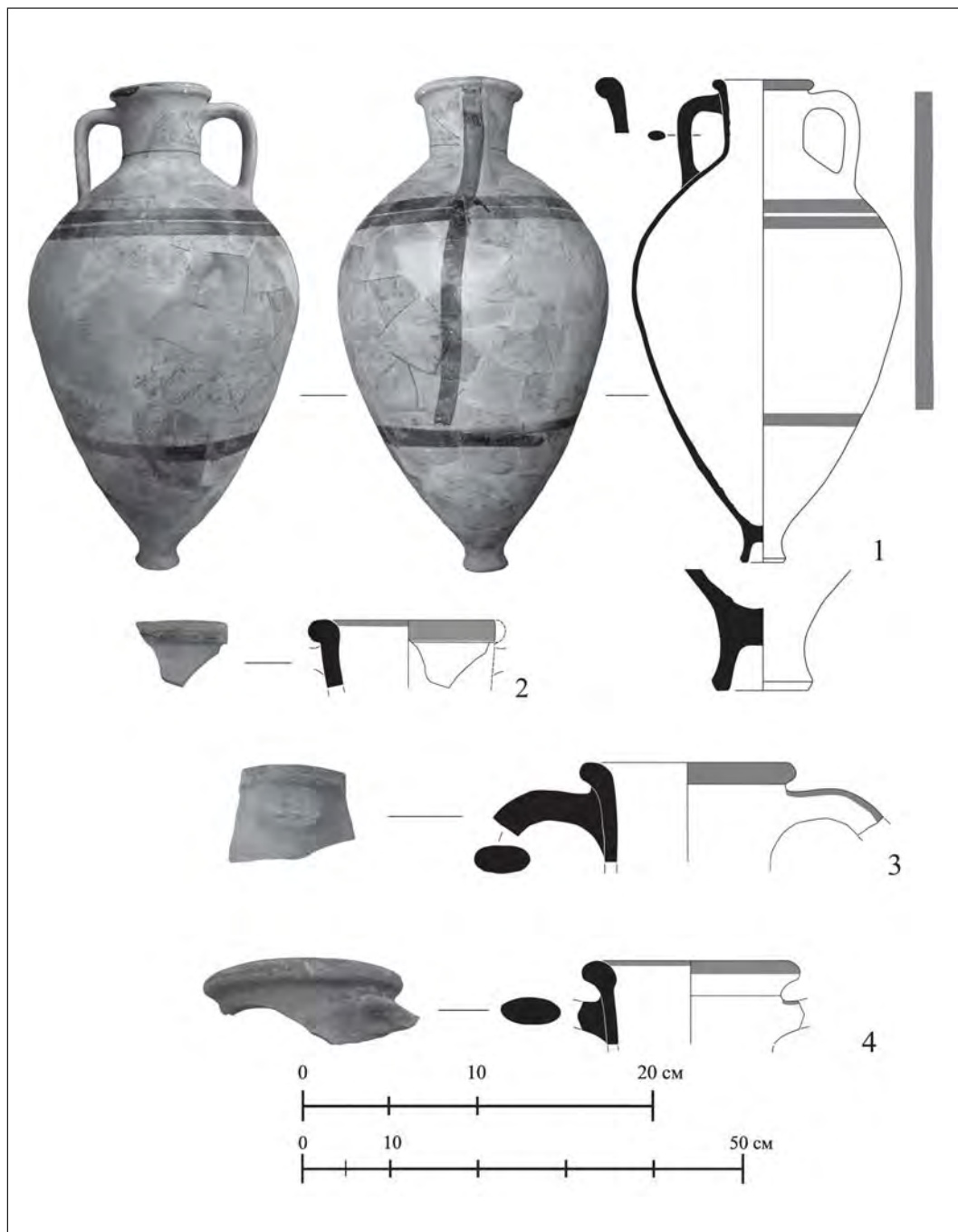

Рис.5. Раскоп XXVI, клазоменские амфоры последней трети VI – начала V вв. до н.э. Составила А.В. Буйских.

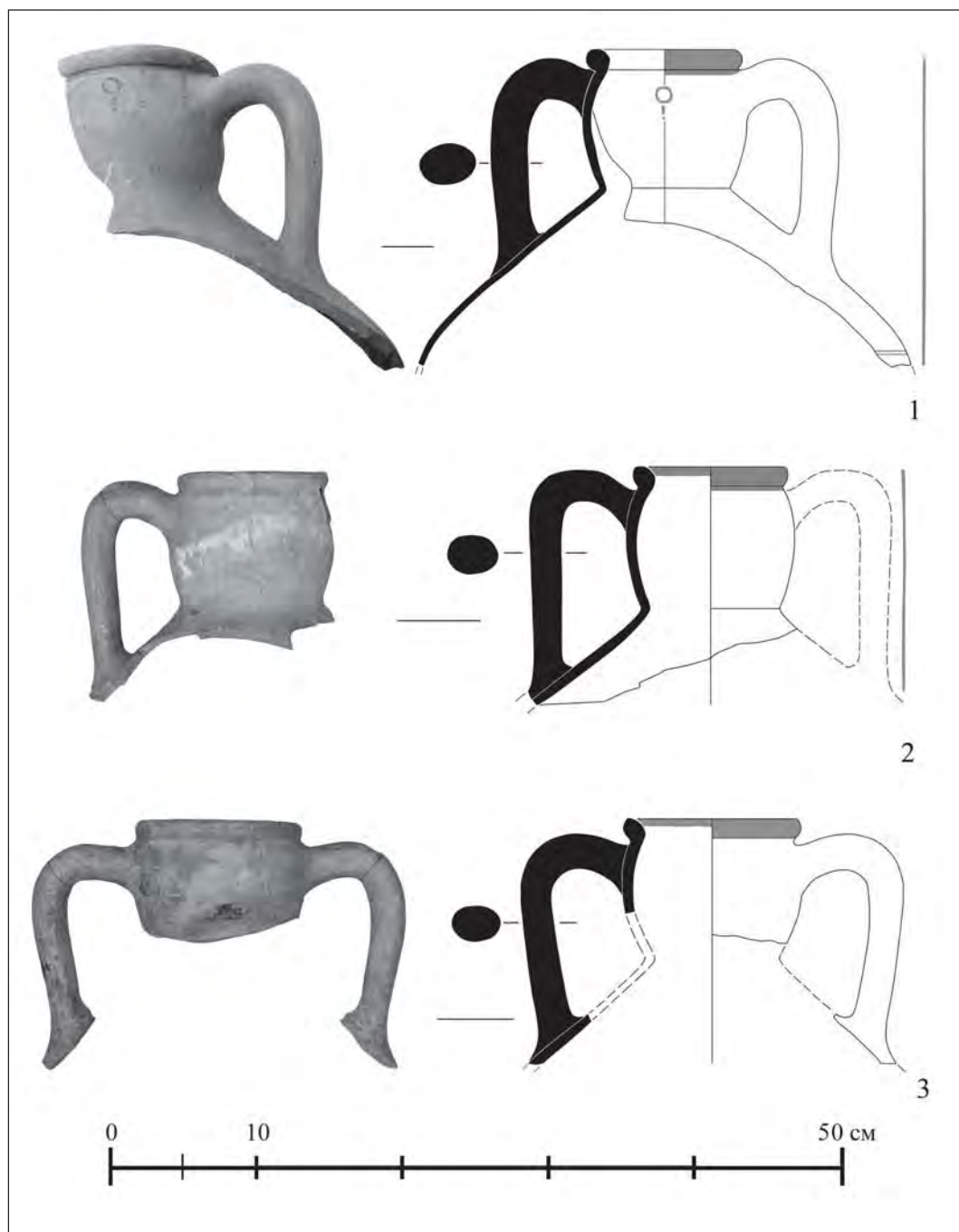

Рис.6. Раскоп XXVI, фрагменты хиосских пухлогорлых амфор последней трети VI – первой четверти V вв. до н.э. Составила А.В. Буйских.

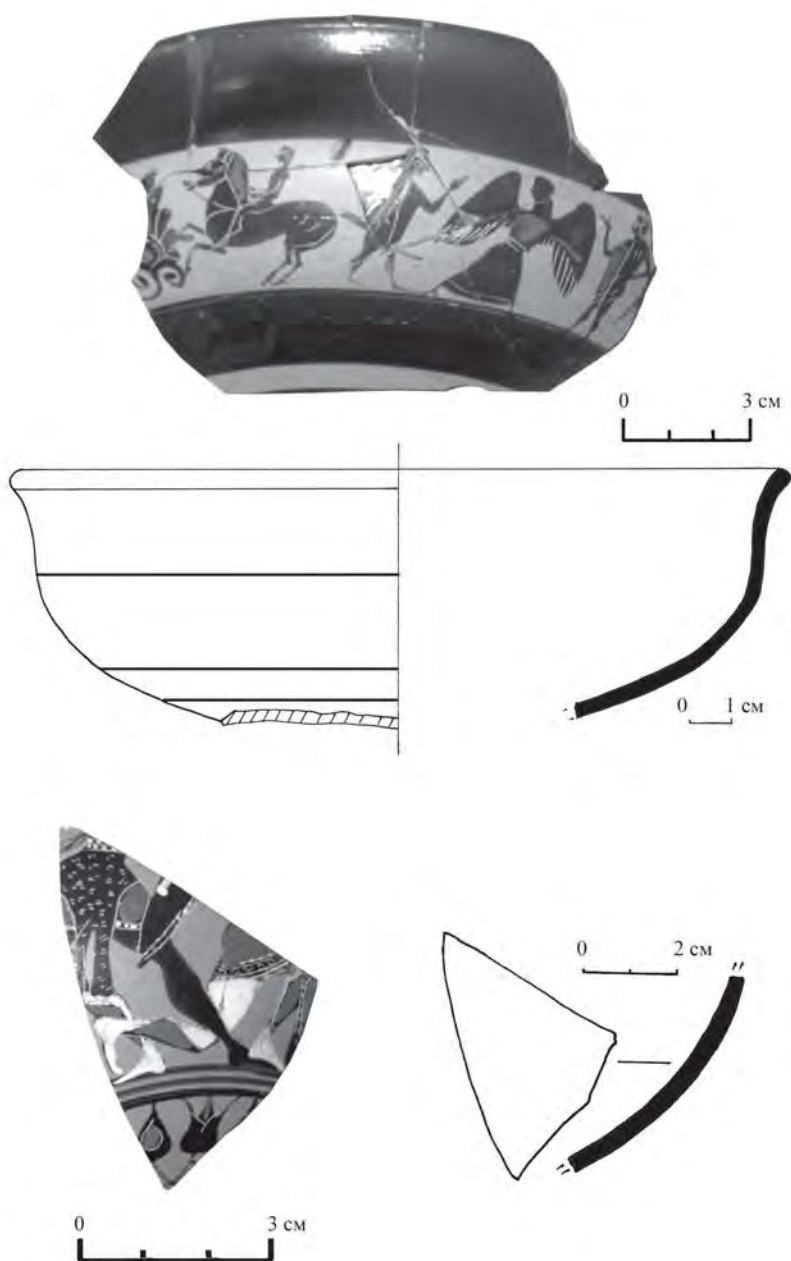

Рис.7. Чернофигурная аттическая керамика из помещения IV СК-XXXIII. 1 – кубок 540-520 гг. до н.э.; 2 - фрагмент кубка последней четверти VI в. до н.э.

Рис.8. Граффити с именем Антес на дне аттического чернолакового килика.

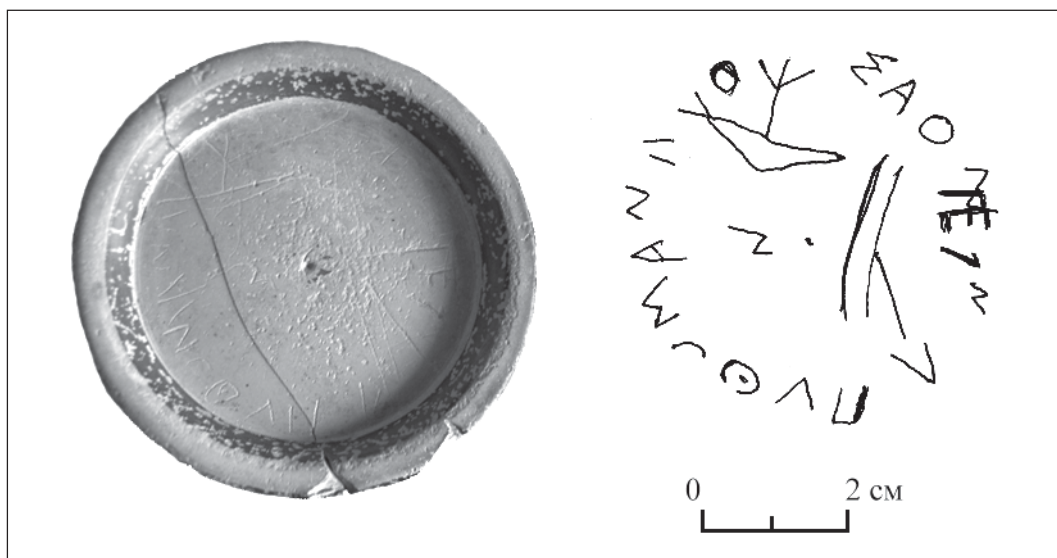

Рис.9. Магическое граффити на остраконе из донца чернолакового аттического килика начала V в. до н.э.

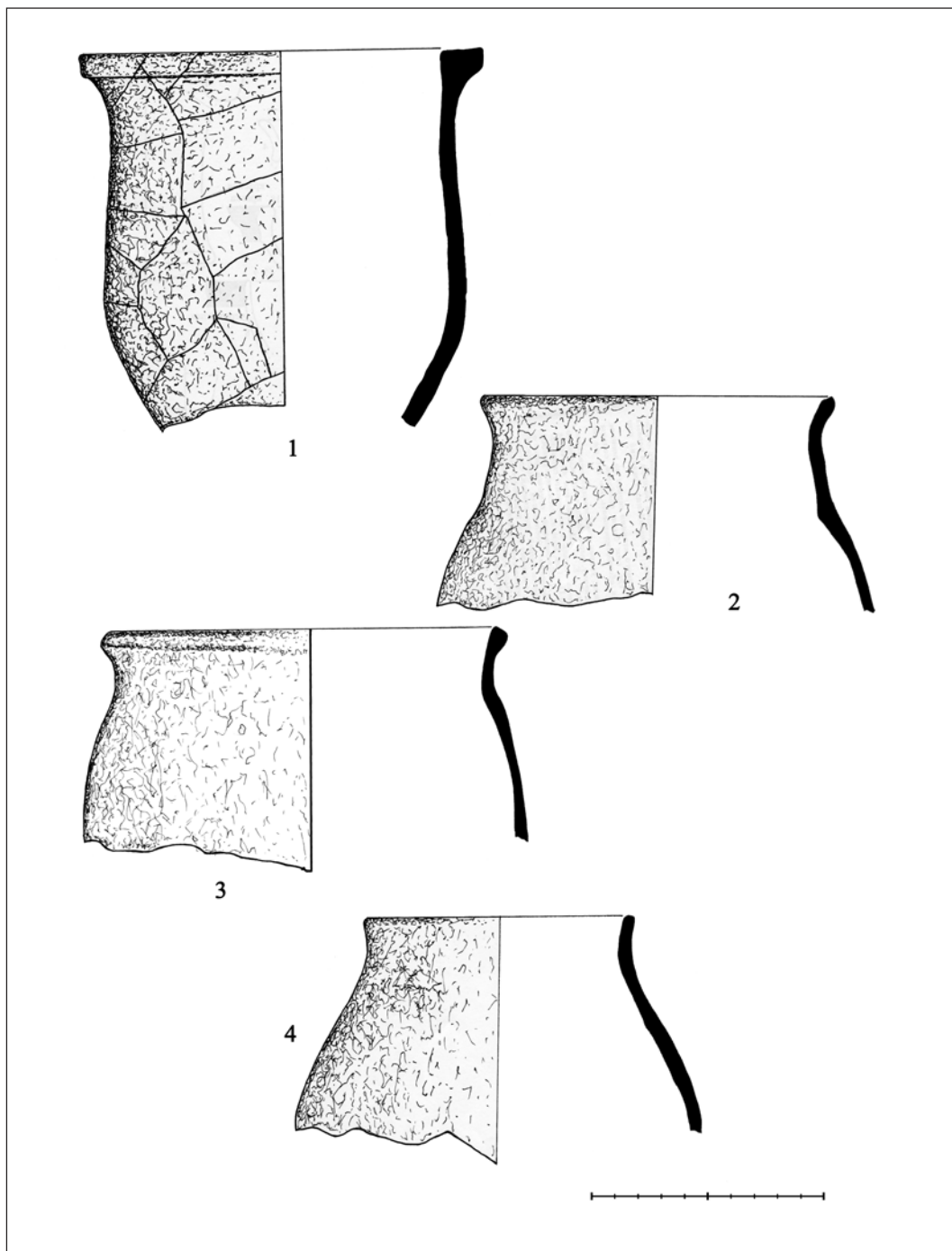

Рис.10. Раскоп XXVI, лепные горшки: 1- тип 1; 2-4 – тип 2. Составил М.А. Котин.

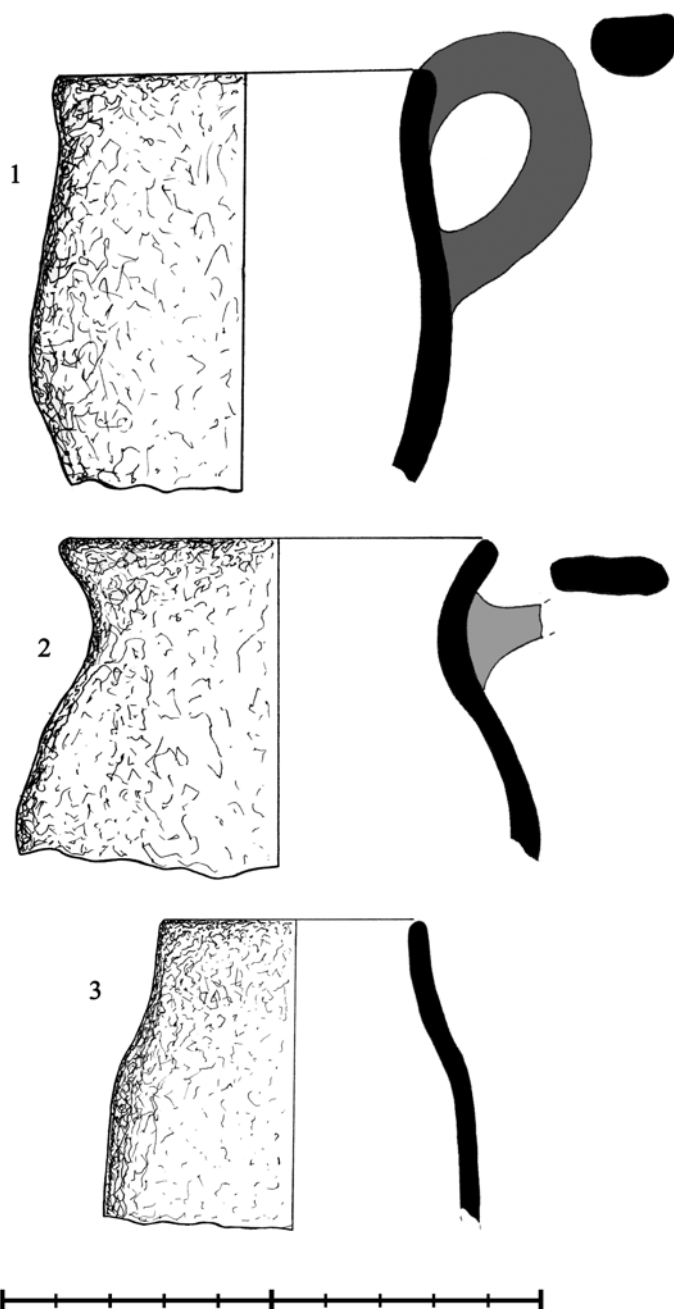

Рис.11. Раскоп XXVI, лепная керамика: 1-2 – кружки; 3 – кубок. Составил М.А. Котин.

Рис.12. Слой пожара конца первой четверти V в. до н.э. в южном борту раскопа XXVI, перекрывающего сырцово-каменную стену помещения 3 СК-XXXIII.

СЕРАЯ ГОНЧАРНАЯ КЕРАМИКА БОСПОРА

(попытка осмысления на фоне Северного Причерноморья)

«Сероглиняная керамика описывалась неоднократно, но считаю, что следует вернуться к этому предмету еще раз».

И.С. Каменецкий

(Боспорский сборник. – Вып. 6. – 1994. – с. 8)

В керамическом комплексе Пантикапея, как и всего Боспора (больших и малых городов, крепостей, сельских поселений, некрополей городов и их сельских округ), среди многочисленной и разнообразной категории простой столовой посуды исследователями уверенно выделяется особая группа находок, а именно – *монохромная серая гончарная керамика* (или сокращенно СГК)¹ – с разной степенью и типами лощения (от светло-серого до граффитового, темно-черного), либо с глазурованным покрытием, отчасти имитирующим лак, а также без лощения и обмазки [Буйских, 2011, с.137]. Весьма часто она повторяет формы красноглиняной керамики [Кругликова, 1957, с. 102-103], что связано со спецификой обжига – серый цвет при производстве обуславливался перекрытием доступа воздуха в гончарную печь, красный, наоборот – его поступлением туда [Книпович, 1934, с. 144-145, 155; Кругликова, 1954, с. 79; 1957, с. 136-137; Ветштейн, 1971, с. 399].

Пропорции, назначение и формы боспорских сероглиняных сосудов достаточно разнообразны (рис 1-9). Прежде всего, это различные типы кувшинов (рис. 2; рис. 6, 5-8; рис. 7, 1-2, 4-5; рис. 8, 4-9), тарелок (рис. 4, 7-11; рис. 8, 10-11) и мисок (рис. 1, 7-8, 10-12; рис. 3; рис. 6, 1-3; рис. 8, 1), а также – блюда (рис. 1, 2-6; рис. 4, 8-10; рис. 8, 2) (часто – рыбные – рис. 1,1; рис 4, 12-15; рис. 5, 5; рис. 6, 4; рис. 7, 12), патеры, ойнохои (рис. 10, I, 1) (в т. ч. мерные – рис. 5, 2-4), кратеры, канфары (рис. 9) (реже – килики), столовые амфоры (рис. 5, 1), гидрии, леканы, пелики (рис. 10, I, 2), корчаги, котелки, лутерии, кальпиды, диносы, ритоны, лагиносы, лекифы, флаконы (рис. 4, 1-6), амфориски, светильники, солонки, чаши и чашечки (рис. 1, 9; рис. 3,7; рис. 8, 3), гуттусы и др. Как правило, боспорская СГК рассматри-

¹ В данной статье речь о сероглиняной керамике Боспора и других античных центров Северного Причерноморья доримского времени. Боспорская сероглиняная керамика первых веков н.э. с характерным лощением и выделяющейся в ней группой сосудов с зооморфными мотивами в силу своей специфики здесь не рассматривается. Она представляет собой особое явление в истории развития керамического комплекса Боспора и может служить предметом специального исследования [См. – Скалон, 1941; Кастанаян, 1951; Кругликова, 1954, с. 93-93; Зеест, 1957; Виноградов В., 1961; Абрамова, 1969; Алексеева, 1997, с. 179-180, 509-520; Котин, 2011].

вается сейчас лишь при общей характеристике вещественного материала публикуемого памятника или групп памятников (рис 6; 7; 8). К сожалению, несмотря на высокий информативный потенциал, в полном классификационном объеме предметно и специально эта группа боспорской керамики не изучалась и до сих пор не имеет сколько-либо основательной типологии форм и их разработанной хронологии. Сведения об указанных выше формах СГК, встречающихся на Боспоре, рассеяны по многочисленной и разнообразной литературе отечественного боспороведения [см., например, Книпович, 1934, с. 154-155; Блаватский, 1951, с. 216, 224; 1951а, с. 214-218; 1962, с. 21-22, 52, 56, 58, 72; Кобылина, 1950, с. 90; 1953, с. 123; Марченко, 1956, с. 114; 1968, с. 32; Сорокина, 1957, с. 20; Кругликова, 1954, с. 82. сл.; 1957, с. 136-137; 1982, с. 126, 131, 137, 143; Капошина, 1959, с. 132. сл.; Худяк, 1962, с. 43-44, 53, 57-58, табл. 37-38; Цветаева, 1966, с. 20; 1969, с. 108; Коровина, 1968, с. 60-61, 71; 1987, с. 23; Сокольский, 1976, с. 98-99, рис. 52-53; Брашинский, 1980, с. 71-73, 138-143, 226-227, 248-249; Гайдукевич, 1981, с. 62, 64, 66; 1987, с. 18, 77, 84; Алексеева, 1982, с. 13-14, 63-64; 1997, с. 197, 492; Соколова, 1986, с. 47-49; Лейпунская, 1986, с. 473-479; Виноградов, 1991, с. 13; Власова, Соловьев, 1998, с. 191-193, 199; Грач, 1999, с. 59-60; Борисковская и др., 1999, с. 56; Ланцов, Труфанов, 1999, с. 164, 172; Зинько, 2002, с. 221, 225, 237; 2003, с. 28, 76, 78, 140-141; 2007, с. 53-54, 134; Соловьев, Шепко, 2006, с. 17, рис. 18, 20; с. 40, 41-45, с. 57, рис. 179; табл. 24, 49, 68, 71, 74, 81, 94, 100, 108, 113, 115, 118; Масленников, 2006, с. 45-49, 139, 140-143; 2007, с. 39-45; Молев, 2010, с. 162-163, 215-216 и др.].

Сероглиняная гончарная керамика использовалась в быту боспорского населения на протяжении всей истории античного Боспора с VI в. до н.э. по III-IV вв. н.э. [Кругликова, 1954, с. 84]. Давно определенная в историографии как собственная продукция керамических мастерских Боспора [Книпович, 1934, с. 144-145, 154-155; Блаватский, 1951а, с. 214, 218-219; Гайдукевич, 1952, с. 201-203; Кругликова, 1954, с. 78, 84; 1957, с. 136-137; Капошина, 1959, с. 132-137; Цветаева, 1966, с. 20], она и сейчас многими исследователями традиционно соотносится с местным, т.е. античным боспорским керамическим производством [см., например, Корпусова, 1983, с. 44; Кастанаян, Арсеньева, 1984, с. 232; Алексеева, 1997, с. 179; Коровина, 1987, с. 23, 2002, с. 36-37]. Это и понятно, т.к. на Боспоре (Пантикапей, Фанагория, Гермонасса, Нимфей и др.) надежно зафиксированы (в первую очередь в виде остатков обжигательных печей) следы значительного керамического производства – причем не только местных амфор и черепицы, но и различных видов простой глиняной посуды [Гайдукевич, 1934; 1934а, с. 215; Кругликова, 1957, с. 99 сл.; Блаватский, 1954, с. 28-29; 1964, с. 66; Цветаева, 1966, с. 17], в т.ч. клейменной [Блаватский, 1957, с. 218-219; Кобылина, 1956, с. 46; Ветштейн, 1971, с. 409; Лейпунская, 1986, с. 477-478].

Вместе с тем, существует и другая точка зрения. Так, например, еще М.М.Худяк, в свое время открывший гончарные печи в Нимфее, по составу глины разделял СГК на местную и привозную [Худяк, 1962, с. 43-44]. И.Т. Кругликова в массиве сероглиняной (с лощением) керамики из раскопок Пантикапея выделяла три группы: 1) греческую привозную посуду; 2) посуду греческих типов, изготовлявшуюся в городах Боспора и 3) посуду, часто подражавшую формам античной, но с использованием пантикапейскими ремесленниками местных (т.е. – варварских) традиций «изготовления посуды и орнаментации» [Кругликова, 1954, с. 84; см. также: Кругликова, 1957, с. 138]. В современной литературе вопрос о местной принадлежности СГК тоже решается неоднозначно. Ряд ученых считает, что характер глиняного теста СГК может указывать на различные центры ее производства [Гаврилов, 2004, с. 72], в том числе как для архаики [Марченко, 1968, с. 32; Онайко, 1980, с. 75], так и для эллинистического периода [Грач, 1999, с. 53] – на восточноточеские мастерские. Другие же убеждены в том, что единого мнения о центрах производства подобной керамики, находимой как на Боспоре, так и в других местах, в науке пока не существует, поэтому датировать и интерпретировать ее очень сложно [Зинько, 2003, с. 28; 2007, с. 53].

В этой связи необходимо привести точку зрения выдающегося исследователя боспорских древностей (и, в частности, керамического комплекса Боспора) – И.Б. Брашинского. Размышляя о месте производства СГК, он подчеркивал, что вопрос об этом «решается порою как будто слишком прямолинейно и упрощенно» [Брашинский, 1980, с. 73]. При том, отмечал исследователь, что такая керамика кроме Пантикапея изготавливалась практически в каждом крупном производственном центре как Северного Причерноморья, так и метрополии, и везде считается их собственной, местной продукцией – «бросается в глаза поразительное сходство ряда типов этой керамики в различных центрах, а часто и особенностей глиняного теста, из которого она изготовлена» [Там же]. Это обстоятельство, по мнению И.Б. Брашинского, сближает боспорскую сероглиняную керамику с ольвийской, западнопонтйской и даже с афинской. «Поэтому, – заключал он, – едва ли будет правильным признание всей простой керамики во всех случаях местной. Она, вне всякого сомнения, служила и предметом «международной торговли» [Брашинский, 1980, с. 73].

По всей вероятности, И.Б.Брашинский был прав. Тем более, что СГК, в принципе, считается общим специфическим явлением, можно сказать – феноменом, присущим всем без исключения основным античным центрам Северного Причерноморья [Кастанаян, Арсеньева, 1984, с. 232; Кравіна, 2007, с. 98], а по большому счету и всего Понтийского бассейна. Последнее было подтверждено недавно на специально посвященной проблемам происхождения, хронологии и типологии понтийской СГК междуна-

родной конференции в Румынии [Lungu, 2009, p. 14 ff.] В этой связи, в плане постановки вопроса о роли и специфике Боспора в контексте решения проблемы феномена греческой сероглиняной керамики представляется целесообразным провести здесь хотя бы краткий сравнительный ретроспективный обзор суждений относительно СГК и по другим регионам Северного Причерноморья в смысле определения этой группы керамики как местной продукции гончарных мастерских или импортной.

Нижнее Поднестровье. Сероглиняную гончарную античную керамику из раскопок Тиры А.И.Фурманская относила к продукции местного производства [Фурманская, 1979, с. 10], следов которого до сих пор, правда, раскопками не обнаружено [Samoilova, Ostapenko, 2009, p. 55]. Т.Л.Самойлова в группе находок столовой посуды из Тиры в свое время выделяла серую (и красную) посуду ольвийского, херсонесского и боспорского производства [Самойлова, Строкин, 1982, с. 142-143; Самойлова, 1988, с. 63-64]. В последней специальной работе, посвященной сероглиняной керамике из Тиры, говорится, что тирская СГК, испытывая ощутимое влияние Ольвии, находит аналогии и во многих других античных центрах Северо-Западного Причерноморья [Samoilova, Ostapenko, 2009, p. 55-57]. Среди обширного комплекса СГК доримского времени из Тиры выделяется также и небольшая группа посуды т.н. дакийского типа [Samoilova, Ostapenko, 2009, p. 58]. Относительно никонийской СГК Н.М.Секерская отмечала, что «сложилась традиция считать сероглиняную керамику местной, однако в Никонии не обнаружено пока никаких следов керамического производства» [Секерская, 1989, с. 82]. Она считала, что поскольку многие сосуды не только по типам и формам, но и по глиняному тесту и характеру обработки находят аналогии в совершенно разных центрах греческого мира, определение никонийской СГК и распределение ее по центрам производства – дело будущего [Там же]. Все же в весьма многочисленной группе СГК из Никония ряд форм исследовательница достаточно уверенно связывала с продукцией малоазийских керамических мастерских [Секерская, 1989, с. 40].

Для рядовых архаических поселений региона (левый берег Днестра и его лимана) С.Б.Охотников отмечает, что происходящая отсюда СГК находит ближайшие аналогии в Истрии и на памятниках фракийского населения Лесостепной Молдовы [Охотников, 1990, с. 23]. В то же время А.И.Мелюкова предполагала, что СГК одного из этих поселений VI-V вв. до н.э. (Надлиманское – III) производилась в Никонии [Мелюкова, 1980, с. 15]. Наиболее близкие аналогии СГК из раскопок другого приднестровского поселения, но уже IV-III вв. до н.э. (Николаевка – II) она находила в Ольвии и городах Западного Понта и, в первую очередь, в Истрии [Мелюкова, 1975, с. 42].

По данным В.А.Хромовой, античная СГК Нижнего Поднестровья включает в себя две основные группы столовой посуды [Хромова, 2008, с. 45-46].

К первой группе, которая по формам тяготеет к СГК, представленной в Ольвии, относится комплекс тирской керамики и керамики прилегающих поселений западного берега Днестровского лимана. Напротив, серая посуда второй группы, куда входят Никоний и античные сельские поселения восточного берега лимана, почти полностью идентична истрийско-фракийским комплексам. Это различие исследовательница объясняет борьбой Ольвии и Истрии за сферы влияния в данном регионе, начиная с колонизационной эпохи [Хромова, 2008, с. 46].

Таким образом, в Нижнем Поднестровье, как видим, Днестровский лиман служит своеобразной границей между двумя основными комплексами СГК. Среди серой кружалной керамики Тиры и античных памятников ее окружения выделяются сосуды различных центров с ощутимым преобладанием влияния и продукции ольвийских мастерских [Самойлова, Строкин, 1982, с. 142-143; Хромова, 2008, с. 46; Samoilova, Ostapenko, 2009, p. 55-57]. В Никонии же и на его хоре по большинству показателей СГК тяготеет к истрийско-фракийским традициям ее производства [Охотников, 1990, с. 23; Хромова, 2008, с. 46], а ряд форм (для периода архаики) связывается с продукцией малоазийских центров [Секерская, 1989, с. 40].

Нижнее Побужье. Рассматривая общие методические (классификационные и хронологические) проблемы изучения красно – и сероглиняной посуды из раскопок архаических комплексов Ольвии, Н.А.Лейпунская писала: «Наиболее вероятным кажется ольвийское происхождение если не всей, то значительной доли «простой» керамики. Отсутствие конкретных данных о местном производстве еще не дает возможности категорически отрицать его, тем более, что вряд ли ольвиополиты при уровне развития транспорта того времени могли полностью обеспечить свое хозяйство импортной посудой» [Лейпунская, 2010, с. 123]. Сразу следует сказать, что такие конкретные данные для Ольвии есть, и ими надежно зафиксировано местное керамическое производство (включая СГК) как для VI-V вв. до н.э. [Буйских, 2006, с. 32; Крапивіна, 2007, с. 98], так и для IV-II вв. до н.э. [Книпович, 1940, с. 131]. Последнее подтверждено и специальными анализами готовых изделий и глин [Кульская, 1940, с. 183; Кульська, 1958, с. 77, 82].

Традиционно и практически единодушно считается, что изготовление своей СГК было налажено в ольвийско-березанском регионе с самого раннего времени [Буйских, 2006, с. 32; 2007, с. 29 (там же и литература); Крапивіна, 2007, с. 105; Лейпунская, 2010, с. 123]. Однако как по ассортименту, так и по формально-типологическим признакам античная серая керамика Березани, Ольвии и поселений ранней хоры находит себе аналогии в керамических комплексах других памятников ионийской колонизации Северо-Западного Причерноморья [Ханенко, 1979, с. 81], в частности, в Истрии, Никонии, Керкинитиде [Буйских, 2007, с. 37-38]. В этой связи предполагается, что на ранних

этапах колонизации Нижнего Побужья СГК (типа *buccheri*) в самой Ольвии не производилась, а либо специально импортировалась из Малой Азии, либо завозилась туда непосредственно греческими колонистами [Буйских, 2006, с. 31; 2007, с. 38]. Местное же производство было налажено несколько позднее – около третьей четверти VI в. до н.э. [Буйских, 2006, с. 32].

Исследователи, как правило, четко отличают именно ольвийскую местную СГК от столовой керамики той же группы других античных центров, в частности, от боспорской [Самойлова, 1988, с. 63-64; Лейпунская, 2010, с. 141]. Более того, они выделяют ее в качестве отдельного явления в истории развития гончарного ремесленного производства Северного Причерноморья [Книпович, 1940, с. 166-168; Зайцева, 1972, с. 95; Парович-Пешикан, 1974, с. 88-90, 96-97], считая Ольвию одним из крупнейших центров производства этой посуды в Северном Причерноморье [Козуб, 1974, с. 101]. Находки СГК, подобной ольвийской на памятниках раннего железного века украино-молдавской Лесостепи и Степи, в большинстве своем также связываются с ольвийско-березанским регионом [Онайко, 1966, с. 29, 47; Смирнова, 1994, с. 186; 1999, с. 47; 2004, с. 418; Бессонова, Скорый, 2001, с. 81-82; Былкова, 2007, с. 51, 58-61, 83; Кубышев, Бессонова, Ковалев, 2009, с. 27-28]. Сероглиняную керамику «ольвийского типа», находимую даже в более отдаленных от Ольвии областях Понта, часто также относят к продукции ольвийских гончарных мастерских [Матиашвили, 1985].

Серая гончарная керамика Ольвии [Крапивина, 1987; 2006; 2007; Буйских, 2006; 2007; Kravivina, Lejpuskaja, 2009; Plyna, 2009; Karjaka, 2010; Лейпунская, 2010] приобрела столь своеобразные черты на основе развитой технологии производства, исходных форм и приемов декора сосудов, получивших распространение в метрополии, а также выработки и внедрения в изготовление посуды своих местных традиций [Буйских, 2007, с. 42]. Ольвийская серая гончарная керамика входила в число наиболее характерных элементов, составлявших основу материальной культуры Ольвии, и являлась одним из массовых, устойчивых и самобытных этнографических признаков, которые определяли культуру и быт сначала ионийских колонистов в Нижнем Побужье, а затем и ольвиополитов [Буйских, 2006, с. 51].

Таким образом, в Нижнем Побужье только для начального этапа греческой колонизации предполагается отнесение СГК из раскопок Березани, Ольвии и хоры к импортной малоазийской (ионийско-эолийской) продукции [Буйских, 2006, с. 31; 2007. С. 38]. Затем же, начиная с 3-й четверти VI в. до н.э., ольвийская СГК традиционно и, не без оснований, относится исключительно к продукции местных гончарных мастерских [Крапивина, 1987; 2007], что подтверждается (включая VI-V вв. до н.э.) их археологически зафиксированными остатками и наличием керамического брака [Буйских, 2006, с. 32;

2007, с. 39], а для IV-II вв. до н.э. и специальными анализами [Книпович, 1940, с. 159; Кульская, 1940, с. 183; Кульська, 1958, с. 77, 82].

Херсонес и его округа. Для Херсонеса рассматриваемая в данной статье категория находок, как отмечают непосредственные исследователи памятника, «и после многих лет масштабных полевых исследований в городе и на хоре до сих пор не получила своего адекватного научного объяснения и интерпретации» [Ушаков, Струкова, 2009, с. 125].

Упоминание о керамике из «местной серой глины» встречается в научной литературе о Херсонесе давно [см., например, Ахмеров, 1946, с. 188-191; Белов, 1948, с. 8-10, 59] и также давно относительно происхождения херсонесской сероглиняной и серолощенной керамики в науке сложились две основные точки зрения. Еще в 1948 г., рассматривая встреченную им при раскопках группу сосудов из серой глины (фрагменты кувшинов, мисок, солонок, рыбных блюд и килика), С.Ф.Стржелецкий совершенно определенно заявил: «Я думаю, что это целиком продукция местного херсонесского производства» [Стржелецкий, 1948, с. 84]. Большую часть столовой посуды классического и эллинистического времени из раскопок Херсонеса относил к местной и Г.Д.Белов [Белов, 1948, с. 58-60; 1950, с. 280; 1962, с. 152-153]. С ним была полностью солидарна и В.В.Борисова [Борисова, 1958, с. 144 сл.; 1966], считавшая надежно установленным факт наличия в Херсонесе собственного производства чернолаковой керамики. Тут следует оговориться, что точка зрения названных исследователей базируется на методически неверном определении одной из групп херсонесской СГК – «с темным покрытием»² не как лощеной, а как чернолаковой посуды³ местного производства, изготовлявшейся в подражание греческому импорту. Однако, как известно, лощение (в сочетании с обмазкой или без нее) и лак по происхождению имеют разную технологическую основу и отождествлять их нельзя [Буйских, 2006, с. 4; Котенко, 2011, с. 69].

Между тем это делается, и, к сожалению, ненамеренная ошибка старой историографии, которую надлежало бы просто откорректировать и исправить, теперь тиражируется и распространяется на сознательном и безапелляционном уровне. Речь идет о цикле работ Т.В.Егоровой [2004; 2006; 2009], в которых исследовательница усиленно отстаивает приоритет херсонесского производства СГК, находимой в Херсонесе. По ее мнению, херсонесская «чернолаковая» (на самом деле «сероглиняная с черным покрытием» – см. Ушаков, Струкова, 2009) керамика изготавливалась по образцам импортной аттической

² Исследователи применяют разные названия для его определения: «специфическое серое покрытие», темно-серый матовый лак», «черный лак», «темно-серая обмазка», «черная глазурь», «матовое покрытие, напоминающее лак», «черное покрытие» и т.п.

³ «Так называемой чернолаковой посуды» – по определению В.Ф.Гайдукевича [1934, с. 111].

кой и малоазийской продукции, но детали форм, местные глины и традиции гончарства значительно отличали ее от первоисточника [Егорова, 2006, с. 17; 2009, с. 66]. Местная СГК, по Т.В.Егоровой, столь своеобразна, что кроме Херсонеса она имеет аналогии только в Ольвии и на поселениях Северо-Западного Крыма, входивших в состав Херсонесского государства [Егорова, 2006, с. 17-18; 2009, с. 66]. Что же касается ольвийской СГК, то Т.В.Егорова упрямо стоит на том, что ряд ее характерных форм (в т.ч. – известные ольвийские рыбные блюда) «производились все-таки в Херсонесе и ошибочно считаются многими учеными ольвийскими» [Егорова, 2009, с. 66]. То, что и она сама, вероятно, может ошибаться, исследовательница просто не допускает. Ее не убеждают в ольвийском происхождении т.н. херсонесской СГК даже анализы глин, зато контраргументация удивительно проста. Цитирую: «А то, что находят в Ольвии в таком количестве, что принимают даже за местное производство, говорит только о значительном экспорте туда Херсонесом своей продукции» [Егорова, 2006, с. 17]. Вот так, не больше и не меньше.

Многолетние наблюдения других ученых над херсонесской СГК позволили прийти к абсолютно иным выводам. Вот, что, например, писал об этой, как он считал, «весьма интересной и достаточно своеобразной группе археологического материала» видный знаток херсонесского керамического комплекса М.И. Золотарев: «Значительный интерес представляют фрагменты сероглиняных сосудов со специфическим серым, а порою черным покрытием, напоминающим черный лак, а может быть его имитирующим. Формы этих сосудов полностью повторяют формы столовой посуды, особенно аттической чернолаковой ... Центр изготовления этого типа керамики не известен. Существующее мнение о том, что сероглиняная керамика является продукцией местных мастеров, на наш взгляд, не выносит критики. Если бы это было так, то тогда во всех северопричерноморских центрах (а сероглиняная керамика с черным покрытием найдена практически на всех памятниках Северного Причерноморья, а также и в Восточном Причерноморье (Пичвари) следовало бы иметь совершенно одинаковые глинища и абсолютно одинаковую технику работы гончаров. Гораздо более обоснованно относить сероглиняную керамику к одному из неизвестных пока нам античных центров, скорее всего – причерноморских. Однако, это вопрос специального исследования ...» [Золотарев, 1988, с. 12, 21]. Далее автор развивает свою мысль, подчеркивая, что «эту керамику нельзя считать местным производством северопричерноморских античных центров, т.к. подобная керамика – обычные находки по всему Причерноморью. Выскажем еще несколько соображений относительно этой керамики. Прежде всего, говоря о формах этих сосудов, следует отметить, что по форме они не отличаются от столовой посуды аттического или ионийского производства. Более того, формы у сосудов совершенно одинаковые. Здесь мы имеем тот же стандартный

набор всевозможных тарелочек, мисочек, солонок, рыбных блюд и даже светильников, которые по форме совершенно аналогичны аттической столовой посуде. Сероглиняные кувшины в точности повторяют формы ионийских сосудов. Здесь можно встретить (как и в ионийской посуде) кувшины с шаровидным туловом и эллипсовидными или двухствольными ручками. Кувшины биконической формы с массивными доньями на кольцевом поддоне, как и сосуды ионийского производства. Горловины этих сосудов раструбовидные с гофрированной поверхностью.

Нам представляется, что наиболее вероятным следует считать сероглиняную столовую посуду из античных памятников Северного Причерноморья производством одного из причерноморских центров и, на наш взгляд, вероятнее всего, Гераклеи Понтийской. Однако такая локализация центра производства носит весьма и весьма предположительный характер. Для окончательного выяснения правильности локализации центра производства сероглиняной керамики необходимо провести специальные сопоставительные анализы глин сероглиняных сосудов с бесспорно гераклейскими изделиями, например, клеймеными амфорами. Не исключено, однако, что положительные результаты могут дать и аналогичные сравнения с глинами ионийских сосудов. Но это все предстоит предпринять при специальном научном изучении сероглиняной керамики, которое нам видится в высшей степени необходимым и своевременным» [Золотарев, 1988, с. 24-25].

Как подчеркивается в литературе: «В Херсонесе сероглиняная керамика с черным покрытием впервые была четко и определенно выделена в Отчетах о раскопках, написанных М.И.Золотаревым, который проводил исследования на разных участках херсонесского городища ...» [Ушаков, Струкова, 2009, с. 125]. К сожалению, в подавляющем большинстве суждения и размышления ученого об интерпретации СГК из раскопок в Херсонесе опубликованы не были, поэтому, учитывая их важность для разрабатываемой нами темы, мы привели здесь столь обширную цитату из отчета М.И.Золотарева за 1988 г. Она дает полное представление о взглядах исследователя, который не разделял мнения о местном производстве херсонесской СГК, полагая, что ее, скорее, следует относить к продукции одного из причерноморских центров, вероятнее всего, Гераклеи.

В работе его ученика – Д.Ю.Коробкова, специально посвященной херсонесской СГК, ее местное происхождение также подвергалось сомнению [см.: Ушаков, Струкова, 2009, с. 125, 127]. Наконец, в одной из последних предметных работ по херсонесской СГК говорится, что кроме Херсонеса «похожая керамика была «местной» и в Ольвии, и на Боспоре ... Сейчас нет сомнения, что эта импортная посуда», которая могла поступать из одного из регионов метрополии – по мнению авторов – скорее всего, из Малой Азии [Ушаков, Струкова, 2009, с. 125, 135-136].

Что касается херсонесских памятников в Западном и Северо-Западном Крыму, то здесь мнения о принадлежности находимой там сероглиняной керамики тоже разделились. Ряд исследователей убежден, что это – характерная ольвийская посуда [Sîeglov, 1987, p. 244; Hannestad et al., 2002, p. 131; Виноградов, 1990, с. 52; Рогов, 2000, с. 272-273], другие находят в ней характерные черты производства СГК не только Ольвии, но и Истрии, и Боспора [Handberg, Stolba, Ušakov, 2009, p. 171-174], наконец, третьи отдают предпочтение ее херсонесскому производству [Коваленко, 1991, с. 23; Ланцов, 1994, с. 81-83; Кутайсов, 2001, с. 79; 2002, с. 142; 2004, с. 110; Егорова, 2004, с. 150].

На наш взгляд, более взвешенный и компромиссный подход к решению проблемы демонстрирует новая генерация. Так, молодая харьковская исследовательница В.В.Котенко, обработав комплекс СГК из раскопок В.В.Латышевой поселения херсонесской хоры Маслины в Северо-Западном Крыму, пришла к выводу, что такая керамика могла поступать сюда как из Херсонеса, так и из Ольвии, причем экспорт последней ввиду полного совпадения форм более предпочтителен [Котенко, 2011, с. 70]. И все же окончательные выводы относительно центра экспорта СГК не только на Маслины, но и в Херсонесское государство вообще можно будет сделать, по мнению В.В.Котенко, только опираясь на данные специальных анализов [Там же, с. 70], в чем мы полностью солидарны с автором.

Как видим, среди исследователей Херсонеса единого мнения относительно интерпретации СГК из его раскопок не существует. Одни из них считают, что это исключительно местная посуда, причем ошибочно включают в нее и керамику, с полным основанием ранее интерпретировавшуюся в литературе как ольвийскую СГК [Егорова, 2006, с. 17; 2009, с. 66]. Другие же более склонны заносить СГК в разряд импортной, поставлявшейся в Херсонес и на его хору либо из Ольвии [Виноградов, 1990, с. 52; Рогов, 2000, с. 272-273; Котенко, 2011, с. 70], либо, кроме Ольвии, еще из Истрии и с Боспора [Handberg, Stolba, Ušakov, 2009, p. 174], либо из южнопонтийско-малозападного региона [Золотарев, 1988, с. 24; Ушаков, Струкова, 2009, с. 135-136].

Варварский хинтерланд. Проблема появления и распространения СГК, начиная с архаического времени, на варварских памятниках украинской Лесостепи, в т.ч. в Поднепровье, Побужье, Поднестровье, а также в Подолии, Буковине и далее – Добрудже, Трансильвании, Венгрии, Словакии, Румынии и Болгарии составляет отдельную тему исследования [см., например, Мирчев, 1962; Čičikova, 1963; 2004; Dushek, 1971; Alexandrescu, 1977; Simion, 1985; 2003; Romsauer, 1991; Romsauer, Pieta, 1992; Cochowski, 1996; Levitski, Kashuba, 2009; Daragan, 2009]. Исходя из целей нашей статьи, не уходя далеко за границы избранной территории и глубоко не погружаясь в обширную зарубежную историографию по теме, приведем здесь вкратце основные точки зрения относительно феномена СГК в варварской среде, бытующие

в историографии отечественной. Признавая фактор греческой колонизации решающим в вопросах распространения как изделий из СГК, так и технологии ее производства в среде варварских племен, исследователи, тем не менее, склонны по разному оценивать пути и особенно формы ее попадания туда.

Многие, например, считают, что в варварскую среду шел прямой импорт СГК из Ольвии и (или) Березани [Онайко, 1966, с. 29, 47; 1970, с. 19; Бессонова, Скорый, 2001, с. 81; Буйских, 2006, с. 32; 2007, с. 30; Былкова, 2007, с. 60-61; Кубышев, Бессонова, Ковалев, 2009, с. 27-28; Задніков, Гавриш, 2001, с.106] и (или) из Истрии [Бруяко, 1992, с. 20; 2004, с. 219-220]. Другие придерживаются мнения, что только часть импорта поступала из греческих гончарных мастерских Северного Причерноморья (Ольвия, Боспор), другая же часть – шла из Фракии [Петренко, 1967, с. 12-13, 23-24], а, возможно, и полностью из Фракии [Петренко, 1967, с. 12; Шрамко, 1998, с. 125]. По мнению И.В.Бруяко, нельзя всю без исключения СГК на варварских памятниках Восточной Европы считать продуктом греческого импорта, однако трудно предполагать для них и совершенно автономное происхождение там своей СГК [Бруяко, 1992, с. 20].

В литературе существует также точка зрения, согласно которой речь должна идти не об импорте, а только о заимствовании и усвоении в варварской среде основ технологии античного гончарства (и в т.ч. производства сероглиняной керамики) и осуществлении затем варварскими мастерами своего собственного производства [Смирнова, 1994, с. 186; 1999, с. 55-56; 2004, с. 418; Кашуба, Левицкий, 2009, с. 249]. Как вариант – выдвинута и версия о передаче технологии серой гончарной посуды не только через греков-колонистов, но также и через собственно варварскую среду – из Восточных Балкан через Добруджу и Восточно-Карпатский регион в Среднее Поднестровье [Бруяко, 1992, с. 20; Смирнова, 1999, с. 56; Кашуба, Левицкий, 2009, с. 257].

Наконец, М.Ю.Вахтиной, сомневающейся в возможности заимствования варварами в архаическое время гончарного круга у греков, высказано весьма остроумное соображение, объясняющее распространение СГК в лесостепной полосе Северо-Западного Причерноморья. На ее взгляд, при решении этого вопроса необходимо учитывать необычайную подвижность греческих мастеров, в силу чего на территории варварских поселений могла существовать сеть «небольших греческих керамических мастерских, производивших простую столовую посуду» [Вахтина, 2004, с. 57].

Таким образом, в отношении СГК, находимой на памятниках варварско-го хинтерланда, преобладающей является точка зрения, согласно которой импорт непосредственно ее или технологии ее производства в варварскую среду так или иначе был связан с греческой колонизацией и появлением на побережье Черного моря античных центров (Березань, Ольвия, Истрия, Боспор) и началом функционирования их гончарных мастерских [Бруяко,

1992; Смирнова, 1999, с. 54-55; Кашуба, Левицкий, 2009, с. 249, 257]. Активная деятельность этих мастерских, часть из которых могла размещаться непосредственно на территории варварских поселений [Вахтина, 2004, с. 57], и привела к распространению СГК в варварской среде Поднепровья, Побужья и Поднестровья.

Теперь кратко рассмотрим оценку присутствия СГК в комплексах варварских памятников, расположенных территориально ближе к Боспору. Так, Т.Н.Книпович в группе тонкостенной (красно- и сероглиняной) керамики из раскопок известного Елизаветовского городища видела «продукцию мастерских Боспорского царства, скорее всего, пантикапейских» [Книпович, 1934, с. 145]. По ее мнению, «первым доводом за это является характер глины этих сосудов, крайне сходной с глиной многочисленных изделий, найденных в Пантикапее и прилегающей к нему области» [Там же].⁴ И.Б.Зеест же, напротив, всю столовую посуду Елизаветовского городища и, в первую очередь, сероглиняную считала местной (варварской) керамической продукцией, которая несла на себе черты сильной эллинизации, сочетавшейся «с ярко выраженными местными особенностями керамики Прикубанья» [Зеест, 1951, с. 113].

Именно Елизаветовку местом производства меотских сероглиняных блюд считал Н.В.Анфимов [Анфимов, 1986, с. 129]. Еще раньше к продукции местных гончарных мастерских относил простую гончарную сероглиняную керамику из Елизаветовского могильника В.П.Шилов [1959, с. 24]. Ю.С. Крушкол в этой связи писала: «Находка обжигательных печей на Елизаветинском городище говорит о производстве местной сероглиняной керамики. Изготавливались сероглиняные чаши, местные сосуды в виде высоких чашек, сероглиняные канфары ...» [Крушкол, 1971, с. 131]. По И.Брашинскому, однако, оснований для таких заключений нет, т.к. елизаветовская СГК находит прямые параллели (не только по типам и формам, но и по особенностям глины и характера обработки) в материалах не варварских памятников, а Боспора и других греческих центров [Брашинский, 1980, с. 67-68].

Сероглиняную гончарную керамику, имевшую хождение в меото-сарматской среде Восточного Приазовья и Прикубанья, Н.В.Анфимов считал работой местных варварских мастеров [Анфимов, 1951, с. 206]. Он указывал, что на рубеже V-IV вв. до н.э. под воздействием античной культуры в оседлой варварской среде распространяется гончарный круг, а вместе с ним и традиция изготовления сероглиняной керамики, которая, начиная с этого времени, становится типичной для меотов [Анфимов, 1986, с. 125]. По его мнению,

⁴ Как известно, И.Т.Кругликова отмечала, что «особенно много для изучения местного керамического ремесла сделала Т.Н.Книпович. Она первая поставила вопрос о возможности выделения керамики пантикапейского производства» [Кругликова, 1957, с. 97].

СГК изготовлялась на всех крупных меотских городищах, была многочисленна и разнообразна по форме (кувшины, чашки, канфары, пелики, миски, рыбные блюда и др.) (рис. 10) и развивалась под ощутимым влиянием античного (боспорского) ремесла. [Анфимов, 1986, с. 125, 129]. В то же время «это влияние, – отмечал он, – выражается не в рабском копировании античных образцов, а в переработке их, приноровленной к местным вкусам и образу жизни» [Анфимов, 1951, с. 190],⁵ поэтому он считал меотскую СГК в основе своей – самобытной [Анфимов, 1986, с. 125].

Сероглиняную керамику меотского могильника у ст. Пашковской на правобережье р. Кубани К.Ф.Смирнов не только по форме, но и по глине находил «очень близкой» и «тесно связанной» с сероглиняной керамикой Елизаветовского городища [Смирнов, 1958, с. 302-303], считая, что многие сосуды Пашковского могильника были изготовлены елизаветовскими гончарами. Он, в частности, писал: «Определенная зависимость гончарной лощеной посуды от боспорского гончарного производства сказывается в довольно многих формах, представляющих собой сильно переработанные на свой манер реплики греческой, точнее – боспорской посуды» [Смирнов, 1958, с. 302] (см. рис. 10).

Античное влияние на керамический комплекс меотов отмечал и И.С. Каменецкий [Каменецкий, 1987], но не преувеличивал его. Он считал, что сероглиняная керамика получила широкую известность у меотов, начиная примерно с начала среднемеотского времени (V-IV вв. до н.э.) и имела хождение по III в. н.э. включительно [Каменецкий, 1989, с. 235, 239, 240, 247] как продукция «местного производства» [Каменецкий, 1994, с. 8; 1998, с. 200]. По его мнению, СГК меотов «является выразительным признаком их культуры», и она по качеству равноценна греческой простой кружальной посуде [Каменецкий, 1994, с. 8].

Наличие собственного керамического производства у меотов подтверждают находки остатков гончарных печей [Анфимов Н, 1973, с. 109; Анфимов И, 1985, с. 68; Раев, 2011], в т.ч. с остатками сероглиняной продукции и браком ее производства [Каменецкий, 1994, с. 8]. По И.С.Каменецкому, в разных районах расселения меотов СГК имела свои особенности в технологии изготовления – так, например, керамика Кубани отличалась от керамики Дона

⁵ Любопытно отметить, что, рассматривая комплекс сероглиняной посуды античного Лузановского поселения IV-III вв. до н.э., расположенного на берегу Одесского залива (т.е. совершенно в другой части Северного Причерноморья), В.И.Таганова аналогии сероглиняным мискам отсюда нашла именно на Северном Кавказе, ссылаясь на материалы Н.В.Анфимова [Таганова, 1957, с. 81]. Не удивительно в этой связи, что И.Т.Кругликова отмечала большое количество одинаковых типов простой столовой керамики в Пантикапее и у кавказских племен [Кругликова, 1954, с. 113]. В свою очередь Е.М.Алексеева находила в серолощенной керамике из Горгиппии очевидные «северокавказские влияния» [Алексеева, 1997, с. 179].

[Каменецкий, 1994, с. 8]. Кроме того, грань между сероглиняной и красноглиняной керамикой, находимой на меотских памятниках, часто стирается. «На Дону, – пишет И.С.Каменецкий, – это полностью дискретные группы: серо-лощеная керамика местного производства, а вся красноглиняная ... является привозной из античных центров» [Там же].

Сероглиняная меотская керамика служила важным предметом торговли и довольно часто встречается в сарматских могильниках Поволжья и Северного Кавказа [Каменецкий, 1994, с. 8]. Вместе со своей керамикой, занимаясь транзитной торговлей, меоты могли распространять и греческую (в т.ч. боспорскую) продукцию [Каменецкий, 1989, с. 248]. В целом, в прилегающих к Боспору регионах – Приазовье, Прикубанье⁶ и Подонье меотская сероглиняная керамика (кувшины, блюда, миски, канфары и др.) была близка античным образцам [Анфимов, 1986, с. 125 сл.]. Что же касается более отдаленных от Боспора территорий, где у местных варварских племен также были сильны традиции производства СГК, а это, в первую очередь, Центральное Предкавказье-Северный Кавказ, то здесь сероглиняная керамика (прежде всего, кувшины) была совершенно особой, непохожей на античную [Абрамова, 1993, с. 39]. По мнению М.П.Абрамовой, керамическое производство этого региона в последние века до н.э. - первые века н.э. испытало значительное влияние Кавказской Албании «с ее высокоразвитым керамическим производством, отличающимся своеобразием форм и высоким качеством выполнения керамики» [Абрамова, 1979, с. 44].

* * *

Подведем некоторые итоги. На основе анализа имеющихся в литературе данных мы приходим к выводу, что боспорскую сероглиняную керамику, начиная с позднеархаического времени, можно классифицировать как продукцию местного керамического производства. При этом в массиве этой группы столовой посуды нельзя отрицать и возможность присутствия продукции других (пока, как правило, неподдающихся точному определению) центров. Наше заключение до проведения соответствующих анализов, естественно, носит предварительный характер. Окончательно не решенными остаются вопросы происхождения СГК (свое производство или обширные и регулярные поставки извне?) и для ряда других античных центров Северного Причерноморья, в частности, для Тиры и Никония. Исключение в этом отношении составляет, быть может, только Ольвия. Особенно остро эта проблема стоит для Херсонеса, в историографии которого наблюдается наибольший разброс мнений относительно происхождения серой херсонесской керамики.

⁶ К сожалению, для нас осталась недоступной следующая работа: Беглова Е.А. Керамика Закубанья VI-IV вв. до н.э. как исторический источник. – Автореф. дис... канд. ист. наук., М., 1995.

Что же касается Боспора, то, на наш взгляд, помимо специфических признаков боспорских глин и глиняного теста [Кругликова, 1957, с. 102-103, 118, 121, 125, 128; Капошина, 1959, с. 132-133], характерных для боспорской СГК (принимая во внимание содержащиеся в них примеси, включения, вкрапления, а также – цвет, структуру, характер выделки, промешанность, чистоту, плотность, твердость и т.д.), ее отнесение к местной может дополнительно объясняться еще относительной массовостью ее находок, разнообразием форм сосудов (как повторяющих основные исходные формы сероглиняных сосудов метрополии, так и сугубо местных) и полифункциональностью их применения. Изделия из СГК встречаются как в жилищно-хозяйственных (рис. 1-4; рис. 5, 1,5; рис. 6-7; рис. 9,5) и фортификационных (рис. 9,6) комплексах Боспора, так и при исследовании объектов сакрального назначения (рис. 8; рис. 9, 3-4) и погребальных (рис. 5, 2-4; рис. 9, 1-2) памятников. Вероятно, как и для Ольвии [Буйских, 2006, с. 51] серая гончарная керамика Боспора может считаться одним из наиболее характерных элементов, составляющих основу его материальной культуры и служить (естественно, в соответствующем контексте) надежным этнопоказателем греческого населения региона.

В принципе, на сегодняшний день мы можем, хотя и предположительно, но уверенно, говорить о том, что в течение достаточно продолжительного периода Боспор не только был в состоянии полностью обеспечивать себя сероглиняной гончарной продукцией, но и мог поставлять ее в другие античные центры (в частности, в Тиру) и к племенам ближнего (Степь), а, возможно, и дальнего (Лесостепь) варварского окружения.

Кроме того, нельзя, видимо, отрицать тот факт, что передовое в технологическом отношении керамическое производство Боспора могло сыграть решающую роль в распространении гончарного круга у окружающих его оседлых варварских племен и способствовать появлению у них традиции изготовления серой кружалной керамики. Следует учитывать и то, что, очевидно, имел место и продуктивный обратный процесс. Если в Северо-Западном Причерноморье в СГК античных центров прослеживаются фрако-дакийские влияния, то на Боспоре, безусловно, можно говорить об определенном влиянии на местную греческую СГК – меотских, или шире – северокавказских традиций [Кругликова, 1954, с. 84, 113; 1957, с. 138; Алексеева, 1991, с. 10-11; 1997, с. 179].

Вероятно, именно сплав основ ремесленной гончарной технологии метрополии, выработанных местных боспорских (пантикапейских, фанагорийских, нимфейских и др.) традиций производства керамики и полезных заимствований из гончарной практики мастеров окружающей варварской среды сказался на своеобразии местной керамической продукции Боспора в целом и выделке одной из массовых номенклатурных ее категорий, а именно – сероглиняной керамики, в частности [Кругликова, 1954, с. 84; 1957, с. 138]. В этой связи нужно сказать, что ярким примером такого сплава следует на-

звать сероглиняные канфары (рис. 9), своеобразные формы которых позволяют считать их либо чисто боспорскими, либо такими, что были характерны преимущественно для Боспора [Кругликова, 1957, с. 130-131]. Эти столовые сосуды – кубки имели широкое распространение как в греческих боспорских центрах, так и среди многочисленного и разноплеменного варварского окружения Боспора [Зеест, 1951, с. 113; Кругликова, 1957, с. 130-131; Круш-кол, 1971, с. 131; Анфимов, 1951, с. 172 сл.; 1986, с. 127; Каменецкий, 1989, с. 235, 239; Ланцов, Труфанов, 1999, с. 164, 172, рис. 4, 9; Зинько, 2002, с. 225, 227 (рис. 6, 4-5); 2003, с. 140, рис. 85; Масленников, 2006, с. 45, 47; 2007, с. 39-42; Лимберис, Марченко, 1999; 2011].⁷

Но, это частности. Говорить же о вещах более основательных и глубоких, а именно: о четком выделении СГК в качестве надежного показателя внешних торгово-ремесленных контактов Боспора с метрополией, с другими античными центрами Причерноморья, с различными варварскими племенами, а также о существовании между ними взаимобмена гончарной продукцией, технологическими идеями, приемами, навыками, новшествами, а возможно, и мастерами (как греческими, так и варварскими), или школами мастеров – без проведения специальных анализов – трудно. Пока мы это можем только предполагать. В силу этого роль Боспора в контексте феномена сероглиняной гончарной общепонтийской (и, более того, – общегреческой) керамики еще предстоит выяснить. Наше обращение к этой теме имело целью лишь привлечь к ней заинтересованное внимание исследователей. Настоящая же разработка проблемы составляет актуальную задачу проведения будущих исследований. Для придания им большей эффективности, они, безусловно, должны носить комплексный и междисциплинарный характер.

Как и для других античных центров Северного Причерноморья [Ушаков, Струкова, 2009, с. 138] контрапунктом решения этой задачи для Боспора должен стать ключевой вопрос – заключался феномен СГК (особенно для раннего периода) в синхронном и широком импорте этой группы столовой посуды из какого-то мощного керамического центра (или центров) метрополии в северо-

⁷ Заметим, что форма канфара как одного из наиболее распространенных видов столовой посуды была столь популярна на Боспоре, что его изображение, как известно, было выбрано в качестве клейма для мерных сероглиняных сосудов (рис. 5, 2) фанагорийского производства [Блаватский, 1951а, с. 218; Кобылина, 1956, с. 46; Кругликова, 1957, с. 99].

Форма канфара, заимствованная у боспорских греков, была достаточно продолжительное время в ходу и у меотов [Анфимов, 1986, с. 127-128]. Причем настолько, что, по мнению Н.Ю. Лимберис и И.И. Марченко, разработавших современную типологию и хронологию этих сероглиняных кубков меотского производства, канфар «вполне можно назвать визитной карточкой меотской культуры Прикубанья» [Лимберис, Марченко, 1999, с. 238].

«Незнакомый, - пишут они, - и, казалось бы, чуждый местам тип сосуда, благодаря мастерству и фантазии гончаров, приобрел в конечном счете лаконичную форму, не только востребованную в быту, но и незаменимую в погребальном обряде на протяжении трех столетий» [Лимберис, Марченко, 2011, с. 309].

понтийские полисы, либо появление СГК в Северном Причерноморье (как на греческих, так и на варварских памятниках) является уникальным для античности примером достаточно быстрого распространения на значительной территории хорошо налаженной технологии производства керамики столь специфического облика, формы, цвета и стиля и столь же быстрого освоения ее местными гончарными мастерскими. Возможно, это действительно было связано с «необычайной подвижностью» греческих гончаров-профессионалов [Вахтина, 2004, с. 57], часть из которых вела странствующий образ жизни и, мобильно передвигаясь в пространстве, могла быстро и качественно налаживать производственный керамический процесс как в новооснованном прибрежном греческом полисе, так и в иноэтничной среде отдаленного варварского поселка.

«Сероглиняная керамика описывалась неоднократно, но считаю, что следует вернуться к этому предмету еще раз», – слова И.С.Каменецкого [1994, с. 8], выбранные мною в качестве эпиграфа к данной статье, я привел здесь еще раз для того, чтобы подчеркнуть — к «этому предмету» необходимо будет возвращаться еще много раз, т.к. феномен СГК Северного Причерноморья определенно заслуживает постоянного внимания. Сказать же сейчас, что он полностью исследован и ясен – значит погрешить против истины. Вот и проходившая не столь давно в Румынии (2008) предметно-тематическая конференция «Pontic Grey Wares», как представляется, поставила больше вопросов в отношении проблемы происхождения, хронологии и типологии СГК, чем смогла дать на них ответов. Однако, безусловно, отрадно уже то, что она была организована и проведена, собрав вместе ведущих специалистов по «этому предмету» из Румынии, Болгарии, Чехии, Франции, Украины, Молдовы, России, Греции, Италии, Турции, Дании, доклады которых не только о заявленной в названии конференции понтийской СГК, но и о серой керамике восточнотрапезских центров и Великой Греции были впоследствии опубликованы в отдельном томе [Avram et al., 2009].

Поразительно лишь то, что в программе конференции практически отсутствовали как имена исследователей-боспороведов, так и (за весьма скромным исключением) сами исследования, посвященные боспорской СГК. Впрочем, одна из статей сборника материалов конференции, в которой шла речь о серой керамике Херсонеса и его окружи, заканчивалась констатацией факта необходимости сравнения херсонесской СГК с боспорской сероглиняной керамикой и выражением надежды на публикацию последней в будущем [Handberg, Stolba, Ušakow, 2009, p. 174]. К этой надежде я готов полностью присоединиться.

ЛИТЕРАТУРА

- Абрамова М.П. О керамике с зооморфными ручками //СА. – 1969. – № 2. – с. 69-84.
Абрамова М.П. К вопросу о связях населения Северного Кавказа сарматского времени // СА. – 1979. – № 2. – с. 31-50.

- Абрамова М.П. Центральное Предкавказье в сарматское время (III в. до н.э. – IV в. н.э.). М., 1993.
- Алексеева Е.М. Юго-восточная часть некрополя Горгиппии // Горгиппия-Краснодар, – 1982. – Т. II. – с. 5-116.
- Алексеева Е.М. Греческая колонизация Северо-Западного Кавказа. М., 1991.
- Алексеева Е.М. Античный город Горгиппия. М., 1997.
- Анфимов И.Н. Об этнических процессах на Средней Кубани в I в. до н.э.- III в. н.э. // Проблемы археологии и этнографии. – Вып. III. – Л., 1985. – с. 64-70.
- Анфимов Н.В. Меото-сарматский могильник у станицы Усть-Лабинской // МИА. – 1951. – № 23. – с. 155-207.
- Анфимов Н.В. Раскопки на правом берегу р. Кубани // АО 1972 г. – М., 1973. – с. 109-110.
- Анфимов Н.В. Античное влияние в меотской керамике // Проблемы античной культуры. – М., 1986. – с. 125-129.
- Ахмеров Р.Б. Обзор керамических мастерских эллинистического Херсонеса. // ВДИ. – 1946. – № 2. – с. 188-191.
- Белов Г.Д. Херсонес Таврический. Историко-археологический очерк. – Л., 1948.
- Белов Г.Д. Некрополь Херсонеса классической эпохи // СА. – 1950. – № 13. – с. 272-284.
- Белов Г.Д. Эллинистический дом в Херсонесе // ТГЭ. – Л., 1962. – Т. VII. – с. 143-183.
- Бессонова С.С., Скорый С.А. Мотронинское городище скифской эпохи. – Киев; Краков. – 2001.
- Блаватский В.Д. Раскопки Пантикапея // КСИИМК. – 1951. – Вып. XXXVII. – с. 212-227.
- Блаватский В.Д. Раскопки некрополя Фанагории 1938, 1939 и 1940 гг. // МИА. – 1951а. – № 19. – с. 189-226.
- Блаватский В.Д. Архаический Боспор // МИА. – 1954. – № 33. – с. 7-44.
- Блаватский В.Д. Отчет о раскопках Пантикапея в 1945-1949, 1952 и 1953 гг. // МИА. – 1962. – № 103. – с. 6-85.
- Блаватский В.Д. Пантикапей. Очерки истории столицы Боспора. – М., – 1964.
- Борисовская С.П., Власова Е.В., Гаген Л.П., Гилевич А.М. и др. Древний город Нимфей. Каталог выставки. – СПб. – ГЭ. – 1999.
- Борисова В.В. Гончарные мастерские Херсонеса // СА. – 1958. – № 4. – с. 144-153.
- Борисова В.В. Керамическое производство античного Херсонеса (По материалам эргастериев конца IV-II вв. до н.э.). Автореф. канд. дисс. ист. наук. – Л., 1966.
- Брашинский И.Б. Греческий керамический импорт в V-III вв. до н.э. на Нижнем Дону. – Л., 1980.
- Бруяко И.В. Причерноморье и Прикарпатье в раннескифскую эпоху. (К проблеме взаимных контактов на примере серой гончарной керамики) // Киммерийцы и скифы. – Мелитополь. – 1992. – с. 19-20.
- Бруяко И.В. Формирование фракийской «диаспоры» в Нижнем Побужье в архаическую эпоху // БФ. – Ч. II. – СПб. – 2004. – с. 217-221.
- Буйских С.Б. Серая керамика как этнопоказатель греческого населения Нижнего Побужья в VI-I вв. до н.э. // БИ. – Вып. XI. – Симферополь-Керчь. – 2006. – с. 28-57.
- Буйских С.Б. Серая гончарная керамика Ольвии и ее хоры VI-I вв. до н.э. (Историографический аспект) // ЕΥΧΑΡΙΣΤΗΡΙΟΝ. – СПб., 2007. – с. 28-44.
- Буйских С.Б. Боспор в контексте феномена сероглиняной гончарной керамики // БФ. – СПб., 2011. – с. 137-143.
- Былкова В.П. Нижнее Поднепровье в античную эпоху. (По материалам раскопок поселений). – Херсон, 2007.
- Вахтина М.Ю. Греческая архаическая столовая керамика в варварских памятниках Северного Причерноморья: время и пути распространения // БЧ. – Вып. V. – Керчь, – 2004. с. 54-58.
- Ветиштейн Р.І. Гончарне виробництво античних держав Північного Причорномор'я // Археологія УРСР. – Т. II. – К., 1971. – с. 399-417.
- Виноградов В.Б. К вопросу об изображении животных на сарматской керамике // Археологический сборник. – М., 1961. – с. 32-46.

- Виноградов Ю.А.* Ранние комплексы Мирмекия // Вопросы истории и археологии Боспора. – Воронеж-Белгород, 1991. – с. 12-19.
- Виноградов Ю.Г.* Ольвиополиты в Северо-Западной Таврике // Древнее Причерноморье. – Одесса, 1990. – с. 51-64.
- Власова Е.В., Соловьев С.Л.* Новые исследования хоры и некрополя Нимфея: 1992-1998 // АВ. – 1996-1997. – № 5. – СПб., 1998. – с. 187-204.
- Гаврилов А.В.* Округа античной Феодосии. – Симферополь, 2004.
- Гайдукевич В.Ф.* Античные керамические обжигательные печи. По раскопкам в Керчи и Фанагории в 1929-1931 гг. // ИГАИМК. – Вып. 80. – М.-Л., – 1934.
- Гайдукевич В.Ф.* Строительные керамические материалы Боспора. Боспорские черепицы // ИГАИМК. – Вып. 104. – М.-Л., – 1934а. – с. 211-315.
- Гайдукевич В.Ф.* Раскопки Мирмекия в 1935-1938 гг. // МИА. – 1952. – № 25. – с. 135-220.
- Гайдукевич В.Ф.* Боспорские города. (Уступчатые склепы. Эллинистическая усадьба. Илурат). – Л., 1981.
- Гайдукевич В.Ф.* Античные города Боспора: Мирмекий. Л., 1987.
- Грач Н.Л.* Некрополь Нимфея. – СПб. – 1999.
- Егорова Т.В.* Чернолаковая керамика из некрополя у поселка Заозерное // БФ. – Ч. I. – СПб., 2004. – с. 143-152.
- Егорова Т.В.* Чернолаковая керамика IV-II вв. до н.э. с памятников Северо-Западного Крыма. Автореф. дисс. канд. ист. наук. – М., 2006.
- Егорова Т.В.* Чернолаковая керамика IV-II вв. до н.э. с памятников Северо-Западного Крыма. – М., 2009.
- Задніков С.А., Гавриш П.Я.* Антична кераміка в матеріалах зольника 7 західного укріплення Більшого городища // Археологія. – 2011. - № 3 – с.101-109.
- Зайцева К.И.* Кубки V-IV вв. до н.э. из Ольвии // ТГЭ. – 1972. – Т. 13. – с. 90-97.
- Зеест И.Б.* К вопросу о внутренней торговле Прикубанья с Фанагорией // МИА. – 1951. – № 19. – с. 107-118.
- Зеест И.Б.* Пантикапейская керамика сарматского времени // МИА. – 1957. – № 56. – с. 139-159.
- Зинько В.Н.* Новый грунтовый могильник на хоре Нимфея // БИ. – Вып. II. – Симферополь-Керчь, 2002. – с. 219-248.
- Зинько В.Н.* Хора боспорского города Нимфея // БИ. – Вып. IV. – Симферополь-Керчь, 2003.
- Зинько В.Н.* Хора городов европейского побережья Боспора Киммерийского (VI-I вв. до н.э.) // БИ. – Вып. XV. – Симферополь-Керчь, 2007.
- Золотарев М.И.* Отчет о раскопках в северо-восточном районе Херсонеса в 1988 г. // НАИА НАНУ. 1988/49, ф.е., № 23036.
- Каменецкий И.С.* Античные влияния на керамику донских меотов // Античная цивилизация и варварский мир в Подонье-Приазовье. (Тез. докл. к семинару). – Новочеркасск, 1987.
- Каменецкий И.С.* Меоты и другие племена Северо-Западного Кавказа в VII в. до н.э. – III в. н.э. // Степи европейской части СССР в скифо-сарматское время. – М., 1989. – с. 224-251.
- Каменецкий И.С.* Сероглиняные миски Пашковского VI городища // БСб. – 1994. – Вып. 5. – с. 5-58.
- Каменецкий И.С.* Меотские городища на Кубани // МАИЭТ. – 1998. – Вып. VI. – с. 194-208.
- Кастанаян Е.Г.* Сарматские сосуды из Тиритак с ручками в виде животных // СА. – 1951. – № 15. – с. 247-255.
- Кастанаян Е.Г., Арсеньева Т.М.* Керамика // АГСП. – М., 1984. с. 229-233.
- Капошина С.И.* Некрополь в районе поселка им. Войкова близ Керчи // МИА. – 1959. – № 69. – с. 108-153.
- Каишуба М.Т., Левицкий О.Г.* По следам ранней гончарной сероглиняной керамики Восточно-Карпатского региона // ССПК. – Запоріжжя, 2009. – Том. XV. с. 247-260.
- Книпович Т.Н.* Опыт характеристики городища у станицы Елисаветовской по находкам

- экспедиции Гос. Академии истории материальной культуры в 1928 г. // ИГАИМК. – Вып. 104. – М.-Л., – 1934. – с. 111-201.
- Книпович Т.Н.* Керамика местного производства из раскопа И. // Ольвия. – Том. I. – К., 1940. – с. 129-170.
- Кобылина М.М.* Раскопки Фанагории // КСИИМК. – Вып. 33. – 1950. – с. 89-95.
- Кобылина М.М.* Раскопки Фанагории // КСИИМК. – Вып. 51. – 1953. – с. 122-127.
- Кобылина М.М.* Фанагория // МИА. – 1956. – № 57. – с. 5-101.
- Коваленко С.А.* Античное сельскохозяйственное поселение возле села Песчаное // Памятники железного века в окрестностях Евпатории. – М., 1991. – с. 6-36.
- Козуб Ю.И.* Некрополь Ольвии V-IV ст. до н.э. – К., 1974.
- Коровина А.К.* Тирамба (городище и некрополь). Итоги археологических работ экспедиции ГМИИ им. А.С.Пушкина за 1959, 1961-1963 и 1965 годы // СГМИИ. – 1968. – Вып. 4. – с. 54-84.
- Коровина А.К.* Раскопки некрополя Тирамбы (1966-1976) // СГМИИ. – 1987. – Вып. 8. – с. 3-70.
- Коровина А.К.* Гермонасса. Античный город на Таманском полуострове. – М., 2002.
- Корпусова В.Н.* Некрополь Золотое. (К этнокультурной истории европейского Боспора). – К., 1983.
- Котенко В.В.* Сіролощена кераміка з поселення Маслини // Археологія. – 2011. – № 1. – с. 68-76.
- Котин М.А.* Сосуды с зооморфными ручками на Боспоре // БФ. – СПб., 2011. – С.143-148.
- Крапивина В.В.* Простая столовая керамика // Культура населения Ольвии и ее округи в архаическое время. – К., 1987. – с. 71-79.
- Крапивина В.В.* Простая столовая посуда // Древнейший теменос Ольвии Понтийской. – (МАИЭТ, Suppl. 2). – Симферополь, 2006. – с. 181-187.
- Кравівіна В.В.* Сіроглиняна кераміка Ольвії VI-V ст. до н.е. // Археологія. – 2007. – № 1. – с. 98-106.
- Кругликова И.Т.* О местной керамике Пантикапея и ее значении для изучения состава населения этого города // МИА. – 1954. – № 33. с. 78-113.
- Кругликова И.Т.* Ремесленное производство простой керамики в Пантикапее в VI-III вв. до н.э. // МИА. – 1957. – № 56. – с. 96-138.
- Кругликова И.Т.* Раскопки некрополя в районе Астраханской улицы в 1954-1964 гг. // Горгишпия. – Краснодар, 1982. – Т. II. – с. 117-149.
- Крушкол Ю.С.* Древняя Синдика. – М., 1971.
- Кубышев А.И., Бессонова С.С., Ковалев Н.В.* Братолюбовский курган. – К., 2009.
- Кульская О.А.* Химико-технологическое исследование ольвийских керамических изделий // Ольвия. – Т. I. – К., 1940. с. 171-185.
- Кульска О.А.* Хіміко-технологічне вивчення кераміки з Ольвії // АП. – 1958. – Т. VII. – с. 77-91.
- Кутайсов В.А.* Ольвия и Северо-Западный Крым // Ольвия та античний світ. – К., 2001. – с. 77-80.
- Кутайсов В.А.* Северо-Западный Крым в V – первой половине IV вв. до н.э. // Северное Причерноморье в античное время. – К., 2002. – с. 140-146.
- Кутайсов В.А.* Керкинитида в античную эпоху. – К., 2004.
- Ланцов С.Б.* Античное поселение Ново-Федоровка и некоторые вопросы истории херсонесской хоры // Северо-Западный Крым в античную эпоху. – К., 1994. – с. 71-104.
- Ланцов С.Б., Труфанов А.А.* Столовая посуда с лаковым покрытием из Кутлакской крепости // ДБ. – Вып. 2. – 1999. – с. 161-173.
- Лейпунская Н.А.* Керамическое производство и керамика // Археология УССР. – Т. 2. – К., 1986. – с. 455-487.
- Лейпунская Н.А.* Опыт классификации керамики из архаических комплексов (по материалам Центрального квартала Ольвии) // БИ. – Вып. XXIV. – Симферополь-Керчь, 2010. – с. 123-151.
- Лимберис Н.Ю. Марченко И.И.* Меотские реплики древнегреческих канфаров // БФ. – СПб., 1999. – С.238-239.

- Лимберис Н.Ю. Марченко И.И. Меотские канфары из могильника городища Спорное (к вопросу об античном влиянии на меотскую керамику) // БФ. – СПб., 2011. – С. 304-310.
- Матиаишвили Н.Н. Сероглиняная керамика из Ванского городища (К проблеме изучения взаимоотношений Колхиды с Ольвией) // ПИО. – Парутино, 1985. – с. 52.
- Мелюкова А.И. Поселение и могильник скифского времени у села Николаевка. – М., 1975.
- Мелюкова А.И. Поселение Надлиманское III на берегу Днестровского лимана // ИААЮЗУ. – К., 1980. – с. 5-23.
- Марченко И.Д. Раскопки восточного некрополя Фанагории в 1950-1951 гг. // МИА. – 1956. – № 57. – с. 102-127.
- Марченко И.Д. Раскопки Пантикапея в 1959-1964 годах // СГМИИ. – Вып. IV. – М., 1968. – с. 27-53.
- Масленников А.А. Античное святилище на Меотиде. – М., 2006.
- Масленников А.А. Сельские святилища Европейского Боспора. – М., 2007.
- Мирчев М. Раннотракийский могилен некропол при с. Равна // ИБАИ. – XXV. – София, 1962. – с. 97-164.
- Молев Е.А. Боспорский город Китей. // (БИ, Suppl. 6). – Симферополь-Керчь, 2010.
- Онайко Н.А. Античный импорт в Приднепровье и Побужье в VII-V веках до н.э. // САИ. – Вып. Д1-27. – М., 1966.
- Онайко Н.А. Архаический Торик. Античный город на северо-востоке Понта. – М., 1980.
- Охотников С.Б. Нижнее Поднестровье в VI-V вв. до н.э. – К., 1990.
- Парович-Пешикан М. Некрополь Ольвии эллинистического времени. – К., 1974.
- Петренко В.Г. Правобережье Среднего Приднепровья в V-III вв. до н.э. // САИ. – Вып. Д1-4. – М., 1967.
- Раев Б.А. Конструктивные особенности керамических печей меотских городищ Прикубанья и Нижнего Дона // Историко-культурное наследие Причерноморья. – Тез. докл. и сообщ. конф. – Ялта, 2011. – с. 91-93.
- Рогов Е.Я. Ольвиополиты в Северо-Западном Крыму // ΣΥΣΤΙΓΙΑ. – СПб., 2000. – с. 269-274.
- Самойлова Т.Л. Тира в VI-I вв. до н.э. – К., 1988.
- Самойлова Т.Л., Строкін С.В. Керамика северопонтийских городов из Тире (IV-I вв. до н.э.) // Археологические памятники Северо-Западного Причерноморья. – К., 1982. – с. 141-150.
- Секерская Н.М. Античный Никоний и его округа в VI-IV вв. до н.э. – К., 1989.
- Скалон К.М. Изображение животных на керамике сарматского периода // ТОИПК ГЭ. – Т. 1. – Л., 1941. – с. 173-217.
- Смирнов К.Ф. Меотский могильник у станицы Пашковской // МИА. – 1958. – № 64. – с. 272-312.
- Смирнова Г.И. Кружальная сероглиняная керамика из раннескифских памятников Среднего Поднестровья: время и пути попадания // Древнейшие общности земледельцев и скотоводов Северного Причерноморья V тыс. до н.э. – V в. н.э. – Тирасполь, 1994. – с. 185-187.
- Смирнова Г.И. Еще раз о серой кружальной керамике из раннескифских памятников Среднего Поднестровья // АСГЭ. – Вып. 34. – 1999. – с. 44-57.
- Смирнова Г.И. Состояние изучения Западно-Подольской группы памятников раннескифского времени в Лесостепной Скифии в конце XX века // Kimmerowie. Scytowie. Sarmaci. – Kraków, 2004. – с. 409-429.
- Соколова О.Ю. Комплекс находок IV-III вв. до н.э. из раскопок Нимфея 1970 года // Древние памятники культуры на территории СССР – Л., 1986. – с. 43-57.
- Сокольский Н.И. Таманский толос и резиденция Хрисалиска. – М., 1976.
- Соловьев С.Л., Шенко Л.Г. Археологические памятники сельской округи Акры. Часть. II. – СПб., 2006.
- Сорокина Н.П. Тузлинский некрополь. // Труды ГИМ. – Вып. 26. – М., 1957.
- Стржелецкий С.Ф. Раскопки таврского некрополя Херсонеса в 1945 году // Хсб. – Вып. IV. – 1948. – с. 69-95.

- Таганова В.И. Сероглиняная посуда из Лузановского поселения // МАСП. – Вып. I. – Одесса, 1957. – с. 79-82.
- Ушаков С.В., Струкова Е.В. Сероглиняная керамика с черным покрытием из раскопок ХСVII квартала Херсонеса Таврического // Международные отношения в бассейне Черного моря в скифо-античное и хазарское время. – Ростов на Дону, 2009. – с. 125-138.
- Фурманская А.И. Раскопки Тиры в 1962-1963 гг. // Античная Тира и средневековый Белгород. – К., 1979. – с. 5-19.
- Ханенко И.М. Серая керамика из поселений правобережья Бугского лимана периода греческой колонизации // Местное население Северного Причерноморья в эпоху Великой Греческой колонизации. Материалы II Всесоюз. симпозиума. – Тбилиси, 1979, с. 80-81.
- Хромова Е.В. Комплекс сіроглиняної гончарної кераміки Нижнього Подністров'я VI-IV ст. до н.е. – загальний огляд // Проблемы истории и археологии Украины. – Харьков, 2008. – с. 45-46.
- Худяк М.М. Из истории Нимфея VI-III веков до н.э. – Л., 1962.
- Цветаева Г.А. Керамическое производство Боспора // Керамическое производство и античные керамические строительные материалы. – САИ. – Вып. Г1-20. – М., 1966. – с. 17-21.
- Цветаева Г.А. Охранные раскопки в Анапе в 1965 г. // КСИА. – Вып. 116. – 1969. – с. 105-110.
- Шилов В.П. Раскопки Елизаветовского могильника в 1954 и 1958 годах // ИРОМК. – 1959. – № 1 (3). – с. 13-28.
- Шрамко Б.А. Люботинское городище // Люботинское городище. – Харьков. – 1998. – с. 9-131.
- Alexandrescu P. Les modèles grecs de la céramique thrace tournée // Dacia. – N.S. – 1977. - XXI. – p. 113-137.
- Avram A., Buzoianu L., Chera C., Custurea G., Dupont P., Lungu V., Nastasi I. (eds.) Pontic Grey Wares. International Conference: Bucarest-Constanza. September 30th – October 3rd 2008. – // Pontica. – XLII. - Supplementum I. - Constanța, 2009.
- Èièikova M. Développement de la céramique thrace à l'époque classique et hellénistique // AAP. – Studia archaeologica. – Serdicae, 1963. – p. 35-48.
- Èièikova M. Trakiiskata keramika, rabotena na kolelo (VI-IV v.pr. Khr. // AAMP – 2004. – № 9. – pr. 194-211.
- Chochorowski J. Problem recepcji elementywu kulturu antycznej (greckiej) w Kotlinie Karpackiej w VI w.p.n.e. (Na marginesie dyskusji o genezie tzw. szarej ceramiki toczzonej) // Problemy epoki br¹zu i wczesnej epoki zelaza w Europie Ęodkowej-Krakyw, 1996. – s. 115-147.
- Daragan M. Grey Pottery from Monuments of the Early Scythian Period in the Middle Dnestr Region (Western Podolian Group of Monuments) // Pontica. – XLII. – Suppl. I. – 2009. – p. 119-147.
- Dushek M. Slovensko o mladšej dobe halštatskej // Slov. arch. – 1971. – № 19. – p. 422-459.
- Handberg S., Stolba V.F., Ušakov S.V. Classical and Hellenistic Grey Ware from the Western Crimea // Pontica – XLII. – Suppl. I. – 2009. – p. 167-185.
- Hannestad L., Stolba V.F., Blinkenberg Hastrup H. Black-Glased, Red-Figure and Grey Ware Pottery // Panskoye I. – Vol. 1. – Aarhus, 2002. – p. 127-149.
- Ilyina Y.I. Grey Pottery from the Late Classical - Early Hellenistic Period Olbia Necropolis Based on Materials from the Hermitage Museum // Pontica. – XLII. – Suppl. I. – 2009. – p. 77-91.
- Karjaka A.V. Greyware Pottery // Lejpunskaja N.A., Bilde P.G., Højte J.M., Krapivina V.V., Kry•ickij S.D. (eds.). The Lower City of Olbia (Sector NGS) in the 6th Century BC to the 4th Century AD. – Aarhus, 2010. - vol. 1. – P. 289-304; vol. 2. – Pl. 196-222.
- Krapivina V., Lejpunskaja N. Grey Table Ware from Late Archaic – Early Classical Complexes of the Central Quarter of Olbia Pontica // Pontica. – XLII. – Suppl. I. – 2009. – p. 67-76.
- Levitski O., Kashuba M. Early Grey Wheel – Made Ware from East-Carpathian Region (on the basis of finds from Trinca- “Jzvorue lui Luca” settlement) // Pontica. – XLII. – Suppl. I. – 2009. – p. 93-118.
- Lungu V. Projet d'atlas du référence des céramiques grises monochromes du Pont-Euxin à l'époque grecque // Pontica. – XLII. – Suppl. I. – 2009. – p. 13-40.

- Romsauer P. The earliest wheel-turned pottery in the Garpathian Basin // *Antiquity*. – 1991. – № 65. – p. 358-367.
- Romsauer P., Pieta K. Významný nález z neskorej doby halštatskej v Hubine // *Slov. arch.* – 1992. – XL. – № 2. – s. 213-222.
- Samoilova T., Ostapenko P. Grey Clay Ceramics from Tyras // *Pontica*. – XLII. – Suppl. I. – 2009. – p. 53-65.
- Sêglov A.N. Un établissement rural en Crimée: Panskoje (fouilles des 1969-1985) // *DHA*. – 1987. – № 3. – p. 239-273.
- Simion G. Elements de civilization grecque classique dans le monde getique de la zone Istro-pontique // *PRAKTIKA. Actes de XII Congress Internationale d'Archéologie Classique*, Athen, 1983. – Athen, 1985. – p. 272-279.
- Simion G. *Culturi antice în zona gurilor Dunării*. Vol. I. – Cluj-Napoca, 2003.

С.Б. Буйських

СІРА ГОНЧАРНА КЕРАМІКА БОСПОРА
(спроба осмислення на фоні Північного Причорномор'я)

Резюме

У керамічному комплексі Боспора серед численної та різноманітної категорії простого столового посуду впевнено виділяється окрема група знахідок, а саме — *монохромна сіра гончарна кераміка*. На жаль, не зважаючи на високий інформативний потенціал у повному класифікаційному обсязі, ця група боспорської кераміки предметно і спеціально не вивчалась і не має досі скільки-небудь ґрунтовної типології форм та їх розробленої сучасної хронології. Метою цієї статті було привернути до сірої боспорської гончарної кераміки увагу дослідників. Тут зроблено спробу з'ясувати роль та специфіку Боспора в контексті вирішення проблеми феномена грецької сіроглиняної кераміки всього Північного Причорномор'я.

На основі аналізу даних, що містяться в літературі, ми робимо висновок, що боспорську сіроглиняну кераміку, починаючи вже з пізньоархаїчного часу, очевидно, можна класифікувати як продукцію місцевого керамічного виробництва, але при цьому допускати присутність у масиві цієї групи столового посуду певної частини продукції з інших центрів, які поки що не піддаються точному визначенню. Висновок наш має попередній характер і потребує підтвердження (або заперечення) лише у разі проведення спеціальних аналізів. Остаточні невідомі залишаються питання походження (своє власне виробництво або значне та регулярне постачання ззовні ?) і для низки інших античних центрів Північного Причорномор'я, зокрема Тіри та Ніконія. Особливо ж гостро ця проблема стоїть для Херсонеса, в історіографії якого спостерігається найбільша розбіжність думок щодо походження сірої херсонеської кераміки. Виняток у цьому відношенні, можливо, становить тільки Ольвія, для якої надійно зафіксовано місцеве виробництво сірого гончарного посуду як для VI—V ст. до н. е., так і для IV—II ст. до н. е.

Що ж стосується Боспора, то, на наш погляд, окрім специфічних ознак боспорських глин і глиняного тіста, що притаманні для боспорської сіроглиняної кераміки, її приналежність до місцевої можна додатково аргументувати ще відносною масовістю

її знахідок, різноманітністю форм посудин (як таких, що повторюють основні вихідні форми сіроглиняного посуду метрополії, так і суто місцевих) та поліфункціональністю їх застосування. Імовірно, впродовж досить тривалого періоду, Боспор був не тільки спроможний повністю забезпечувати себе сіроглиняною гончарною продукцією, але й міг постачати її в інші причорноморські античні центри (зокрема, до Тіри) і до племен найближчого (Степ), а, можливо, і дальнього (Лісостеп) варварського оточення. Крім того, очевидно, не можна заперечувати той факт, що передове у технічному значенні керамічне виробництво Боспора могло зіграти вирішальну роль у розповсюдженні гончарного кругу у сусідніх осілих варварських племен і сприяти появі тут традиції виготовлення сірої кружальної кераміки. Слід враховувати і те, що, вочевидь, мав місце і продуктивний зворотній процес.

Мабуть, саме сплав основ ремісничої гончарної технології метрополії, набутих місцевих боспорських (пантікапейських, фанагорійських, німфейських та ін.) традицій виробництва кераміки та корисних запозичень з гончарної практики майстрів найближчого варварського середовища позначився на своєрідності місцевої керамічної продукції Боспора в цілому і появі однієї з масових номенклатурних її категорій — сіроглиняної кераміки.

Як і для інших античних центрів Північного Причорномор'я, контрапунктом вирішення цього завдання для Боспора повинно стати ключове питання — склався феномен сіроглиняної кераміки (особливо для раннього періоду) у синхронному і широкому імпорті цієї групи столового посуду з якогось потужного керамічного центру (чи центрів) метрополії до північнопонтійських полісів, або ж поява сірої гончарної кераміки у Північному Причорномор'ї (як на грецьких, так і на варварських пам'ятках) є унікальним для античності прикладом досить швидкого розповсюдження на значній території добре налагодженої технології виробництва кераміки такого специфічного вигляду, форми, кольору і стилю, і такого ж швидкого засвоєння її місцевими гончарними майстернями.

С.Б. Буйских

СЕРАЯ ГОНЧАРНАЯ КЕРАМИКА БОСПОРА (попытка осмысления на фоне Северного Причерноморья)

Резюме

В керамическом комплексе Боспора среди многочисленной и разнообразной категории простой столовой посуды уверенно выделяется особая группа находок, а именно — *монохромная серая гончарная керамика*. Несмотря на высокий информативный потенциал, в полном классификационном объеме эта группа боспорской керамики предметно и специально не изучалась и не имеет до сих пор сколько-либо основательной типологии форм и их разработанной современной хронологии. В статье предпринята попытка поставить вопрос о роли и специфике Боспора в контексте решения проблемы феномена греческой сероглиняной керамики всего Северного Причерноморья.

На основе анализа имеющихся в литературе данных сделан вывод, что боспорскую сероглиняную керамику начиная уже с позднеархаического времени, очевидно, можно классифицировать как продукцию местного керамического производства, при этом допуская возможность присутствия в массиве этой группы столовой посуды некоторой доли продукции и других (пока еще неподдающихся точному определению) центров. Это заключение носит предварительный характер и требует подтверждения только после проведения специальных анализов. Окончательно нерешенными остаются вопросы происхождения сероглиняной керамики (свое собственное производство или обширные и регулярные поставки извне?) и для ряда других античных центров Северного Причерноморья, в частности Тиры и Никония. Особенно же остро эта проблема стоит для Херсонеса, в историографии которого наблюдается наибольший разброс мнений относительно происхождения серой херсонесской керамики. Исключение, в этом отношении быть может, составляет только Ольвия для которой надежно зафиксировано местное производство серой гончарной посуды как для VI—V вв. до н.э., так и для IV—II вв. до н.э.

Что же касается Боспора, то помимо специфических признаков боспорских глин и глиняного теста, характерных для боспорской сероглиняной керамики, ее отнесение к местной можно дополнительно аргументировать еще относительной ее массовостью находок, разнообразием форм сосудов (как повторяющих основные исходные формы сероглиняных сосудов метрополии, так и сугубо местных) и полифункциональностью их применения. Очевидно, в течение достаточно продолжительного периода Боспор был не только в состоянии полностью обеспечивать себя сероглиняной гончарной продукцией, но и мог поставлять ее в другие причерноморские античные центры (в частности, в Тиру) и к племенам ближнего (Степь), а, возможно, и дальнего (Лесостепь) варварского окружения.

Кроме того нельзя, видимо, отрицать тот факт, что передовое в технологическом отношении керамическое производство Боспора могло сыграть решающую роль в распространении гончарного круга у окружающих его оседлых варварских племен и способствовать появлению у них традиции изготовления серой кружалной керамики. Следует учитывать и то, что, очевидно, имел место и продуктивный обратный процесс.

Вероятно, именно сплав основ ремесленной гончарной технологии метрополии, выработанных местных боспорских (пантикапейских, фанагорийских, нимфейских и др.) традиций производства керамики и полезных заимствований из гончарной практики мастеров окружающей варварской среды сказался на своеобразии местной керамической продукции Боспора в целом и появлении одной из массовых номенклатурных ее категорий, а именно — сероглиняной керамики.

Как и для других античных центров Северного Причерноморья, контрапунктом решения этой задачи для Боспора должен стать ключевой вопрос — состоял феномен сероглиняной керамики (особенно для раннего периода) в синхронном и широком импорте этой группы столовой посуды из какого-то мощного керамического центра (или центров) метрополии в северопонтийские полисы, либо появление серой гончарной керамики в Северном Причерноморье (как на греческих, так и на варварских памятниках) является уникальным для античности примером достаточно быстрого распространения на значительной территории хорошо налаженной технологии производства керамики столь специфического облика, формы, цвета и стиля, и столь же быстрого освоения ее местными гончарными мастерскими.

S.B. Buisikh

GREY WHEEL-MADE WARE OF THE BOSPORUS
(an attempt of giving meaning against the North Pontic region background)

Summary

A special group of findings, namely monochrome grey wheel-made ware, surely stands out the numerous and diverse category of simple tableware in ceramic complex of the Bosphorus. Despite the high informative potential, this group of Bosphorus ceramics has not been studied objectively and specifically in its entirety. An attempt to raise the question of the role and specificity of the Bosphorus in the context of solving the problem of the grey clay pottery in the North Pontic region is undertaken in this article.

By analyzing data in literature, the conclusion has been made that the Bosphorus grey clay ware, starting from late Archaic time, obviously can be classified as production of the local ceramics industry, while allowing the possibility of the presence of a certain amount of products of other (not exactly defined) centres in the array of this group of tableware. This conclusion is preliminary and requires confirmation only after special tests. The question of the origin of grey clay ceramic wares remains permanently unsolved (its own production or extensive and regular supplies from outside?) for a number of other ancient North Pontic areas, in particular, Tyre and Nikonion. This problem is especially acute for Chersoneses, in historiography of which there is the greatest divergence of opinions as to the origin of grey Chersoneses wares. In this respect, only Olbia is an exception, where local production of grey wares is reliably attested for the 6th – 5th cc. BC, and for the 4th – 2nd cc. BC.

With regard to the Bosphorus, the allocation to the local pottery, in addition to specific features of Bosphorus clays and clay dough characteristic of the Bosphorus ceramics, can be additionally argued with the relative mass of finds, the diversity of vessels (repeating the main original grey ware forms of the metropolis and strictly local forms) and multifunctional use. Obviously, the Bosphorus was not only able to provide itself with grey clay production in full, but also could deliver it to other ancient centres of the North Pontic region (in particular, to Tyre) and the tribes of near (steppe), and possibly far (forest-steppe) barbarian environment for a sufficiently long period. Besides, it seems impossible to deny the fact that technologically advanced ceramic production of the Bosphorus could play a crucial role in spreading the potter's wheel among the surrounding of sedentary barbarian tribes and facilitate the emergence of their tradition to make grey wheel-made ware. Keep in mind, that obviously productive reverse process also took place.

Perhaps, it was an alloy of the foundations of craft pottery technology of the metropolis and local traditions of the Bosphorus (Panticapaeum, Phanagoria, Nymphaeum and others) ceramics, and borrowings of useful potter's practices of barbarian masters in its environment affected the distinctiveness of the local ceramic production of the Bosphorus as a whole, and the emergence of a mass of its nomenclature categories – namely, grey clay wares.

As for other ancient centre of the northern Black sea coast, a key issue should be a counterpoint to solve this problem for the Bosphorus – Was the phenomenon of grey clay pottery (especially for the earlier period) synchronous and broad import of this group of tableware from any powerful ceramic centre (or centres) to the North Pontic metropoleis,

or was the appearance of grey clay wares in the North Pontic area (both at Greek and barbarian sites) an unique example of sufficiently rapid spread of well-established technology of ceramics of a specific shape, form, colour and style, and equally quick mastering of the technology by local ware workshops.

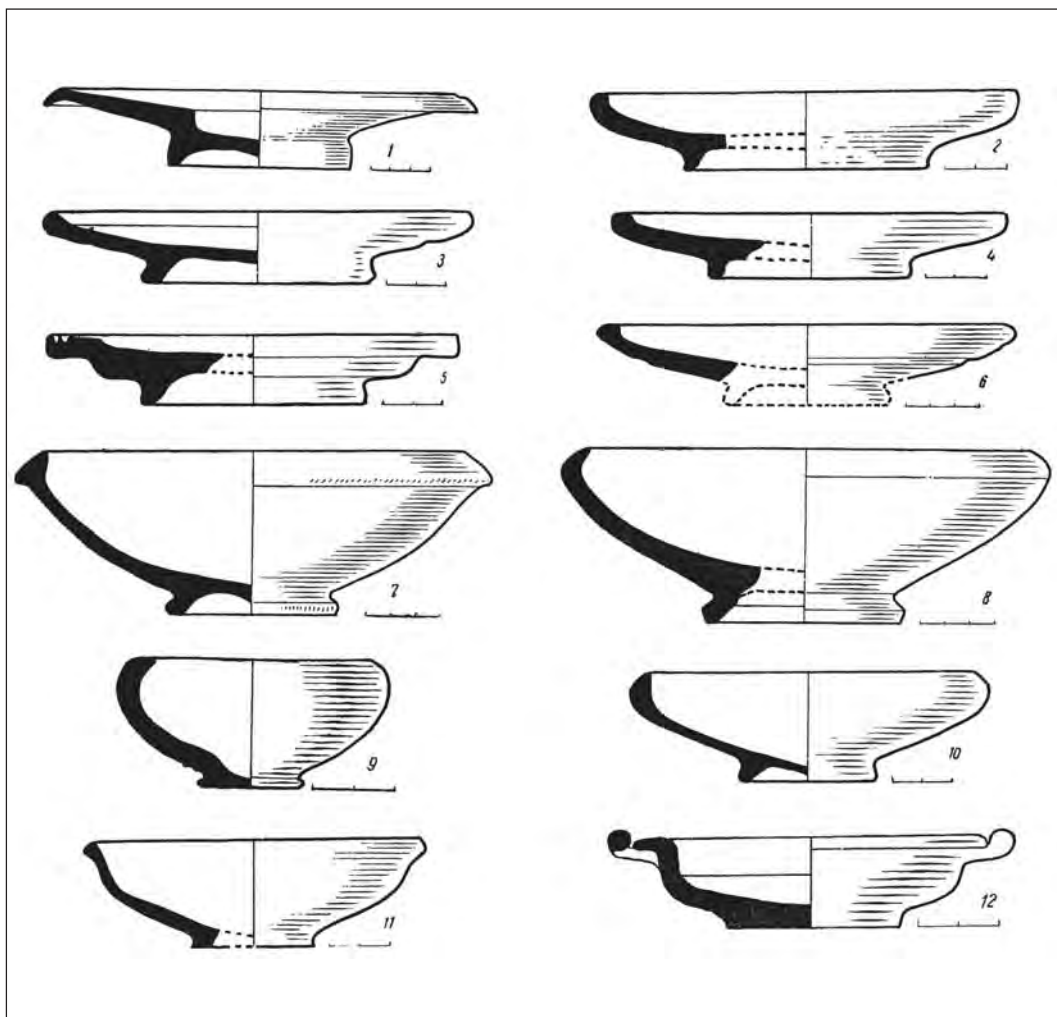

Рис. 1. Боспорская серо - и красноглиняная керамика III-II вв. до н.э. (1-12), [по: Гайдукевич, 1952, с. 202, рис. 115].

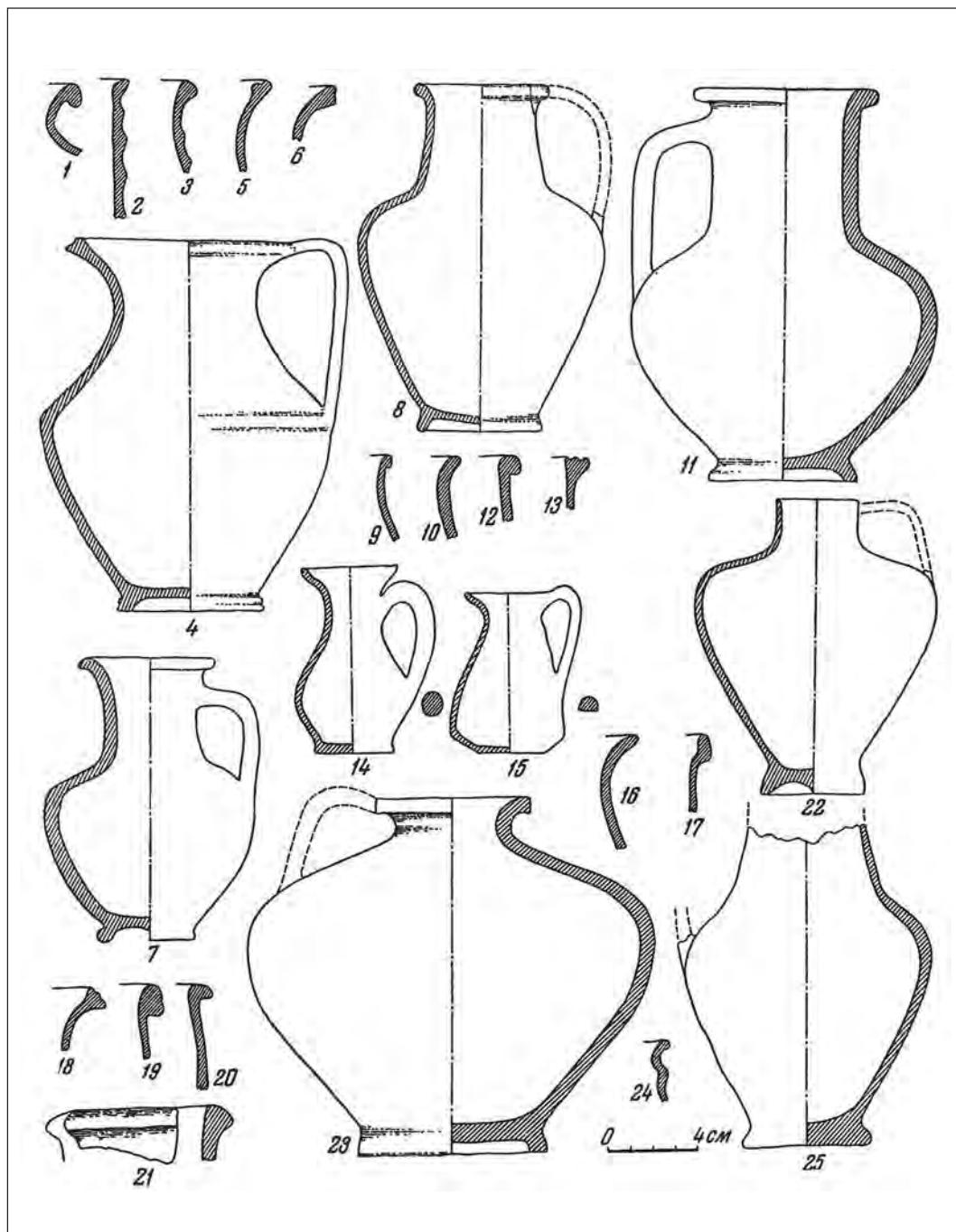

Рис. 2. Типы боспорских серо - и красноглиняных кувшинов VI-II вв. до н.э. (1-25), [по: Кругликова, 1957, с. 122, рис. 6].

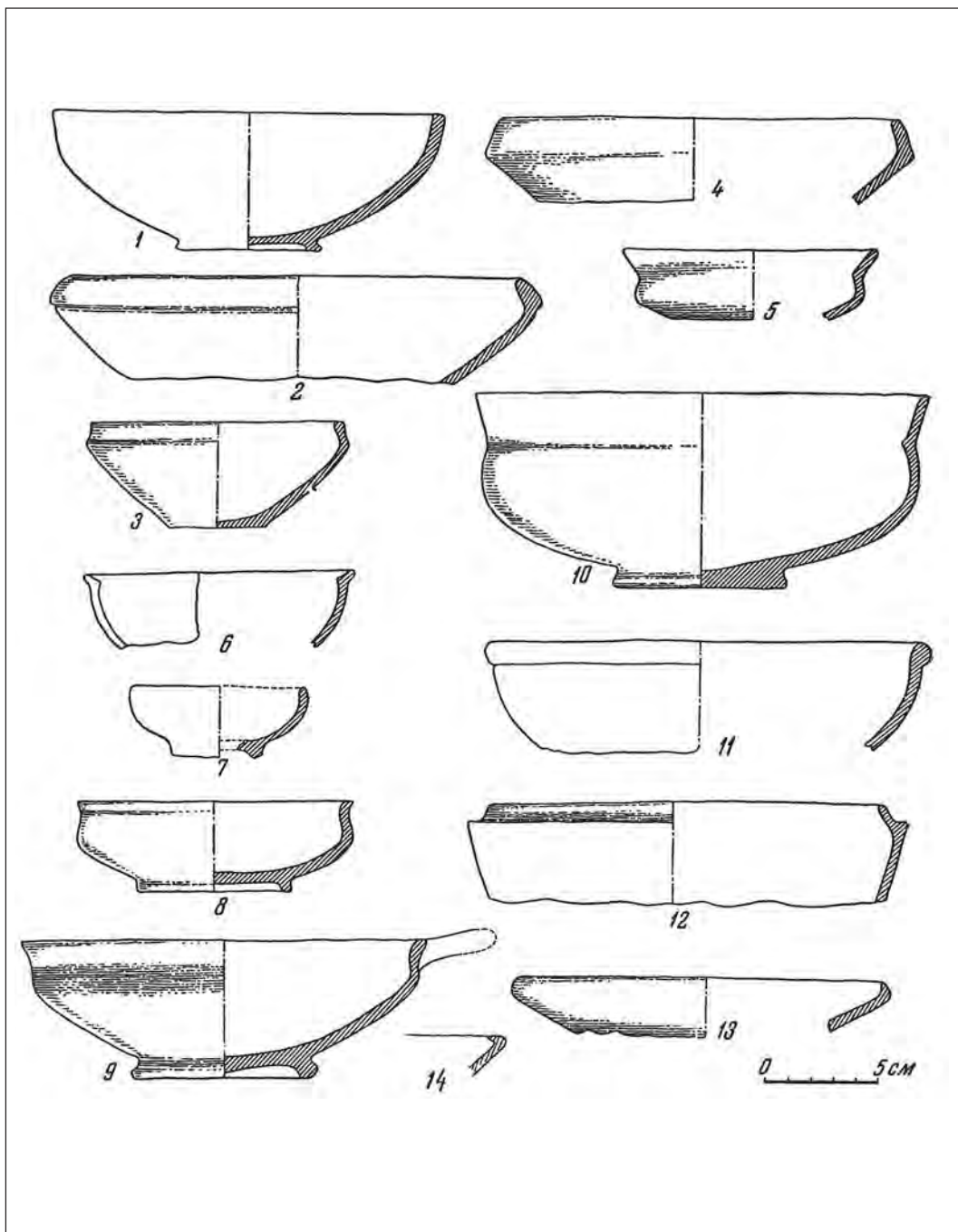

Рис. 3. Типы боспорских серо - и красноглиняных мисок VI-II вв. до н.э. (1-14), [по: Кругликова, 1957, с. 117, рис. 5]

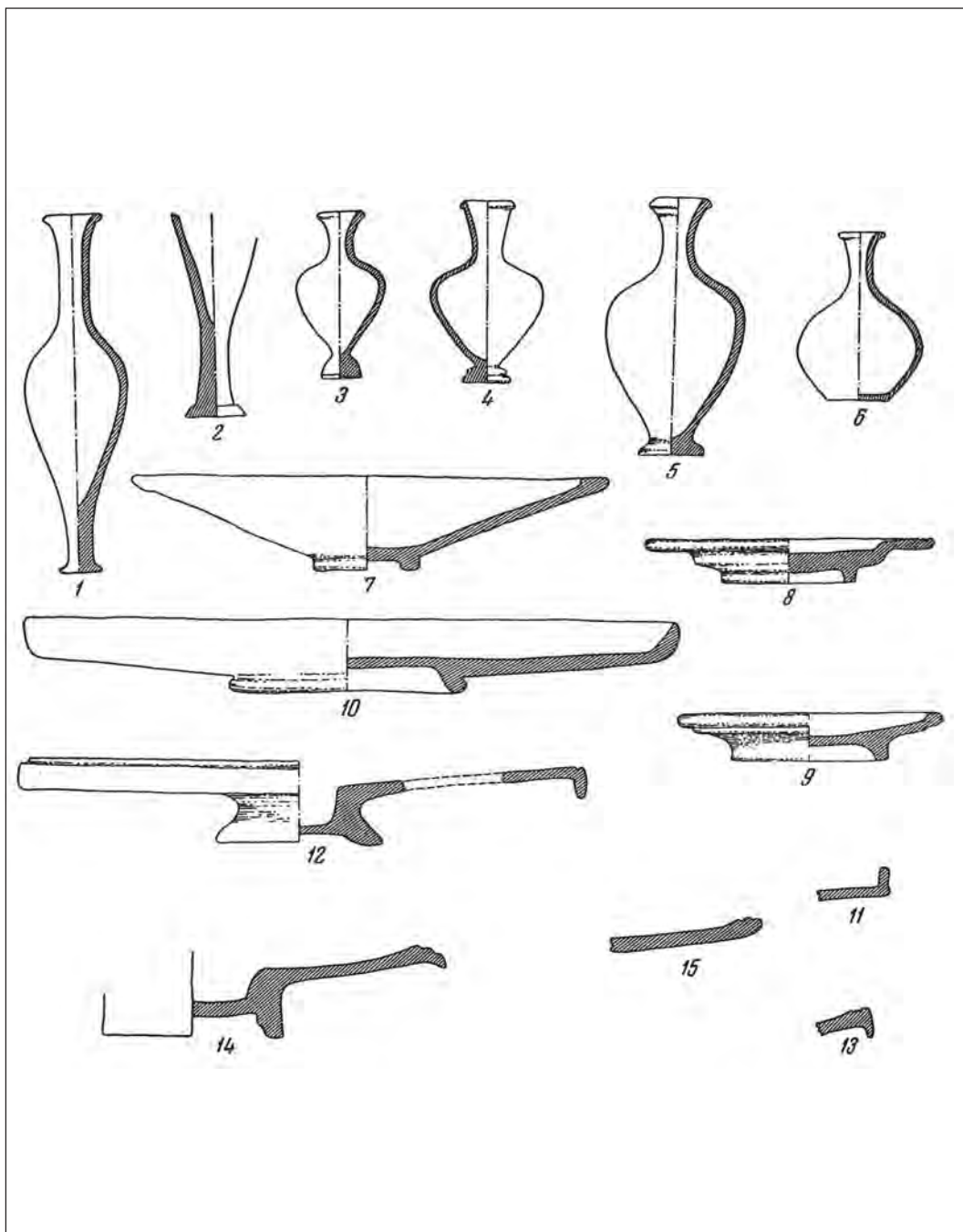

Рис. 4. Серо - и красноглиняные флаконы (1-6), тарелки (7-11), рыбные блюда (12-15) пантикапейского производства IV-II вв. до н.э. [по: Кругликова, 1957, с. 126, рис. 7].

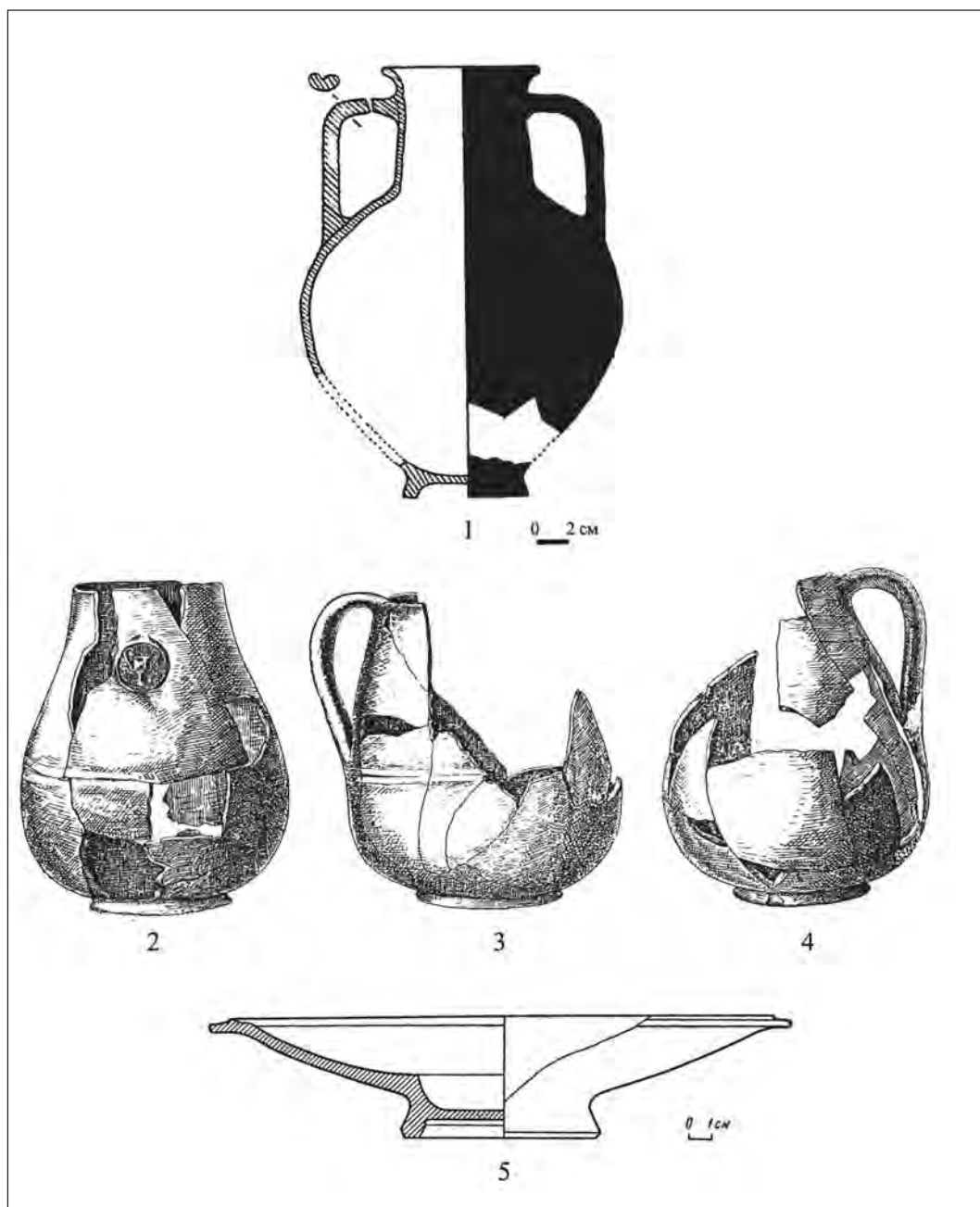

Рис. 5. Сероглиняная керамика Боспора: 1 - Столовая амфора VI в. до н.э. Хора Нимфея. Поселение Героевка -2. [по: Зинько, 2003, с. 28-29, рис 13; 2007, с. 54, рис 17]; 2-4 - Мерные ойнохои IV в. до н.э. Фанагория. [по: Блатовский, 1951, с. 219, рис. 16, без масштаба]; 5 - Рыбное блюдо IV-III вв. до н.э. Пантикапей. [по: Блатовский, 1962, с. 22, рис 12].

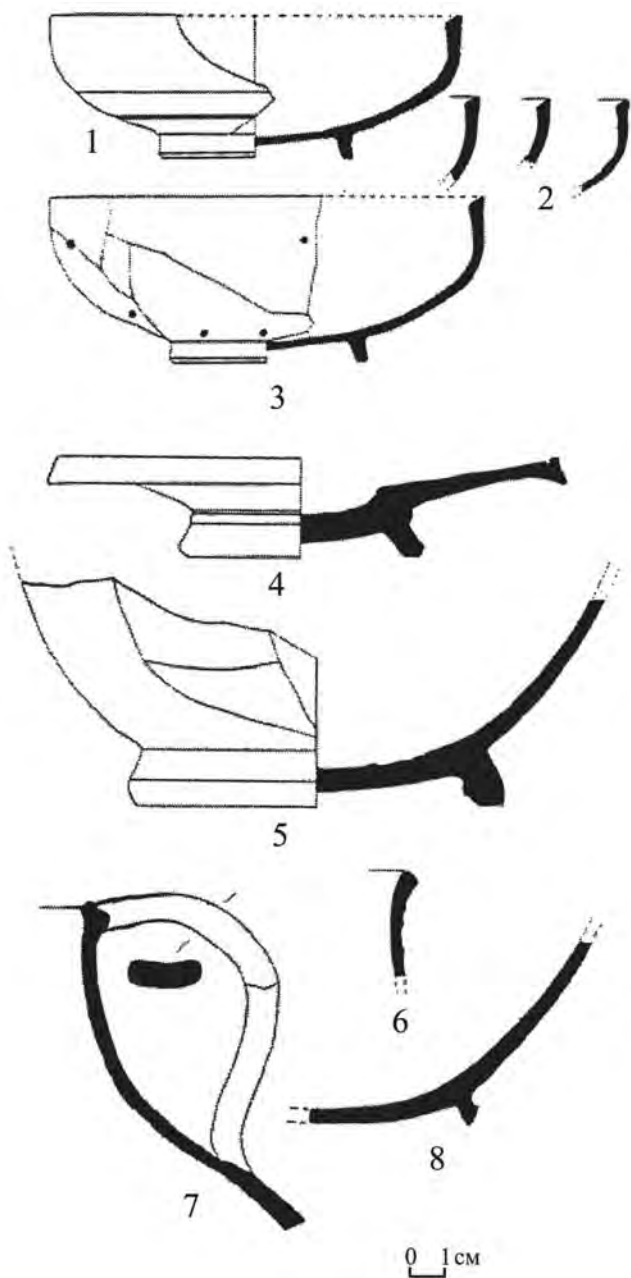

Рис. 6. Сероглиняная боспорская керамика V-IV вв. до н.э. (1-8). Хора Нимфея. Поселение Героевка-2. [по: Зинько, 2003, с.78, рис. 43].

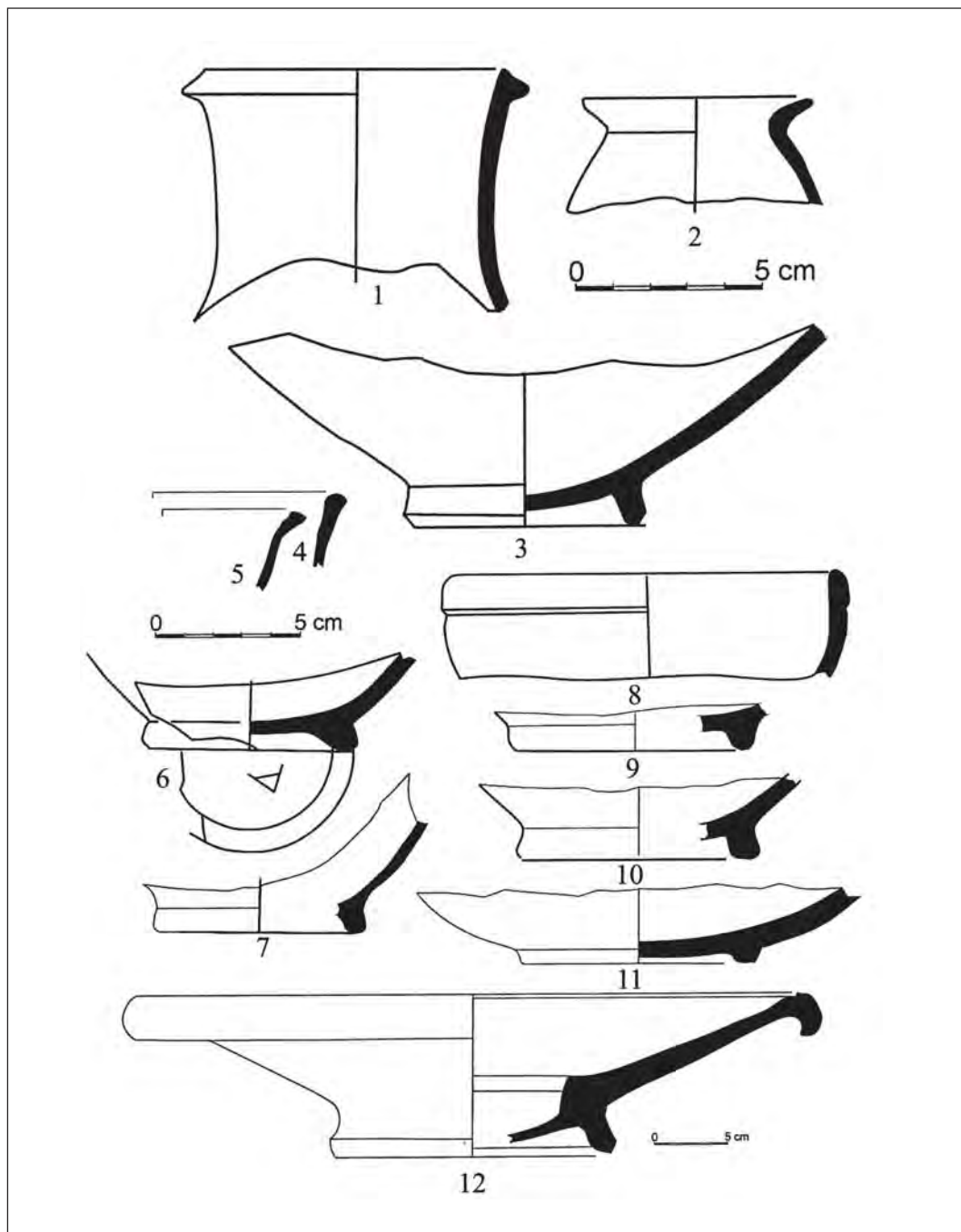

Рис. 7. Сероглиняная боспорская керамика V-IV вв. до н.э. (1-12). Хора Акры. Поселение Заветное-5. [по: Соловьев, Шепко, 2006, с. 113, табл. 24; с. 180, табл. 118].

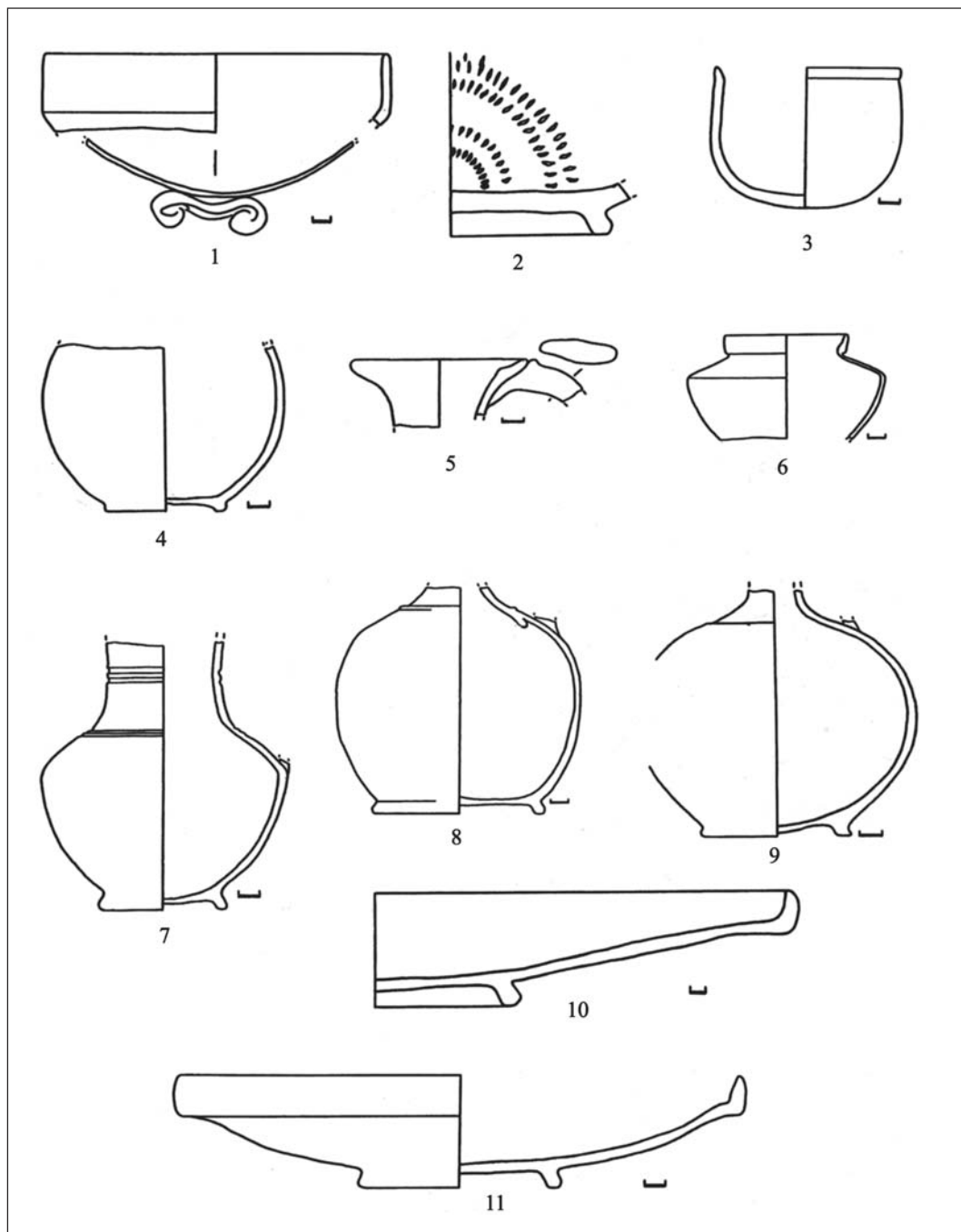

Рис. 8. Сероглиняная керамика II-I вв. до н.э. (1-11) из раскопок сельских святилищ Европейского Боспора [по: Масленников, 2006, табл. 57, 58, 60, 61; 2007, рис. 20, 21, 23, 24].

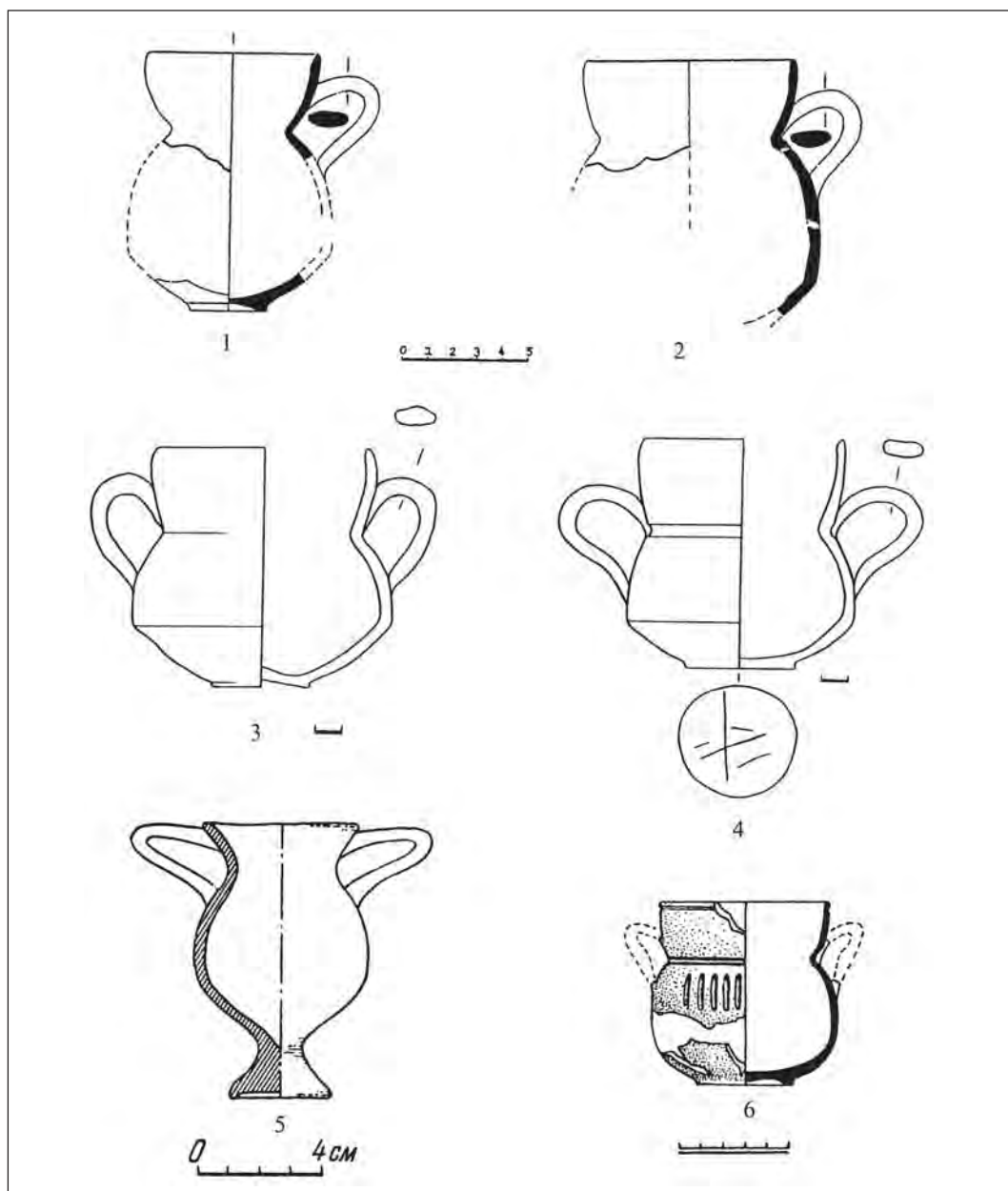

Рис. 9. Сероглиняные боспорские канфары-кубки: 1,2 - Погребение рубежа V-IV вв. до н.э. Хора Нимфея. Северный некрополь Южно-Чурбашского поселения [по: Зинько, 2002, с. 237, рис. 6, 4-5; 2003, с. 140, рис. 85]; 3,4 - Святилище 2-й половины I в. до н.э. на поселении «Полянка» [по: Масленников, 2006, с. 141, табл. 59; 2007, с. 42, рис. 22]; 5 - Пантикапей, III в. до н.э. [по: Кругликова, 1957, с. 126, рис. 7, 17]; 6 – Кутлакская крепость. 2-я половина I в. до н.э. [по: Ланцов, Труфанов, 1999, с. 172, рис. 4,9].

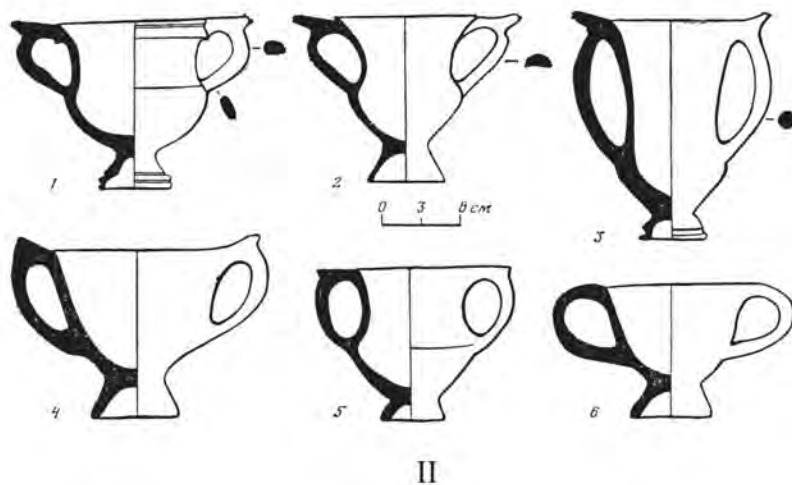
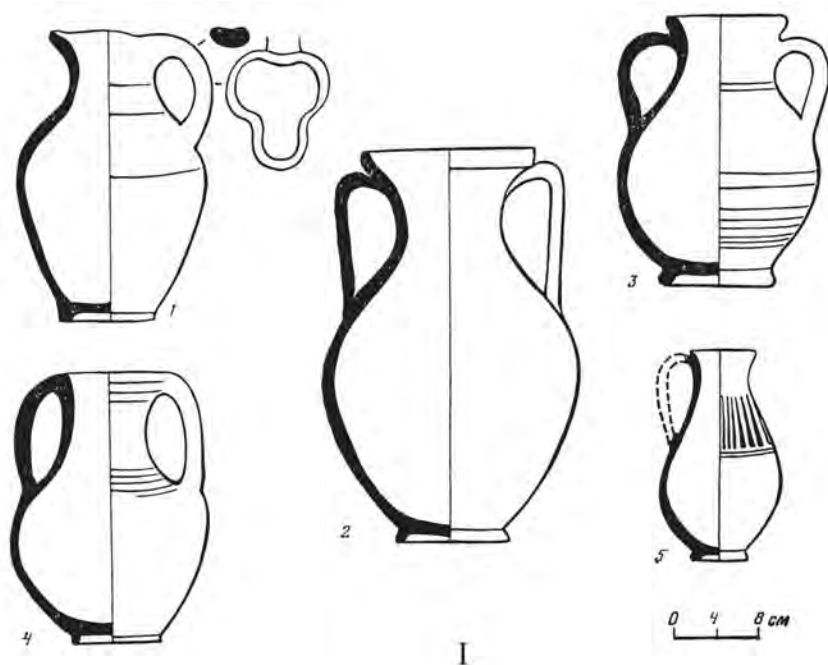

Рис. 10. Сероглиняная меотская керамика (см. рис. 10а).

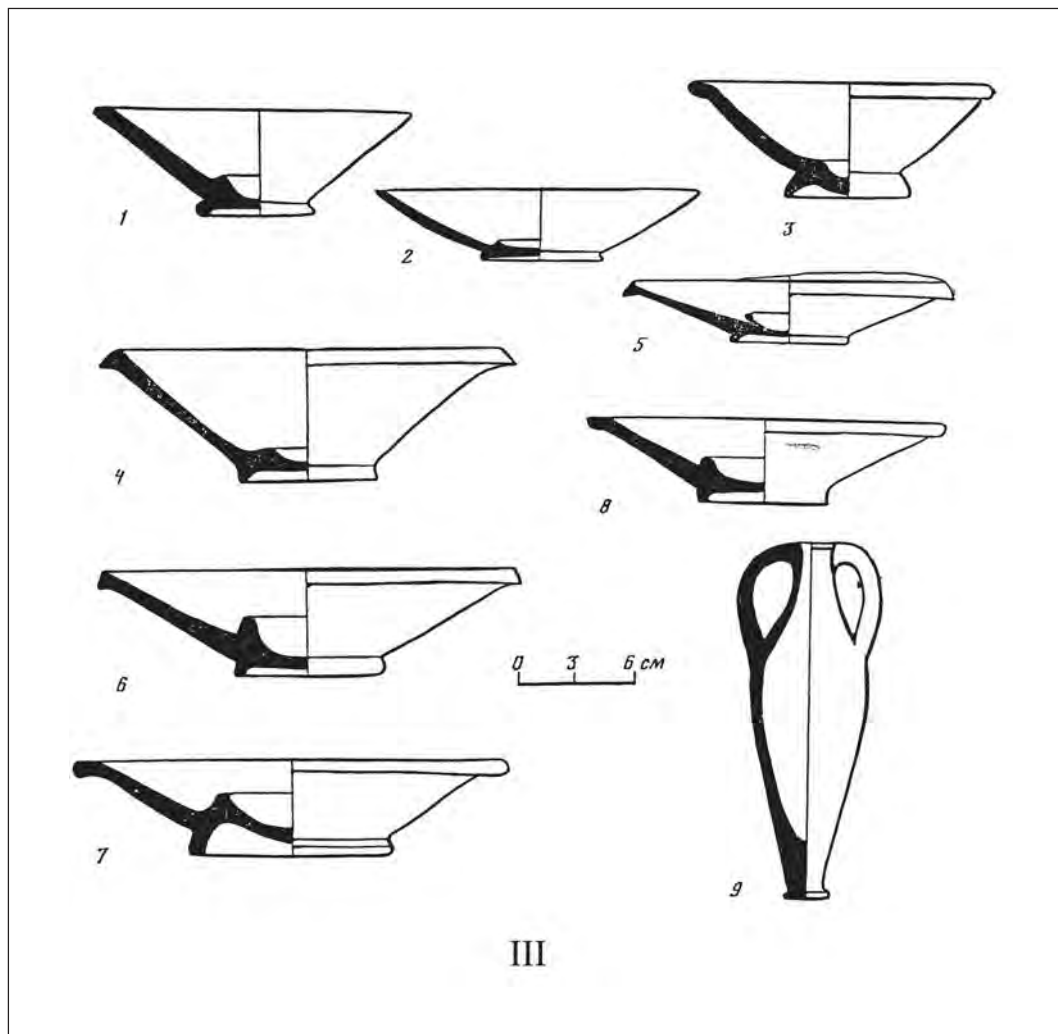

Рис. 10а. Сероглиняная меотская керамика. Реплики боспорской посуды: I - кувшины (1-5); II - канфары (1-6); III - миски и блюда (1-8), амфориск (9) [по: Анфимов, 1986, с. 126-127, табл. 1-3].

М.В.СКРЖИНСКАЯ

МИФЫ О БОГАХ В КУЛЬТУРЕ И ИСКУССТВЕ АНТИЧНЫХ ГОСУДАРСТВ СЕВЕРНОГО ПРИЧЕРНОМОРЬЯ

О почитании богов в античных государствах Северного Причерноморья написано множество исследований [Бондаренко, 2003 и 2005; Русяева, 2005 с обширной библиографией]. В них из-за скудости источников уделено мало внимания роли мифологии в религиозных представлениях местного населения. Как и во всех греческих государствах, в колониях Северного Причерноморья греки во время ритуальных обрядов вспоминали мифы и пели гимны, в которых рассказывалось о деяниях богов и героев. К сожалению, содержание этих мифов нам неизвестно, ведь сохранилось лишь несколько строк из двух гимнов римского времени. Один, посвященный Ахиллу, исполняли в Борисфене в I в. н. э. [Шелов-Коведяев, 1990, с.49-62], другой сочинен в Херсонесе во II в. н. э. для праздника в честь Гермеса [IRE I². № 436; НЭПХ, с. 100, № 127]. В первом прославлялся «равный бессмертным Ахилл Эакид», покровитель острова, а второй написан по заказу гимнасиарха Демотела по случаю атлетических побед его подопечных на играх, посвященных Гермесу.

Гораздо больше можно узнать о мифах, не связанных напрямую с культами. Такие мифы о рождении и деяниях богов были распространены по всему греческому миру, и во многих случаях изложенные в них события рассматривались как общее отдаленное прошлое всех эллинов.

Иконография, атрибуты и спутники богов

Устные предания о греческих богах сложились в глубокой древности, а затем из фольклора перешли в сочинения поэтов и прозаиков. Каждый эллин помнил множество мифов, черпая свои знания из названных источников. На них же опирались художники во многих своих произведениях. Подобно тому, как в фольклоре и литературе у богов были свои постоянные эпитеты, так и на памятниках искусства у каждого бога имелись отличительные признаки, и по ним зритель отождествлял ту или иную фигуру с определенным персонажем. Первоначально греки представляли олимпийских богов красивыми и высокими бородатыми мужчинами во цвете лет, а богинь молодыми прекрасными женщинами в нарядных одеждах. Так их описывали Гомер и

Гесиод, и такими мы видим их на древнейших расписных вазах и скульптурах. По присущим богу атрибутам и сопровождающим его животным или иным спутникам зритель понимал, кого изобразил художник, и зачастую мог вспомнить мифы об их происхождении.

Иконография Зевса и его братьев Посейдона и Плутона мало изменялась в своих основных чертах. В классический период сыновья Зевса Аполлон и Гермес превратились в изобразительном искусстве из зрелых мужчин в безбородых юношей частично или полностью обнаженных. Достаточно напомнить исполненные Леохаром и Праксителем знаменитые статуи Аполлона Бельведерского и Гермеса с ребенком Дионисом на руках. Такую же трансформацию облика бога можно наблюдать и в иконографии Диониса (рис. 16, 17, 47), однако в ряде случаев он продолжал сохранять вид, сложившийся в эпоху архаики. Например, на краснофигурном кратере из Пантикапея со сценой встречи Аполлона и Диониса в Дельфах (№ 288)¹ первый нарисован юным и полуобнаженным, а второй бородатым в роскошной одежде (рис. 1). Терракотовые вотивные маски Диониса эллинистического времени в подавляющем большинстве случаев представляют бородатого мужчину (рис. 2). Судя по найденным при раскопках скульптурам, рельефам, терракотам, ювелирным изделиям и росписям ваз, такие присущие всем эллинам зрительные образы богов сопровождали жизнь греков и в государствах Северного Причерноморья.

Античные боги в современном массовом сознании предстают в единых законченных образах. Писатели и художники изображают Аполлона покровителем искусств, Деметру – покровительницей земледелия, Афродиту – богиней любви и красоты, Диониса – богом вина и виноделия, Артемиду – богиней-охотницей, Гермеса – богом торговли и так далее. Все это более или менее соответствует верованиям древних греков, но далеко их не исчерпывает. Ведь эллины почитали большинство своих богов в нескольких ипостасях, которым соответствовали разные отражающие те или иные функции божества определения, называемые эпikleзисами (от греческого слова ἐπίκλησις, прозвище). Например, в древнейшем, по словам Павсания (III, 23, 1), храме Афродиты на острове Кифере богиню почитали в ипостаси Урания (Небесная), и храмовая статуя изображала ее вооруженной, что совсем не согласуется с образом, воплощающим теперь красоту и любовь. Тот же Павсаний (I, 14, 6 и 22,3) упоминает афинские храмы Афродиты Урании и Пандемос (Всенародной), и облик Афродиты в этих ипостасях, как мы покажем ниже, был совсем иной, чем у богини любви.

Греческие художники часто изображали богов с их постоянными атрибутами (таков, например, кадуцей в руке Гермеса) или со спутниками, среди

¹ Здесь и далее указаны номера в приложенном к статье каталоге.

которых немало животных. Первоначально они выступали в роли носителей определенных качеств божества, а затем превратились в их постоянных спутников. Однако, они не имели ничего общего с до сих пор достаточно распространенным в научной литературе представлением о древнем тотемизме, то есть о том, что в своей древнейшей основе то или иное божество почиталось в виде соответственного животного [Stäler, 1984. S. 231.].

Зевс, согласно верованиям греков, был отцом многих богов и героев, он возглавлял олимпийскую семью богов и управлял всеми небесными явлениями, прежде всего громом и молнией. Все эллины знали его постоянные гомеровские эпитеты *ἐρίγδουπος* (грохочущий) и *στεροπηγέτα* (метатель молний). Молнии, изображенные в виде зигзагообразных линий, стали атрибутом Зевса, а на монетах они играли роль его символа. Эти молнии чеканили на деньгах разных городов античных государств Северного Причерноморья. Другим символом бога стал его постоянный спутник орел: подобно Зевсу, царю богов, орел считался у греков царем птиц. В роли символа Зевса мы видим орла вместе с дельфином, символом Аполлона, на ольвийских монетах и весовых гириях (№ 37,38, рис. 3), а на монетах Керкинитиды, Херсонеса и Боспора имеются изображения орла на молнии (№ 39- 41), то есть на них присутствуют два атрибута Зевса.

Уже в V в. до н.э. появились греческие изображения Зевса с бараньими рогами. В его облике соединились представления о верховном эллинском божестве и египетском боге солнца Амоне, у которого баран был священным животным. Этот синкретический образ был знаком ольвиополитам и боспорянам. Он встречался на кизикинских статерах, найденных в Мирмекии (рис. 4), на боспорских медных монетах конца I в. до н.э. и на мраморной скульптуре римского времени из Ольвии (№ 34-36).

Трезубец (острога для ловли рыбы) и дельфин, царь морских животных, служили атрибутами владыки морей Посейдона. В роли его символа трезубец встречается как на привозных (№ 49, 55), так и на местных изделиях (№ 56, 57). В IV в. до н. э. ольвиополит прочертил трезубец на посвященной богу чернолаковой чаше [Русяева, 1992, с. 109]; его неоднократно чеканили на монетах городов Северного Причерноморья. Дельфин реже появлялся при изображениях этого бога (№ 54, 59) и гораздо чаще выступал символом Аполлона.

Все ионийцы, по словам Страбона (IV, 1, 4), почитали Аполлона с эпиклезой Дельфиний. Античные авторы неоднократно упоминали святилище Аполлона Дельфиния в Афинах (Aristot. Ath. 57, 3; Andocid. I, 78; Plut. Thes. 12, 18), а в Милете Дельфинион был главным храмом города [Кобылина, 1965, с. 74-82.]. В ионийских и некоторых других колониях также появлялись свои Дельфинионы [Bilabel, 1920, S. 109- 110]. Их строили на западном и северном краях греческой ойкумены в Массилии (Strab. IV, 1, 4) и в Ольвии Понтийской, где найдено немало посвящений Аполлону Дельфинию архаического,

классического и эллинистического времени [Русяева, 1992, с. 42- 43]. Эллины заимствовали культ Дельфиния на Востоке в микенскую эпоху, и хеттский Телепинус на греческой почве стал произноситься как Дельфиний [Гиндин, 1975, с. 58; Яйленко, 1990, с. 222]. В дальнейшем это определение Аполлона в народной этимологии связалось со словом дельфин (δελφίς), что отразилось в гимне Аполлону, сочиненном ионийским автором в эпоху архаики (Ном. Нумн. II, 315-317):

*Так как впервые из моря туманного в виде дельфина
Близ корабля быстроходного я поднялся перед вами,
То и молитесь мне впредь как Дельфинию.*

Перевод В.В. Вересаева.

Этим объясняется, почему дельфин стал атрибутом Аполлона в ипостаси Дельфиния. Бог с такой эпиклезой, согласно верованиям ольвиополитов, был организатором и покровителем их государства и с конца VI в. до н. э. несколько столетий занимал главенствующее положение в пантеоне богов этого полиса [Русяева, 1992, с. 42]. Не случайно медные монеты разных номиналов в форме фигурки дельфина (рис. 5) выпускались в Ольвии более столетия, начиная с третьей четверти VI в. до н. э. (№ 231). Аполлон и его символ дельфин неоднократно изображались на более поздних ольвийских монетах с V в. до первой половины II в. до н. э. и на эталонных весовых гирях IV в. до н. э. (№ 240, рис. 6). Орел и дельфин символизировали Зевса и Аполлона, самых почитавшихся ольвиополитами богов [Карышковский, 1982, с. 80-98; Русяева, 1992, с. 65- 70]. Недаром их храмы стояли рядом на священном участке, примыкавшем к главной площади города. Изображение дельфина на монетах Ольвии римского времени становится крайне редким потому, что в это время здесь первенствующее положение вместо Дельфиния получил Аполлон Простат (защитник). Орел же, символизировавший Зевса, продолжал занимать видное место на местных монетах. Значительно реже дельфин встречается на деньгах Херсонеса. Например, на одной серии монет IV в. до н. э. он, вероятно, символизировал Аполлона, брата главной богини города, профиль которой украшал аверс этих монет. Тот же смысл, наверное, имеет надчеканка в виде дельфина на местных монетах III в. до н. э., также снабженных изображением Артемиды [Анохин, 1977, № 21, 22, 80, 82-90, 95- 105; Бондаренко, 2003, с. 75].

С древнейших времен в эпитетах Аполлона часто присутствовали слова лук и стрела. В эпических поэмах и гимнах бога называли сребролуким (αργυρότοκος Ном. II, 2, 76; Нумн. IX, 5 и др.), и этот постоянный эпитет мог даже замещать имя бога, как, например, в молитве, которую Гомер вложил в уста жреца Хриса (II, I, 36). Автор гимна Аполлону (Ном. Нумн. XIII, 126) и Пиндар (fr. 19) именовали бога τοξοφόρος. Подобные эпитеты были хорошо

известны эллинам Северного Причерноморья. Ведь все граждане имели хотя бы первичное школьное образование, а оно у греков обязательно включало знакомство с эпическими поэмами. Фольклор и литература способствовали тому, что в изобразительном искусстве лук и стрелы были избраны одним из отличительных атрибутов Аполлона. Именно с ними Леохар в IV в. до н. э. представил бога на знаменитой статуе, повторенной во множестве копий и называемой теперь Аполлоном Бельведерским. Статуя Аполлона с большим луком у ног и стрелой была привезена в Ольвию в VI в. до н. э. и на многие столетия стала здесь почитаемым кумиром. Изображение этой скульптуры сохранилось на ольвийской монете II в. н. э. [Зограф, 1951, с. 143; Русяева, 1992, с. 37]. Разящие стрелы бога могли нести и наказание, и исцеление. Они были отличительным символом Аполлона в ипостаси Врача (Ἱητρός), который стал богом покровителем колонистов, отправлявшихся искать новую родину на северных и западных берегах Черного моря. Первые монеты в основанных здесь городах от Аполлонии на западе до Ольвии и Керкинитиды на севере имели форму наконечника стрелы. Они находились в обращении примерно столетие, начиная с середины VI в. до н. э., и, согласно мнению современных исследователей, символизировали Аполлона [Анохин, 1986, с. 77, 78, 84]. То же значение имела стрела на эталонных весовых гирях, найденных на Березани [Крапивина, 1986, с. 108, 109, № 1, 3]. Лук и стрелы как атрибуты Аполлона были знакомы также боспорянам [Виноградов, Шауб, 2005., с. 221]. Такова, например, стрела в пасти грифона, символизирующая бога на монетах Пантикапея (рис. 7), или его изображение с луком на халцедоновой вставке в перстень, принадлежавший жителю Горгишии в IV- III вв. до н. э. (№ 237).

Лавр занимал важнейшее место среди атрибутов Аполлона, которого постоянно изображали в лавровом венке или с лавровой ветвью в руке. Немало таких изображений найдено при раскопках городов Северного Причерноморья (№ 228, 232, 238, 241). Происхождение этого атрибута эллины связывали с мифом о преследовании Аполлоном нимфы Дафны; чтобы не стать жертвой бога, она в его руках превратилась в лавровое дерево (Ovid. Met. I, 452- 567). В память о своей любви к Дафне, имя которой по-гречески означает лавр, Аполлон сделал лавр своим священным растением. Поэтому в Дельфах на Пифийских играх в честь Аполлона победителя увенчивали лавровым венком.

В глазах греков одной из отличительных черт Аполлона был его выдающийся талант игры на струнных инструментах лире и кифаре (Hom. Hymn. II, 6, 7, 23, 24). Он считался покровителем мусических искусств, и в этом качестве его называли Мусagetом, предводителем Муз (Hom. Hymn. III, 475- 486). В Дельфах на знаменитых во всей Элладе Пифийских играх в честь Аполлона мусические агоны занимали ведущее положение. Эпиклезы бога Μουσᾱγέτης и Μούσαρχος встречаются уже в античной литературе

с архаического времени (Hom. Hymn. III, 450; Terp. Fr. 3; Pind. Fr. 116; Diod. Sic. I, 18). В эпиграфике античных государств Северного Причерноморья такие эпиклезы отсутствуют, но произведения искусства свидетельствуют о знакомстве местного населения с этой ипостасью бога, а также с мифами о его победах на мусических состязаниях. Изображения Аполлона с лирой или с кифарой появились на привозных вазах уже в конце VI в. до н. э. Они напоминают об его эпиклезе Мусaget, а также о представлении о боге как о непревзойденном музыканте. Аполлон с кифарой представлен рядом с Афиной на чернофигурных ольпах из Ольвии и Борисфена и на килике из Пантикапея (№ 212-215) Особо следует выделить чернофигурный лекиф 530-520 гг. до н. э. из Ольвии (№ 212). Насколько мне известно, на нем находится единственное сейчас уцелевшее в Северном Причерноморье изображение, иллюстрирующее представление об Аполлоне как о зрелом мужчине, а не юном боге, каким его привычно видеть на множестве памятников искусства (рис. 8). Вазописец нарисовал Аполлона бородатым; одетый в разукрашенный узорами хитон и плащ, он сидит на табурете - дифросе и играет на большой кифаре; перед с ним стоит Дионис в венке, за которым находится его постоянный спутник, хвостатый силен с ослиными ушами.

Аполлона Мусagета нередко изображали в нарядном длинном подпоясанном хитоне, который греческие кифареды надевали во время выступлений на праздничных агонах и концертах. В таком одеянии бог запечатлен на вазе из Пантикапея (№ 223, рис. 9) и на терракоте с азиатской части Боспора (№ 219). В мастерских ольвийских и херсонесских коропластов изготавливались статуэтки и алтарики с рельефами, изображавшие Аполлона со струнными инструментами (№ 217, 218). Множество монет, отчеканенных в Тире, Ольвии и на Боспоре, украшены на аверсе головой Аполлона, а на реверсе его атрибутами, лирой или кифарой (рис. 44).

Эпиклеза Аполлона Φοῖβος (Лучезарный) встречается в греческой литературе с самых ранних времен. Гомер (Il. I, 43, 72, 443; XX, 68) и Гесиод (fr. 194), а также авторы гимнов богам (Hom. Hymn. XXVII, 14; Callim. Hymn. III, 6, 145) называли Аполлона Фебом, а позже его прямо уподобляли солнцу (Macr. Sat. I, 117). Эпиклеза Феб сохранилась в одной херсонесской надписи II - I вв. до н. э. (IOSPE I² № 578). Лев издавна служил солярным знаком Аполлона и символизировал бога на милетских монетах эпохи Великой греческой колонизации [Cahn, 1950, S. 185; Зограф, 1951, с. 62, табл. 1, 7 и 9]. Эта традиция была продолжена в милетских колониях на Боспоре. Голова льва на древнейших монетах Пантикапея, а затем стоящие и лежащие львы олицетворяли верховного бога этой колонии (№ 230). Солярный символ льва и отмеченное выше знание эпических поэм позволяют заключить, что боспоряне знали Аполлона в ипостаси Феба. Возможно, морда льва на ранних монетах Херсонеса также символизирует

Аполлона с упомянутой эпиклезой [Анохин, 1977, с. 136, № 26; Туровский, Демьянчук, 2001, с. 122-123].

В греческих преданиях рассказывалось, как Аполлон летал на лебеде или на фантастическом звере, крылатом грифоне. Древнейшее известное сейчас изображение Аполлона с грифонами найдено на острове Делосе, считавшемся родиной бога. Там у знаменитого во всем греческом мире храма справлялись Аполлонии, панэллинские празднества, в которых принимали участие ольвиополиты, херсонеситы и боспоряне (МИС. № 21- 28). Милетяне также считали грифона одним из символов Аполлона, и не случайно его изображение присутствовало в декоре милетского храма этого бога [Archaeologische Anzeiger, 1913, S. 181, Abb. 6,7; Heres, 1970, S. 149- 162]. Аполлон, едущий на грифоне, нарисован на килике IV в. до н. э., найденном на хоре Херсонеса (№ 235), и на фреске пантикапейского склепа римского времени (№ 242, рис. 10); как символ Аполлона грифон украшал монеты полисов Северного Причерноморья. Таковы замечательные пантикапейские золотые статеры с изображением львиноголового грифона со стрелой в зубах (№ 233, рис. 7), а также херсонесские монеты с грифоном, символом Аполлона, на одной стороне и изображением его сестры Артемиды на другой (№ 234).

Иногда атрибутом Аполлона служил треножник, напоминавший о том, что бог был прорицателем; ведь его устами вещала Пифия в знаменитом во всем эллинском мире дельфийском храме и давались прорицания в милетском храме бога в Дидимах. Аполлон рядом с треножником изображен на боспорских монетах I в. до н. э. (№ 221). Треножник в роли символа Аполлона находился на реверсе херсонесских монет II в. до н. э., а на их аверсе чеканили этого бога в лавровом венке (№ 241).

Сестра Аполлона Артемида возглавляла пантеон богов в Херсонесе, единственной дорической колонии в Северном Причерноморье. Эту богиню почитали все греки; она представлялась им девственницей, неподвластной чарам Афродиты, а ее любимым занятием считалась охота на диких зверей (Callim. Hymn. III; Apollod. Bibl. I, 4; III, 4). Это отразилось в ее многократно встречающихся в античной литературе эпиклезах Дева (Παρθένος), Охотница (Ἄρυρῳτέρα) и Охотящаяся на оленя (Ἐλαφῳβόλος). В Северном Причерноморье первое определение встречается в эпитафике Херсонеса, где богиню, как правило, называли только одной этой эпиклезой (Мещеряков, 1979, с. 118; Пальцева, 1979, с. 46). Вторая из перечисленных эпиклез имеется в надписях Боспора (КБН. № 1042) и Ольвии [Русяева, 1992, с. 107], а третья запечатлена на многих изображениях Артемиды. В литературе Артемиду, как и Аполлона, наделяли тем же эпитетом ὀϊστής (несущая лук: Hom. Il. XXI, 484; Aristoph. Thesm. 976) и сходными атрибутами, луком и стрелами. Но у богини они подчеркивали иные ее качества, а именно: ипостась Охотницы. В этой ипостаси ее изображали обутой в охотничьи сапожки и одетой в короткий хитон,

доходящий лишь до колен. Так как ни одна богиня не носила такой укороченной одежды, то подобный хитон сразу вызывал ассоциацию с Артемидой (№ 243- 245, рис. 11). Когда же Артемиду изображали в иных ипостасях, ее длинная одежда не отличалась от одеяний других богинь. Лук и колчан Артемиды встречаются на ряде ольвийских и херсонесских монет, украшенных на другой стороне изображением богини (№ 255), и ее самое часто снабжали этими атрибутами на разных памятниках монументального и прикладного искусства, найденных в Северном Причерноморье. Например, в эллинистический период у херсонеситов имелось немало печатей с изображением Артемиды в короткой одежде с луком в руках (№ 250).

Лань и олень (по-гречески это одно понятие *ἐλάφος*), были священными животными Артемиды. Показательно, что в известном мифе о жертвоприношении дочери Агамемнона Ифигении, которую отец был вынужден послать на смерть, чтобы умиловить Артемиду, богиня в последний момент на разгоравшемся костре заменила девушку ланью (Eur. Iph. Aul. 1592-1596; Iph. Taur. 25- 30). В IV в. до н. э. появилась статуя Артемиды, вероятно, исполненная прославленным скульптором Леохаром; это изображение богини в коротком хитоне, с колчаном за спиной и ланью у ног стало знаменито во всем античном мире и теперь широко известно по мраморной римской копии, находящейся в Лувре. Греческие поэты постоянно прилагали к Артемиде эпитет «охотящаяся на оленя» (*Ἐλαφιβόλος*); например, в гимнах богине (Horn. Hymn. XXVII, 2; Callim. Hymn. III, 41) или в трагедии Софокла «Троянки» (ст. 212). Девятый месяц афинского календаря Элафеболион назывался по охотничьему празднику в честь богини.

Херсонеситы наряду с луком, стрелами и колчаном постоянно включали лань в число атрибутов Артемиды. Наиболее показательны в этом аспекте местные монеты с разными изображениями оленей и ланей. Чаще всего там представлена Артемида, убивающая лань копьём (№ 243, рис. 11); эта композиция, возможно, воспроизводящая какую-то скульптуру, может служить иллюстрацией строки из песни хора в трагедии Еврипида «Ифигения в Тавриде» (стих 1113), назвавшего богиню *ἐλαφοκτόνος* (убивающей оленя). Другой момент охоты богини представлен на мраморном херсонесском рельефе II- I вв. до н. э.: там Артемида вместе с охотничьей собакой стремительно гонится за ланью (№ 245). На монетах Херсонеса, Пантикапея, Фанагории и Горгиппии лань изображена рядом с богиней или в роли ее символа, она представлена стоящей, лежащей либо пасущейся (№ 251, 253, 254). Несколько расписных ваз и терракот показывают, что на северных берегах Понта греки знали этот атрибут Артемиды с архаического времени. Например, на терракотовой статуэтке рубежа VI- V вв. до н.э. из Пантикапея маленькая лань лежит на руках богини (№ 246), а на чернофигурной вазе конца VI в. до н. э. из Ольвии (рис. 12) Артемида с ланью у ног

нарисована рядом со своим братом Аполлоном, играющим на кифаре, и матерью Лето (№ 215).

Редкий образец ювелирного украшения с рассматриваемыми сюжетами представляет пара золотых серег из Нимфея, исполненных в последней трети IV в. до н. э.: на них к розетке прикреплена подвеска в виде фигурки Артемиды, едущей на лани (№ 248). Здесь иллюстрируется один из вариантов мифа о богине, повествовавший о том, что она ездила на олене или на колеснице, запряженной оленями; об этом писал александрийский поэт Каллимах (Hymn. III, 99-106), стремившийся дать исчерпывающий свод мифов об Артемиде в посвященном ей гимне.

В эллинистический период у Артемиды появляется новый атрибут — башенная корона, напоминающая оборонительную стену с башнями. Такая корона символизировала еще одну функцию главной богини Херсонеса, состоящую в защите и спасении государства в критические периоды. Это хорошо выражено в декрете в честь полководца Диофанта, победившего в войне Херсонеса со скифами; в тексте почетной надписи подчеркнута роль Партенос как постоянной покровительницы и спасительницы, вдохнувшей смелость и отвагу в войско херсонеситов (IOSPE I². № 352). Во II в. до н. э. появились монеты с профилем богини в короне, а в римское время она с этим атрибутом изображалась в полный рост (№ 256). Образцом для монетных мастеров служила почитаемая в городе статуя богини, исполненная по заказу херсонеситов опытным скульптором пергамской школы [Зограф, 1922, с. 354].

Афродита с эпиклезой Урания (Небесная) входила в число богинь, культ которых милетские колонисты перенесли на свою новую родину. Особой популярностью эта богиня пользовалась на Боспоре, где найдены надписи с именем Афродиты Урании, относящиеся к классическому, эллинистическому и римскому времени (КБН. № 31, 35, 75, 171, 972, 1111). Атрибутами богини в этой ипостаси были птицы — голубь и лебедь, а сама Афродита всегда облачалась в длинные одеяния и этим отличалась от своего самого распространенного с периода поздней классики образа прекрасной полуобнаженной или совсем нагой женщины. Привезенные из Ионии в Борисфен, Ольвию и на Боспор архаические статуэтки и фигурные сосуды, изображающие Афродиту Уранию, имеют вид стоящей женщины, прижимающей к груди голубя (№ 102- 104); эти изделия использовали в качестве приношений в святилища богини, ведь набор таких статуэток, обнаруженных при раскопках храма на Березани, идентичен тем, которые находились в милетском храме Афродиты [Назаров, 2001, с. 162]. Возможно, фигурки голубей на местных привозных серьгах символизировали Афродиту. Литейные формы IV в. до н. э. для серийного производства таких серег обнаружены в Ольвии, а импортные золотые серьги с голубями носили женщины в Ольвии и на Боспоре [Фурманська 1958, с. 52, рис. 1, 2; Максимова, 1979, с.54; Скржинская, 1986,

с. 115, рис. 2]. Эпиклеза Урания выразительно иллюстрируется на местных и импортных изделиях с изображениями Афродиты, летящей на лебеде. Такой богиня изображена на краснофигурных вазах (№ 105) и на известняковой стеле из Пантикапея (№ 108), а также на золотом медальоне, найденном на Елисаветовском городище на Нижнем Дону (№ 107). Наверное, рельеф на стеле, исполненный во II в. до н. э. (рис. 13), воспроизводил украшение пантикапейского храма Афродиты Урании, а тот в свою очередь был вольной копией скульптуры, исполненной в мастерской Фидия [Вальдгауэр, 1922, с. 212, 213].

Начиная с классического периода, Афродита на памятниках искусства чаще всего появляется в облике богини любви и красоты в сопровождении своего сына крылатого Эрота (№ 137- 149). Богиню нередко изображают обнаженной, украшенной ожерельями и браслетами. Такой мы видим Афродиту на картинах ваз, на ювелирных изделиях, на местных и привозных терракотах. Реже, чем Эрот, ее сопровождают богиня любовного убеждения Пейто (№ 6, 157; рис. 14), а также Химерос и Потос, олицетворявшие страсть и желание (№ 150- 156). Последние не отличались по виду от Эрота, и их можно узнать по сопровождающим надписям или контексту изображения.

Несколько изображений Афродиты указывают, что на Боспоре и в Херсонесе была известна еще одна ипостась богини Пандемос (Всенародная), в которой ее священным животным выступал козел. Иногда художники помещали его рядом с богиней, но чаще ее представляли едущей на козле. Первый вариант мы видим на светильнике римского времени из Кеп, а второй — на двух фигурных ойнохоях рубежа V-IV вв. до н. э. из Пантикапея, на боспорском терракотовом рельефе и бронзовых пряжках II- III вв. н. э. из Пантикапея, Нимфея и Херсонеса (№ 109- 111).

Гораздо чаще козел ассоциировался со священным животным Диониса. Недаром древние драматические действия в честь Диониса назывались трагедиями, то есть песнями козлов, которых изображали поклонники бога; а в дальнейшем трагедиями стали называть особый жанр драматических произведений, разыгрывавшихся в театре на праздниках Диониса. Бог, едущий на козле, представлен на пергамском кубке из Ольвии (№ 312). Спутников Диониса сатиров изображали в козьих шкурах и рядом с козлами, а поклонниц бога менад — едущими на козлах. Вазы с такими иллюстрациями привозили в Северное Причерноморье [Скржинская, 2010, с. 173- 188]. В изобразительном искусстве рядом с Дионисом чаще, чем козла, помещали пантеру; она также была его священным животным и иногда сопровождала его спутников. На частично уцелевшей большой мраморной статуе Диониса пантера сидит у его ног (№ 310). Хороший мастер, вдохновленный работами прославленного Праксителя, исполнил эту скульптуру по заказу боспорян на рубеже V- IV вв. до н. э. Статуя стояла в Пантикапее не одно столетие и пользовалась большим почетом, о чем свидетельствует ее изображение на местных

монетах I в. до н. э. (№ 315). Пантера у ног Диониса неоднократно встречается на росписях привозных аттических ваз (№ 311, рис. 17), на некоторых сосудах мы видим Диониса, едущего на пантере, — композицию, популярную в искусстве эллинистического времени (№ 309).

Дионис как бог вина изображался с кубком (обычно с канфаром или ритонном) в руке (№ 304, 306, рис. 15). На вазах из раскопок античных государств Северного Причерноморья бог и его спутники сатиры и вакханки нарисованы на фоне виноградных лоз (№ 287, 303), реже держащие кисть винограда (№ 314). Другим священным растением Диониса считался плющ. Художники и ювелиры, изготавливавшие штампы для местных монет, увенчивали бога плющевым венком (№ 304, 314, 316, 317, рис. 15) и использовали это растение в качестве символа Диониса (№ 318). С плющем связано сказание о происхождении своеобразного жезла, называвшегося тирсом и служившего постоянным атрибутом Диониса и вакханок (рис. 1, 16). Тирс оканчивался еловой шишкой, а его ствол обвивал плющ. Греки считали шишку символом огня, в котором сгорела мать Диониса Семела. Она по лукавому наущению ревнивой Геры уговорила Зевса предстать перед ней во всем своем божественном величии. Семела погибла в сверкании молний царя богов, а малютку Диониса спас плющ, обвившись вокруг ребенка (Eur. Phoen. 645-655; Philostr. Imag. I, 14).

По преданию, Афина, любимая дочь Зевса родилась из его головы в полном вооружении (Apollod. I, 3, 6). В таком облике она представлялась всем грекам, в том числе и жившим на северном краю ойкумены, о чем свидетельствуют ее изображения на вазах (рис. 17, 22, 33-38), ювелирных изделиях и в скульптуре. Священным растением богини была олива, а животным — сова. Афиняне считали сову предвестницей счастья и победы, что отразилось в поговорке γλαῦξ ἵπταται — летит сова, то есть, идет удача (Любкер, 1885, с. 934). Поэтому не случайно сова была священной птицей богини Афины в ее ипостаси покровительницы города Афин. В Северном Причерноморье значение совы как атрибута богини стало хорошо известно в период интенсивных контактов с Афинами, когда сюда привозили монеты и расписные вазы с такой эмблемой. Во второй половине V в. до н. э. на вазах массового производства, чаще всего имевших форму скифоса, афинские художники рисовали на обеих сторонах сову между двумя оливковыми ветвями. Эти ветви нарисованы столь схематично, что в некоторых современных изданиях их называют лавровыми, но обладатели таких сосудов понимали, что здесь наряду с совой изображена олива, и обе они — символы Афины. При этом зрители могли вспоминать миф о споре богини с Посейдоном за Аттику; греки рассказывали о том, как богиня подарила оливу афинянам, и за это они предпочли ее богу морей (рис. 17). Целые скифосы и их обломки с такой росписью неоднократно находили на многих городищах Северного Причерноморья

(№ 90- 95, рис. 18). Изображение совы на местных изделиях встречается на немногочисленных монетах Никония в Нижнем Поднестровье и Синдской гавани на азиатском берегу Боспора. Там подобные монеты недолго чеканили во второй половине V в. до н. э. (№ 87, 89). Это время сильнейшего влияния Афин на многие стороны жизни большинства античных городов Северного Причерноморья, так что изображение совы появилось здесь по аналогии с подобными афинскими монетами (№ 99).

Художники постоянно снабжали Гермеса присущими ему атрибутами: волшебным жезлом керикейном и крылатыми сандалиями или сапожками; с их помощью бог мог быстро достичь любого места на земле или в подземном царстве, куда Зевс посылал его в качестве вестника своей воли. Оба эти атрибута неоднократно упоминаются уже в поэмах Гомера. Например, поэт описывает, как Гермес надевает свои необычные сандалии и берет золотой жезл, когда отправляется на остров к нимфе Калипсо, чтобы сообщить ей веление Зевса отпустить Одиссея (Hom. Od. V, 44-49). С помощью керикейона, обладавшего магической силой, Гермес мог усыплять или пробуждать людей, а также вызывать из тел умерших души и сопровождать их в Аид (Hom. Od. V; 47, XXIV, 1- 5). Керикейон, или в латинском звучании кадуцей, описывали и изображали в виде жезла, обвитого глядящими друг на друга змеями (Schol. Thuc. I,53). О его происхождении имелись разные рассказы. В одних Гефест специально изготовил этот жезл для Гермеса (Schol. Hom. II, 102), а в других он получил керикейон от Аполлона в обмен на изобретенную им свирель (Apollod. III, 10, 2). В Северном Причерноморье имелось немало импортных и местных (202, 204, 211) изображений керикейона, иногда украшенного крылышками (рис. 14, 22, 43). В античных городах мужчины ходили с непокрытой головой, а шляпы надевали, лишь отправляясь в дальний путь. Рассказы о Гермесе в роли вестника богов, совершавшем дальние путешествия, послужили поводом изображения этого бога в широкополой шляпе на голове или привязанной за спиной (рис. 14, 23). Таким мы видим Гермеса на рисунках привозных и местных ваз (№ 4, 6, 202 и др.).

Деметра, богиня растительности и плодородия, часто изображалась в венке из цветов или колосьев (№ 267). Этой традиции следовали мастера, расписывавшие склепы в некрополях Боспора (№ 272) или изготавливавшие штампы для монет Тиры и Ольвии (№ 269, 271). Иногда колосья служили символами богини (№ 269) или находились рядом с ней (№ 270). Кора, дочь Деметры, стала женой Плутона, бога мрачного подземного царства, поэтому ее часто изображали с зажженными факелами в руках (рис. 47, 49, 50).

Кибела, называвшаяся также Матерью богов, хотя и не входила в число олимпийских богов, пользовалась особым почитанием в среде греков Северного Причерноморья. Об этом свидетельствуют надписи и множество терракот. Постоянными атрибутами богини были лев и большой бубен тимпан,

в который ударяли во время священных ритуалов в ее честь (рис. 19, 20), о чем писали античные авторы, например, в гомеровском гимне, воспевавшем богиню (XIV, 4). Имя Кибелы в Северном Причерноморье встречается на посвяtitельных надписях, начиная с VI в. до н. э. [Русяева, 1992, с. 144, рис. 46], а древнейшее изображение льва как ее символа относится к началу IV в. до н. э. Местный житель схематически прочертил фигуру льва с поднятым хвостом вместе с монограммой богини на обломке краснофигурного кратера из Херсонеса [Соломоник, 1976, с. 129, рис. 8; Граффити античного Херсонеса, 1978, № 1177]. На памятниках изобразительного искусства львенок обычно лежит на коленях сидящей на троне и держащей тимпан Кибелы, иногда один или два льва находятся рядом с богиней. Такие терракотовые статуэтки и каменные рельефы эллинистического и римского времени неоднократно встречались при раскопках Ольвии и Боспора (№ 319- 325, 327-329, рис. 19, 20). Многие терракоты (№ 319- 322), по-видимому, являются вольными копиями упомянутой Павсанием (I, 3, 5) статуи Кибелы, исполненной Фидием для ее храма в Афинах, или скульптуры его ученика Агоракрита (Arrian. Peripl. 11); к последнему мнению присоединяются большинство современных исследователей [Античная скульптура Херсонеса, 1976, с. 26, прим., 48; Денисова, 1981, с. 48, прим. 26]. Редкое изображение Кибелы, сидящей на льве, представлено на одной терракоте позднеэллинистического времени из Херсонеса; местный мастер, вероятно, имея перед собой какой-то импортный образец, с большой точностью воспроизвел сцену с Кибелой на фризе Пергамского алтаря (№ 325).

Завершая исследование об иконографии, атрибутах и спутниках богов на памятниках искусства из античного Северного Причерноморья, можно констатировать, что представления местных греков не отличались от аналогичных взглядов в большинстве эллинских государств. Об этом наглядно свидетельствует тождество местных и импортных изображений. В зависимости от приоритета того или иного божества в каждом полисе можно выделить более частые изображения какого-либо атрибута или спутника бога. Например, в Херсонесе это лань Артемиды, а в Ольвии дельфин Аполлона. В ряде случаев их отдельные изображения символизировали образ бога вообще или его конкретную ипостась. Таковыми были молнии Зевса, лира Аполлона, трезубец Посейдона и др. В этой роли атрибуты чаще всего выступали на монетах.

Троянский цикл мифов

Мифы о богах, включенные в эпические поэмы Троянского цикла, знали все греки, так как эти произведения учили уже в начальных классах школы, а ее посещали практически все дети граждан. Они запоминали наизусть много стихов, а некоторые подростки могли декламировать целые

поэмы (Хен. Symp. 12). Взрослые греки любили устраивать состязания в чтении стихов (Plat. Tim. 21). Такие состязания проводились и в Северном Причерноморье. Сохранилась надпись на чернолаковой солонке из Пантикапея, которая служила призом победителю в чтении стихов из эпических поэм, вероятно, на дружеской пирушке [Блаватский, 1964, с. 93, рис. 28]. В троянском цикле мифов почти все олимпийские боги выступали активно действующими персонажами. Зевс принимал решение о начале войны; Артемида препятствовала отправлению кораблей к Трое; Афродита, Аполлон и Арес помогали троянцам, а Гера и Афина – ахейцам; Гефест изготавливал оружие Ахиллу. В «Одиссее» Посейдон преследовал героя во время его странствий, а Афина выступала его покровительницей; на пиру у царя Алкиноя аэд Демодок спел о том, как Гефест выковал сети, чтобы поймать изменившую ему жену Афродиту и ее соблазнителя Ареса.

Письменные и эпиграфические источники свидетельствуют о прекрасном знании поэм троянского цикла в Ольвии. При раскопках найдены два черепка V в. до н. э. с прочерченными на них стихами из «Малой Илиады» и «Одиссеи» [Виноградов, 1969, с. 142; Яйленко, 1980, с. 68, № 33], а Дион Христом, посетивший Северное Причерноморье в конце I в. н. э., в своей «Борисфенитской речи» говорил о необычайной популярности поэм Гомера у ольвиополитов и о стремлении местных поэтов писать в гомеровском стиле (Dio Chr. Or. XXXVI, 10). Уже на закате архаического периода в Элладе появились пародии на эпические поэмы, в которых звучали насмешки над деятельностью богов. Из произведений этого жанра до настоящего времени сохранилась «Война мышей и лягушек», пародирующая «Илиаду». О знакомстве ольвиополитов с сочинениями такого рода свидетельствует ваза I в. до н. э. со сценой суда Париса. На рельефах сосуда гротескно в виде старух изображены три богини, представшие перед троянским царевичем (№ 12). Знание эпических поэм побуждало греков приобретать различные предметы искусства с иллюстрациями эпоса. В конце VI в. до н. э. житель Пантикапея купил аттический чернофигурный лекиф со сценой из «Илиады» (XXII, 222-246). На вазе нарисована Афина, которая в облике Деифоба, любимого брата Гектора, побуждает Ахилла сразиться с Гектором (№ 1). При взгляде на Фетиду и nereид, везущих оружие (№ 3, 9, 10), зритель вспоминал стихи из «Илиады» (XIII, 468- 616; XIX, 10- 19), в которых описывалось, как по просьбе Фетиды Гефест выковал новое вооружение Ахиллу, и мать вместе со своими сестрами, nereидами отвезли его герою. В парадный костюм боспорянки в конце IV в. до н. э. входили две большие золотые подвески; на одной из них Фетида, плывущая на гиппокампе, держит в руках панцирь (рис. 21), а на другой она везет поножи. Фигурки nereид на саркофаге из некрополя Горгиппии также имеют в руках разные предметы вооружения, в том числе удивительно украшенный щит, подробно описанный Гомером.

Более многочисленны и выразительны иллюстрации других поэм Троянского цикла. Таковы вазы со сценами из «Киприй», где излагались события, вызвавшие войну, и ее ход до начала «Илиады», а также иллюстрации к «Эфиопиде» и «Малой Илиаде», в которых повествовалось об окончании Троянской войны. Эти поэмы известны сейчас лишь в кратких пересказах позднеантичных авторов. Среди росписей, вдохновленных «Киприями», особый интерес вызывает рисунок Элевсинского мастера на пелике 40-х годов IV в. до н. э. (№ 6). Это редчайшая иллюстрация начальных стихов поэмы (рис.14). Там говорилось о совещании Зевса и Фемиды, обеспокоенных перенаселением земли. Чтобы избавиться от избытка людей, боги решили разжечь продолжительную войну. Подобное объяснение причин Троянской войны появилось во время Великой греческой колонизации VIII-VI вв. до н. э., то есть через несколько столетий после реальных событий XII в. до н. э., легших в основу эпоса. Из-за перенаселения греческих полисов множество эллинов устремилось искать новые земли на берегах Средиземного и Черного морей. Именно тогда возникла мысль о том, что боги затеяли Троянскую войну, чтобы сократить население мира. Возможно, это объяснение принадлежит автору «Киприй», современнику расцвета колонизационного движения греков. Одни античные писатели называли его Стасином, другие - Гегесием, он был киприотом и потому назвал свою поэму кипрскими песнями. На упомянутой пелике в центре картины нарисован восседающий на троне Зевс со скипетром в руке; он беседует с Фемидой, сидящей, согнувшись у его ног на невысоком полукруглом возвышении. Эти фигуры напоминают строки одного гомеровского гимна (Ном. Нумн. XXIII, 2-3):

*Громораскатный, владыка державный, судья- воздоятель,
Любишь вести ты беседы с Фемидой согбенноседающей.*

Перевод В.В. Вересаева

Античные иллюстрации мифов и литературных произведений часто отличались от современных тем, что показывали не отдельный эпизод, а давали некое обобщенное изображение, которое напоминало обо всем произведении или о большей его части. На картине рассматриваемой пелики хорошо видно, что художник рисовал персонажей, действовавших в разных частях предания. Рядом с Зевсом стоит Афина, покровительница ахейцев в будущей войне, а с другой стороны трона - вестник богов Гермес. Он сообщит Парису о том, что тот должен назвать прекраснейшую среди трех богинь. Конечно, любой его выбор вызовет гнев двух других соперниц и послужит причиной для разжигания войны. За спиной Фемиды в кресле сидит избранница Париса Афродита, а около нее Пейто, богиня любовного убеждения. С ее помощью Афродита склонит Елену покинуть своего мужа Менелая и бежать с троянским царевичем Парисом. Мечь за похищение послужит поводом к походу на Трою.

Кратер, расписанный мастером Кадма в начале IV в. до н. э., украшен сценой суда Париса; при этом вазописец написал имена каждого персонажа. (№ 4). Рисунок расчленен на два яруса (рис. 22). В верхнем находятся богини Фемида и Эрида. Последняя, по преданию, бросила яблоко раздора с надписью «прекраснейшей», и Парису следовало отдать его одной из трех богинь. Благодаря замыслам этих богинь совершился выбор, изображенный в нижнем ярусе картины. Там в центре сидит Парис в роскошной восточной одежде, указывающей на его малоазийское происхождение. К нему обращается Гермес, сообщая о воле богов назначить его судьей, а по бокам расположились прибывшие на суд богини: справа - Афина и Афродита со своим сыном Эротом, слева Гера и ее дочь Геба. На другой пелике середины IV в. до н. э. вазописец несколько иначе представил суд Париса, которому надлежит сделать выбор лишь между двумя богинями: Афиной и Афродитой (№ 7). Подобные иллюстрации с выбором между двумя богинями появились уже в чернофигурной вазописи [Boardman, 1985, p. 229]. Вероятно, Парис сразу решил отвергнуть дар Геры и колебался между желанием иметь славу победителя, обещанную Афиной, или обладать прекраснейшей женщиной, которую сулила ему Афродита. К изображению суда Париса обращались не только вазописцы. Из находок в Северном Причерноморье примером этого служит гравировка на пластинке из слоновой кости, найденной в кургане Куль-Оба (№ 9).

Другие сцены из «Киприй» представлены на лекифе и гидрии IV в. до н.э. (№ 5). Вазописец изобразил отъезд Париса и Елены в Трою. Они покидают царство Менелая на колеснице, запряженной четверкой коней. Гермес держит их под уздцы, а рядом с квадригой стоит Афродита, наблюдая, как сбывается ее обещание Парису (рис.23). Около центральных фигур витают крылатые божества, обычно называемые эротами; они символизировали чувства влюбленных. Возможно, это Химерос и Потос из свиты Афродиты; которые олицетворяли страсть и желание и по своему облику на памятниках искусства не отличались от Эрота. Елена и Афродита нарисованы обнаженными с ожерельем на шее и браслетами на запястьях, а Парис одет в пестрый наряд, включающей такие явно негреческие элементы, как шаровары и высокая шапка; что напоминало о восточном происхождении героя (рис. 23, 24).

Сюжеты «Эфиопиды» и «Малой Илиады» были сходны. Поэтому из-за утраты их текстов и краткости пересказов содержания зачастую трудно решить, которую из этих поэм иллюстрирует вазописец. Но в некоторых случаях можно понять, какую версию избрал художник. Стихи из «Эфиопиды» вспоминались при взгляде на роспись лекифа IV в. до н. э. со сценой нападения Неоптолема на Приама, искавшего укрытия у алтаря Зевса (№ 7). В «Малой Илиаде» говорилось, что Приам погиб не у алтаря, а у ворот своего дворца (Paus. X, 27). Как и предыдущая иллюстрация, к заключительному этапу Троянской войны относится картина на черно-

фигурной ольпе с изображением Афины, защищающей Кассандру от нападающего на нее Аякса (№ 2).

Зевс

Эллины считали Зевса главой богов, царящих на Олимпе. Поэтому его часто изображался в окружении олимпийских богов (№ 13-15). Первенствующая роль Зевса ясно выделяется на росписи огромного, к сожалению, лишь частично сохранившегося краснофигурного кратера из кургана у селения Баксы близ Пантикапея (№ 14). Сюжетом для росписи стали предания об апофеозе Геракла и Диоскуров. Вазописец представил богов, принимающих героев на Олимпе. Статуи Фидия с восточного фронтона Парфенона послужили мастеру образцом для фигур Зевса, Афины и Геры (рис. 25). В центре верхнего фриза нарисован сидящий на роскошном троне Зевс с посохом в руках. К нему подлетает Ника, венчающая бога венком, рядом стоит Афина в высоком шлеме с эгидой на груди; она держит копье и касается рукой большого щита, стоящего у ее ног. С противоположной стороны около Зевса находится его супруга Гера в пышном венке из цветов. Фрагментарно сохранившаяся часть статуи Геры подтверждает верный общий контур изображения на рисунке кратера. Роспись этой вазы помогает окончательно решить вопрос, как Фидий представил Зевса на фронтоне храма, и опровергнуть предположение, что бог изображался стоящим. Вероятно, и остальные боги на этой вазе представляли вольные копии известных статуй. В их числе мы видим Аполлона, сидящего рядом с Герой, и стоящих рядом с ним Гермеса и Гефеста, а с другой стороны около Афины нарисованы сидящие Посейдон с трезубцем и Афродита. Ценность рассматриваемой вазы заключается еще и в том, что на ней сохранились самые ранние из дошедших до нас изображений работ Фидия [Shefton, 1992, S. 245-247].

По картинам на вазах из Северного Причерноморья можно узнать, какие мифы о Зевсе были определенно известны грекам этого региона. Существовало множество преданий о связях Зевса с земными женщинами и о рожденных ими детях. Зевс нередко являлся своим избранницам не в образе бога. Он соблазнил Европу, обратившись в быка, который доставил царевну на Крит; он посетил Данаю, пролившись золотым дождем, и у нее родился сын Персей; а также явился в виде лебедя к жене спартанского царя Тиндарея Леде, и она родила от бога Полидевка и Елену, причем последняя появилась из яйца (Apollod. III, 10, 7). В V в. до н. э. ольвиополит носил электровый перстень с изображением Данаи, протягивающей руки к двум шарикам дождя (№ 18). В эллинистический и римский периоды художники любили изображать Леду и лебедя. Во II- I вв. до н. э. коропласты в Пантикапее делали терракотовые статуэтки Леды с лебедем (№ 31). Этими фигурами украшены керамическая плакета из Тиры (№ 30) и светильники из Херсонеса

и Пантикапея (№ 32, 33). Еще один эпизод из этого мифа представлен на пелике, обнаруженной на азиатской стороне Боспора; вазописец нарисовал Леду и ее сыновей Диоскуров около алтаря, на котором лежит яйцо (№ 21). Композиция напоминает о рождении из яйца Елены, дочери Леды и Зевса (Eur. Hel. 16- 22; Apollod. III, 8, 7).

В облике орла Зевс унес на Олимп прекрасного юношу Ганимеда и сделал его виночерпием (Apollod. III, 12, 2). Орел, несущий Ганимеда, нередко появлялся в декоре мегарских чаш. Такие чаши III в. до н. э. найдены в Херсонесе и в Ольвии (№ 28, 29), а на Тамани медальон с подобным изображением украшал конскую узду (№ 27). В центре роскошной золотой диадемы из Артюховского кургана находилась фигурка орла, несущего Ганимеда. Видимо, диадему часто надевали, и когда она потребовала починки, мастер заменил Ганимеда эротом, вероятно, взятым из другого украшения [Максимова, 1979, с. 45-48].

Родоначальник многих героев Эпаф был сыном Зевса и Аргосской царевны Ио. Опасаясь гнева Геры, Зевс превратил свою возлюбленную в белоснежную корову, но Гера послала преследовать Ио жалящего ее овода. В древнейших мифах Ио бежала от овода по Элладе, но с расширением географических горизонтов греков путь жертвы Геры охватывал все более дальние части ойкумены, и в VI в. до н. э. к этим областям присоединилось Северное Причерноморье. Древние считали, что названия проливов Боспор (Коровий переход) Фракийский и Киммерийский напоминают о пути Ио, завершившемся в Египте (Aeschyl. Prom. v. 750-760). Таким образом, территория Боспорского царства упоминалась в одном из широко известных мифов. О его знании в среде боспорян свидетельствуют керамические акротерии V- IV вв. до н. э. с изображением Ио. На них представлена женская голова с рожками, напоминающими о превращении возлюбленной Зевса в корову (№ 22). Такие акротерии украшали здания в Пантикапее, Нимфее и Феодосии. Сначала их привозили из Синопы, а потом стали делать в местных мастерских [Марченко, 1984, с. 61-66, рис. 4- 6].

Сказание о Европе, дочери финикийского царя, похищенной Зевсом, было популярно на протяжении всей античности. Гомер в двух стихах «Илиады» (XIV, 321-322), говоря о «дочери знаменитого Феникса», считал, что его слушатели прекрасно знают, как бог, обратившись в быка, увез Европу; сидя на его спине, царевна приплыла по морю на Крит, здесь Зевс принял свой прежний вид, сочетался браком с Европой, и она родила Миноса, будущего царя Крита, Радаманта и Сарпедона. Этот миф упоминали многие античные авторы (Hdt. I, 2; Nonn. I, 46- 361; Luc. Dial. Marini 15; Apollod. Bibl. II, 5, 7; Hor. Od. III, 25- 76). Лучшее поэтическое изложение в сохранившейся древнегреческой литературе принадлежит Мосху, написавшему во II в. до н. э. небольшую поэму «Европа», а в римской литературе – Овидию; используя теперь

утраченные сочинения о греческой мифологии, поэт дважды обращался к этому мифу в «Метаморфозах» (II, 850- 875) и в «Фастах» (V, 605- 625). О знании этого мифа в Северном Причерноморье можно составить представление исключительно по находкам аттических расписных ваз. Изображение Европы на них впервые появилось в начале V в. до н. э. (ABF, p. 217; ARF, p. 224) и постоянно воспроизводилось на протяжении V-IV вв. до н. э. Сначала изображали только Европу, сидящую на быке, или как бы парящую рядом с ним, держась за рог животного. Такие изображения сохранились на ойнохое и кизикинском статере V в. до н. э., найденных в Ольвии (№ 17, 20).

В начале IV в. до н. э. композиция иллюстрации мифа стала усложняться. Рядом с Европой на быке появляются другие персонажи: Посейдон, помогающий Зевсу беспрепятственно плыть на Крит, Эрот, символ любви и брака, всевозможные реальные и фантастические морские обитатели. Вазы с такими картинами вывозились из Аттики главным образом на Боспор, где их найдено значительно больше, чем в каком-либо другом греческом полисе. Сосуды с подобной росписью встречаются также среди археологических находок в Ольвии (№ 26) и в разных областях Средиземноморья [Barringer, 1991, p. 657]. На вазах так называемого «роскошного стиля» часто применялись белая краска и позолота. Например, на пелике из погребения на Таманском полуострове золотом выделены бусы, серьги, браслеты Европы, а бык окрашен белой краской (№ 24). Последнее отвечает описаниям Овидия и Лукиана.

*Зевс обличье быка принимает, и в стадо вмешавшись,
Звучно мычит и по нежной траве гуляет, красуясь.
Цвет его – белый, что снег, которого не попирала
Твердой подошвой нога и Австр не растапливал мокрый*

Метаморфозы. Стихи 850- 854. Перевод С. Шервинского.

В случаях же, когда бык на вазах представлен в цвете глины, можно вспомнить стихи Мосха из его поэмы «Европа». Там Зевс «стал прекрасным быком с золотистой рыжею шкурой» (Mosch. Eur. 84). Все иллюстрации мифа о Европе, обнаруженные на Боспоре, исполнены афинским вазописцами в IV в. до н. э.; среди них упомянутая выше пелика и фрагмент дорогого лекифа с накладным рельефом из кургана Большая Близница (№ 25; рис. 26). Наиболее сложные композиции украшают шесть целых и несколько фрагментов рыбных блюд из раскопок европейской и азиатской частей Боспора (№ 20; рис. 27). Почти все изображенные на них персонажи описаны в поэме Мосха (стихи 113- 130):

*Бык же на волны вступил и помчался, подобно дельфину,
Даже копыт не смочив, пробежал он по волнам широким.*

*Всюду, где он проходил, воцарялось на море затишье.
Разные чудеса морские вокруг Зевсовых ног извивались.
Недр обитатель дельфин, веселясь, на волнах кувыркался.
Много всплыло над водой Нереид, и усевшись на спинах
Разных чудовищ морских, проплывали без счета рядами.
Даже и грозношумящий владыка, земли колебатель
Сглаживал волны и был провожатым по моря тропинкам
Брату родному. Вокруг же него поднимались тритоны,
Те, что моря оглашают шумящими звуками рога,
В длинные дули ракушки, приветствуя свадебной песней.
Севши на Зевса бычачьей спине, ухватилась Европа
Крепко одною рукой за изогнутый рог, а другою
Бережно длинный подол поднимала пурпурной накидки,
Чтоб он, влачась по воде, не смочился седыми волнами.
Плащ развивался широкий у ней на груди, поднимаясь
Словно как парус на лодке, еще ее делая легче.*

Перевод М.Е. Грабарь- Пассек

У поэта нет лишь крылатых Эрота, Потоса и Химероса, фигурами которых художник подчеркивал любовный и брачный смысл мифа. В поэме отсутствуют рыбы, ракушки и морские звезды; подобно волнам в поэме Мосха, они вызывали у зрителя представление о морском пути Европы на Крит.

Группа краснофигурных рыбных блюд с изображением Европы, едущей на быке в сопровождении реальных и фантастических морских обитателей, представляет уникальное явление в истории импорта аттических ваз в Северное Причерноморье. В конце V в. до н. э. афинские художники начали расписывать рыбные блюда, которые раньше не украшались рисунками. Это были крупные тарелки со сферическим углублением посередине, в которое наливали соус для разложенных вокруг кусков рыбы. Вазописцы рисовали на блюдах всевозможных рыб, осьминогов, каракатиц, дельфинов, морских коньков. В одной мастерской на рубеже V- IV вв. до н. э. на рыбных блюдах появилась сцена из мифа о Европе; никаких других иллюстраций мифов на таких блюдах больше не встречается [Циммерман, 1979, с. 89; Mc. Phee, Trendall, 1987]. В композицию росписей с изображением Европы, плывущей на быке, включены изображения рыб и других морских обитателей (рис. 27). Это, по нашему мнению, в какой-то степени определило выбор мифологического сюжета для украшения рыбных блюд: художники избрали уже освоенный в вазописи подходящий миф, связанный с морем, которое символизировалось фауной, ставшей традиционной в росписи рыбных блюд. Рисунки на блюдах очень схожи и по композиции, и по манере исполнения. Вероятно, в первой четверти IV в.

до н. э. их расписывал один мастер, либо несколько мастеров одной школы [UKV. S. 90- 91; Циммерман, с. 78].

Все известные к настоящему времени блюда с подобным сюжетом росписи найдены на Боспоре. Их несколько десятков, и почти все они обнаружены в гробницах, насыпях курганов и местах заупокойной тризны. Поэтому теперь считается, что такие блюда специально изготавливались для погребальных ритуалов. Многофигурная композиция росписи блюд отличается лишь в деталях. Центральное место в ней всегда занимают Зевс, сидящий в кресле, и направляющаяся к нему Европа; она либо боком сидит на быке, или как бы парит рядом с ним, держась одной рукой за рог быка. Традиция изображать Европу, держащуюся за рог быка, выработалась еще в V в. до н. э., ей следовали художники и в следующие века. Европу сопровождают nereиды, едущие на гиппокампах, тритоны и три крылатых божества: сын Афродиты Эрот и не отличающийся от него в изобразительном искусстве Потос (любовная страсть) и Химерос (Желание). В руках одного из них нарисован тимпан, так что зритель не только наблюдает за действием, но может озвучить его в своем воображении ударами в бубен. На некоторых блюдах, как и на пеликах с этим сюжетом, изображены еще Гермес и повелитель водной стихии Посейдон с трезубцем. У ног мифических персонажей по внешнему краю блюд плывут большие и малые рыбы, морские звезды и раковины. Все это показывает, что Европа приближается к Криту, где ее ожидает Зевс. Он представлен в двух ипостасях быка и бога; так художники передавали одновременно два момента рассказа: путешествие Европы на быке по морю и возвращение Зевса в свой божественный облик на Крите, где совершилась свадьба.

Бракосочетание у греков в ряде случаев ассоциировалось не только с веселым праздником, но и с нисхождением в царство мертвых. В научной литературе неоднократно отмечались сходные ритуалы в древнегреческих свадебных и похоронных обрядах [Barringer 1991, p. 662]: омовение невесты и покойного, облачение в обоих случаях в парадные одежды и украшения, сопровождение той и другой церемонии факелами, подарки жениху и невесте и приношения усопшим. Смерть воспринималась греками как переход души в иное состояние при перемещении ее в потусторонний мир. Свадьба также сопровождалась переездом невесты в дом жениха и переходом из состояния девушки в замужнюю женщину. В древнегреческой поэзии умершая девушка нередко называется невестой или супругой властителя Подземного царства (Soph. Ant. 814- 816; Eur. Iph. Aul. 460—461), а ее могила уподобляется спальне новобрачных (Soph. Ant. 891). В «Троянках» Еврипида (444-450) Кассандра говорит о смерти женщин Трои, как об их браке с Аидом. На рубеже нашей эры эту мысль выразил боспорский поэт. В эпитафии Феофилы, дочери Гекатея, жившей в Пантикапее,

он писал, что Плутон «зажег брачные светочи» и «принял ее в свой свадебный чертог возлюбленной супругой» (КБН № 130).

Миф о Европе в определенном контексте приобрел особые символические черты. Во время погребальных церемоний на Боспоре в начале IV в. до н. э. путешествие Европы из родного дома через море на Крит для свадьбы с Зевсом мыслилось как символ перехода души из мира живых в мир мертвых [UKV. S. 148- 149. Barringer, 1991, p. 666]. Подобно Европе, пересекающей море, душа умершего должна преодолеть при переходе в иной мир некое водное пространство, по которому ее перевозит на лодке Харон. Момент передачи Гермесом Харону души умершей девочки изображен на погребальной вазе, расписанной в III в. до н. э. ольвийским художником (№ 202), а монету за перевоз души часто находят во рту погребенных, похороненных в некрополях северопричерноморских полисов. Отметим еще один момент мифа, который мог вызвать ассоциацию со смертью. Авторы греческих надгробных надписей часто говорят о том, что умершего похитили (разные формы от глагола ἄρπάζω) Аид или Мойры (КБН. № 124, 128, 130), то есть смерть представляется как похищение. Поэтому похищение Зевсом Европы уподоблялось похищению покойного божествами подземного царства.

Символическое толкование мифа о Европе, вероятно, существовало не только на Боспоре. Ведь вазы с иллюстрацией этого мифа обнаружены в некрополях разных греческих государств. Однако, лишь на Боспоре в погребальном обряде использовались рыбные блюда с таким сюжетом росписи. Их либо клали в могилу вместе с другими сосудами, либо на них сервировали погребальную трапезу, а затем разбивали. Такие обломки попадали в могильники, или оставались на месте тризны [Гайдукевич, 1949, с. 292- 293]. Например, в насыпи кургана некрополя Нимфея находилось блюдо, разбитое на 87 кусков.

Достоверно известно, что рыбные блюда с изображением морской фауны широко использовались в быту северопричерноморских эллинов, и, в то же время, их часто клали в могилы вместе с другими сосудами [Циммерман 1979, с. 90]. Относительно блюд с изображением Европы сложилось мнение об их назначении исключительно для погребальных церемоний. Однако полной уверенности в этом быть не может. Один фрагмент «мифологического» блюда куплен в Пантикапее и, возможно, найден не в погребении, два осколка с остатками фигур гиппокампов (они известны пока только на «мифологических» блюдах) обнаружены в городских слоях Пантикапея [Циммерман 1979, с. 74, № 218, с. 78, № 138, с. 82]. Поэтому следует согласиться с редко высказываемым суждением, что «мифологические» блюда использовались, подобно прочим, в быту греков [Mc. Phee, Trendall, 1987, p. 31], и тогда миф не получал того особого значения, какое вкладывали в него при погребальных ритуалах. Сравнивая изображения на блюдах, найденных на Боспоре, с описаниями античных авторов, не связывавших

миф о Европе с погребальной тематикой, можно увидеть всех персонажей, описанных древними писателями. Это также подтверждает мысль, что роспись таких рыбных блюд не обязательно вызывала ассоциации только с потусторонним миром.

К IV в. до н. э. в изобразительном искусстве выработался определенный канон в иллюстрациях мифа. Теперь трудно решить, поэты или художники впервые изобразили всю многообразную свиту Европы. Возможно, на блюдах воспроизведена какая-то известная картина, оказавшая большое влияние как на иллюстрации мифа, так и на его литературное изложение. Поэты эллинистического периода, в число которых входит Мосх, часто строили свои описания мифологических сцен, вдохновляясь картинами или коврами с многофигурными композициями. Поэма уроженца Сицилии прекрасно раскрывает содержание картин на рыбных блюдах, найденных на Боспоре, вероятно, потому что поэт и вазописец черпали сюжет из одного источника.

Мосх пишет, что «бык бежал по волнам, не смочив копыт», и на вазописи мы видим бегущего, а не плывущего быка. У поэта Европа держится одной рукой за рог быка, и именно так ее рисовали античные вазописцы. Мосх описывает, как Посейдон помогал своему брату Зевсу, и на некоторых блюдах изображен этот бог с трезубцем. Навстречу Европе, по словам Мосха, выплывали разные мифические существа: nereиды на разных морских чудовищах и тритоны. Они также присутствуют на рассматриваемых блюдах, правда, nereиды едут исключительно на гиппокампах. В свите Европы nereиды выполняли роль подруг невесты, сопровождающих ее на свадьбу. В то же время при погребальном ритуале nereиды рассматривались как проводники душ через водное пространство, за которым лежит потустороннее царство. Украшения саркофага из Горгишпии (№ 11) показывают, что на Боспоре были известны подобные представления о nereидах.

Итак, в древности миф о Европе имел различные толкования. Находки ваз в Северном Причерноморье указывают, главным образом, на символическое значение мифа в погребальном обряде. Однако, не следует думать, что здесь понимали миф о похищении Европы исключительно как аллгорию переселения души в потусторонний мир. Ведь ни один античный автор при упоминании этого мифа не отмечал его символической погребальной окраски. Наверное, учителя в Северном Причерноморье, комментируя детям обязательного в школьной программе Гомера, излагали миф так, как это делали Мосх и Овидий. Упомянутые обломки «мифологических» рыбных блюд из городских слоев Пантикапея, вероятно, также говорят нам о более распространенном в древности восприятии мифа.

Рыбные блюда с мифологическим сюжетом занимают исключительное положение в ряду найденных на Боспоре аттических расписных ваз. Их изготавливали в одной мастерской на протяжении не более 20 лет. Возможно,

первые образцы росписи с мифом о Европе были развитием ставшего традиционным для рыбных блюд сюжета с морской фауной, и, иллюстрируя миф, художник не вкладывал в него символического значения переправы души в потусторонний мир. Когда же такие блюда начали использовать на Боспоре в погребальном ритуале и в мифе усмотрели его переносный смысл, мастерская стала целенаправленно работать на экспорт, слегка варьируя найденную удачную композицию. После исчезновения этой мастерской другие вазописцы не стали трудиться над столь сложным сюжетом, а на Боспоре исчез обычай подавать заупокойную трапезу на таких блюдах. Тогда же, возможно, здесь забылось символическое значение мифа, о бытовании которого на Боспоре мы больше ничего не знаем.

В заключение отметим, что рыбные блюда с мифологическим сюжетом двумя столетиями старше поэмы Мосха, где впервые в сохранившейся античной литературе упоминаются второстепенные персонажи, сопровождавшие Европу в ее морском путешествии. Боспорские находки показывают, что эти образы появились не позднее IV в. до н. э., и, по-видимому, они существовали не только в изобразительном искусстве, но и в литературных произведениях, теперь утраченных. Таким образом, «мифологические» рыбные блюда оказываются интересным источником для расширения наших знаний не только о культуре Боспора, но и всей Эллады.

Греки считали Зевса отцом не только героев, но и богов. В числе его сыновей были Аполлон, Гермес, Дионис, Гефест, Арес и другие; любимой дочерью называли Афину. Не случайно вазописец поместил ее рядом с Зевсом, изображая олимпийских богов, принимающих Геракла и Диоскуров на Олимпе (№ 14; рис. 25), а на картине кратера из Пантикапея она наливает отцу вино из чаши (№ 73). По преданию, богиня появилась на свет из головы Зевса и сразу предстала в полном вооружении (Hesiod. Theog. 924-926; Pind. Ol. VII, 34- 39; Apollod. I, 3, 6). Поэтому ее изображали в шлеме с эгидой на груди, с копьем в руках и со щитом (рис. 17). Рождение Афины нарисовано на чернофигурном килике из Ольвии (№ 16). На нем изображены Зевс и стоящие рядом с ним две Илифии, богини, помогающие при родах. Надпись с именем Афины над головой бога указывает, что оттуда появится дочь Зевса. К косвенным свидетельствам о знании этого мифа на протяжении нескольких столетий можно причислить сцену рождения Афины на восточном фронте Парфенона. Ведь этот знаменитый храм рассматривали многие жители Северного Причерноморья, посещавшие Афины.

Гера

На памятниках изобразительного искусства Гера, сестра и ревнивая супруга Зевса, обычно находилась рядом с мужем. Так ее нарисовали вазописцы на чернофигурной амфоре и краснофигурном кратере из Пантикапея

(№ 13, 14; рис. 25). Среди произведений на мифологические сюжеты с участием Геры богиня чаще всего появлялась в сцене суда Париса (№ 4, 9, 12; рис. 28). Редкая иллюстрация сказания о споре Геры и Посейдона за первенство в Аргосе сохранилась на краснофигурной гидрии из Нимфея (№ 42).

К IV в. до н. э. относятся несколько изображений этой богини. Таковы резной деревянный рельеф на саркофаге из некрополя Пантикапея (№ 43) и найденные на Боспоре и в Ольвии золотые подвески к серьгам в виде головы богини (№ 44, рис. 29). Образцом для последних, вероятно, послужила знаменитая хрисэлефантинная статуя Поликлета, изготовленная в конце V в. до н. э. для храма Геры в окрестностях Аргоса, или другая статуя его школы [Русяева, 1994, с. 107, 108]. Этот скульптор прославился изображениями идеальных лиц богов и атлетов [Виппер, 1972, с. 184, 185]. На подвесках, которые незначительно различаются в некоторых деталях, у женщины безукоризненно правильные черты лица. Все части украшения тонко и тщательно гравированы. Голову богини венчает роскошная диадема с изображением пальметт и цветов лотоса, в уши вдеты серьги в виде розеток с подвесками, а шею обвивает ожерелье из круглых бусин с подвеской в виде головы быка, который, вероятно, напоминает о корове, священном животном Геры. Лепестки цветов и листьев на диадеме и серьгах заполнены белой и синей эмалью, на глаза нанесено частично сохранившееся белое и синее эмалевое покрытие, видимо, отражающее разноцветные камни, которые греки вставляли в глаза ценных храмовых статуй.

Плутон

Все эллины знали древнее сказание о том, как после победы над титанами три брата Зевс, Посейдон и Плутон, именовавшийся также Аидом, разделили по жребии между собой владычество над миром. Это предание изложено уже в «Илиаде» и повторяется у других античных авторов вплоть до заката античности (см., например, «Библиотеку» Аполлодора I, 2, 1). Вот как Гомер изложил этот миф устами Посейдона (II. XV 187- 193):

*Три нас родилось брата от древнего Крона и Реи:
Он – громовержец, и я, и Аид, преисподних владыка
Натрое все делено, и досталось каждому царство:
Жребий бросившим нам, в обладание вечное пало
Мне волношумное море, Аиду подземные мраки,
Зевсу досталось меж туч и эфира пространное небо;
Общую всем остается земля и Олимп многохолмный.*

Перевод Н.И. Гнедича

Из сказаний о трех братьях художники выбирали чаще всего сюжеты с деяниями Зевса, они также иллюстрировали мифы о Посейдоне и совсем

редко обращались к изображениям Плутона. Его, как и братьев, представляли в виде бородатого мужчины. Таким мы видим его на фресках из трех пантикапейских склепов первых веков нашей эры (№ 266). На этих картинах художники иллюстрировали известное с архаического времени предание о том, как Плутон похитил дочь Деметры Персефону, называемую также Корой, и принудил ее стать его женой (Horn. Nymn. V, 15- 21; 360- 374). Древнейшее в Северном Причерноморье изображение этого мифа сохранилось на золотой диадеме IV в. до н. э. из пантикапейского некрополя (№ 265). Диадема украшена геракловым узлом, а по его сторонам двумя одинаковыми сценами похищения Кору. Ювелир, возможно, вдохновленный знаменитой в древности картиной Никомаха, создал одну из самых древних известных сейчас иллюстраций мифа [Jaeggi, 2009, p. 95]. Плутон всюду представлен на легкой двухколесной повозке, запряженной четверкой коней. На картине из склепа Деметры имя бога написано над его головой (рис. 45). Маленький возница погоняет бичом лошадей, а Плутон в развевающемся плаще прижимает к себе стоящую перед ним Кору. Рисунок выполнен не слишком умелым художником, плохо знакомым с анатомией и нарушавшим пропорции между фигурами.

Тот же сюжет избрали для украшения склепа Алкима, сына Гегесиппа, умершего на рубеже нашей эры. Картина похищения Кору на стене склепа Алкима написана более эмоционально и с большим количеством персонажей. Соотношение размеров фигур не имеет столь явных нарушений, как на рассмотренной выше фреске. Возница погоняет мчащуюся квадригу, а Плутон в развевающемся плаще стоит в колеснице; одной рукой он понукает возницу, а другой держит Кору, бессильно схватившуюся за голову. Позади колесницы в недоумении остались ее четыре подруги (рис. 46).

Третий склеп открыт в Керчи в 1841 г. и затем, к сожалению, разрушен, а его точное местоположение остается не определенным. Сохранились лишь план и несовершенные рисунки середины XIX в., но даже они дают представление о великолепии этого сооружения. Центр картины на одной из стен занимал стоящий на колеснице Плутон; одной рукой он сам правил четверкой коней, а другой держал сопротивляющуюся Кору. Две камеры склепа покрывали росписи, они по богатству и разнообразию сюжетов не имеют себе равных на Боспоре. Поэтому представляется вполне оправданным предположение, что в этом склепе во второй половине I - начале II вв. н.э. похоронили одного из боспорских царей [АДЖ, с. 374; Гайдукевич, 1949, с. 415].

В выборе упомянутого сюжета для фресок в склепах явно просматривается метафорический смысл. Подобно тому как Плутон похитил Кору и увез ее в подземное царство, так и смерть вырывает человека из жизни, и его душа уносится в потусторонний мир.

Посейдон

Владыка морей Посейдон, состязаясь с другими богами, неоднократно пытался подчинить своему влиянию многие земли Эллады. Он судился с Афиной за владычество над Аттикой и Трезеном (Her. VIII, 55; Apollod. II, 14, 1; Paus. I, 24, 5), с Герой за Арголиду (Apollod. II, 1, 4), с Зевсом за Эгину (Schol. Pind. Isthm. VIII, 91), с Аполлоном за Дельфы (Paus. II, 33, 2), с Дионисом за Наксос, с Гелиосом за Родос и Коринф (Paus. II, 1, 6; Plut. Quaest. conv. IX, 6); из этих тяжб он сумел выиграть только коринфскую.

В коллекции боспорских археологических находок есть две краснофигурные гидрии с иллюстрациями споров Посейдона с Герой и Афиной (№ 47, 48). Старшая из этих ваз, расписанная на рубеже V-IV вв. до н. э., обнаружена в кургане на хоре Нимфея. Миф, который иллюстрировал вазописец, сейчас лучше всего известен в изложении Аполлодора, рассказавшего о странствиях Даная, ставшего царем Аргоса (Apollod. II, 1, 4). «В стране не было воды, так как Посейдон иссушил в ней даже источники, гневаясь на Инаха, обьявившего эту землю принадлежащей богине Гере, поэтому Данай послал своих дочерей отыскать воду. Одна из них, Амимона, во время поисков метнула дротик в оленя, но попала в спящего Сатира; последний проснулся и воспыла желанием с ней сойтись. А тут появился Посейдон, и Сатир убежал, Амимона же разделила ложе с Посейдоном, и тот указал ей источник в Лерне» (перевод В.Г. Боруховича). По версии мифа, известного Гигину (Hygin. Fab. 169), Посейдон сам вызвал этот источник, ударив трезубцем в землю. На лицевой стороне вазы (№ 47) нарисованы Посейдон с трезубцем и Амимона, между ними стоит гидрия, наполняемая водой из источника. На другой стороне сосуда находятся Сатир и Афродита с Эротом, символизирующие любовное влечение Сатира к Амимоне. Известно, что уже в начале V в. до н.э. миф вошел в античную литературу. Сатировская драма «Амимона» завершала тетралогия Эсхила о Данаидах, так что вазописец мог иллюстрировать не только устное предание, но и известную многим театральную пьесу.

Найденная в Пантикапее краснофигурная гидрия с рельефными фигурами Афины и Посейдона, стоящими по бокам оливкового дерева (№ 48, рис. 17, 30), напоминала о споре этих богов за главенство в Аттике. Они предлагали этой стране свои дары: Афина – оливу, а Посейдон – соляной источник; Ника, подлетающая к Афине, символизировала победу богини. В середине IV в. до н.э. вазописец скопировал эту группу с исполненного Фидием рельефа на западном фронте Парфенона. На гидрии около позолоченного оливкового деревца, которое обвивает змей Эрихтоний, изображена Афина, ударяющая в землю копьем, чтобы выросла олива, а Посейдон вызывает трезубцем появление соляного источника. Остальные персонажи отличаются от композиции на Парфеноне [Вальдгауэр, 1914, с. 114; Колобова, 1961, с. 142-144].

Иллюстрация сказания о намерении Посейдона жениться на nereиде Амфитрите нарисована на краснофигурной пелике из Пантикапея (№ 49). Амфитрита не желала стать женой бога морей и укрылась от его преследований в гроте, но там ее нашел посланный на поиски дельфин и доставил к Посейдону, и после этого была сыграна свадьба (Hug. Astr. II, 17). Вазописец изобразил nereиду на спине дельфина, подплывающего к Посейдону, держащему трезубец (рис. 31). Рельефные фигуры Посейдона и Амфитриты на глиняных алтариках эллинистического времени представляют их как супружескую пару (№ 50). Присутствие Посейдона на росписях некоторых ваз с сюжетом о похищении Европы (№ 23) напоминает о том, как этот бог помогал Зевсу, успокаивая морские волны, когда царевна, сидя на спине быка, плыла на Крит.

Афина

Афина, любимая дочь Зевса, постоянно присутствует среди изображений олимпийских богов (№ 72- 76). У многих греков представление о внешнем облике Афины ассоциировалось с прославленной статуей Фидия, стоявшей в Парфеноне на афинском акрополе. Вольные копии этой скульптуры встречаются на множестве памятников искусства во всей греческой ойкумене, в том числе и в Северном Причерноморье. Самое раннее из дошедших до нашего времени изображений этой статуи находится на упомянутом выше кратере из кургана Баксы [№ 74; рис. 25; Shefton, 1992]. К числу подобных копий относятся небольшая мраморная статуэтка Афины из Ольвии (№ 96), а также рельефная голова богини на двух золотых подвесках из кургана Куль-Оба (№ 85) и на позолоченных терракотовых медальонах из Нимфея, Пантикапея и из святилища на азиатской части Боспора. (№ 86). Другая, видимо широко известная в древности статуя Афины, сидящей на троне, воспроизведена на золотых пантикапейских статерах III-II вв. до н. э. (№ 98).

Особую ценность имеют парные золотые подвески, изготовленные в первой половине IV в. до н. э. (рис. 32). На них, по признанию всех современных ученых, сохранилось лучшее и самое близкое к оригиналу Фидия изображение головы Афины Партенос. Ювелир с величайшим мастерством воспроизвел величественное лицо богини, слегка повернутое в сторону от зрителя, и ее парадный шлем, который на других копиях представлен более обобщенно. Тройной гребень шлема украшен фигурами сфинкса между двумя крылатыми конями, а на отогнутых нащечниках помещены грифоны. Рельефы на терракотовых медальонах мало отличаются от изображения на подвесках, но значительно уступают в проработке деталей. На статуе Фидия, как и на множестве других изображений Афины, ее грудь покрывала эгида, в центре которой находилась голова Медузы. Она напоминала грекам миф о том, как Персей отрубил голову одной из трех Горгон и подарил ее Афине,

а та, по одной версии мифа, поместила ее на свой щит, а по другой, - на эгиду (Apollod. II, 4, 2-3). На изображениях Афины чаще встречается второй вариант (№ 74, 96, 97).

Древнейшее изображение Афины в Северном Причерноморье появляется на вазах с иллюстрациями мифа о победе олимпийских богов над чудовищными гигантами, порожденными богиней земли Геей (Apollod. I, 6, 2). Боги смогли их одолеть лишь с помощью Геракла, любимого героя Афины. Этот миф принадлежит к древнейшим слоям греческой мифологии. В его основе заложена мысль об упорядочении мира, о победе нового поколения богов во главе с Зевсом над хтоническими силами. Миф о гигантомахии в сохранившейся литературе полнее всего изложен в «Библиотеке» Аполлодора (I, 6), однако в этом своде мифов, составленном в римское время, не освещаются многие варианты мифа, которые особенно любили иллюстрировать мастера чернофигурных vaz, обращавшиеся к этому сюжету в 60-е годы VI в. до н. э. Они рисовали как отдельные единоборства, так и массовые сражения с колесницей Зевса в центре и сражающейся рядом с ним Афиной [Boardman, 1985, p. 220]. Несколько vaz из Пантикапея и Ольвии иллюстрируют момент поражения гиганта Афиной.

Вазовые рисунки с эпизодами мифа о сражении богов и гигантов показывают, что Зевс и Геракл сражались как апобаты [Robertson, 1996, p. 57]. Искусство апобата заключалось в том, что он в вооружении стоял за спиной возницы на бегущей боевой колеснице, затем прыгивал с нее, вступая в бой, и в случае необходимости мог снова вскочить на свою несущуюся колесницу. Афина в шлеме, изображенная на вазах около колесницы, представляет воительницу-апобата: она прыгнула с колесницы, чтобы вступить в бой с гигантом. Чернофигурный лекиф с Афиной-апобатом найден в Пантикапее (№ 63). На плечиках лекифа афинского мастера Ксенофанта в невысоком рельефе представлена Афина, поражающая гиганта, и трижды повторен рельеф с колесницей, управляемой Никой, и воином-апобатом, бегущим рядом с колесницей (№ 64). Наверное, это Геракл в сцене из гигантомании богов, призвавших героя к себе на помощь.

Картина на кратере из Пантикапея (№ 60) принадлежит вазописцу круга Лидоса, работавшего в середине VI в. до н. э., то есть вскоре после появления этого сюжета в аттической вазописи. Две другие чернофигурные вазы, изготовленные на несколько десятилетий позже, близки по композиции рисунку кратера (№ 61, 62). Во всех трех случаях гигант изображен в виде гоплита, как было принято у вазописцев архаического времени, хотя на других памятниках искусства (например, на гемме мастера Афинеона) и в литературных источниках гиганты описывались как великаны со змеями вместо ног. Богиня в высоком шлеме с гребнем, со щитом и копьем в руках стремительно наступает на гиганта, представленного в виде воина в шлеме и

поножах. Он пытается защититься, прикрывшись щитом и замахнувшись копьем, но позы обоих персонажей указывают на преимущество Афины (рис. 33). На другой стороне упомянутого кратера нарисованы два кулачных бойца и судьи. Связь между сюжетами росписи обеих сторон вазы заключается в том, что в программу состязаний Панафинейских празднеств входил кулачный бой, а миф о победе Афины над гигантами был главным из тех, которые вспоминали во время Панафиней. Не случайно сценами именно из этого мифа украшали пеплос, который ежегодно ткали лучшие мастерицы из афинянок и подносили древней деревянной статуе богини, находившейся в Эрехтейоне.

Изображение Афины было обязательным на чернофигурных амфорах, которые наполняли оливковым маслом и вручали победителям на состязаниях во время панафинейских агонов. Эти призы начали изготавливать в середине VI в. до н. э., и некоторые из них уже в архаическое время привозили в Северное Причерноморье. Они дают представление о том, как на протяжении трех столетий на одной стороне амфоры обязательно изображали шагающую Афину в шлеме с копьем и щитом в руках (№ 77- 82). Изменялись лишь детали: пропорции фигуры богини, украшение ее одеяния, но стиль росписи оставался чернофигурным даже тогда, когда он давно вышел из моды (рис. 34, 35).

Менее обязательным, чем на таких амфорах, было изображение Афины на панафинейских амфорисках IV в. до н. э.; они, вероятно, служили сувенирами, покупавшимися зрителями агонов на празднике. Их роспись в упрощенном виде повторяла рисунки призовых ваз и могла ограничиваться изображением участников состязаний. Но нередко на одной стороне амфориска рисовали Афину. Такие амфориски привозили и в Северное Причерноморье (№ 80).

Победители, получавшие в качестве приза по несколько десятков амфор, нередко их продавали, и эти нарядные вазы охотно покупали во всей греческой ойкумене [Webster, 1973, p. 52]. Спрос на них был столь велик, что афинские мастера изготавливали немало так называемых псевдопанафинейских амфор, отличавшихся лишь отсутствием выполненной до обжига надписи «приз из Афин» (№ 77). В Северном Причерноморье девять подобных целых и фрагментированных панафинейских и псевдопанафинейских амфор найдены на европейской и азиатской сторонах Боспора, одна в станице Елисаветовской на Нижнем Дону, три в Херсонесе [Вдовиченко, 1999, с. 239- 241; 2006, с. 123] и одна в Ольвии (№ 82).

По преданию, Афина исполнила после победы над гигантами воинственный танец пиррихий. Изображение шагающей вооруженной богини на панафинейских амфорах некоторые ученые рассматривают как одно из движений Афины во время этого танца [Pinney, 1973, p. 3]. Если это так, то греки узнавали какой-то момент пиррихия на имевшихся у них панафинейских амфорах, амфорисках (рис. 34, 35) и других найденных в Северном

Причерноморье аттических ваз, например, на чернофигурной ольпе последней четверти VI в. до н. э. из Ольвии (№ 83). Художник нарисовал стремительно движущуюся Афины в полном вооружении; алтарь рядом с богиней указывает, что показан не момент сражения, а сакральная сцена, скорее всего, танец пиррихий. Его исполняли во всей Греции и ее колониях. Афиной (630 d) писал об исполнении пиррихий с оружием, а Платон в «Законах» (VII, 815 a) дал описание движений этого танца.

Начиная с архаического периода, Афина постоянно встречается на иллюстрациях различных эпизодов Троянской войны. Ведь в эпических поэмах рассказывалось, как богиня присутствовала при решении Зевса и Фемиды начать войну, как она стала одной из трех соперниц на суде Париса, а во время сражений с троянцами помогала ахейцам чаще других богов. Несколько ваз, найденных на Боспоре, относятся к этому циклу изображений Афины. На пелике с иллюстрацией начала поэмы «Киприи» Афина стоит рядом с Зевсом, который вместе с Фемидой решает развязать Троянскую войну (№ 6, рис. 14). Поводом к войне послужил суд Париса, обиженного Афины и Геру своим решением назвать Афродиту самой прекрасной из трех богинь; эта сцена украшает вазы и костяную пластинку из Пантикапея (№ 4, 7, 9). На нескольких вазах Афина представлена во время Троянской войны. Она побуждает Ахилла сразиться с Гектором; приняв вид Деифоба, богиня появляется рядом с возницей, стоящим на боевой колеснице (№ 1); у своего алтаря она защищает Кассандру от нападения Аякса (№ 2).

Благодаря рельефу на западном фронте Парфенона афиняне и многие эллины, приезжавшие в Аттику, вспоминали миф о споре Афины и Посейдона. В парадном сервизе одного боспорянина находилась дорогая гидрия с иллюстрацией этого мифа (№ 65), в котором уже упоминалось в разделе о Посейдоне (рис. 17, 30). Ваза найдена в погребении, куда ее поместили, вероятно, как одну из ценных любимых вещей усопшего. Афины нередко рисовали в сценах мифов, повествовавших о ее покровительстве Гераклу, Тесею (рис. 36), Кадму (рис. 37), любимым героям богини (№ 66- 71). Иногда она – активное действующее лицо, например, на картине лекифа из Ольвии (№ 66) богиня помогает Гераклу в его схватке с Антеем (рис. 38). Часто Афина просто присутствует на рисунке, наблюдая за действиями героя. Так она изображена на лекифе со сценой сражения Тесея с Марафонским быком (№ 70), на пелике с жертвоприношением Геракла нимфе острова Хриса (№ 69), на гидрии (№ 67) с эпизодом мифа о Кадме, набирающем воду для жертвоприношения при основании Фив (рис. 37).

Большой кратер из Пантикапея украшен сценой ритуального возлияния, широко распространенной в ранней краснофигурной вазописи: Зевс держит чашу, в которую Афина льет вино из ойнохои (№ 73). На знаменитой элевсинской пелике (№ 76) Афина находится на росписи ее обратной стороны

(рис. 48). Там изображено рождение Иакха: его мать Гея передает младенца Гермесу, к которому приближается Афина. Ее присутствие знаменует близкую связь между культом Иакха в Элевсине и в Афинах.

Некоторые рисунки трудно связать с определенным мифом. Например, роспись чернофигурной гидрии из Ольвии (№ 72), на которой представлены четверо сидящих олимпийских божеств. Афина занимает здесь ведущее место; она обращается к Гермесу, Афродите и Гефесту.

Афродита и Эрот

Афродита наряду с другими богами была деятельной участницей событий, описанных в знакомых каждому греку эпических поэмах. Иллюстрации к разным эпизодам из них украшали многие аттические расписные вазы, часть из которых привозили на северное побережье Понта (рис. 5- 7, 9, 12). О роли Афродиты на этих картинах уже говорилось выше в разделе «Троянский цикл мифов». Найденные в Северном Причерноморье терракотовые статуэтки и фигурные сосуды иллюстрируют три ипостаси богини, с которыми были связаны разные предания. На большинстве памятников искусства Афродита запечатлена как богиня любви и красоты. Она частично или полностью обнажена и часто имеет разные украшения: диадему на голове, браслеты на запястьях, предплечьях и на ногах, бусы на шее и медальон, скрепляющий бусы между грудями и др. Другая группа менее многочисленных изображений относится к Афродите Урании и Апатуре, защитнице гражданских общин и мореплавателей (№ 102- 108). Ее представляли в длинном одеянии и почти без украшений. На Боспоре была известна также Афродита Пандемос (Всенародная), которую изображали сидящей на козле (№ 109- 111).

Уже первые колонисты, прибывшие из Милета в Северное Причерноморье, почитали Афродиту и знали разные мифы о богине. В ее честь они строили храмы и алтари [Назаров, 2001, с. 156- 160; Русяева, 1991, с. 129- 130] и при отправлении культа, как положено, пели гимны с рассказами о деяниях божества. Об их содержании сейчас можно судить в основном по эпиклезам богини Урания (Небесная) и Апатура (Покровительница фил, гражданских общин), известным по березанским, ольвийским и боспорским лапидарным надписям и граффити [КБН. 30, 31, 35, 75, 971, 1111, 1115; Русяева, 1992, с. 100].

Боспорский миф об Афродите Апатуре кратко изложен в «Географии» Страбона (XI, 2, 10) в связи с упоминанием о святилище богини на Таманском полуострове: «Когда на Афродиту здесь напали гиганты, она позвала на помощь Геракла и спрятала его в какой-то пещере; затем, принимая гигантов поодиночке, она отдавала своих врагов Гераклу, чтобы он коварно с обманом убил их». Вероятно, на праздниках боспоряне исполняли написанные на этот сюжет гимны и, может быть, даже разыгрывали драматические сцены, как на других греческих празднествах. Сведения о Боспоре

Страбон извлек из утраченных к настоящему времени произведений, часть которых была написана местными историками. Вероятно, в их сочинениях упоминались и боспорские мифы. Упомянутый рассказ представляет вариант широко известного во всей Элладе предания о борьбе богов и гигантов, которых можно было победить только с помощью Геракла. У боспорян противниками гигантов выступала не группа богов во главе с Зевсом и Афиной, а одна Афродита, не игравшая заметной роли в рассказах других эллинов [Кошеленко, 1992, с. 147- 160]. Местный миф основан на народной этимологии эпиклезы Апатура, истолкованной как «обманчивая» благодаря сходному звучанию по- гречески слова обман. В действительности же название распространенного у ионийцев древнего праздника Апатурии, патронессой которого на Боспоре стала Афродита, напоминало о совместном общем собрании старейшин фратрии [Parke, 1986, p. 88].

Памятники искусства показывают, какой греки представляли богиню, героиню цикла мифов об Афродите Урании и Апатуре. Ее древнейшие изображения найдены в Борисфене, Ольвии и на Боспоре (№ 102- 104). Это терракотовые статуэтки и близкие им по форме фигурные сосуды для благовонных масел, датирующихся последней четвертью VI- началом V вв. до н. э. Богиня в ионийском хитоне и гиматии прижимает к груди голубя, символизирующего небо и ее эпиклезу Урания (Небесная). Афродиту Уранию изображали также летящей по небу на лебеде. Такой боспоряне видели богиню на привозных аттических вазах (№ 105, 106) и других предметах искусства. Возможно, подобная композиция украшала фронтон одного боспорского храма, а ее копия сохранилась на верхней части стелы II в. до н. э. (№ 108), посвященной богине членами ее фиаса в Пантикапее (рис. 13). Афродита Урания представлена также круглой золотой подвеской конца IV- начала III вв. до н. э. из Елисаветовского городища на Нижнем Дону (№ 107). Судя по низкому качеству оттиска рельефа, он исполнен с помощью многократно использовавшейся формы, так что перед нами предмет массового производства. Афродита сидит боком на лебеде с распростертыми крыльями; она одета в хитон и развевающийся во время полета плащ, который придерживает одной рукой. Медальон имеет петельку для подвешивания, поэтому его могли либо носить в качестве украшения, либо подарить в святилище и повесить на стенку рядом с другими дарами [Вахтина, 1998, с. 92- 95].

Обнаженная или полуобнаженная Афродита изображается на иллюстрациях мифа об ее рождении из морской пены близ Кипра (Hymn. Hom. 6). О знании этого мифа на Боспоре и в Ольвии свидетельствуют многочисленные терракотовые статуэтки богини в створках раковины, либо с дельфином у ног. По преданию, новорожденная Афродита приплыла к берегу на морской раковине, а дельфин в античном искусстве часто олицетворял морскую стихию. Одна из лучших иллюстраций к этому мифу в Северном

Причерноморье представлена на аттических фигурных лекифах из Пантикапея и Фанагории (№ 112, 113). В конце V в. до н. э. афинский мастер изобразил богиню, плывущую в раковине по волнам, обозначенным на цоколе сосуда завитками синего цвета (рис. 39). На хорошо сохранившейся раскраске фанагорийского лекифа внешняя сторона раковины белая, а внутренняя красная, оттеняющая нежно-розовую кожу красавицы. На ее золотых волосах сияет диадема с золотыми розетками, а шею и бюст обвивают золотые бусы, скрепленные на груди медальоном. Эти лекифы кажутся воплощением в искусстве стихов гомеровского гимна Афродите (VI, 3- 10):

*...по волнам многозвучным
В пене воздушной пригнало ее дуновенье Зефира
Влажною силой своею. И Оры в златых диадемах,
Радостно встретив богиню, нетленной одели одеждой.
Голову ей увенчали сработанным тонко
Чудно прекрасным венцом и в проколы ушные
Серьги из золотою меди и ценного золота вдели;
Шею прекрасную вместе с серебряно-белою грудью
Ей золотым ожерельем обвили.*

Перевод В.В. Вересаева

Традиция изображать Афродиту в раковине или на ее фоне, вероятно, восходит к скульптурам Фидия, она сохранялась в греческом искусстве вплоть до римского времени. Терракотовые статуэтки с этим мотивом найдены в Ольвии и в нескольких боспорских городах (№ 114- 116). К циклу мифов о рождении Афродиты примыкают ее скульптурные изображения с дельфином у ног (№ 117- 119). Дельфин здесь напоминает о водной стихии, из которой появилась Афродита. Среди подобных терракот встречаются экземпляры боспорского производства.

В античном фольклоре и литературе существовала серия преданий о возлюбленных Афродиты и ее детях. Со школьных лет греки помнили эпизод из «Одиссей» о том, как муж богини Гефест поймал ее в сеть вместе с любовником Аресом (Od. VIII, 266- 366). Можно лишь догадываться о бытовании этого рассказа в среде греков Северного Причерноморья, потому что они, как все эллины, хорошо знали поэмы троянского цикла. Памятники же изобразительного искусства указывают на знакомство местного населения со сказаниями о любовных отношениях Афродиты с Гермесом, Дионисом и Адонисом. Рассказы о двух последних не имели широкого распространения в Северном Причерноморье. Видимо, эти сюжеты интересовали лишь образованных боспорян, специально покупавших дорогие вазы с подобной темой росписей. Они уцелели в единичных экземплярах.

Найденная в некрополе Пантикапея дорогая ойнохоя с рельефными фигурами сделана в конце V в. до н. э. (№ 157). Ее декор принадлежит к наиболее ранним изображениям Афродиты и Адониса на аттических вазах (LIMC, Bd. 1, S. 228). В семье боспорского владельца ойнохой, который, возможно, сам привез ее из Афин, конечно, знали предание о том, как Афродита обидела мать Адониса Смирну, а тот, став замечательно красивым юношей, возбудил в богине страстную любовь, но в наказание за обиду матери долго не отвечал взаимностью (Apoll. Rhod. IV, 914- 919; Diod. Sic. IV, 83; Hygin. Fab. 58, 271). В центре композиции на вазе представлен сидящий Адонис, а около него — Афродита и помогающие завоевать расположение юноши Эрот и Пейто, богиня любовного убеждения. Рядом со всеми персонажами написаны их имена. Пейто, помогающая Афродите зажечь любовь, упоминалась в греческой поэзии еще в VII- VI вв. до н. э. (Saph. Fr. 135; Ibic. Fr. 5), а Эсхил (Suppl. 1040) назвал ее дочерью богини. О знакомстве боспорян с этим персонажем мифов и стихов об Афродите свидетельствуют росписи нескольких vaz. Кроме упомянутой ойнохой, Пейто нарисована рядом с Афродитой на пелике со сценой совещания Зевса и Фемиды (№ 6) и на обороте гидрии с эпизодом сказания о Парисе и Елене (№ 5).

Иллюстрации мифов об Афродите и Гермесе запечатлены в достаточно многочисленных изображениях этой пары богов и их сыновей Гермафродита, Приапа и Эрота (№ 120- 136). В имени первого прямо названы его родители, а отцом двух других сыновей богини древние авторы называли также Диониса, Адониса и Ареса. Изображения Гермафродита не часто встречаются в Северном Причерноморье. В Ольвии найдены его мраморная статуэтка III в. до н. э. (№ 126) и светильник I в. н. э. (№ 128), щиток которого украшен рельефом Гермафродита с лирой, изобретенной, по преданию, его отцом Гермесом (Hymn. Hom. III, 40- 55). В коллекции боспорских терракот есть фигурка Гермафродита в раковине, напоминающей о его матери Афродите (№ 125). Рельефное изображение отдыхающего Гермафродита и его братьев украшало ложе на азиатской части Боспора (№ 127).

В эллинистический и римский периоды на Боспоре были популярны изображения Приапа с Афродитой, он представлен либо в виде маленькой фигурки у ног богини (№ 130, 132, 133, 135), либо она стоит у гермы с его изображением (№ 131, 134). Это указывает на существование преданий с участием этого божества плодородия. В античной литературе Приап обычно считался сыном Афродиты и Диониса (Paus. IX, 31,2; Schol. Apoll. Rhod. I, 932), лишь Гигин назвал его отцом Гермеса (Fab. 160). Этот древний вариант мифа рассказывали в Ольвии. Здесь в V в. до н. э. в местной мастерской изготавливали небольшие посвященные свинцовые рельефы с фигурками Афродиты, Гермеса и Приапа. Археологи обнаружили не только два таких рельефа, несколько отличающихся один от другого (№ 120), но и формы для их

отливки (№ 121). Совместный культ Афродиты и Гермеса существовал в Ольвии и в римское время [Крапивина, 2002, с. 27], поэтому надо полагать, что предание о браке этих богов здесь рассказывали в течение многих столетий.

В конце I в. до н. э. появляются терракоты с намеком сразу на несколько мифов о рождении Афродиты и о ее сыновьях Приапе и Эроте. Такие терракоты производились и в боспорских мастерских. Например, на одной статуэтке Афродита на фоне раковины изображена вместе с обоими сыновьями (№ 136), а на другой о рождении богини из моря напоминает дельфин у ее ног, а мифы о сыновьях — герма Приапа и фигурка Эрота (№ 134). Эрот был самым известным из детей Афродиты; ее иногда изображали кормящей грудью именно этого сына (№ 137). О нем существовало множество устных и литературных рассказов, а художники постоянно изображали его рядом с Афродитой. Отцом Эрота называли разных богов, в частности, Гермеса. Это отразилось на росписях ваз из Пантикапея с изображением всех трех названных персонажей (№ 138, 141).

Образ Эрота, крылатого юноши или ребенка, в литературе и в искусстве, как правило, связан с представлением о радостях жизни и любви. Уже в архаический период Эрот стал превращаться из некогда сурового космического божества в золотоволосого, подобного ветру молодого человека (Sapph. fr. 50; Anacr. fr. 5). Скульпторы, живописцы и ювелиры изображали его прекрасным подростком, а начиная с эллинистического периода, часто шаловливым ребенком. Недаром Павсаний (IX, 27, 2) назвал его самым юным из богов. Начиная с классического периода, Эрот повсеместно считался сыном Афродиты и ее постоянным спутником; тогда же утвердилось поверье, что хитроумный и жестокосердый божок любви посылает стрелы из своего лука в сердца людей и богов, доставляя им и наслаждение, и страдания. Таким, например, описан Эрот в мифологическом эпосе «Аргонавтика» Аполлония Родосского (III, 111- 159). Художники часто изображали Эрота просто спутником Афродиты, стоящим или сидящим рядом с богиней; и за этим не кроется никакого иного смысла. В этой роли он встречается на многих картинах ваз (рис.22), на местных и привозных терракотах, мраморных статуэтках и ювелирных изделиях (№ 50- 57). В ряде мифов говорилось об Эроте как любящем сыне, поэтому художники изображали его проявляющим свою нежность к матери, обнимая и целуя ее, или завязывая ей сандалию. Таким мы видим его на терракоте из Фанагории (№ 139), на крышках бронзовых зеркал и золотом перстне IV в. до н. э. из кургана Большая Близница на Тамани (№ 140, 143, 144).

Художники эллинистического периода любили изображать детей, играющими с разными домашними животными. В русле этой моды появились статуэтки и вазы с крылатым малышом Эротом, катающимся на дельфине, верхом на петухе и тому подобные. Жители Северного Причерноморья

охотно приобретали такие терракотовые и мраморные статуэтки; они иллюстрировали шаловливый характер Эрота, но вряд ли намекали на какие-то конкретные предания.

Три десятка терракот и несколько ювелирных изделий дают уникальный материал относительно одного широко известного на Боспоре сказания об Эроте и Психее, в котором Афродита играла роль злой свекрови. В античном искусстве изображения Эрота и Психеи стали излюбленной темой художников эпохи эллинизма, а затем и римского времени. Эту пару божеств можно увидеть на мраморных статуях, алтарях и саркофагах, на стенных росписях и мозаиках, на терракотовых статуэтках, рельефах и светильниках, а также на различных ювелирных изделиях [LIMC, Bd. 7, 1991, S. 569- 585]. Однако в сохранившейся античной литературе рассказ, вдохновивший эти произведения, уцелел лишь в изложении писателя и философа II в. н. э. Апулея. Он включил его в свой знаменитый роман «Метаморфозы» (IV, 28 - VI, 24), более известный под данным ему впоследствии названием «Золотой осел». Таким образом, греческое предание о любви Эрота и Психеи имеется сейчас на латинском языке в версии, литературно обработанной выдающимся оратором и писателем; в совершенстве владея греческим языком и прекрасно зная литературу эллинов, он, наверное, объединил в своем повествовании несколько фольклорных и литературных сюжетов об Эроте и Психее [Helm, 1959, S. 1434 – 1438].

В эти сюжеты эллины издавна вкладывали переносный смысл; имя Психеи (ψυχή) по-гречески одновременно означает понятия «душа» и «бабочка» (Aristot. Hist. Anim. IV, 7). В древности душу отождествляли с чем-то летучим, и ее нередко олицетворяла бабочка или мотылек. Предания о скитаниях и страданиях Психеи, ищущей своего возлюбленного Эрота, это аллегория поисков согласия между душой и любовью в ее разных проявлениях, порой противоречащих душевным устремлениям. Недаром Апулей называет героя и Амуром, и Купидоном, то есть олицетворением любви и страсти. На свои устные источники указал сам Апулей, назвав этот рассказ сказкой; ее рассказывает малограмотная старуха гречанка, пытаясь развлечь безутешную девушку, попавшую в плен к разбойникам. Повествование начинается с традиционного сказочного зачина: «Жили в некотором государстве царь с царицей, и было у них три дочки». Далее разворачивается один из весьма распространенных у многих народов сюжет о девушке, ставшей возлюбленной таинственного существа, которое ей запрещено видеть. Такова, например, всем нам с детства известная сказка «Аленький цветочек». Героиня сказки нарушает запрет, ее возлюбленный исчезает, а девушка отправляется его искать. Преодолев разные трудности, она находит своего суженого, и, как положено в сказке, все счастливо кончается свадьбой.

В греческом варианте сказки девушка становится жертвой рассерженной Афродиты и зависти своих менее удачливых сестер. Влюбившийся в Психею Амур спасал ее от гибели, спровоцированной богиней, и поселял в роскошном сказочном дворце. Там невидимые слуги исполняли любое желание Психеи, а по ночам к ней являлся таинственный любовник, которого ей запрещено видеть. Несмотря на его возражения, Психея добилась согласия на встречу с сестрами; те подбили ее зажечь ночью светильник и посмотреть, не окажется ли возлюбленный страшным чудовищем, от которого родятся ужасные дети. Капля горячего масла, упавшая с фитиля светильника, обожгла и разбудила спящего Амура. Психея увидела прекрасного юношу, а он покинул ее, упрекнув в нарушении запрета. Не в силах жить без любимого Психея отправилась его искать, долго блуждала и в конце концов попала к разгневанной Афродите, которая била девушку и обращалась с ней как с подневольной служанкой, давая ей непосильную работу. Преодолевая тяжелейшие испытания, Психея с помощью разных доброжелателей справлялась с заданиями Афродиты; описание исполнения этих заданий иногда толковали как мистическую аллгорию странствий и страданий человеческой души.

Для выполнения последнего распоряжения богини Психея спустилась в Аид к Персефоне, чтобы получить ларчик с якобы находящейся в нем божественной красотой. Несмотря на запрет Персефоны, Психея открыла ларчик, желая взять себе немножко чудодейственного снадобья, чтобы понравиться своему возлюбленному. Из ларчика вырывался дух сна, и Психея впала в непробудный сон. Но Амур разыскал Психею, загнал в ларчик дух сна и разбудил девушку уколом своей стрелы. Потом, заручившись поддержкой Зевса и его влиянием на Афродиту, Амур привел Психею к олимпийским богам. Зевс повелел Гермесу дать девушке выпить амброзию, сделавшую ее бессмертной и потому равной божественному происхождению Амура. После этого ничто не мешало их браку, и на свадьбе боги разделили пожелание Зевса, чтобы Купидон никогда не отлучался от объятий Психеи, то есть, чтобы страсть всегда находилась в гармонии с душой.

Археологические находки свидетельствуют, что боспоряне узнали предания об Эроте и Психее уже в период раннего эллинизма, то есть вскоре после распространения этого рассказа в Элладе. К древнейшим памятникам такого рода относятся найденный в Артюховском кургане на Тамани перстень с камеей III в. до н. э. (№ 182). На ней изображен ребенок Эрот, ловящий бабочку, олицетворяющую Психею (рис. 40). Тот же сюжет представлен на терракоте из Пантикапея (№ 186). Стоит отметить, что перстень долго служил украшением, сменив нескольких владельцев до того, как в середине II в. до н. э. попал в погребение. Установлено, что сначала камья находилась в кольце с подвижной дужкой, а затем по новой моде ее сделали щитком золотого перстня [Максимова, 1979, с. 66]. К упомянутому

кругу мифологических и аллегорических представлений о душе и любви относятся изображения Эрота, прижимающего к груди бабочку на золотых серьгах из Пантикапея (№ 192) и на терракоте из Мирмекия (№ 191), относящейся уже к римскому времени, но по типу восходящей к образцам III – II вв. до н. э.

Гораздо более многочисленны изображения Психеи в виде девушки или девочки рядом с Эротом. Они появляются на рубеже III – II вв. до н. э. и остаются популярными и в римское время. Иногда за спиной Психеи видны крылья мотылька, которые контрастируют с птичьими крыльями Эрота; это хорошо видно на многих терракотах и на пантикапейской золотой бляшке (№ 173). Эрот изображается полностью обнаженным, а Психея либо одета в легкий хитон, либо частично обнажена до бедер. Чаще всего эти два божества представлены обнимающимися и целующимися (рис. 41), реже просто стоящими рядом. Это знаменует гармонию души с любовью.

Рельефы на мегарской чаше и золотой бляшке из Пантикапея иллюстрируют рассказ Апулея, хотя они исполнены гораздо раньше времени его жизни. Так подтверждается, что сказка в романе опирается на уходящую в древность традицию. На рельефе мегарской чаши Эрот склоняется к полужающей Психее на лугу среди трав и цветов (№ 160). Это можно понять как момент, когда Психея, спасенная Эротом, увидела своего возлюбленного, а может быть, это апофеоз их любви после свадьбы, когда Психее уже не запрещается видеть своего возлюбленного. На рельефе бляшки (№ 173) Эрот стоит на коленях около спящей Психеи, он вынимает стрелу из колчана, чтобы уколоть и разбудить девушку, усыпленную содержимым ларчика, полученного от Персефоны (Apul. Met. VI, 21).

Сохранились также античные иллюстрации к не использованным Апулеем рассказам об Эроте и Психее. На мозаике конца III в. до н. э. из Клазомен и на более поздних камнях и терракотах неоднократно изображалось, как Эрот в присутствии Афродиты мучает Психею или связывает ей руки [Неверов, 1971, № 22, 24, 47; LIMC, Bd. 7, 1991, S. 577]. Подобные сюжеты были известны и жителям Боспора. Это можно заключить по изображениям на перстнях из Тирамбы (№ 170) и на серебряных чашах с рельефами в сарматском кургане на Нижнем Дону (№ 159). Восемь великолепных чаш, исполненных греческими ювелирами на рубеже III – II вв. до н. э., явно попали к сарматскому вождю из Эллады через Боспор; дно этих чаш украшено рельефными медальонами с мифологическими персонажами. На одном представлены привязанная к колонке Психея и Эрот, прикасающийся к ней горящим факелом. На другом рельефе, наоборот, Психея таким же образом мучает Эрота, а за его спиной стоит статуя богини судьбы Немесиды, подчеркивающая аллегорический характер все сцены. На гранате, вставленном в золотой перстень, который носил боспорянин на рубеже I в. до н. э. – I в. н. э., вырезана сходная композиция

с Эротом, мучающим Психею. Способ мучения факелом выбран не случайно; ведь наряду с луком и стрелами, которыми Эрот ранил сердца, факел стал его частым атрибутом, потому что им он разжигал огонь любви. Греки видели в подобных картинах аллегорический смысл: в них отражались телесные и душевные мучения любящего человека.

Все известные мне памятники с изображением Эрота и Психеи из античных городов и некрополей Северного Причерноморья обнаружены только на Боспоре, и там почти равномерно распределяются на его европейской и азиатской сторонах; большинство из них терракотовые статуэтки и рельефы, есть также мегарские чаши и ювелирные изделия. Важно отметить, что наряду с привозными терракотами встречаются экземпляры из местной глины и штампы для производства статуэток Психеи [Сокольский, 1964, с. 109, рис.]. Мне удалось извлечь из разных публикаций три десятка изображений Эрота и Психеи (№: 158- 176; 182, 186, 187, 189, 192); вероятно, немало фрагментов с подобными изображениями находятся среди неопубликованных материалов из раскопок боспорских поселений и некрополей. Терракота из Гермонассы, датированная А.К. Коровиной второй половиной IV в. до н. э. (№ 158), оказывается самой древней в серии подобных статуэток, но, скорее всего, время ее изготовления стоит пересмотреть. В сводах памятников с изображением Эрота вместе с Психеей древнейшие изделия появляются на столетие позднее [LIMC. Bd. 7, 1991, S. 569-585]. Археологические находки на Боспоре указывают, что здесь постоянный интерес к преданиям об Эроте и Психее возник во второй половине III в. до н. э. и не угасал в течение нескольких столетий. Клеймо на боспорском грузиле из Фанагории указывает, что в III в. н. э. боспорянин носил перстень с изображением сюжета из этого предания (№ 176.).

В произведениях античных писателей постоянными атрибутами Эрота были лук и стрелы; однако они редко встречаются на изображениях этого божества в Северном Причерноморье (№ 173). Здесь считали, что этот божок любит играть на музыкальных инструментах. Изображения Эрота- музыканта на различных предметах прикладного искусства найдены на многих городищах и некрополях, среди них преобладают импортные изделия, но есть и вещи местного производства. Все они имеют аналоги в разных частях греческой ойкумены. Такой образ Эрота появился во время раннего эллинизма и продолжал свое существование в римское время. Судя по многочисленным изображениям, Эрот не отдавал предпочтения какому-то виду музыки, так как мы видим его со струнными, духовыми и ударными инструментами. Этим он отличается от Аполлона, игравшего исключительно на лире и кифаре, а также от Диониса и его спутников, любивших духовые и ударные инструменты, или от Кибелы, символом которой был бубен.

Терракотовые статуэтки, мегарские чаши и ювелирные изделия из Ольвии, Херсонеса и Боспора изображают Эрота с легкой лирой и тяжелой кифарой, иногда опирающейся на подставку (№ 179, 180, 181, 185, 188, 189). На мраморном алтарике (рис. 42) эллинистического времени из Ольвии один Эрот играет на лире, другой — на аулосе (№ 181), с тем же духовым инструментом он представлен на бронзовом украшении сосуда, найденного на Тамани (№ 184), и на мегарской чаше из Тире (№ 183); два эрота с аулосом и сириной услаждают своей игрой Гермафродита на бронзовом украшении деревянного ложа из Артюховского кургана (№ 184). На терракотах из Ольвии Эрот аккомпанирует на тимпане танцующей девушке (№ 178), стоит с этим инструментом рядом с Афродитой (№ 190), а на росписи леканы из Пантикапея играет для невесты (№ 177).

Наряду с Эротом в античной литературе и искусстве существовали еще два персонифицированных божества, связанные с любовным влечением и браком; это страсть Потос и желание Химерос. Платон в «Пире» назвал их порождением Эрота, а Эсхил считал Эрота и Потоса детьми Афродиты (Suppl. v. 1039). В храме Афродиты в Мегарах, по сообщению Павсания (I, 43, 6), наряду со статуей богини находились скульптуры Эрота, Потоса и Химероса, выполненные знаменитым скульптором Скопасом. Иконография Потоса и Химероса не отличалась от изображений крылатого юноши Эрота. Лишь по надписям можно понять, какое божество имел в виду художник. Например, около Париса обычно изображали Химероса. Надпись над таким крылатым юношей, держащим за руку Париса, читается на амфориске конца V в. до н. э., а на пиксиде того же времени сходная крылатая фигура в другой сцене с Афродитой снабжена надписью Потос (ARV, p. 1328, 92; 1173, 1). Поэтому надо думать, что на вазах из Пантикапея (№ 5) рядом с Парисом находится Химерос (рис. 23, 24); двое молодых обнаженных мужских крылатых божеств в одной композиции представляют Эрота и Потоса или Химероса, а три — всех этих божеств.

Начиная с эллинистического периода, в Ольвии, Херсонесе и на Боспоре на золотых и серебряных медальонах (№ 153- 156) и перстнях (№ 152) нередко представлена Афродита между двумя крылатыми божествами, которых называют Эротами. Мне кажется, их следует рассматривать как спутников богини Эрота и Потоса или Химероса. Они располагаются по двум сторонам бюста Афродиты, как будто бы для симметрии; однако, есть сходные медальоны и с одним Эротом. Поэтому, по моему мнению, это два разных божества, и за их изображениями стоит определенный мифологический сюжет. Судя по находке в Горгииппии штампа для таких изделий (№ 156), они пользовались широким спросом, поэтому их изготавливали и в местных мастерских. Такое же отождествление спутников Афродиты можно предположить и на вазовых рисунках. Эрот и Потос сопровождают летящую

на лебеде Афродите на картине пелики из Пантикапея (№ 105); вместе с богиней Эрот и Химерос присутствуют в сценах мифа о Парисе и Елене на гидрии и лекифе, также найденных в некрополе Пантикапея (№ 5, рис. 23, 24). На росписях, украшающих несколько рыбных блюд из некрополей европейской и азиатской частей Боспора, Эрот, Потос и Химерос сопровождают Европу, едущую на свадьбу с Зевсом (№ 150, 151; рис. 27).

Расписные вазы, терракотовые статуэтки и ювелирные изделия привозили в античные города Северного Причерноморья примерно из одних центров, а в отборе их сюжетов сказывались особенности культуры того полиса, куда поступал импорт. Во всех государствах на северном краю ойкумены существовало общее для эллинов представление об Эроте как постоянном спутнике Афродиты, а также как о шаловливом подростке или ребенке, способном подчинить своей прихоти богов и людей. Отсутствие изображений Эрота вместе с Психеей в коллекциях археологических находок из Тиры, Ольвии и Херсонеса дает основание заключить, что устные и литературные рассказы о паре этих божеств на северных берегах Понта нашли благодарную почву только на Боспоре. Наверное, это объясняется тем, что они примыкали к кругу сказаний об Афродите. Она занимала ведущее положение в пантеоне богов Боспорского царства, а в других государствах Северного Причерноморья богиня не играла столь важной роли. Предания об Эроте и Психее стали популярными в среде боспорян, начиная с эпохи раннего эллинизма, и продолжали бытовать в римский период. Здесь, как и в Элладе, подобные рассказы воспринимались не только как сказка, а наверное, имели также аллегорическое и мистическое истолкование.

Памятники искусства позволяют узнать, что в Ольвии, Херсонесе и на Боспоре были известны мифы о рождении Афродиты, о ее возлюбленных Гермесе, Адонисе и Дионисе, о ее детях Эроте, Приапе и Гермафродите. В местных преданиях богиня представала то в образе Урании Апатуры, покровительницы гражданской общины и мореплавания, то в образе богини любви и красоты в сопровождении своего любимого сына Эрота. Сравнение изображений на керамике и ювелирных изделиях из Ольвии, Херсонеса и Боспора с надписями на аттических вазах позволило заключить, что местным жителям были знакомы сюжеты преданий с участием спутников Афродиты Потоса и Химероса, персонафицированных божеств любовного желания и страсти, а также богини любовного убеждения Пейто.

Анализ археологических находок показал, что одни предания имели широкое распространение во всех государствах Северного Причерноморья, а другие знали лишь в среде образованных и состоятельных эллинов. К первым относятся мифы о рождении богини, а также о ее сыновьях Эроте и Приапе, а ко вторым предания о любовных связях богини с Дионисом и Адонисом.

В разделе об иконографии богов уже говорилось о мифах, объясняющих появление постоянных атрибутов Гермеса – кадуцея и крылатых сандалий. По ним зритель узнавал бога на росписях ваз и на фресках, на ювелирных изделиях, монетах и скульптурах. (рис. 14, 22, 43, 48). В архаический период греки всегда изображали Гермеса бородатым (№ 193), а позже эта традиция сохранялась только на гермах, столбах, украшенных бюстом бога. Их ставили на углах улиц, на пересечении дорог и на границах разных участков. В древности большой славой пользовалась герма с изображением Гермеса Пропилия, то есть стоящего перед воротами. Эту скульптуру выполнил Алкамен, ученик Фидия, и ее поставили на афинском акрополе перед западным входом в Пропилеи [Виппер, 1972, с. 225]. Герма Алкамена служила образцом для многих скульпторов, ее вольная копия, исполненная в IV в. до н. э., находилась в Херсонесе [Русяева, 2005, с. 418].

Начиная с V в. до н. э., Гермес для художников стал образцом прекрасно сложенного юноши- атлета. Таким мы видим его на знаменитой статуе Праксителя. Существовало даже предание о том, что этот бог научил эллинов занятиям на палестре (Нуг. Fab. 277). Поэтому во многих греческих городах, в частности в Ольвии, Херсонесе и в Горгиппии, проводились состязания, называвшиеся Гермеями [Скржинская, 2010, с. 248]. В рассказах о переселении душ умерших в потустороннее царство Гермес выступал в функции Психопомпа, проводника в Аид. Эта ипостась бога была хорошо известна в греческих колониях на берегах Понта. В Ольвии местный вазописец нарисовал Гермеса, сопровождающего умершую девочку к лодке Харона (№ 202), а коропласт изобразил бога рядом с Орфеем, пытавшимся вывести Эвридику из Аида (№ 203); также не случайно фигура Гермеса присутствует в росписи пантикапейского склепа Деметры (№ 204).

Миф о Гермесе, изобретателе лиры (Ном. Нумн. III, 40- 55), несомненно, был известен ольвиополиту, который носил перстень с изображением этого бога с лирой (№ 201). В разделе об Афродите уже говорилось об ольвийских и боспорских преданиях относительно брака Гермеса и Афродиты, имевшей от него сыновей Гермафродита и Приапа; это отразилось на ряде местных и привозных памятников прикладного искусства (№ 120- 124).

Во многих греческих мифах Гермес выступал вестником и помощником своего отца Зевса. В роли помощника Гермес присутствует на вазах с иллюстрациями рассказа о похищении Европы (№ 196). В качестве вестника и помощника в замысле богов разжечь Троянскую войну мы видим Гермеса на рисунках нескольких ваз из Пантикапея. На картине с изображением совещания Зевса и Фемиды относительно повода для войны он готов отправиться к Парису с вестью, что тот должен выбрать прекраснейшую из трех

богинь (№ 6, рис. 22); Гермес, сообщающий Парису волю Зевса, представлен на кратере мастера Кадма (№ 4, рис. 14), а на росписи лекифа бог помогает Парису увести Елену (№ 5, рис. 43).

На пелике с иллюстрациями Элевсинских мистерий Гермес занимает ведущее место в сцене рождения Иакха (№ 259, рис. 48). Содержание этого мифа не отражено в письменных источниках, так как посвященные в мистерии обязались не разглашать то, что им стало известно во время элевсинских таинств. Таким образом, в Северном Причерноморье только посвященные в таинства знали содержание мифа о Гермесе, участнике Элевсинских мистерий. Вероятно, Гермес играл заметную роль в драматических инсценировках мифов, исполнявшихся во время Элевсинских мистерий. Известно, что мисты совершали возлияния Иакху, а в первом акте элевсинских драм представляли рождение этого божества, сына Деметры. Его отцом обычно называли Зевса, но иногда Гермеса [Латышев, 1997, с. 207]. Поэтому можно думать, что на картине рассматриваемой пелики отец берет у матери новорожденного Иакха; ведь по греческим обычаям ребенок становился законным после того, как отец взял его на руки. Возможно, также и другое толкование картины: Гермес, забирая ребенка, выполняет поручение Зевса, присутствующего на росписи этой вазы.

Аполлон и Артемида

Аполлон и Артемида, дети Зевса и Лето, занимали выдающееся место в мифологии античных государств Северного Причерноморья. Ведь с первых лет жизни колонистов Аполлон возглавлял пантеон богов в Тире, Ольвии и на Боспоре, а его сестра стала считаться главной богиней и покровительницей Херсонеса. К сожалению, имеющиеся в нашем распоряжении письменные и изобразительные памятники дают возможность восстановить лишь небольшую часть сюжетов местных и общегреческих мифов, которые знали греки, поселившиеся на северных берегах Понта Евксинского. Совместные изображения Аполлона, Артемиды и Лето (№ 215, рис 12), а также найденные на Березани и в Херсонесе граффити с этими тремя именами [Граффити античного Херсонеса, 1978, № 86, 87; Русяева, 2005, с. 209] указывают на знание мифа о происхождении божественных брата и сестры. Вероятно, эти мифы были известны не только по устным рассказам, но и по литературным изложениям, часть которых сохранилась до настоящего времени (Hom. Hymn. I, 30- 160; XXVII, 1-20; Apollod. I, 4, 2).

Поездки ольвиополитов, херсонеситов и боспорян на праздники Аполлона на Делосе и в Дельфах [Скржинская, 2010, с. 53, 55] способствовали знанию разнообразных мифов о божественной триаде. Иллюстрации ряда преданий такого рода имеются на нескольких памятниках, найденных на Боспоре. Это древний миф о борьбе Аполлона и Геракла за дельфийский

треножник (№ 226, 227) и рассказ о встрече Аполлона и Диониса в дельфийском святилище (№ 228, рис.1). В греческой мифологии Аполлон чаще других богов принимал участие в различных агонах и завоевывал первенство на мусических и атлетических состязаниях (Plut. Symp. VIII, 4; Mor. 724 b-c). Он метко стрелял из лука и метал диск, побеждал Ареса в кулачном бою, а Гермеса – в беге (Paus. V, 7, 10; XIII, 5, 38).

На местных монетах и терракотах имеется множество изображений Аполлона с кифарой или с лирой (№ 212- 221); они напоминали рассказы о непревзойденном музыкальном даре бога (рис. 9, 12, 44). Иллюстрации одного из подобных рассказов украшали пелику из Пантикапея и кратер из Херсонеса. По преданию, Афина изобрела аулос, духовой музыкальный инструмент, состоявший из двух трубок и по звучанию похожий на современный гобой. Богиня, увидев, что при игре на нем некрасиво искажается лицо, выбросила неудачный инструмент, который нашел силен Марсий. Он научился прекрасно играть на аулосе и, считая себя замечательным музыкантом, вызвал на состязание Аполлона, но судьи отдали первенство богу. Аполлон же в наказание за дерзость казнил Марсия (Apollod. Bibl. I, 4, 2; Paus. I, 24, 1; II, 22, 9; Diod. Sic. III, 58; Ov. Met. VI, 382). Краснофигурная пелика с картиной состязания Аполлона и Марсия (№ 223) расписана в третьей четверти IV в. до н. э. выдающимся не известным по имени художником. Его кисти принадлежат несколько ваз, и в современной научной литературе он по упомянутой вазе называется Мастером Марсия. В центре композиции художник поместил нарядно одетого Аполлона с большой кифарой; к нему подлетает Ника, символизирующая победу бога, а рядом, уронив свой аулос, сидит униженный силен (рис. 9). На фрагменте кратера из Херсонеса победивший Аполлон представлен играющим на лире (№ 222).

В число греческих богинь входило несколько девственниц, не подвластных чарам Афродиты. Самые известные из них Афина и Артемида имели постоянный эпитет Партенос (непорочная Дева). Эта эпиклеза Афины известна всем по наименованию ее афинского храма Парфенон. Однако у эллинов определение Партенос чаще соотносилось с Артемидой; в этой ипостаси ей поклонялись во многих греческих полисах: в Спарте и Галликарнасе, на островах Фере и Леросе, а в Северном Причерноморье в Херсонесе [Толстой, 1918, с. 147; Der kleine Pauly. Lexicon der Antike. Stuttgart, 1964, s. v. Parthenos]. Существовала легенда о том, что Артемида основала Херсонес (Mela II, 3). Херсонеситы обычно называли свою главную богиню одной эпиклезой Партенос, от нее производили наименование главного городского храма и праздника Партении [Скржинская, 2008, С. 104- 105]. Изображение богини в разных видах чеканили на херсонесских монетах с IV в. до н. э. до заката античной эпохи [Бондаренко, 2003, с.32-42].

Тексты надписей свидетельствуют, что в фольклоре херсонеситов имелось множество рассказов о явлениях богини и ее помощи в критические моменты истории города. Например, в одном декрете III в. до н. э. упомянуты священнодействия в честь Партенос, совершенные херсонеситами в благодарность за спасение во время набегов варваров, и при этом сказано, что богиня «и раньше спасала народ в величайших опасностях» [Виноградов, 1997, с. 121]. Историк Сирик в III в. до н. э. собрал и записал все рассказы о явлениях Партенос. За это и за описание дружеских отношений с разными городами и с царями Боспора херсонеситы издали почетный декрет и увенчали своего соотечественника золотым венком во время праздника Дионисий. До наших дней уцелела большая часть мраморной стелы с текстом декрета (IOSPE I². № 344), но сочинения Сирика безвозвратно утрачены. Благодаря упомянутой надписи, мы узнаем, что в эпоху эллинизма местные писатели в Северном Причерноморье, как и в других областях греческой ойкумены, собирали и литературно излагали местные мифы.

Новые предания о помощи Артемиды появлялись и позже. В конце II в. до н. э. полководец Диофант разгромил скифов, нападавших на территорию Херсонесского государства. Эллины рассказывали, что в этой войне активно участвовала Партенос (IOSPE I². № 352). Она, «содействуя Диофанту, посредством случившихся в храме знамений, предзнаменовала имеющиеся свершиться деяния и вдохнула смелость и отвагу всему войску» (перевод В.В. Латышева). Подобные мифы слагались в русле древней греческой традиции, известной нам со времен создания эпических поэм, где боги активно помогают героям и народам, которым они покровительствуют. Множество примеров такого рода можно найти у Гомера и у более поздних античных писателей.

Привозные и местные памятники искусства иллюстрируют лишь общегреческие сюжеты мифов об Аполлоне и Артемиде. Их изображают с традиционными атрибутами и священными животными, о чем говорилось в начале статьи (рис. 11, 12). То же самое относится к немногочисленным мифологическим сюжетам. Например, боспорские мастера в первые века нашей эры украшали саркофаги фигурами умирающих детей Ниобы (№ 224, 225). Они напоминали миф, известный всем грекам по «Илиаде» (XXIV, 602- 615) и сочинениям многих других писателей (Ov. Met. VI, 146- 312; Apollod. III, 5, 6). Дочь Тантала Ниоба, имевшая многочисленное потомство, почитала себя более достойной уважения, чем Лето, родившая лишь Аполлона и Артемиду. Оскорбленная Лето пожаловалась своим детям, и тогда Аполлон убил всех сыновей Ниобы, Артемида же застрелила ее дочерей.

В Херсонесе и, наверное, также в других городах Северного Причерноморья знали популярный во всей греческой ойкумене миф о служении Ифигении жрицей в находившемся некогда в Таврике храме Артемиды. Сейчас

это единственный общегреческий миф, действие которого локализовалось на территории Крыма. Изначально он входил в цикл сказаний о Троянской войне и не соотносился с Северным Причерноморьем.

Наиболее ярко и подробно в сохранившейся античной литературе миф изложен в трагедиях Еврипида «Ифигения в Авлиде» и «Ифигения в Тавриде», короче и по-иному написал об этом Овидий (Ер. III, 2, 45- 95). В мифе повествовалось о том, как микенский царь Агамемнон разгневал Артемиду тем, что убил на охоте лань, ее священное животное, и хвалился своим искусством стрелять из лука не хуже богини. Собравшееся в Авлиде войско под предводительством Агамемнона не могло отправиться на кораблях на войну с Троей, потому что Артемиды не давала дуть попутному ветру. Богиня соглашалась переменить свой гнев на милость, если ей в жертву принесут дочь Агамемнона Ифигению. В древнейшем варианте мифа Ифигения, по- видимому, погибала на жертвенном костре, но затем предание получило иное завершение. Артемиды в последний момент заменила на костре девушку ланью, а Ифигению перенесла в Таврику и сделала жрицей в своем храме, где тавры совершали кровавые жертвоприношения. Об этом жестоком обычае таврских племен, живших по соседству с Херсонесом, рассказал современник Еврипида Геродот в своей «Истории» (IV, 103).

События, произошедшие уже после окончания Троянской войны, описаны в трагедии «Ифигения в Тавриде», впервые поставленной в афинском театре в 414 г. до н. э. Действие происходит в никогда не существовавшем царстве тавров перед храмом Артемиды. Сюда по велению оракула Аполлона прибывает сын Агамемнона и брат Ифигении Орест вместе со своим другом Пиладом. Они намереваются похитить из храма священное изображение Артемиды, чтобы привести его в Элладу. Друзья, схваченные таврами, обречены на смерть и должны быть принесены в жертву богине, а Ифигения как жрица храма обязана осветить жертвоприношение. Из разговора с пленниками она случайно узнает, что перед ней ее родной брат, которого она видела последний раз маленьким ребенком. Тогда Ифигения решает помочь добыть древнюю деревянную статую Артемиды и бежать на родину вместе с Орестом и Пиладом. Беглецов настигает царь тавров и обрекает на смерть, но внезапно появившаяся богиня Афина освобождает пленников. Она велит Оресту построить в Аттике храм Артемиды, поместить туда похищенный кумир, а Ифигении — стать жрицей этой богини, прозванной в память всего произошедшего Таврополой.

Миф, как присуще этому жанру, существовал в нескольких вариантах, о чем свидетельствуют упоминания античных авторов: например, в Мегарах рассказывали, что Ифигения кончила свои дни в их государстве, а не в Афинах (Paus. I, 43, 1). В Спарте, Аргосе, Лаодикее и даже в греческих колониях Южной Италии считали, что похищенный из Таврики кумир богини был

доставлен в местные храмы [Strab. V, 3, 12; XII, 2, 3, 7; Paus. III, 6, 17; Ovid. Met. XIV, 331; Lucan. III, 86; Толстой. 1918: 127- 128]. В храмовых легендах этих городов имелись разные объяснения, как туда доставили древнюю статую. Павсаний, знакомый с несколькими вариантами подобных легенд, отдает предпочтение версии, которую он слышал в Спарте, считая ее более достоверной, чем афинскую (Paus. III, 16, 7). Заметные отличия от сюжета в трагедии Еврипида имеются и в пересказе мифа у Овидия (Ер. III, 2, 45- 95).

В Аттике действительно существовал храм Артемиды Тавропола; там показывали могилу Ифигении и рассказывали храмовую легенду, на сюжет которой написана трагедия Еврипида. Описанный же трагиком храм в Таврике, около которого разворачивались события пьесы, создан творческой фантазией поэта, хотя многим исследователям хотелось думать, что Еврипид имел в виду реально существовавший в его время храм близ Херсонеса [Скржинская, 1988, с. 179- 181].

Артемида сохраняла во многих областях Эллады древнюю эпиклезу Тавропола, которая в своей основе означала покровительницу животных, в частности быков (ἰαυρή), но первоначальное значение забылось, а народная этимология связала эпиклезу богини с наименованием далекой, почти сказочной Таврики на краю греческой ойкумены. Поэтому определение Тавропола стали понимать как эпитет богини, которой поклоняются в Таврике (Eur. Iph. Taur. 1153-1157; Callim. Hymn. III, 173-174; Diod. Sic. IV, 44). В связи с этим интересно обратить внимание на роспись одного пантикапейского склепа, где Артемида представлена едущей на быке (№ 257, рис. 10). Это позволяет думать, что на Боспоре сохранялось какое-то старинное сказание об Артемиде, и ее эпиклеза Тавропола воспринималась в первоначальном смысле. Из рассказа Геродота (IV, 103) о Деве, богине тавров, которые приносят ей в жертву пленных греков, и из слов историка, что тавры считают свою богиню Ифигенией, дочерью Агамемнона, можно заключить, что в Северном Причерноморье уже в классический период существовал местный вариант мифа об Артемиде и ее жрице Ифигении в Таврике.

Отождествление Ифигении с таврским божеством, конечно, принадлежит греческим колонистам, включившим историю своей новой родины в контекст уже существовавших мифологических сюжетов о времени после Троянской войны. Во времена Геродота тавры вряд ли имели хоть какое-то представление о греческой мифологии. Ведь в первые два века существования Херсонеса близ границ расселения тавров археологи не могут выявить следов постоянных контактов колонистов с их соседями, так как на таврских памятниках того времени отсутствуют греческие изделия, в то время как у скифов, других соседей колонистов, в изобилии встречаются греческая керамика, ювелирные изделия и др. Кроме того, известно, что этнические группы, не достигшие стадии создания государства, каковыми были тавры, крайне

редко включали в свой пантеон иноплеменные божества. Таким образом, в архаический и классический периоды греческой истории сведения об обычаях тавров поступали от греков, которым удалось спастись из плена и самим наблюдать церемонии человеческих жертвоприношений. Следуя хорошо нам известной традиции отождествлять варварские божества с собственными богами (Her. I, 131; II, 42; IV, 59), они вспомнили миф о жертвоприношении Ифигении и о ее службе в качестве жрицы Артемиды в какой-то отдаленной стране. Эпитет Артемиды Тавропола стал поводом для отождествления этой страны с Таврикой, где находился Херсонес. Местный миф херсонеситы рассказывали своим соседям. Такое предположение основывается на том, что Геродот услышал упомянутое сказание в Ольвии, где он собрал свои основные сведения о народах, населявших Северное Причерноморье.

Деметра и Кора

В цикле сказаний о Деметре наиболее популярным у всех греков был миф об этой богине плодородия и ее дочери Коре, которую похитил бог подземного царства и против воли сделал своей женой. Эта супружеская пара имела у греков по два имени: бога называли Аидом и Плутоном, его супругу — Корой и Персефоной. Все четыре имени использовал боспорский поэт, сочиняя эпитафию для надгробия Феофилы, безвременно умершей на рубеже I в. до н. э. - I в. н. э. (КБН. 130).

Содержание мифа о похищении Кору и ее поисках подробнее всего изложено в пятом гомеровском гимне, обращенном к Деметре. Аполлодор (Bibl. I, 5) записал миф более сжато и с рядом отличий в деталях, а у многих античных писателей кратко упоминаются отдельные эпизоды мифа с расчетом на то, что его сюжет всем знаком. Памятники искусства подтверждают знание этого мифа в Северном Причерноморье. Греки рассказывали, что Кора вместе с подругами собирала на лугу цветы. Внезапно земля разверзлась, и Плутон появился на колеснице. Он схватил Кору и быстро умчал, так что никто не мог сказать, куда она исчезла. Деметра искала дочь днем и ночью, освещая дорогу факелом. В образе старухи она странствовала по миру, пока не пришла в Элевсин. Здесь Деметра нашла приют в доме местного царя и стала нянчить его маленького сына. Погруженная в свое горе богиня плодородия перестала заботиться о растениях, все вокруг увяло, люди и животные стали голодать. Тогда Зевс распорядился вернуть матери Кору, но обязал ее одну треть года проводить с супругом в его подземном царстве. Поэтому Деметра каждый год грустит в разлуке с дочерью, и тогда жизнь растений зимой замирает.

Древнейшие иллюстрации этого мифа появились на Боспоре в IV в. до н.э. (№ 265). Пантикапейские живописцы неоднократно рисовали на фресках склепов момент похищения Кору (№ 266, рис. 45, 46), о чем уже говорилось

в разделе о Плутоне. Покидая Элевсин, Деметра, по верованиям эллинов, повелела выстроить там храм и показала, как справлять мистерии, посвященные ей и Коре. Богиня приобщила к таинствам нескольких элевсинских граждан. Среди них были Эвмолп (в некоторых вариантах мифа он стал элевсинским царем) и Керик; с тех пор высшие жреческие должности на мистериях могли занимать только их потомки. Деметра особо отличила Триптолема, также входившего в круг первых посвященных. Богиня подарила ему колосья пшеницы и колесницу, запряженную крылатыми змеями, и велела объезжать разные земли, обучая людей земледелию. В одном варианте мифа, использованном Овидием в «Метаморфозах» (V, 645-662), рассказывалось, что наряду с другими странами Триптолем посетил Скифию. Поэтому поселившиеся там эллины могли считать, что не только они, но и их соседи получают хлеб из зерна, происходящего от первого посева, совершенного от колосьев Деметры.

Драматические представления на упомянутые сюжеты разыгрывали во время Элевсинских мистерий. Начиная с V в. до н. э., их содержание было известно многим жителям Северного Причерноморья, которые принимали посвящения в элевсинские таинства, о чем свидетельствуют ряд надписей и памятников искусства [Скржинская, 2010, с. 110- 114]. Видимо, таким лицам принадлежали вазы с изображениями главных участников мистерий. К их числу принадлежала молодая женщина, по-видимому, жрица Деметры, похороненная в Павловском кургане близ Пантикапея. Там среди прочих вещей находилась расписная ваза так называемого роскошного стиля с изображением многочисленных персонажей, участников Элевсинских мистерий (№ 259, рис. 47, 48). Эта пелика, получившая в научной литературе название элевсинской, до сих пор занимает ведущее место среди художественных произведений с изображением Элевсинских мистерий [Скржинская, 2010, с. 115].

Ваза изготовлена в Афинах в середине IV в. до н. э. Она расписана в краснофигурной технике, многие детали были выделены теперь утраченными красками и обильной, частично сохранившейся позолотой. Центральную часть композиции на одной стороне пелики занимают Деметра, Кора и стоящий между ними обнаженный мальчик Плутос с рогом изобилия (рис. 47). Деметра, одетая в хитон и гиматий, изображена сидящей, ее голову венчает роскошный калаф с рельефными узорами, на шее — ожерелье, а на руке, держащей высокий посох, — браслет. Кора опирается на невысокую колонку и придерживает рукой большой горящий факел. Она представлена полубога, плащ закрывает ее ниже пояса; голову богини украшает веночек, а шею бусы. Рядом с Корой сидит женщина, которую одни считают богиней земли Геей, другие — Фемидой, третьи — Реей [Simon, 1966, S.30; Bianchi, 1991, p.17]. Симметрично ей, слева от Деметры, находится Афродита со своим постоянным спутником крылатым Эротом. За спиной Деметры стоит ее

жрец в нарядном хитоне, отороченном узорами у ворота и на подоле. На голове у него венок из листьев, а в обеих руках по горящему факелу. Это Эвбулей или Эвмолп, которые входили в число первых посвященных в элевсинские таинства. Художник изобразил героя в облачении жреца, и поэтому можно хорошо представить, как одевались верховные жрецы во время мистерий в IV в. до н. э.

В верхней части картины над головой Деметры парит Триптолем. С золотыми колосьями в руках он стоит на крылатой колеснице. Она неоднократно упоминается древними авторами как подарок Деметры. По ее велению Триптолем обучал людей земледелию, объезжая страны на подаренной богиней колеснице, запряженной крылатыми драконами (Paus. VII, 18,2; Apollod. Bibl. I, 5,2; Ael. Aristid. XXII, 4; Hygin. Fab.147). Вазописцы рисовали колесницу то с крылатыми змеями, то просто с крыльями. На элевсинской пелике герой представлен в фас в редком ракурсе; он летит прямо на зрителя, в то время как почти все художники и скульпторы изображали Триптолема и его колесницу в профиль. Слева в верхнем ряду стоит обнаженный Геракл в миртовом венке; он нарисован с традиционным атрибутом — палицей и со связкой миртовых ветвей, которые несли мисты на элевсинских процессиях. Мирт напоминает о посвящении героя в таинства и о том, что он удостоился этого первым среди граждан не местного происхождения (Plut. Thes. 30, 33). Слева, симметрично Гераклу, изображен сидящий обнаженный Дионис с тирсом. Об этом боге также существовало предание как об участнике Элевсинских мистерий [Mylonas, 1960, p.68-118; Metzger, 1995. p.3-22].

Труднее истолковать значение большинства персонажей на другой стороне вазы (рис. 48). Вероятно, это обобщенное изображение какого-то драматического представления на сакральный мифологический сюжет. Центральное место занимает Афина в шлеме и со щитом в руке. Над головой богини реет крылатая Ника, которую часто рисовали на краснофигурных вазах рядом с Афиной. Она представлена на вазе в движении; своим щитом она защищает персонажей, расположенных слева: там показано рождение божественного ребенка и передача его в руки Гермеса. Скорее всего, Афина здесь олицетворяет ведущую роль Афинского государства в праздновании мистерий [Кереньи, 2000, с. 181; Clinton, 1992, p.80]. Стоит вспомнить также, что она играла определенную роль в предании о похищении Коры: в одних вариантах мифа рассказывалось, что Афина вместе с Корой собирала цветы, когда Аид похитил дочь Деметры (Hom. Hymn. V, 424; Paus. VIII, 31, 2), в других — богиня сопровождала Деметру в поисках Коры (Eur. Hel. 1309-1317).

Сейчас не совсем ясно, с какими божествами греки отождествляли мать и ребенка; скорее всего, Иакх или Плутос играл роль ребенка, а его матерью считали Деметру или Гею [Bianchi, 1991, p. 10; Clinton, 1992, p. 91]. По-видимому, вазописец иллюстрировал драматическую сцену, разыгравшуюся

в Элевсинском святилище. В левой части картины на элевсинской пелике помещены Кора с двумя факелами и какая-то богиня без атрибутов, а справа Зевс, сидящий на резном троне. Рядом с ним Деметра в нарядном калафе (некоторые считают эту фигуру Герой), а ниже женщина с тимпаном. Вероятно, она олицетворяет музыку, раздававшуюся во время мистерий. Ведь о тимпане пел хор в трагедии Еврипида «Елена» (ст.1337-1349), когда излагал миф о похищении Кору, о горе Деметры и о том, как Зевс решил смягчить ее печаль, послав к ней Харит; они танцевали перед богиней, а Афродита аккомпанировала им на тимпане.

Сцена передачи ребенка Гермесу — редчайшее изображение, относящееся к сокровенным тайнам мистерий. Посвящение же в мистерии, изображенное на лицевой стороне пелики, встречается чаще, но все же не является распространенным сюжетом вазописи. Такая композиция известна на вазах разных форм, но количество персонажей на них меньше, чем на боспорской пелике. Наряду с Деметрой и Корой там обязательно присутствует Дионис, а другие фигуры варьируются. Х.Метцгер собрал 13 подобных изображений на аттических вазах, найденных в разных частях греческой ойкумены [Metzger, 1995, p.7-12]. Первое место в этом перечне занимает пелика из Павловского кургана, однако в нем отсутствует еще одна ваза из Керчи с подобным сюжетом: это лекиф, исполненный аттическим мастером в третьей четверти IV в. до н. э. (№ 260).

Лекиф украшен шестью рельефными фигурами. Он принадлежит к группе дорогих сосудов с подобным декором, которые находят при раскопках далеко не всех греческих городов, куда поступала аттическая керамика. Центральное место традиционно занимает сидящая Деметра, около нее стоит Кора с факелом; рядом с Деметрой Дионис с тирсом и сидящая Афина со щитом и копьем, а возле Кору — Триптолем с колосьями в руках, летящий на крылатой колеснице, и плохо сохранившаяся фигура молодого человека. Скорее всего, это Геракл, который так же изображен симметрично Дионису на рассмотренной выше элевсинской пелике и на других вазах с подобным сюжетом, например, на знаменитой «царице ваз» из Эрмитажа. В иллюстрации Элевсинских мистерий включали Диониса и Геракла в качестве самых знаменитых персонажей из числа посвященных в таинства. Сходная по сюжету роспись украшала краснофигурный кратер из Пантикапея. От сосуда уцелел лишь фрагмент с частично сохранившимися пятью фигурами: в центре Деметра и Кора с факелом, рядом с ними Плутос с рогом изобилия, Эрот и какой-то мужчина (№ 261). Наверное, рисунок на этом большом кратере по числу богов и героев не уступал пелике из Павловского кургана.

Таким образом, в Пантикапее найдены три вазы с изображениями, связанными со сказаниями, упоминавшимися во время Элевсинских мистерий. Это дорогие изделия, явно исполненные по индивидуальному заказу, и по-

этому их нельзя считать случайно попавшими на Боспор среди расписной керамики, массово поставлявшейся из Афин. Вероятно, боспорские обладатели этих ваз были элевсинскими мистами, потому что, по весьма вероятному предположению К. Клинтона, сосуды со сценами Элевсинских мистерий продавались лишь посвященным в таинства [Clinton, 1992, р. 9]. Они не ставались с такими вазами и при переходе в иной мир, потому на Боспоре и в других греческих государствах подобные вазы обнаружены в погребениях.

Вазовые росписи нельзя рассматривать как непосредственное отражение действий, совершавшихся на мистериях. Художники рисовали эпизоды мифов, связанных с праздником, и придавали своим иллюстрациям некоторые черты, заимствованные из реальных ритуалов [Нильссон, 1998, с. 75]. Глядя на такие изображения, греки вспоминали элевсинских богов и сакральные мифы о них, а также эпизоды драматических представлений, исполнявшихся во время таинств. Две картины на пелике из Павловского кургана с наибольшей полнотой демонстрируют ряд образов, проходивших перед посвященными в Элевсинские мистерии, однако мы можем в них разглядеть значительно меньше, чем видели мисты.

Наряду с вазовыми рисунками к интересующим нас памятникам изобразительного искусства относится найденный в Пантикапее посвященный рельеф, исполненный хорошим афинским скульптором в конце V — начале IV вв. до н. э. (№ 258). По-видимому, он находился в храме Деметры, стоявшем на акрополе города или у его подножья [Гайдукевич, 1949, с. 158]. Согласно единодушному определению современных исследователей, сюжет скульптурной композиции отражает посвящение в Элевсинские мистерии. По нашему мнению, рельеф был заказан боспорянином после того, как он сам приобщился к элевсинским таинствам и в память об этом сделал посвящение в боспорский храм Деметры.

На мраморной плите из Пантикапея представлено шесть фигур (рис. 49). Слева в профиль сидит Деметра в тонком подпоясанном ниже талии хитоне. Около богини стоит лицом к зрителю Кора, одетая в хитон и плащ, ниспадающий живописными складками; левой рукой она придерживает большой факел. К богиням подходят друг за другом четыре мужские фигуры. Все персонажи находятся в закрытом помещении, так как в середине рельефа поставлена колонна-пилястра; она в античной вазописи и скульптуре означала внутренность здания. Здесь это зал, где проходили посвящения в Элевсинские таинства. Скульптор по традиции представил богинь гораздо выше человеческого роста и выделил их более высоким рельефом.

Рассказ о поручении Деметры Триптолему научить людей сеять пшеницу не принадлежал к числу тайных, и его знали во всем греческом мире. Поэтому вазы с эпизодами мифа о Триптолеме имели гораздо более широкое распространение, чем сосуды с другими элевсинскими сюжетами. Наиболее

полный их каталог (более 100 экз.) содержится в книге Г. Шварц [Schwarz, 1987], но она не смогла учесть фрагменты ваз из Пантикапея и Ольвии (№ 262, 264). Героя Триптолема почитали в основном в Аттике и вспоминали, главным образом, во время Элевсинских мистерий. Благодаря их славе во всем античном мире имя Триптолема стало известно эллинам, жившим в разных частях ойкумены. Образ героя вырисовывался перед ними в устных преданиях, в литературных произведениях и на памятниках изобразительного искусства, исполненных, главным образом, в Аттике [LIMC, s. v. Triptolemos]. Они расходились по многим греческим городам, и некоторые попадали в Северное Причерноморье.

Сказания о Триптоleme относятся к серии мифов о наставниках человечества, которые в научной литературе называются культурными героями. Подобные мифологические персонажи встречаются в фольклоре разных народов. Такие герои добывают или впервые создают для людей огонь и орудия труда, обучают охоте, земледелию и ремеслам. У греков наиболее известным культурным героем был Прометей; из мастерской Гефеста он похитил огонь, даровал его людям и обучил их ремеслам (Aesch. Prom. 442-506; Plat. Prot. 320-321 e). Триптолем, научивший всех людей земледелию, в древнейших сказаниях назывался сыном Океана и Земли (Paus. I, 14, 3). С архаического периода деяния этого героя неизменно связывали с мифом о пребывании Деметры в Элевсине (Horn. Hymn. V, 473- 477). Первый урожай пшеницы, согласно мифу, Триптолем вырастил на Рарийском поле близ Элевсина.

Немногочисленные изображения Триптолема впервые появляются на чернофигурных вазах в конце VI в. до н. э. [Schwarz, 1987, S.73]. К числу таких редких росписей принадлежит рисунок на фрагменте ольпы из Ольвии (№ 262). Там хорошо сохранилась фигура Триптолема: он сидит на троне, поставленном на колеса с крыльями, в левой руке у него пшеничный колос. Судя по аналогиям подобных росписей, перед Триптолемом стояла Деметра (сохранилась лишь часть ее гиматия), а позади колесницы находилась Кора. Вся сцена представляла момент, когда Деметра давала своему посланцу последние наставления. Триптолем нарисован бородатым соответственно тому, как греки представляли его в архаический период. Он предстает взрослым мужчиной во цвете лет в гомеровском гимне Деметре, в орфических гимнах, приписывавшихся Орфею и Мусею, и в трагедии «Алопа» драматурга Херила, старшего современника Эсхила (Paus. I, 14, 3). Художники и скульпторы классической эпохи начали изображать этого героя безбородым юношей, вероятно, потому, что уже тогда считали Триптолема царским сыном и воспитанником Деметры. Его колесница из трона, поставленного на колеса с крыльями, превратилась в сказочную двухколесную повозку, запряженную крылатыми змеями. Такую колесницу описывал Софокл в трагедии «Триптолем» (fr. 539 Nauck), и, возможно, нечто подобное показывали на

сцене афинского театра. На кизикинских статерах, поступавших на рынки городов Северного Причерноморья, местные жители могли видеть Триптолема на такой крылатой колеснице (№ 263). Мастера краснофигурной вазописи, значительно чаще своих предшественников рисовавшие Триптолема, зачастую снабжали его колесницу только крыльями без змей. Таков, например, фрагмент вазы из Пантикапея (№ 264). Сосуд украшала традиционная композиция: Триптолем в профиль сидит на крылатой колеснице, держа в руке чашу; перед ним стоит Деметра с высоким посохом и дает последние наставления, а сзади к колеснице подходит Кора, держа в руках два зажженных больших факела. Они служили ее постоянными атрибутами в сценах на темы элевсинского цикла мифов. Наряду с этими неизменными персонажами около Деметры изображен бородатый мужчина в гиматии и с большим посохом. Возможно, это Зевс, а, может быть, царь Элевсина, сыном которого по некоторым вариантам мифа был Триптолем (рис. 50).

В Северном Причерноморье греки слагали собственные мифы о Деметре. Иллюстрация одного из них вырезана на огромном известняковом рельефе из кургана близ Нимфея (№ 268). Хотя ученые высказывали различные догадки о смысле изображения, исполненного местным мастером на этом рельефе в IV в. до н. э. [Савостина, 1995, с. 110- 119; Зинько, 1996, с. 34- 36], все же нельзя сказать ничего определенного о содержании сюжета местного мифа.

Дионис

В каждом греческом полисе почитали Диониса, бога виноделия и плодоносящих сил природы. Сохранилось множество свидетельств о том, что во всех античных государствах Северного Причерноморья праздники Диониса относились к самым торжественным; поклонники бога надевали костюмы его спутников и шли в процессии с песнями и танцами. Они напоминали рассказы о шествиях бога и его свиты. Вазописцы и коропласты часто изображали дионисийские процессии (№ 295, 304), самого танцующего бога (№ 287, 307) и его спутников; некоторые из них стучат кроталами и играют на музыкальных инструментах (№ 282, 284, 285, 291, 293, 296, 299). Кроме того, праздники сопровождалась гимнами и воспоминаниями всевозможных рассказов о деяниях бога [Скржинская, 2010, с. 162- 178]. Его изображения украшали бесчисленное количество сосудов для вина, употреблявшихся при священнодействиях и во время домашних застолий; образ Диониса присутствовал в монументальной скульптуре Пантикапея (№ 310), в коропластике всех полисов и в ювелирных изделиях [№ 274-318; Хамула, 2009]. Однако по этим произведениям можно восстановить лишь считанные сюжеты мифов из того множества, которые знали греки на северных берегах Понта, а письменные источники на эту тему отсутствуют.

Дионис считался сыном Зевса и Семелы, дочери фиванского царя Кадма (Ном. II. XIV, 325; Hes. Theog. 940- 943), которая, будучи беременной, погибла из-за происков ревнивой Геры. Зевс сумел спасти недоношенного ребенка, зашил его в свое бедро и, вынув его оттуда в положенное время, отдал, по одной версии, сестре Семелы Ино, или, по другой версии, нимфам, обитавшим на горе Ниса. В дальнейшем юного бога воспитывал мудрый Силен; он вместе с сатирами и нимфами, которых позже стали называть менадами и вакханками, стал постоянным спутником Диониса (282- 300). Иллюстрация сказания о детстве бога нарисована на крышке краснофигурной леканы из Пантикапея (№ 274). В центре композиции находится сатир, протягивающий нимфе младенца, держащего тирс; здесь же нарисованы пантера, священное животное бога, и виноградная лоза. Остальные персонажи представляют традиционные для вазописи сцены преследования нимф сатирами (рис. 51).

О том, что это не просто иллюстрация мифа, говорят театральные костюмы одного сатира и фигура музыканта, одетого в длинный нарядный хитон, характерную одежду аккомпаниатора в театре. Близкую параллель этой фигуре можно увидеть на мозаике II в. до н. э. со сценой обучения аулосе; в обоих случаях авлет увенчан венком и одет в ниспадающий до пола узорчатый наряд с длинными рукавами. По всей вероятности, вазописец представил на своей картине персонажей сатировской драмы о детстве Диониса. Возможно, боспорянин сам приобрел эту дорогую аттическую лекану, после того как в середине IV в. до н. э. побывал в афинском театре. Сюжет пьесы о воспитании маленького Диониса знали также жители ольвийской хоры; там найдена терракотовая статуэтка актера в маске Силена с ребенком на руках (№ 275). Рисунки и статуэтки не воспроизводят в точности ту или иную драматическую сцену, но представляют импровизацию художника на тему определенной пьесы и связанного с ней мифа. Поэтому наряду с актерами и музыкантами вазописцы включали в свои картины мифические персонажи без театральных костюмов.

Сказания о судьбе Ариадны, дочери критского царя Миноса, неразрывно связаны с деяниями героя Тесея и бога Диониса. Ариадна помогала Тесею выбраться из лабиринта после его победы над Минотавром, герой увозил девушку на остров Наксос и там, когда она спала, уплывал на корабле, обманув ее надежду выйти за него замуж. Влюбленный в Ариадну Дионис со своей свитой прибывал на остров, она становилась его супругой, и у них рождалось несколько сыновей. Эти события непременно присутствовали во всех вариантах мифов об Ариадне, неоднократно записанных в произведениях античных авторов (Hesiod. Theog. 947-949; Paus. I, 20, 3; X, 29, 4; Apollod. Ep. I, 7-9; Diod. Sic, V, 51; Hyg. Fab. 42, 43; Catull. LXIX, 52- 264). Художники выбирали именно эти моменты для иллюстрации мифа. Например, на картине в афинском храме Диониса, по словам Павсания, были нарисованы спящая

Ариадна, корабль Тесея, уходящий в открытое море, и приближающийся к девушке Дионис (Paus. I, 20, 3). Катулл имел перед глазами реальный ковер, когда описывал роскошное покрывало на брачном ложе Пелея и Фетиды; среди украшавших его фигур основными были пробудившаяся ото сна Ариадна, смотрящая в отчаянии на уходящий корабль Тесея, и приближающийся к ней Дионис в сопровождении сатиров и вакханок (Catull. LXIX, 52- 54; 249-264). В античности существовало немало копий эллинистической статуи, изображающей спящую Ариадну. Их можно видеть сейчас в Ватикане и в Национальном археологическом музее Неаполя. К изображениям Ариадны неоднократно обращались и афинские вазописцы [Глушек, 2011, с. 95- 107]. Спящая Ариадна нарисована на одной аттической вазе из Пантикапея (№ 277); находящиеся рядом с ней козлоногие спутники Диониса напоминают зрителю о ее близком браке с богом.

На памятниках искусства из Северного Причерноморья Дионис и Ариадна чаще представлены счастливой супружеской парой. На рельефе крышки зеркала из Пантикапея и на пергамском кубке из Ольвии Ариадна обнимает Диониса (№ 280, 281); их нередко окружают постоянные спутники бога (№ 276, 278, 279).

Другие олимпийские боги и Кибела

В нашем исследовании относительно мифов об олимпийских богах еще не упоминались Гефест, бог огня и кузнечного дела, и Арес, кровожадный бог войны. Эллины знали их как героев многих древних сказаний, часть которых Гомер включил в свои поэмы. В изобразительном искусстве эти боги встречаются реже остальных олимпийцев. В Северном Причерноморье их изображения не пользовались спросом, вероятно, потому что они не входили в пантеон божеств местных греческих полисов. Только в римский период в Пантикапее появился храм Ареса с его статуей [КБН № 63]. Возможно, тогда же святилище этого бога находилось в Танаисе [КБН № 1237]. О поклонении Гефесту в Ольвии упоминается в одном граффити III в. до н. э. [Яйленко, 1980, № 70].

Фигура Гефеста в Северном Причерноморье изредка встречается среди других олимпийских богов, например, на картине вазы из Пантикапея Гефест стоит в ряду богов, принимающих героев на Олимпе (№ 14). Изображения же Ареса, насколько мне известно, вообще отсутствуют. Все это не означает, что здесь не знали мифов об этих богах. Например, рассказы об искусных изделиях Гефеста могли вспоминать, глядя на изображения nereid, везущих Ахиллу оружие, выкованное этим богом (№ 3, 11). Также не случайно боспорский поэт в одной эпитафии использовал имя Ареса как олицетворение убийства на войне [КБН № 120]. Этот образ вполне отвечает описаниям бога у Гомера.

Определенно можно сказать, что все эллины в Северном Причерноморье, зная с детства поэмы Гомера, вспоминали веселое сказание из «Одиссеи», исполненное на пиру аэдом Демодокосом (VIII, 266- 366) и неоднократно описанное с разными вариантами у других античных авторов. Там рассказывалось, как Афродита изменяла своему мужу Гефесту, устраивая тайные свидания с Аресом. Узнав об этом, Гефест придумал хитроумное наказание. Он выковал тончайшую неприметную для глаза сеть и незаметно прикрепил ее к кровати, чтобы в нужный момент опутать любовников. Они не могли никуда скрыться, когда Гефест пригласил в спальню богов посмотреть на своих пленников, и те громко смеялись, увидев голых и беспомощных Афродиту и Ареса. Гефест согласился их освободить, если ему вернут все свадебные дары, а гарантом выполнения этого условия стал Посейдон.

Кибела, или Великая мать богов, пользовалась в Северном Причерноморье особым почитанием, о чем свидетельствуют лапидарные надписи, граффити и множество местных и привозных терракот и каменных рельефов с изображением богини [рис. 19, 20; Русяева, 1992, с. 144-148, Молева, 2008, с. 80- 88]. Однако перечисленные источники почти ничего не могут рассказать нам о мифах, связанных с этой богиней. В них, конечно, говорилось, почему лев стал постоянным спутником Кибелы, а тимпан - ее атрибутом (№ 319- 325, 327-329). Судя по появившимся в эллинистический период терракотовым статуэткам Аттиса (№ 326), в Ольвию и на Боспор проникли рассказы об этом возлюбленном Кибелы и о его трагической гибели. По одной версии, Аттиса убил кабан, посланный Зевсом, по другой, он оскотил себя в припадке безумия и после этого умер (Paus. VII, 17, 9-12; Catull. LIII; Ov. Fast. IV, 223-246). Аттиса изображали в виде пастуха, играющего на сиринге; он одет в восточный костюм с длинными шароварами, а на голове у него остроконечная фригийская шапка (рис. 52).

На известняковых рельефах из Пантикапея рядом с Кибелой стоят супруга Аида Персефона с факелом и Гермес, проводник душ умерших в подземное царство (№ 328). Эти изображения указывают на появлении в римское время предания о связи Кибелы с потусторонним миром.

Заключение

В античных государствах Северного Причерноморья было известно множество мифов, знакомых грекам всей ойкумены. В них боги выступали персонажами разнообразных преданий, не связанных непосредственно с культом. Они, если так можно сказать, обладали подробными биографиями, начинавшимися с рождения и воспитания. Памятники искусства из Северного Причерноморья указывают на осведомленность местного населения об обстоятельствах рождения Афины, Диониса и Афродиты; они также иллюстрируют мифы о земных женщинах, возлюбленных богов, и об их детях. Сце-

ны из поэм «Илиада», «Киприи» и «Эфиопида» подтверждают знакомство с троянским циклом мифов и даже с пародиями на него.

Оживленные связи античных государств Северного Причерноморья с Афинами, особенно в V- IV вв. до н. э., способствовали узнаванию аттических мифов о рождении Афины, о ее любимом афинском герое Тесее и о споре богини с Посейдоном за главенство в Аттике. Изображения спутников богов и их атрибутов вызывали воспоминания о разных мифах, повествующих об их происхождении и зачастую о волшебных свойствах, какими были, например, крылатые сандалии Гермеса. В Северном Причерноморье выявлено наибольшее количество атрибутов и спутников у Аполлона, верховного бога Тиры, Ольвии и Пантикапея. Его сопровождали или символизировали дельфин, лев и грифон, лира или кифара, лавровые венки или ветви, стрела и треножник. Часть из них имела всеобщее распространение, дельфин же был характерен только для Ольвии, а лев и грифон встречались преимущественно на Боспоре. Это указывает на различие преданий о боге в разных областях Северного Причерноморья.

Набор изображений и немногочисленные письменные источники позволяют выявить некоторые особенности бытования мифов. Так, миф об Эроте и Психее пользовался популярностью исключительно на Боспоре, а в Ольвии распространился сравнительно редкий вариант мифа о браке Афродиты и Гермеса и их сыновьях.

Как и всюду, в античных государствах Северного Причерноморья создавались местные варианты общегреческих мифов. Такова боспорская версия сказания о гигантомахии, во время которой Афродита и Геракл расправлялись с гигантами в пещере на Таманском полуострове. В IV в. до н. э. боспоряне придавали мифу о похищении Зевсом царевны Европы символическое значение перехода души умершего в потустороннее царство. В Херсонесе рассказывали местный вариант мифа об Артемиде и ее жрице Ифигении в Таврике.

В произведениях древних авторов записано несколько сюжетов местных мифов о героях Геракле и Ахилле [Скржинская, 2011, с. 19- 78]. Относительно же возникновения новых мифов о богах в Северном Причерноморье нам почти ничего неизвестно. Лишь надписи свидетельствуют о появлении в Херсонесе преданий о чудесных деяниях Девы, главной богини государства. По аналогии с этим можно с большой долей уверенности предположить, что в Тире, Ольвии и на Боспоре существовали местные мифы об Аполлоне, возглавлявшем пантеон этих полисов на протяжении нескольких столетий.

КАТАЛОГ ИЗОБРАЖЕНИЙ БОГОВ

Троянский цикл мифов

1. Афина в облике Деифоба побуждает Ахилла сразиться с Гектором. Чернофигурный лекиф. Конец VI в. до н. э. Пантикапей. ОАК, 1904. С. 53. Рис. 92. ИАК, 1904. С. 86. Рис. 8.
2. Афина, защищающая Кассандру от нападения Аякса. Чернофигурная ольпа. Третья четверть VI в. до н. э. Тузлинский некрополь. ОАК, 1913- 15. С. 143. Рис. 224; Сорокина, 1957. Табл. 7, 2.
3. Фетида на гиппокампе, везущая новое оружие Ахиллу. Терракота. Рубеж V- IV вв. до н. э. Русяева, 1982. С. 92.
4. Суд Париса. Краснофигурный кратер мастера Кадма. Начало IV в. до н. э. Пантикапей. ОАК 1863. С. 3. Табл. 3; Шлиман, Петербург, Троя, 1998. С. 129, 215. № 52; LIMC. Bd. 4. S. 707; Bd. 7. S. 176. № 48.
5. Сцены из мифа о Парисе и Елене. Краснофигурные лекиф и гидрия. 370-360 гг. до н. э. Пантикапей. ОАК, 1861. С. 122. Табл. 5; Шлиман, Петербург, Троя, 1998. С. 95- 97, 216. № 53; UKV. № 159, 291; LIMC. Bd. 4. S. 531. № 172.
6. Зевс, совещающийся с богами о решении начать Троянскую войну. Краснофигурная пелика. 340 гг. до н. э. Пантикапей. ОАК, 1862. С. 39. Табл. 2; Любовь и эрос, 2006. С. 14; UKV. № 369; LIMC. Bd. 2. S. 135. № 1416.
7. Суд Париса. Краснофигурная пелика. Середина IV в. до н. э. Пантикапей. ОАК, 1864. С. 5. Табл. 1; Лукьянов, Гриневич, 1915. С. 96. № 3.
8. Смерть Приама у алтаря Зевса. Лекиф с накладными рельефами. Вторая четверть IV в. до н. э. Пантикапей. ДБК. Табл. 48; ОАК, 1863. С. 147; Zervoudaki, 1968. S. 24. № 28.
9. Суд Париса. Гравировка на пластинке из слоновой кости. IV в. до н. э. Курган Куль-Оба. Сокольский, 1969. С. 27, 28; АП. № 27, 28.
10. Фетида на гиппокампе, везущая новое оружие Ахиллу. Парные золотые подвески к головному убору. 330- 300 гг. до н. э. Курган Большая Близница (Тамань). ОАК, 1865. С. 41- 48. Табл. 2; ГЗ. С. 186, 267. № 120, 202.
11. Нереиды, везущие новое оружие Ахиллу. Резные позолоченные украшения деревянного саркофага. Конец IV – III вв. до н. э. Горгиппия. ОАК, 1882-1888. Табл. 3. Иванова, 1958. С. 99, 100. Рис. 4, 5, 7; Сокольский, 1969. С. 30. в Табл. 12, 13.
12. Шарж на миф о суде Париса. Ваза с рельефными фигурами. I в. до н. э. Ольвия. АП. № 158.

Зевс

Зевс среди олимпийских богов

13. Зевс среди олимпийских богов. Чернофигурная амфора мастера Андокида. Последняя четверть VI в. до н. э. Пантикапей. CVA. Russia. 1996. P. 12. Tab. 4.
14. Зевс на троне среди олимпийских богов в сцене апофеоза Геракла и Диоскуров. Краснофигурный кратер из кургана Баксы близ Пантикапея. Рубеж V- IV вв. до н. э. Shefton, 1992. P. 241-251.
15. Зевс и другие боги. Ваза с рельефными украшениями. III в. до н. э. Ольвия. Штерн, 1902. С. 93- 113.

Иллюстрации мифов с участием Зевса

16. Рождение Афины из головы Зевса. Чернофигурный килик. 550-540 гг. до н. э. Ольвия. Русяева, 2005. С. 382-383.
17. Зевс в иллюстрации мифа о похищении Европы. Краснофигурная ойнохоя. 500-490 гг. до н. э. Ольвия. АНО. С. 40. № 15.
18. Зевс, спускающийся к Данае в виде золотого дождя. Электровый перстень. Начало V в. до н. э. Ольвия. Неверов, 1983. С. 36, 37.
19. Афина, наливающая вино в чашу Зевса. Краснофигурный кратер. Начало V в. до н. э. Пантикапей. ОАК, 1899. С. 27. Рис. 39; АГСП, 1984. Табл. 143.
20. Зевс в иллюстрации мифа о похищении Европы. Кизикийский статер. V в. до н. э. Ольвия. Golden Warriors... 1993. P. 47. № 83.
21. Леда и Диоскуры у алтаря с яйцом. Краснофигурная пелика. Конец V в. до н. э. Тамань. ОАК, 1861. Табл. 6, 1; Передольская, 1971. С. 47. Рис. 5, 6.
22. Голова Ио. Керамические акротерии. V-IV до н. э. Нимфей, Пантикапей, Феодосия. Марченко, 1984. С. 61-66. Рис. 4-6.
23. Зевс в иллюстрации мифа о похищении Европы. Краснофигурные аттические рыбные блюда. Пантикапей. Нимфей. Фанагория. Горгиппия. Первая четверть IV в. до н. э. ОАК, 1880. С. 106-109; UKV. № 51-58; Barringer, 1991. P. 658-659.
24. Зевс в иллюстрации мифа о похищении Европы. Две аттические краснофигурные пелики. Первая половина IV в. до н. э. Тамань. ОАК, 1866. С. 77. Табл. 2, 33; ОАК, 1870. С. 181-183; UKV. № 436; LIMC. Bd. 4. S. 80. № 66.
25. Зевс в иллюстрации мифа о похищении Европы. Лекиф с накладным рельефом. Первая половина IV в. до н. э. Курган Большая Близница (Тамань). ОАК, 1866. С. 77. Табл. 2; Zervoudaki, 1968. S. 20. № 16; LIMC. Bd. 4. S. 91. № 93.
26. Зевс в иллюстрации мифа о похищении Европы. Фрагменты двух краснофигурных пелик. Середина IV в. до н. э. Ольвия. ОАК, 1904. С. 40. Рис. 59; UKV. № 491; LIMC. Bd. 4. S. 80. № 67; Назарчук, 2006. С. 173. Рис. 185, 6.
27. Зевс в облике орла, похищающий Ганимеда. Железный медальон из украшения конской сбруи. III в. до н. э. Курган Васюрина гора на Тамани. Власова, 2004. С. 167. Рис. 22.
28. Зевс в облике орла, похищающий Ганимеда. Мегарская чаша. III в. до н. э. Херсонес. Хлыстун, 1996. С. 154.
29. Зевс в облике орла, похищающий Ганимеда. Две мегарских чаши. III в. до н. э. Ольвия. Vogel, 1909. S. 30. № 271, 272.
30. Зевс в облике лебедя и Леда. Керамическая плакетта эллинистического времени. Тира. Алексеев, 2002. С. 60. Табл. 1, 6.
31. Зевс в облике лебедя и Леда. Терракотовая статуэтка. II-I вв. до н. э. Пантикапей. Кобылина, 1961. С. 116.
32. Зевс в облике лебедя и Леда. Керамический светильник. I-II вв. н. э. Пантикапей. На краю ойкумены. 2002. С. 38. № 85; Любовь и эрос. 2006. № 10.
33. Зевс в облике лебедя и Леда. Керамический светильник. III в. н. э. Херсонес. Любовь и эрос. 2006. № 11.

Зевс Аммон

34. Голова Зевса-Аммона с бараньими рогами. Три кизикийских статера. 460-400 гг. до н. э. Мирмекий. Абрамзон и др., 2006. С. 25. Табл. 4. № 57-59.

35. Голова Зевса- Аммона с бараньими рогами. Боспорские медные монеты. Конец I в. до н. э. Пантикапей. Абрамзон и др., 2006. С. 63. Табл. 27. № 14- 17.
36. Голова Зевса- Аммона с бараньими рогами. Мраморная скульптура. II в. н. э. Ольвия. Русяева, 1992. С. 63.

Символы Зевса

37. Орел и дельфин. Монеты Ольвии классического и эллинистического времени. Карышковский, 1982. С. 90- 98; Русяева, 1992. С. 65- 70.
38. Орел и дельфин. Эталонная гиря. IV в. до н. э. Ольвия. Крапивина, 2004. С. 135. № 11.
39. Орел на молнии. Монеты Керкинитиды. Середина IV в. до н. э. Кутайсов, 2004. С. 55.
40. Орел на молнии. Монеты Херсонеса. 70- 63 гг. до н. э. Анохин, 1977. № 197.
41. Орел на молнии. Боспорские монеты. Рубеж I в. до н. э. - I в. н. э. Анохин, 1986. № 278.

Гера

42. Спор Геры и Посейдона за первенство в Аргосе. Краснофигурная гидрия. Конец V- начало IV вв. до н. э. Нимфей. Зинько, 2003. С. 126. Табл. 21.
43. Гера. Резной деревянный рельеф. IV в. до н. э. Змеиный курган близ Пантикапея. ДБК. Табл. 82; Сокольский, 1969. С. 33-35. Табл. 16.
44. Голова Геры. Золотые подвески. Середина IV в. до н. э. Ольвия. Пантикапей. ДБК. Табл. 7, 11; РД. С. 59. Рис. 79; ОАК 1912. С. 33; ГЗ. № 103; Русяева, 1994. С. 104-109.
45. Гера среди олимпийских богов. См. № 13, 14.
46. Гера в сценах суда Париса. См. № 4, 7, 9, 12.

Посейдон

Притязания Посейдона на первенство среди богов в разных областях Элады

47. Спор Посейдона и Геры за первенство в Аргосе. Краснофигурная гидрия. Нимфей. Конец V – начало IV вв. до н. э. См. № 42.
48. Спор Посейдона и Афины за первенство в Аттике. Гидрия с рельефными фигурами. 350- 340 гг. до н. э. Пантикапей. См. № 65.

Посейдон и Амфитрита

49. Амфитрита, плывущая на дельфине к Посейдону. Краснофигурная пелика. IV в. до н. э. Пантикапей. ДБК. Табл. 61; UKV. № 413.
50. Посейдон и Амфитрита. Рельефы на терракотовых алтариках эллинистического времени. Ольвия. Мирмекий. Херсонес. Денисова, 1981. С. 58; АГСП, 1984. С. 222.

Посейдон, помогающий Зевсу похитить Европу

51. Посейдон в сцене мифа о похищении Европы. Краснофигурные рыбные блюда. Первая четверть IV в. до н. э. Нимфей и курган Большая Близница. IV в. до н. э.; UKV. № 58; Barringer, 1991. P. 666-667. № 3, 5.
52. Посейдон в сцене мифа о похищении Европы. Краснофигурная пелика. Ольвия. IV в. до н. э. UKV № 491.

Посейдон среди олимпийских богов. См. № 14

Посейдон и его священные животные

53. Посейдон на гиппокампе и две бегущие nereиды. Чернофигурный лекиф. 470 гг. до н. э. Пантикапей. Борисковская, 1997. С. 35. Рис. 26.
54. Посейдон на дельфине. Две золотых нашивных бляшки. IV в. до н. э. Пантикапей. На краю ойкумены. 2002. № 148, 149.

Посейдон и его атрибуты на монетах

55. Посейдон с трезубцем и дельфином. Кизикинский статер. 460- 400 гг. до н. э. Мирмекий. Мирмекийский клад. 2004. № 99.
56. Трезубец. Реверс монет Ольвии. Конец IV в. до н. э. Анохин, 1989. С. 36.
57. Два дельфина и трезубец. Монеты Пантикапея. Последняя четверть III- первая половина II вв. до н. э. БЦ. С. 583, 584. Табл. 2, 31, 32, 34.
58. Голова Посейдона. Монеты Пантикапея. III- I вв. до н. э. Зограф. С. 179, 186. Табл. 41, 13; 43, 1; Анохин, 1986. № 154, 173, 191.
59. Дельфин на реверсе и Посейдон на аверсе монет Пантикапея. Конец I в. до н. э. Анохин, 1986. № 279.

Афина

Гигантомахия

60. Битва Афины с гигантом. Чернофигурный кратер. Середина VI в. до н. э. Пантикапей. АРК. № 16; Скржинская, 2010. С. 229, 230. Рис. 65.
61. Битва Афины с гигантом. Чернофигурная ойнохоя. 510-500 гг. Ольвия. АНО. № 50.
62. Афина, поражающая гиганта копьем. Чернофигурный лекиф. Рубеж VI-V вв. до н. э. Пантикапей. Борисковская, 1997. С. 32. Рис. 15.
63. Афина-апобат рядом с бегущей квадригой во время сражения с гигантами. Чернофигурный лекиф. 480-470 гг. до н. э. Пантикапей. Борисковская, 1997. С. 33. Рис. 19.
64. Афина и Геракл, поражающие гиганта. Лекиф с рельефными фигурами мастера Ксенофанта. 380 гг. до н. э. Пантикапей. ДБК. Табл. 45, 46; Скржинская, 2010. С. 232.

Афина в сцене суда Париса

См. № 4, 7, 12.

Афина в сцене состязания с Посейдоном.

65. Спор Афины и Посейдона за обладание Аттикой. Краснофигурная гидрия с рельефными фигурами. 350- 340 гг. до н. э. Пантикапей. ОАК, 1872. С. 130. Табл. 1; АП. № 37; Скржинская, 2010. С. 238. Рис. 68; Zervoudaki, 1968. S. 36, 78; LIMC. Bd. 1. S. 291. № 38; Bd. 2. S. 997. № 453.

Афина в мифах о героях

66. Афина в сцене мифа о сражении Геракла с Антеем. Чернофигурный лекиф. 500-490 гг. до н. э. Ольвия. Борисковская, 2000. С. 198- 201; РОИ. № 56.
67. Афина в сцене основания Фив героем Кадмом. Краснофигурная гидрия. Последняя четверть V в. до н. э. Пантикапей. ОАК, 1862. Табл. 5; МГВ. Рис. 51; LIMC. Bd. 5. S. 866. № 9.

68. Афина и Тесей. Краснофигурная амфора мастера Ниобид. 460 гг. до н. э. Передольская, 1967. С.154. № 176. Табл.19; МГВ. С.77. Рис.37.
69. Афина в сцене жертвоприношения Геракла нимфе острова Хриса. Краснофигурная пелика. 400- 390 гг. до н. э. Курган Баксы близ Пантикапея. Передольская, 1971. С. 47. Рис. 1; МГВ. С. 108. Рис.52; LIMC. Bd. 3. S. 280. № 4.
70. Афина в сцене борьбы Тесея с Марафонским быком. Краснофигурная пелика. Середина IV в. до н. э. Пантикапей. ДБК. С.63-69. Табл. 63а. № 2; UKV. № 392; LIMC. Bd.7.S.937. 193.
71. Афина в сцене освобождения Тесея Гераклом из Аида. Краснофигурная пелика. 360- 350 гг. до н. э. Пантикапей. АМ. № 50; Шталь, 2000. № 218; LIMC. Bd. 7. S. 237.

Афина среди олимпийских богов

72. Афина, Гермес, Афродита и Гефест. Чернофигурная гидрия. 520- 510 гг. до н. э. Ольвия. Тарадаш, 1983. С. 141; ОАМ. № 49.
73. Афина, наливающая вино в чашу Зевса. Краснофигурный кратер. Начало V в. до н.э. Пантикапей. ОАК, 1899. С. 27. Рис. 39; АГСП, 1984. Табл. 143.
74. Афина среди богов, принимающих Геракла на Олимп. Краснофигурный кратер из кургана Баксы близ Пантикапея. Рубеж V- IV вв. до н. э. Shefton, 1992. P. 241-251.
75. Афина, Афродита и Гермес в сцене совещания Зевса и Фемиды. Краснофигурная пелика. 340 гг. до н. э. Пантикапей. См. № 6.
76. Афина, Гермес, Зевс, Гера и Кора в сцене рождения Иакха. Краснофигурная пелика. Середина IV в. до н. э. Павловский курган близ Пантикапея. UKV. № 368; ARE. № 392; LIMC. Bd. 2. S. 130. № 1371.

Афина на панафинейских амфорах и амфорисках

77. Афина. Псевдопанафинейская амфора с изображением авлета. Рубеж VI-V вв. до н. э. Пантикапей. Радлов, 1912. С.76; Пиотровский, 1924. С.100,103; Скржинская, 2010. С. 227. Рис. 59.
78. Афина со щитом, украшенным головой Медузы. Панафинейская амфора за победу в игре на кифаре. 430-425 гг. до н.э. Ст. Елисаветовская. Радлов, 1912. С.83; Пиотровский, 1924. С.101,103; Скржинская, 2010. С. 227. Рис. 64.
79. Афина. Панафинейская амфора за победу в кулачном бою. 420 гг. до н. э. Ст. Елизаветенская (Кубань). ОАК 1913. С.150. Рис.234; Пиотровский, 1924. С.81-83; Скржинская, 2010. С. 229.
80. Афина. Панафинейский амфориск. Первая половина IV в. до н. э. Пантикапей. Горбунова, 1984. С. 116.
81. Афина. Панафинейская амфора за победу в беге. 340 гг. до н. э. Пантикапей. ОАК 1876. С.5, 109; Табл.1,2; Пиотровский, 1924. С.102; Скржинская, 2010. С. 228.
82. Афина. Панафинейская амфора за победу в конных состязаниях III в. до н. э. Ольвия. Скржинская, 2010. Рис. 63.

Отдельные изображения Афины и ее символов

83. Афина у алтаря. Чернофигурная ольпа. Последняя треть VI Ольвия. в. до н. э. ГСА № 20.
84. Голова Афины. Фигурный лекиф. Начало IV в. до н. э. Пантикапей. Сорокина, 1997. С. 46, 75. Табл. 4, 3.

85. Голова Афины. Золотые подвески из кургана Куль-Оба. IV в. до н. э. ГЗ. № 87, 198.
86. Голова Афины. Керамические медальоны. IV в. до н. э. Пантикапей, Нимфей, Тамань. ИАК 1904. № 9. С. 79. Рис. 2; Силантьева, 1959. С. 35. Рис. 13; Онайко, 1979. С. 394; Скржинская, 2010. С. 239; Ridgeway, 1992. P. 133. Fig. 58.
87. Сова. Монеты Никония. 470- 460 гг. до н. э. Анохин, 1989. № 400- 402.
88. Сова на щите Афины. Краснофигурный килик. Середина V в. до н. э. Ольвия. ОАК, 1903. С. 19. Рис. 16.
89. Сова с раскрытыми крыльями. Монеты Синдской гавани. 433- 423 гг. до н. э. Анохин, 1986. № 43.
90. Сова между оливковыми ветвями. Два краснофигурных скифоса. Вторая половина V в. до н. э. Пантикапей. Лосева, 1962. С. 178. Рис. 5, 3.
91. Сова между оливковыми ветвями. Два краснофигурных скифоса. Вторая половина V в. до н. э. Тамань. На краю ойкумены, 2002. № 21, 22.
92. Сова между оливковыми ветвями. Два краснофигурных скифоса. Вторая половина V в. до н. э. Ольвия. ОАК 1890. С. 101. Рис. 174; Виноградов, Русяева, 1980. С. 23. Рис. 5, 4.
93. Сова между оливковыми ветвями. Краснофигурный скифос. Вторая половина V в. до н. э. Хора Ольвии. Крыжицкий и др., 1989. С. 131. Рис. 50, 8.
94. Сова между оливковыми ветвями. Краснофигурный скифос. Рубеж V- IV вв. до н. э. Херсонес. Зедгенидзе, 1978. С. 73. Рис. 4, 3.
95. Сова между оливковыми ветвями. Три аттических краснофигурных скифоса. Рубеж V –IV вв. до н. э. Пантикапей. Масленников, Розов, 1990. Рис. 1, 16-19.
96. Афина с головой Медузы на эгиде. Мраморная статуэтка, вольная копия статуи Фидия. IV-III вв. до н. э. Ольвия АП. № 38; Саверкина, 1986. С. 54- 55.
97. Бюст Афины с эгидой на груди. Вставка из граната в золотой перстень. III в. до н. э. Пантикапей. АП. № 39.
98. Афина, сидящая на троне. Золотые пантикапейские статеры. III в. до н. э. БЦ. Табл. II, 31, 32, 34; Анохин, 1986. № 148, 171, 178.
99. Сова. Аттическая монета из Ольвии. 135 г. до н. э. Карышковский 1964. С. 131- 134.
100. Бюст Афины с головой Медузы на эгиде. Позолоченный медальон на дне чаши. II в. до н. э. Ольвия. Штительман, 1965. С. 223- 227.
101. Афина с головой Медузы на эгиде. Мраморный вотивный рельеф II в. н. э. Ольвия. Русяева, 1992. С. 95. Рис. 28.

Афродита и Эрот

Афродита в Троянском цикле мифов См. № 4- 7, 9, 12

Афродита Урания и Анапура

102. Афродита с голубем. Две терракотовых статуэтки. Последняя четверть VI в. до н. э. Березань. Копейкина, 1977. С. 97. Рис. 6 Назаров, 2001. С. 161. Рис. 7.
103. Афродита с голубем. Фигурный сосуд. Конец VI –V вв. до н. э. Пантикапей. Кобылина, 1961. С. 39- 40. Табл. 4.
104. Афродита с голубем. Терракотовая статуэтка. Конец VI –V вв. до н. э. Ольвия. Русяева, 1982. С. 65- 66.
105. Афродита на лебеде. Краснофигурная пелика. IV в. до н. э. Пантикапей. ОАК, 1875. Табл. 3.

106. Афродита на лебеде, Эрот и Гермес. Краснофигурная пелика. Середина IV в. до н.э. Пантикапей. ДБК. С. 131; UKV. № 395.
107. Афродита на лебеде. Золотой медальон. Конец IV – III вв. до н. э. Елисаветовское городище на Нижнем Дону. Вахтина, 1988. С. 92- 95.
108. Афродита на лебеде. Известняковая стела. II в. до н. э. Пантикапей. Вальдгауэр, 1922. С. 212; КБН. № 75.

Афродита Пандемос

109. Афродита на козле. Две фигурные ойнохои. V- IV вв. до н. э. Пантикапей. ОАК. 1870. С. 183- 184. Табл. 5, 3; Сорокина, 1997. С. 59, 60. Рис 41, 3; На краю ойкумены, С. 27. №. 30.
110. Афродита на козле. Терракотовый рельеф эллинистического времени. Боспор. Сорокина, 1997. С. 60.
111. Афродита на козле. Бронзовая пряжка эллинистического времени. Нимфей. Сорокина, 1997. С. 60.

Рождение Афродиты

112. Афродита в раковине. Фигурный лекиф. Конец V в. до н. э. Фанагория. ОАК 1870-71. С. 6- 19; АП. № 43; GRA. № 58.
113. Афродита в раковине. Фигурный лекиф. Конец V в. до н. э. Пантикапей. ОАК 1870-71. С. 12, 53-54.
114. Афродита в раковине. Терракота. III в. до н. э. Ольвия. Русяева, 1982. С. 71. Рис. 29, 1.
115. Афродита в раковине. Терракота. Первая половина III в. до н. э. Мирмекий. Денисова, 1981. Табл. 12 б.
116. Афродита в раковине. Терракота. III в. до н. э. Тиритака. Пругло, 1970. С. 94. Табл. 38, 3.
117. Афродита с дельфином у ног. Три терракотовых статуэтки эллинистического времени. Пантикапей. Кобылина, 1961. С. 80. Табл. 9, 2; 10, 1-2.
118. Афродита с дельфином у ног. Две терракотовых статуэтки. I в. до н. э.- I в. н. э. Горгиппия. ТС. 1974. С. 49. Табл. 57, 1 и 3.
119. Афродита с дельфином у ног. Терракотовая статуэтка. I в. до н. э.- I в. н. э. Денисова, 1981. С. 54. Табл. 16 б.

Афродита вместе с Гермесом и их сыновья Приап и Гермафродит

120. Гермес, Афродита и Приап. Два свинцовых посвячительных рельефа. V в. до н. э. Ольвия. Русяева, 1975. С. 122. Рис. 6, 7; Она же, 2005. С. 414.
121. Гермес, Афродита и Приап. Форма для отливки свинцового рельефа. V в. до н. э. Ольвия. Крапівина и др., 1998. С. 86.
122. Гермес, Афродита и Эрот. Лекиф. Рубеж V-IV вв. Пантикапей. Лосева, 1962. С. 175.
123. Гермес, Афродита на лебеде и Эрот. Краснофигурная пелика IV в. Пантикапей. ДБК. С. 131; UKV. № 395.
124. Гермес, Афродита и два Эрота. Ойнохои с рельефными фигурами. IV в. Пантикапей. APR. S. 34. № 70.
125. Гермафродит в створке раковины. Терракота. III в. до н. э. Пантикапей. Любовь и Эрос. 2006. № 17.
126. Гермафродит. Мраморная статуэтка. III в. до н. э. Ольвия. Історія української культури. Т. 1. Київ, 2001. С. 482.

127. Отдыхающий Гермафродит и два Эрота. Бронзовое украшение ложа. II в. до н. э. Артюховский курган близ Кеп. Максимова, 1979. С. 94-96. Рис. 34.
128. Гермафродит с лирой. Светильник I в. н. э. Ольвия. Левина, 1986. С. 122-123.
129. Афродита у гермы Приапа. Терракота. Пантикапей. II в. до н. э. ДБК. Табл. 70, 1; Силантьева, 1974. С. 27. Табл. 26.
130. Афродита с Приапом. Терракота. II- I вв. до н. э. Пантикапей. Силантьева, 1974. С. 26. Табл. 26.
131. Афродита у гермы Приапа. Терракота позднеэллинистического времени. Мирмекий. Денисова, 1981. Табл. 16 е.
132. Афродита с Приапом и дельфином. Терракота. Гермонасса. Коровина, 1974. С. 12. Табл. 6, 5.
133. Афродита с Приапом. Терракота. I в. до н. э. - I в. н. э. Мирмекий. Денисова, 1981. С. 55. Табл. 16 ж.
134. Афродита с Эротом и дельфином рядом с гермой Приапа. Терракота. I в. до н. э. - I в. н. э. Пантикапей. Силантьева, 1974. С. 26. Табл. 23, 6.
135. Афродита с Приапом. Терракота. I в. н. э. Коровина, 1974. С. 11. Табл. 5, 2.
136. Афродита в раковине с Приапом и Эротом. Терракота. I- середина II вв. н. э. Пантикапей. Силантьева, 1974. С. 26. Табл. 23, 4.

Афродита и Эрот

137. Афродита, кормящая Эрота. Инталия. V в. до н. э. Пантикапей. Неверов, 1976. № 30.
138. Афродита, Гермес и Эрот. Краснофигурный лекиф. Рубеж V- IV вв. до н. э. Пантикапей. Лосева, 1962. С. 175.
139. Афродита и целующий ее Эрот. Терракота. Начало IV в. до н. э. Фанагория. ОАК 1870- 71. Табл. 2, 3.
140. Афродита, целующая Эрота. Крышка бронзового зеркала. Первая четверть IV в. до н. э. Курган Большая Близница на Тамани. ОАК, 1875. Табл. 5, 2; АХБ. С. 27. № 67.
141. Афродита на лебеде, Гермес и Эрот. Краснофигурная пелика. IV в. до н. э. Пантикапей. ДБК. С. 131; UKV.S. 45. № 395.
142. Афродита на лебеде. Эрот и Потос с тимпанами. Краснофигурная пелика. Вторая половина IV в. до н. э. Боспор. ОАК, 1877. С. 246. Табл. 6, 1; UKV.S. 51. № 480.
143. Эрот, завязывающий сандалию Афродите. Золотой перстень. 330- 300 г. до н. э. Курган Большая Близница на Тамани. ОАК, 1865. Табл. 3, 4; ГЗ. С. 194. № 126.
144. Эрот, завязывающий сандалию Афродите. Крышка бронзового зеркала. Эллинистический период. Пантикапей. ИАК. 1903. № 7. С. 83. Рис. 6.
145. Афродита, обнимающая Эрота. Инталия. IV в. до н. э. Пантикапей. Неверов, 1976. № 31.
146. Афродита и Эрот. Бронзовый перстень. IV в. до н. э. Нимфей. ОАК, 1876. С. 16; АХБ. С. 33. № 96.
147. Эрот рядом с Афродитой. Золотые медальоны эллинистического периода. Пантикапей, Тамань. ОАК, 1876. С. 150. Табл. 3; ИАК № 17. 1905. С. 17. Рис. 12; Максимова, 1979. С. 68. Рис. 20.
148. Афродита с Эротом. Терракоты эллинистического времени. Пантикапей, Тиритака. ОАК. 1870- 71. Табл. 3, 4; ОАК 1880. Табл. 5, 8; Кобылина, 1961. С. 80, 82. Денисова, 1981. С. 56. Табл. 15 в.

149. Афродита и два Эрота. Мраморная статуэтка. II в. н. э. Хора Херсонеса. Сапрыкин, 1998. С. 59- 71.

Потос и Химерос — спутники Афродиты

150. Эрот, Потос и Химерос в иллюстрации мифа о похищении Европы. Два рыбных блюда. Первая четверть IV в. до н. э. Нимфей. ОАК, 1880. С. 105 –110; UKV. № 51, 58; Barringer, 1991. P. 667. № 5, 14.
151. Эрот, Химерос и Потос в иллюстрации мифа о похищении Европы. Три рыбных блюда. Первая четверть IV в. до н. э. Большая Близница (Тамань). ОАК, 1866. С. 81-99. ОАК, 1876. С. 165; ОАК, 1880. С. 107- 109; Mc. Phee, Trendal, 1987. № 2, 3, 4; Barringer, 1991. P. 666. № 2, 3, 4.
152. Эрот и Потос около Афродиты. Серебряный перстень. Начало III в. до н. э. Гриневич, 1926. С. 36.
153. Эрот и Потос около Афродиты. Серебряный медальон. II в. до н. э. Ольвия. Орешников, 1894. С. 2.
154. Эрот и Потос около Афродиты. Золотой медальон. Эллинистический период. Тамань. ОАК, 1895. С. 62. Рис. 141.
155. Эрот и Потос около Афродиты. Золотые и серебряные медальоны римского времени. Горгиппия. Алексеева, 1997. С. 184. Рис. 63- 65.
156. Эрот и Потос около Афродиты. Бронзовый штамп для медальонов римского времени. Горгиппия. Алексеева, 1997. С. 184.

Афродита и Адонис

157. Афродита, Эрот, Пейто и Адонис. Ойнохос с накладными рельефами. Конец V в. до н. э. Змеиный курган близ Пантикапея. Zervoudaki, 1968. S. 32. № 59; LIMC. Bd. 1. S. 224. № 9.

Эрот и Психея

158. Эрот и Психея. Терракотовая статуэтка. Вторая половина IV (?) в. до н. э. Гермонасса. ОАК, 1873. Табл. 1, 2; ТС. 1974. С. 41. № 3. Табл. 47, 3.
159. Эрот, мучающий Психею, и Психея, мучающая Эрота. Две серебряные чаши с рельефами. Начало II в. до н. э. Курган на Нижнем Дону. Karoshina, 1963. P. 256- 258.
160. Эрот и Психея на лугу. Мегарская чаша. II в. до н. э. Пантикапей. АГСП, 1984. С. 354. Табл. 163, 16; Забелина, 1984. С. 159.
161. Эрот и Психея. Терракотовая статуэтка. II в. до н. э. Нимфей. Грач, 1999. С. 53.
162. Эрот и Психея. Терракотовые статуэтки. II- I в. до н. э. Пантикапей. ДБК. Табл. 64, 9; РД. С. 96. Рис. 134; Силантьева, 1974. С. 30. № 147. Табл. 33, 1.
163. Эрот и Психея. Терракотовая статуэтка. II- I в. до н. э. Мыс Зюк. Масленников, 2006. С. 29. Рис. 7.
164. Эрот и Психея. Терракотовый рельеф и статуэтка. I в. до н. э. Фанагория. Кобылина, 1974. С. 29. № 91. Табл. 32, 5.
165. Эрот и Психея. Терракотовая статуэтка. I в. до н. э. Тиритака. Пругло, 1970. С. 99. Табл. 45, 3.
166. Эрот и Психея. Терракотовая статуэтка. I в. до н. э. Горгиппия. Кругликова, 1974. С. 48. Табл. 54, 3.
167. Эрот и Психея. Три терракотовых статуэтки эллинистического периода. Пантикапей. Деревицкий и др., 1998. С. 3, 5.

168. Эрот, целующий Психею. Терракотовая статуэтка из боспорской глины. I в. до н.э.- I в. н. э. На краю ойкумены, 2002. С. 65. № 232.
169. Эрот и Психея. Терракотовая статуэтка. I в. до н. э.- I в. н. э. Гермонасса. Финогенова, 1992. С. 269. Рис. 14.
170. Эрот, мучающий Психею. Золотой перстень с инталией на гранате. I в. до н. э.- I в. н. э. Поселение Тирамба на Тамани. АГСП, 1984. С. 357. Табл. 166, 16.
171. Эрот, целующий Психею. Терракотовая статуэтка. I в. н. э. Мирмекий. Денисова, 1981. С. 122. Табл. 20 м.
172. Эрот и Психея. Терракотовая статуэтка. I в. н. э. Кепы. Сорокина, 1974. С. 20. Табл. 14, 6.
173. Эрот, пробуждающий Психею уколom стрелы. Золотая бляшка с отверстиями для пришивания. I–II вв. н. э. Пантикапей. На краю ойкумены, 2002. С. 54. № 171.
174. Эрот и Психея. Терракотовый рельеф. I–II вв. н. э. Мирмекий. Денисова, 1981. С. 124. Табл. 28ж.
175. Эрот и Психея. Терракотовая статуэтка римского времени. Пантикапей. Силантьева, 1974. С. 30. Табл. 33, 5.
176. Эрот и Психея. Клеймо на боспорском гузиле. II–III вв. н. э. Фанагория. Любовь и Эрос. 2006. № 46.

Атрибуты Эрота - музыкальные инструменты и бабочка

177. Эрот с тимпаном в сцене приготовления к свадьбе. Крышка леканы. 350-340 гг. до н. э. Пантикапей. РД. С. 73. Рис. 105; UKV. S. 159. № 10.
178. Эрот с тимпаном и танцующая женщина. Терракотовая статуэтка. IV в. до н. э. ТС. 1970. С. 54. № 56.
179. Эроты с кифарами. Мегарские чаши. III в. до н. э. Ольвия, Пантикапей, Фанагория. РД. Т. 1. Рис. 113; Лосева, 1962. С. 202. Рис. 4, 2; Забелина, 1984. С. 159, 169. Рис. 4в.
180. Эрот, едущий на дельфине, играя на кифаре. Терракотовые статуэтки. III в. до н. э. Херсонес, Фанагория. Кобылина, 1961. С. 93- 94. Табл. 13. ТС. 1970. С. 74. Табл. 21, 8.
181. Эроты с лирой и аулосом. Мраморный алтарик. Первая половина III в. до н. э. Ольвия. Круглов, 2000. С. 285. Рис 2.
182. Эрот, ловящий бабочку. Камея. III в. до н. э. Артюховский курган близ г. Кепы. Максимова, 1979. С. 66. Рис. 19.
183. Эрот, играющий на аулосе. Мегарская чаша. II в. до н. э. Тира. Самойлова, 1984. С. 121. Рис. 1, 5.
184. Эрот, играющий на аулосе. Скульптурное украшение бронзового сосуда. II–I вв. до н. э. Тамань. На краю ойкумены, 2002. С. 135. № 632.
185. Эрот с лирой. Терракотовая статуэтка. Конец II–I вв. до н. э. Мирмекий. Денисова, 1981. С. 122. Табл. 20а.
186. Эрот, ловящий бабочку. Терракотовая статуэтка эллинистического времени. Пантикапей. ДБК. С. 112. Табл. 73, 4.
187. Эрот, прижимающий к груди бабочку. Золотая кольцеобразная серьга. Пантикапей. ДБК. С. 50. Табл. 7, 8.
188. Эрот с кифарой. Терракотовые статуэтки. Вторая половина I в. до н. э. Пантикапей, Мирмекий. Деревницкий и др., 1898. С. 29. Табл. 9, 3; Денисова, 1981. С. 120. Табл. 20д.

189. Эрот с лирой. Золотая подвеска к серьге. Эллинистический период Пантикапей. ДБК. Табл. 12а. № 13.
190. Эрот с тимпаном около Афродиты. Терракотовая статуэтка. Эллинистический период. Ольвия. Русяева, 1979. С. 23. Рис. 11.
191. Эрот, прижимающий к груди бабочку. Терракотовая статуэтка. Начало I в. н. э. Мирмекий. Денисова, 1981. С. 122. Табл. 20 е.
192. Эрот, прижимающий к груди бабочку. Золотая серьга римского времени. Пантикапей. ОАК, 1978- 79. С. 36. Рис. 2.

Гермес

Гермес среди олимпийских богов

193. Бородатый Гермес в крылатых сандалиях, Аполлон, Артемида и Афродита. Мраморный рельеф. V в. до н. э. Пантикапей. Русяева, 2005. С. 414.
- См. также № 14.

Гермес - вестник и помощник богов

194. Гермес в сцене суда Париса. Краснофигурный кратер мастера Кадма. 430 гг до н.э. Пантикапей. См. № 4.
195. Гермес в сцене совещания Зевса и Фемиды о начале Троянской войны. Краснофигурная пелика. 340 гг. до н. э. Пантикапей. См. № 6.
196. Гермес в сцене мифа о похищении Европы. Два краснофигурных рыбных блюда. Первая четверть IV в. до н. э. Большая Близница (Тамань). ОАК, 1866. С.79-83. Табл. 3,1-2; ОАК, 1880, С.107-109; Barringer, 1991. P.666. № 2, 3.
197. Гермес в сцене мифа о похищении Европы. Краснофигурная пелика. 340 гг. до н. э. Тамань. ОАК, 1870. С.181-183. Табл. 5,1; LIMC. Bd 4. S.80. № 66.
198. Гермес в сцене мифа о похищении Европы. Фрагмент краснофигурной пелики. Середина IV в. Ольвия. ОАК, 1904. С.40. Рис. 59; LIMC. Bd. 4. S.80. № 67.
199. Гермес, помогающий Парису увезти на колеснице Елену. Краснофигурный лекиф. Пантикапей. 370- 360 гг. до н. э. См. № 5.
200. Гермес в сцене рождения Иакха. Обратная сторона элевсинской краснофигурной пелики. 360-350 гг. Павловский курган близ Пантикапея. ОАК, 1859. С.114-118; ГЗ. С.167. Рис. 52; LIMC. Bd.2. S.130. № 1371.

Гермес, Афродита и их сыновья

См. № 120-124.

Гермес- изобретатель лиры

201. Гермес с лирой. Бронзовый перстень. III в. до н. э. Ольвия. АХБ. № 113; РОИ. № 178.

Гермес- проводник душ умерших в Аид

202. Умершая девочка, Гермес и Харон в лодке. Расписная амфора. III в. до н. э. Ольвия. Зайцева, 1976. С. 98- 99. Рис. 1.
203. Гермес, Орфей и Эвридика. Терракотовый рельеф. III в. до н. э. Ольвия. Русяева, 1992. С. 199. Рис. 64.

204. Гермес. Фреска в склепе Деметры. Пантикапей. I в. н. э. АДЖ. С. 202; Склеп Деметры. 2009. С. 62. Рис. 10.

Атрибуты Гермеса на вазах и монетах

205. Бегущий Гермес в крылатых сандалиях. Медальон чернофигурного килика. Вторая половина VI в. до н. э. Пантикапей. CVA Russia, 1996. P. 58. Tab 63, 4.
206. Гермес и три нимфы. Чернофигурный скифос. Первая четверть V в. до н. э. Ольвия. ОАК 1897. С. 79. Рис. 188; Горбунова, 1983. № 150.
207. Бегущий Гермес с кадуцеем. Краснофигурная гидрия. Вторая четверть V в. Пантикапей. ОАК, 1891. С. 28- 29. Рис. 13, 14.
208. Гермес с кадуцеем. Обломок стенки краснофигурной ойнохой. Конец V в. до н. э. Пантикапей. Лосева, 1962. С. 176.
209. Голова Гермеса в шляпе с крыльями. Краснофигурный лекиф. Рубеж V-IV вв. до н. э. Ольвия. Козуб, 1974. С. 98.
210. Гермес с кадуцеем. Обломок краснофигурного лекифа. Рубеж V-IV вв. до н. э. Пантикапей. Лосева, 1962. С. 176. Рис. 5,5.
211. Голова Гермеса и его атрибуты. Монеты Тиры, Ольвии и Херсонеса. Зограф, 1951. С. 195; Анохин, 1977. № 172- 175; Он же 1989. № 111, 112, 320, 327, 329, 335, 469.

Аполлон

Аполлон с кифарой или лирой

212. Аполлон с кифарой, Дионис и Гермес. Чернофигурный лекиф. 530-520 гг. до н. э. Ольвия. АНО. С. 38. № 9.
213. Аполлон с кифарой и Афина. Чернофигурная ольпа. 520-510 гг. до н. э. Березань. Борисфен – Березань, 2005. № 132.
214. Аполлон с лирой и две музы. Чернофигурный килик. Конец VI в. до н. э. Ольвия. ОАМ. № 51.
215. Аполлон с кифарой, Артемиды с ланью и Лето. Чернофигурная ольпа. Конец VI в. до н. э. Ольвия. АНО. С. 64. № 79.
216. Аполлон с кифарой рядом с Дионисом и женщиной, всходящей на колесницу. Чернофигурный килик. Начало V в. до н. э. Пантикапей. Сидорова, 1984. С. 103. Рис. 24 б.
217. Аполлон, играющий на кифаре. Форма для терракоты. III в. до н. э. Ольвия. Леви, 1985. С. 83. Рис. 73.
218. Аполлон, играющий на кифаре. Терракота. III в. до н. э. Херсонес. Шевченко, 1998. С. 102. Рис. 3.
219. Аполлон в костюме кифареда. Терракотовая статуэтка эллинистического времени. Фанагория. Кобылина, 1961. С. 61
220. Аполлон с кифарой и Артемиды. Рельефы на терракотовых алтариках эллинистического времени. Херсонес. ТС. 1970. Табл. 21, 1- 4; Шевченко, 1995. С. 160- 166. № 5, 9, 12, 14, 15, 19.
221. Аполлон с кифарой, сидящий перед треножником. Золотой статер. 51 г. до н. э. Пантикапей. БЦ. С. 586. Табл. 3, 53.

Аполлон в сцене мифа о состязании с Марсием.

222. Аполлон с лирой и Марсий. Фрагмент краснофигурной вазы. V в. до н. э. Херсонес. ОАК, 1904. С. 68. Рис. 104.
223. Аполлон с кифарой и Марсий, уронивший аулос. Краснофигурная пелика. 360 гг. до н. э. Пантикапей. ДБК. Табл. 57; ГЗ. С. 164. Рис. 50; Музы и маски 2005. № 32; UKV № 370; LIMC. Bd. 6. S. 371. № 31.

Гибель ниобид от стрел Аполлона и Артемиды

224. Умирающие дети Ниобы. Терракотовые украшения саркофага. Пантикапей. I в. н. э. На краю ойкумены, 2002. № 276-280.
225. Умирающие дети Ниобы. Гипсовые налесты на саркофаги местного производства. Первые века н. э. Пантикапей. Иллариошкина, 2001. С. 213.

Аполлон и Дельфы

226. Борьба Геракла и Аполлона за Дельфийский треножник. Сердоликовая печать. Конец VI в. до н. э. Нимфей. Круглов, 2000. С. 217- 226.
227. Борьба Геракла и Аполлона за Дельфийский треножник. Чернофигурный лекиф. Вторая четверть V в. до н. э. Тузла. РОИ. № 58.
228. Встреча Аполлона и Диониса в Дельфийском святилище. Краснофигурный кратер мастера Кадма. Начало IV в. до н. э. Пантикапей. ОАК 1861. С. 31. Табл. 3; Шлиман, Петербург, Троя. 1998. С. 129, 215. № 52. LIMC. Bd. 2. S. 279. № 768 а.

Аполлон, Дионис и жертвоприношения в их честь

229. Жертвоприношения Аполлону и Дионису. Краснофигурный кратер. Последняя четверть V в. до н. э. Никоний. Секерская, 1989. С. 77-79. Рис. 57.

Отдельные изображения Аполлона и его атрибутов

230. Лев- символ Аполлона. Боспорские монеты VI- V вв. до н. э. Толстиков, 1984. С. 46, 47; Анохин, 1986. № 1- 12, 14- 24, 85, 99, 108.
231. Монеты в форме дельфинов, символа Аполлона. VI- V вв. до н. э. Ольвия. Анохин, 1989. С. 8-10; Русяева, 1992. С. 41.
232. Аполлон в лавровом венке. Монеты Пантикапея V –I вв. до н. э. БЦ. С. 583: Табл. 2; Анохин, 1986. № 57, 117, 172, 186, 188, 189.
233. Грифон- символ Аполлона. Золотые статеры. IV в. до н. э. Пантикапей. БЦ. С. 582-583. Табл. I, 16, 20; Виноградов, Шауб, 2005. С. 219- 223.
234. Грифон-символ Аполлона. Монеты Херсонеса. IV в. до н. э. Анохин, 1977. С. 136. № 26.
235. Аполлон на грифоне. Краснофигурный килик. IV в. до н. э. Хора Херсонеса. Горбунова, 1977. С. 41-45.
236. Аполлон в лавровом венке и с лавровой ветвью в руке. Рельеф на деревянном саркофаге. IV в. до н. э. Змеиный курган близ Пантикапея. АГСП. 1984. С. 318, Табл. 127,3.
237. Аполлон с луком. Халцедоновая инталия. IV-III вв. до н.э. Горгишпия. Неверов, 1976. № 54.
238. Аполлон в лавровом венке. Монеты Ольвии. III в. до н. э. и первые века н.э. Анохин, 1989. № 282-291; 366, 372, 380, 381.
239. Аполлон в лавровом венке. Монеты Тиры. III-I вв. до н. э. Анохин, 1989. № 452-454, 460, 475.

240. Дельфин – символ Аполлона. Свинцовые гири. Ольвия. III в. до н. э. Крапивина, 1980. № 1, 3, 6, 7, 9.
241. Аполлон в лавровом венке на аверсе, треножник на реверсе. Монеты Херсонеса. 130-120 гг. до н. э. Анохин, 1977. № 176.
242. Аполлон, едущий на грифоне, и Артемида на быке. Роспись склепа римского времени. Пантикапей. РД. С. 34. Рис. 38; АДЖ. С. 188. Табл. 73.

Артемида

Артемида- охотница

243. Артемида, убивающая лань копьем. Монеты Херсонеса. III в. до н. э. - II в. н. э. Анохин, 1977. № 77- 81, 88-93, 133-137, 191, 200, 201, 258- 260, 270- 272, 280- 282, 285, 292, 293.
244. Артемида в коротком хитоне. Мраморная статуя III в. до н. э. Ольвия. АМ. № 63, 64.
245. Артемида, охотящаяся на лань. Мраморный рельеф. II-I вв. до н. э. Херсонес. АСХ. № 78.

Отдельные изображения Артемиды, ее атрибуты и священное животное лань

246. Лань на руках Артемиды. Терракота. Конец VI- начало V вв. до н. э. Пантикапей. ОАК, 1872. Табл. 3, 4; Силантьева, 1974. С. 16. Табл. 3,3.
247. Артемида с луком. Золотая печать. 330- 300 гг. до н. э. Курган Большая Близница. ГЗ. № 12.5
248. Артемида, едущая на лани. Золотая подвеска к серьге. Последняя треть IV в. до н. э. Нимфей. ГЗ. № 110.
249. Артемида с луком. Халцедоновая инталия. IV в. до н. э. Пантикапей. Неверов, 1976. № 39.
250. Артемида с луком. Отпечатки гемм на грузилах эллинистического времени. Херсонес. ИАК 1901. №1. С. 35. Рис.30- 32; ИАК 1905. № 16. С. 76; НЭПХ. С. 81.
251. Лань — символ Артемиды. Монеты Херсонеса эллинистического времени. Анохин, 1977. № 143,144, 179-181, 184- 187, 192-195.
252. Артемида с луком. Сердоликовая инталия. II-I вв. до н. э. Пантикапей. РОИ. № 34.
253. Лань — символ Артемиды. Монеты Керкинитиды. Начало III в. до н. э. Анохин, 1989. № 420, 421.
254. Лань — символ Артемиды. Монеты городов Боспора II- I вв. до н. э. Анохин, 1986. № 192, 194, 196, 197, 199.
255. Лук и колчан в роли символов Артемиды. Монеты Херсонеса и Ольвии. Анохин, 1977. № 138- 142; Он же. 1989. № 292- 295.
256. Артемида в башенной короне. Монеты Херсонеса эллинистического и римского времени. Анохин, 1977. № 179- 181, 199, 304- 307.
257. Артемида, едущая на быке. Роспись склепа. II в. н. э. Пантикапей. РД. С. 31. Рис. 38.

Деметра, Кора и Плутон

Иллюстрации Элевсинских мистерий

258. Деметра и Кора в сцене посвящения в Элевсинские мистерии. Мраморный рельеф. Рубеж V- IV вв. до н. э. Пантикапей. Саверкина, 1986. С. 154; Скржинская, 2010. С. 125. Рис. 31.

259. Деметра и Кора среди участников мистерий. Краснофигурная пелика. 360- 350 гг. до н. э. Павловский курган близ Пантикапея. Скржинская, 2010. С. 115-120. Рис. 28, 29; UKV. № 368; LIMC. Bd. 2. S. 130. № 1371.
260. Деметра, Кора, Дионис и Афина среди участников мистерий. Лекиф с рельефными фигурами. Третья четверть IV в. до н. э. Пантикапей. Скржинская, 2010. С. 120; Zervoudaki 1968. S. 16. № 9.
261. Деметра и Кора - участницы Элевсинских мистерий. Фрагмент краснофигурного кратера. IV в. до н. э. Пантикапей. Боровкова, 1996. С. 319.

Вручение Триптолему пшеничных колосьев

262. Деметра, Кора и Триптолем на колеснице. Фрагмент чернофигурной ольпы. Конец VI в. до н. э. Ольвия. Леви, 1972. С. 53. Рис. 15, 5.
263. Сидящий на колеснице Триптолем с колосьями в руке. 3 кизикинских статера. Конец V в. до н. э. Мирмекий. Абромзон и др., 2006. С. 27.
264. Деметра, Кора и Триптолем на колеснице. Фрагмент краснофигурного сосуда. IV в. до н. э. Пантикапей. Скржинская, 2010. С. 124. Рис. 30.

Миф о похищении Персефоны.

265. Деметра, Кора и Плутон. Золотая диадема. IV в. до н. э. Пантикапей. ДБК. Таб. 6,3; Склеп Деметры 2009. С. 95. Рис. 3; LIMC. Bd. 4 S. 383, № 106; S. 871, № 323.
266. Деметра, Кора и Плутон. Фрески из трех пантикапейских склепов. I-II вв. н. э. АДЖ. Табл. 49, 87-89; Скржинская, 2010. С. 127-129.

Отдельные изображения Деметры и ее символы

267. Деметра в венке из колосьев. Мраморный бюст. IV в. до н. э. Пантикапей. АП. № 49; Античная скульптура. 2004. С. 74. № 29.
268. Деметра на квадриге и стоящий перед ней всадник. Известняковый рельеф. IV в. до н. э. Нимфей. Савостина, 1995. С. 110-115; Зинько, 1996. С. 34- 36.
269. Деметра в венке из колосьев и ее символы колос и зерно. Монеты Ольвии. IV- II вв. до н. э. Анохин, 1989; Русяева, 2005. С. 361.
270. Деметра в обрамлении колосьев и маков. Бронзовое зеркало. III в. до н. э. Ольвия. Парович- Пешикан, 1974. С. 170.
271. Деметра в венке из колосьев. Монеты Тиры. III в. до н. э. Анохин, 1989. № 441-443, 447, 450.
272. Деметра (или Кора ?) в венке из лилий, колокольчиков и диких роз. Роспись склепа Алкима. I в. до н. э. - I в. н. э. Пантикапей. АДЖ. С. 166. Табл. 49.
273. Бюст Деметры и букеты маков. Фреска на своде слепа Деметры. I в. н. э. Пантикапей. Склеп Деметры. 2009. С. 67. Рис. 12- 14.

Дионис

Воспитание Диониса

274. Силен с маленьким Дионисом на руках, сатиры и Пан, преследующие нимф. Крышка краснофигурной леканы. 360 гг. до н. э. Пантикапей. ОАК, 1861. С. 28. Табл. 2; UKV. № 18.
275. Силен с маленьким Дионисом на руках. Терракотовая статуэтка эллинистического времени. Хора Ольвии. Щеглов, 1970. С. 56.

Дионис и Ариадна

276. Дионис, Ариадна и сатир. Две краснофигурных пелики. Середина IV в. до н. э. Пантикапей. Вдовиченко, 2003. С. 79. № 20; UKV. № 414.
277. Спящая Ариадна. Краснофигурная пелика. 330-320 гг. до н. э. Пантикапей. UKV. № 440.
278. Дионис и Ариадна. Краснофигурный кратер. IV в. до н. э. Ольвия. ОАК, 1905. С. 18. Рис. 19; UKV. № 84.
279. Дионис и Ариадна. Краснофигурный кратер. IV в. до н. э. Пантикапей. ОАК, 1889. С. 12. Рис. 5; UKV. № 90.
280. Сидящий Дионис, обнимающая его Ариадна и сатир. Бронзовый рельеф на крышке зеркала. III в. до н. э. Пантикапей. АХБ. № 72.
281. Дионис и Ариадна. Рельефы на двух фрагментах пергамских кубках. II в. н. э. Ольвия. Русяева, 1976. С. 36-37. Рис. 1, 3.

Дионис и его спутники Силен, сатиры и вакханки

282. Два танцующих сатира перед сидящим Дионисом. Чернофигурный лекиф. Конец VI в. до н. э. Пантикапей. Борисковская, 1997. С. 28. Рис. 4.
283. Дионис и сатиры. Два чернофигурных килика. Рубеж VI- V вв. до н. э. Ольвия. АНО. С. 64. № 82. С. 95. № 140.
284. Возлежащий на ложе Дионис, танцующие перед ним вакханка и сатир. Чернофигурная амфора. Рубеж VI- V вв. до н. э. Ольвия. ОАМ. № 50.
285. Вакханка с кроталами и бородатый Силен перед сидящим Дионисом. Чернофигурный лекиф. Рубеж VI- V вв. до н. э. Пантикапей. Борисковская, 1997. С. 28. Рис. 3.
286. Дионис на колеснице и вакханка с кроталами. Чернофигурная ойнохоя. Рубеж VI- V вв. до н. э. Пантикапей. АП. № 12. На краю ойкумены, 2002. № 9.
287. Танцующий Дионис, вакханка и сатир на фоне виноградной лозы. Чернофигурная ольпа. Начало V в. до н. э. Ольвия. АНО. С. 38, № 8, 1.
288. Танцующая вакханка перед сидящим Дионисом. Чернофигурная ойнохоя. Начало V в. до н. э. Ольвия. АНО. С. 124. № 192.
289. Дионис, Силен и вакханка. Чернофигурная ольпа. Начало V в. до н. э. Ольвия. АНО. С. 38, № 8.
290. Дионис и Силен. Чернофигурный килик. Начало V в. до н. э. Ольвия. АНО. С. 66, № 82.
291. Танцующие вакханки с кроталами перед Дионисом. Чернофигурный лекиф. Начало V в. до н. э. Пантикапей. Борисковская, 1997. С. 28. Рис. 9.
292. Дионис, сатир и вакханка на муле. Чернофигурный килик. Первая четверть V в. до н. э. Нимфей. Худяк, 1952. С. 260.
293. Танцующие вакханки с кроталами перед Дионисом. Краснофигурный кратер. 480-475 гг. до н. э. ОАК. 1903. С. 120. Рис. 51; Передольская, 1967. С. 57. № 58. Табл. 38.
294. Дионис и вакханки на мулах. Четыре чернофигурных лекифа. 480-470 гг. до н. э. Пантикапей, Ольвия. Борисковская, 1997. С. 32-33. Рис. 18, 24.
295. Дионис, вакханка и сатир в праздничном шествии. Краснофигурный кратер. Вторая половина V в. до н. э. Никоний. Секерская, 1989. С. 99, 100. Рис. 64.
296. Дионис с канфаром, танцующая вакханка, сатир с барбитоном и сатир с кроталами. Середина V в. до н. э. Ольвия. Любовь и Эрос. 2006. № 63.

297. Дионис, сатир и вакханка. Краснофигурный кратер. Рубеж V- IV вв. до н. э. Пантикапей. Лосева, 1962. С. 175. Рис. 4, 2.
298. Дионис, сатир и две вакханки. Краснофигурный кратер. Рубеж V- IV вв. до н. э. Херсонес. ОАК, 1904. С. 38. Рис. 55; Белов, 1948. Табл. 4.
299. Дионис с тирсом и сатир, аккомпанирующий танцу вакханки. Краснофигурная пелика. Середина IV в. до н. э. Пантикапей. Ашик, 1849. С. 23; ДБК. Табл. 63.
300. Дионис, вакханка и сатир. Итальянский кратер. Вторая четверть IV в. до н. э. Пантикапей. Вдовиченко, 2003. № 45.

Дионис- участник Элевсинских мистерий

301. Дионис с тирсом среди участников Элевсинских мистерий. Краснофигурная пелика. 360- 350 гг. до н. э. Павловский курган близ Пантикапея. Скржинская, 2010. С. 115-120. Рис. 28, 29; UKV. № 368; LIMC. Bd. 2. S. 130. № 1371.
302. Дионис с тирсом среди участников Элевсинских мистерий. Лекиф с рельефными фигурами. Третья четверть IV вв. до н. э. Пантикапей. Скржинская, 2010. С. 120; Zervoudaki, 1968. S. 16. № 9.

Отдельные изображения Диониса и его атрибутов

303. Дионис на фоне лозы с кистями винограда. Чернофигурный килик. 510 гг. до н. э. Ольвия. АНО. С. 66. № 82, 1.
304. Дионис в плющевом венке и участники вакхического шествия. Краснофигурный канфар с подписью художника Эпиктета. Конец VI в. до н. э. Остров Левка. АП. № 14; GCA. № 25.
305. Дионис на муле. Чернофигурная амфора. Конец VI в. до н. э. Пантикапей. ОАК, 1899. С. 27. Рис. 38.
306. Дионис с ритонном. Чернофигурный киаф. 500-490 гг. до н. э. Ольвия. Горбунова, 1983. № 176.
307. Танцующий Дионис. Чернофигурный лекиф. Начало V в. до н. э. Березань. Борисфен- Березань, 2005. № 160.
308. Дионис на муле и возница на конной квадриге. Чернофигурный лекиф. Вторая четверть V в. до н. э. Пантикапей. Борисковская, 1997. С. 33.
309. Дионис, едущий на пантере. Краснофигурная ойнохоя. Вторая половина V в. до н. э. Пантикапей. Конь и всадник. 2003. С. 22. № 26.
310. Дионис с пантерой у ног. Мраморная статуя. Рубеж V- IV вв. до н. э. Пантикапей. АП. № 16; Давыдова, 2001. С. 431-433.
311. Дионис с пантерой у ног в иллюстрации мифа о споре Афины и Посейдона. Гидрия с рельефными фигурами. Середина IV в. до н. э. Пантикапей. Скржинская, 2010. С. 238. Рис. 68; LIMC. Bd. 1. S. 291. № 38.
312. Дионис, едущий на козле. Сосуд с рельефными фигурами II- I вв. до н. э. Ольвия. Русяева, 2005. С. 398.
313. Дионис в венке из плюща. Монета Тиры. 170- 160 г. до н. э. Анохин, 1989: № 462.
314. Стоящий Дионис с виноградной кистью в руке. Монета Горгиппии. Первая половина I в. до н. э. БЦ. С. 586. Табл. 3, 51.
315. Статуя Диониса с пантерой. Боспорские монеты. I в. до н. э. БЦ. С 161. Табл. 3, 50-51; Анохин, 1986. № 201, 207, 209, 210.

316. Дионис в плющевом венке. Монеты Пантикапея, Фанагории и Горгиппии. I в. до н. э. Анохин, 1986: № 196- 198, 202, 204, 209, 212.
317. Дионис в плющевом венке с цветами. Монеты Пантикапея. I в. до н. э. Анохин, 1986. № 212 а- л.
318. Плющевой венок на реверсе и Дионис на аверсе. Монеты Пантикапея, Фанагории и Горгиппии. I в. до н. э. Анохин, 1986. № 198, 204, 209.

Кибела

319. Кибела с тимпаном и львенком на коленях. Терракота. IV в. до н. э. Фанагория. Кобылина, 1974. Табл. 24 а.
320. Кибела с тимпаном и львенком на коленях. Две терракоты. IV и II в. до н. э. Горгиппия. Алексеева, 1997. С. 231. Табл. 77.
321. Кибела с тимпаном и львенком на коленях. Две терракоты. IV- III в. до н. э. Мирмекий. Денисова, 1981. Табл. 6 в, ж.
322. Кибела с тимпаном и львенком на коленях. Терракоты. III в. до н. э. Ольвия. Русяева, 1979. Рис. 50-52; АМ. № 75.
323. Кибела с тимпаном и львенком на коленях. Мраморный рельеф. III в. до н. э. Ольвия. Русяева, 1992. С 148. Рис. 50; Скржинская, 2010. Рис. 36.
324. Кибела, сидящая между двух львов. Бронзовый перстень боспорского производства. II в. до н. э. Горгиппия. Трейстер, 1982. С. 65. Рис. 1, 15.
325. Кибела, едущая на льве. Терракота. II- I вв. до н. э. Херсонес. Шевченко, 2000 № 42; Она же 2003. С. 154-159.
326. Аттис, спутник Кибелы. Терракоты эллинистического и римского времени. Ольвия, Пантикапей. Кобылина, 1978. С. 14, 38; Русяева, 1992. С. 146. Рис. 28.
327. Кибела. Формы для терракот эллинистического времени. Херсонес. Борисова, 1966. С. 28-29. № 77, 78, 101.
328. Кибела с львенком на коленях, Гермес и Геката. Три известняковые стелы. I в. до н. э.- I в. н. э. Пантикапей. АС. № 19- 21.
329. Два льва рядом с Кибелой. Мраморная статуэтка. I в. до н. э.- I в. н. э. Пантикапей. АП. № 64; На краю ойкумены, 2002. № 364.

ЛИТЕРАТУРА

- Абрамзон М.Г., Фролова Н. А., Куликов А.В., Смекалова Т.Н., Иванина О.А. Клады античных монет из собрания Керченского государственного историко-культурного заповедника. Киев, 2006.
- Алексеев В.П. Памятники античной и скифской культур из Тиры и Никония// ВДИ. 2002. № 2.
- Алексеева Е.М. Античный город Горгиппия. М., 1997.
- Анохин В.А. Монетное дело Херсонеса. Киев, 1977.
- Анохин В.А. Монетное дело Боспора. Киев, 1986.
- Анохин В.А. Монеты- стрелки // Ольвия и ее округа. Киев, 1986.
- Анохин В.А. Монеты античных городов Северо- Западного Причерноморья. Киев, 1989.
- Античная скульптура Херсонеса. Киев, 1976. (АСХ)
- Античная художественная бронза. Л., 1973. (АХБ)
- Античные города Северного Причерноморья. М., Л., 1955. (АГСП, 1955)

- Античные государства Северного Причерноморья. Археология СССР. М., 1984. (АГСП, 1984)
- Ашик А. Боспорское царство. Одесса, 1849. Ч. 3.
- Белов Г.Д. Херсонес Таврический. Л., 1948.
- Блаватский В.Д. Пантикапей. М, 1964
- Бондаренко М.Е. Пантеон Херсонеса Таврического. М., 2003.
- Бондаренко М.Е. Пантеон античной Тире. М., 2005.
- Борисковская С.П. Аттические чернофигурные лекифы из некрополя Пантикапея // ТГЭ. 1997. № 28
- Борисковская С.П. Геракл и Антей. Об одном малоизвестном лекифе из Ольвии // Syssitia. Сборник статей памяти Ю.В. Андреева. СПб., 2000.
- Борисова В.В. Керамическое производство Херсонеса // Керамическое производство. М., 1966.
- Борисфен — Березань. Начало античной эпохи в Северном Причерноморье. Каталог выставки в Гос. Эрмитаже. СПб., 2005. (ББ)
- Боровкова В.Н. История коллекции краснофигурной керамики Керченского музея // Классическая филология на современном этапе. М., 1996
- Брашинский И.Б. Афины и Северное Причерноморье в VI- II вв. до н. э. М., 1963.
- Вальдгауэр О.Ф. Императорский Эрмитаж. Краткое описание собрания античных ваз. СПб., 1914.
- Вальдгауэр О.Ф. Афродита Урания и Афродита Пандемос // ИРАИМК 1922. Т. 2
- Вахтина М.Ю. Золотая подвеска с изображением Афродиты из раскопок Елисаветовского городища на Нижнем Дону // КСИА, 1988. № 194.
- Вдовиченко И. И. Panathenaika// Археология и история Боспора. Т. 3. Керчь, 1999.
- Вдовиченко И.И. Керченские вазы // Боспорские исследования. Симферополь, 2003. Т. 3.
- Вдовиченко И.И. Расписная керамика из раскопок Костюшко-Валюженича в собрании национального заповедника «Херсонес Таврический» //Проблемы истории, филологии и культуры. Вып. 16. Москва- Магнитогорск 2006. С. 123.
- Виноградов Ю.Г. Киклические поэмы в Ольвии //ВДИ. 1969. № 3.
- Виноградов Ю.Г. Херсонесский декрет в честь «несения Диониса» IOSPE I², 343 и вторжение сарматов в Скифию // ВДИ. 1997. № 3.
- Виноградов Ю.Г., Русяева А.С. Культ Аполлона и календарь Ольвии // Исследования по античной археологии Северного Причерноморья. Киев, 1980.
- Виноградов Ю.А., Шауб И.Ю. Семантика изображений на золотых стateraх из Пантикапея // Археологические вести. 2005. № 12.
- Виппер Б.Р. Искусство Древней Греции. М., 1972.
- Власова Е.В. Курган Васюрина гора на Таманском полуострове // Эллинистические штудии в Эрмитаже. СПб., 2004.
- Гайдукевич В.Ф. Боспорское царство. М., Л., 1949. (БЦ)
- Гиндин Л.А. Отражение мифа о поединке в гомеровских гимнах // Античная балканистика. Ч. 2. М., 1975.
- Глушек И. Изображения Ариадны в аттической вазописи // Боспорские исследования. Вып 25. Симферополь- Керчь, 2011.
- Горбунова К.С., Передольская А.А. Мастера греческих расписных ваз. Л., 1961. (МГВ)
- Горбунова К.С. Серебряные килики с гравированными изображениями из Семибратних курганов // Культура и искусство античного мира. Л., 1971.
- Горбунова К.С. Краснофигурный килик, найденный на некрополе Панское I // История и культура античного мира. М., 1977.
- Горбунова К.С. Аттические алабастры, найденные в некрополях Северного Причерноморья // Из истории Северного Причерноморья в античную эпоху. Л., 1979.
- Горбунова К.С. Чернофигурные вазы в Эрмитаже. Л., 1983.
- Горбунова К.С. Миниатюрные панафинейские амфоры //Traveaux du Centre d'archéologie

Méditerranéenne de l'Académie Polonaise des sciences. T.26. Etudes et Travaux. 13. Warszawa, 1984.

Грач Н.Л. Некрополь Нимфея. СПб., 1999.

Граффити античного Херсонеса. Киев, 1978.

Гриневич К.Э. Стены Херсонеса Таврического // Херсонесский сборник. Вып 1. 1926.

Денисова В.И. Коропластика Боспора. Л., 1981.

Деревицкий А.Н., Павловский А.А., Штерн Э.Р. Музей императорского Одесского общества истории и древностей. Вып. 2. Терракоты. Одесса, 1898.

Забелина В.С. Импортные «мегарские» чаши из Пантикапея // Сообщения ГМИИ. № 7. Культура и искусство Боспора. М., 1984.

Зайцева К.И. Ольвийская расписная керамика эллинистической эпохи // Художественная культура и археология античного мира. М. 1976.

Зедгендзе А.А. Аттическая краснофигурная керамика из Херсонеса // КСИА. 1978.

Зинько В.Н. Хора боспорского города Нимфея // Боспорские исследования. № 4. Симферополь-Керчь, 2003.

Зограф А.Н. Статуарные изображения Девы в Херсонесе по данным нумизматики // Известия Российской Академии истории материальной культуры. 1922. № 2.

Зограф А.Н. Античные монеты. М., Л., 1951.

Иванова А.П. Анапский саркофаг и деревянная резьба на Боспоре в эпоху эллинизма // ТГЭ. Т. 2., 1958.

Иллариошкина Е.Н. Боги и герои греческих мифов в боспорской гипсопластике // Боспорские исследования. Вып. 1. Симферополь, 2001.

Карышковский П.О. Заметки по нумизматике античного Причерноморья // ВДИ. 1964. № 1.

Карышковский П.О. Об изображениях орла и дельфина на монетах Синопы, Истрии и Ольвии // Нумизматика Северного Причерноморья. Киев, 1982.

Керень К. Элевсин. Архетипический образ матери и дочери. М., 2000.

Кобылина М.М. Терракотовые статуэтки Пантикапея и Фанагории. М., 1961.

Кобылина М.М. Милет. М., 1965.

Кобылина М.М. Терракотовые статуэтки Фанагории // Терракотовые статуэтки Придонья и Таманского полуострова. САИ, 1974.

Кобылина М.М. Изображения восточных божеств в Северном Причерноморье в первые века нашей эры. М., 1978.

Козуб Ю.І. Некрополь Ольвії V- IV ст. до н.е. Київ, 1974.

Колобова К.М. Древний город Афины и его памятники. Л., 1961.

Конь и всадник. М., 2003.

Коровина А.К. Терракотовые статуэтки из Гермонассы. // Терракотовые статуэтки из Подонья и Таманского полуострова. САИ. Г1- 11. Ч. 4. М., 1974.

Кошеленко Г.А. Боспорский вариант мифа о гибели гигантов // Боспорский сборник. М., 1992.

Крапивина В.В. Весовые гири Ольвии // Исследования по античной археологии Северного Причерноморья. Киев, 1980.

Крапивина В.В. Архаические весовые гири Березани и Ольвии // Ольвия и ее округа. Киев, 1986.

Крапивина В.В. Ботрос святилища Афродиты в Ольвии // Боспорский феномен. СПб., 2002.

Кравівіна В.В., Буйських А.В., Крутилов В.В. Археологічні дослідження 1998 р. в південній частині Ольвії // Археологічні відкриття в Україні 1997-1998.

Круглов А.В. Нимфейская сердоликовая печать с архаической композицией // Античное Причерноморье. СПб., 2000.

Круглов А.В. Реконструкция и интерпретация мраморного алтаря из Ольвии // Жертвоприношение. М., 2000.

Крыжицкий С.Д., Буйских С.Б., Бураков А.В., Отрешико В.М. Сельская округа Ольвии. Киев, 1989.

Кутайсов В.А. Керкинитида. Симферополь, 1992.

Кутайсов В.А. Керкинитида в античную эпоху. Киев, 2004.

Леви Е.И. Раскопки Ольвийской агоры и теменоса (1971-1974) // КСИА. 1978. № 156.

Леви Е.И. Ольвия. Город эпохи эллинизма. Л., 1985.

Левина Э.А. Светильники с мифологическими сюжетами из коллекции Одесского археологического музея // Памятники древнего искусства Северо- западного Причерноморья. К., 1986.

Лосева Н.М. Аттическая краснофигурная керамика Пантикапея из раскопок 1945-1958 гг. // МИА. 1962. № 103.

Лукьянов С.С., Гриневич Ю.П. Керченская калпида 1906 г. и поздняя краснофигурная живопись // Материалы по археологии России. № 35. 1915. (КПКЖ)

Любкер Ф. Реальный словарь классических древностей. СПб., 1885.

Любовь и Эрос в античном мире. СПб., 2006.

Максимова М.И. Артюховский курган. Л., 1979.

Марченко И.Д. Об акротериях Пантикапея // Сообщения ГМИИ. № 7. Культура и искусство Боспора. М., 1984.

Масленников А.А., Розов В.Н. Расписная керамика с мыса Зюк // КСИА. 1990. № 197.

Масленников А.А. Античное святилище на Меотиде. М., 2006.

Мещеряков В.Ф. О культе богини Девы в Херсонесе Таврическом //Актуальные проблемы изучения истории религии и атеизма. Л., 1979.

Мирмекийский клад. СПб., 2004.

Молева Н.В. Почитание Великой матери (Кибелы) на Боспоре // Из истории античного общества. Вып. 11. Нижний Новгород, 2008.

Музы и маски. Каталог выставки в Эрмитаже. СПб., 2005.

На краю ойкумены. Греки и варвары на северном берегу Понта Эвксинского. Каталог выставки. М. 2002.

Назаров В.В. Святилище Афродиты в Борисфене // ВДИ. 2001. № 1.

Неверов О.Я. Античные камеи в собрании Эрмитажа. Л., 1971.

Неверов О.Я. Античные инталии в собрании Эрмитажа. Л., 1976.

Неверов О. Я. Геммы античного мира. М., 1983.

Николаева Э.Я. Терракоты города Кеп // Терракотовые статуэтки Придонья и Таманского полуострова. САИ. Г1- 11. Ч. 4. М., 1974.

Нильссон М. Греческая народная религия. СПб., 1998.

Онайко Н.А. Об отражении монументального искусства в боспорской торевтике // Проблемы античной истории и культуры. Ереван, 1979.

Орешиников А.В. Несколько замечаний о древностях, найденных в Парутине в 1891г. // Древности. Труды Императорского московского Археологического общества. М., 1894.

Пальцева Л.А. Культ богини Девы в Херсонесе // Из истории античного общества. Горький, 1979.

Парович- Пешикан М. Некрополь Ольвии эллинистического времени. Киев, 1974.

Передольская А.А. Краснофигурные аттические вазы в Эрмитаже. Л., 1967.

Передольская А.А. Кто же расписал пелику из Баксы? // Культура и искусство античного мира. Л., 1971.

Пиотровский А.И. Панафинейская амфора из Елисаветинского кургана // ИРАИМК. 1924. № 13.

Пругло В.И. Терракоты Илурата // Терракоты Северного Причерноморья. М., 1970.

Радлов Н.Э. Две панафинейские амфоры, найденные в Южной России // ИАК. 1912. № 45.

Рождение Олимпийских игр. Каталог выставки. М., 2004. (РОА)

Русева А.С. Рельєфні зображення Діоніса та Аріадни на посуді з Ольвії // Археологія. 1976. № 20.

Русева А.С. Античные терракоты Северо-Западного Причерноморья. Киев, 1982.

Русева А.С. Религия и культы античной Ольвии. Киев, 1992.

Русева А.С. Религия понтийских эллинов. Киев, 2005.

Русева М.В. Золоті прикраси у вигляді голови Гери. // Археологія. 1994. № 1.

Саверкина И.И. Греческая скульптура V в. до н. э. в собрании Эрмитажа. Л., 1986.

- Сапрыкин С.Ю.* Афродита с двумя Эротами из Херсонеса Таврического// Херсонесский сборник. Вып. 9. 1998.
- Секерская Н.М.* Античный Никоний и его округа в VI – IV вв. до н. э. Киев, 1989.
- Сидорова Н.А.* Чернофигурная керамика из Пантикапея (раскопки 1959-1969) // Сообщения ГМИИ. 1984 № 7.
- Силантьева Л.Ф.* Некрополь Нимфея // МИА. 1959. № 69.
- Силантьева Л.Ф.* Терракоты Пантикапея. М., 1974.
- Склеп Деметры. Киев, 2009.
- Скржинская М.В.* Греческие серьги и ожерелья архаического периода // Ольвия и ее округа. Киев, 1986.
- Скржинская М.В.* Реальные и вымышленные черты Северного Причерноморья в трагедии Еврипида «Ифигения в Тавриде»// Древнейшие государства на территории СССР. М., 1988.
- Скржинская М.В.* Главные храмы и праздники античных государств Северного Причерноморья. // Археологические вести. 2008. № 15.
- Скржинская М.В.* Древнегреческие праздники в Элладе и в Северном Причерноморье. СПб., 2010.
- Скржинская М.В.* Культурные традиции Эллады в античных государствах Северного Причерноморья. Киев, 2010.
- Скржинская М.В.* Мифы о героях в античных государствах Северного Причерноморья // Боспорские исследования. Симферополь- Керчь, 2011. Т. 25.
- Скуднова В.М.* Архаический некрополь Ольвии. Л., 1988. (АНО)
- Соколов Г.И.* Античное Причерноморье. Л., 1973. (АП)
- Сокольский Н.И.* Святилище Афродиты в Кепях // СА. 1964. № 4.
- Сокольский Н.И.* Античные деревянные саркофаги Северного Причерноморья. М., 1969.
- Соломоник Э.И.* Новые эпиграфические памятники Херсонеса. Киев, 1973 (НЭПХ)
- Соломоник Э.И.* Некоторые группы граффити из античного Херсонеса // ВДИ. 1976. № 3.
- Сорокина Н.П.* Тузлинский некрополь. М., 1957.
- Сорокина Н.П.* Терракоты из некрополя Кеп//Терракотовые статуэтки из Подонья и Таманского полуострова. М., 1974.
- Сорокина Н.П.* Религия и коропластика в античности (Фигурные сосуды из собрания ГИМ). М., 1997.
- Тарадаш А.М.* Несколько аттических чернофигурных ваз из собрания Одесского археологического музея// Материалы по археологии Северного Причерноморья. Киев, 1983.
- Толстиков В.П.* К проблеме образования Боспорского государства //ВДИ. 1984. № 3.
- Толстой И.И.* Остров Белый и Таврика на Евксинском Понте. Пг. 1918.
- Трейстер М.Ю.* Бронзовые перстни с изображением на щитках из Горгиппии и окрестностей // ВДИ. 1982. № 3.
- Туровский Е.Я., Демьянчук С.Г.* Изображения богов и героев на монетах античного Херсонеса // Проблемы религии и атеизма стран черноморско- средиземноморского региона. Севастополь — Краков, 2001.
- Уильямс Д., Огден Д.* Греческое золото. Ювелирное искусство классической эпохи V- IV вв. до н. э. СПб., 1995. (ГЗ)
- Финогенова С.И.* Терракоты Гермонассы // Археология и искусство Боспора. Сообщения ГМИИ № 10. М., 1992.
- Фурманська А. І.* Ливарні форми з розкопок Ольвії // Археологічні пам'ятки. 1958. № 7.
- Хамула Д.В.* Дионис в античной коропластике и вазовой живописи Северного Причерноморья. Одесса, 2009.
- Хлыстун Т.Г.* Мифологические образы в рельефах мегарских чаш из Херсонеса // Херсонесский сборник. Вып. 7. 1996.
- Худяк М.М.* Раскопки святилища Нимфея // СА. 1952. № 16.

- Циммерман К.* Фрагменты аттических рыбных блюд в Эрмитаже // Из истории Северного Причерноморья в античную эпоху. Л., 1979.
- Шевченко А.В.* Терракотовые алтарики из Херсонеса // Древности 1995. Харьков, 1995.
- Шевченко А.В.* Терракоты античного Херсонеса // Материалы по истории, археологии и этнографии Таврики. Вып. 7. Симферополь, 2000.
- Шевченко А.В.* Херсонесские терракоты и их художественная значимость // Харьковский историко-археологический ежегодник. Харьков, 2004.
- Шелов-Коведяев Ф.В.* Березанский гимн острову и Ахиллу // ВДИ. 1990 № 3.
- Шлиман, Петербург, Троя.* Каталог выставки в Эрмитаже. СПб., 1998.
- Шталь И.В.* Свод мифо-эпических сюжетов античной вазовой росписи по музеям Российской Федерации и стран СНГ (пелики IV в. до н. э. керченский стиль). М., 2000.
- Штерн Э.* Ваза с рельефными украшениями из Ольвии // ИАК № 3. 1902.
- Яйленко В.П.* Граффити Левки, Березани, Ольвии // ВДИ. 1980. № 2.
- Яйленко В.П.* Греция и ближний Восток. М. 1990.
- Barringer J.M.* Europa and the Nereids: J.M. Barringer? // AJA. 1991. № 95.
- Bianchi U.* The Greek Mysteries. Leiden, 1976.
- Bilabel Fr.* Die ionische Kolonisation. Leipzig, 1920.
- Boardman J.* Athenian Black-Figure Vases. London, 1985. (ABF)
- Cahn H.* Die Löwen des Apollo // Museum Helveticum. 1950. № 7.
- Clinton K.* Myth and Kult: The Iconography of the Eleusinian Mysteries. Stockholm, 1992.
- Deppert – Lippitz B.* Griechischer Goldschmuck. Mainz am Rhein, 1985.
- Jaeggi Q* The iconography of the paintings in the Demetra crypt in Kerch // Склеп Деметры. Киев, 2009.
- Helm R.* Psyche // Paulys Realencyclopädie der classischen Altertumswissenschaft. Bd. 23, 2. Stuttgart, 1959.
- Heres G.* Gfeifenprotomen aus Milet // Klio. 1970. Bd. 52.
- Lexicon iconographicum mythologiae classicae.* Bd.1-8. München, 1981-1997. (LIMC)
- Der kleine Pauly.* Lexicon der Antike. Stuttgart, 1964.
- Kaposhina S.I.* A Sarmatian royal burial at Novocherkassk // Antiquity. V. 148, 37. 1963.
- Mc. Phee J., Trendall A.D.* Greek Red-Figured Fish-plates. Basel, 1987.
- Metzger H.* Le Dionysos des images eleusiniennes du IV siècle // Revue archéologique. 1995. Fasc.1.
- Miller S.* Eros and the Arms of Achilles // AJA. V. 90, 2, 1986.
- Mylonas G.* Eleusis et Dionysos // Ephemeris archaeiologiki. 1960.
- Parke H.W.* Festivals or the Athenians. London, 1986.
- Pinney G.* Pallas and Panathenaeanae // Proceeding of the 3^d Symposium on Ancient Greek and Related Pottery. London, 1973.
- Ridgway B.S.* Image of Athena on Acropolis // The Panathenaic Festival in ancient Athens. Princenton, 1992/
- Robertson N.* Athena's Shrines and Festivals Worshipping Athena. Panathenaia and Parthenon. Madison, 1996.
- Pfuhl E.* Malerei und Zeichnung der Griechen. München, 1923.
- Schefold K.* Untersuchungen zu den Kertschen Vasen // Archäologische Mitteilungen aus russischen Sammlungen. Berlin- Leipzig, 1934. Bd. 4. (UKV).
- Schwarz G.* Triptolemos. Ikonographie einer Agrar und Mystrien Gottheit. Horn-Graz, 1987.
- Shefton B.* The Krater from Bakxy // The Eye of Greece. Cambridge. 1982.
- Shefton B.* The Bakxy Krater once more and some observations on east pediment of Parthenon // Kotinos Festschrift to Erica Simon. Mainz am Rhein, 1992.
- Scythian Gold.* Treasures from ancient Ukraine. New-York, 1999.
- Simon E.* Neue Deutung zweier eleusinischen Denkmäler der IV. Jh. v. Chr. // Antike Kunst. 1966.
- Stäler K.* Tierbilder // Griechische Vasen aus Westfälischen Sammlungen. Münster, 1984.
- Vogell A.* Griechische Altertümer südrussischen Fundorts aus dem Besitze A. Vogell. Karlsruhe, Kassel, 1908.
- Webster T.B.* Potter and patron in classical Athens. London, 1973.
- Zervoudaki E.A.* Attische Reliefkeramik des späten V und des IV Jahrhunderts v. Chr. // Mitteilungen des Deutschen Archäologischen Instituts. Athenische Abteilung. № 83. 1968 (ARC).

М.В. Скржинська

МІФИ ПРО БОГІВ В КУЛЬТУРІ Й МИСТЕЦТВІ АНТИЧНИХ ДЕРЖАВ ПІВНІЧНОГО ПРИЧОРНОМОР'Я.

Резюме

У статті розглянуто нечисленні писемні джерела та різноманітні пам'ятки мистецтва, що свідчать про поширення в Північному Причорномор'ї міфів, відомих у всій грецькій ойкумені. Картини на вазах із розкопок Боспору і Ольвії підтверджують знайомство місцевих жителів із Троянським циклом міфів і навіть із пародіями на нього. Атрибути і супутники богів нагадували міфи про їх походження; найбільша їх кількість в античних державах Північного Причорномор'я відноситься до Аполлона. Поряд із загально поширеними символами бога у вигляді лавра, ліри або кіфари, можна сказати, що його супутник дельфін зустрічається лише в Ольвії, а лев и грифон переважно на Боспорі. Це свідчить про різний склад популярних переказів про цього бога в різних полісах.

Автор виділяє ще кілька особливостей побутування міфологічних сюжетів на північному краї грецької цивілізації. Міф про Ерота і Психею з'явився на Боспорі в елліністичну добу і став широко відомим лише в цьому регіоні Північного Причорномор'я. А в Ольвії тоді ж поширився порівняно рідкісний варіант міфу про шлюб Афродіти і Гермеса та їхніх дітей. Деякі загальногрецькі міфи у Причорномор'ї набували особливого тлумачення або обростали місцевими подробицями. Такими були боспорські перекази про гігантомахію богів і про викрадення Зевсом Європи, а також херсонеський міф про Артеміду й Іфігенію. До досить бідних відомостей про складання місцевих міфів відносяться звістки херсонеських написів про чудесні явлення їх головної богині Діви.

М.В. Скржинская

МИФЫ О БОГАХ В КУЛЬТУРЕ И ИСКУССТВЕ АНТИЧНЫХ ГОСУДАРСТВ СЕВЕРНОГО ПРИЧЕРНОМОРЬЯ

Резюме

В статье рассмотрены немногочисленные письменные источники и разнообразные памятники искусства, которые свидетельствуют о распространении в Северном Причерноморье мифов, известных во всей греческой ойкумене. Картины на вазах из раскопок Боспора и Ольвии подтверждают знакомство местных жителей с Троянским циклом мифов и даже с пародиями на него. Обычно боги изображались с атрибутами или со спутниками; они напоминали мифы об их происхождении. В античных государствах Северного Причерноморья наибольшее количество сопровождавших бога животных и предметов относится к Аполлону. Наряду с общераспространенными символами бога в виде лавра, треножника, лиры или кифары, можно сказать, что его спутник дельфин встречается лишь в Ольвии, а лев и грифон преимущественно на Боспоре. Это указывает на различный состав популярных преданий об этом боге в разных полисах.

Автор выделяет еще несколько особенностей бытования мифологических сюжетов на северном краю греческой цивилизации. Миф об Эроте и Психее появился на Боспоре в эллинистический период и оказался широко известен только в этом регионе Северного Причерноморья. А в Ольвии тогда же распространился сравнительно редкий вариант мифа о браке Афродиты и Гермеса и их детях. Некоторые общегреческие мифы получали особое истолкование или обрастали местными подробностями. Таковы были боспорские предания о гигантомахии богов и о похищении Зевсом Европы, а также херсонесский миф об Артемиде и Ифигении. К весьма скудным сведениям о сложении местных мифов относятся известия херсонесских надписей о чудесных явлениях их главной богини Девы.

M.V. Skrzhinskaya

MYTHS ABOUT GODS IN ANCIENT ART AND CULTURE OF THE NORTH PONTIC AREA

Summary

Not numerous written sources and various works of art that show propagation of myths, famous throughout the Greek ecumene in the North Pontic area are discussed in the article. Paintings on vases from excavations in the Bosphorus and Olbia confirm the familiarity of local residents with the Trojan cycle of myths, and even parodies on it. Usually gods were depicted with their attributes and companions; they resembled the myths about their origins. Greatest number of animals and objects attributing the god in the ancient states of the North Pontic area are related to Apollo. Along with the commonplace symbols of the god in the form of a laurel, a tripod, a lyre or cithara, we can say that his companion dolphin occurs only in Olbia; a lion and a griffin are found in the Bosphorus mainly. It points to a different composition of the popular legends about this god in different poleis.

The author identifies several characteristics of existence of mythological subjects on the northern edge of the Greek civilization. The myth of Cupid and Psyche appeared in the Bosphorus in the Hellenistic period, and it was widely known only in the North Pontic area. Relatively rare variant of the myth about marriage of Aphrodite and Hermes, and about their children was spread at the same time in Olbia. Some general Greek myths received special interpretations or were supplemented with local details. Such were the tales about gigantomachy of gods, and Zeus' abduction of Europe as well as the myth of Chersonese about Artemis and Iphigenia. Proceedings of Chersonese inscriptions about miraculous phenomena of their chief goddess Virgin are very scanty data about creating local myths.

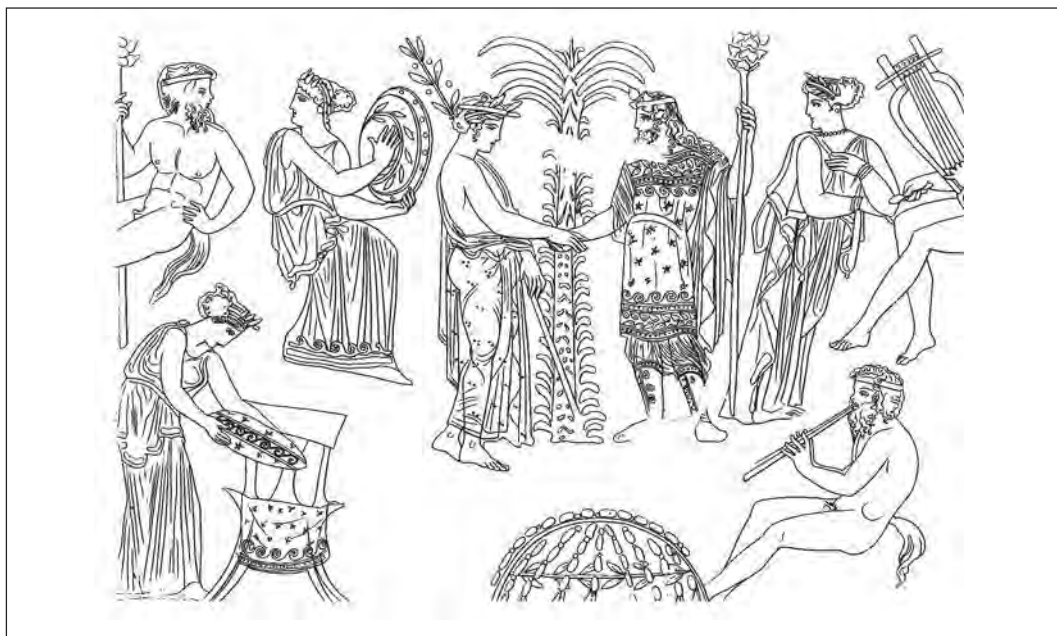

Рис. 1. Встреча Аполлона и Диониса в Дельфийском храме. Прорисовка картины краснофигурного кратера из Пантикапея. Конец V в. до н. э.

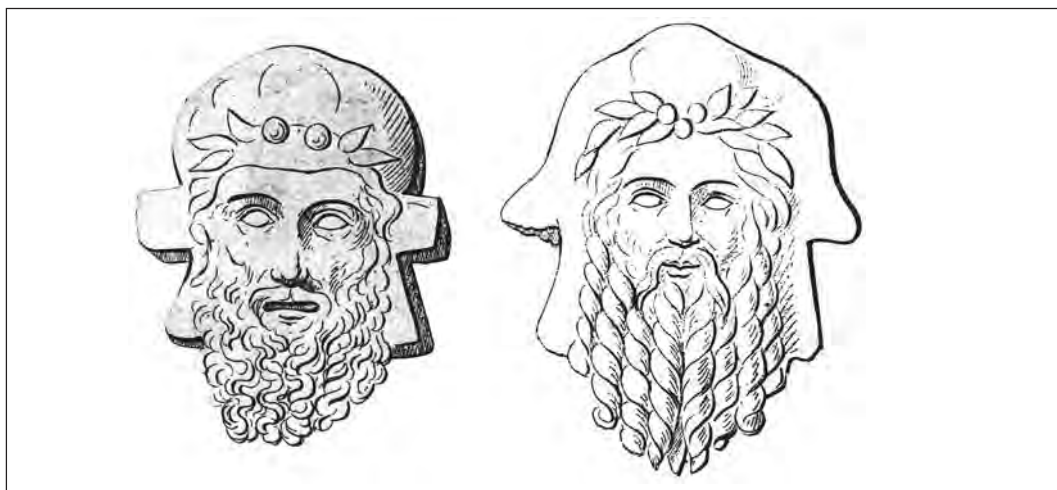

Рис. 2. Терракотовые votивные маски Диониса эллинистического времени из Пантикапея.

Рис. 3. Орел и дельфин. – символы Зевса и Аполлона. Прорисовка эмблемы Ольвии на монете IV в. до н. э.

Рис. 4. Голова Зевса Аммона с бараньими рогами. Кизикийский статер из Мирмекия. Вторая половина V в. до н. э.

Рис. 5. Ольвийские монеты- дельфины. VI- V вв. до н. э.

Рис. 6. Дельфин – символ Аполлона. Ольвийская весовая гиля. IV в. до н. э.

Рис. 7. Грифон со стрелой в зубах. Пантикапейские золотые монеты. IV в. до н. э.

Рис. 8. Аполлон с кифарой, Дионис и Силен. Чернофигурный лекиф из Ольвии. Последняя треть VI в. до н. э.

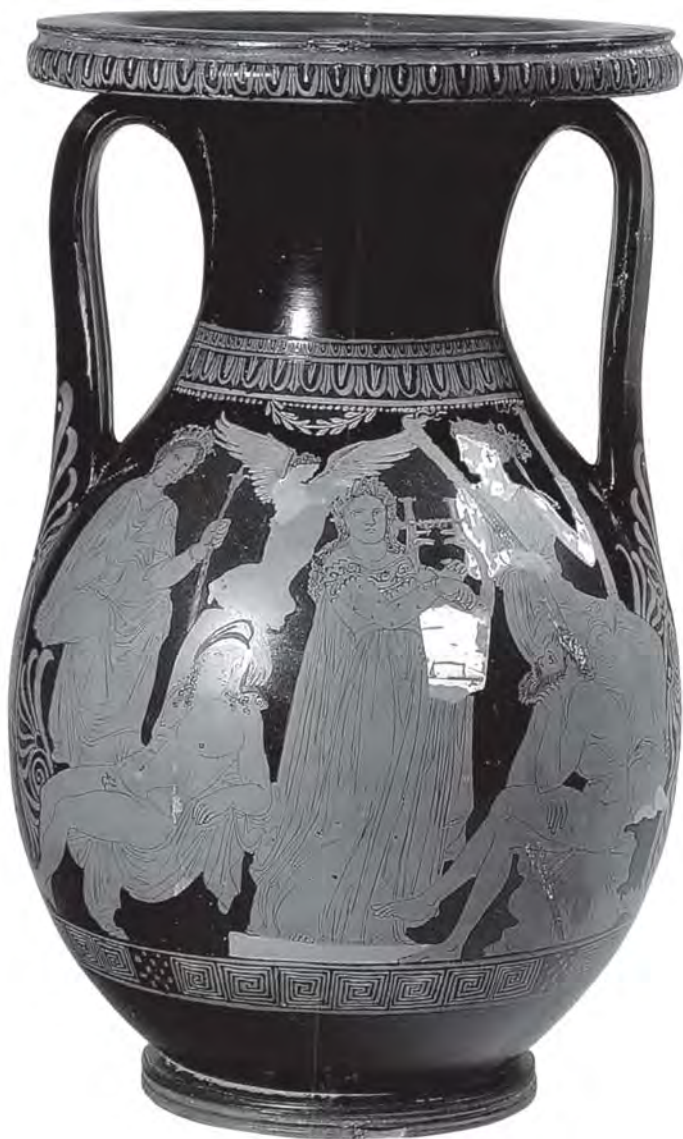

Рис. 9. Аполлон с кифарой и Марсий, уронивший аулос. Краснофигурная пелика из Пантикепея. 360 гг. до н. э.

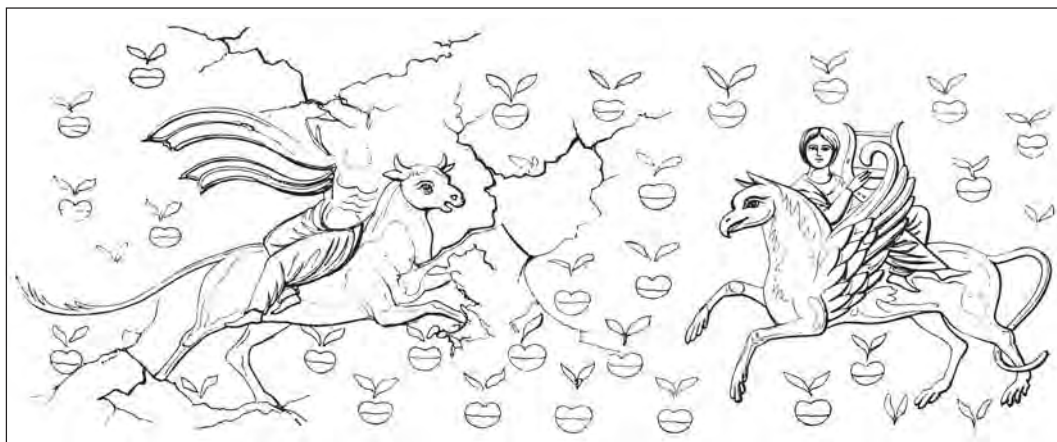

Рис. 10. Аполлон на грифоне и Артемида на быке. Роспись пантикапейского склепа римского времени.

Рис. 11. Артемида, поражающая льва. Херсонесская медная монета III в. до н.э.

Рис.12. Аполлон с кифарой, Артемида и Лето. Чернофигурная ольпа из Ольвии. Конец VI в. до н. э.

Рис.13. Афродита Урания, летящая на лебеди. Известняковая стела из Пантикалея. II в. до н. э.

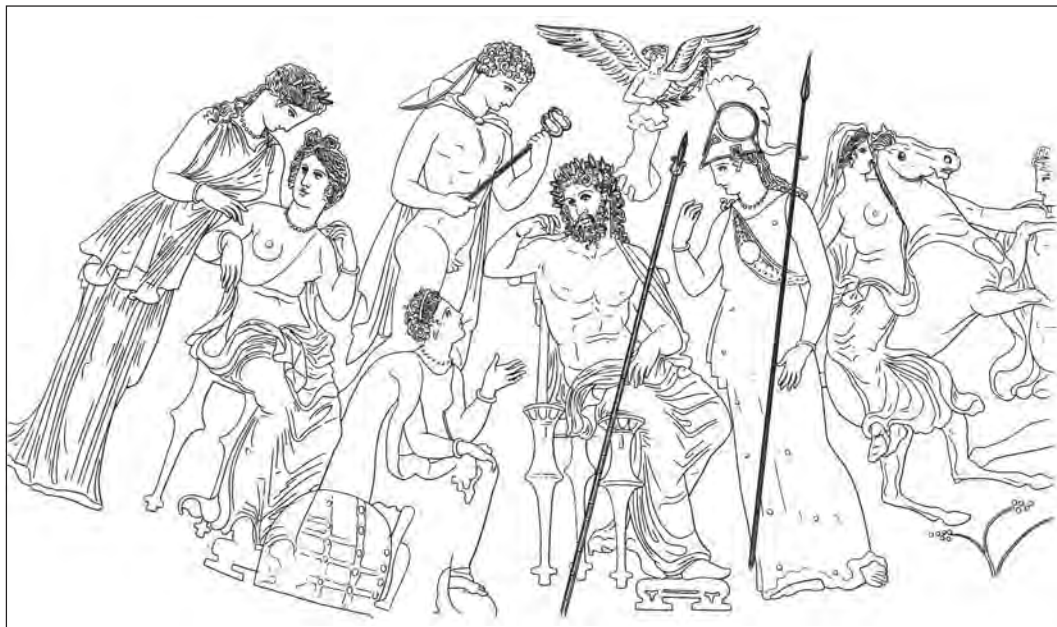

Рис.14. Афродита и Пейто в сцене, иллюстрирующей начало поэмы «Киприи». Прорисовка картины краснофигурной пелики. 340 гг. до н. э. Пантикапей.

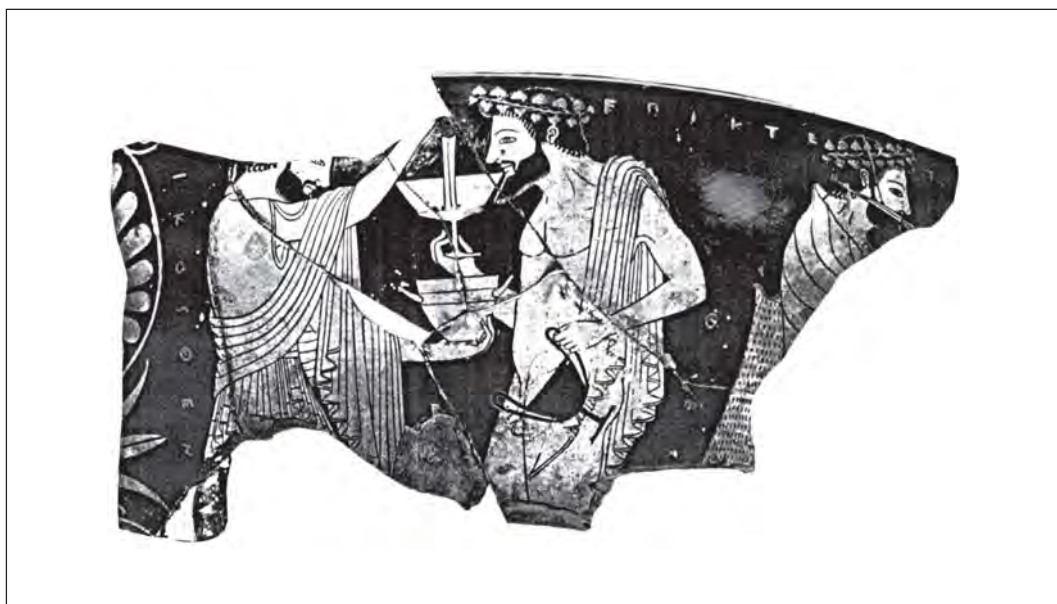

Рис.15. Праздник Диониса. Фрагмент краснофигурного канфара, найденного на острове Левка. Конец VI в. до н. э.

Рис. 16. Дионис с тирсом и его спутники. Краснофигурная пелика из Пантикапея. IV в. до н. э.

Рис. 17. Спор Афины и Посейдона. Прорисовка картины на гидрии с рельефами из Пантикапея. Середина IV в. до н.э.

Рис. 18. Сова между оливковых ветвей. Краснофигурный скифос из Пантикапея. V в. до н. э.

Рис. 19. Кибела с тимпаном и львенком на коленях. Мраморный рельеф из Ольвии. III в. до н. э.

Рис. 20. Кибела с тимпаном и львенком на коленях. Терракота из Ольвии. III в. до н. э.

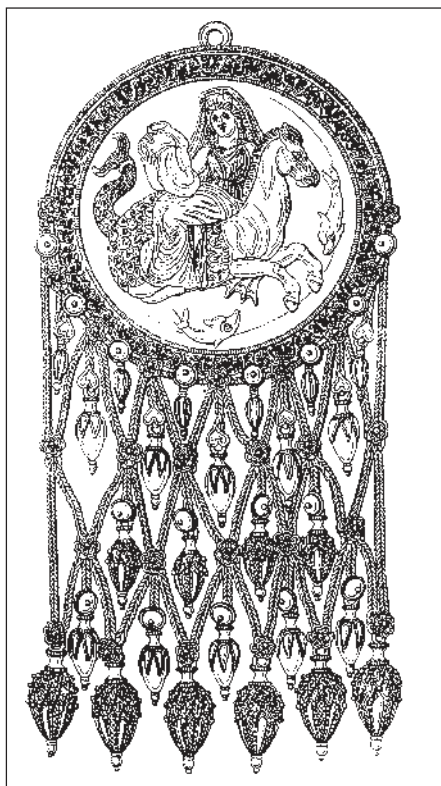

Рис. 21. Фетида, везущая панцирь Ахиллу. Золотая подвеска из кургана Большая Близница. 330- 300 гг. до н. э.

Рис. 22. Суд Париса. Прорисовка картины на краснофигурном кратере из Пантикапея. Начало IV в. до н. э.

Рис. 23. Парис, увозящий Елену на квадриге. Прорисовка картины на краснофигурном лекифе из Пантикапея. Первая половина IV в. до н. э.

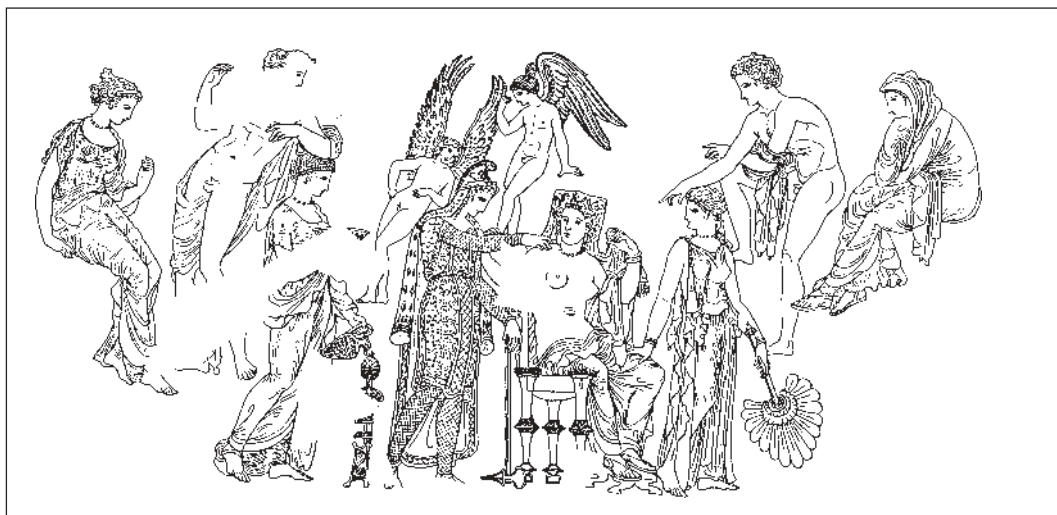

Рис. 24. Парис и Елена. Прорисовка картины на краснофигурной гидрии из Пантикапея. Первая половина IV в. до н. э.

Рис. 25. Олимпийские боги, принимающие Геракла и Диоскуров на Олимпе. Краснофигурный кратер из кургана Баксы близ Пантикапея. Рубеж V- IV вв. до н. э.

Рис. 26. Похищение Европы. Лекиф с накладным рельефом из кургана Большая Близница на Тамани. Первая половина IV в. до н. э.

Рис. 27. Европа, плывущая на спине быка на Крит. Прорисовка картины на краснофигурном блюде из Нимфея. Первая четверть IV в. до н. э.

Рис. 28. Гера и стоящая рядом с ней Геба. Фрагмент картины со сценой суда Париса на краснофигурном кратере из Пантикапея. Начало IV в. до н. э.

Рис. 29. Голова Геры. Золотые подвески из Пантикапея. IV в. до н. э.

Рис. 30. Посейдон в сцене спора с Афиной за обладание Атикой. Гидрия с накладными рельефами из Пантикапея. IV в. до н. э.

Рис. 31. Посейдон и Амфитрита, плывущая на дельфине. Краснофигурная пелика из Пантикапея. IV в. до н. э.

Рис. 32. Голова Афины. Золотая подвеска из кургана Куль-Оба. IV в. до н. э.

Рис. 33. Битва Афины с гигантом. Чернофигурный кратер из Пантикапея. Середина VI в. до н. э.

Рис. 34. Афина. Панафинейская амфора из Пантикапея. Рубеж VI- V вв. до н. э.

Рис. 35. Афина. Панафинейская амфора из Ольвии. III в. до н. э.

Рис. 36. Афина и Тесей. Краснофигурная амфора из Нимфея. 460 гг. до н. э.

Рис. 37. Афина в сцене основания Фив героем Кадмом. Прорисовка картины на краснофигурной гидрии из Пантикапея. Последняя треть V в. до н. э.

Рис. 38. Афина, помогающая Гераклу в схватке с Антеем. Чернофигурный лекиф из Ольвии. 500-490 гг. до н. э.

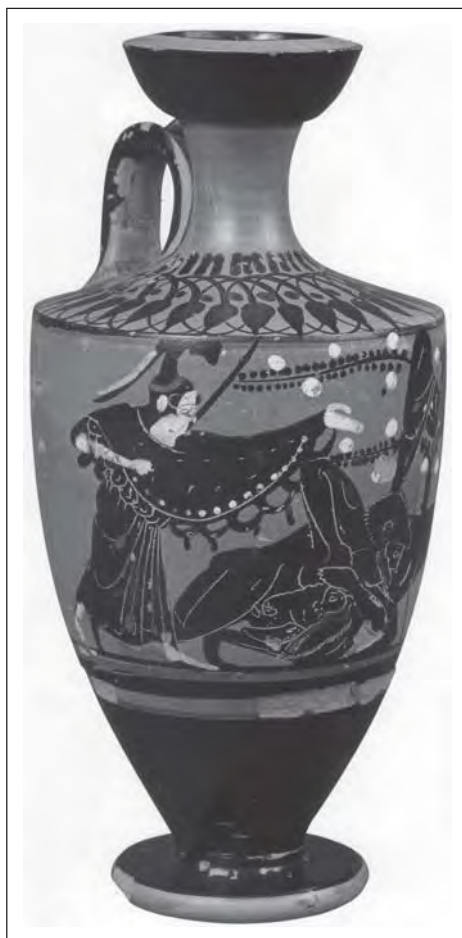

Рис. 39. Афродита в раковине. Фигурный лекиф из Фанагории. Конец V в. до н. э.

Рис. 40. Эрот, ловящий бабочку. Камень из Артюховского кургана близ г. Кепы. III в. до н. э.

Рис. 41. Эрот и Психея. Терракотовая статуэтка эллинистического времени из Пантикапея.

Рис. 42. Эроты, играющие на лире и аулосе. Мраморный алтарик эллинистического времени из Ольвии. Реконструкция А.В. Круглова.

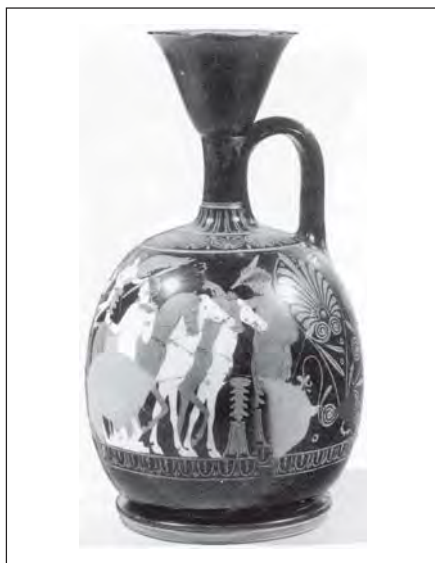

Рис. 43. Гермес в сцене отъезда Париса и Елены в Трою. Краснофигурный лекиф из Пантикапея. 380- 360 гг. до н. э.

Рис. 44. Ольвийские серебряные монеты с изображением Аполлона на аверсе и кифары на реверсе. Начало II в. до н. э.

Рис. 45. Плутон, похищающий Кору. Роспись пантикапейского склепа Деметры. I в. до н. э.

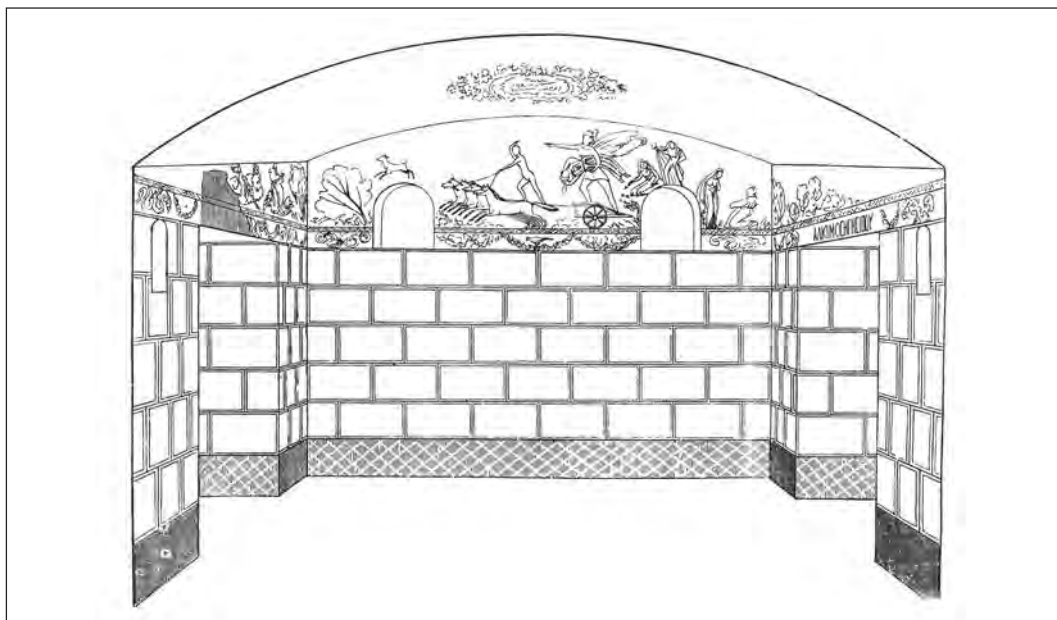

Рис. 46. Плутон, похищающий Кору. Роспись пантикапейского склепа Алкима. I в. до н.э - I в. н.э.

Рис. 47. Деметра и Кора среди участников Элевсинских мистерий. Прорисовка картины на лицевой стороне краснофигурной пелики из Пантикапея. 360- 350 гг. до н. э.

Рис. 48. Рождение Иакха. Прорисовка картины на оборотной стороне краснофигурной пелики из Пантикапея. 360- 350 гг. до н. э.

Рис. 49. Посвящение в Элевсинские мистерии. Мраморный рельеф из Пантикапея. Рубеж V-IV вв. до н. э.

Рис. 50. Кора, Триптолем и Деметра. Фрагмент краснофигурного сосуда из Пантикапея. IV в. до н. э.

Рис. 51. Сатир, протягивающий нимфе ребенка Диониса. Крышка краснофигурной леканы из Пантикапея. IV в. до н. э.

Рис. 52. Аттис с сирингой в руках. Терракотовая статуэтка из Ольвии. I в. до н. э.

А.Е. ТЕРЕЩЕНКО

ЕЩЁ РАЗ К ВОПРОСУ О ВОЗНИКНОВЕНИИ ПАНТИКАПЕЙСКОЙ ЧЕКАНКИ

За минувшее десятилетие вышло в свет довольно много работ, в которых в большей или меньшей степени затрагиваются вопросы возникновения и развития монетного дела на территории Боспора Киммерийского. В связи с этим хотелось бы поподробнее рассмотреть наиболее значительные из них.

Основной, можно даже сказать «программной», по заявленной теме должна была стать работа С.А. Коваленко и В.П. Толстикова «О начале монетной чеканки на Боспоре», опубликованная в №№ 2, 3 журнала «Вестник древней истории» за 2010 год. Однако её содержание создаёт чрезвычайно двойственное впечатление. Так, в первой части даются краткий критический обзор отечественных исследований по боспорской нумизматике раннего периода и небезынтересный просмотр зарубежных концепций о времени зарождения монетного дела на берегах Средиземного моря [Коваленко, Толстиков. 2010. С.31-59]. Вторая – посвящена археологии Пантикапея и его монетному делу [Коваленко, Толстиков. 2010а. С.23-50]. В качестве положительной стороны исследования необходимо отметить весьма интересное наблюдение авторов о том, что широкое использование в монетных сюжетах изображения львиной головы в фас приходится на рубеж третьей – последней четверти VI в. до н.э. С этого же момента фиксируется и распространение в античном мире эгинской весовой системы, по которой производилась чеканка раннего пантикапейского серебра [Коваленко, Толстиков. 2010а. С.26].

Вместе с тем, итоговый результат не может не вызывать удивления, поскольку авторы приходят к довольно странному выводу о том, что монетная чеканка Пантикапея могла начаться только в первые годы V в. до н.э. При этом, основной причиной, по их мнению, стала «необходимость финансирования широкого строительства общественных и культовых сооружений, возводившихся с применением наёмного труда, людьми, привыкшими получать оплату именно в звонкой монете [Коваленко, Толстиков. 2010а. С.44].

Сразу обращаю внимание на то, что нумизматическая составляющая по Боспору строится исключительно на информации, представленной в сводке

Н.А.Фроловой [Frolova. 2004]. Серьёзной ошибкой такого подхода является то, что и работа Н.А.Фроловой и другие аналогичные исследования были и ещё долго будут, так сказать, «промежуточными». С их помощью можно выявить только тенденции, но не окончательный результат. Кстати, С.А. Коваленко ещё в 2005 году, на основе указанной сводки, попытался определить начало боспорской чеканки путём подсчёта аверсных штампов, с помощью которых изготавливались гемиболы (этот номинал присутствует почти во всех пантикапейских сериях) четырёх первых выпусков. Отсчёт вёлся в обратном порядке от «надёжно установленной даты окончания четвёртого выпуска», т.е. – от середины V в. до н.э. [Коваленко. 2005. С.326]. Ещё раз повторю, что все эти заключения основываются только на исследовании Н.А.Фроловой, относительно которого необходимо сказать, что:

а) Определение монет типа «голова льва в фас – вдавленный квадрат, разделенный на четыре отсека, в две выпуклые точки», как четвёртого по счёту выпуска пантикапейского серебра, а также датирование их второй четвертью – серединой V в. до н.э. [Frolova. 2004. S.21] является сугубо личным и пока не доказанным мнением автора.

б) Со времени выхода в свет этой публикации число известных монет ранних пантикапейских серий уже значительно возросло и постоянно увеличивается, более того, открываются новые типы. Таким образом, использование метода подсчёта штампов для определения начальной даты пантикапейской эмиссии представляется пока бесперспективным.

В добавление ко второму пункту необходимо сказать, что на сегодняшний день в серии Па-1 «Av: голова льва в фас, на тетартемориях изображение муравья. Rv: вдавленный квадрат неясных очертаний» зафиксировано уже 78 экземпляров. Сравним с 32 шт., указанными Н.А. Фроловой [Frolova. 2004. S.17-18]. Из них драхма - 5 шт., тетробол - 6 шт., триобол - 32 шт., гемибол - 22 шт., тетартеморий - 13 шт¹.

Серия Па-2. Av. – изображение головы льва в фас или муравья. Rv. – вдавленный квадрат, разделенный (или принимающий форму подобного деления) на четыре части. Драхма (пентобол?) - 1 шт., тетробол - 7 шт., триобол - 23 шт., диобол - 1 шт., гемибол - 44 шт., тетартеморий - 4 шт. Итого: 80 экземпляров. Н.А.Фролова включила монеты этого вида в тип I [Frolova. 2004. Taf.1-2].

Серия Па-3. Av. – изображение головы льва в фас или муравья. Rv. – углубленный квадрат, разделенный на четыре отсека с рельефными таблетками (треугольной или квадратной формы), образующими рисунок, напоминающий

¹ Данные по этой и последующим сериям взяты из регулярно обновляемой сводки «Корпус боспорских монет второй половины VI – первой четверти IV вв. до н.э.» (<http://coins.ucoz.ru/load/5-1-0-91>).

крылья ветряной мельницы (свастику). Драхма - 3 шт., триобол - 62 шт., диобол - 66 шт., гемиобол - 6 шт., тетартеморий - 2 шт. Итого: 139 экземпляров. У Н.А.Фроловой - 65 шт. [Frolova. 2004. S.18-20].

Серия Па-4. Ав. – изображение головы льва в фас или муравья. Рv. – углубленный квадрат, разделенный на четыре части, в каждой – выпуклая точка. Триобол - 6 шт., диобол - 1 шт., гемиобол - 18 шт., тетартеморий - 9 шт. Итого: 34 экземпляра. У Н.А. Фроловой - 14 шт. [Frolova. 2004. S.23].

Серия Па-5. Ав. – изображение головы льва в фас или муравья. Рv. – вдавленный квадрат, разделенный на четыре отсека, в двух из которых, расположенных по диагонали, находятся выпуклые точки. Гемиобол - 155 шт., тетартеморий - 29 шт. Итого: 184 экземпляра. У Н.А.Фроловой - 106 шт. [Frolova. 2004. S.20-23].

Помимо приведённых здесь сведений о случайных находках, у нас имеется чрезвычайно информативный, а, главное, получивший должную фиксацию комплекс, который полностью противоречит дате, предлагаемой С.А. Коваленко и В.П.Толстикovým. Речь идёт об обнаружении в 2007 году, в ходе археологических раскопок Фанагории,клада архаических пантикапейских монет. Из предварительного сообщения В.Д. Кузнецова известно, что 162(!) ранних пантикапейских монеты, находившиеся в ионийском кувшинчике, были сокрыты в стене архаического дома. «Под полом дома открыты остатки более ранней мастерской ремесленника... Амфорный материал датирует мастерскую серединой – третьей четвертью VI в. до н.э.; отсюда следует, что дом с кладом монет сооружён в последней четверти столетия.» [Кузнецов. 2007. С.9]. Ещё в одной публикации указывается присутствие в составе клада монет серии Па-3² [Фанагория. 2008. С.50-51]. К сожалению, этот материал всё ещё находится в обработке, тем не менее у нас есть достаточные основания полагать, что монеты типа «голова льва в фас – углубленный квадрат, разделенный на четыре отсека с рельефными таблетками, образующими свастику», могли появиться уже в последней четверти VI в. до н.э.

Перейдём теперь к анализу мотива, выдвинутого С.А.Коваленко и В.П.Толстикovým в качестве объяснения предлагаемой ими даты начала монетной чеканки на Боспоре, – необходимость оплаты труда строителей. Само по себе, это положение не вызывает особых возражений, но обратим внимание на любопытную подробность. В частности, согласно наблюдению В.Л. Строкина, около 80-85% находок всех ранних типов боспорских монет происходят с территории Таманского п-ва [Строкин. 2010. С. 454]. На мой взгляд, это явное преувеличение, тем не менее соотношение монетных на-

² Тип II по классификации Н.А. Фроловой [Frolova. 2004. S.18-20].

ходок, действительно, совершенно не в пользу Восточного Крыма. Таким образом, если следовать логике сюжета, необходимо признать, что возведение Пантикапея происходило, выражаясь языком современности, по большей части руками «гастарбайтеров» из Азиатского Боспора.

В принципе, это вполне допустимо, однако возникает закономерный вопрос: была ли пантикапейская община богата настолько, чтобы позволить регулярный вывоз за пределы полиса, по крайней мере, $\frac{2}{3}$ своей монеты (прошу заметить – из драгоценного металла), преследуя при этом цели, весьма далёкие от жизненно необходимых? Думаю, ответ однозначен. На этом фоне версия о необходимости предоставления заработной платы строителям, как возможная причина возникновения боспорского монетного дела, не выдерживает никакой критики. В целом же, данное умозаключение воспринимается, скорее, как очередная версия столь популярного ныне жанра «альтернативной истории», нежели серьёзное научное исследование.

Здесь необходимо более подробно остановиться на публикации В.Л. Строкина, которая посвящена обзору монет из частных коллекций, найденных на поселении Голубицкая 2 (окрестности п. Пересыпь, Темрюкский район Краснодарского края). На основе упомянутого выше наблюдения, исследователь приходит к выводу, что эмиссионный центр анэпиграфных боспорских монет с головой льва в фас находился, скорее всего, на Таманском п-ве.³ Впервые эта мысль была высказана им в 2007 г. [Строкин. 2007. С.370-371] и нашла определённую поддержку у А.А.Завойкина [Завойкин. 2009. С.197-198]. В своей новой работе В.Л.Строкин уже пишет, что «это положение становится поистине незыблемым (sic!), стоит лишь принять во внимание, что речь идёт о полисном этапе существования античной цивилизации на Боспоре, чем подразумевается заведомо локальный основной ареал хождения монет того или иного эмиссионного центра» [Строкин. 2010. С.454]. Данный тезис подкрепляется примерами Нимфея и Феодосии, монеты которых большей частью были найдены на самих памятниках и в их окрестностях [Строкин. 2010. С.454, прим.5].

Вместе с тем, область распространения находок монет ранних выпусков боспорского серебра настолько широка, что впору (если согласиться с мнением автора) говорить о возможности существования крупного государственного образования с центром на Азиатском Боспоре. Так, ранние анэпиграфные монеты были обнаружены в Патрее, Фанагории, Гермонассе, поселении «Волна 4», пос. Пересыпь (Голубицкая 2). Не будем забывать про Керчь и её окрестности.

В то же время, выдвигая оригинальную идею, В.Л.Строкин не подтверждает её фактами, поскольку невозможно считать за таковые декларативное

³ Сам автор склонен считать, что это - Фанагория [Строкин. 2010. С.455].

заявление о том, что ранние монеты «были призваны удовлетворять потребности внутригородского рынка..., а также мелкооптовых торговых операций», к тому же, вынесенное в примечание [Строкин. 2010. С.454, прим.4]. Неоспоримым доказательством справедливости предположения В.Л. Строкина могло бы стать обнаружение в каком-либо из таманских полисов монетного двора, чья деятельность датировалась бы VI - V вв. до н.э.⁴ До этих пор количественное преобладание находок раннего серебра на Азиатском Боспоре говорит только о том, что данные монеты большей частью обращались именно в этом регионе.

Таким же малодоказательным выглядит и мнение А.А.Завойкина, утверждающего, что в условиях экономического превосходства таманского региона трудно найти объяснение лидерству Пантикапея в сфере монетного дела. При этом выражается сомнение в возможности реального товарообмена между Восточным Крымом и Таманью. Как пишет автор, «не хлебом же подкармливали греки Тамани своих единоплеменников Восточного Крыма» [Завойкин. 2009. С.198; см. Строкин. 2010. С.453-454]. Но, как представляется, ирония А.А.Завойкина в данном случае совершенно излишня. Да, именно хлебом, но не «подкармливали», а торговали с Крымом.

Попробуем взглянуть на эту проблему с другой стороны. Почему, в конце концов, именно Пантикапей обрёл главенство на берегах Боспора Киммерийского? Полагаю, вывод достаточно очевиден. Пантикапейцы, оказавшись в худших условиях, чем их восточные соседи⁵, сосредоточили свои усилия не на производстве товарного хлеба, а на торговле им. Именно сложившаяся в Восточном Крыму политическая ситуация определила большую предприимчивость пантикапейской общины, выразившуюся, в том числе, и в чрезвычайно активной внешней торговле.

В связи с этим, необходимо обратить особое внимание на замечательный документ, найденный при раскопках Пантикапея в 2002 г. Речь идёт о дву-

⁴ Предупреждая возможные возражения, должен сказать, что, хотя и в самом Пантикапее до сего дня монетный двор не обнаружен, но в нашем распоряжении имеются монеты с легендой ПА, ПАН, ПАНТ, ПАНТИ, однозначно указывающие на место их изготовления. Отметим, что начало выпуска эпиграфных монет датируется временем не позднее середины V в. до н.э. [Зограф. 1951. С.244, таб. №19,20; Шелов. 1956. С. 211, №7; Анохин. 1986. С.137, №29,30/1; Фролова. 1996. С.59-60]. При непредвзятом подходе к данному вопросу, совершенно очевидно, что аверсный рисунок этих монет – голова льва в фас, типологически восходит к анэпиграфным сериям, которые начинаются с типа «Ав: голова льва в фас. Rv: вдавленный квадрат неясных очертаний». Следовательно, рассматриваемые анэпиграфные экземпляры, скорее всего, принадлежат пантикапейской эмиссии, во всяком случае, большинство из них (принадлежность монет с легендой АП и АПОΛ мы пока оставляем за рамками дискуссии).

⁵ Нет нужды подробно останавливаться на политико-экономическом положении Боспора VI в. до н.э., поскольку оно уже неоднократно рассматривалось в специальных исследованиях [см., напр.: Виноградов. 2005. С.211-235].

стороннем граффити, датируемом второй половиной VI – началом V вв. до н.э., которое гласит, что «Ипикрат получает пятьдесят статеров» [Толстиков, Журавлёв, Ломтадзе. 2004. С.348-350; Коваленко, Толстиков. 2010а. С.45]. А.Агафонов, подготовивший материал о граффити, предположил, что речь здесь может идти о некоей банковской операции. Весьма примечательно и то, что указанная надпись гораздо старше, нежели другие, достаточно многочисленные документы такого рода, обнаруженные в самой Греции [Толстиков, Журавлёв, Ломтадзе. 2004. С.348-349]. В свою очередь, С.А.Коваленко и В.П.Толстиков добавляют, что «численный состав мирмекийского клада...свидетельствует, что денежные суммы, подобные указанной в граффити Ипикрата, не были чем-то экстраординарным» [Коваленко, Толстиков. 2010. С.45, прим.65]. Однако, на мой взгляд, самым важным является то, что этот документ характеризует Пантикапей на рубеже VI-V вв. до н.э. как уже полностью сформировавшийся торгово-финансовый центр.

Вернёмся вновь к вопросу возникновения пантикапейской монеты. Как справедливо указывают С.А.Коваленко и В.П.Толстиков, начало собственной чеканки могло определяться различными факторами, как-то: «необходимостью производить государственные выплаты..., оплачивать военные расходы или просто желанием извлечь определённый доход из процесса перечеканки металла в монету... и соображениями политического престижа» [Коваленко, Толстиков. 2010. С.41-42, прим.88]. В этом я вполне солидарен с авторами. Вместе с тем, ни один из указанных пунктов, за исключением, пожалуй, предпоследнего, не имеет ни малейшего отношения не только к Пантикапею, но и не может быть применён для объяснения появления монетного дела в VI в. до н.э. в колониях в целом.

Наиболее адекватным, как представляется, остаётся мнение, согласно которому основным побудительным мотивом, приведшим общину Пантикапея к мысли о выпуске собственной монеты, стала необходимость расчётов с мелкими производителями зерна, основная часть которых проживала на Таманском п-ве [Терещенко. 2004. С.19-20⁶; Смекалова. 2005. С.249].

В связи с вышеизложенным, обратим внимание на тезис, выдвинутый С.А.Коваленко и В.П.Толстиковым, – «вне зависимости от того, копировали ли первые боспорские монеты самосский или милетский тип лицевой стороны, вполне естественно относить начало их выпуска ко времени после появления собственной серебряной монеты в этих малоазиатских центрах» [Коваленко, Толстиков. 2010а. С.23].

Однако зададимся вопросом, насколько велика вероятность того, что формирование монетного дела Пантикапея происходило исключительно под

⁶ С обновленным вариантом этой работы можно ознакомиться на сайте <http://coins.ucoz.ru/load/5-1-0-86>

влиянием примера упомянутых (или других) греческих полисов, начавших производство *серебряной* монеты с середины VI в. до н.э.? На мой взгляд, посыл весьма сомнителен, поскольку это подразумевало бы откровенное подражание. Вместе с тем, Северное Причерноморье имело богатый опыт создания своей собственной оригинальной денежной системы. Это медные монеты-стрелки Березани (Борисфена) и Ольвии и пришедшие им на смену дельфинчики. По мнению В.А.Анохина, обращение монет-стрелок происходило в период со второй половины VI до начала V вв. до н.э. [Анохин. 1986 а. С.78]⁷. Что мешало Пантикапею пойти по такому же пути, тем более, что подобная продукция была достаточно хорошо известна на территории Европейского Боспора. В частности, при раскопках Мирмекия были обнаружены и монета-стрелка [Виноградов, Тохтасьев. 1994. С.58, рис.4,9], и дельфинчик [Зограф. 1941. С.171, №279]. Находки дельфинчиков зафиксированы и в Нимфее [Голенко. 1974. С.88, №350. Таб.IV, 350; Мельников. 2001. С.433, №15. Рис.2, 15].

Как представляется, в случае с Пантикапеем выбор монетного металла определялся исключительно задачами чеканки и возможностями города. И если подойти к этой задаче сугубо рационально, то становится совершенно ясно, что выбора у пантикапейцев не было: электр – дорого, медь – бессмысленно, поскольку, как уже говорилось, пантикапейская монета предназначалась по большей части для внешнего рынка, т.е. – для производителей товарного хлеба из Тамани и, возможно, Восточного Крыма.

На этом фоне чрезвычайно показательной представляется работа О.Н. Мельникова, посвящённая анализу античных монетно-весовых систем. В результате сравнения весовых параметров нумизматического материала автор приходит к выводу, что «при создании древнейшей монетной системы Боспора был применён эгинский принцип: драхма приравнена к весу серебра привозного статера...г. Кизика» [Мельников. 2010.С.8]. Кстати, О.Н. Мельников насчитывает 11 монетно-весовых систем, последовательно сменявших друг друга в пантикапейской чеканке в период со второй половины VI в. до н.э. по начало IV в. до н.э. Как полагает уважаемый исследователь, это обуславливалось необходимостью «подстройки местного серебра под удобный размен электроновых монет г. Кизика, с их меняющимся серебряным и золотым составом, осложнённым непостоянством радио этих драгметаллов» [Мельников. 2010. С.12].

Все вышеприведённые выкладки свидетельствуют о том, что пантикапейская чеканка, скорее всего, изначально была ориентирована именно на внешнюю торговлю.

⁷ Среди отечественных исследователей существует тенденция к удревнению даты начала выпуска монет-стрелок: первая половина VI в. до н.э. [Рубан. 1982. С.17] или даже самый конец VII в. до н.э. [Загинайло. 1982. С.25; Карышковский. 2003. С.218]. Тем не менее, датировка В.А. Анохина представляется наиболее взвешенной и адекватной.

Хронология возникновения монетного дела на Боспоре Киммерийском, в моём представлении, выглядит следующим образом. Автор этих строк, придерживаясь концепции о существовании «адаптационного» периода, занимающего в истории апойкий примерно 70-80 лет [Виноградов. 1999. С.106-108; Он же. 2000. С.230], отнёс данное событие на рубеж третьей - четвертой четверти VI в. до н.э. [Терещенко. 2004. С.12; Он же. 2004а. С.6]. В археологическом плане это характеризуется активизацией наземного домостроения, фиксирующей появление «физических черт типичного греческого полиса» [Цецхладзе. 1999. С.86]. Кстати, в самом Пантикапее, как отмечает В.П.Толстиков, урбанистическая структура формируется только в последней или, в лучшем случае, третьей четверти VI в. до н.э. [Толстиков. 1992. С.62].

Т.Н.Смекалова полагает, что пантикапейская монета могла появиться уже через 40-50 лет со дня основания полиса [Смекалова. 2005. С.253]. К сожалению, уважаемая исследовательница не указала, когда, по её мнению, был основан полис, поэтому конкретная дата в её изложении остаётся неясной.

Необходимо отметить и предположение О.Н.Мельникова, согласно которому причина и время (последняя треть 40-х гг. VI в. до н.э.) начала пантикапейской чеканки могли быть обусловлены «массовым бегством малоазийских греков» на берега Боспора Киммерийского [Мельников. 2009. С.139]. В принципе, предлагаемая версия вполне приемлема, поскольку подразумевает достаточно резкий прирост людских ресурсов. Вместе с тем, обрисованная О.Н.Мельниковым ситуация выступает только как одно из благоприятствующих условий, но, ни в коем случае, не как основная причина. В действительности нам вряд ли станет известен количественный и, главное, качественный состав этой волны переселенцев, чтобы всерьёз воспринимать их в качестве фактора, инициировавшего пантикапейскую эмиссию.

Что касается гипотезы о существовании «накопительного» периода как этапа, необходимого для создания экономического базиса, на основе которого могло возникнуть монетное дело, должен сказать следующее:

1) При определении срока «накопительного» периода использовались сведения по колониям, основанным не позднее второй половины VI в. до н.э., поскольку для сравнительного анализа данной ситуации необходимы более-менее одинаковые «стартовые» условия. Поэтому примеры таких городов, как Фурии, Тиндарис, Амфиполь и т.п., предлагаемые С.А. Коваленко и В.П.Толстиком [Ковалёв, Толстиков. 2010. С.42, прим.88], выглядят, мягко говоря, некорректно, так как указанные полисы были выведены уже в V в. до н.э.

2) Относительно Херсонеса Таврического, на который ссылаются уважаемые оппоненты [Коваленко, Толстиков. 2010. С.42, прим.88], замечу, что, согласно исследованиям Ю.Г. Виноградова и М.И.Золотарёва, Херсонес был выведен гераклеотами и делосцами в последней трети VI в. до н.э. – 528/7 г. до н.э.

[Виноградов, Золотарев. 1999. С.119-122,124]. Причем, по мнению В.М.Зубаря, это должно считаться уже «твердо установленным научным фактом» [Зубарь. 2004. С.94]. С другой стороны, Р.В. Стоянов, основываясь на археологическом и эпиграфическом материале последних лет, полагает, что греческая апойкия на Херсонесском мысу могла возникнуть не ранее второй четверти V в. до н.э. Впрочем, тут же следует замечание, что эти выводы «ни в коем случае не являются окончательными» [Стоянов. 2007. С.144]. Тем не менее, согласно замечанию автора, в первые 50-70 лет своего существования, до появления чеканки «Херсонес выполнял роль основного опорного и перевалочного пункта-порта метрополии на северном побережье Понта» [Стоянов. 2007. С.144]. Как видим, и в версии Р.В.Стоянова присутствует не менее чем полувековой срок, предшествовавший началу монетного дела.

Реальной поправкой к положению о «накопительном» этапе выступает замечание В.Л.Строкина о том, что сроки появления монетной чеканки следует отмерять не от даты основания колонии, а от момента изобретения монеты как таковой [Строкин. 2010. С.453, прим.3]. Правда, уважаемый исследователь далее пишет, что «современные специалисты относят это событие к первой половине VI в. до н.э.» [Строкин. 2010. С.453, прим.3]. Какая именно чеканка подразумевается под этим заявлением остаётся не вполне понятно, поскольку появление первых электроновых монет датируется концом VII – началом VI вв. до н.э. [см., напр.: Коваленко, Толстиков. 2010. С.54].

Тем не менее, должен признать, что сроки «накопительного» периода для возникновения монетной чеканки не являются жёстко детерминированными, хотя, на мой взгляд, в колониях, основанных в VI и даже в начале V вв. до н.э., этот период должен составлять не менее полувека. Возможно, будет не лишним затронуть и тему о том, что называть *колонией*. В частности, немного отвлечёмся от боспорской темы и ещё раз обратимся к монетному делу Абдеры, неоднократно упоминавшемуся во многих нумизматических исследованиях, посвящённых ранней греческой чеканке.

Итак, известно, что Абдера была заселена теосцами, бежавшими от персов, которые под предводительством полководца Гарпага захватили их родной город около 545 г. до н.э. [Hdt. I. 168]. Прибыв во Фракию, они тут же вступили в тяжелую и затяжную войну с фракийским племенем пеонов (Pind. Рас. 2. 59-70), и, как считает Э.Грейхем, эта кампания в результате затянулась на тридцать с небольшим лет [Graham. 1992. P.49-51]. Всё это могло даже заставить теосских переселенцев «принять решение о частичном возвращении на прежнюю родину и основании новой апойкии» [Кузнецов. 2001. С.233].

При всём этом, западные специалисты единодушны во мнении, что монетная чеканка Абдеры была начата уже в 540–535 гг. до н.э. [Grose. 1926. P.117; May.1966. P.49-51]. Что же способствовало появлению этого феномена?

В данном случае мы располагаем сведениями, что изначально Абдера была основана клазоменцами (Hdt. I.168) в конце VII в. до н.э. [Loukouroulou. 1989. С.62]. Правда, по мнению А.Малкина, клазоменская колонизация Абдеры не удалась из-за агрессивности окружающих племен [Malkin. 1985. Р.54-56]. В то же время в ходе раскопок были открыты городские укрепления, жилые дома и погребения дотеосского времени [см. Кузнецов. 2001. С.230]. Более того, из сообщения Геродота известно, что основатель города Тимесий был изгнан фокейцами, теосцы же, переселившись в Абдеру, воздавали последнему хвалу (Hdt. I, 168). Следовательно, можно предположить, что остатки клазоменского поселения чрезвычайно облегчили теосцам процесс обустройства своего нового города. Как считает М.А.Колесников, «исходя из общепринятой колонизационной практики греков, можно предположить, что неудачливые первопоселенцы влились в новую общину теосцев» [Колесников. 2003. С.74].

Еще одно немаловажное обстоятельство заключается в том, что статус Абдеры, по отношению к Теосу, определяется как колония, но насколько соответствует действительности эта характеристика? По сути дела, возникновение Абдеры вызвано совершенно иными причинами, нежели вывод всех остальных греческих колоний. История этого полиса демонстрирует нам совершенно уникальную ситуацию, поскольку в данном случае мы имеем дело не просто с переселением какой-то части общины, а с переездом города (Теоса) целиком, т.е. - поголовной эвакуацией! Таким образом, можно вполне уверенно говорить, что Абдера сразу возникла как давно сложившийся полис с развитой социально-политической и отчасти сохранённой экономической инфраструктурой. Не исключено, что на момент бегства теосская община уже была готова приступить к чеканке своей монеты. Всё это не позволяет считать Абдеру обычной колонией, на которую должны были распространяться такие правила, как, например, необходимость «адаптационно-накопительного» периода.

Теперь перейдём непосредственно к абдерской эмиссии. По справедливому замечанию Д.Мэя, чеканка тяжеловесных окто- и декадрахм в Абдере была далека от нужд внутреннего рынка [May. 1966. Р.2]. Отправным пунктом, на основе которого можно выяснить причины столь необычайно скорого возникновения абдерской монетной чеканки, выступает топография монетных находок. Так, например, находки абдерских монет зафиксированы во многих местах Египта: Демахур, Сакха, Бенха. Наиболее многочисленны они в кладах на территории персидской державы: в Рас-Шамра и Персеполе [May. 1966. Р.3,4]. В целом же, необходимо констатировать, что основная масса фрако-македонской чеканки вообще, и абдерской в частности, направлялась в Египет и Малую Азию. Чем это было вызвано?

По мнению Д.Мэя, рацию серебра к золоту в Египте имело очень высокое, по сравнению с Грецией, соотношение – примерно 2:1. Следовательно, продажа его на египетских рынках была чрезвычайно выгодна, поэтому «нет сомнения, что в основе процветания Абдеры лежал экспорт серебряных слитков» [May. 1966. P.2, ref.2]. Всё это позволяет предположить, что еще до переселения теосцев в Абдеру могли существовать некие связи между Теосом и «источниками серебра» во Фракии [May. 1966. P.2]. В таком случае, достаточно очевидно, что выбор теосцами места для поселения имел в основе явную экономическую заинтересованность. Вполне возможно, что трагические события персидского нашествия лишь подстегнули процесс проникновения во Фракию, который, вероятно, уже давно назревал.

Как писал Д.Мэй, «регулярные выпуски этих тяжеловесных экземпляров в первый период абдерской чеканки (540/35 – 520/15) и почти полное преобладание октодрахм в течение второго периода (520/15 – 492) ясно показывают успешный рост Абдеры как склада для торговли серебром и развитие его основного экспортного товара – серебряных слитков в форму, легко гарантируемую и готовую к немедленному употреблению на рынке» [May. 1966. P.2]. Таким образом, можно вполне уверенно говорить, что начало монетной чеканки в Абдере не имеет никакого отношения к денежному обращению на ее внутреннем рынке. Абдерские окто- и декадрахмы, по сути своей, вероятно, представляли лишь наиболее удобную форму для торговли серебром. Весьма показательно и то, что более мелкие номиналы, такие как драхмы и оболы, предназначенные уже непосредственно для внутреннего употребления, появляются только в самом конце первого периода, т.е. – 420/15 гг., по хронологии Д.Мэя [May. 1966. P.65-66]. Следует особо отметить, что чеканились они по фрако-македонской системе, в то время как крупные номиналы выпускались по так называемой «абдерской» системе, не имеющей аналогов [May. 1966. P.5].

Таким образом, можно сказать, что чеканка Абдеры – действительно уникальный случай в истории монетного дела Греции VI в. до н.э. Вместе с тем, ее нельзя рассматривать как чеканку колонии, начинающуюся только через определенный промежуток времени, находящийся в зависимости от общих темпов ее развития. С момента своего основания положение Абдеры было ближе к положению давно сложившихся полисов, таких как, например, Афины, Коринф, Фокея, Милет и др. Кроме того, ее ранние монеты имеют мало общего с внутриволисным монетным обращением, являясь, по существу, в большей степени товаром, ориентированным на экспорт.

Однако вернёмся к Боспору. Довольно неожиданным представляется то, что в развитии монетного дела Пантикапея и Абдеры обнаруживаются некоторые параллели, а, именно: какими товарами мог заинтересовать Пантикапей своих соседей? Для варварского населения это, несомненно, вино,

ну, а для эллинов (т.е. – цивилизованных людей), наиболее вероятным выступает драгоценный металл, в нашем случае – серебро. Главным экспортным продуктом Абдеры также выступает серебро, правда, для торговли с «дальним зарубежьем».

Продолжая сравнения, отметим уже упомянутый выше фанагорийский клад раннего боспорского серебра. Что характерно, этот, самый крупный на сегодняшний день монетный комплекс найден за пределами полиса-изготовителя, как и клад абдерских монет первых выпусков.

Таким образом, ранняя чеканка Пантикапея, учитывая её совершенно индифферентный облик и большую площадь распространения, могла выступать за его пределами не только как «всеобщий эквивалент», но и как обычный товар. В то же время, учитывая постоянную ориентацию весовых норм пантикапейского серебра на статеры Кизика, данный товар мог, в случае необходимости, быть легко обменян на эту «валюту» античного мира.

Начало же пантикапейского монетного дела, как говорилось ранее, приходится, вероятно, на рубеж третьей-четвёртой четверти VI в. до н.э.

ЛИТЕРАТУРА

- Анохин В.А. Монетное дело Боспора. Киев. 1986.
- Анохин В.А. Монеты – стрелки // Ольвия и ее округа. Киев. 1986 а.
- Виноградов Ю.А. Греческая колонизация и греческая урбанизация Северного Причерноморья // Stratum plus. СПб, Кишинева, Одесса. 1999. № 3.
- Виноградов Ю.А. Боспор Киммерийский // Греки и варвары Северного Причерноморья в скифскую эпоху. СПб. 2005.
- Виноградов Ю.А., Тохтасьев С.Р. Ранняя оборонительная стена Мирмекия // ВДИ. 1994. №1.
- Виноградов Ю.А. К проблеме становления древнегреческих городов в районе Боспора Киммерийского // ΣΙΣΥΓΓΙΑ. Памяти Ю.А. Андреева. СПб. 2000.
- Виноградов Ю.Г., Золотарев М.И. Херсонес изначальный // Древнейшие государства Восточной Европы. (1996–1997). М. 1999.
- Голенко К.В. Монеты из раскопок Нимфея 1939 – 1970 гг. // НЭ. 1974. Т. XI.
- Завойкин А.А. О «больших» и «малых» боспорских городах // Древности Боспора. М. 2009. Т.13.
- Загинайло А.Г. Каменский клад стреловидных литых монет // Нумизматика античного Причерноморья. Киев. 1982.
- Зограф А.Н. Античные монеты // МИА. 1951. № 16.
- Зограф А.Н. Монеты из раскопок Тиритаки и Мирмекия в 1932-1934 гг. // МИА. 1941. №4
- Зубарь В.М. По поводу «земляночного» этапа домостроительства в Херсонесе в V – начале IV вв. до н.э. // Старожитності степового Причорномор'я і Криму. Запоріжжя. 2004. Вып. XI.
- Карышковский П.О. Монетное дело и денежное обращение Ольвии (VI в. до н.э. - IV в. н.э.). Одесса. 2003.
- Коваленко С.А. О начале монетной чеканки на Боспоре // Боспорский феномен: проблема соотношения письменных и археологических источников. СПб. 2005.
- Коваленко С.А., Толстиков В.П. I. О начале монетной чеканки на Боспоре // ВДИ. 2010. №3
- Коваленко С.А., Толстиков В.П. II. О начале монетной чеканки на Боспоре // ВДИ. 2010а. №4

- Колесников М.А. Греческая колонизация Средиземноморья (опыт анализа миграционного механизма). Киев. 2003.
- Кузнецов В.Д. Метрополия Фанагории // Древности Боспора. М. 2001. № 4.
- Кузнецов В.Д. Фанагория: история исследований и новые находки // РА. 2007. № 2.
- Мельников О.Н. Нимфей, скифский вождь Саммак и «измена Гилона» // МАИЭТ. Симферополь. 2001. Вып. VIII.
- Мельников О.Н. Художественный стиль и тип в архаической и классической нумизматике Боспора Киммерийского // Боспорский феномен: искусство на периферии античного мира. СПб. 2009.
- Мельников О.Н. Боспор Киммерийский и происхождение монетно-весовых систем античного мира. // Stratum plus. СПб, Кишинев, Одесса, Бухарест. 2010. №6.
- Смекалова Т.Н. Международная торговля зерном и появление первых монет на Боспоре // Боспорские чтения. Боспор Киммерийский и варварский мир в период античности и средневековья. Керчь. 2005. Вып. VI.
- Стоянов Р.В. Несколько замечаний о времени и причинах основания Херсонеса Таврического // ВДИ. 2007. №2.
- Строкин. В.Л. АПОЛ[лония Боспорская] или [храм] АПОЛ[лона]? // Древности Боспора. М. 2007. Т.11.
- Строкин. В.Л. Монеты с поселения Голубицкая 2 // Древности Боспора. М. 2010. Т.14.
- Терещенко А.Е. Автономная чеканка полисов Боспора Киммерийского VI-V вв. до н.э. Диссертация канд. ист. наук. СПб. 2004. (<http://coins.ucoz.ru/load/5-1-0-86>).
- Терещенко А.Е. Автономная чеканка полисов Боспора Киммерийского VI-V вв. до н.э. Автореф. дисс. ... канд. ист. наук. СПб. 2004а.
- Толстиков В.П. Пантикапей – столица Боспора. // Очерки археологии и истории Боспора. М. 1992.
- Толстиков В.П., Журавлёв Д.В., Ломтадзе Г.М. Новые материалы к хронологии и истории раннего Пантикапея // Древности Боспора. М. 2004. Т.7.
- Фанагория. По материалам Таманской экспедиции ИА РАН. М. 2008.
- Фролова Н.А. Монетное дело Боспора середины VI–V вв. до н.э. // РА. 1996. №2.
- Цецхладзе Г.Р. О греческих колониях в Северном Причерноморье в архаический период // Боспорский город Нимфей. Материалы международной конференции. СПб. 1999.
- Шелов Д.Б. Монетное дело Боспора VI-II вв. до н.э. М. 1956.
- Grose S.W. Catalogue of the Mc Clean collection of Greek coins. Cambridge. 1926. Vol. II.
- Graham A.J. Abdera and Teos // JHS. №112. 1992.
- Loukopoulou L.D. Contribution a l'histoire de la Thrace Propontique Durant la periode archaïque. Athenes. 1989.
- Malkin I. What's Name? The Eponyous Founders of Greek Colonies // Athenaeum. № 63. 1985.
- May J.M.F. The Coinage of Abdera. London. 1966.
- Frolova N.A. Die frühe Münzprägung vom Kimmerischen Bosporos (Mitte 6. bis Anfang 4. Jh. v. Chr.). Berlin. 2004.

А.Е. Терещенко

ЩЕ РАЗ ДО ПИТАННЯ ПРО ВИНИКНЕННЯ ПАНТИКАПЕЙСЬКОГО КАРБУВАННЯ

Резюме

Стаття присвячена критичному розбору робіт останнього десятиріччя, в яких зачіпаються питання початкового періоду пантікапейської монетної справи. Крім того, в зв'язку з загальним дослідженням проблеми появи монетного карбування у колоніях пропонується нова версія, яка пояснює надзвичайно раннє виникнення абдерської емісії, у розвитку якої, до речі, виявляються деякі аналогії з пантікапейським карбуванням. В підсумку, автор передбачає, що початок пантікапейської емісії, пов'язаний з необхідністю оплати праці дрібних виробників товарного хліба на Таманському півострові, приходить на межу третьої - четвертої чверті VI ст. до н.е.

А.Е. Терещенко

ЕЩЁ РАЗ К ВОПРОСУ О ВОЗНИКНОВЕНИИ ПАНТИКАПЕЙСКОЙ ЧЕКАНКИ

Резюме

Статья посвящена критическому разбору работ последнего десятилетия, в которых затрагиваются вопросы начального периода пантикапейского монетного дела. Кроме того, в связи с общим исследованием проблемы появления монетной чеканки в колониях предлагается новая версия, объясняющая чрезвычайно раннее возникновение абдерской эмиссии, в развитии которой, кстати, обнаруживаются некоторые аналогии с пантикапейской чеканкой. В итоге, автор предполагает, что начало пантикапейской эмиссии, связанное с необходимостью оплаты труда мелких производителей товарного хлеба на Таманском полуострове, приходится на рубеж третьей-четвёртой четверти VI в. до н.э.

А.Е. Tereshchenko

TO THE QUESTION OF THE ORIGIN OF PANTICAPAEUM COINAGE

Summary

The article focuses on a critical analysis of works of the last decade, in which questions of the initial period of Panticapaeum coinage are affected. In addition, in connection with the general study of the problem of appearance of coinage in the colonies, a new version that explains extremely early emergence of Abdera emission, in the development of which, incidentally, some similarities with Panticapaeum coinage can be found, is proposed. In the end, the author suggests that the origin of Panticapaeum emission associated with the need to pay small producers of marketable grain in the Taman peninsula falls on the eve of the third or fourth quarters of the 6th century BC.

В.В. КРАПИВИНА

ДОМАШНИЕ СВЯТИЛИЩА АНТИЧНЫХ ПАМЯТНИКОВ СЕВЕРНОГО ПРИЧЕРНОМОРЬЯ¹

Религия, как известно, составляла основу миропонимания древних греков. Вполне естественно, что они принесли в Северное Причерноморье привычные для них культы греческих богов. Однако на протяжении тысячелетней истории в духовной культуре античного населения здесь происходили изменения, как сходные с общеэллиническими, так и связанные с локальными особенностями региона. Тем не менее, религия оставалась постоянно одним из главных связующих звеньев полисов Северного Причерноморья с остальным античным миром.

Следует отметить, что наряду с общественными культами у древних греков Северного Причерноморья широко было развито домашнее почитание богов. Почитание различных культов в домашних условиях и соответственно наличие домашних святилищ были самыми распространенными сакральными действиями и культовыми объектами в античное время [Масленников, 2007, с. 483]. Наиболее ярко это проявилось на сельских поселениях во всех районах Северного Причерноморья. В ряде жилищ встречались терракоты, главным образом, божеств плодородия, посвященные им сосуды, жертвенники, различные вотивные предметы. Особенно в архаическое время, когда храмов и алтарей было еще мало, население почитало своих божеств преимущественно в домашних условиях. Для них предназначались специальные ниши, уголки, реже - отдельные помещения [Русяева, 1998, с. 237; Krapivina, 2001, p. 103].

Итак, домашние культы почитаемых эллинами божеств были неотъемлемой частью их религиозного мировоззрения. Во время раскопок жилых домов в античных городах и поселениях Северного Причерноморья исследователи неоднократно обращали внимание на отдельные помещения, которые отличались от всех других наличием различных алтарей или культовых предметов, особенно статуэток и обломков посуды с посвятельными граффити. Чаще всего их интерпретировали как домашние или семей-

¹ Эта статья является дополненным вариантом статьи автора, изданной ранее [Krapivina, 2010, p. 127-147, 155-164].

ные святилища, реже – как культовые помещения [подробнее см.: Русяева, 2001, с. 42; 2005, с. 179].

Тем не менее, следует отметить, что в процессе подробного архитектурного анализа жилых домов Северного Причерноморья в них достаточно редко выделяются специальные помещения – святилища. Вероятно, это происходит вследствие того, что данные именно о наземных частях домов и их интерьеров немногочисленны, функциональное определение помещений часто проблематично [см.: Крыжицкий, 1971, 1993]. Не исключено, что святилище в большинстве помещений, особенно малых размеров, занимало только определенное место в каком-нибудь углу, где были размещены маленький алтарик и соответствующие сакральные предметы. В целом мы мало знаем, как должно было выглядеть домашнее святилище и на какие главные критерии стоит опираться в процессе его изучения [Русяева, 2001, с. 42; 2005, с. 180-181].

Можно сделать вывод, что это должны быть не отдельные находки даже явно сакрального характера (соответствующие надписи, переносные и стационарные алтари, терракотовые и мраморные статуэтки и др.), а некие так называемые закрытые археологические комплексы: специальные помещения или части помещений, т.е., особым образом выделенное пространство. Наличие именно такого священного пространства наряду с алтарем является обязательным признаком всякого, в том числе и домашнего, святилища [Etienne, 1991, p. 76–79]. Кроме того, с культовыми действиями могла быть связана и часть двора дома, особенно если там располагался алтарь. Сложнее определиться в этой связи с такими артефактами, как лари, ямы, ниши с явно культовыми предметами. В сущности, это тоже особые, замкнутые, хотя и очень ограниченные пространства, к которым более применимо определение жертвенников [Масленников, 2007, с. 484].

Во время раскопок во всех городах и поселениях Северного Причерноморья найдено большое количество различных культовых предметов, в том числе домашних алтарей. Последние были как переносными, так и стационарными, - из мрамора, известняка, гальки или глины. Они устанавливались во внутренних двориках или специальных помещениях. Переносные, миниатюрные каменные алтари, находки которых известны в святилищах, в том числе и домашних, происходят из раскопок Ольвии, Херсонеса [Бабинов, 1974, с. 19-25], памятников Боспора: Илурата, поселений Семеновское, Чокракский мыс, Артезиан, мыс Зюк, Ново-Отрадное, а также из разведок на некоторых памятниках в окрестностях Керчи. Там, где они были найдены *in situ*, можно говорить о IV - III вв. до н.э. [Масленников, 2007, с. 504]. Достаточно широко использовались, как в Херсонесе и Ольвии, так и на Боспоре, votивные керамические алтарики с рельефными изображениями мифологических персонажей на боковых стенках: Аполлона и Артемиды,

Диониса с Ариадной и Силеном, Посейдона и Амфитриты, Ники, увенчивающей трофей и др. [Леви, 1970, с. 34, 36, табл. 14, 21; Белов, 1970, с. 71, табл. 13; Finoguenova, 1991, p. 131-134].

Священным местом дома считался очаг, который полностью ассоциировался с богиней Гестией и рассматривался как ее алтарь. Еще в гомеровском гимне Афродите сказано, что божественная дева Гестия волею Зевса навечно заняла место в центре каждого дома в виде очага (Hom. Hymn. IV, 21-31). Именно у домашнего очага происходили разные обряды, около него эллины молились Гестии, ее приветствовали, возвращаясь из дальних путешествий, первой называли в клятвах и молитвах, обращенных ко всем богам. Итак, домашний очаг издавна как персонификация богини Гестии был местом ее культа, где нередко вместе с ней почитали и других богинь и богов [Русяева, 2001, с. 43; 2005, с. 182]. Например, в полуземлянке второй половины VI в. до н.э., открытой на поселении Куцуруб близ Ольвии (раскопки К.К. Марченко), найден небольшой зольник с глиняными вотивными хлебцами и лепной статуэткой [Krapivina, 2001, p. 103].

Свидетельством домашнего культа, связанного с очагом, является комплекс находок в помещении жилого дома 540-480 гг. до н.э. в Тиритаке: в средней части пола находился открытый очаг, около него *in situ* стояли нижняя часть глиняного алтаря для возлияний, ритуальные сосуды (клазоменская амфора, две коринфские котилы), четыре терракотовых статуэтки и одна протома с изображением богинь. В.Ф. Гайдукевич связывал этот комплекс с культом женского божества плодородия и отождествлял его с Деметрой, Афродитой, Кибелой и Артемидой [Гайдукевич, 1952, с. 77-86]. В.И. Пругло считала, что тиритакские статуэтки следует связывать лишь с образом Деметры [Пругло, 1970, с. 90-91]. Для умилоствления этой богини в домашнее святилище приносили терракоты, где их ставили на алтарь в дни уборки урожая или сева [Сапрыкин, 1983, с. 61]. Однако то, что культовый комплекс размещался непосредственно около очага, скорее свидетельствует о том, что в этом помещении дома в первую очередь почитали Гестию вместе с земледельческими богинями Деметрой и Корой, которые одновременно выступали в роли покровителей семьи [Русяева, 2001, с. 43 - 44]. В последние годы еще в одном позднеархаическом доме в центральной части Тиритаки у печи, сложенной из сырцовых кирпичей, найден культовый комплекс с терракотовыми статуэтками второй половины VI в. до н.э., с изображением сидящей на троне богини [Зинько, 2010, с.75].

Лучше всего культ Гестии прослеживается в жилых домах позднеклассического и эллинистического времени в Керкинитиде [Русяева, 2001, с. 44; 2005, с. 183]. Вероятно, это связано с тем, что здесь выявлены остатки домов, в которых сравнительно хорошо сохранились глинобитные полы и домашние очаги открытого типа. Важно обратить внимание на следующие осо-

бенности: все большие комнаты размещены в наиболее холодном месте дома с северной, реже с северо-восточной стороны; ко всем ведет со двора широкий вход, напротив которого в центре пола размещается очаг. Обычно они имеют прямоугольную в плане форму, снаружи обложены каменными плитами или сырцовыми кирпичами [Кутайсов, 1990, с. 63-109]. По форме это типовые низенькие примитивные алтари-эсхары, аналогичные которым открыты на ольвийских теменосах [Русяева, 1991, с. 134, 135]. Поскольку все эти комнаты находились в северной части домов, то Гестия могла выступать и в ипостаси защитницы от холода [Русяева, 2001, с. 44; 2005, с. 184].

К сожалению, около очагов не было сделано никаких находок, которые дали бы возможность судить о домашних культах в Керкинитиде. Возможно предположить, если принять во внимание хорошую сохранность очагов, что все предметы культа периодически выносили, а следы обрядов вместе с золой убирали. Помещения с очагами – алтарями одновременно с другими функциями исполняли роль и своеобразных святилищ Гестии [Русяева, 2001, с. 44; 2005, с. 184]. При этом В.А. Кутайсов считает, что только в одном доме в Керкинитиде находилось домашнее святилище Деметры, для которого было отведено северное угловое помещение без выхода во двор, однако соединенное с проходной комнатой. В ней посреди глинобитного пола найден очаг открытого типа, обложенный с внешней стороны сырцовым кирпичом. На полу выявлено скопление предметов религиозного культа: протомы Деметры и Кору, светильник и глиняный алтарик, которые свидетельствуют о частном хтоническом культе [Кутайсов, 1990, с. 106].

Следует отметить, что в целом домашние святилища IV–II вв. до н.э. наиболее многочисленны и презентабельны в Северном Причерноморье. В отдельных домах их могло быть даже несколько. При этом имеются в виду археологически выделяемые специальные помещения, части помещений или дворов, предназначенные для почитания определенных культов.

Рассмотрим их по основным античным центрам Северного Причерноморья с запада на восток, вначале для IV–I вв. до н.э., затем для I–V вв. н.э.

Тира. Строительные остатки эллинистического времени представлены здесь оборонительными сооружениями и шестью домами, раскрытыми частично. В двух из них, расположенных в одном квартале, есть помещения, которые могли быть домашними святилищами. В доме I-Ф, датируемом IV–II вв. до н.э., в одном из подвалов, площадью 14,3 кв. м, выявлены две выступающие над уровнем пола глинобитные площадки полукруглой в плане формы, огражденные камнями. Размеры одной из них – 1,10 x 0,83 м, вторая – очень разрушена. Площадки были интерпретированы как жертвенники [Фурманська, 1962, с. 124; Самойлова 1988, с. 25-26; 2002, с. 15]. Они относятся к первому строительному периоду, когда подвал имел общий дверной проем со смежным подвалом, размерами: 5,50 x 3,15 м. Он был сложен из тщательно

обработанных плит известняка и имел полукруглую нишу в восточной стене. По характеру кладки стен сооружение этого подвала относится к началу IV в. до н.э. [Самойлова, 1988, с. 25]. Оба помещения могли быть домашними святилищами. В доме II-Ф подвал в восточной части сложен из плоских, тщательно обработанных известняковых плит, вероятно, также сооружен в начале IV в. до н. э. Форма помещения – трапецевидная в плане, площадью 8 кв. м. В южной стене устроена ниша шириной 1,30 м, высотой 1,50 м. Ее боковые стенки оформлены в виде полуколоннок. Вероятно, это помещение также было домашним святилищем. В смежном помещении были найдены фрагменты терракот, фрагмент глиняного сосуда в виде головы свиньи, часть мраморной подставки в виде лапы грифона [Самойлова, 1988, с. 27-28].

Ольвия. С домашними святилищами следует связывать, прежде всего, отдельные помещения домов IV–II вв. до н.э. в центральной части Верхнего города Ольвии, к западу от агоры. Особенно интересен дом Е-10, который известен по публикациям как дом жреца Агроты, сына Дионисия [Славин, 1975, с. 6-11; Русяева, 2001, 2005]. Имя хозяина дома определено на основании найденной под полом одного из подвальных помещений небольшой мраморной плитки с надписью: «Агрота, сын Дионисия, посвятил алтарь Афродите Понтии, когда был жрецом, и венок (ценою в) пять золотых» [НО, 68; Белецкий, 1975, с. 92–97]. Однако в последние годы на основании изучения полевой документации установлено, что вышеупомянутая плитка с надписью найдена в другом доме, в помещении О в Центральном квартале, а не в Южном [Лейпунская, 2007, с. 204-205].

Дом Е-10 состоял из протирона, мощенного каменными плитами двора и девяти помещений, четыре из которых имели подвалы. К югу от протирона находилось помещение I с подвалом, в который спускались со двора по каменной лестнице. В южной стене этого подвала была сделана большая ниша, а на его полу выявлены остатки от двух столбов прямоугольной формы, которые предназначались для установления на них небольшого жертвенника [Славин, 1975, с. 6-7]. А.С. Русяева полагает, что их можно считать просто алтарями, тем более что в этом помещении найдены обломки архитектурных известняковых деталей, которые, вероятно, украшали алтари [Русяева, 2001, с. 45]. В помещении также найдены два известняковых алтарика с рельефными валиками, терракотовая головка Деметры. Здесь же найден мраморный рельеф Матери богов (Кибелы) [Славин, 1975, с. 7-8; Русяева, 1979, с. 57, рис. 28, 1].

В подвале II этого дома, на север от протирона найдено 19 обломков терракот и 2 фрагментированные формы, которые свидетельствуют о культе Деметры и Коры–Персефоны. Почти все терракоты были густо замазаны толстым слоем белой обмазки, поверх которой прослеживаются остатки голубой, розовой и красной красок. На одном из обломков от женской фигурки в длинном хитоне под краской выявлено граффити, которое состоит из

имени Кору, двух дельт и магических знаков. Большинство обломков статуэток принадлежали именно этой богине [Русяева, 1971, с. 35, 36; 2001, с. 45]. Л. М. Славин предполагал, что здесь располагалась мастерская коропласта [Славин, 1975, с. 9]. Однако более обоснованно мнение А.С. Русяевой, которая считает, что в этом домашнем святилище происходил ритуал, основу которого составляли магическое погребение богини зерна и ее символическое сошествие в подземный мир, где она проводила часть года как жена его властелина Плутона. В юго-западном углу этого подвала находилась полукруглая загородка, выложенная из небрежно обработанного камня. Такого типа загородки открыты на Западном теменосе Ольвии, где они служили для votivных приношений [Русяева, 2001, с. 45; 2005, с. 186].

Следует также отметить, что в наземном помещении VIII дома Е-10 были обнаружены мраморная скульптура Артемиды (рис. 1), галечная вымостка пола, фрагменты архитектурного декора: известняковые триглиф, плита с розеткой, терракота с овами. Это свидетельствует о том, что помещение было парадным и служило культовым целям [Славин, 1975, с. 10-11]. Весь комплекс находок в подвалах и наземных помещениях этого дома свидетельствует о том, что тут были домашние святилища, связанные с различными божествами: подвальные - с хтоническими культами Деметры, Кору, Плутона, Матери богов; наземные - Артемиды и, как считалось ранее, Афродиты Понтии [Русяева, 2001, с. 45]. Однако в связи с тем, что надпись, где упоминается Афродита Понтия, найдена в подвале другого дома, речь может идти только о почитании Артемиды, а также ее брата Аполлона, так как среди находок в доме есть фрагмент чернолаковой чашки с граффити ΑΡΟΛΟ... [Славин, 1975, с. 10]. Скорее всего, этот дом действительно принадлежал жреческой достаточно состоятельной и влиятельной семье. Однако с именем Агроты его ничто не связывает [Лейпунская, 2007, с. 207].

Возможно, с этим именем может быть связан дом с помещением О в Центральном квартале, где была на самом деле найдена вышеупомянутая надпись. Однако это предположение нуждается в дополнительном исследовании. Как известно, Агрота принадлежал к семье известного ольвиополита Дионисия, который был жрецом Аполлона Дельфиния [Русяева, 1992, с. 207-208]. Сын Агроты, Дионисий также был избран жрецом этого бога, о чем свидетельствует список ольвийских жрецов-эпонимов [IOSPE, I², 201; Русяева, 2001, с. 45].

С запада к дому Е-10 примыкал дом Е-14, который существовал одновременно и, судя по характеру строительных остатков и находкам, принадлежал достаточно богатой семье. Здесь также открыто домашнее святилище. Оно находилось в наземном помещении над засыпанным подвалом. Тут раскрыты две площадки из известняковых плит. Одна из них имела чашеобразное углубление, другая размещалась около стены, была ограждена

с одной стороны вертикально поставленными плитами [Славин, 1975, с. 11-16]. Вероятно, это алтари, один из них предназначался для возлияний, второй - для подношений божествам [Русяева, 2001, с. 46]. Именно в этом доме, на полу одного из помещений найден декрет в честь Антестерия (рис. 2), одного из выдающихся деятелей Ольвийского полиса. Декрет был выкраден из Дельфиниона и положен надписью наружу на пороге, вследствие чего в средней части он был полностью стерт [Виноградов, 1984, с. 51-64]. Хозяин дома, вероятно, настолько не уважал Антестерия, что пренебрег и тем, что на декрете был вырезан бюст Аполлона около круглого алтаря [Русяева, 2001, с. 46].

Культовые помещения с нишами были выявлены в домах Е-4, Е-5, которые также располагались в кварталах к юго-западу от агоры. В доме Е-4 раскрыт подвал, в одной из стен которого были сделаны две ниши, размерами: 1,38 x 0,70 м, глубиной – 0,90 м, с еще одной нишей внутри (0,30-0,60 x 0,20 м) и 0,25 x 0,43 м, глубиной – 0,20 м [Славин, 1975, с. 23-24]. Возможно, всё помещение было домашним святилищем, однако не исключено, что в культовых целях, для установки статуэток божеств, использовались только ниши.

Более уверенно можно считать домашним святилищем подвальное помещение в доме Е-5. Оно тщательно сложено из хорошо отесанных плит известняка. В нем выявлены три большие стрельчатые ниши (рис. 3), высотой 1,63-1,65 м, с шириной основания 1,00-1,05 м, глубиной – 1,10-1,22 м [Славин, 1975, с. 29-31]. В них, вероятно, стояли терракотовые или каменные изображения божеств, в частности Матери богов, фрагмент терракотовой статуэтки которой был найден в этом подвале. В юго-восточном углу подвала в пол была вкопана нижняя часть амфоры с отрезанным дном, которая служила примитивным алтариком для возлияний. В центре этого помещения выявлены остатки открытого очага овальной формы, который мог быть жертвенником Гестии, а также и других божеств [Русяева, 2001, с. 46].

Надо отметить, что домашние святилища в домах Е-10 и Е-5 непосредственно связаны с двором и входом в дом и могли использоваться не только жителями этих домов, но и другими ольвиополитами. Расположение домашнего святилища в доме Е-14 далеко от входа в дом и двора позволяет предполагать, что оно имело только внутрисемейное значение [Лейпунская, 2007, с. 207].

Особого упоминания заслуживает богатый перистильный дом НГФ-2 в южной части Нижнего города Ольвии (рис. 4, 5). Посредине двора этого дома был найден *in situ* каменный алтарь. Кроме того, в андроне, украшенном мозаичным полом, были найдены небольшой известняковый алтарь и терракотовые полихромные изображения Кибелы и Афины [Фармаковский, 1913, с. 8 сл.]. Владелец дома и его семья более всего почитали этих богинь в ипостаси защитниц как города, так и собственной жизни [Русяева, 2001, с. 46; 2005, с. 189].

В некоторых других дворах домов в Ольвии также встречались остатки различных алтарей, связываемые с домашними святилищами. Особенно

интересен алтарь, выявленный во дворе большого дома НГС-1 в северной части Нижнего города (рис. 6). Двор был вымощен камнем. Алтарь был сооружен из прямоугольной известняковой плиты вторичного использования (0,96 x 0,63 x 0,24 м), на которой лежали три большие морские гальки яйцевидной формы и стояла каменная чаша, сделанная из подставки под лутерий [Лейпунська, 2001, с. 64]. Подобного рода алтари известны в разных греческих святилищах [Yavis, 1949, № 86].

Также в северной части Нижнего города открыты остатки двух каменных алтарей в помещениях, сооруженных над засыпанными подвалами во II в. до н.э. В одном доме алтарь был низким, квадратной формы, размерами: 0,90 x 0,90 м, высотой 0,25 м, сложенный из двух слоев каменных плит, средняя часть была забутована мелким бутовым камнем и землей (рис. 7). Алтарь был расположен в центре помещения, что, безусловно, указывает на то, что в нем находилось домашнее святилище, в котором проводились определенные обряды. В другом доме функционировал значительно больший по размерам алтарь прямоугольной формы, со всех сторон окруженный невысокими вертикальными плитами [Leipunskaya, 1995, р. 39-40; Русяева, 2005, с. 188].

О наличии домашних хтонических культов свидетельствуют также многочисленные votivные предметы, находимые в жилых домах Ольвии. Скорее всего, они также располагались в домашних святилищах или специальных местах в доме, отведенных для проведения ритуальных действий. Например, терракотовая статуэтка Коры-Персефроны III в. до н.э. местной работы [Русяева, 1971, с. 28-40] (рис. 8), свинцовая votivная пластина с изображением молодого Геракла и Ники IV в. до н.э. [Крапивина, 2007, с. 127-132] (рис. 9). Ольвия была единственным центром в Северном Причерноморье, где отливались свинцовые пластины в виде секир, голов быков (букраниев), баранов, а также с различными фигурками божеств, людей и животных [Зайцева, 2004; 2004a]. Значительное количество этих предметов найдено при раскопках городских кварталов, что свидетельствует об их использовании в культовых целях в домашних условиях.

Херсонес. При раскопках в Херсонесе были также найдены эллинистические стационарные и переносные домашние алтари [Бабинов, 1974, с. 19-25]. Херсонеситы устраивали домашние святилища в отдельных помещениях, в которых сооружали прямоугольные алтари из каменных плит. Реже эти алтари представляли собой четырехгранные или круглые блоки. Некоторые из них были украшены рельефными растительными и геометрическими орнаментами. Как в Херсонесе, так и на его хоре зафиксировано несколько домашних святилищ эллинистического времени [Щеглов, 2000, с. 74-77]. Так, в доме Аполлония святилище было размещено в небольшом помещении с выходом во двор. В центре стоял квадратной формы алтарь, выложенный из тщательно отесанных плит. В этом же помещении найдены

терракотовые статуэтки и терракотовые алтарики [Белов, 1962, с. 144-145, 159-160; Русяева, 2001, с. 46-47].

Домашнее святилище Аполлона, Артемиды и Латоны открыто в помещении одного из больших домов IV-II вв. до н.э. в северо-восточном районе Херсонеса в квартале 1. Помещение полуподвальное, заглубленное в скалу, облицованную обработанным известняковым камнем. На стены святилища была нанесена штукатурка, украшенная росписью в помпейском стиле. В северо-восточном углу расположена площадка размерами: 3,0 x 2,0 м. Она была сложена из обработанных известняковых камней, с юга и востока обрамлена неширокой кладкой. Поверхность площадки сильно обожжена. На ней сохранилась нижняя часть известнякового алтаря. В восточном углу помещения располагалась яма, в которую вместе с золой попадали пришедшие в негодность предметы. В помещении найдено большое количество материала III-II вв. до н.э., это фрагменты амфор, простой столовой посуды, чернолаковой керамики аттического и пергамского производства, рельефных чаш, а также кухонной посуды. Найдены также фрагменты женских статуэток. Это часть статуэтки сидящей богини, стоящей женщины в хитоне, три головки и фрагменты женских статуэток со складками плаща. На внутренней стороне одного из фрагментов терракот процарапана альфа. Принадлежность святилища божественной триаде определена благодаря граффити на чернолаковой посуде (ΑΑΕ, ΑΡ, ΑΕ, Ε), которые представляют собой аббревиатуру трех имен и которые можно интерпретировать как посвящения Аполлону, Артемиде, Латоне [Золотарев, 1985, с. 267-271; 1998, с. 64-65; Русяева, 2001, с. 47].

В доме в северном районе Херсонеса (квартал XVIII) святилище Геракла и, возможно, Сабазия или Диониса–Сабазия занимало комнату в юго-западной стороне дома над подвалом. Отсюда происходят керамический алтарь с посвящением Гераклу и два культовых сосуда, составляющие единый комплекс [Белов, Стржелецкий, Якобсон, 1953; Щеглов, 2000, с. 74-75].

Известны небольшие домашние святилища как в Херсонесе, так и на его хоре, посвященные Партенос, Гераклу в ипостаси Сотера и Дионису как покровителю виноградарства. Непременным элементом домашнего культа Геракла был известняковый рельеф с его изображением или главный символ – палица, которая, вероятно, исполняла и функции алтаря; реже встречаются обломки глиняных скульптур и посвятительные надписи на посуде [Сапрыкин, 1978, с. 45–52; Столба, 1989, с. 55–57]. Структура таких святилищ вследствие плохой сохранности строительных остатков не всегда ясна, за исключением некоторых из них. В частности, было выявлено святилище в одной из богатых усадеб на Страбоновом Херсонесе. В большом помещении (около 90 кв. м) открыты каменный алтарь и фрагментированные терракоты, в том числе и глиняные скульптуры местного производства, на основании

которых установлено, что здесь почитали верховных божеств Херсонесского полиса: Артемиду Партенос, Геракла и Диониса [Костромичева, Шевченко, 1996, с. 159–163; Русяева, 2005, с. 191].

На хоре Херсонеса зафиксирован ряд домашних святилищ. Большинство из них выявлено в Северо-Западном Крыму. В западном углу дома у бухты Ветреной сохранились остатки помещения с терракотовым изваянием палицы Геракла и большими чернолаковыми тарелками с граффити ПАР (в монограмме). Можно предполагать, что здесь находилась комната или угол, посвященный Деве и Гераклу [Щеглов, 2000, с. 75]. Несколько домашних святилищ раскрыто на поселении Панское I. В здании У6 в помещении 14 выявлено святилище Геракла. Каменный алтарь находился у стены в западном углу, на нем стоял культовый сосуд с нанесенной на тулово красной краской надписью - ретроградно, в лигатуре. Возле алтаря лежал известняковый рельеф с изображением стоящего Геракла. Первоначально святилище находилось под открытым небом. Оно занимало западный угол двора перед входом в святилище Деметры и Сабазия, которое находилось в помещении 12, в одном пространственно-планировочном блоке со святилищем Геракла. Внутри выявлены терракотовые протомы и статуэтки Деметры и Кору, граффити, керамические алтари и другие предметы *in situ*, свидетельствующие о специальном культовом назначении помещения [Щеглов, 2000, с. 75]. На том же поселении Панское I, на участке У7, в доме 15 западное угловое помещение было занято домашним святилищем Деметры и Геракла Сотера. Посвятительная надпись последнему была вырезана на крупном чернолаковом канфаре. О почитании Деметры свидетельствуют терракотовые протомы [Щеглов, 2000, с. 77; Столба, 1989, с. 55–70].

На поселении «Маяк» в доме 1 небольшое помещение в восточном углу усадьбы служило домашним святилищем. По находкам терракот можно предполагать, что оно было посвящено культам Геракла, Деметры и Кибелы [Щеглов, 2000, с. 77].

В Юго-Западном Крыму, на Гераклейском полуострове в сельской усадьбе помещение в западном углу С.Ф. Стржелецкий атрибутировал как эргастул. Но пространственно-планировочная и строительная аналогия со зданием У6 на поселении Панское I делают более вероятным предположение, что в нем могло быть домашнее святилище [Щеглов, 2000, с. 75–77].

Боспор. Домашнее почитание божеств и домашние святилища в основном зафиксированы для малых городов и сельских поселений Боспора. Так, домашние святилища засвидетельствованы на четырех поселениях (Героевка-2; Южно-Чурубашское; близ Мирмекия и возле Порфмия), а находки культовых терракот и посвящений – более чем в десятке поселений полисной хоры европейского побережья Боспора [Зинько, 2008, с. 5–6; 2008а, с. 252]. В частности, домашнее святилище было раскрыто на усадьбе близ Порфмия

[Вахтина, 2002, с. 94]. Второй период существования усадьбы датируется концом III–II вв. до н.э. К этому времени относятся многочисленные фрагменты терракотовых статуэток. Все они были сосредоточены на небольшой площади – в северо–восточной части южного помещения, где, очевидно, располагалось небольшое домашнее святилище. Большинство обломков терракот представляет собой фрагменты женских статуэток. Одна из этих статуэток, высотой около 20 см, представляла собой грубое изображение Афродиты с «коронай» на голове и Эротами у ног. Вероятно, это местное боспорское производство. Однако среди находок встречались и экземпляры, выполненные с большой тщательностью. К их числу относятся небольшая женская головка с волосами, убранными венком, фрагмент обнаженной женской фигуры (Афродиты) с ножными браслетами на ногах выше колен и фрагмент статуэтки с полуобнаженной женской фигурой. К менее выразительным находкам принадлежат фрагмент головы женской статуэтки, обломок нижней части протомы и другие. Здесь же были найдены несколько фрагментов терракотовых алтариков в виде моделей храмов и четырехлепестковая розетка. Подобный набор статуэток свидетельствует о почитании земледельческих культов, связанных с идеей плодородия [Вахтина, 2002, с. 94–98].

В сельской усадьбе между Мирмекием и Пантикапеем одно из помещений выделялось относительно большим количеством обнаруженных в нем терракотовых статуэток и их обломков. Это воин со щитом, стоящий Геракл и обломок такого же изображения, Эрот, две женские статуэтки и две головки от женских статуэток. Парный набор части терракот связан с земледельческими культами и может свидетельствовать о нахождении в помещении *Д* усадьбы домашнего святилища II–начала I вв. до н.э. [Гайдукевич, 1981, с. 64; Зинько, 2007, с.80; 2008а, с.252; Масленников, 2007, с. 505].

В Мирмекии был выявлен дом, в одном из помещений которого раскрыт алтарь. Здание было возведено около середины III в. до н.э. и просуществовало до начала I в. до н.э. Оно пережило несколько строительных периодов. Единственное помещение, которое на протяжении всего периода его существования не подвергалось перестройкам, это помещение с алтарем. Вход в него находился с южной стороны, он имел несколько ступенек. Алтарь располагался практически по центру помещения и представлял собой прямоугольную известняковую плиту, установленную на невысоком земляном возвышении. Его размеры: 0,80 x 0,97 x 0,30 м. На верхней поверхности есть следы подтески по краям с оставленным в центре необработанным участком прямоугольной формы. Обособленное расположение помещения, наличие алтаря, а также находки граффити и терракот с изображением Деметры позволяют определить его как домашнее святилище Деметры, в котором совершались обряды в честь хтонических божеств [Грицик, 2007, с. 126-131].

Особого внимания заслуживает центральная прибрежная часть усадьбы Генеральское–Западное. Здесь в юго–восточной части располагался почти квадратный перистильный двор, ориентированный по сторонам света, размерами: 8,8 x 7,9 м. Он был вымощен большими, тщательно подогнанными и уложенными известняковыми плитами. Ровная поверхность его имела изначально предусмотренный общий уклон к западу и северо–западу. В этом направлении, по диагонали двора, в плитах был вытесан неглубокий желоб, служивший для стока дождевой воды за его пределы. Для этого же в северо–западном углу под камнями стилобата и плитами вымостки был сооружен водосток. Двор окружал крытый черепицей портик. Вся поверхность двора была покрыта слоем пепла и золы, толщиной 0,05–0,06 м. Из немногочисленных находок в нем следует отметить фрагмент терракотовой протомы Деметры, две стеклянные вставки перстней, медную боспорскую монету (300 – 280 гг. до н.э.) и непосредственно возле алтаря - чернолаковый однорожковый светильник второй половины IV–начала III вв. до н.э. с клешней краба. Если светильник возле алтаря обычное явление для боспорской хоры, то клешня краба фиксируется крайне редко. Рак (как, вероятно, и краб) был связан в эллинской мифологии с культом Афродиты [Масленников, 2007, с. 486-493].

Почти в центре этого двора располагался частично сохранившийся большой алтарь. От него уцелел один из двух массивных известняковых камней основания. Форма камня - подпрямоугольная в плане, внешние углы слегка закруглены, размерами: 1,43 x 0,70 м, высотой 0,28 м. Книзу плита несколько расширялась за счет валикообразного выступа. Обе плиты основания алтаря были заглублены относительно вымостки двора. Общие размеры этого основания составляли: 1,43 x 1,36 м. Что именно помещалось сверху - неизвестно. Вероятно, это был церемониальный алтарь. В юго–восточном углу двора выявлено прямоугольное в плане (1,55 x 0,80 м) возвышение, сохранившееся на высоту 0,20–0,33 м. Оно было сложено из поставленных на ребро обработанных известняковых плит и камней, заполнявших внутреннее пространство. Вероятно, тут находился специальный культовый стол, на котором стояли приношения. Возможно, здесь было место для сосудов, используемых при обязательных омовениях, или же здесь размещались терракотовые статуэтки, курильницы, светильники, бальзамарии и прочие культовые предметы, предназначавшиеся для совершения очистительных обрядов. Не исключено, что и два остальных, переносных монолитных известняковых алтаря (цилиндрический и прямоугольный), а также мраморная «столешица» от стола для приношений изначально находились здесь же, несмотря на то, что они были найдены не во дворе [Масленников, 2007, с. 490-494].

В разных местах этого же участка поселения Генеральское–Западное были найдены обломки нескольких массивных известняковых и мраморных

«чаш» с выступающими ручками. Вероятно, они служили для ритуальных омовений и стояли на особых возвышениях при входе или непосредственно в вышеописанном дворе. Следует также упомянуть и о достаточно многочисленных находках красноглиняных чашечек–курильниц. Отдельные их экземпляры, целые и во фрагментах, были встречены при раскопках ряда сельских поселений в слоях эллинистического времени (Мыс Зюк, Золотое–Восточное, Артезиан, Чокракский мыс, Крутой берег). Но на поселении Генеральское–Западное их найдено значительно больше [Масленников, 2007, с. 497].

В честь каких именно богов осуществлялись обряды на поселении Генеральское–Западное точно неизвестно. Скорее всего, это были покровители земледелия и плодородия: Деметра, Кора, возможно, Кибела, Афродита и Дионис. Все это подкрепляется находками фрагментов их терракотовых статуэток и некоторыми граффити. При этом специфичность всех вышеописанных находок для сельского поселения очевидна. Практически в одном месте были собраны различные алтари классического типа. Возможно, это не столько частное, семейное, сколько общественное (для обитателей всего поселения) культовое место, и не просто большая коллективная сельская усадьба, а центр (один из центров?) землевладений боспорских правителей – Спартокидов. Косвенно это подтверждается некоторыми граффити с именами Сатир и Перисад, происходящими именно из этого здания [Масленников, 2007, с. 500].

С домашними куклами следует связывать алтари-фависсы, заполненные золой, и комплекс терракотовых статуэток (38 штук), выявленные в доме Хрисалиска I в. до н.э. на Таманском полуострове. Большая часть из них представляла собой изображение женского божества (Афродиты, Кибелы, Тихе), а также алтариков, девушек с музыкальными инструментами, Эрота, Геракла, воинов, быка. Особо следует отметить курильницу в виде головы жертвенного быка [Сокольский, 1976, с. 93-106].

В первые века нашей эры происходят заметные изменения в религиозном мировоззрении эллинов Северного Причерноморья. Наблюдаются увеличение частных культов и значительная индивидуализация верований в связи с проникновением совершенно новых культов божеств восточного и западно-понтийского (фракийского), а также римского происхождения, а затем постепенного внедрения христианства с предшествующими ему синкретическими куклами, тяготеющими к монотеизму. Сохранившие веру в своих иконных богов, понтийские эллины продолжали почитать их не только в общественных местах, но и в собственных домах. Традиционно они больше внимания уделяли Гестии, поскольку она, будучи олицетворением домашнего очага, постоянно находилась в доме, была его защитницей [Русяева, 2005, с. 195].

Находки домашних святилищ, тем не менее, достаточно редки, что является следствием их плохой сохранности и слабой функциональной выражен-

ности. Именно поэтому обнаружение каждого из них заслуживает самого пристального внимания.

Тира. Домашнее святилище в Тире связывается с так называемым западным домом (IV). Он располагался у Первой поперечной улицы, на третьей террасе. Этот дом состоял не менее, чем из шести помещений и одного или двух внутренних дворов. Западная часть дома разрушена позднейшими сооружениями. Ниже них, под сероглинистым слоем, находился слой желтой глины. Ниже него раскрыт завал камней, затем завал черепицы и обугленного дерева – дубовые бревна и доски. Доски покрыты слоем глины, местами – с отпечатками соломы. Среди фрагментов черепицы выявлены мраморные скульптуры: герма с головой бородатого Диониса (рис. 10), рельеф с изображением мойр, рельеф с изображением воина – «варвара» (рис. 11) [Фурманська, 1962, с. 131-133; Сон, 1993, с. 115-116].² В юго-западной части помещения под обвалом бревен выявлены остатки мужского костяка, слева от него – наконечник копья. На полу найдено много фрагментов керамики, а также целые амфоры III в. н.э., некоторые – с зерном. Раскопана нижняя часть красноглиняной амфоры *in situ*, на полу – кости собаки, вдоль западной стенки – кусок веревки и железный замок. Здесь же найдены фрагменты железных, костяных и стеклянных изделий, культовые сосуды (три небольших одноручных красноглиняных кубка с дипинти белой краской, служившие, вероятно, для возлияний в честь богов) (рис. 12). Напротив порога, почти посередине помещения, раскрыта глиняная площадка прямоугольной формы со скругленными углами, размерами в плане: 1,00 x 0,90 м, высотой – 0,15 м. Она была интерпретирована как жертвенник. Монеты, найденные на полу, плохой сохранности, удалось определить только одну – местной чеканки с изображением Александра Севера. Помещение, несмотря на наличие большого количества бытового материала, имело культовое назначение [Фурманська, 1962, с. 129-134], это домашнее святилище.

По аналогии с домашним святилищем, раскрытым в Ольвии³, можно предположить, что и это святилище также располагалось на верхнем этаже. Мраморные скульптуры найдены не на уровне пола, а среди фрагментов черепицы, ниже завала камней. Доски покрыты слоем глины, местами – с отпечатками соломы. Вероятно, это не следствие укладки черепицы на слой глины с посеченной соломой поверх дощатой обшивки [Фурманська, 1962, с. 130], а обрушившийся вследствие пожара глинобитный пол верхнего этажа. Нижний этаж, как и в Ольвии, был хозяйственным, именно поэтому там выявлены амфоры с зерном, нижняя часть вкопанной амфоры, скелет

² Эти мраморные скульптуры сильно обгорели при пожаре, в связи с чем материал, из которого они изготовлены, был первоначально ошибочно определен как мраморовидный известняк.

³ См. ниже.

собаки и проч. Глинобитная площадка, принятая за жертвенник, скорее имела хозяйственное назначение (очаг или «стол»?). Наличие двух этажей, на верхнем из которых располагалось домашнее святилище, а нижний использовался для хозяйственных целей, объясняет столь разный характер находок из слоя пожара [Крапивина, 2008, с. 29-30; 2011, с. 222-225]. А. И. Фурманская пыталась объяснить это несоответствие тем, что в связи с угрозой нападения наиболее ценные вещи и продовольственные запасы собрали в одном помещении [Фурманская, 1962, с. 132]. Находки мраморной скульптуры позволяют судить о том, с почитанием каких божеств было связано святилище. Герма с головой бородатого Диониса или Диониса-Сабазия [Сон, 1993, с. 115], рельеф с изображением мойр, рельеф с изображением воина в варварской одежде, вероятно, героизированного предка⁴, связаны с почитанием земледельческих и хтонических божеств. Следует отметить, что оба домашних святилища как в Тире, так и в Ольвии, датируются одинаково – второй половиной II – первой третью III вв. н.э. Оба святилища не были восстановлены после пожара, они были засыпаны под новое строительство [Крапивина, 2011, с. 224-225].

В последние годы в Тире выявлены остатки двух домов конца III – IV вв. н.э., сооруженных на месте более ранней ордерной, предположительно, храмовой постройки. В одном из помещений южного дома раскрыт прямоугольный в плане каменный алтарь [Самойлова, 2004, с. 111-112], что позволяет связывать его с домашним святилищем.

Ольвия. Домашнее святилище в Ольвии раскрыто в юго-восточной части Верхнего города, на территории цитадели, в так называемом южном доме (рис. 13). Этот дом располагался на склоне, примыкал с запада к подпорной стене террас, с севера и востока был ограничен улицами. Выявлено шесть помещений и большой двор. Особо отметим северо-западное помещение, связываемое с домашним святилищем. Сохранившаяся высота стен – до 2,3 м, раскрытая длина помещения – 17,7 м, ширина – 4,0-4,4 м. Следы пожара, приведшего к гибели дома, здесь видны наиболее ярко, толщина слоя разрушения – более 1,5 м. В сырцово-каменном завале прослеживается неравномерно просевший глинобитный пол верхнего этажа с остатками сгоревших деревянных балок и досок, подстилавших его, а также следами камыша (рис. 14). Сопровождающий материал многочисленный, датируется в основном второй половиной II – первой третью III вв. н.э. Уровни пола помещения нижнего этажа выявлены ниже слоя разрушения. Оно было подвальным, имело хозяйственное назначение. В нем раскрыты каменные загородки, два вкопанных пифоса, ряд хозяйственных ям и очагов, а также уложенные на полу большие амфоры, некоторые из них с дипинти. Вход находился с востока, из

⁴ По убедительному мнению А.С. Русаевой.

соседнего помещения. Вход в помещение верхнего этажа, очевидно, осуществлялся со двора, с юга. Пол этого помещения был глинобитным, сделанным поверх камыша, разложенного по деревянным перекрытиям, как это зафиксировано и для Средиземноморья, но с использованием тростника [Мак-Коркодейл, 1990, с. 12]. О его назначении представляется возможным судить на основании находок в слое пожара. Это небольшой мраморный постамент под статуэтку размерами: 26,0 x 20,6 x 4,8 см. На верхней грани по центру были сделаны насечки для установки статуэтки Матери богов. На лицевой грани сохранилась двустрочная надпись на древнегреческом языке: $\text{HPAK\Lambda E[ONE]Y\acute{\Sigma}EYB\acute{\iota}Y\text{'MHTPI}\Theta E\Omega N$ - Геракле[он], сын [Е]всебия Матери богов (рис. 15, 16). Имя дедиканта на постаменте, скорее всего, принадлежит хозяину дома. Герма с головой Гермеса белого мрамора, высотой 17,8 см прекрасно сохранилась, слегка отбит только нос, выполнена, вероятно, малоазийскими мастерами не ранее II в. н.э. (рис. 17). Она является копией герм, известных с V в. до н.э., по иконографии близка Гермесу Алкамена [Richter, 1954, 36; Comstock, Vermeule, 1976, 30]. Голова Афродиты, также белого мрамора, высотой 10,6 см, сохранилась хуже. Поверхность ее заглажена, также как и основание шеи (рис. 18). По иконографии близка статуям III – II вв. до н.э. (LIMG, II, 1984, 30, 41, 62, № 287, 512). Вероятно, голова скульптуры эллинистического времени продолжала использоваться позднее. Курильницы представлены двумя основными типами: характерными для западных провинций Римской империи - конической формы с защипами по венчику, с остатками белой краски и местными лепными, со следами белой и красной краски. Отметим такие находки, как известняковая капитель, карниз интерьера с остатками штукатурки, а также небольшую гальку с граффити VII, найденную в святилище, и гальку с граффити DM, обнаруженную в верхней части хозяйственной ямы на нижнем этаже. Значительная площадь помещения, оформление интерьера с использованием известняковых карнизов и колонок, характер находок – позволяют предположить, что оно было домашним святилищем [Krapivina, 2001, 105-108; Крапивина, 2008, с. 26-28; 2011, с. 220-222]. Находка в слое пожара серебряного денария Александра Севера (222-235 гг.) дает *terminus post quem* разрушения дома. Общее почитание Гермеса и Афродиты известно в античном мире и характерно для Ольвии уже с VI в. до н.э. Здесь более всего проявилась их связь с плодородием и семейным благополучием. Почитание Матери богов связано с хтоническими культами.

Следует отметить, что ниже пола хозяйственного помещения, которое располагалось под помещением домашнего святилища, в материке было выявлено погребение младенца в нижней части красноглиняной амфоры, датирующейся концом I – первой половиной II вв. н.э. Еще одно погребение младенца было выявлено под полом дома II – III вв. н.э. на нижней террасе, примыкавшего к юго-восточной оборонительной стене цитадели. Оно было

совершенно в небольшой округлой ямке, вырытой в материке, и перекрыто амфорными черепками [Крапивина, 1993, с. 38]. Еще одно погребение младенца в Ольвии было выявлено в верхней части хозяйственной ямы, перекрытой вымосткой двора дома конца I – III вв. н.э., располагавшегося к югу от дома с домашним святилищем (рис. 19). На городище Козырка также известны захоронения младенцев в амфоре или лепном горшке в верхней части ямы в помещениях [Бураков, 1976, с. 22, 29].

Кроме того, на городище Козырка открыто помещение, которое безусловно являлось домашним святилищем, связанным с культом мертвых и культом Гестии. Помещение святилища располагалось в центральной части дома, к западу от большого прямоугольного двора, вымощенного крупными каменными плитами. Оно было заглублено относительно двора на 0,55 м. Вероятно, верхняя часть его стен была сложена из кирпича, блоки которого перекрыли завал черепицы, образовавшийся в результате разрушения кровли помещения. Отметим большое количество фрагментов известково-гипсовых карнизов и расписной штукатурки. Под черепицей был обнаружен слой золы, толщиной 0,02-0,05 м, лежавший на глинобитном полу. У южной стены помещения находилась площадка размерами: 2,00 x 0,75 м, сложенная из крупных известняковых плит, обмазанных глиной. Ее центральную часть занимал полукруглый очаг, примыкавший к стене и обложенный по краю тонкими каменными плитками. На площадке около очага было обнаружено много раздавленной посуды. У северо-западного угла площадки открыта большая яма, горловина которой была обложена камнем. Заполнение состояло из чистой золы, сбрасывавшейся с очага. На глубине 1,20 м в зольном заполнении ямы выявлено детское погребение в лепном горшке. В юго-восточном углу помещения в небольшой яме, обмазанной глиной, найдено скопление минеральных красок в виде комков порошка темно-вишневого, кирпичного и светло-серого цвета. Все эти цвета прослеживаются в росписях штукатурки. К северной стене помещения было пристроено погребальное сооружение из кирпичей (своеобразный склеп) для захоронения детей. Сооружение было сильно разрушено, однако восстанавливаются его размеры: 1,80 x 1,30 м. Вход находился с востока, вероятно, штукатурка и карнизы связаны только с этим сооружением. Изнутри стены имели фресковую живопись, а снаружи кирпичная кладка была окрашена в темно-вишневый цвет. В склепе было выявлено шесть погребений детей, сделанных ниже уровня пола и расположенных вдоль северной, западной и южной стен. Восточная и центральная части склепа были свободны от погребений и могли служить для совершения поминальных обрядов [Бураков, 1976, с. 28-31].

Особо следует отметить захоронения детей, выявленные во дворе одного из домов в Козырке. У одной из стен было открыто кострище овальной в плане формы, размерами: 1,25 x 1,80 м. Вместе с пережженными детскими

костями в нем были найдены бронзовая игла, стеклянная бусина в форме сердечка (женский инвентарь), два куска кремня и железное кресало (мужской инвентарь). Это указывает на то, что здесь были сожжены трупы мальчика и девочки. У западного края кострища раскрыты три плиты. Под центральной из них была небольшая ямка, на дне которой лежали череп овцы и четыре трубчатые кости, поверх которых выявлены две краснолаковые чашки и лепной светильник на цилиндрической ножке. В одной из чашек были детские пережеванные кости и зола с угольками. В этом же дворе обнаружены пять детских захоронений в сосудах и траншея с захоронением 15 овец, а также две большие ямы грушевидной формы, заполненные золой с угольками, пережеванными костями животных и большим количеством фрагментов керамики II – III вв. н.э. [Бураков, 1976, с. 37]. Безусловно, двор имел культовое значение и может считаться домашним святилищем. Всего на небольшой площади центрального квартала на городище Козырка было обнаружено 46 детских захоронений. Все они были совершены на протяжении порядка 250 лет. Как правило, это дети грудного возраста с еще не прорезавшимися зубами. Все эти погребения младенцев в жилищах связаны с культом мертвых, культом священного огня, домашнего очага, ведь посвящение новорожденных в домашний культ происходило именно у домашнего очага. Кроме того, подобные захоронения издревле являются культом обратимости и плодородия, увеличения семьи и рода, его богатства и благополучия [Бураков, 1976, с. 138-142].

Нигде более на хоре Ольвии и в самом городе не выявлено такого количества погребенных в домах детей. До сих пор нет достаточного объяснения этому факту. Хотя мы знаем, что особое положение детей в мифоритуальной системе древних греков наиболее четко проявляется в погребальном обряде. Анализ семантики детских захоронений показывает, что при возникновении переходной ситуации (смерти) ребенок считался не нуждавшимся в дополнительных средствах, обеспечивающих ему прохождение на «тот свет» и, следовательно, тесно связанным с хтоническим миром. Поэтому младенец (или эмбрион) мог наделяться медиаторными функциями, представая в качестве жертвы, о чем говорят останки детей в ритуальных комплексах [Рыбакова, 2005, с. 21].

На том же городище Козырка в доме середины II – III вв. н.э. открыта полукруглая каменная загородка в углу одного из помещений, заполненная до самого верха чистой золой, что следует связывать с почитанием Гестии [Бураков, 1976, с. 20].

Достаточно скудны материалы, которые позволяют судить о религиозной жизни Ольвии на последнем этапе ее жизни – в конце III – IV вв. н.э. Тем более важен факт обнаружения прямоугольного стационарного алтаря в юго-восточной части Верхнего города Ольвии. Он был сложен из известняковых

плит и бутовых камней на глинистом растворе с примесью песка, ракушки, фрагментов керамики. Размеры алтаря: 1,30-1,48 х 1,09-1,28 м, сохранившаяся высота – до 0,20 м, по одному из углов сделан слив. Вероятно, он использовался для возлияний. Дом крайне разрушен, от него сохранились только фрагментарные остатки кладок, чаще в виде завалов камней, от двух помещений, каменная вымостка и вышеупомянутый алтарь. Алтарь располагался в северном помещении, к востоку от которого раскрыта вымостка, вероятно, двора. Таким образом, вход в помещение домашнего святилища с алтарем осуществлялся прямо со двора. С какими божествами было связано святилище неизвестно, но наличие алтаря для возлияний позволяет предполагать, что оно было связано с хтоническими культами.

Херсонес. Здесь традиционно большое внимание уделяли Гестии как защитнице дома. Примером такого культа может быть открытый очаг в одном из помещений «дома Гордия» конца I в. до н.э. – II в. н.э. [Белов, 1963, с. 55–60]. В Херсонесе чаще, чем в других городах Северного Причерноморья, встречаются дома с каменными алтарями, принадлежавшие богатым гражданам. Среди них особенно выделяется большой двухэтажный «дом винодела» [Белов, 1950, с. 108–111]. Возле входа в подвальный помещении был установлен алтарь в виде каменного блока, высотой 1,05 м с круглым отверстием, диаметром 0,12 м, предназначенным для возлияний. На нем обнаружены остатки красной краски, обычно применявшейся для ритуальных целей. Этот алтарь служил одновременно и для жертвоприношений баранов, гусей и кур. Очевидно, в дни Дионисийских празднеств хозяин дома преподносил «угощение» богу Дионису. Поскольку обряд совершался в подвале, то в нем немаловажное значение имели светильники, постоянно стоявшие на алтаре. Нахождение алтаря в подвале и наличие в нем отверстия, символически соединяющего его с подземным миром, указывают в данном случае на связь с хтоническим Дионисом, воздействующим на плодородие полей и на возрождение жизни после смерти [Русяева, 2005, с. 196].

Вероятно, разрушенным домашним святилищам принадлежали найденные в разных местах Херсонеса скульптурные рельефы II – III вв. н.э. с изображением Диониса и участников его фиаса – сатиров и менад (АСХ, 1976, с. 16-19, №№ 10, 12, 13), а также небольшие известняковые алтари разных типов, найденные при раскопках жилых кварталов. Вследствие сильных разрушений домов не удалось установить, в каком домашнем святилище они стояли (см.: АСХ, 1976, №№ 564–576). К уникальным памятникам II – III вв. н.э. относится невысокий (0,42 м) известняковый алтарь, на фасадной части которого представлены фигуры Гермеса в коротком гиматии с кадуцеем и кошельком и Геракла со шкурой льва и палицей (АСХ, 1976, № 66). Совместное изображение Гермеса и Геракла демонстрирует привязанность к ним одного из херсонеситов, знавшего об их древнейшей связи в ипостаси по-

кровителей агоний, гимнасиев и палестр [Русяева, 2005, с. 198]. Бронзовые статуэтки Гермеса с кошельком и кадуцеем из раскопок разных домов указывают на почитание его херсонеситами в первые века нашей эры [Белов, 1968, с. 23-30]. Отметим также находки разных статуэток Геракла, выступающего в роли защитника (АСХ, 1976, №№ 57–62, 64). В Херсонесе продолжали изготавливать и алтарики в форме палицы Геракла, стоящей на невысокой базе (АСХ, 1976, №№ 75-77). На двух алтариках хорошо сохранились чашевидные углубления для возлияний [Русяева, 2005, с. 199].

При раскопках жилых кварталов Херсонеса были найдены небольшие прямоугольной формы домашние алтари с рельефным изображением змеи или двух змей (АСХ, 1976, №№ 573–575). Большинство из них датируется II в. н.э., змеи обвивают алтарь, а их головы подняты над жертвенной «чашей», находящейся на его верхней плоскости. Такое расположение змеи находит ближайшие аналогии в памятниках, относящихся к культу Асклепия. Следовательно, судя по изображению змеи, в херсонесских домах совершали традиционные обряды в честь Асклепия [Русяева, 2005, с. 199-200]. Кроме алтарей, о домашнем культе богов-целителей Асклепия и Гигии свидетельствуют также их единичные мраморные статуэтки, рельефы и отдельные посвящения [Щеглов, 1960, с. 9-11; Пяташева, 1971, с. 71–77; АСХ, 1976, №№ 82,83; Кадеев, 1996, с. 159].

Небольшое домашнее святилище во II – III вв. н.э., вероятно, располагалось в одном из помещений усадьбы 340 на хоре Херсонеса. Здесь найден небольшой известняковый алтарики трапециевидной формы, размерами: 10,0 x 7,0 x 5,1 см. Он украшен фронтоном, а на лицевой плоскости помещено графическое изображение богини Девы в эдикуле, представляющей небольшой храм. Иконография богини соответствует характерной для I – III вв. н.э., отождествляемой с городской статуей богини – защитницы и хранительницы Херсонесского государства [Ковалевская, Шевченко, 2003, с. 89-91].

Боспор. Помещение домашнего святилища выявлено на поселении второй половины II – III вв. н.э. у с. Ново-Отрадное на берегу Азовского моря. В этом помещении открыто сооружение, представлявшее собой глинобитную площадку размерами: 1,0 x 0,7 м, окруженную поставленными на ребро тонкими камнями. В углу этого сооружения среди золы, углей и пережженных костей было обнаружено перевернутое вверх дном и закрытое крышкой изделие в виде лепного корытца (ковчежика). На нем лежала грубая лепная статуэтка, изображавшая мужскую фигурку с расставленными руками и ногами и ярко выраженными половыми признаками. Здесь же в углу лежала на боку аналогичная по качеству и глине фигурка богини в калафе, сидящей на троне. Высота обеих фигурок – 6,5 см. Данное сочетание фигурок в комплексе с золой связывается с культом плодородия, отправлявшимся в этом помещении. Само сооружение вначале было интерпретировано

как печь [Романовская, 1974, с. 160; Кругликова, 1998, с. 161]. Однако позднее было высказано предположение, что это оригинальный алтарь [Русаева, 2005, с. 197].

Помещение II – III вв. н.э. на городище Артезиан, предположительно домашнее святилище, было сильно разрушено. Здесь были найдены предметы, связанные с почитанием хтонических культов. Это изящный известняковый алтарик, более грубый алтарик округлой формы со следами длительного воздействия огня, обломок еще одного квадратного известнякового миниатюрного алтаря, обожженный глиняный «хлебец», мелкие фрагменты терракотовых статуэток, в том числе богини на троне в высоком головном уборе, части мраморных лутериев, несколько глиняных пирамидальных грузил, целые и фрагментарные лепные рюмковидные светильники – курильницы и керамический массивный фематерий. Возле остатков печи в небольшом лепном горшке находились кости молодого петушка, а по всему помещению выявлены довольно многочисленные фрагменты амфор, простой и краснолаковой посуды [Винокуров, 1998, с. 55, рис. 54-56]. Весь комплекс находок свидетельствует о том, что помещение было домашним святилищем [Масленников, 2007, с. 506].

Ряд объектов, связанных с домашним почитанием богов, открыт на поселениях позднеантичного времени. Это поселения у села Белинское, Зеленый мыс, Генеральское–Восточное, Золотое–Восточное и на мысе Зюк (Зенонов Херсонес). Первое просуществовало приблизительно до середины V в. н.э. [Зубарев, 2000, с. 63-67; 2003, с. 138], все прочие – до последней трети или четверти VI в. н.э. [Масленников, 1998, с. 175-180, 262-267; 2007, с. 509].

На поселении Белинское открыто более десятка объектов, определяемых как сакральные. Практически они встречены в каждом жилом помещении. Прежде всего, это преднамеренные захоронения животных, главным образом, собак. При этом выделяются явные «строительные» жертвы, которые делались под основаниями стен, и, видимо, охранно–бытовые, т.е. связанные уже с бытованием жилых помещений [Масленников, 2007, с. 509]. Пример «строительной» жертвы – это целый скелет собаки, сопровождавшийся лепным горшочком. Охранно–бытовой – неполный скелет собаки, который был обнаружен в ямке, в восточном углу одного из помещений [Зубарев, 2003, с. 139-141; 2005, с. 131-139]. Н.В. Молева отмечает апотропическо–хтонический характер такого рода «строительных» жертв [Молева, 2002, с. 116-123].

Три алтаря, открытые на поселении, относятся к типу прямоугольных ларей, составленных из плит и заполненных грунтом или золой с находками внутри них или рядом. Все они располагаются в помещениях на тщательно вымощенных поверхностях, что предполагает возможность обрядовой практики. Вероятно, эти помещения являются домашними святилищами. В этих ларях или рядом находились преднамеренно перевернутые лепные светильни-

ки, лепные горшки и кувшинчики, накрытые стенками других сосудов и амфор, рюмки–курильницы, реже морская галька. Светильники не имели следов обгорелости и всегда стояли со стороны жилых помещений, курильницы же, напротив, носили следы огня. Рядом с алтарями помещались жертвенники: горизонтально установленные известняковые плиты, части антропоморфных надгробий или крышки пифосов [Зубарев, 2003, с. 140-141; Масленников, 2007, с. 510].

Следующий тип сакральных объектов этого поселения: ямы–фависы (?). Среди заполнения одной из них – 21 votivный тарапан, 3 миниатюрных глиняных алтарика, фрагменты амфор с дипинти. Вероятно, эти артефакты были связаны с отправлением дионисийских обрядов [Зубарев, 2003, с. 141-142; 2005, с. 135-138].

На вышеперечисленных других поселениях следует отметить культовые захоронения животных или их частей, совершенные внутри жилых помещений, что, скорее всего, указывает на их принадлежность к числу домашних жертвенников. Предварительно их можно разделить на три группы. Первая – это захоронения животных в специальных нишах, которые делались у основания стен и закладывались плоскими камнями. Вторая группа – каменные лари с золой, морскими раковинами, с несколькими костями собак или поросенка, или осетровых рыб, а также светильником, горшочком или кувшинчиком, иногда глиняным грузилом и монетой. Третья группа – захоронения частей животных в небольших ямах и помещение туда сосудов [Масленников, 2007, с. 511-515].

При этом всем жертвенникам присущи некоторые общие черты. Они в основном располагались в углах помещений. В большинстве случаев в них находились не целые скелеты, а черепа и отдельные кости, причем молодых особей, которые были уложены на подсыпки из раковин морского гребешка и вместе с сопутствующим керамическим набором перекрыты слоем золы и глины. Этот набор часто состоял из открытых и закрытых сосудиков votivного назначения и светильников, а также часто светильников–курильниц. В основном это лепные изделия, за некоторым исключением – необгорелые. Встречаются боспорские монеты, амфорные обломки. Кости принадлежали собакам, поросятам, мелкому и крупному (редко) рогатому скоту и осетровым рыбам, а также птицам (вероятно, курам) [Масленников, 2007, с. 516].

Известны такого рода объекты и по раскопкам боспорских городов. Так, в Тиритаке еще В.Ф. Гайдукевичем было обнаружено захоронение костей поросенка, козленка и осетровой рыбы в нише стены так называемого дома рыбака (не ранее IV в. н.э.). Каменные лари с золой, располагавшиеся по углам или у стен помещений, хорошо известны по раскопкам ряда сельских поселений Боспора, причем не только позднеантичного времени. Итак, можно предположить, что вышеперечисленные домашние жертвенники

позднеантичного времени имели отношение к синкретическому, но античному в своей основе, культу Верховного женского божества плодородия и домашнего очага. Одновременно их можно рассматривать и как еще одно указание на заметную роль позднескифского этноса и культуры у населения хоры Европейского Боспора во второй половине III – IV вв. н.э. [Масленников, 2007, с. 516-522].

Этими данными в основном исчерпывается информация о домашних святилищах и жертвенниках в Северном Причерноморье от VI в. до н.э. по IV – V вв. н.э. включительно. При всей их ограниченности в целом можно констатировать, что домашние святилища и жертвенники в большей или меньшей степени выявлены во всех основных центрах Северного Причерноморья, а также на поселениях их хоры. Они отличаются многообразием типов и в основном связаны с почитанием земледельческих культов. Следует отметить, что обычно они сильно разрушены, и в связи с этим их бывает сложно выделить. Тем не менее, домашнее почитание божеств и связанные с этим культовые действия являлись неотъемлемой частью повседневной жизни населения античных памятников Северного Причерноморья на протяжении всего периода их существования.

ЛИТЕРАТУРА

- Античная скульптура Херсонеса. Каталог. – Киев, 1976.
- Бабинов Ю.А. Эллинистические домашние алтари // Херсонес Таврический. Ремесло и культура. – Киев, 1974. – С. 19-25.
- Белецкий А.А. Греческие надписи Ольвии из раскопок 1950 – 1967 гг., хранящиеся в Киеве // Ольвия. – Киев, 1975. – С. 92 – 117.
- Белов Г.Д. Античный дом в Херсонесе // ВДИ. – 1950. – № 2. – С. 108–121.
- Белов Г.Д. Эллинистический дом в Херсонесе // Труды Государственного Эрмитажа. – 1962. – № 7. – С. 144-160.
- Белов Г.Д. Раскопки Херсонеса в 1961 году // Сообщения Херсонесского музея. -1963. – № 3. – С. 45 – 54.
- Белов Г.Д. Бронзовые статуэтки из Херсонеса // Античная история и культура Средиземноморья и Причерноморья. – Ленинград, 1968. – С. 23-30.
- Белов Г.Д. Терракоты из Херсонеса // САИ. – Г 1-11. – Часть II. - Москва, 1970. – С. 70-77.
- Белов Г.Д., Стржелецкий С.Ф., Якобсон А.Л. Квартал XVIII // МИА. – 1953. – № 34. – С. 160-236.
- Бураков А.В. Козырское городище рубежа и первых столетий нашей эры. – Киев, 1976.
- Вахтина М.Ю. Материалы домашнего святилища из усадьбы близ Порфмия // Боспорский феномен. Погребальные памятники и святилища. - Санкт – Петербург, 2002. - С. 94 – 98.
- Виноградов Ю.Г. Декрет в честь Антестерия и кризис Ольвийского полиса в эпоху эллинизма // ВДИ. – 1984. - № 1. – С. 51-80.
- Винокуров Н.И. Археологические памятники урочища Артезиан в Крымском Приазовье. – Москва, 1998.
- Гайдукевич В.Ф. Ракопки Тиритаки в 1935 – 1940 гг. // МИА. – 1952. - № 25. – С. 77 -86.
- Грицик Е.В. Эллинистический дом с алтарем из Мирмекия // Боспор Киммерийский и варварский мир в период античности и средневековья. Святилища и сакральные объекты. Материалы VIII Боспорских чтений. – Керчь, 2007. – С. 126-133.

- Зайцева К.И.* Свинцовые изделия 4-2 вв. до н.э. местного производства Ольвии // Эллинистические штудии в Эрмитаже. - Санкт-Петербург, 2004.- С. 121-146.
- Зайцева К.И.* Свинцовые изделия в виде головок быков, баранов и секир из Ольвии // Боспорские исследования. – 2004. - VII. - Симферополь - Керчь. - С. 356-390.
- Зинько В.Н.* Культово-сакральные объекты «EXTRA URBAN» европейского побережья Боспора Киммерийского VI-I вв. до н.э. //Боспорский феномен. – Ч.1. – СПб, 2007. – С.79-83.
- Зинько В.Н.* Сельские святилища Нимфейского полиса //БИ. – Вып.XIX. – Симферополь-Керчь, 2008. – С.3-12.
- Зинько В.Н.* Сакральные памятники VI-I вв. до н.э. европейского побережья Боспора Киммерийского //ДБ. – Вып.12/I. – М., 2008 а. – С. 250-257.
- Зинько В.Н.* Исследования Тиритаки и хоры Нимфея //ΣΥΜΒΟΛ. Античный мир Северного Причерноморья. Новейшие находки и открытия.- М., 2010. – С.74-77.
- Золотарев М.И.* Эллинистическое домашнее святилище в Херсонесе // Материалы в эпоху эллинизма. Материалы III Всесоюзного симпозиума по древней истории Причерноморья, Цхалтубо – 1982. – Тбилиси, 1985. – С. 266-276.
- Золотарев М.И.* О культе божественной триады в эллинистическом Херсонесе // Боговете на Понта. – Варна, 1998. –С. 63-69.
- Зубарев В.Г.* Античное поселение у села «Белинское» (предварительные итоги раскопок 1996-1999 годов) // Древности Боспора. – 2000. – № 3. – С. 63-77.
- Зубарев В.Г.* Некоторые особенности сакральной жизни населения сельских территорий Европейского Боспора в первых веках н.э. (по материалам городища «Белинское») // Древности Боспора. – 2003. – № 6. – С. 138-151.
- Зубарев В.Г.* Культовые комплексы сельской территории позднеантичного Боспора (на примере городища «Белинское») // Гуманитарная наука в центральном регионе России: состояние, проблемы, перспективы развития. Материалы VII региональной научно-практической конференции. – Т. I. – Тула, 2005. - С. 131-139.
- Кадеев В.И.* Херсонес Таврический. Быт и культура (I – III вв.н.э.). – Харьков, 1996.
- Ковалевская Л.А., Шевченко А.В.* Алтарик с изображением Девы с хоры Херсонеса // Херсонесский сборник. – 2003. – XII. – С. 89-91.
- Костромичева Т.И., Шевченко А.В.* Домашнее святилище на Страбоновом Херсонесе // Херсонесский сборник. – 1996. - Вып. 7. - С. 159 – 163.
- Крапивина В.В.* Ольвия. Материальная культура I-IV вв. н.э. – Киев, 1993.
- Крапивина В.В.* Вотивная свинцовая пластина из Ольвии с Гераклом и Никой // Боспорский феномен: сакральный смысл региона, памятников, находок. – Санкт-Петербург, 2007. – С. 127-132.
- Крапивина В.В.* Домашние святилища конца 2-первой трети 3 вв. н.э. в Ольвии и Тире // Этнические, демографические и духовные взаимоотношения Северного и Западного Причерноморья в античную эпоху, византийский период и средневековье. 11 Заседание Совместной Комиссии по исследованию в области истории, археологии, этнографии и фольклора НАН Украины и Румынской АН (22-27 сентября 2008 г., Симферополь). Тезисы.– Симферополь, 2008. – С. 26-30.
- Крапивина В.В.* Два домашних святилища римского времени в Ольвии и Тире // Древнее Причерноморье. – Выпуск IX. – Одесса, 2011. – С. 220-226.
- Кругликова И.Т.* Поселение у деревни Ново-Отрадное // Древности Боспора. - 1998. - № 1. – С. 143-165.
- Крыжицкий С.Д.* Жилые ансамбли древней Ольвии IV-II вв. до н.э. - Киев, 1971.
- Крыжицкий С.Д.* Архитектура античных государств Северного Причерноморья. - Киев, 1993.
- Кутайсов В.А.* Античный город Керкинитида. – Киев, 1990.
- Леви Е.И.* Терракоты из Ольвии // САИ. – Г 1-11. – Часть I. – Москва, 1970. - С. 33-58.

- Лейтунська Н.О. Нижнє місто Ольвії (основні етапи розвитку) // Археологія. – 2001. - № 4. – С. 59-68.
- Лейтунская Н.А. Еще раз об одном из святилищ Ольвии // Боспор Киммерийский и варварский мир в период античности и средневековья. Святилища и сакральные объекты. Материалы VIII Боспорских чтений. – Керчь, 2007. – С. 204-207.
- Мак-Коркодейл Ч. Убранство жилого интерьера от античности до наших дней. - Москва, 1990.
- Масленников А.А. Эллинская хора на краю Ойкумены. Сельская территория Европейского Боспора в античную эпоху. – Москва, 1998.
- Масленников А.А. Сельские святилища европейского Боспора. - Москва, 2007.
- Молева Н.В. Очерки сакральной жизни Боспора. – Нижний Новгород, 2002.
- Надписи Ольвии (1917 – 1965). – Ленинград, 1968 (под. ред. Книпович Т.Н. и Леви Е.И.).
- Пругло В.И. Терракоты из Тиритаки // САИ. – Г 1-11. – Часть II. - Москва, 1970. – С. 94-100.
- Пятышева Н.В. Мраморная статуэтка Гигиены из Херсонеса (К вопросу о культе богов-врачевателей в Северном Причерноморье) // ВДИ. – 1971. – № 2. – С. 71 – 77.
- Романовская М.А. Две терракоты из Ново-Отрадного // СА. – 1974. – № 1. – С. 160-164.
- Русяева А.С. Культ Кори-Персефони в Ольвії // Археологія.- 1971. – № 4. – С. 28-40.
- Русяева А.С. Земледельческие культы в Ольвии догетского времени. – Киев, 1979.
- Русяева А.С. Исследования Западного теменоса в Ольвии // ВДИ. – 1991. - № 4. – С. 123-138.
- Русяева А.С. Культура, побут і релігія архаїчного періоду // Давня історія України. – Київ, 1998. - Т. 2. – С. 234-238.
- Русяева А.С. Домашні святилища і культи в античних містах Північного Причорномор'я VI – II ст. до н. е. // Археологія. – 2001. - № 2. – С. 41-51.
- Русяева А.С. Религия понтийских эллинов в античную эпоху. Мифы. Святилища. Культы олимпийских богов и героев. – Киев, 2005.
- Рыбакова А.А. Культ богомладенца в частной и общественной жизни древних греков. Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата исторических наук. – Нижний Новгород, 2005.
- Самойлова Т.Л. Тира в VI – I вв. до н. э. – Киев, 1988.
- Самойлова Т.Л. К вопросу о культовых сооружениях Тиры // Боспорский феномен. Погребальные памятники и святилища. - Санкт – Петербург, 2002. - С. 14-18.
- Самойлова Т.Л. К вопросу о времени основания и гибели античной Тиры // Боспорский феномен: проблемы хронологии и датировки памятников. Материалы международной конференции.– Санкт-Петербург, 2004. – С. 108-115.
- Сапрыкин С.Ю. О культе Геракла в Херсонесе и Геракле в эпоху эллинизма // СА. – 1978. - № 1. – С. 38 – 52.
- Сапрыкин С.Ю. Культ Деметры в Боспорском царстве в VI – IV вв. до н.э. (К вопросу о содержании обрядов земледельческих богинь на Боспоре) // Из истории античного общества. – Горький, 1983.
- Славин Л.М. Кварталы в районе Ольвийской агоры // Ольвия. – Киев, 1975. – С. 5-50.
- Сон Н.А. Тира римского времени. – Киев, 1993.
- Сокольский Н.И. Таманский толос и резиденция Хрисалиска. – Москва, 1976.
- Столба В.Ф. Новое посвящение из Северо-Западного Крыма и аспекты культа Геракла в Херсонесском государстве // ВДИ. – 1989. - № 4. – С. 55 – 70.
- Фармаковский Б.В. Раскопки в Ольвии // ОАК за 1909-1910 гг.- Санкт-Петербург, 1913. – С. 1-105.
- Фурманская А.І. Розкопки Тіри в 1958 р.// Археологічні пам'ятки УРСР.- 1962.- Т.11. – С.131-133.
- Щеглов А.Н. Скульптурные изображения Асклепия // Сборник Херсонесского музея. – 1960. – № 1. – С. 9 -15.
- Щеглов А.Н. Греческие домашние святилища (по материалам раскопок на территории Херсонесского государства) // Святилища: археология ритуала и вопросы семантики. Материалы тематической научной конференции. - Санкт – Петербург, 2000. - С. 74 – 77.

- Comstock M.B., Vermeule C.C.* Sculpture in Stone. The Greek, Roman and Etruscan Collections of the Museum of Fine Arts, Boston. – Boston, 1976.
- Etienne R.* Espace sacrificiels et autels Deliens // L'Espace Sacrificiel dans les Civilisations Meditterraneennes de l'antiquite. — Paris, 1991 (Eds. P. Etienne et M-Th. Le Dinahet). – P. 75-84.
- Finoguenova S.* Les petits autels en terre cuite au Nord de la Mer Noire // L'Espace Sacrificiel dans les Civilisations Meditterraneennes de l'antiquite. — Paris, 1991 (Eds. P. Etienne et M-Th. Le Dinahet). – P. 131-136.
- Krapivina V.V.* Despre sanctuarele casnice de la Nordul Marii Negre // Interacademica. II-III. – Bucuresti, 2001. - P. 103-108.
- Krapivina V.V.* Home Sanctuaries in the Northern Black Sea Littoral // Ancient Sacral Monuments in the Black Sea (Ed. by E. Petropoulos and A. Maslennikov). – Thessaloniki, 2010. – P.127-147, 155-164.
- Leipunskaia N.O.* Excavations in the Lower City of Olbia. 1985–1992 // Echos du monde classique. Classical Views. – 1995. – XXXIX. – N.S. 14. - 1. – P. 23-44.
- Latyshchev B.* Inscriptions Antiques Orae Septentrionalis Ponti Euxini, Graecae et Latinae, P, Petropolis, 1916.
- Lexicon iconographicum mythologiae Graecae.* - II. - Munchen, 1984.
- Richter G.M.A.* Catalogue of Greek Sculpture. – Cambridge, 1954.
- Yavis Ph. D.* Greek Altars. Origin and Typology. – Saint-Louis, 1949.

В.В. Крапівина

ДОМАШНІ СВАТИЛИЩА АНТИЧНИХ ПАМ'ЯТОК ПІВНІЧНОГО ПРИЧОРНОМОР'Я

Резюме

Домашнє вшанування божеств та пов'язаних з цим культових дій було невід'ємною частиною повсякденного життя населення античних пам'яток Північного Причорномор'я протягом всього періоду їх існування. За тисячолітню історію в духовній культурі античного населення тут відбувалися зміни, як сходині з загальноєллінськими, так і пов'язані з локальними особливостями регіону.

При розкопках античних пам'яток Північного Причорномор'я в ряді приміщень зустрічались теракоти, головним чином, божеств плодороддя, присвячені їм посудини, жертівники, різні вотивні предмети. Їх пов'язують з домашніми святилищами. Святилище в більшості приміщень, особливо малих розмірів, могло займати тільки певне місце, де були розміщені маленький вівтарик та відповідні сакральні предмети. Крім того, з культовими діями могла бути пов'язана і частина двору будинку, особливо якщо там розміщувався вівтар. Вівтарі були як переносними, так і стаціонарними, з мармуру, вапняку, гальки або глини. Священним місцем будинку вважалося вогнище, котре повністю асоціювалося з богинею Гестією та розглядалося як її вівтар, де нерідко разом з нею вшановували і інших богинь та богів. Скрині, ями, ніші з вочевидь культовими речами скоріше слід визначати як жертівники.

В цілому домашні святилища IV – II ст. до н.е. найбільш багаточисельні та презентабельні у Північному Причорномор'ї. В окремих будинках їх могло бути навіть кілька. При цьому маються на увазі археологічно виокремленні спеціальні приміщення, частини приміщень або дворів, призначених для вшанування відповідних культів. В статті вони розглядаються за основними античними центрами Північного Причорномор'я з заходу на схід, спочатку для IV – I ст. до н.е., потім для I – V ст. н.е.

ДОМАШНИЕ СВЯТИЛИЩА АНТИЧНЫХ ПАМЯТНИКОВ СЕВЕРНОГО ПРИЧЕРНОМОРЬЯ

Резюме

Домашнее почитание божеств и связанные с этим культовые действия являлись неотъемлемой частью повседневной жизни населения античных памятников Северного Причерноморья на протяжении всего периода их существования. В течение тысячелетней истории в духовной культуре античного населения здесь происходили изменения, как сходные с общеэллинскими, так и связанные с локальными особенностями региона.

При раскопках античных памятников Северного Причерноморья в ряде помещений встречались терракоты, главным образом, божеств плодородия, посвященные им сосуды, жертвенники, различные votive предметы. Их связывают с домашними святилищами. Святилище в большинстве помещений, особенно малых размеров, могло занимать только определенное место, где были размещены маленький алтарь и соответствующие сакральные предметы. Кроме того, с культовыми действиями могла быть связана и часть двора дома, особенно если там располагался алтарь. Алтари были как переносными, так и стационарными, из мрамора, известняка, гальки или глины. Священным местом дома считался очаг, который полностью ассоциировался с богиней Гестией и рассматривался как ее алтарь, где нередко вместе с ней почитали и других богинь и богов. Лари, ямы, ниши с явно культовыми предметами скорее следует определять как жертвенники.

В целом домашние святилища IV – II вв. до н.э. наиболее многочисленны и презентабельны в Северном Причерноморье. В отдельных домах их могло быть даже несколько. При этом имеются в виду археологически выделяемые специальные помещения, части помещений или дворов, предназначенные для почитания определенных культов. В статье они рассматриваются по основным античным центрам Северного Причерноморья с запада на восток, вначале для IV – I вв. до н.э., затем для I – V вв. н.э.

V.V. Krapivina

HOME SANCTUARIES IN THE NORTHERN BLACK SEA LITTORAL

Summary

Home worship of gods and cult actions associated with it were an integral part of daily life of the population in ancient sites of the northern Black Sea littoral during the whole period of their existence. For thousands of years of history there were changes in the spiritual culture of ancient people as similar to the Hellenic society, and related to local features of the region.

During the excavation of ancient monuments of the northern Black Sea littoral there were terracotta figurines, mainly connected with the cult of fertility, vessels with devotions to the, altars, different votive objects found in a number of premises. They are connected with home sanctuaries. In the majority of rooms, particularly in the premise of small size, a sanctuary could

occupy only a certain place, where a small altar and appropriate sacred objects had been placed. In addition, a part of the yard at home, especially if the altar was located there, could be associated with cult actions. Altars were both portable and stationary, made of marble, limestone, pebble stone or clay. It was believed that the hearth was a sacred place at home. It was fully associated with the goddess Hestia and was regarded as the altar, where quite often other gods and goddesses were honored together with her. Chests, pits, niches with obvious cult objects should probably be defined as the altars.

In general, home sanctuaries of the IVth–IInd cc. BC are the most numerous and presentable in the northern Black Sea littoral. There could be even more home sanctuaries in some houses. In this case, archaeologically allocated special premises, parts of houses or yards intended for worship of certain cults are meant. In this article, they are viewed according to the main ancient centres of the northern Black Sea littoral from west to east, first for the IVth–Ist c. BC, and then – for the Ist–Vth cc. AD.

Рис. 1. Ольвия. Мраморная статуя Артемиды из дома Е-10 (Музей археологии Института археологии НАН Украины).

Рис. 2. Ольвия. Декрет в честь Антестерия (Научные фонды Института археологии НАН Украины).

Рис. 3. Ольвия. Ниши в домашнем святилище в доме Е-5.

Рис. 4. Ольвия. Помещение с мозаичным полом и алтарем во дворе дома НГФ-2.

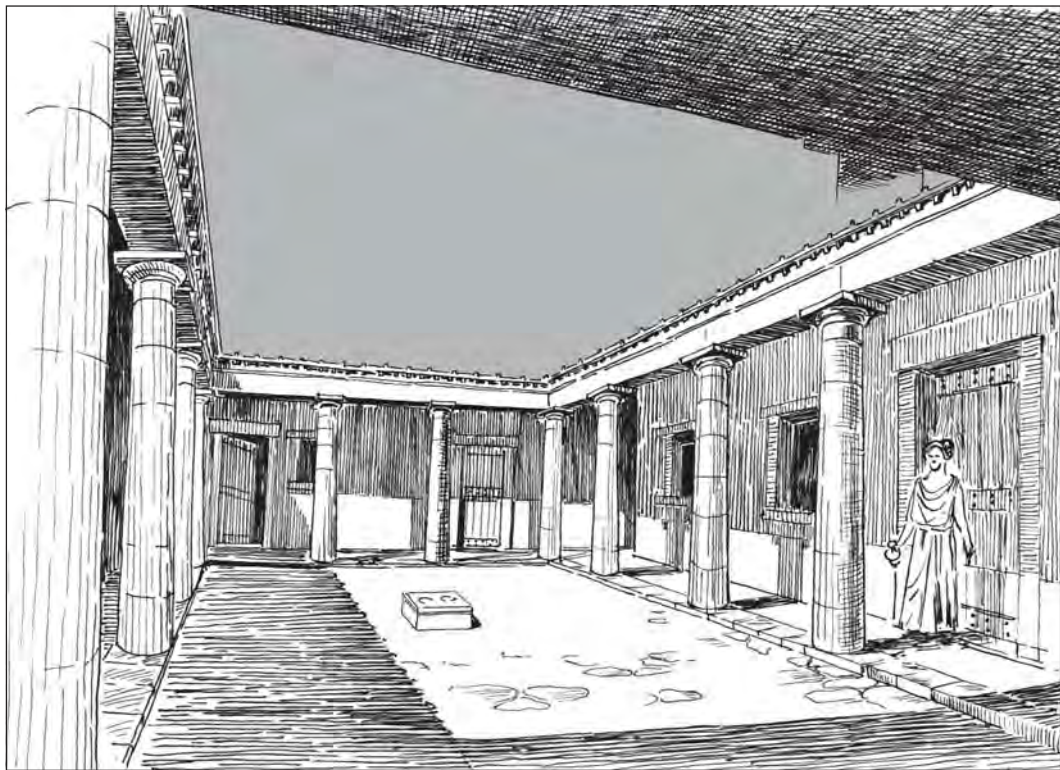

Рис. 5. Ольвия. Реконструкция двора дома НГФ-2 (по С.Д. Крыжицкому).

Рис. 6. Ольвия. Алтарь во дворе дома НГС-1.

Рис. 7. Ольвия. Алтарь в помещении дома на участке НГС.

Рис. 8. Ольвия. Терракотовая статуэтка Кору-Персефоны. III в. до н.э. (Музей археологии Института археологии НАН Украины).

Рис. 9. Ольвия. Вотивная свинцовая пластина с Никой и Гераклом. IV в. до н.э. (Музей археологии Института археологии НАН Украины).

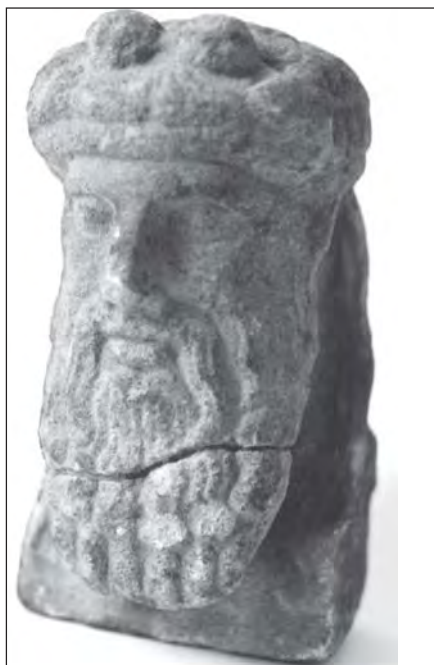

Рис. 10. Тира. Мраморная герма с головой Диониса из домашнего святилища II – III вв. н.э. (Музей археологии Института археологии НАН Украины).

Рис. 11. Тира. Мраморный рельеф с изображением воина в варварской одежде из домашнего святилища II – III вв. н.э. (Музей археологии Института археологии НАН Украины).

Рис. 12. Тира. Вотивный кубок с дипинти из домашнего святилища II – III вв. н.э. (Научные фонды Института археологии НАН Украины).

Рис. 13. Ольвия. Помещение домашнего святилища II – III вв. н.э.

Рис. 14. Ольвия. Следы пожара в домашнем святилище II – III вв. н.э.

Рис. 15. Ольвия. Небольшой мраморный постамент для статуэтки Матери богов (Кибелы) из домашнего святилища II – III вв. н.э. и статуэтка Матери богов (Кибелы) III в. до н.э., найденная на Западном теменосе. Инсталляция.

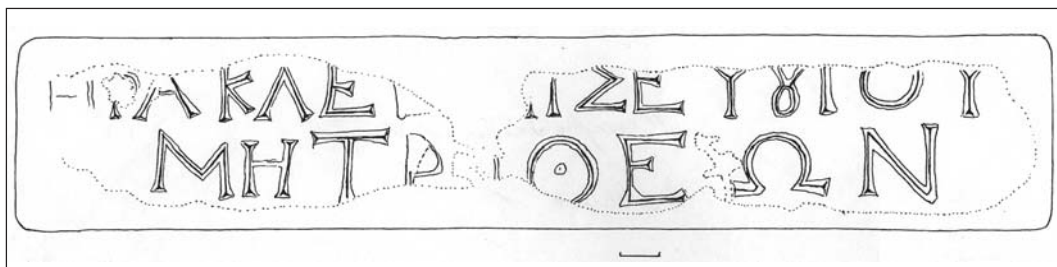

Рис. 16. Ольвия. Надпись на постаменте для статуэтки Матери богов (Кибелы) из домашнего святилища II – III вв. н.э. (рисунок Т.А. Зиновьевой). (Музей археологии Института археологии НАН Украины).

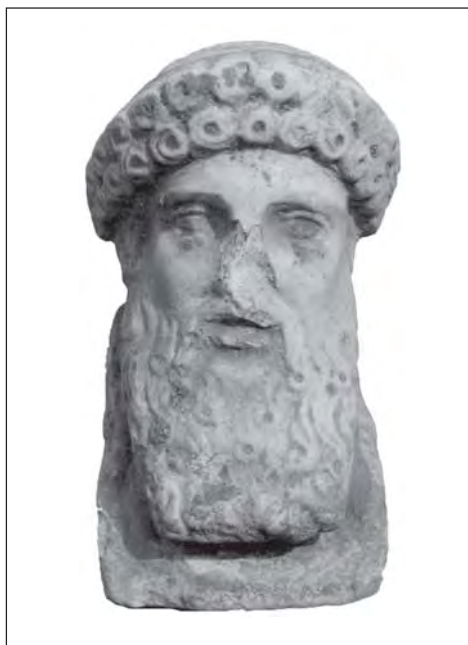

Рис. 17. Ольвия. Мраморная герма с головой Гермеса из домашнего святилища II – III вв. н.э. (Музей археологии Института археологии НАН Украины).

Рис. 18. Ольвия. Мраморная голова статуи Афродиты из домашнего святилища II – III вв. н.э. (Музей археологии Института археологии НАН Украины).

Рис. 19. Ольвия. Погребение младенца в яме во дворе дома конца I – III вв. н.э.

Е.Е. ФИАЛКО

СКИФСКИЙ КУРГАН С АНТИЧНЫМИ ИМПОРТАМИ У с. ЗЕЛЕНОЕ

Со второй половины VII в. до н.э. в Северном Причерноморье постепенно складывается своеобразная историческая ситуация – этот регион становится контактной зоной трех миров. Начинается тесное взаимодействие местного оседлого земледельческого населения, обитателей эллинских колоний и кочевых ирано-язычных племен. Естественно, что этот процесс не мог не отразиться на культуре скифов (как, впрочем, и остальных этносов региона), остававшейся, тем не менее, в основе кочевой на протяжении всех периодов своего развития.

На ранних этапах культура скифов-воинов была достаточно замкнутой и самобытной, вбирая инокультурные элементы лишь по мере необходимости – речь могла идти о более передовом вооружении или более рациональных в условиях подвижного образа жизни бытовых предметах. В качестве свидетельства верности скифов своим традициям обычно приводятся эпизоды, связанные с гибелью Анахарсиса и Скила, описанные Геродотом. Оба эти персонажа, принявшие участие в эллинских обрядах и посвящениях, были безжалостно убиты родственниками [Herod., IV, 76, 78-80], несмотря на их высокое происхождение. Со временем кочевая среда становится более открытой и восприимчивой к проникновению различного рода новшеств. Наиболее отчетливо это проявилось в материальной культуре кочевников в период расцвета Скифии, и особенно во второй половине IV в. до н.э.

Первоначально в предельно скромном материальном комплексе номадов использовались вещи, максимально подчиненные кочевому быту – предметы наиболее необходимые и в то же время удобные и прочные (к примеру, деревянная посуда, бронзовые котлы, железные кухонные приборы). С IV в. до н.э. положение меняется. На смену многим привычным для скифов вещам приходят заимствованные у соседей предметы, в которых проявляется явное тяготение скифской аристократии к роскоши и излишествам. Так, например, деревянные чаши, служившие знаками отличия особо проявивших себя в бою воинов, постепенно вытесняются античными серебряными киликами – изделиями изящными, но хрупкими. В обиходе появляется импортная винная тара. Количество амфор стремительно возрастает во второй половине столетия.

Об этом свидетельствуют следы поминальных тризн в виде разбитых сосудов после «проводов» покойников в потусторонний мир и заупокойное питье в виде склада амфор с вином в могилах аристократов. Иногда в могиле стоит до десятка однотипных амфор из одной партии, иногда набор сосудов, явно поступивших из разных центров и в разное время, т.е. собиравшихся постепенно. Вместе с амфорами в быт скифских аристократов проникают и удобные бронзовые киафы с изящно изогнутыми ручками с фигурными окончаниями.

В большом количестве в это время появляется у скифов чернолаковая и краснофигурная посуда греческого производства (особенно в зонах пограничья двух миров). Преимущественно это небольшие сосуды для питья – скифосы, килики, канфары. Встречаются также небольшие сосуды туалетного назначения (лекифы, пиксиды, алабастры) и крупные вазы – ойнохои, амфоры, кратеры и др. В могилах представителей социальной верхушки стоят уже целые сервизы краснофигурных чаш на несколько персон. Кратеры предназначались в греческом обиходе для смешивания вина с водой, чего не делали скифы (что как будто подтверждает термин «подскифить»). Следовательно, номады приспособливали античные импорты к своим нуждам, не вникая в первоначальный смысл и назначение позаимствованной вещи [Филалко, 2004]. Иллюстрацией такого рационального подхода к использованию инокультурных вещей является употребление скифами кратерисков, служивших у греков кубками-призами за спортивные достижения или своеобразными посвящениями [Sharon Herbert, 1977, с. 34]. В качестве косвенного подтверждения можно привлечь и золотую пектораль из Толстой Могилы. Один из персонажей верхнего ее фриза держит амфору [Мозолевский, 1979, рис. 76]. Судя по тому, что в композиционном ряду ему соответствует юноша, доящий овцу, амфора и в этом случае используется для молока.

Помимо бронзовых зеркал, ставших фактически обычными («своими») составляющими утвари скифянок, в их быту появляются вместительные деревянные ларчики с накладным костяным декором для хранения дамских туалетных принадлежностей, украшений и прочих мелких вещей; деревянные пиксиды и бальзамарии из различных материалов, металлические и костяные туалетные лопаточки и ложечки, предназначенные для косметики.

В это же время в обиход кочевников приходит тонкая античная металлическая посуда, наборы которой отмечены в Чмыревой и Гаймановой Могилах, Чертомлыкском, Бердянском, Рыжановском и других курганах. Скифские аристократки начинают отдавать явное предпочтение золотым украшениям роскошного стиля – серьгам и сложным многоярусным шейным ожерельям. Причем если в конце V - начале IV вв. до н.э. импортные вещи были привилегией лишь кочевой элиты, то с середины столетия находки античных вещей становятся обычными и для погребальных памятников представителей среднего уровня скифского общества.

Говоря о взаимовлиянии культур, уместно вспомнить один из скифских курганов, содержащий уникальное по нескольким параметрам захоронение¹. Речь идет о **кургане 2 у с. Зеленое** Верхнерогаичковского р-на Херсонской обл., раскопанном в 1983 г. сотрудниками Краснознаменной новостроечной экспедиции Института археологии АН УССР под руководством Г.Л. Евдокимова [Евдокимов, 1985, с. 274-275]. Этот курган входил в группу из 16 насыпей, располагавшихся на территории степной Скифии, на левобережье Днепра. Из девяти раскопанных в группе курганов восемь датируются скифским временем [Фиалко, 2010].

Курган 2 – небольших размеров (высота 1 м, диаметр 40 м) (рис. 1), представлял собой единовременное сооружение. Под его насыпью открыт кольцевой ров (диаметром 37,0 м, шириной 1,0 м, глубиной 1,0 м), в заполнении которого обнаружены единичные камни сползшей креpidы² и остатки тризны, кости животных и фрагменты амфор. Кроме того, в кургане открыто три скифских могилы – центральная с парным захоронением и две сопровождающие с сопутствующими захоронениями особ, составлявших загробный эскорт.

Погребение 1 (рис. 2, 1) находилось в 12,8 м к югу от центра кургана. Совершено в яме с подбоем. Овальная в плане *входная яма* размерами 1,96 x 0,58 м ориентирована по линии запад – восток, дно на глубине 2,3 м. В северной стенке входной ямы устроен вход в погребальную камеру. *Погребальная камера* овальная в плане, размерами 2,1 x 0,8 м, расположена параллельно входной яме, дно на глубине 2,38 м.

Женщина (21-35 лет)³ лежала вытянуто на спине головой на запад. У левой руки ее находился железный нож (1) и рядом – бронзовые наконечники стрел (2).

Описание находок:

1. Нож железный с костяной ручкой (рис. 2, 2).

Лезвие с горбатой спинкой, треугольное в сечении, закреплено в двусоставной овальной в сечении ручке пятью железными заклепками. Длина ножа 20,0 см, рукояти - 11,8 см, ширина рукояти - 1,5 см, ширина лезвия – 2,2 см.

2. Наконечники стрел бронзовые – 5 экз. (рис. 2, 3)

Все трехгранные двух видов:

- с выступающей втулкой, П-образным ложком с тремя горизонтальными рельефными поясками, длина – 2,9-3,2 см – 3 экз.; длина - 2,5 см – 1 экз.;
- с утопленной втулкой и коротким едва намеченным П-образным ложком, длина 2,5 см – 1 экз.

¹ Для полноты картины приводится описание всего погребального комплекса.

² Специфической чертой этого региона является тотальное уничтожение каменных креpid курганов местным населением в период XIX-XX вв. Рваный камень, «добытый» в курганах, использовался для строительных работ.

³ Антропологические определения сотрудницы ИА НАНУ к.и.н. Потехиной И.Д.

Погребение 2 (рис. 2, 4) расположено в 5,8 м к северу от центра кургана. Совершено в яме с подбоем. Овальная в плане *входная яма* размерами 1,8 х 0,8 м ориентирована по линии запад – восток, дно на глубине 2,6 м.

Погребальная камера овальная в плане, размерами 1,7 х 0,8 м, примыкала к южной стенке входной ямы и параллельна ей. Дно на глубине 2,86 м.

Погребение ограблено через входную яму. В заполнении обнаружены лишь отдельные кости детского скелета.

Погребение 3 (основное) (рис. 3) находилось в 4,0 м к юго-востоку от центра насыпи. Совершено в катакомбе с двумя погребальными камерами.

Круглая в плане *входная яма* диаметром 1,1 м расширялась ко дну, достигая здесь диаметра 1,6 м, дно ямы на глубине 4,08 м. На стенке сохранились следы тесловидного орудия с шириной рабочей части 4,0 см.

В восточной стенке входной ямы сделан вход в дромос, идущий в юго-восточном направлении. Вход арочной формы высотой 0,95 м, шириной 1,0 м. Перед входом в полу сделано прямоугольное углубление длиной 0,9 м, шириной 0,15 м, глубиной 0,1 м для упора деревянного заслона. *Дромос* длиной 1,75 м и шириной 1,4 м, высотой у входа 0,95 м, у противоположной торцевой стенки - 0,4 м. Дно его на глубине 4,2 м, т.е. на 0,1 м ниже дна входной ямы. У торцевой стенки дромоса стоял бронзовый котел (1) с остатками напутственной пищи – частью туши барана. К югу и северу от дромоса располагались две погребальные камеры.

Южная камера № 1 предназначалась для мужчины. Погребальная камера трапецевидная в плане, размерами сторон оснований - 1,8 и 2,4 м и длиной боковых - 1,9 и 2,0 м, ориентирована по линии юго-запад – северо-восток. Пол на глубине 4,3 м. Высота свода камеры у входа 0,95 м, у задней стенки 0,4 м. На стенках и потолке этого помещения сохранились следы тесловидного орудия с шириной рабочего края 4,0 см.

Мужчина (35-55 лет) лежал посредине камеры вытянуто на спине, головой на юго-запад, на полосатом матрасе, набитом травой. Матрас⁴ прямоугольной формы размерами 1,9 х 1,3 м и толщиной 0,1 м из ткани с полосками (шириной 1,0 см) голубого и темно-синего цветов на белом фоне, которые чередовались через 10 см. Голова погребенного лежала на подушке из ткани красного цвета, размерами 0,5 х 0,3 м, набитой травой. Матрас положили на расстеленный на полу железный панцирь (2). Слева у головы выявлен кожаный мешочек с травянистым содержанием, стянутый в верхней части шнурком. У юго-восточной стенки размещены кожаные набедренники с железным пластинчатым набором (2) и копы (3), на которых стояло деревянное блюдо (4) с частью туши коровы, железным ножом (5), деревянной

⁴ В дневнике М.И. Фридмана (с. 23) речь идет о подстилке, в тексте отчета [Евдокимов и др., 1984] приведено описание цветного матраса.

чашей с остатками пищи (6) и небольшой деревянной чашечкой (7). У левой руки стоял деревянный табурет (8), на который положили колчаный набор (9) с ножом (10) и пучок стрел (11) в кожаном футляре. В западном углу камеры лежал еще один колчаный набор (12). На левой стороне грудной клетки лежал камень для пращи (13), на костях таза сохранились остатки кожаного пояса, рядом – фрагмент плетеной веревки. У правой руки лежал на боку красноглиняный лекиф (14) и перевернутый вверх дном чернолаковый килик (15). В северо-восточном углу камеры выявлены железные втоки копий (16).

Северная камера № 2 предназначалась для женщины. Погребальная камера овальная в плане, размерами 2,75 x 2,0 м, ориентирована по линии запад – восток с небольшим отклонением. Высота свода у входа в камеру 0,95 м, у задней стенки - 0,4 м. Пол на глубине 4,3 м, т.е. на одном уровне с полом камеры № 1. На стенках сохранились следы тесловидного орудия. У входа в камеру на деревянном блюде (17) лежали кости от жертвенного мяса и нож (18), рядом - каменная зернотерка (19), на ней - деревянный растиральный (20) и чернолаковый килик (21).

Женщина (21-35 лет) лежала посредине камеры вытянуто на спине, головой на северо-запад, на таком же, как в камере № 1, полосатом матрасе, размерами 2,1 x 1,25 м, толщиной 0,1 м, набитом травой. Ее голова покоилась на подушке из ткани красного цвета, размерами 0,7 x 0,5 м, набитой травой. На черепе погребенной зафиксированы следы головного убора из ткани красного цвета⁵. На шее женщины одето ожерелье из золотых подвесок (22). На запястье правой руки - браслет из бус (23), на среднем пальце этой же руки - серебряный перстень (24). На ногах сохранились следы кожаной мягкой обуви с тисненым орнаментом, так называемых скификов - полусапожек, стянутых на щиколотках кожаным шнурком. Ноги накрыты тканью (очевидно, остатками одежды). Вдоль северной стенки лежали железные копье (25) и дротик (26), подтоки которых находились в юго-восточном углу камеры. Возле левого плеча стояла деревянная шкатулка (27) с набором вещей: бронзовым зеркалом (28), ойнохоей (29), деревянным веретеном с бронзовым пряслищем (30), краснофигурным лекифом (31), двумя деревянными пиксидами (32) и железным шилом (33). Рядом со шкатулкой лежали колчаный набор (34) и кожаный ремешок длиной 0,3 м, который, по всей видимости, относился к колчану.

Описание находок:

1. Котел бронзовый (рис. 4, 4).

Литой, с овальной в плане глубокой чашей, сплюснутой с двух сторон, край которой оформлен в виде валика. По верхнему краю - две вертикаль-

⁵ В отчете написано, что на черепе сохранилась повязка «типа платка, сложенного по диагонали углом вверх и завернутого на затылке». Очевидно, в данном случае можно говорить об остроконечном головном уборе типа фригийской шапки, типичном для скифов.

ные петельчатые ручки с тремя выступами-шишечками каждая. Ножка в виде полого конуса с расширяющимся основанием с тремя округлыми выступами (литками). На одной стенке сделана заплатка – след ремонта. Наружная поверхность сильно закопчена.

Высота котла 31,8 см, размер по венчику – 46,0 x 33,0 см, толщина стенок - 1,2 см; высота ножки - 9,5 см, диаметр ножки - 11,9 см.

2. Панцирный набор состоял из нескольких деталей (рис. 5; 6).

Рубаха без рукавов застегивалась на правом боку. Передняя часть её выкроена так, что плечевые части, разделенные вырезом ворота, заходят вперед в виде длинных полос - оплечий с пластинчатым набором (рис. 5, 1-2; 6, 1). *Оплечья*, закрывавшие плечо и предплечье (рис. 6, 2), крепились к спинной части доспеха с помощью железных ворварок и шнурков. Размеры их - 18,0 x 13,0 и 19,0 x 12,0 см. Железные пластины набора нашиты на кожаную основу горизонтальными рядами снизу вверх таким образом, что верхняя пластина перекрывает стык между двумя пластинами нижнего ряда. Принцип размещения пластин правый, т.е. правый край одной пластины закрывает левый край соседней (рис. 5, 5). В состав набора для обеспечения максимальной подвижности частей доспеха входили пластины разной величины. Один из боковых и нижний края пластин загнуты внутрь, тем самым увеличивая прочность доспеха. На каждой пластине по два-три отверстия в верхней части и вдоль одной боковой стороны. Передняя часть доспеха доходит только до пояса. Нижняя часть панцирной рубашки набрана из продолговатых изогнутых пластин, образующих своеобразный портупейный пояс. Такая длина передней части доспеха вполне достаточна для всадника, которому нет нужды защищать низ живота, укрытый к тому же в данном случае треугольной «раковины», прикрепленной к низу рубахи. Спинная часть доспеха значительно длиннее за счет выкроенного отдельно и пришитого к низу рубахи подола, тоже покрытого пластинчатым набором. Ширина подола в верхней части 50,0 см, в нижней – 57,0 см, длина 108,0 см. Подол прикреплен таким образом, что эту часть доспеха можно было отогнуть назад, и тем самым защитить ею также и спину коня. Ширина панциря 50,0 см.

Спину защищала и своеобразная *пелерина* (рис. 5, 4; 6, 4) шириной в верхней части 93,0 см, в нижней она разделена вырезом длиной 17,0 см и шириной 10,0 см. Вырез, начинавшийся в том месте, где спина уже была защищена панцирной рубашкой, обеспечивал гибкость доспеха и максимальную подвижность, необходимую воину. По краям кожа основы доспеха завернута наружу в виде валика.

Набедренники представляли собой куски кожи прямоугольной формы, широкие у бедра и сужавшиеся к голени, с нашитым пластинчатым набором (рис. 5, 3). Края набедренников окаймлены валиком из кожи основы, загнутой поверх пластин. Длина набедренников 60,0 см, ширина верхней части 30,0 см, нижней 20,0 см.

Раковина, защищавшая нижнюю часть живота воина, представляла собой подтреугольный кусок кожи (основа) с нашитым на нее пластинчатым набором. Нижний конец раковины слегка загибался внутрь. Длина раковины 24,0 см, ширина верхней части 19,0 см, нижней – 9,0 см.

Шлем лежал развернутый, в виде широкого подпрямоугольного кожаного пласта, сужавшегося кверху, с панцирным покрытием. Передняя лобная часть его сужена, задняя затылочная более широкая (рис. 6, 3). Скреплялся сзади на затылке. Длина – 51,0-57,0 см, высота – 15,0-20, см.

3. Наконечники копий железные – 2 экз. (рис. 7, 6).

Наконечники остролистной формы с узким ребром. Максимальная ширина пера в последней четверти длины, составляет у первого 4,5 см и у второго 5,0 см. К втулке перо плавно сужается. Втулка конической формы, снизу охвачена валиком – муфтой. Длина первого наконечника 41,0 см при длине втулки 15,7 см, второго – 45,0 см, втулки – 13,0 см.

4. Блюдо деревянное (рис. 4, 3).

Мелкое, овальной формы, с двумя горизонтальными выступами-ручками вдоль коротких сторон, длиной 8,6 и 9,0 см. Размеры блюда - 66,0 x 45,0 см.

5. Нож железный с костяной ручкой (рис. 7, 5).

Лезвие с горбатой спинкой закреплено в двусоставной шестигранной в сечении ручке тремя железными заклепками. Длина ножа - 20,5 см, рукояти - 12,5 см, ширина рукояти - 2,3 см, лезвия – 1,8 см.

6. Чаша деревянная (рис. 4, 1).

Круглодонная, каплевидной в плане формы. Сильно деформирована.

Высота 7,0 см, диаметр венчика – 14,0 x 11,0 см.

7. Чашечка деревянная (рис. 4, 2).

Маленькая круглая, с уплощенным дном, выступом-ребром ниже венчика, переходящим с двух сторон в горизонтальные сегментовидные ручки. Высота – 2,8 см, диаметр венчика – 6,7 см, дна – 7 см; ручки длиной – 5,0 и 5,3 см, шириной – 0,7-1,3 см. Сохранилась во фрагментах.

8. Табурет деревянный (рис. 8).

Состоял из четырех монолитных ножек, верхняя часть которых оформлена в виде цилиндра с округлым верхом, нижняя треть – в виде многогранного конуса. В верхней части каждой ножки с двух сторон сделаны прямоугольные прорезы (размерами 2,0 x 3,0 см, глубиной 4,0 см) для крепления соединительных перекладин. В каждой перекладине сделано по три прорезы для крепления перекрещивающихся ремней, на которые клали подушку, набитую травой. Высота табурета 31,0 см; диаметр ножек - 5,5 см. Длина перекладин 24,0 см, ширина - 3,5 см, толщина - 1,5 см.

9. Наконечники стрел бронзовые – 110 экз. (колчаный набор № 1 у левой руки).

Все трехгранные: (рис. 7, 1)

- с выступающей короткой втулкой, концами граней, доходящими до ее края, прямоугольным ложком на треть длины наконечника, длина 3,0-3,2 см - 74 экз.;
- с выступающей втулкой, концами граней, опущенными до ее края, с прямоугольным ложком на 1/2 длины наконечника, с литым тамгообразным знаком в виде крестов, длина - 3,5 см - 1 экз.;
- со скрытой втулкой, опущенными концами граней и небольшим П-образным ложком, длина 2,2-3,0 см - 34 экз.;
- со скрытой втулкой, опущенными концами гладких граней, длина 2,6 см - 1 экз.

10. Нож железный фрагментированный (рис. 7, 4).

Лезвие треугольное в сечении, с горбатой спинкой, крепилось к костяной рукояти железными заклепками (сохранилось две). Ручка обломана в верхней части (не сохранилась).

Сохранившаяся длина - 11,0 см, ширина лезвия - 1,5 см.

11. Наконечники стрел бронзовые - 186 экз. (пучок стрел - набор № 2, лежавший на табурете) (рис. 7, 1).

а) трехлопастные - 17 экз.:

- с короткой выступающей втулкой, ложком на всю длину наконечника и выступающими, остро обрезанными концами лопастей; длина 2,7-3,4 см - 17 экз.;

б) трехгранные - 169 экз.:

- с короткой втулкой, прямоугольным ложком на 1/2 длины наконечника, остро обрезанные концы граней вровень с втулкой или слегка свисают; у 30 экземпляров на ложках - литой тамгообразный значок в виде крестов; длина 2,6-3,6 см - 48 экз.;

- с короткой втулкой, прямоугольным ложком на 1/3 длины наконечника, концы граней вровень с втулкой или слегка выступают, длина 2,6-3,5 см - 73 экз.

- со скрытой втулкой, небольшим П-образным ложком и свисающими остриями граней, длина 2,5-2,7 см - 21 экз.;

- со скрытой втулкой и ровным краем грани или небольшой выемкой в основании грани; 11 наконечников отлиты, очевидно, в одной форме, длина 2,9 см - 23 экз.;

- со скрытой втулкой и сильно выступающими концами граней, образующими шипы, длина 2,8 см - 4 экз.

12. Наконечники стрел бронзовые - 187 экз. (колчан № 3).

а) трехлопастные - 31 экз.:

- с выступающей втулкой, ложком на всю длину наконечника, концами лопастей, слегка выступающими или вровень с втулкой, длина 2,4-3,5 см - 31 экз.;

б) трехгранные - 156 экз.:

- с выступающей втулкой, прямоугольным П-образным ложком на 1/3 длины наконечника, концы граней вровень с втулкой или слегка свисают; 19 и 12 наконечников отлиты в двух формах; длина 2,4-3,1 - 91 экз.;

– с выступающей втулкой, прямоугольным П-образным ложком на 1/2 длины наконечника, концы граней вровень с втулкой или слегка свисают; длина 2,3-3,2 см – 11 экз.;

– с выступающей втулкой, небольшим П-образным ложком и остро обрезанными концами граней, длина его 2,6 см – 1 экз.;

– со скрытой втулкой, небольшим П-образным ложком и свисающими остриями граней, длина 2,5-3,0 см – 3 экз.;

– со скрытой втулкой, гладкими гранями со свисающими остриями; 9 наконечников отлиты в одной форме; длина 1,9-2,6 см – 32 экз.;

– со скрытой втулкой, гладкими гранями с выемкой в основании, образующей шипы, длина 2,8 см – 18 экз.

Колчан сделан из кожи, длина его около 60,0 см, ширина около 15,0 см. Не сохранился.

13. Камень пращевой (рис. 7, 2).

Округлый, немного вытянутый. Размеры – 5,0 x 7,0 см.

14. Лекиф красноглиняный (рис. 9, 1).

Высокий венчик в форме перевернутого конуса, переходит в узкую шейку, тулово с покатыми плечиками слегка сужается ко дну на низком кольцевом поддоне. Вертикальная ручка сверху крепится к средней части шейки, внизу – к краю плечика. Высота – 12,5 см. Наибольший диаметр – 9,8 см, венчика – 3,6 см, дна – 6,2 см

15. Килик чернолаковый (рис. 9, 2).

Тонкостенный с глубокой чашей, с практически вертикальными стенками, на невысоком кольцевом поддоне. Венчик утолщен, чуть выступает наружу. Две горизонтальные петельчатые ручки расположены чуть ниже края устья. Дно с внешней стороны украшено концентрическими кольцами лака с точкой в центре. Высота – 5,0 см, поддона – 0,5 см, диаметр венчика – 10,4 см, поддона – 6,8 см.

16. Втоки копий железные – 3 экз. (рис. 7, 3).

Цилиндрической формы с муфтой у основания. В одном из них в качестве клина вбит бронзовый трехгранный наконечник стрелы. Длина втоков – 11,0; 8,4 и 8,0 см; диаметр соответственно – 2,0; 2,4 и 2,6 см.

17. Блюдо деревянное (рис. 10, 4).

Аналогично № 4, но меньших размеров – 29,5 x 18,5 см. Размеры выступов-ручек 13,0 x 2,0 см. Сохранилось в обломках.

18. Нож железный с костяной рукоятью (типа № 10).

Лезвие с горбатой спинкой крепилось к цельной, шестигранной в сечении рукояти двумя железными заклепками. Лезвие обломано и утрачено. Длина рукояти 11,6 см, ширина – 1,1 см, толщина – 0,7 см.

19. Плитка каменная (рис. 10, 2).

Овальной формы. Продольный диаметр 50,5 см, поперечный – 33,0 см, толщина 4,2 см.

20. Растиральник деревянный (рис. 10, 3).

Пирамидальной формы, трехгранный в сечении. Рабочая часть сработана, треугольной в плане формы. Высота 12,2 см, размеры в сечении – 9,0 x 10 см.

21. Килик чернолаковый (рис. 11, 4).

Тонкостенный с глубокой чашей на невысоком кольцевом поддоне. Аналогичен № 15. Обе ручки обломаны в древности. Дно с внешней стороны украшено кольцами лака. Высота – 4,5 см, поддона 0,6 см, диаметр венчика 11,0 см, поддона – 7,0 см.

22. Звенья ожерелья – 22 экз. (рис. 11, 1).

Звенья в виде штампованных, фигурных бляшек с напаянной на обороте гладкой пластиной, полые. Выполнены в виде человеческой головы, обрамленной сверху короткими зачесанными назад прядями волос, с узким выступом - шеей в нижней части. На лице рельефно выделены крупный нос, миндалевидные (как будто прикрытые) глаза и сомкнутые губы. К нижней части припаяно по одному или два проволочных колечка, к которым при помощи еще одного дополнительного кольца подвижно крепились соответственно одна или две рифленые зерновидные подвески. В ожерелье эти звенья (с одной и двумя подвесками), очевидно, чередовались. У шести бляшек подвески утрачены. Размер бляшки – 1,7-1,8 x 1,3-1,4 см, подвески – 1,4-1,5 x 0,7 см.

23. Бусины стеклянные, составлявшие браслет – 92 экз. (рис. 11, 3).

Из непрозрачного однотонного стекла:

- мелкий кольцевидный бисер голубого цвета, диаметр 0,3-0,4 см – 84 экз.;
- шаровидные белого цвета, диаметр 0,6 см – 5 экз.;
- шаровидные темно-красного цвета, глазчатые, диаметр 1,0 см – 2 экз.;
- круглая цвета слоновой кости, диаметр 1,1 см – 1 экз.

24. Перстень серебряный (рис. 11, 2).

Проволочное кольцо со стеклянным литиком овальной формы, служившим щитком, размерами 2,0 x 1,5 см, толщина – 0,5 см. Стекло сильно патинизировано. Диаметр кольца – 2,0 x 1,5 см.

25. Наконечник копья железный (рис. 10, 7).

Перо остролистной формы с узким ребром. Наибольшая ширина пера в последней четверти длины и составляет 4,0 см. К втулке перо плавно сужается. Втулка коническая, с валиком на нижнем конце. Длина наконечника 40,0 см, длина втулки 11,0 см

26. Фрагменты дротика железного – 2 экз. (рис. 10, 5-6).

Наконечник с коротким жаловидным пером и круглым в сечении стержнем (сохранилась лишь верхняя его часть). Длина пера – 6,3 см, диаметр стержня – 1,8 см.

Длина дротика и копья достигала приблизительно 2,20 м.

27. Шкатулка деревянная (рис. 12, 1-2).

Прямоугольная в плане, состояла из панелей, скрепленных в пазы. Край

крышки и задней панели оформлены чередующимися прямоугольными выступами и выемками, с продольными сквозными отверстиями по одному длинному краю, через которые проходил деревянный (?) стержень. С торцовых сторон сделано по два округлых выступа со сквозными отверстиями, предназначенных, вероятно, для крепления подвижных ручек. Размеры 34,0 x 22,0 см, высота – 12,0 см; толщина дощечек – 1,5 см.

28. Зеркало бронзовое (рис. 13, 4).

Цельнолитое с остатками деревянного чехла на диске. Боковая ручка длиной 10,5 см, шириной 3,0-2,2 см; окончание ее оформлено в виде поперечного овала (размеры – 3,3 x 2,1 см) с отверстием в центре. Диаметр диска 13,1 см.

29. Ойнохоя красноглиняная (рис. 13, 7).

С невысокой фигурной горловиной со сливом, яйцевидным туловом на низком кольцевом поддоне и овальной в сечении вертикальной ручкой (длинной 9,5 см, шириной 1,3 см, толщиной 0,6 см). Высота ойнохой 15,5 см, поддона – 0,4 см, максимальный диаметр тулова 8,7 см, диаметр поддона 5,1 см.

30. Пряслице бронзовое (рис.13, 5).

Биконическое, со сквозным отверстием. Высота 1,3 см, диаметр отверстия 0,5 см, максимальный диаметр 1,9 см.

31. Лекиф краснофигурный (рис. 13, 3).

С отбитой в древности горловиной. Места слома тщательно заглажены. Лак очень тусклый, местами облупился. С одной стороны тулово украшает профильное изображение верхней части фигуры женщины, смотрящейся в зеркало. Рисунок выполнен в беглом стиле, очень небрежно, фигура трактована схематично, практически силуэтно. Высота – 5,8 см, диаметр тулова – 6,1 см, устья – 2,6 см, дна – 5,0 см.

32. Пиксиды деревянные – 2 экз. (рис. 13, 1-2).

Коробочки со съёмными крышками. Одна цилиндрической формы с прямыми стенками, вторая – в форме бочонка. Обе на невысоком профилированном поддоне. У обеих дисковидных крышек на внутренней поверхности, близ края, сделан небольшой кольцевидный выступ для плотного соединения с коробочкой. Снаружи крышки украшены концентрическими углубленными окружностями с точкой в центре, заполненными белой и красной красками. На корпусе каждой пиксиды – рельефные горизонтальные пояски: по три в верхней части и по одному в нижней. Внутри цилиндрической пиксиды находились румяна красного цвета, внутри бочонковидной пиксиды – остатки мази (?) бурого цвета. Высота обеих пиксид 9,0 см, поддона – 0,5 см, диаметр 5,0 см, поддона – 6,0 см.

33. Шило железное (рис. 13, 6).

В виде квадратного в сечении стержня с заостренными концами. Длина 11,2 см, сечение – 0,25 x 0,25 см.

34. Наконечники стрел бронзовые – 104 экз. (колчаный набор) (рис. 10, 1).

а) трехлопастные – 8 экз.:

– с выступающей втулкой, ложком на всю длину наконечника, концами лопастей вровень с втулкой, длина 2,8-3,2 см – 8 экз.;

б) трехгранные – 96 экз.:

– с выступающей втулкой, прямоугольным П-образным ложком на 1/3 длины наконечника, концы граней вровень с втулкой или слегка свисают; длина 2,7-3,2 см – 55 экз.;

– с выступающей втулкой, прямоугольным ложком на 1/2 длины наконечника, концы граней вровень с втулкой или слегка свисают; длина 2,7-3,3 см – 15 экз.;

– со скрытой втулкой, небольшим П-образным ложком, с остро обрезанными свисающими концами граней, длина 2,2-2,5 см – 20 экз.;

– со скрытой втулкой, гладкими свисающими остриями граней, длина 2,2-2,5 см – 6 экз.

Курган № 2 у с. Зеленое, как и большинство возведенных в это время погребальных памятников скифов, является многокомпонентным целостным комплексом, сооруженным по единому замыслу в короткий промежуток времени [Болтрик, 2007, с. 382-384].

В данном контексте интересна основная могила (№ 3) кургана – сложная катакомба с двумя погребальными камерами, где изолированно друг от друга были похоронены мужчина и женщина. Могила сохранилась не потревоженной грабителями, поэтому полученная в ходе раскопок информация максимально достоверна и не искажена утратами. Этот погребальный комплекс, с одной стороны, как будто типичен для скифов, с другой стороны, он выпадает из ряда подобных. Обращают на себя внимание несколько моментов.

1. Необычна конструкция погребального сооружения с двумя зеркально расположенными камерами. В массиве скифских погребений Северного Причерноморья мне такие (бабочковидные в плане) могилы неизвестны. Близкое сходство конструкции и размеров обеих камер (2,4 x 1,9 м – мужская, 2,75 x 2,0 м – женская) при одинаковой высоте свода (0,95 м) и глубине (4,3 м), очевидно, должны были подчеркнуть равный социальный статус обоих погребенных.

2. Обряд погребения полностью соответствует скифским традициям – оба покойника лежали вытянуто на спине, головой в западном направлении (в данном случае незначительные отклонения в ориентации женщины к югу, а мужчины к северу обусловлены конструкцией подземных сооружений). При этом отмечается практически полное тождество погребальных лож (цветовое решение в том числе). Такое оформление смертного одра зафиксировано у скифов впервые.

3. В составе наборов сопровождающего инвентаря и мужчины, и женщины присутствуют детали вооружения. Различие состоит лишь в его количестве –

большем у мужчины, который имел полный доспех, три колчанных набора стрел – от 110 до 187 экземпляров в каждом, два (или три, судя по количеству подтоков) копья и камень для пращи; и меньшем у женщины, при которой были копье и дротик, и колчан со 104 стрелами. Оружие в этом случае выступает как индикатор принадлежности обоих погребенных к воинскому сословию. И, таким образом, можно усматривать в женщине из Северной камеры скифскую амазонку. При этом совершенно очевиден контраст в оснащении этих двух воинов. Мужчина в полной экипировке с комплектом боеприпасов и легковооруженная женщина.

4. В качестве дополнительного аргумента такой интерпретации женского захоронения можно использовать могилу № 1 этого же кургана. В ней похоронена молодая женщина (21-35 лет), весь скарб которой составляют пять стрел с бронзовыми наконечниками и нож. Размеры погребения, характер и количество инвентаря позволяют считать эту погребенную охранником хозяев в потустороннем путешествии. Подобная ситуация отмечена и в кургане № 5 этого же могильника, где амазонку, похороненную в основной могиле, сопровождают две вооруженные (так же скудно) девочки – стражницы, уложенные в отдельные боковые могилы.

5. Набор заупокойного инвентаря явно распадается на две части – скифскую и эллинскую. *Первую группу* представляют вооружение, бронзовый котел, деревянная посуда, орудия труда, каменная плитка, характерные для скифских памятников практически на всем протяжении их существования.

К числу редких находок в этой части набора женщины можно отнести деревянный растиральник, входивший в комплект с каменной плиткой. Причем, если каменные плитки различной конфигурации известны среди женского инвентаря как в степном, так и в лесостепном регионе Приднепровья с VI по IV вв. до н.э. [Фиалко, 1987, с. 185-186], то деревянный растиральник (близкой конфигурации и размеров) сохранился только в одном погребении (№ 3 кургана 5) того же могильника у с. Зеленое [Фиалко, 2010; Фиалко, 2012]. Ранее вместе с плитками изредка встречались комочки красного цвета (румяна?), желтого и белого цветов. Находка деревянного растиральника фактически подтверждает слова Геродота: «Женщины их растирают на шероховатом камне куски кипариса, кедра и ладанного дерева, добавляя воду, и этой густой перетертой массой натирают все тело и лицо. От этого они приобретают аромат. А на следующий день, сняв пластырь, они одновременно становятся чистыми и блестящими» (Herod., IV, 75). К большому сожалению, пест не сохранился, и порода дерева, из которого он сделан, осталась не определенной.

Деревянная посуда относится к характерным для кочевников повседневным атрибутам. Здесь можно лишь отметить удивительную сохранность этих сосудов, позволившую установить и их форму, и размеры. Овальное блюдо из мужской погребальной камеры сохранилось целиком и сейчас экспони-

руется в Археологическом музее г. Киева. В целом, деревянные блюда или подносы различной формы и конструкции (цельные или наборные) с мясной напутственной пищей стояли в большинстве могил скифов. Среди ближайших находок подобного рода (и практически такой же сохранности) можно вспомнить блюдо чуть иной формы – с широким горизонтальным бортиком из погребения 2 кургана 5 у с. Булгаково (Николаевской обл.) (рис. 14), которое относится к середине - третьей четверти IV в. до н.э. [Гребенников, 2008, 104, рис. 45, 3].

Деревянные чаши, хотя и характерны для материального комплекса кочевников, чаще идентифицируются благодаря их металлическому декору, который и отмечает наличие такого сосуда в могиле. В случае отсутствия каких-либо металлических украшений или ремонтных стяжек, от деревянной основы остается лишь неясное пятно бурого древесного тлена, соотнести которое с каким-либо конкретным предметом невозможно. Находки целых деревянных сосудов в скифских могилах единичны. Обе чаши из Зеленого в общем вполне обычны – округлые с выпуклым или уплощенным дном, с ручками или без них [Манцевич, 1966, рис. 1-4; Фіалко, 1993, с. 49-50]. Однако каплевидная форма большей чаши делает ее оригинальной. Возможно, благодаря своеобразному сливу она, как и овальный сосуд из Солохи [Манцевич, 1987, кат. 9], использовалась как ковшик.

Наступательное вооружение представлено главным образом стрелами, копьями и дротиком. Во всех колчаных наборах преобладают трехгранные наконечники стрел, характерные в целом для наборов IV – III вв. до н.э. [Мелюкова, 1964, табл. 9]. Наконечники копий, по классификации А.И. Мелюковой, относятся к 1-му типу II отдела – наконечникам с «остролистым» пером, отмеченным в скифских памятниках широкого хронологического диапазона конца V – IV вв. до н.э. [Мелюкова, 1964, с. 40]. Дротик из женской погребальной камеры относится, по всей видимости, к серии оружия IV в. до н.э. [Мелюкова, 1964, с. 44].

Что же касается доспеха, можно сказать, что на территории юга Восточной Европы известно более 300 захоронений скифских воинов, погребенных с защитным комплектом [Черненко, 1981, с. 137]. Однако из-за значительных ограблений судить о реальном количестве тяжеловооруженных воинов не приходится. В числе немногочисленных уцелевших комплексов можно назвать погребения: в кургане 1 у с. Новая Розановка [Шапошникова, 1970, с. 208-209, рис. 1], кургане 6 у с. Александровка [Ковалева, Мухопад, 1982, с. 92-93, рис. 2], кургане 2 у с. Красный Подол [Полин, 1984, с. 105-110, рис. 4], кургане 2 у с. Гладковщина [Григорьев, 1994, рис. 2-3], кургане у с. Вишневка [Андрух, 1988, с. 159-160, рис. 1]. Примечательно, что во всех перечисленных могилах, как и в нашем случае, воинов положили на расстеленный доспех. Исключение составляет лишь захоронение девочки-подростка из кургана 5 у с. Зеленое,

где свернутый доспех лежал под стенкой погребальной камеры [Фиалко, 2012, рис. 4]. Дата большинства этих захоронений тяжеловооруженных скифских воинов определяется в пределах второй половины V – первой половины IV в. до н.э.

6. Вторую группу инвентаря составляют керамическая посуда, предметы туалета, украшения, деревянный табурет – вещи, бесспорно, импортные. Большинство встреченных здесь артефактов имеет многочисленные соответствия в кругу скифских древностей.

К примеру, чернолаковые чаши (в том числе болсалы), краснофигурные и красноглиняные лекифы и кувшины (в том числе и ойнохои) встречались и раньше в скифских могилах [Фиалко, 2006]. Время бытования таких вещей определяется на основании находок из античных центров, в частности Афинской агоры. Так, два однотипных чернолаковых килика типа болсал (№№ 15 и 21) по аналогиям датируются последней третью V в. до н.э. [Sparkes, Talcott, 1970, pl. 24]. Красноглиняная ойнохоа (№ 29) из женского набора датируется в рамках 1-й половины IV в. до н.э. [Sparkes, Talcott, 1970, pl. 7]. К этому же периоду относятся красноглиняный лекиф (№ 14) из мужского набора и краснофигурный лекиф (№ 31) из женского набора [Sparkes, Talcott, 1970, fig. 11, pl. 38]. При этом стоит обратить особое внимание на то, что оба сосуда для питья из женского набора попали в могилу после длительного использования в уже поврежденном виде (лекиф с затертым краем слома – что соответствует починке).

Деревянный ларец, служивший хранилищем предметов туалета, рукоделия и инструментов, судя по сохранившемуся тлену, не имел каких-либо конструктивных деталей или накладного декора из других материалов. Его отличают довольно крупные размеры (34,0 x 22,0 см при высоте 12,0 см). Ларец относится к распространенной группе однотипных находок – прямоугольной формы с плоской крышкой, с шарнирной системой ее крепления. При этом остальные, найденные в скифских погребениях, ларчики значительно уступают экземпляру из Зеленого по параметрам. К примеру, размеры ларчика из Северной могилы кургана Огуз – 11,0 x 8,5 см при высоте 5,5 см. Правда, последняя находка представляет серию деревянных шкатулок с костяными накладками из скифских могил второй половины – конца IV в. до н.э. [Фиалко, Болтрик, 1986, с.241-246, рис. 1]. Значительно меньших размеров и две деревянные шкатулки, сохранившиеся в погребении 2 кургана 5 у с. Булгаково. Одна из них, размерами 8,0 x 6,0 x 6,0 см, с полихромной раскраской стенок и крышки черной и желтой красками, имитирующей костяные прямоугольные накладки. Среднюю часть крышки украшает изображение присевшей на корточки купальщицы (?) (рис. 15, 1). Вторая шкатулка, чуть больших размеров 13,0 x 7,0 x 2,0 см, с небольшими костяными шпёнками – крепежными деталями запора. С внутренней стороны ее крышки на

хорошо навощенной поверхности сохранилась часть древнегреческой надписи (двенадцать литер, расположенных в три ряда) (рис. 15, 2). Последнее обстоятельство не оставляет сомнений в том, что деревянные ларцы выходили из греческих мастерских. Как отмечалось выше, погребение со шкатулками из кургана 5 у с. Булгаково отнесено к середине третьей четверти IV в. до н.э. [Гребенников, 2008, 97, рис. 46, 2; 35]. Ларец из этого кургана, украшенный имитацией длинных костяных накладок (рис. 15, 1), позволяет предположить, что простые деревянные шкатулки и декорированные костью экземпляры были в обиходе в одно и то же время и у гречанок, и у скифянок.

Деревянные ларцы с костяными накладками являлись традиционными предметами быта скифянок. Они происходят из погребальных комплексов преимущественно второй половины – конца IV в. до н.э. При этом такая же шкатулка из Ольвии надежно датирована более ранним временем – началом IV в. до н.э. [Фиалко, 1985, с. 81]. Наиболее ранним образцом этих изделий из скифских погребальных комплексов можно считать, очевидно, бердянскую находку. Деревянные же экземпляры в скифских древностях единичны (возможно, ввиду недолговечности дерева в условиях грунтовых могил). Зачастую о присутствии в могиле такой шкатулки говорят лишь осыпавшиеся с ее поверхности костяные накладки. В то же время греки употребляли деревянные шкатулки, ларцы и туалетные коробочки в течение всей античной эпохи. Часто изображение таких ларцов можно увидеть на расписных вазах. Среди таковых, к примеру, можно упомянуть две краснофигурных южно-италийские вазы из собрания ГМИИ им. А.С. Пушкина – пелику с изображением группы женщин и юноши (рис. 15, 4) и кратер с изображением пана и юноши [Сидорова и др., 1985, с. 119, 134]. Оба сосуда датируются третьей четвертью IV в. до н.э. Изображения шкатулок переданы и на представительной серии расписных ваз из экспозиции Государственного Эрмитажа в Санкт-Петербурге. Среди последних южно-италийская амфора со сценой у алтаря мастера Дария (рис. 15, 3), датированная 350-325 гг. до н.э. По ряду конструктивных особенностей шкатулка из Зеленого находит параллели среди находок IV в. до н.э. из античных центров Северного Причерноморья [Сокольский, 1971, табл. XIII].

К числу достаточно редких находок в скифских комплексах относятся две деревянные пиксиды из ларца комплекса кургана 2 у с. Зеленое. Такие туалетные коробочки округлой в плане формы со съёмной крышкой изготавливались из различных материалов (глины, дерева, кости, металла, мрамора, алебаstra, стекла) и предназначались для хранения парфюмерии, снадобий и мелких вещей. Первоначально их делали из дерева, главным образом из самшита [Петерс, 1986, с. 68], но известны экземпляры и из боярышника [Сокольский, 1971, с. 199-200]. Деревянные и костяные пиксиды получили широкое распространение в античных памятниках Северного Причерноморья,

где они соотносятся преимущественно с женскими захоронениями [Сокольский, 1971, с. 200]. Выточенные на токарном станке, эти коробочки украшались снаружи углубленным узором в виде горизонтальных поясков, геометрических фигур, образующих меандр, волну и др. комбинации. Изредка встречаются сюжетные сцены [Петерс, 1986, табл. XIV]. Еще реже врезной рисунок дополнялся инкрустацией. В одном случае (экземпляр из Берлинского музея) врезной узор был заполнен красной и черной красками, в другом (пиксида из кургана близ Тиритаки) – тулово инкрустировали более темными породами дерева [Сокольский, 1971, с. 202-203, рис. 63, табл. XXVIII, 10]. В скифских могилах такие находки единичны [Ольховский, 1991, с. 23]. К примеру, деревянная пиксида найдена среди содержимого большого деревянного ларя в женском захоронении кургана у с. Фрунзе в Крыму, комплекс которого датируется по чернолаковому болсалу первой четвертью IV в. до н.э. [Гаврилов, 1993, с. 202, 204-205, рис. 2, 6]. Среди многочисленных обломков костяных изделий из центральной могилы недавно раскопанного кургана Блинец-2 присутствуют несколько фрагментов, которые, как мне кажется, принадлежат двум костяным пиксидам. Внешнюю поверхность одной из них украшает врезной растительно-зооморфный орнамент, заполненный красной и черной красками, второй – пояски меандра, заполненного черной краской. В работе эти находки фигурируют как фрагменты пластин и изделий из кости [Ромашко, Скорый, 2009, рис. 56, 3; 62, 3-5]. Курган датируется концом V в. до н.э.

Экземпляры из Зеленого относятся к наиболее распространенной в течение всей античной эпохи группе этих изделий – цилиндрическим и цилиндроконическим. С учетом их параметров – небольшой высоты и пропорций (высота не превышает диаметра), и выпуклого тулова, обе пиксиды принадлежат к первой хронологической группе (V-III вв. до н.э.), вероятнее всего, IV в. до н.э.

Золотое ожерелье относится к числу сложных нагрудных украшений. Оно составлено из 22 звеньев в виде человеческой головы (размеры 1,7-1,8 x 1,3-1,4 см) с одной или двумя зерновидными подвесками. Совершенно одинаковые украшения редко встречаются в скифских могилах. Тем не менее, к числу очень близких соответствий можно отнести находку из кургана 8 курганной группы Волчанск - 1 [Полин, Кубышев, 1997, с. 9, рис. 9, 5,8]. Здесь в могиле амазонки найдено ожерелье из 15 аналогичных золотых звеньев (размерами 1,6 x 1,4 см) с одной или двумя рифлеными подвесками. В кургане 19 Рогачикского курганного поля сохранилась двухсоставная бусина – звено с гладкой обратной стороной и рельефной лицевой в виде человеческой головы с обрамленным волосами лицом и схематично переданными чертами лица. Она чуть больше наших экземпляров, размеры ее 2,0 x 1,7 см [Болтрик, Фиалко, 2007, с. 74, рис. 7, 12]. В этом же комплексе обнаружены зерновидная подвеска с чередующимися гладкими и заполненными жемчужником вертикальными дольками и шесть небольших (диаметр 0,6 см) шаровидных бусин

со слабо выраженными вертикальными дольками. Вполне вероятно, все они составляли одно ожерелье. Еще одно аналогичное украшение чуть меньшего размера и с двумя подвижными зерновидными подвесками происходит из кургана 22 Песочинского могильника [Бабенко, 2005, рис.31, 4]. Дата кургана определяется второй четвертью IV в. до н.э.

Серебряный перстень с овальным щитком-литиком (размерами 2,0 x 1,5 см) из прозрачного стекла представляет редкий для скифов тип украшений. По классификации В.Г. Петренко, этот перстень относится к варианту А 17 типа IV отдела – перстням-печатам. Этот вариант объединяет перстни с тонкой проволоочной дужкой, концы которой продеты сквозь скарабеоид и замотаны с обеих сторон выходного отверстия. Такие перстни относятся к собственнo греческим, привезенным из митрополии. К числу наиболее близких соответствий этому украшению из скифских могил можно назвать только два экземпляра – из Рыжановского кургана и кургана в уроч. Галущино [Петренко, 1978, с. 62-63, табл. 52, 35, 36].

При этом находки литиков в скифских курганах известны, хотя встречаются не часто. По форме это скарабеоиды – овальные, с чуть скошенными боками, выпуклой спинкой, сквозным продольным отверстием (диаметр – 0,15-0,2 см) для шнура или металлической дужки и оттиснутым вглубь изображением внутри овала на лицевой поверхности. По материалу – это прозрачное бесцветное стекло с желтоватым оттенком. Друг от друга литики отличаются размерами и изображениями. В трех могилах Рогачикского курганного поля найдено двенадцать однотипных экземпляров. Однако здесь литики входили в состав ожерелья (Вишневая Могила и курган 14) и браслета (курган 21). Кроме того, подобные украшения найдены в: кургане 4 урочища Носаки, кургане 3 у с. Б. Белозерка; Восточной Могиле Бердянского кургана; кургане 16 группы Гаймановой Могилы (все в Запорожской обл.); кургане 81 у с. Верхняя Тарасовка (Днепропетровская обл.); кургане 17 курганной группы №1 у с. Привольное (Херсонская обл.); Курджипском кургане. Сюжеты изображений на литиках из памятников Северного Причерноморья подразделяются на три группы. К первой относятся реальные и мифологические животные; ко второй – человеческие лица и фигуры; к третьей – аллегорические и жанровые сцены. Все упоминавшиеся литики происходят из погребений, датирующихся IV в. до н.э. В более ранних комплексах такие литики нам неизвестны [Болтрик, Фиалко, 2007, с. 82-85, рис. 10].

Еще одна замечательная находка из этого погребения – деревянный табурет (или стул без спинки). Он представляет собой наиболее часто встречающуюся в греческих памятниках форму античной мебели – табурет с четырьмя вертикальными ножками, утончающимися книзу, называвшийся дифрос (δῖφος). Эта разновидность табурета появилась в Древней Греции в V в. до н.э. и была широко популярна в течение всей античной эпохи. Ножки таких

табуретов, как правило, круглые в сечении, делали точеными. Основу сидения составляла прямоугольная рама из четырех планок, шипами вставленных в гнезда ножек, на которую натягивались перекрещенные кожаные ремни, образующие сетку [Сокольский, 1971, с. 96]. Такое жесткое сидение покрывалось тюфяками и подушками [Жущиховская, 2010, с. 42]. Дифросы различались оформлением ножек [Ricnter, 1926, с. 30] и, очевидно, размерами рамы-сидения. Оригинальных образцов деревянных греческих дифросов в античных центрах Северного Причерноморья практически не сохранилось. Довольно четкое представление о них дают изображения в вазовой живописи, на барельефах, и описания в произведениях греческих авторов. Произведения изобразительного искусства демонстрируют, что в разнообразных образцах мебели явственно проявилась гармоничность пропорций и форм, свойственная греческой архитектуре этого времени. Из серии античной расписной керамики можно упомянуть, к примеру, краснофигурную амфору с изображением Ахилла и Эос вазописца Полигнота I из собрания ГМИИ им. А.С. Пушкина. На одной из ее сторон грустящий Ахилл изображен сидящим на низком табурете, накрытом пятнистой шкурой (рис. 16, 3). Эта аттическая ваза датируется около 440 г. до н.э. [Сидорова и др., 1985, с. 92, 94]. Интересно изображение на краснофигурной пиксиде со сценой мистерий группы Сиракузы из того же собрания. На оборотной стороне этого сосуда женщина сидит на трехногой «скамейке» (рис. 16, 1). Дата пиксиды определена 320-310 гг. до н.э. [Сидорова и др., 1985, с. 142]. Близкие по форме табуреты показаны на серебряном килике из 4-го Семибратнего кургана [Прушевская, 1955, с. 335, рис. 16] и на пластине из слоновой кости, украшавшей шкатулку из 6-го Семибратнего кургана [Горбунова, 1957, с. 46-47; Сокольский, 1971, рис. 27] (рис. 16, 2). На фризе восточной стены Парфенона среди прочих над главным входом в целлу представлены фигуры Гермеса, Диониса, Деметры, Ареса, Ириды, Геры и Зевса (438-431 гг. до н.э.) [Mark, 1984]. Все божества изображены сидящими на невысоких дифросах [Маринович, Кошеленко, 2000, с. 149, рис. 48], ножки которых оформлены по-разному (рис. 16, 4). Встречаются изображения табуретов на боспорских надгробиях, однако они относятся к значительно более позднему времени – I в. до н.э. – II в. н.э. [Сокольский, 1971, табл. VI].

Среди скифских погребальных памятников фрагменты ножек деревянных табуретов отмечены в Вишневой Могиле Рогачикского курганного поля и Великознаменском кургане, раскопанном Д.Я. Самоквасовым в 1884 г. В Вишневой Могиле сохранилась одна фрагментированная деревянная ножка с утраченной нижней частью. Верхняя, более широкая часть ножки скруглена, книзу она сужается. Вверху вырезан широкий паз для фиксации рамы⁶.

⁶ Выражаю искреннюю благодарность сотруднику ИА НАНУ к.и.н. Ю.В. Болтрику за указание на аналогию из его авторских раскопок.

Курган датируется ориентировочно в пределах последней трети IV в. до н.э. Эта деталь из Вишневой Могилы выглядит гораздо массивнее и проще (во всяком случае, на сохранившейся части не заметно вычурных фигурных деталей), чем находка из Зеленого. В воинской могиле Мельгуновского (Литого) кургана рубежа VII - VI вв. до н.э. сохранились лишь серебряные детали (фигурные ножки, цилиндры и гвозди) так называемого ассирийского табурета [Придик, 1911; Ильинская, Тереножкин, 1983, с. 99]. В сравнении с изящными фигурными ножками табуретов и стульев, изображенных на каменных надгробиях [Сокольский, 1971, табл. VI; Матковская, 2002; 2005; 2005а, с. 204], табурет из Зеленого кажется намного грубее и проще. Не исключено, что это обусловлено более ранней его датой: концом V – началом IV вв. до н.э. Хотя не стоит исключать, что скифы могли предпочесть более добротный и основательный вариант мебели, соответствующий их образу жизни.

7. Нельзя не заметить, что обе группы (скифская и эллинская) вещевого сопровождения практически равны по удельному весу.

8. Обзор сопровождающего инвентаря с привлечением круга аналогий позволяет датировать погребальный комплекс кургана 2 у с. Зеленое в пределах первой половины – второй четверти IV в. до н.э.

На основании отмеченных особенностей рассмотренного погребального комплекса можно заключить следующее. Исходя из наличия бронзового котла, практически полной панолии и дорогих импортных вещей, в погребенном мужчине следует усматривать военачальника среднего ранга. Драгоценности в облачении женщины, импортные вещи в ее имуществе, среди которых посуда, туалетные принадлежности и парфюмерия, а также оружие и одинаково оформленные ложа, позволяют видеть в ней равную по статусу персону, скорее всего, жену (не исключено, что убившую в сражениях трех врагов и получившую право выйти замуж).

Пути проникновения античных импортов в скифскую среду могли быть разными – военные трофеи, оплата (вознаграждение) за службу, представительские подношения, торговый обмен, семейные или родовые ценности (в случае межэтнических браков). Здесь стоит вспомнить Геродота, заметившего по этому поводу следующее: «Скиф, убив первого врага, пьет его кровь. Скольких человек он убьет в битве – головы их он принесит царю. Если он принес голову, то *получит долю в добыче* (выделено мною), которую захватят, если же не принесет – не получит» (Herod., IV, 64). В нашем случае, учитывая принадлежность основных погребенных в кургане к воинскому сословию, более вероятны два первых варианта, связанных с военными кампаниями скифов.

ЛИТЕРАТУРА

- Андрух С.И. Погребение раннескифского воина в Присивашье // СА. № 1. – 1988. – С. 159-170.
- Бабенко Л.И. Песочинский курганный могильник скифского времени. Харьков, 2005.
- Болтрик Ю.В. Скифський курган. Архітектура та організація навколишнього простору // Записки наукового товариства імені Шевченка. – Том ССІІІ. – Праці Археологічної комісії. – Львів, 2007. – С. 352-385.
- Болтрик Ю.В., Фяалко Е.Е. Украшения из скифских погребальных комплексов Рогачикского курганного поля // Старожитності степового Причорномор'я і Криму. – Запоріжжя, 2007. – С. 51-93.
- Гаврилов А.В. Скифское погребение у с. Фрунзе в Крыму // Древности Степного Причерноморья и Крыма. – Вып. IV. Запорожье, 1993. – С. 201-205.
- Гребенников Ю.С. Киммерийцы и скифы Степного Побужья (IX-III вв. до н.э.). Николаев, 2008.
- Григорьев В.П. Захоронение тяжеловооруженного скифского воина у с. Гладковщина // Древности скифов. – Киев, 1994. – С. 63-79.
- Горбунова К. Костяная пластинка с гравированным рисунком из VI Семибратнего кургана // СГЭ. XI. – Л., 1957. – С. 46-47.
- Евдокимов Г.Л. Работы Краснознаменной экспедиции // АО 1983 года. – М., 1985. С. 274-275.
- Евдокимов Г.Л., Гершкович Я.П., Фридман М.И., Поруцкий А.Г. Отчет Краснознаменной экспедиции о раскопках курганов в Херсонской области в 1983 г. – Научный архив ИА НАНУ, инв. № 1983/2. – Киев, 1984.
- Жуциховская И.С. История материальной культуры. Часть 1. Владивосток, 2010.
- Ильинская В.А., Тереножкин А.И. Скифия VII-IV вв. до н.э. – Киев, 1983.
- Ковалева И.Ф., Мухопад С.Е. Скифское погребение конца VI-V вв. до н.э. у с. Александровки // Древности Степной Скифии. Киев, 1982. – С. 91-102.
- Манцевич А.П. Деревянные сосуды скифской эпохи // АСГЭ. № 8. – 1966. – С. 23-38.
- Маринович Л.П., Кошеленко Г.А. Судьба Парфенона. М, 2000.
- Матковская Т.А. Образ боспорянки (по материалам Керченского лапидария) // БИ. № 2. – Керчь, 2002. – С. 89-102.
- Матковская Т.А. Памятники боспорянам защитникам Отечества (по материалам Керченского лапидария) // БИ. № 9. – Керчь, 2005. – С. 89-102.
- Матковская Т.А. Утилитарные предметы на рельефах европейского Боспора (по материалам Керченского лапидария) // Боспор Киммерийский и варварский мир в период античности и средневековья. Периоды дестабилизаций, катастроф. VI Боспорские чтения. Тезисы докладов. Керчь, 2005а. – С. 204-206.
- Мелюкова А.И. Вооружение скифов. М., 1964.
- Мозолевський Б.М. Товста Могила. Київ, 1979.
- Ольховский В.С. Погребально-поминальная обрядность населения Степной Скифии (VII-III вв. до н.э.). М., 1991.
- Петерс Б.Г. Косторезное дело в античных государствах Северного Причерноморья. М, 1986.
- Петренко В.Г. Украшения Скифии VII-III вв. до н.э. – САИ. – Вып. Д4-5. – М, 1978.
- Полин С.В. Захоронение скифского воина-дружинника у с. Красный Подол на Херсонщине // Вооружение скифов и сарматов. Киев, 1984. – С. 103-119.
- Полин С.В., Кубышев А.И. Скифские курганы Утлюкского междуречья (в Северо-западном Приазовье). Киев, 1997.
- Придик Е. Мельгуновский клад 1763 г. – МАР. – 1911. – Вып. 31. – С. 1-28.
- Прушевская Е.О. Художественная обработка металла (торевтика) // Античные города Северного Причерноморья. Т.1. М.-Л, 1955. С. 325-355.
- Ромашко В.А., Скорый С.А. Близнец-2: скифский аристократический курган в Днепровском правобережном Надпорожье. Днепропетровск, 2009.

- Сидорова Н.А., Тугушева О.В., Забелина В.С. Античная расписная керамика из собрания Государственного музея изобразительных искусств им. А.С. Пушкина – М., 1985.
- Сокольский Н.И. Деревообрабатывающее ремесло в античных государствах Северного Причерноморья. – МИА. 1971. № 178.
- Фіалко Е.Е. К интерпретации одной из категорий костяных изделий // Проблемы исследования Ольвии. Тезисы докладов и сообщений научного семинара. Парутино, 1985. С. 80-81.
- Фіалко Е.Е. Скифские курганы у с. Новое // Древнейшие скотоводы степей юга Украины. – Киев, 1987. С. 171-187.
- Фіалко О.Є. Новый тип дерев'яних чаш у скіфів // Археологія. № 1. – 1993. – С. 46-54.
- Фіалко Е.Е. Аттический кратер как символ скифского номарха // *Kimmerowie Scytowie Sarmaci. Księga poświęcona pamięci Profesora Tadeusza Sulimirskiego.* Kraków, 2004. – S. 149-160.
- Фіалко Е.Е. Посуда с лаковым покрытием в погребальном обряде скифов // Древности скифской эпохи. М, 2006. С.351-387.
- Фіалко О.Є. Скiфські воїнські поховання біля с. Зелене на Херсонщині // Актуальні проблеми археології. Тези Міжнародної наукової конференції на пошану І.С. Винокура. Кам'янець-Подільський, 2010. С. 40-42.
- Фіалко О.Є. Поховання дівчат із зброєю у скіфському кургані поблизу с. Зелене на Херсонщині // Археологія. № 1. – 2012 (в печати).
- Фіалко Е.Е., Болтрик Ю.В. Ларец из кургана Огуз // СА. – № 2. – 1986. С. 241-247.
- Черненко Е.В. Скифские лучники. Киев, 1981.
- Шапошникова О.Г. Погребение скифского воина на р. Ингул // СА. № 3. – 1970. – С. 208-212.
- Mark I.S. The Gods of the East Frieze of Parthenon // *Hesperia.* Vol. 33. 1984. P. 289-342.
- Richter G. Ancient furniture. – Oxford, 1926.
- Sharon Herbert. The red-figure pottery. Corinth. Vol. VII, part 4. New Jersey, 1977.
- Sparkes B., Talcott L. The Athenian Agora. – Vol. XII. – Black and plain pottery of the 6-th, 5-th and 4-th centuries B.C. – New Jersey, 1970.

О.Є. Фіалко

СКІФСЬКИЙ КУРГАН З АНТИЧНИМИ ІМПОРТАМИ ПОБЛИЗУ с. ЗЕЛЕНЕ

Резюме

З другої половини VII ст. до н.е. Північне Причорномор'я стає контактною зоною трьох світів місцевого осілого землеробського населення, мешканців еллінських колоній та кочових ірано-мовних племен. Ця ситуація чітко проявилась у матеріальному комплексі скіфів. Досить замкнута і самотня культура скіфів з часом, особливо в другій половині IV ст. до н.е., стає більш сприйнятливою до іншопольових елементів.

Ілюстрацією появи грецьких інновацій в матеріальній культурі скіфів може правити курган 2 поблизу с. Зелене Херсонської обл. Під його насипом відкрито рів і три могили основна парна і дві супроводжуючі. В основній могилі поховані два воїни - чоловік і жінка. Ця могила оригінальна і за конструкцією, і за складом інвентарю. Обряд поховання небіжчиків повністю відповідає скіфським традиціям. До складу супроводжуючого

інвентарю і чоловіка, і жінки входить зброя. Різна лише його кількість. Цей елемент супроводу маркує приналежність обох похованих до військового стану.

Набір заупокійного реманенту вочевидь розпадається на дві частини: скіфську (зброя, дерев'яний посуд, знаряддя праці, кам'яна плитка, бронзовий казан) і еллінську (керамічний посуд, предмети туалету, прикраси, дерев'яний табурет). Обидві частини практично рівні за питомою вагою. Дата кургану 2 поблизу с. Зелене визначається у межах першої половини другої чверті IV ст. до н.е.

Репрезентований набір речей дозволяє вважати, що у кургані поховали воєначальника середнього рангу з його дружиною амазонкою у супроводі охоронців. Ймовірно, античні речі потрапили до цих воїнів у якості військових трофеїв або оплати за службу.

Е.Е. Фиалко

СКИФСКИЙ КУРГАН С АНТИЧНЫМИ ИМПОРТАМИ У с. ЗЕЛЕНЕ

Резюме

Со второй половины VII в. до н.э. Северное Причерноморье становится контактной зоной трех миров местного оседлого земледельческого населения, обитателей эллинских колоний и кочевых ирано-язычных племен. Эта ситуация отчетливо проявилась в материальном комплексе скифов. Довольно замкнутая и самобытная культура скифов со временем, особенно во второй половине IV в. до н.э., становится более восприимчивой к инोकультурным элементам.

Иллюстрацией появления греческих инноваций в материальной культуре скифов может служить курган 2 у с. Зеленое Херсонской обл. Под его насыпью открыты ров и три могилы – основная парная и две сопровождающие. В основной могиле похоронены два воина – мужчина и женщина. Эта могила оригинальна и по конструкции, и по составу инвентаря. Обряд погребения покойников полностью соответствует скифским традициям. В состав сопровождающего инвентаря и мужчины, и женщины входит оружие. Различно лишь его количество. Этот элемент сопровождения маркирует принадлежность обоих погребенных к воинскому сословию.

Набор заупокійного инвентаря явно распадается на две части – скифскую (оружие, деревянная посуда, орудия труда, каменная плитка, бронзовый котел) и эллинскую (керамическая посуда, предметы туалета, украшения, деревянный табурет). Обе части практически равны по удельному весу. Дата кургана 2 у с. Зеленое определяется в пределах первой половины – второй четверти IV в. до н.э.

Представленный набор вещей позволяет считать, что в кургане похоронили воєначальника среднего ранга с его женой-амазонкой в сопровождении охранников. Вероятно, античные вещи попали к этим воинам в качестве военных трофеев или оплаты за службу.

E.E. Fialko

SCYTHIAN KURGAN WITH ANCIENT IMPORTS
NEAR ZELENOYE VILLAGE

Summary

Since the second half of the 7th century BC the North Pontic area became a contact zone of three worlds: the local settled agricultural population, the inhabitants of Hellenic colonies, and nomadic Iranian speaking tribes. This situation appeared clearly in the Scythian material complexes. Rather closed and distinctive culture of the Scythians became more susceptible to the elements of other cultures in course of times, especially in the second half of the 4th century BC.

Kurgan n. 2 near Zelenoye village in Kherson region may serve an illustration of the emergence of Greek innovations in material culture of the Scythians. A ditch and three graves – the main double grave and two accompanying ones – were opened under the embankment. Two warriors – a man and a woman were buried in the main tomb. The ceremony of an interment fully corresponded Scythian traditions. The accompanying inventory of both man and woman included weapons. Weapons differ only in quantity. This element of accompaniment denotes the identity of both buried to a military caste.

A set of funeral equipment is clearly divided into two parts – Scythian (weapons, wooden ware, tools, stone tile, and a bronze cauldron), and Hellenic (ceramic ware, toilet ware, jewelry, and a wooden stool). Both parts are nearly equal in specific weight. Dating of kurgan n. 2 near Zelenoye village is determined within the first half – the second quarter of the 4th century BC

The present set of items allows suggesting that a mid-level commander and his wife, an Amazon accompanied by their security guards were buried in the kurgan. Probably, ancient things came to those warriors as war booties or payments for their service.

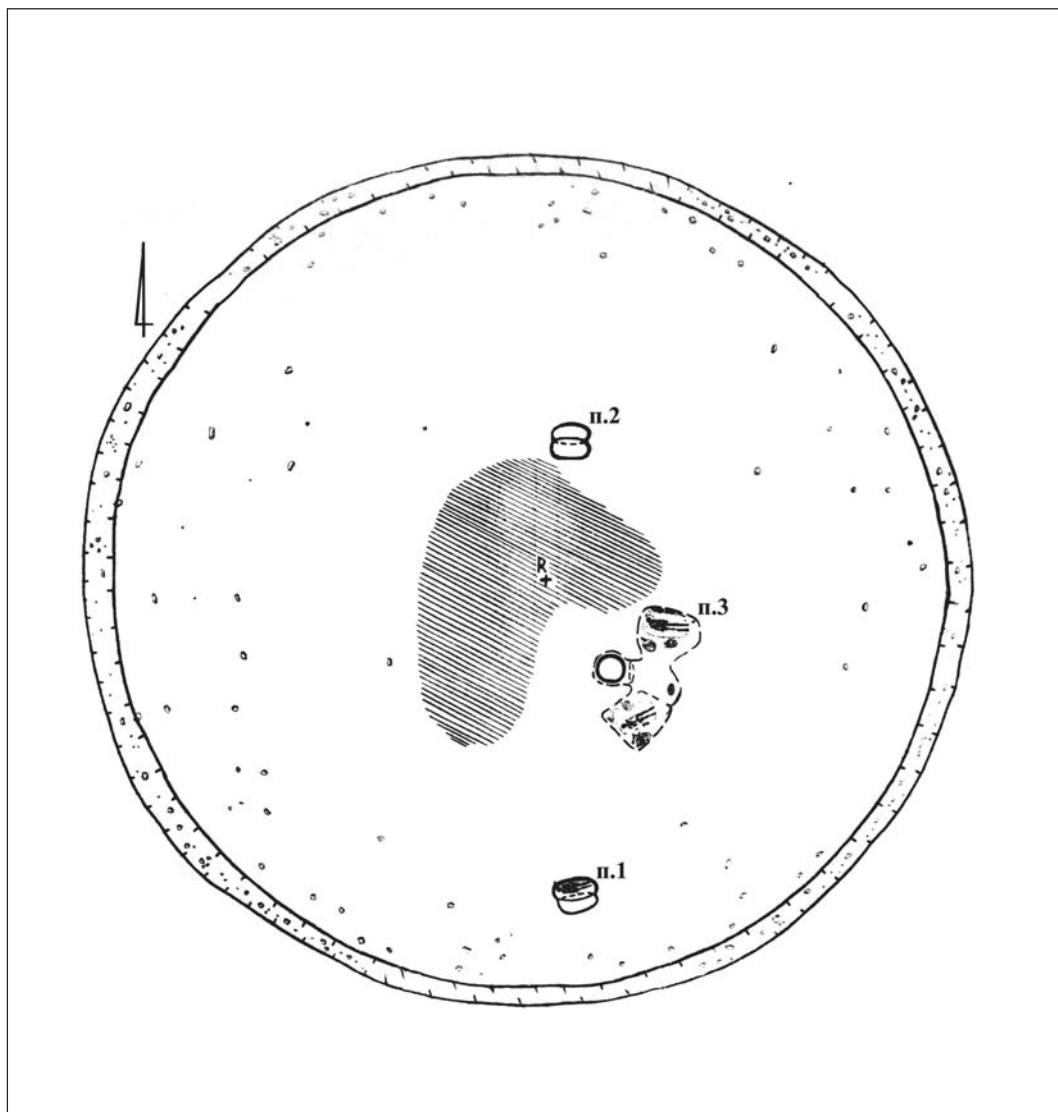

Рис. 1. Общий план кургана № 2 у с. Зеленое.

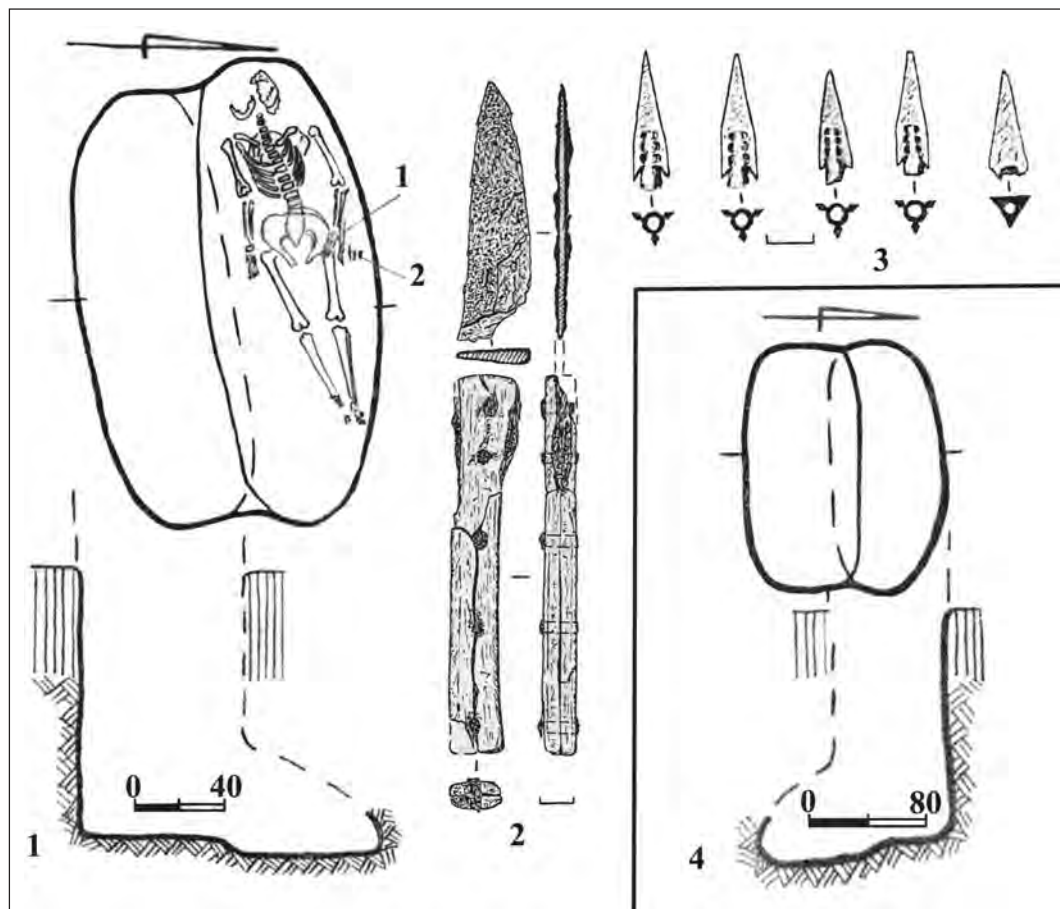

Рис. 2. Погребения кургана 2 у с. Зеленое:

1-3 – погребение № 1, план и разрез, и вещевой набор; 4 – погребение № 2, план и разрез.

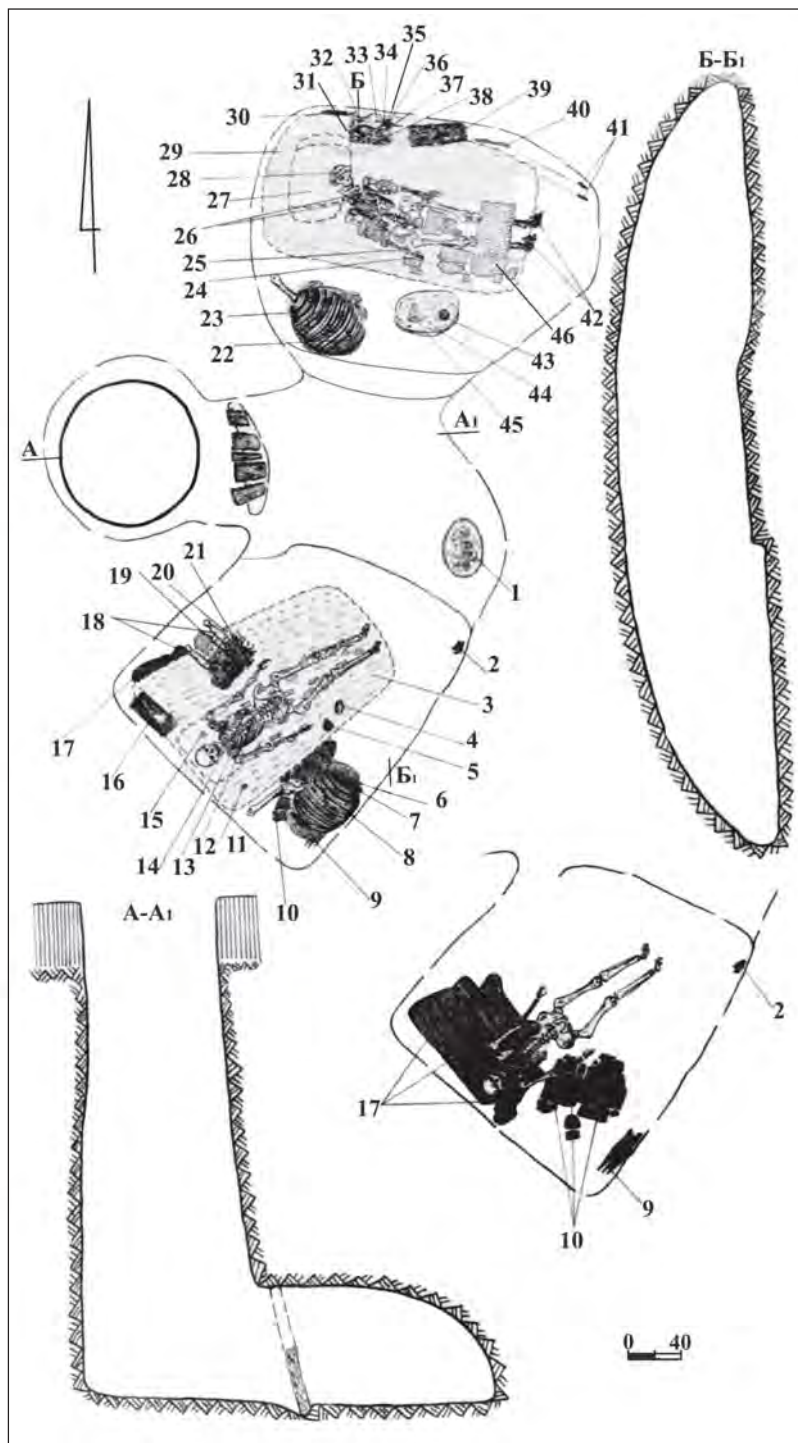

Рис. 3. Погребение № 3 кургана 2 у с. Зеленое, план и разрезы:

1 – котел бронзовый; 2 – втоки железные; 3 – матрас; 4 – лекиф; 5 – килик чернолаковый; 6 – блюдо деревянное; 7 – чаша деревянная; 8 – нож; 9 – наконечники копий железные; 10 – набедренники; 11 – чашечка деревянная; 12 – пояс кожаный; 13 – фрагмент веревки; 14 – камень пращевой; 15 – мешочек кожаный; 16 – колчан № 3; 17 – панцирь железный; 18 – табурет деревянный; 19 – колчан № 1; 20 – колчан № 2; 21 – лезвие ножа; 22 – нож железный; 23 – блюдо деревянное; 24 – перстень серебряный; 25 – браслет из бусин; 26 – бляшки золотые; 27 – подушка; 28 – головной убор; 29 – матрас; 30 наконечники дротика и копья железные; 31 – шкатулка деревянная; 32 – ойнохоя; 33 – зеркало бронзовое; 34 – пряслице бронзовое; 35, 38 – пиксиды деревянные; 36 – шило железное; 37 – лекиф; 39 – колчан; 40 – ремешок кожаный; 41 – втоки железные; 42 – остатки скифских кожаных; 43 – килик чернолаковый; 44 – плитка каменная; 45 – тёрочник деревянный; 46 – фрагменты ткани.

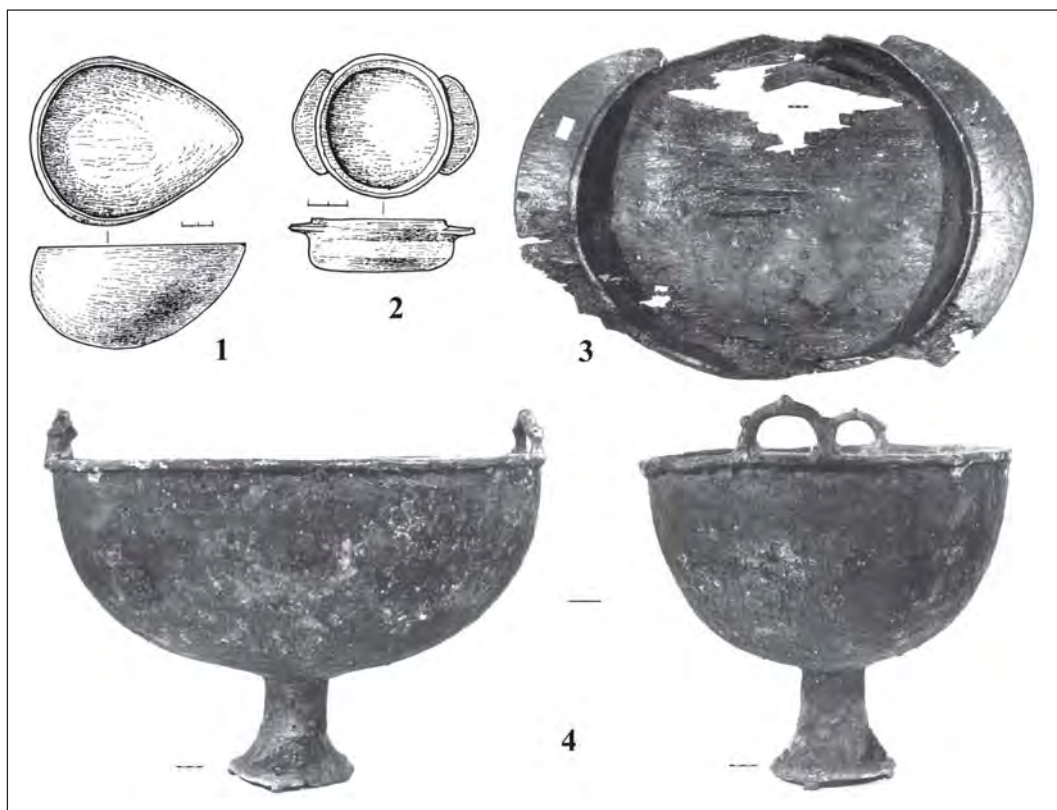

Рис. 4. Посуда из южной (мужской) погребальной камеры кургана № 2:

1 – чаша; 2 – чашечка; 3 – блюдо; 4 – котел. 1-3 – дерево; 4 – бронза.

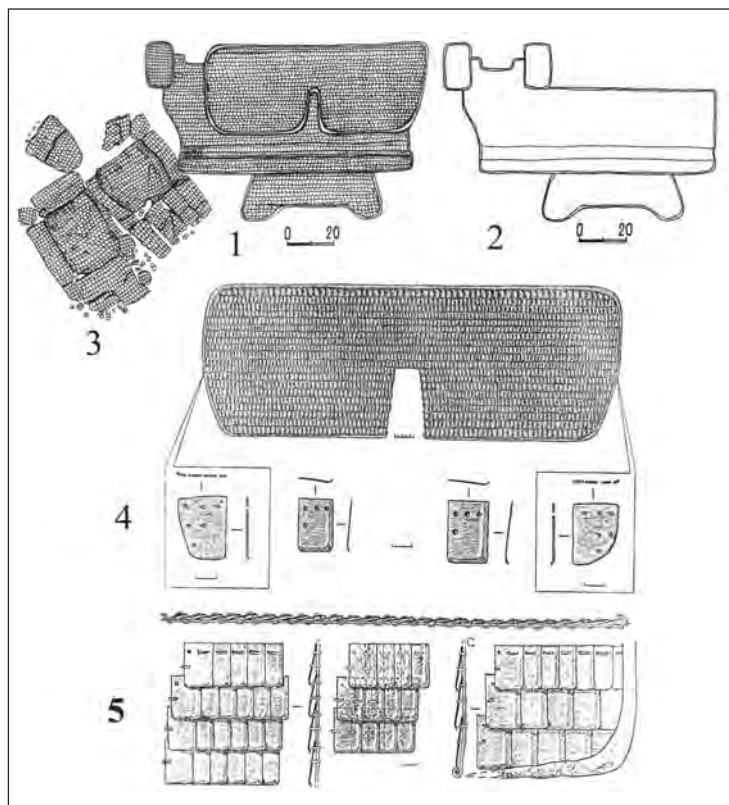

Рис. 5. Доспех из южной (мужской) погребальной камеры кургана № 2:

1-3 – общий вид в погребении;
4 – пелерина; 5 – система набора железных пластин.

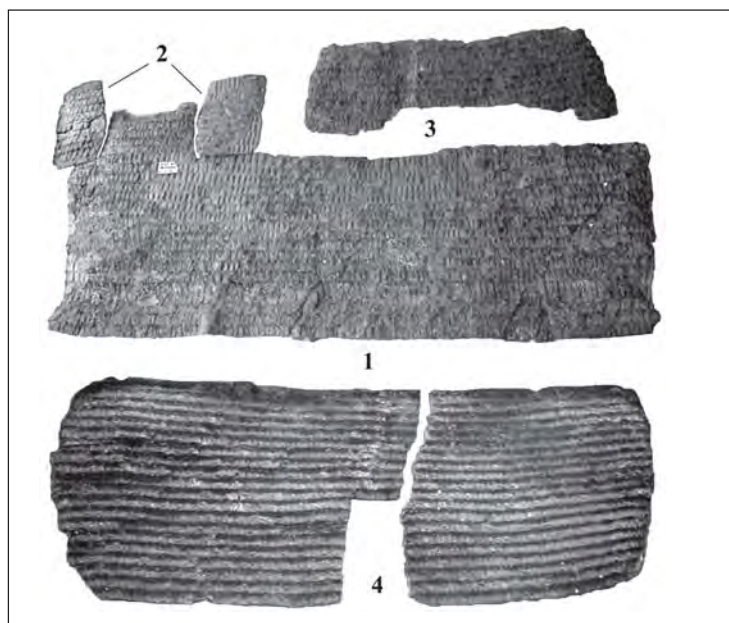

Рис. 6. Детали чешуйчатого доспеха:

1 – рубаха; 2 – оплечья; 3 – шлем; 4 – пелерина.

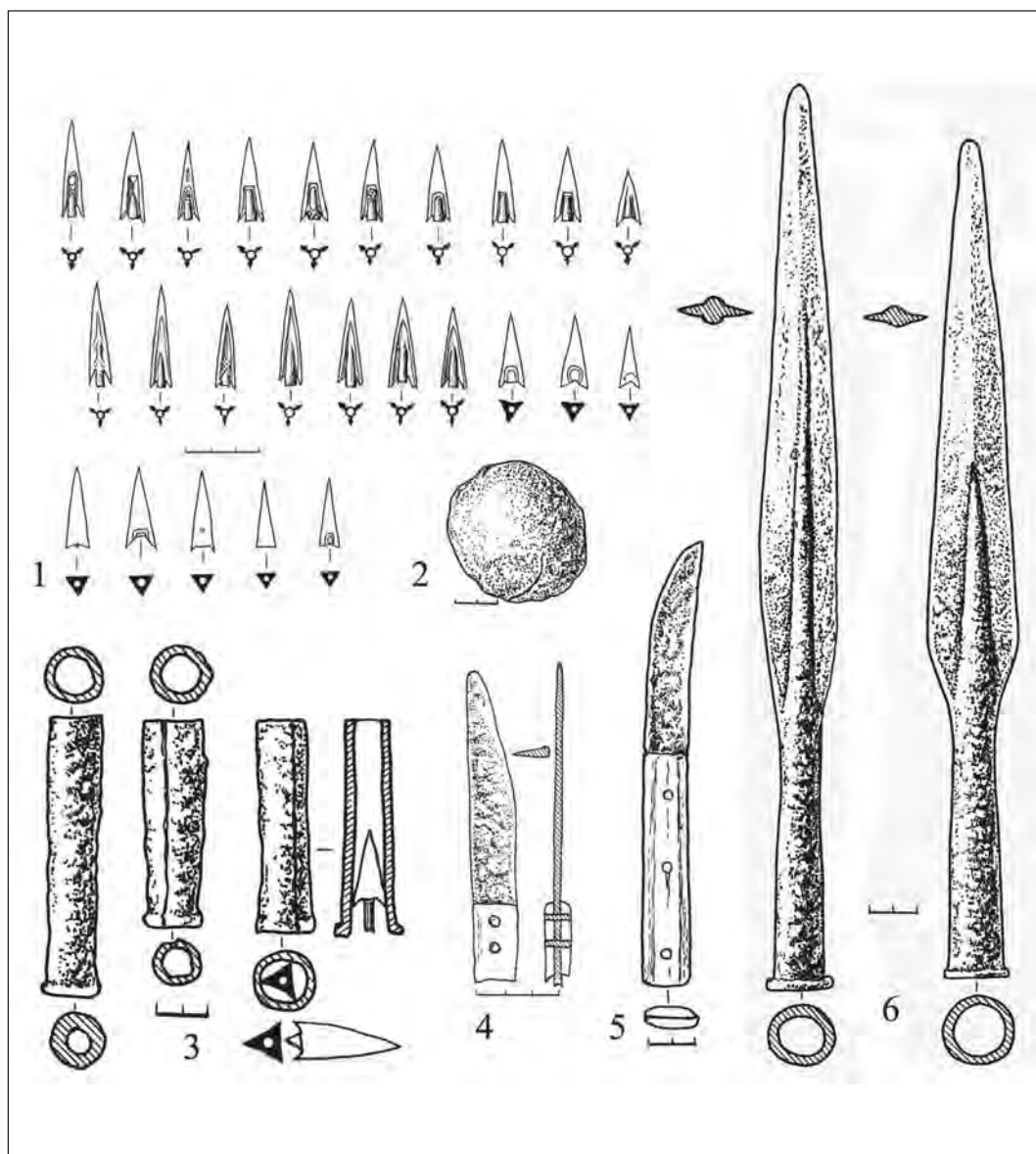

Рис. 7. Оружие из южной (мужской) погребальной камеры кургана № 2:

1 – наконечники стрел; 2 – камень пращевой; 3 – втоки и наконечник стрелы-клин; 4-5 – ножи; 6. – наконечники копий.

1 – бронза; 2 – камень; 3,6 – железо; 4,5 – железо, кость.

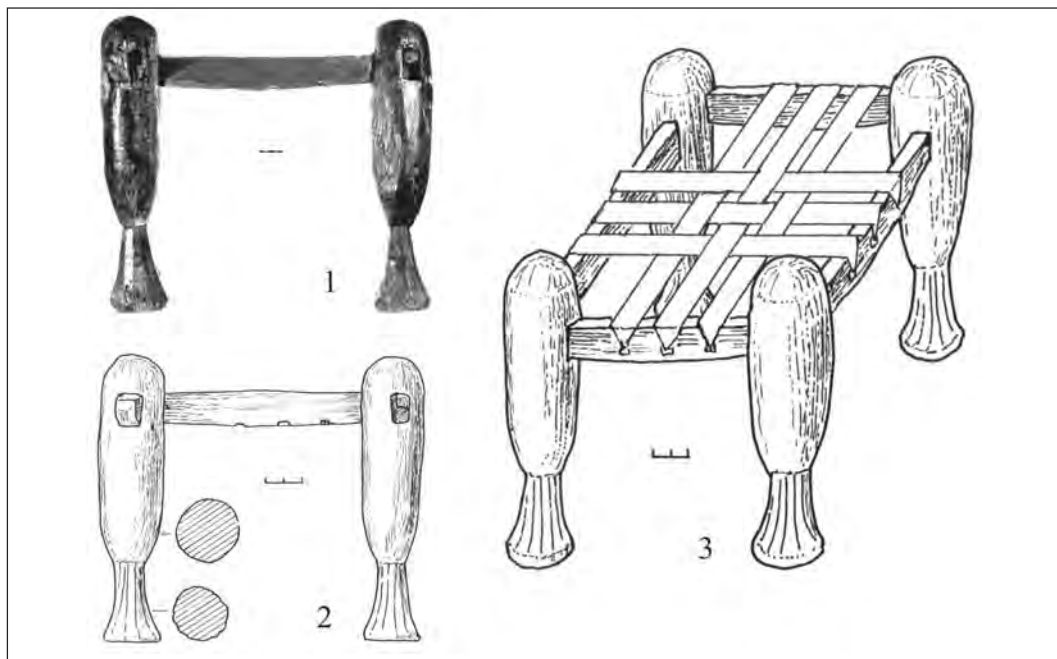

Рис. 8. Деревянный табурет из южной (мужской) погребальной камеры кургана № 2:
1-2 – детали (фото и прорисовка); 3 – реконструкция.

Рис. 9. Керамическая посуда из южной (мужской) погребальной камеры кургана № 2:
1 – лекиф красноглиняный; 2 – килик чернолаковый.

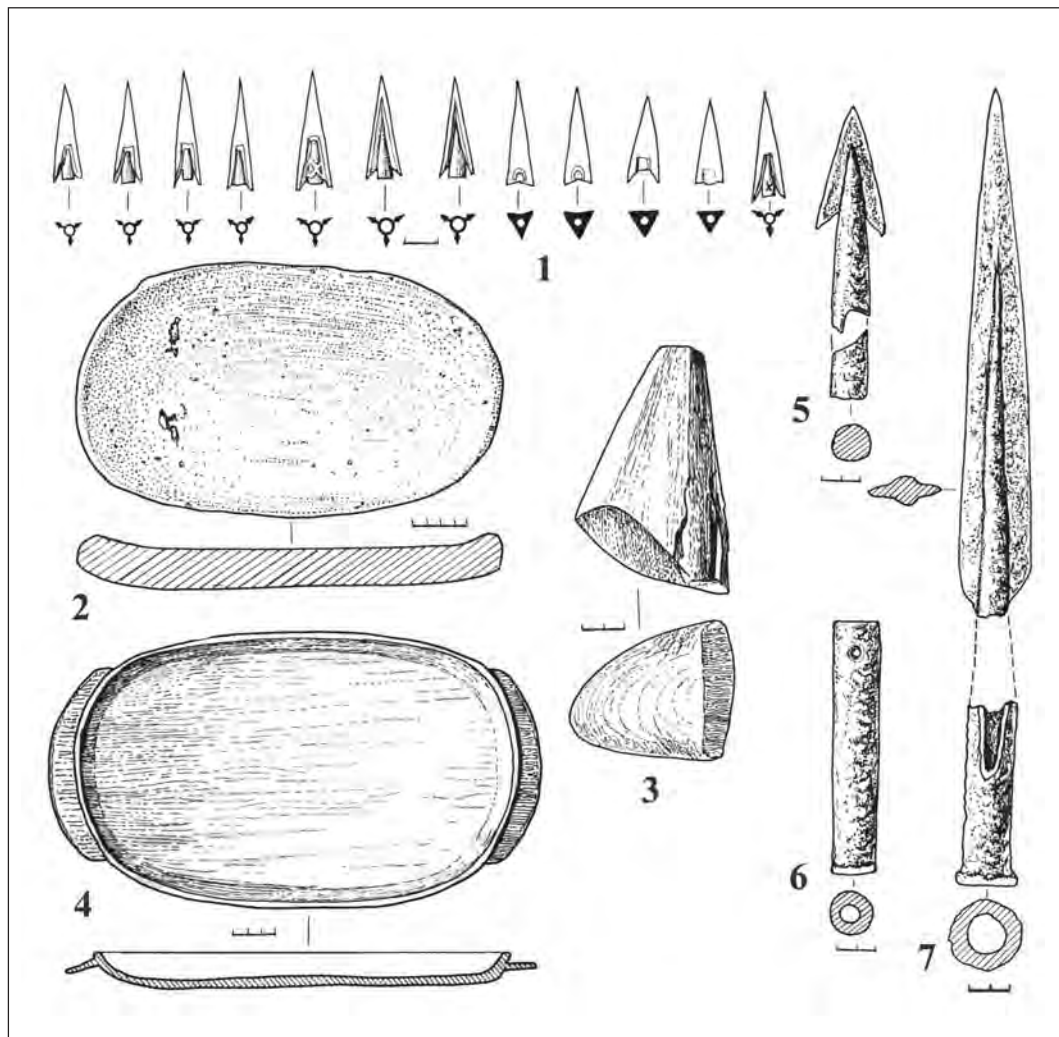

Рис. 10. Часть вещевого набора из северной (женской) погребальной камеры кургана № 2:
 1 – наконечники стрел; 2 – плитка; 3 – растиральник; 4 – блюдо; 5-6 – наконечник дротика; 7 –
 наконечник копья.
 1 – бронза; 2 – камень; 3,4 – дерево; 5-7 – железо.

Рис. 11. Импортные вещи из северной (женской) погребальной камеры кургана № 2:

1 – ожерелье; 2 – перстень; 3 – бусы; 4 – килик.

1 – золото; 2 – серебро, стекло; 3 – стекло; 4 – глина.

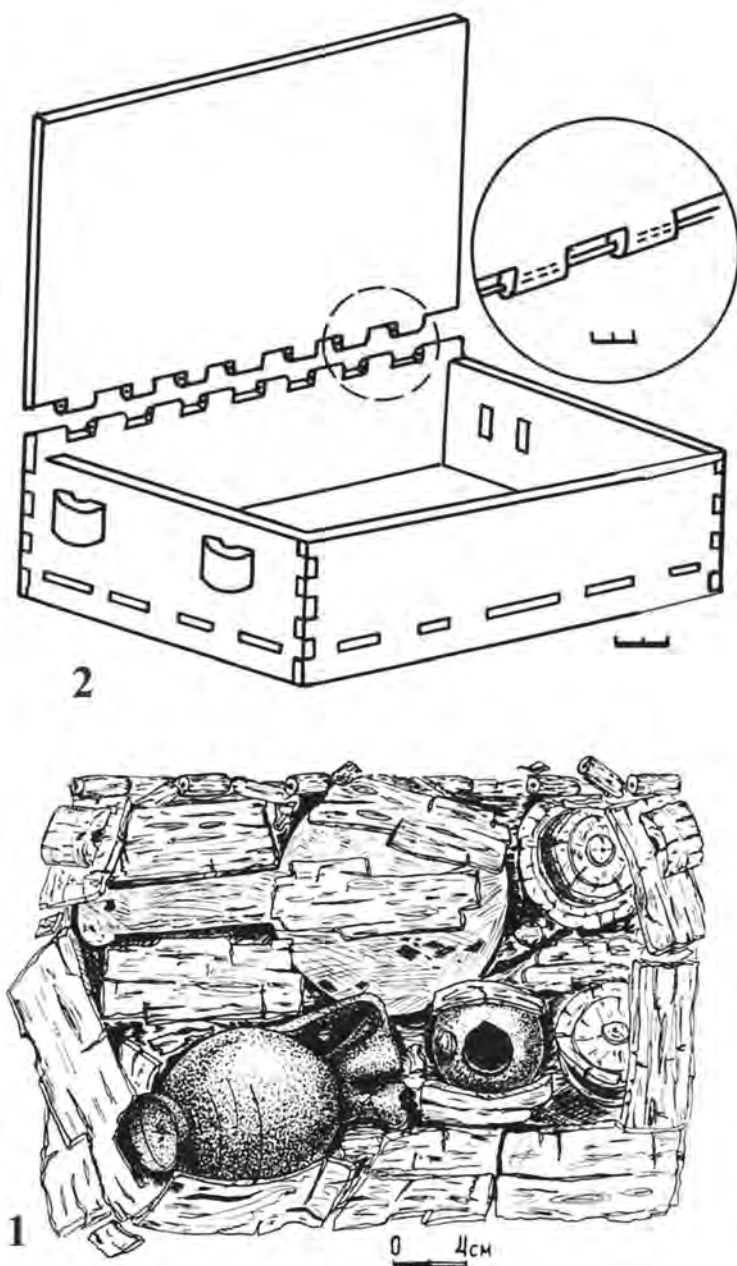

Рис. 12. Деревянная шкатулка из северной (женской) погребальной камеры кургана № 2:

1 – вид шкатулки вместе с ее содержимым; 2 – реконструкция.

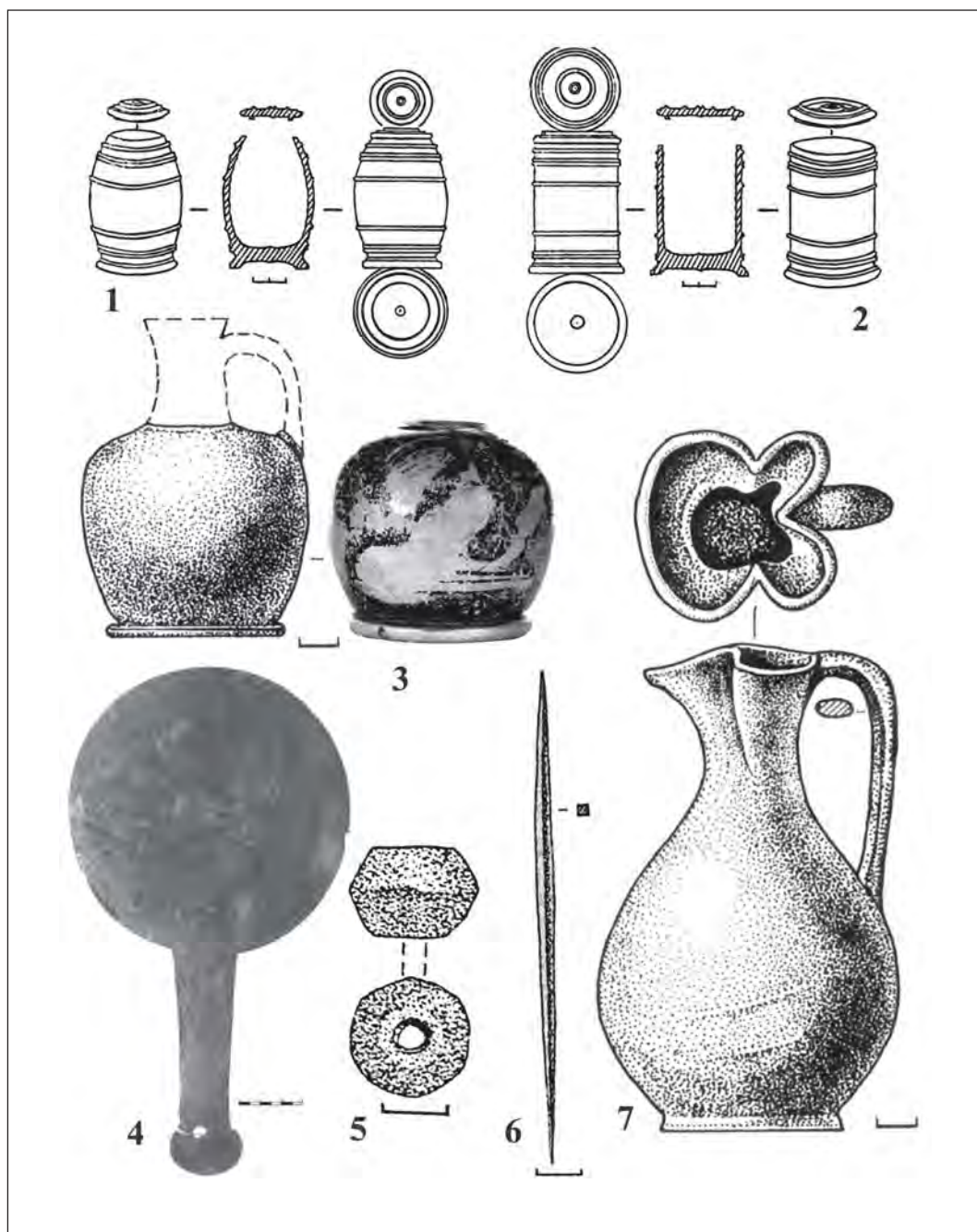

Рис. 13. Вещи из шкатулки:

1-2 – пиксиды; 3 – лекиф краснофигурный; 4 – зеркало; 5 – пряслице; 6 – шило; 7 – ойнохоя.
1-2 – дерево; 3,5,7 – глина; 4 – бронза; 6 – железо.

Рис. 14. Деревянное блюдо из погребения 2 кургана 5 у с. Булгаково.

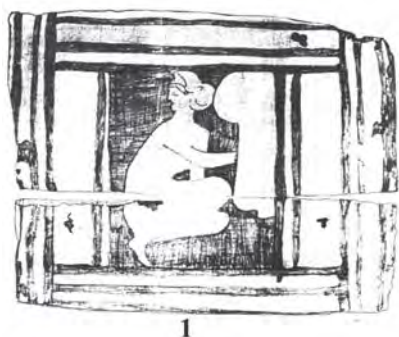
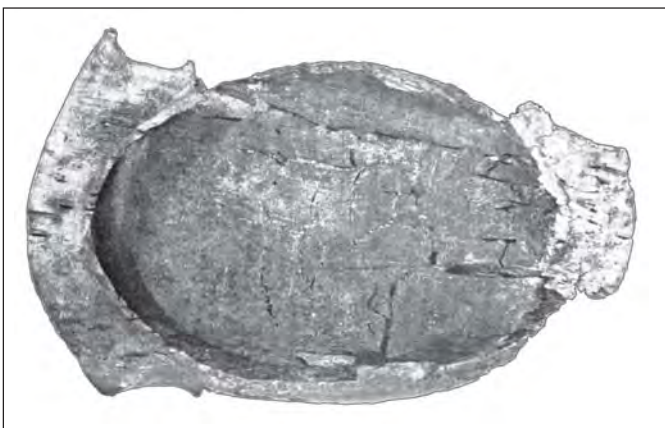

Рис. 15. Деревянные шкатулки и их изображения на расписных вазах:

1-2 – фрагменты шкатулок из погребения 2 кургана 5 у с. Булгаково; 3 – роспись на краснофигурной амфоре со сценой у алтаря мастера Дария (фото Е.Фиалко); 4 – роспись на краснофигурной пелике с изображением группы женщин и юноши (по Сидорова и др., 1985, 60).

1

2

3

4

Рис. 16. Изображения табуретов:

1 – краснофигурная пиксида со сценой мистерий; 2 – пластина, украшавшая шкатулку из 6-го Семибратнего кургана; 3 – краснофигурная амфора с изображением Ахилла и Эос; 4 – фриз восточной стены Парфенона.

С.О. НЕМЦЕВ

К ПРОБЛЕМЕ ХРОНОЛОГИЧЕСКОЙ КЛАССИФИКАЦИИ «КОЛПАЧКОВЫХ» НОЖЕК АМФОР ХИОСА IV в. до н.э.

Решение круга вопросов, связанных с изучением античной торговли, по материалам керамической тары традиционно базировалось главным образом на анализе керамических клейм. При таком подходе из поля зрения исследователей выпадала роль в торговых отношениях центров, клеймивших свою продукцию спорадически или не клеймивших ее вообще. На базе исследования керамической эпиграфики происходили разработка, совершенствование и апробация методов, использующихся для решения вопросов количественных оценок торговых отношений. И только в последнее время начали появляться работы, опирающиеся на привлечение массового профильного амфорного материала, что дает возможность оценить роль каждого участника рынка, т.е. центров, как клеймивших свою тару, так и не клеймивших [Ломтадзе, Масленников, 2004]. Но при этом возникла проблема наличия дробных типологических и хронологических классификаций профильных частей, на необходимость решения которой как на обязательное условие, позволяющее использовать массовой археологический материал как полноценный исторический источник, указывал еще И.Б. Брашинский [Брашинский, 1984, с. 21]. Поэтому проблема построения таких классификаций и доступность процедуры соотнесения конкретного материала с ними выходят на первый план.

На материалах тары Хиоса была прослежена типология амфор и отмечено, что на протяжении IV в. до н.э. ножка становится длиннее и уже, в конце столетия она приобретает почти коническую форму и в таком виде продолжает существовать в III в. до н.э., замещаясь тонкой узкой ножкой [Anderson, 1954, P. 169-170, 175, fig. 9]. И.Б. Брашинский, изучая комплексы Северного Причерноморья, включил все амфоры с «колпачковой» ножкой в одну группу «Ж» с общей датировкой IV в. до н.э., указав, что их даты достаточно расплывчаты [Брашинский, 1984, с. 143, 174-175, табл. 1]. Через двадцать лет при значительном возрастании объема источников отмечается, что выявить какие-то устойчивые типологические особенности этих амфор, характерные для небольших периодов в рамках IV в. до н.э., трудно [Монахов, 2003, с. 22-23]. Предполагается, что амфоры начала этого столетия имеют

еще невысокую «колпачковую» ножку с небольшим углублением на подопшве, во второй и третьей четвертях ножка становится высокой и слабо выделенной на стволе, а в конце IV – начале III вв. до н.э. она модифицируется в тип «З» (по И.Б. Брашинскому), т.е. уже не выделяется на стволе в виде «колпачка». А.П. Абрамов рассмотрел серию комплексов, содержащих «колпачковые» ножки, и обратил внимание на эволюцию метрических характеристик ножки во времени. Он акцентировал внимание на трех метрических параметрах: – высота налепа; – максимальный диаметр налепа; – соотношение высоты и диаметра [Абрамов, 2002]. Но из-за незначительного объема рассматриваемой им выборки ему не удалось выразить развитие «колпачковых» ножек Хиоса в форме, удобной для выявления хронологической позиции в эволюционном ряду для новых объектов. Опираясь на эту работу А.П. Абрамова, Г.А. Ломтадзе для того, чтобы узко датировать «колпачковые» ножки, использовал соотношение максимального диаметра к их высоте. Он предполагает возможным использовать это соотношение как коэффициент, значение которого, по его мнению, изменяется во времени: «Определяющими здесь будут соотношения максимального диаметра и высоты «колпачка». Для конца V – 70-х гг. IV вв. до н.э. этот показатель составляет около единицы. Ближе к середине века он начинает меняться и во второй половине того же столетия равняется: 0,7–0,9» [Ломтадзе, Масленников, 2004, с. 149]. Но отсутствие развернутой аргументации такой гипотезы и форма ее подачи делают практически невозможным ее использование.

Нами ранее была предпринята попытка выявления статистически значимых устойчивых сочетаний качественных (морфологических) и количественных (метрических) характеристик «колпачковых» ножек Хиоса. Выборка материала, происходящая с Белозерского поселения (хора Ольвии), была описана набором из 12 (3 – качественных, 9 – количественных) формально выделенных признаков и подвергнута анализу с использованием статистического алгоритма, апробированного С.Ю. Внуковым на амфорных материалах первых веков н.э. [Внуков, 2003, с. 182–183]. В результате проведенного анализа нами было выделено 6 размерных групп «колпачковых» ножек Хиоса и была установлена корреляция качественных признаков с этими группами. Анализ хронологии закрытых комплексов, в которых встречаются «колпачковые» ножки, позволил разделить их на ранние, средние и поздние (что отвечает датировкам в рамках конца первой, второй, третьей, четвертой четвертей IV в. до н.э.) [Былкова, Немцев, 2007; Былкова, Немцев, 2009].

Но большое количество учтенных признаков усложняло возможность отнесения новых материалов с выделяемыми группами. Поэтому нам кажется перспективным проверить гипотезу Абрамова–Ломтадзе о значимости для хронологической дифференциации «колпачковых ножек» следующих признаков.

1. Максимальный диаметр «колпачка» (в терминологии А.П. Абрамова, «налепа»).
2. Высота «колпачка».
3. Их соотношение (А.П. Абрамов использует соотношение высоты к диаметру, а Г.А. Ломтадзе - диаметра к высоте). Мы использовали при расчетах соотношение высоты к диаметру.

С этой целью нами была сформована выборка «колпачковых» ножек с Белозерского поселения. В ее состав вошли ранее анализировавшиеся экземпляры [Былкова, Немцев, 2009], дополненные материалами коллекций 1991 и 2009 годов. В целом объем рассматриваемой выборки составил 112 хиосских «колпачков» полной сохранности. Выборка была описана набором вышеприведенных признаков и подвергнута исследованию методом сравнения объектов в абстрактном n -мерном гиперпространстве признаков с расчетом евклидова расстояния между ними и последующим кластерным анализом полученной матрицы расстояний с помощью агломеративно-иерархического метода [Внуков, 2003, с.182-183].

В результате проведенного анализа выделилось семь крупных групп, получивших обозначения римскими цифрами. Первые четыре группы в свою очередь делятся на несколько вариантов, им присвоены буквенные индексы. Таким образом, получен набор из 12 групп (в состав которых вошли 110 объектов из 112, т.е. 98% объема выборки), которые принимают участие в дальнейшем рассмотрении.

С целью выяснения хронологии выделенных групп обратимся к рассмотрению хронологии 8 закрытых комплексов, в которых встречены амфорные ножки нашей выборки.

Яма №50, которая засыпалась постепенно, а не была заполнена мусором сразу во время большой перестройки. В заполнении найдено гераклеиское двустрочное энглифическое клеймо с именем фабриканта Дамофона и остатками эмблемы. Имя магистрата смазано, но упомянутый фабрикант сочетается с магистратами подгрупп IIВ (Молосс, Керкин) [Монахов, 1999, с. 264, 306-307], IIIА (Ликон) [Монахов, 1999, с. 295] и начала подгруппы IVА (Бакх) [Монахов, 1999, с. 351]. Соответственно, возможна датировка от 380-х до середины 350-х гг. до н.э.

Полуземлянка №80. Ближайшее сходство с амфорами из этого комплекса [Былкова, 2010] имеет амфора неопределенного центра из Елизаветовского могильника. Она входит в комплекс 370-х – середины 360-х гг. до н.э. [Монахов, 1999, с. 312-313, табл. 133,2]. Близкую аналогию представляет верхняя часть амфоры, найденная в херсонесском некрополе, предположительно, средиземноморского происхождения. Ее дата – первая половина – середина IV в. до н.э [Монахов, Абросимов, 1993, с. 128, табл. 7,20]. Одна из синопских ножек имеет укороченный ствол и выпуклое основание и может быть

отнесена к варианту II-A-2 с датировкой 60-ми гг. IV в. до н.э., вторая остроресберная с углублением на подошве варианта II-E-1 датируется второй четвертью – серединой столетия [Монахов, 2003, с. 149, 151, табл. 101,6. табл. 102,6]. Имеются фрагменты амфор, которые предположительно можно отнести к продукции Пепарета варианта I-A [Монахов, 2003, табл. 68,1]. Таким образом, набор амфор указывает на вторую четверть IV в. до н.э. В верхней части заполнения найдены чернолаковые лекифы последней четверти IV в. до н.э., относящиеся к финальной стадии развития классических лекифов со сферическим туловом [Rotroff, 1997, P. 169, 349 №1110, pl. 81, fig. 69]. Чернолаковый аск аналогичен находке из некрополя Истрии, он относится к типу третьей четверти IV в. до н.э. [Alexandrescu, P. 93, fig. 16, №611]. Аналогии «кубкам» и блюдцу не обнаружены, не исключено, что эти сосуды являются продукцией малоазийских мастерских. В полуземлянке № 80 находились и другие целые сосуды: лутерий коринфского производства, сероглиняная посуда (кувшины и миски), но уточнить дату по ним не представляется возможным. Чернолаковая керамика в этом комплексе датирует период большой перестройки, в то время как амфоры составляют более ранний набор 370-х – 350-х гг. до н.э.

В полуземлянке №63 не найдено фрагментов амфор Коса, Херсонеса и т.п. Фасосское клеймо ΑΡΙΣΤΟΚΛΑ(...) ΤΙΜΗΣΙΘΕΟΣ с эмблемой «коза» даже в системе поздней хронологии относится к 342 – 330 гг. до н.э. [Avram, 1996, P. 100, №124].

В яме №76-А в качестве датирующего материала выделяются фрагменты краснофигурного аттического скифоса середины IV в. до н.э. [Moore, 1997, p. 305. №1304. pl. 122]. Одна низкая амфорная ножка, по аналогии с находками с острова Фасос, может быть отнесена к типу фасосских амфор, характерных, по преимуществу, для периода – 360 – 330 гг. до н.э. [Blonde, Muller, Mulliez, 1991, p. 216-217, №8]. В этом комплексе уже присутствует ножка херсонесской амфоры раннего I типа, третья четверть IV в. до н.э. [Монахов, Кузнецова, 2009].

В яме №62 набор фрагментов амфор типичен для третьей четверти IV в. до н.э., что совпадает с датой фрагмента чернолакового аттического скифоса [Rotroff, 1997, op. cit. №150].

В золистом заполнении жилища №81 найдены 950 фрагментов амфор, в том числе 38 фрагментов ножек с абсолютным преобладанием хиосских «колпачковых», а также фрагменты чернолаковых канфаров, киликов, скифоса, чаши блюда. По основному набору амфор и чернолаковой керамики заполнение можно датировать третьей четвертью IV в. до н.э.

В нижней части заполнения ямы №112 были найдены фрагменты краснофигурного скифоса середины IV в. до н.э. [Moore, 1997, № 1304].

В заполнении жилища №142 сохранилось гераклеийское энглифическое клеймо ΠΕΔΙΕΛΩΣ, по-видимому, поздней фабрикантской группы. Здесь же найдено

плохой сохранности клеймо на фрагменте фасосской амфоры «коническо-би-конического типа конического варианта позднеконической серии II-C-3» последней четверти IV – начала III вв. до н.э. [Монахов, 2003, с. 73, табл. 49, 4-6].

Данные о распределении хиосских «колпачковых» ножек из закрытых комплексов по выделяемым группам сведены в таблице 1.

Таблица 1.

	II-A	III-A	I-A	I-B	II-B	III-B	IV-A	IV-B	VI	V	II-C	VII
Полуземлянка №80	+	+										
Яма №50		+										
Жилище №81	+							+				
Яма №112				+	+							
Яма №62							+					
Яма №76-A	+	+	+				+					
Полуземлянка №63	+		+			+	+					
Жилище 142								+	+			
1-й хронологический пласт			Конец первой – вторая четверть IV в. до н.э.									
2-й хронологический пласт			Третья четверть IV в. до н.э.									
3-й хронологический пласт			Четвертая четверть IV в. до н.э. – начало III в. до н.э.									

Таким образом, опираясь на рассмотренную выборку, можно предположить, что группы «колпачковых» ножек II-A, III-A были распространены в конце первой – второй четверти IV в. до н.э., группы I-A, I-B, II-B, III-B, IV-A, IV-B в третьей четверти столетия, группа VI в последней четверти IV в. до н.э.

Теперь перейдем к рассмотрению изменений метрических параметров хиосских «колпачковых» ножек во времени.

Наиболее ранние группы II-A, III-A. Группа II-A характеризуется следующими параметрами: высота «колпачка» в (далее Н) диапазоне 80-86 мм; диаметр (далее D) 71-76 мм; соотношение высоты к диаметру (далее К) 1,06-1,166. Группа III-A характеризуется следующими параметрами: Н – 74-82 мм; D – 60-70 мм; К – 1,134-1,227.

Таким образом, можем сделать следующие замечания:

– «колпачки» первого хронологического пласта характеризуются высотой от 74 до 86 мм и диаметром от 60 до 76 мм (Табл. 2, рис. 1, 2).

Средние группы, хронология которых установлена при анализе комплексов I-A, I-B, II-B, III-B, IV-A, IV-B. Группа I-A характеризуется следующими параметрами: Н – 84-91 мм; D – 67-71 мм; К – 1,231-1,323. Группа I-B характеризуется следующими параметрами: Н – 87-95 мм; D – 71-76 мм; К – 1,191-1,283. Группа II-B характеризуется следующими параметрами: Н – 78-84 мм; D – 76-80 мм; К – 1,012-1,076. Группа III-B характеризуется следующими параметрами: Н – 83-85 мм; D – 60-65 мм; К – 1,276-1,4. Группа IV-A характеризуется следующими параметрами: Н – 70-75 мм; D – 67-74 мм; К – 1-1,072. Группа IV-B характеризуется следующими параметрами: Н – 61-69 мм; D – 65-72 мм; К – 0,888-0,985.

В рамках третьей четверти IV в. до н.э. наблюдается вариабельность сочетаний метрических характеристик. Можно выделить как минимум три блока характеристик:

а) высота от 83 до 95 мм, диаметр от 60 до 76 мм, значение критерия К от 1,19 до 1,4 (группы III-B, I-A, I-B);

б) высота от 67 до 84 мм, диаметр от 70 до 84 мм, критерий К от 1 до 1,1 (группы II-B, IV-A);

в) высота от 61 до 69 мм, диаметр от 65 до 72 мм, критерий К от 0,88 до 0,98 (группа IV-B) (Табл. 3, рис. 3, 4, 5).

Таблица 3.

	№год	D _{кол}	H _{кол}	H _{кол} / D _{кол}
I-A	158\2002	70	88	1,257143
	190\2001	69	85	1,231884
	233\2005	70	89	1,271429
	268\2003	70	89	1,271429
	268\8938	68	86	1,264706
	365\8938	70	88	1,257143
	41\1999	67	84	1,253731
	558\8938	67	86	1,283582
	56\1998	71	91	1,28169
	568\8938	70	87	1,242857
	575\8938	69	88	1,275362
	581\8938	70	89	1,271429
	68\2005	68	90	1,323529
	81\2009	69	91	1,318841
Ср. арф.		69,14	87,92	1,271
Диапазон		67-71	84-91	1,231-1,323

I-B	108\2005	74	90	1,216216
	12\2006	74	94	1,27027
	130\8939	75	93	1,24
	196\2003	73	87	1,191781
	215\2002	72	88	1,222222
	31\2005	74	95	1,283784
	334\2009	72	87	1,208333
	47\2005	76	95	1,25
	67\2001	71	87	1,225352
	71\2004	74	95	1,283784
Ср. арф.		73,5	91,1	1,239
Диапазон		71-76	87-95	1,191-1,283
II-B	107\2005	80	83	1,0375
	189\2003	77	78	1,012987
	389\8938	78	84	1,076923
	99\2005	76	80	1,052632
Ср. арф.		77,75	81,25	1,045
Диапазон		76-80	78-84	1,012-1,076
III-B	137\1998	65	83	1,276923
	187\2001	65	85	1,307692
	48\2003	64	85	1,328125
	50\1999	63	84	1,333333
	73\1999	60	84	1,4
Ср. арф.		63,4	84,2	1,329
Диапазон		60-65	83-85	1,276-1,4
IV-A	133\2001	74	75	1,013514
	148\2006	73	73	1
	154\2001	73	75	1,027397
	189\2001	67	70	1,044776
	190\2003	69	70	1,014493
	208\2002	72	73	1,013889
	269\2003	69	74	1,072464

	27\2005	69	71	1,028986
	337\2009	69	72	1,043478
	338\2009	69	70	1,014493
	37\2003	74	75	1,013514
	82\2009	73	74	1,013699
	86\1999	73	75	1,027397
Ср. арф.		71,07	72,84	1,025
Диапазон		67-74	70-75	1-1,072
IV-B	104\2004	72	65	0,902778
	107\2004	70	66	0,942857
	158\2003	72	64	0,888889
	336\2009	70	69	0,985714
	59\2009	70	67	0,957143
	67\2002	72	67	0,930556
	86\2003	65	61	0,938462
	101\2007	71	69	0,971831
Ср. арф.		70,25	66	0,939
Диапазон		65-72	61-69	0,888-0,985

Поздняя группа VI, хронология которой установлена при анализе комплексов, характеризуется следующими параметрами: Н – 90-101 мм; D – 61-68 мм; К – 1,4-1,578.

Таким образом, можно сделать следующие наблюдения:
– «колпачки» четвертой четверти IV в. до н.э. характеризуются высотой от 90 до 101 мм, диаметром от 61 до 68 мм и критерием К выше 1,4 (группа VI) (Табл. 4, рис. 6).

Таблица 4.

	№год	D _{кол}	H _{кол}	H _{кол} /D _{кол}
VI	100\1998	61	94	1,540984
	103\2007	68	98	1,441176
	159\2002	65	91	1,4
	216\1998	61	90	1,47541
	24\1999	64	101	1,578125
	572\8938	68	100	1,470588

	578\8938	65	92	1,415385
	68\2006	65	96	1,476923
	102\2007	68	100	1,470588
Ср. арф.		65	95,77	1,474
Диапазон		61-68	90-101	1,4-1,578

У нас осталась не выясненной хронологическая позиция трех выделяемых групп – II-C, V, VII. Если попробовать соотнести параметры этих трех групп с группами, для которых имеются хронологические наблюдения, получаем следующие результаты.

Группа II-C характеризуется следующими параметрами: Н – 88-93 мм; D – 78-80 мм; К – 1,1-1,192. Нам кажется возможным отнести эту группу к набору групп третьей четверти IV в. до н.э. Группа II-C логически может заполнить лауну между блоками групп (а) и (б). Диапазоном высоты группы II-C (Н – 88-93 мм) вписывается в диапазон блока групп III-B, I-A, I-B (Н – 83-95 мм). Диапазон диаметра группы II-C (D – 78-80 мм) вписывается в диапазон блока групп II-B, IV-A (D – 70-84 мм). Диапазон критерия К группы II-C (К – 1,1-1,9) вписывается в лауну, образованную диапазонами блоков групп II-B, IV-A (К – 1-1,1) и группы III-B, I-A, I-B (К – 1,19-1,4) (Табл. 5, рис. 4).

Таблица 5.

	№\год	D_{кол}	H_{кол}	H_{кол} / D_{кол}
II-C	116\2001	78	90	1,153846
	335\2009	78	93	1,192308
	403\2004	80	88	1,1
	48\2004	80	91	1,1375
Ср. Арф.		79	90,5	1,145
Диапазон		78-80	88-93	1,1-1,192

Группа VII характеризуется следующими параметрами: Н – 96-112 мм; D – 78-80 мм; К – 1,355-1,472. Нам кажется возможным отнести эту группу к четвертой четверти IV в. до н.э. Диапазоны высоты и диаметра группы VII (Н – 96-112 мм; D – 78-80 мм) являются продолжением диапазонов группы VI (Н – 90-101 мм; D – 61-68 мм). А диапазон критерия К группы VII (К – 1,355-1,472) вписывается в диапазон группы VI (К – 1,4-1,578) (Табл. 6, рис. 6).

Таблица 6.

	№\год	D _{кол}	H _{кол}	H _{кол} / D _{кол}
VII	131\2001	73	102	1,39726
	149\2001	76	105	1,381579
	167\1999	72	106	1,472222
	31\2002	80	112	1,4
	313\2004	76	103	1,355263
	569\8938	70	96	1,371429
	576\8938	72	100	1,388889
Ср. арф.		74,14	103,42	1,395
Диапазон		70-80	96-112	1,355-1,472

Группа V характеризуется следующими параметрами: H – 54-68 мм; D – 54-61 мм; K – 1-1,214. Параметры этой группы невозможно соотнести с параметрами других групп. Малые линейные параметры этой группы дают основание предположить, что «колпачки», составляющие данную группу, являются ножками фракционных амфор. Таким образом, хронология этой группы пока остается нам неизвестной (Табл. 7).

Таблица 7.

	№\год	D _{кол}	H _{кол}	H _{кол} / D _{кол}
V	191\2003	54	54	1
	212\2002	59	64	1,084746
	339\2009	56	68	1,214286
	341\2009	55	60	1,090909
	389\2004	58	62	1,068966
	570\8938	61	65	1,065574
Ср. арф.		57,16	62,16	1,087
Диапазон		54-61	54-68	1-1,214

С целью проверки полученной хронологической последовательности выделенных групп мы попробуем соотнести ножки амфор из хорошо датированных комплексов, которые А.П. Абрамов использовал для построения эволюционного ряда «колпачков», с предлагаемой нами типологией и хронологией.

Образец номер один – это амфоры из подводного комплекса 23 затопленной части Патрея. По ретроградному двустрочному гераклеяскому клейму первой группы фабриканта Сотера и фасосским клеймам магистра Леонида

(второе анэпиграфное) Абрамов А.П. датировал этот комплекс не позже конца первой IV в. до н.э. [Абрамов, 2002, с. 20]. Ножка первой амфоры характеризуется следующими параметрами: Н – 78-88 мм; D – 72-76 мм; К – 1,083-1,157 – может быть соотнесена с группой II-A предлагаемой типологии (табл. 1), для которой мы предполагаем дату конец первой – вторая четверть IV в. до н.э. Ножка второй амфоры характеризуется следующими параметрами: Н – 65 мм; D – 63 мм; К – 1,031, – может быть соотнесена с группой V предлагаемой типологии. Для группы V у нас отсутствуют хронологические наблюдения. Что интересно, А.П. Абрамов отнес эту ножку к «фракционным» [Абрамов, 2002, с. 20].

Образец номер два – амфора из погребения 2 кургана 4 некрополя Николия [Монахов, 1999, табл. 101,5, с. 255]. С.Ю. Монахов датировал этот комплекс второй четвертью IV в. до н.э. Ножка амфоры характеризуется следующими параметрами: Н – 86 мм; D – 66 мм; К – 1,303 [Абрамов, 2002, с. 20] и может быть отнесена либо к группе I-A либо III-B предлагаемой типологии (табл. 3), которые мы датировали третьей четвертью IV в. до н.э.

Образец номер три – амфора из тризны кургана 8 группы «Чередникова Могила» [Монахов, 1999, табл. 149, 9-10, с. 340-348]. С.Ю. Монахов датировал этот комплекс серединой IV в. до н.э. Ножка амфоры характеризуется следующими параметрами: Н – 80 мм; D – 70 мм; К – 1,142 [Абрамов, 2002, с. 21] и может быть соотнесена с группой III-A предлагаемой типологии, где для нее имеется прямая аналогия (табл. 3, №42\2006) которую мы датируем третьей четвертью IV в. до н.э.

Образец номер четыре – амфора из погребения 1-1936 г. из Херсонеса, которая по чернолаковым канфарам датируется серединой IV в. до н.э. Ножка амфоры характеризуется следующими параметрами: Н – 96 мм; D – 70 мм; К – 1,371 [Монахов, Абросимов, 1993, табл. 3, №№9, 43, 44, с. 126] и может быть соотнесена с группой VII предлагаемой типологии, где для нее имеется прямая аналогия (табл. 4, 569\8939), которую мы датируем четвертой четвертью IV в. до н.э.

Образец номер пять – амфора из из раскопок А.А. Масленикова, происходящая с поселения «Пустынный Берег I». Ножка амфоры характеризуется следующими параметрами: Н – 100 мм; D – 71 мм; К – 1,408 [Абрамов, 2002, с. 21] и может быть отнесена к группе VII предлагаемой типологии, которую мы датируем четвертой четвертью IV в. до н.э.

В результате проведенного анализа установлено, что гипотеза Абрамова-Ломтадзе в общих чертах отображает закономерности эволюции «хиосских колпачковых» ножек в течение всего IV в. до н.э. Однако дополнение ее статистико-комбинаторными и хронологическим наблюдениями над выборкой значительного объема позволило значительно ее уточнить.

Полученная типологическая и хронологическая классификация может

дать возможность использовать хиосские «колпачковые» ножки как один из хроноиндикаторов, что очень важно ввиду их массовости в слоях античных памятников Северного Причерноморья IV в. до н.э. В свою очередь, накопление информации о коллекциях «колпачковых» ножек со многих памятников даст возможность ставить и решать проблемы динамики и направленности поставок товаров в амфорах Хиоса. Основные результаты проведенного анализа представлены в таблице 8.

Таблица 8.

Конец первой – вторая четверть IV в. до н.э.			
	D _{кол}	H _{кол}	H _{кол} / D _{кол}
II-A	71-76	80-86	1,106-1,166
III-A	62-70	74-82	1,134-1,227
Третья четверть IV в. до н.э.			
III-B	60-65	83-85	1,276-1,4
I-A	67-71	84-91	1,231-1,323
I-B	71-76	87-95	1,191-1,283
II-C	78-80	88-93	1,1-1,192
II-B	76-80	78-84	1,012-1,076
IV-A	67-74	70-75	1-1,072
IV-B	65-72	61-69	0,888-0,985
Четвертая четверть IV в. до н.э.			
VI	61-68	90-101	1,4-1,578
VII	70-80	96-112	1,355-1,472
Хронология неизвестна			
V	54-61	54-68	1-1,214

ЛИТЕРАТУРА

1. *Абрамов А.П.* Типология и хронология амфор о. Хиос // ДБ – 2002. – Вып. 5. – С. 7-26.
2. *Брашинский И.Б.* Методы исследования античной торговли (на примере Северного Причерноморья). Л., 1984.
3. *Былкова В.П., Немцев С.О.* Разработка типологии «колпачковых» ножек хиосских амфор на основе статистического анализа формально выделенных признаков // Международные отношения в бассейне Черного моря в древности и средние века, материалы XII Международной научной конференции. – Ростов-на-Дону, 2007. – С. 55-58.
4. *Былкова В.П., Немцев С.О.* Статистико-комбинаторный анализ как основа типологии и хронологии «колпачковых» ножек (по материалам Белозерского поселения) //

- Международные отношения в бассейне Черного моря в скифо-античное и хазарское время. – Ростов-наДону, 2009. – С. 139-147.
5. Былкова В.П. Комплекс керамической тары из полуземлянки №80 на Белозерском поселении // АМА – 2010 – Вып. 14. – С. 350-370.
 6. Внуков С.Ю. Причерноморские амфоры I в. до н.э. – I в. н.э. М., 2003.
 7. Ломтадзе Г.А., Масленников А.А. К реконструкции торгово-экономической ситуации на хоре европейского Боспора // ПИФК – 2004 – № 14. – С. 142-161.
 8. Монахов С.Ю. Греческие амфоры в Причерноморье. Комплексы керамической тары VII-II вв. до н.э. Саратов, 1999.
 9. Монахов С.Ю. Греческие амфоры в Причерноморье. Типология амфор ведущих центров – экспортеров товаров в керамической таре: каталог-определитель. Москва–Саратов, 2003.
 10. Монахов С.Ю., Абросимов Э.Н. Новое о старых материалах из херсонесского некрополя // АМА – 1993 – Вып. 9. – С. 118-159.
 11. Монахов С.Ю., Кузнецова Е.В. Об одной серии амфор неустановленного дорийского центра IV в. до н.э. (бывшие «Боспорские» или «раннехерсонесские») // Международные отношения в бассейне Черного моря в скифо-античное и хазарское время. – Ростов-наДону, 2009. – С. 148-161.
 12. Anderson J.K. Excavations on the Kofina Ridge, Chios // BSA. – 1954. – XLIX.
 13. Avram A Les Timbres Amphoriques. Thasos. Histria. VIII. 1. Bucarest-Paris, 1996.
 14. Alexandrescu P La ceramique d'poque archaïque et classique (VII-IV s.) // Histria. – 1978. – IV.
 15. Bonde Fr, Muller A, Mulliez D. Le Comblement d'un Puits a Thasos. (les Abords Nord-Est de l'Agora de Thasos. II.5). 5. Le Materiel Amphorsque // BCH. – 1991. – 115.
 16. Moore M.B. Attic Red-fifured and White-ground Pottery. The Athenian Agora. V. XXX. Princeton, 1997.
 17. Rotroff S. Hellenistic Pottery. Athenian and Imported Wheelmade Table Were and Related Material // The Athenian Agora. – 1997. – Vol. XXIX.

С.О. Немцев

ДО ПРОБЛЕМИ ХРОНОЛОГІЧНОЇ КЛАСИФІКАЦІЇ «КОВПАЧКОВИХ» НІЖОК АМФОР ХІОСУ IV СТ. ДО Н.Е.

Резюме

Необхідність дрібних типологічних та хронологічних типологій «ковпачкових» ніжок амфор Хіоса є необхідною умовою для оцінки динаміки імпорту товарів з цього острова в інші регіони античного світу. На сучасному етапі досліджень намічена загальна схема еволюції і запропонована послідовність комплексів, які її ілюструють. Раніше нами була здійснена спроба на базі статистичного аналізу закономірностей розподілу кількісних ознак побудувати типологію «ковпачкових» ніжок амфора Хіосу. Отримане в результаті групування матеріалу продемонструвало кореляцію з хронологією комплексів, з яких походять ніжки. Але отримана класифікація була не зручна в роботі, вона враховувала велику кількість ознак і для віднесення нових матеріалів до тієї чи іншої групи було необхідно повторювати розрахунки.

В працях А.П. Абрамова і Г.А. Ломтадзе акцентовано увагу на тому, що

типоутворюючими є три ознаки – висота «ковпачка», діаметр та їх співвідношення. На серії ніжок, які вже аналізувались, ця гіпотеза була перевірена в результаті була отримана система з 12 груп, які корелюють з хронологією комплексів, з яких вони походять. Отримана класифікація зручна для визначення приналежності до тієї або іншої групи нових матеріалів. Основні результати дослідження представлені в поданій нижче таблиці (розміри вказані в мм).

Кінець першої – друга чверть IV ст. до н.е.			
	D _{кол}	H _{кол}	H _{кол} / D _{кол}
II-A	71-76	80-86	1,106-1,166
III-A	62-70	74-82	1,134-1,227
Третя чверть IV ст. до н.е.			
III-B	60-65	83-85	1,276-1,4
I-A	67-71	84-91	1,231-1,323
I-B	71-76	87-95	1,191-1,283
II-C	78-80	88-93	1,1-1,192
II-B	76-80	78-84	1,012-1,076
IV-A	67-74	70-75	1-1,072
IV-B	65-72	61-69	0,888-0,985
Четверта чверть IV ст. до н.е.			
VI	61-68	90-101	1,4-1,578
VII	70-80	96-112	1,355-1,472
Хронологія невідома			
V	54-61	54-68	1-1,214

С.О. Немцев

К ПРОБЛЕМЕ ХРОНОЛОГИЧЕСКОЙ КЛАССИФИКАЦИИ «КОЛПАЧКОВЫХ» НОЖЕК АМФОР ХИОСА IV В. ДО Н.Э.

Резюме

Необходимость дробной типологической и хронологической типологии «колпачковых» ножек амфор Хиоса является необходимым условием для оценки динамики импорта товаров с этого острова в другие районы античного мира. К настоящему времени намечена общая схема эволюции и предложена последовательность комплексов, которые ее иллюстрируют. Этот подход исходит из представления об

однолинейной направленности эволюции «колпачковой» ножи. Нами ранее была предпринята попытка на основе многомерного статистического анализа закономерностей распределения метрических признаков построить типологию хиосских «колпачковых» ножек. Полученная в результате разбивка выборки на группы коррелировала с хронологией комплексов, в которых были встречены ножи. Но полученная группировка была не очень удобна в работе, она учитывала большое количество признаков, и для отнесения новых материалов к той или другой группе необходимо было повторять расчеты. Таким образом, было установлена перспективность применения анализа закономерностей распределения метрических признаков.

В работах А.П. Абрамова и Г.А. Ломтадзе акцентировано внимание на то, что типобразующим выступает сочетание трех признаков – высота «колпачка», его диаметр и их соотношение. На выборке, которая уже привлекалась, эта гипотеза была проверена. В результате была получена разбивка выборки на 12 групп, которые коррелируют с хронологией комплексов, в которых они встречены. И полученная система удобна для определения принадлежности к той или другой группе новых материалов. Основные результаты работы представлены в нижеподанной таблице (размеры даны в мм).

Конец первой – вторая четверть IV в. до н.э.			
	$D_{\text{кол}}$	$H_{\text{кол}}$	$H_{\text{кол}} / D_{\text{кол}}$
II-A	71-76	80-86	1,106-1,166
III-A	62-70	74-82	1,134-1,227
Третья четверть IV в. до н.э.			
III-B	60-65	83-85	1,276-1,4
I-A	67-71	84-91	1,231-1,323
I-B	71-76	87-95	1,191-1,283
II-C	78-80	88-93	1,1-1,192
II-B	76-80	78-84	1,012-1,076
IV-A	67-74	70-75	1-1,072
IV-B	65-72	61-69	0,888-0,985
Четвертая четверть IV в. до н.э.			
VI	61-68	90-101	1,4-1,578
VII	70-80	96-112	1,355-1,472
Хронология неизвестна			
V	54-61	54-68	1-1,214

TO THE PROBLEM OF CHRONOLOGICAL CLASSIFICATION
OF CHIOS AMPHORAE “CAP” FEET OF THE 4th CENTURY BC

Summary

The need for fractional typological and chronological typology of “cap” feet of Chios amphorae is essential for the distribution of imports from the island to other parts of the ancient world. General scheme of evolution has been scheduled by now, and sequence of complexes illustrating it is proposed. This approach is based on the concept of single-line orientation of the “cap” foot evolution. Previously, we attempted to build a typology of Chios “cap” feet based on multivariate statistical analysis of the laws of distribution of metric characteristics. Resulting breakdown of extracted samples into groups correlated with the chronology of complexes where feet had been found. However, the resulting grouping was not very convenient in work. It took into account the large number of attributes, and it was necessary to repeat the calculation for inclusion new material to a particular group. Thus, viability of the laws of distribution of metric characteristics was determined.

Attention in the works of A.P.Abramov and G.A. Lomtadze is accentuated with the fact that combination of three characteristics – height of the “cap”, its diameter and their ratio – acts as the determinant of the type. This hypothesis was tested on the extract, which had already been attracted. As a result, the breakdown of the extract of the samples into twelve groups correlating with the chronology of the complexes in which they were found has been obtained. The resulting system is useful for determining new material belonging to a particular group. Main results are presented below in the table (dimensions in mm).

The end of the first – the second quarter of the 4 th c. BC			
	D _{кол}	H _{кол}	H _{кол} / D _{кол}
II-A	71-76	80-86	1,106-1,166
III-A	62-70	74-82	1,134-1,227
The third quarter of the 4 th c. BC			
III-B	60-65	83-85	1,276-1,4
I-A	67-71	84-91	1,231-1,323
I-B	71-76	87-95	1,191-1,283
II-C	78-80	88-93	1,1-1,192
II-B	76-80	78-84	1,012-1,076
IV-A	67-74	70-75	1-1,072
IV-B	65-72	61-69	0,888-0,985
The fourth quarter of the 4 th c. BC			
VI	61-68	90-101	1,4-1,578
VII	70-80	96-112	1,355-1,472
Chronology is unknown			
V	54-61	54-68	1-1,214

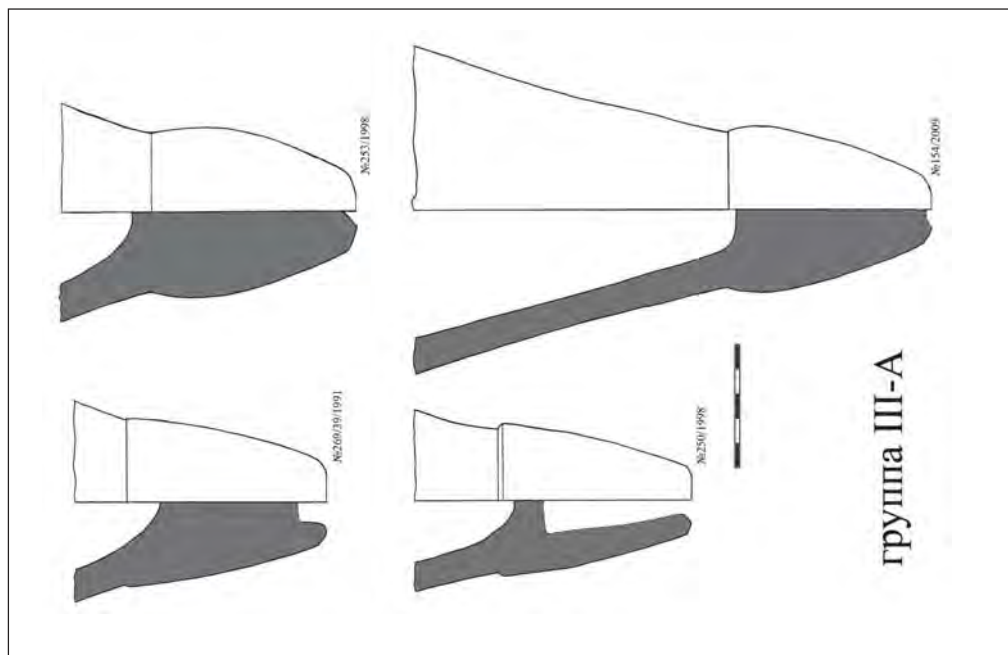

Рис. 2. Ножки группы III-A.

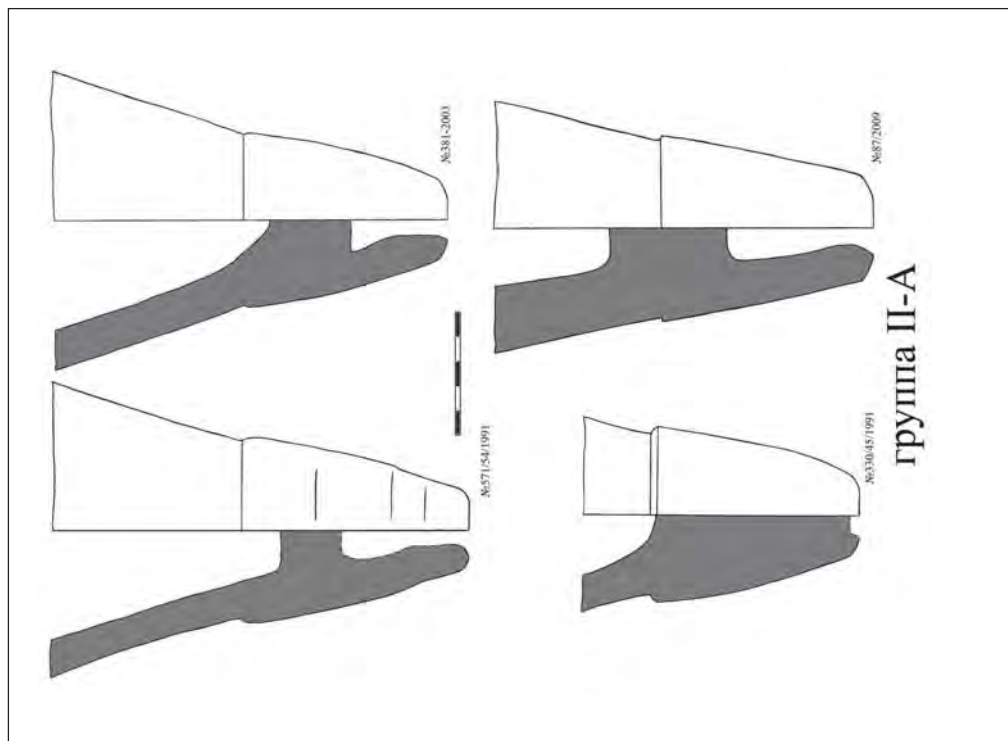

Рис. 1. Ножки группы II-A.

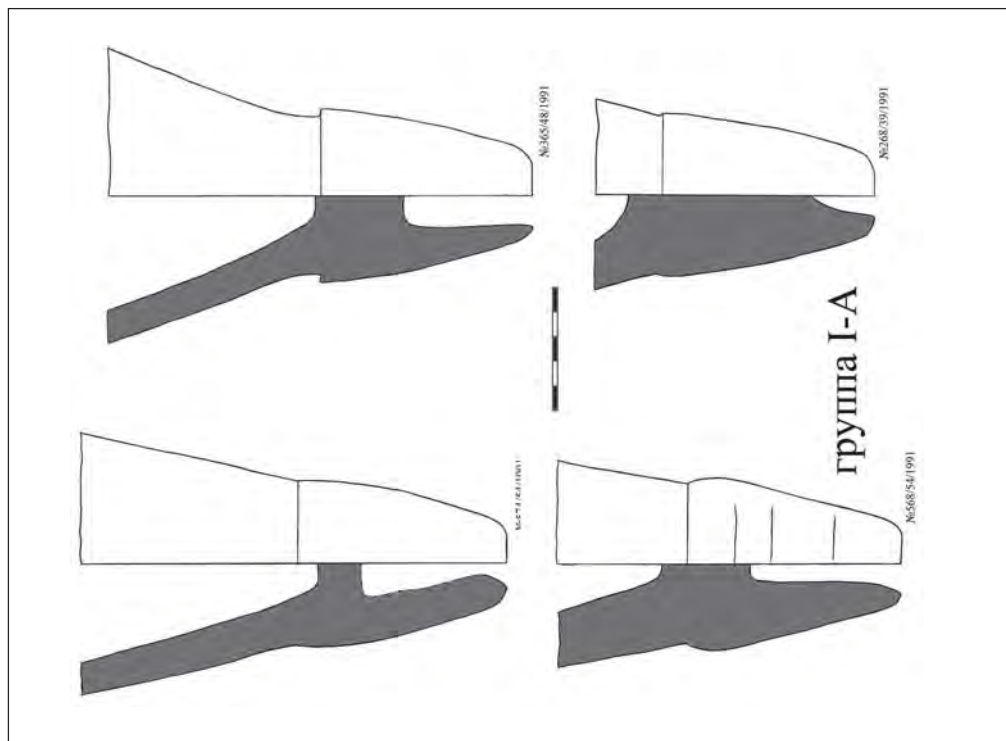

Рис. 3. Ножки группы I-A.

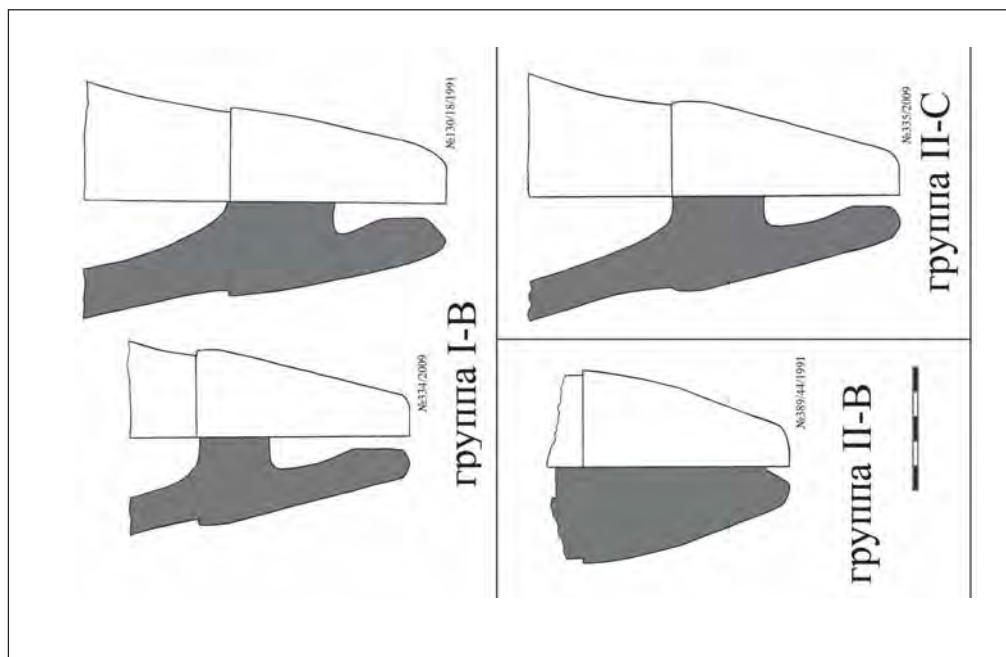

Рис. 4. Ножки групп I-B, II-B, II-C.

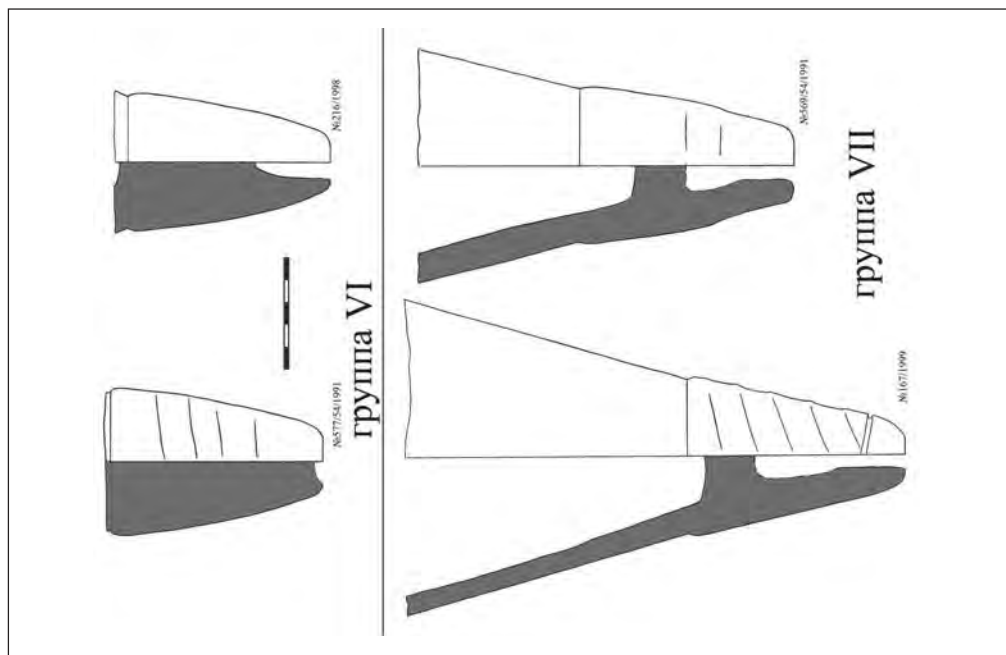

Рис. 6. Ножки групп VI, VII.

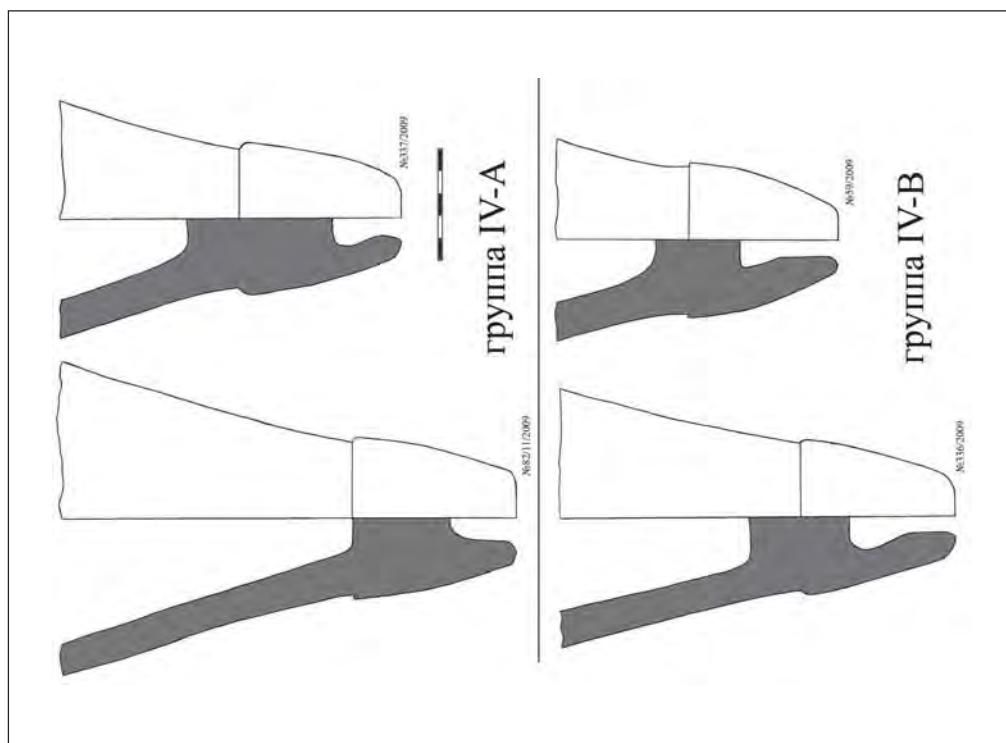

Рис. 5. Ножки групп IV-A, IV-B.

В.Г. ЗУБАРЕВ, С.В. ЯРЦЕВ

РИТУАЛЬНЫЕ ЗАХОРОНЕНИЯ В САКРАЛЬНОЙ ПРАКТИКЕ ЖИТЕЛЕЙ ГОРОДИЩА «БЕЛИНСКОЕ»¹.

Жизнь как эллина, так и варвара во всех отношениях была неразрывно связана с религией. Причем божества являлись не только покровителями и помощниками в тех или иных делах, но и защитниками городов и поселений. При помощи специальных действий и ритуалов можно было добиться помощи от богов во время войн и нападений. Особая роль при совершении таких магических обрядов отводилась защите оборонительной стены или рубежному участку земли. Не менее важной была и защита отдельных построек внутри поселений.

Городище «Белинское», расположенное в непосредственной близости от северного участка Узунларского вала, играло важную роль в обороне западных рубежей Боспорского царства, поэтому его защита должна была быть достаточно надёжной.

Для решения этой задачи у населения имелись две возможности: материальная и нематериальная, лежащая в сфере сакральных отношений. Первая возможность воплотилась в сооружении мощных оборонительных стен по всему периметру городища [Зубарев, 2008, с.116 -122]. Вторая – в использовании ритуальных жертвоприношений и захоронений как животных, так и людей. Накопленный к настоящему времени археологический материал позволяет проследить сочетание этих возможностей на протяжении всего периода существования городища (первая четверть II – первая четверть V вв. н.э.).

К числу животных, наделённых защитными функциями, в первую очередь следует отнести собаку. Представления о собаке как о спутнике богов и животном, сторожившем вход в загробный мир, скорее всего, были восприняты древними греками и скифами ещё с востока [Молева, 2001, с. 99]. Обряд жертвоприношения собак у греков был распространён мало (в культах Зевса, Гефеста, Гермеса-Психопомпа, Ареса, Геракла, Асклепия) и был в основном связан с женским божеством [Денисова, 1981, с. 108], более всего с Гекатой. Именно в мистериях Гекаты, в обрядах очищения использовалась кровь

¹ Работа выполнена при финансовой поддержке гранта РГНФ № 10-01-00161а «Античный Боспор и археология: историко-культурные реконструкции на археологическом материале».

собак [Молева, 2007, с. 50-51]. Однако культовые захоронения этих животных у греков неизвестны [Емец, Масленников, 1992, с. 36; Шауб, 2007, с. 104].

Захоронения собак известны на лесостепных сельскохозяйственных поселениях VI-III вв. до н.э. Восточной Европы и далее к северу, на территории Польши, Германии, Дании [Емец, Масленников, 1992, с. 36-37]. Эти захоронения не похожи на греческие жертвоприношения и явно имеют другую религиозную основу, что позволяет предположить наличие связи между появлением данного обряда в городах Северного Причерноморья и воздействием культовой практики племен лесостепи [Шауб, 2007, с. 105].

В культовой практике Боспора захоронения собак явление довольно распространенное и встречается как в городах, так и на некрополях. Связь образа собаки с хтоническим миром не вызывает сомнения, и жертвоприношения собак, совершаемые при закладке крепостных стен или строительстве жилья, могут быть объяснимы стремлением заручиться поддержкой хтонических божеств [Молева, 2002, с. 122-123.]

Собака определённо маркирует хтонический мир и соответственно имеет двойственную природу, будучи связанной как с миром мёртвых, так и с миром живых. Это достаточно отчётливо выраженный посредник между людьми и подземными богами. Собака даже после своей смерти (фактически оставаясь материально в мире живых) продолжала охранять людей, обеспечивая связь с богами. Универсальность этого посредника позволяла использовать его не только в зольниках и ботросах (где собака устанавливала связь с конкретным божеством), но и в важных для защиты местах. Вот почему захоронения собак нередко располагались не только возле фундаментов городских зданий, но и в основаниях крепостных стен [Русяева, 1992, с. 47; Молева, 2002, с. 117-123; Молева, 2007, с. 51; Шауб, 2007, с. 105, 107].

На городище «Белинское» к настоящему времени насчитывается семь захоронений собак, которые достаточно уверенно можно связать с культовой сферой. Два из них выявлены в ямах, заполненных золой и являвшихся, по-видимому, ботросами. Четыре – под фундаментами помещений. Одно в основании северо-западной крепостной стены.

Захоронения в ямах-ботросах, скорее всего, были осуществлены после соответствующего жертвоприношения и связаны с конкретным божеством. Судя по материалу, содержащемуся в грунте заполнения, совершены они были не ранее второй половины III и не позднее первой половины IV вв. н.э. Остальные захоронения собак хронологически связаны с начальным этапом в истории городища (первая четверть II в. н.э.).

Все четыре захоронения под фундаментами помещений найдены в непосредственной близости от оборонительных стен (три помещения располагались возле северо-западной стены, одно возле юго-восточной). В трёх случаях захоронения сопровождались инвентарём. Впрочем, исключать нали-

чие инвентаря и в четвёртом захоронении полностью нельзя, так как оно частично было повреждено поздним перекопом.

На раскопе «Южный» с внешней стороны западного угла помещения вблизи оборонительной стены было обнаружено захоронение двух собак² в подбое под фундаментом. Дно погребальной ямы устлано слоем азовской ракушки. Головы скелетов собак ориентированы на север. Захоронение сопровождалось лепной курильницей на ножке крайне плохой сохранности и миской (вторичное использование ножки амфоры типа «А», по Д.Б. Шелову).

На раскопе «Северный» все три захоронения располагались внутри помещений в подбое под фундаментом углового стыка стен. Причём в помещении, непосредственно примыкавшем к северо-западной оборонительной стене, - в северном углу в подбое под фундаментом оборонительной стены. В двух же других помещениях – в восточных углах, обращённых внутрь городища. Одно из захоронений, как уже отмечалось выше, частично было повреждено поздним перекопом. Кости скелета оказались смещёнными, и точную, первоначальную ориентацию установить не удалось. Второе захоронение содержало скелет одной собаки, ориентированный головой на север. Инвентарь, сопровождавший погребение, представлен небольшой лепной курильницей и лепным горшочком, раздавленным на мелкие фрагменты.

Особый интерес представляет ритуальное захоронение собаки в помещении № 7, примыкающим к оборонительной стене и построенным одновременно с последней. Во-первых, в силу его лучшей сохранности. Во-вторых, в силу его функционирования на протяжении двух периодов в истории городища, разделённых событиями середины III в. н.э. Захоронение содержало скелет одной собаки, вытянутый вдоль оборонительной стены и ориентированный головой на север. Сопровождающий инвентарь был представлен фрагментированным лепным горшочком. В середине III в. н.э. помещение было разрушено, а затем вновь восстановлено. Слой разрушения внутри помещения был перекрыт глиной, послужившей полом для новых жильцов. Над ним, практически точно над захоронением собаки в небольшой угловой нише были найдены два лепных светильника: один птицевидный на ножке, второй ладьевидный. Последний находился в перевернутом виде. Скорее всего, в данном случае место ритуального захоронения на протяжении всего периода функционирования помещения служило для его обитателей в качестве домашнего алтаря. Возможно, подобная практика характерна и для прочих захоронений собак внутри помещений.

Здесь же, на раскопе «Северный» со стороны внешнего фаса северо-западной оборонительной стены был выявлен мощный слой бутового камня. Ширина данного слоя до 0,8 м. Мощность до 0,6 м. В этом слое на расстоянии 0,5 м от фаса обнаружено захоронение собаки. Положение вытянутое, вдоль

² Определение остеологического материала М.О. Жутенковой.

фаса оборонительной стены. Какого либо инвентаря в захоронении не было. Примечательно, что данное захоронение расположено вблизи предполагаемого центрального прохода на городище, что лишний раз подчёркивает его охранные функции.

По-видимому, подобным образом, в качестве важного посредника между богами и людьми, надо рассматривать и ритуальные захоронения свиней, одно из которых было выявлено на Белинском городище, на раскопе «Северный». Скелет животного располагался вблизи фундамента оборонительной стены, со стороны её внешнего фаса, и был ориентирован головой на север. Захоронение безынвентарное.

Известно, что в античном мире свинья являлась традиционным жертвенным животным Деметры [Фрэзер, 1998, с. 490-492]. Об этом свидетельствует то, что в святилищах женских божеств нередко фигурируют кости [Завойкин, Добровольская, 2007, с. 118] или статуэтки поросят [Кузина, 2009, с. 236-237]. Более того, во время проведения женского праздника Фесомофория (связанного с деторождением и урожаем) поросят вообще сбрасывали вместе с землёй и зерном в пещеры, гроты и ямы (Aristoph. Thesm., 44). Видимо, такими действиями старались подчёркнуть взаимосвязь этого животного с хтонической ипостасей женского божества. На данное обстоятельство намекает и известная роспись богатого пантикапейского склепа Алкима, сына Гегесиппа (I-II вв. н.э.). Учитывая, что именно поросёнок указал место на Ниссейской равнине, где Аид похитил дочь Деметры, в сцене похищения Коры Плутоном и возвращения Персефоны после скитаний по подземному царству фигурирует и изображение свинки [Ростовцев, 1914, с. 236-237; Завойкин, Добровольская, 2007, с. 118; Русяева, 2005а, с. 349-350].

Подобные представления, в какой-то степени, были характерны и для варварского мира, в некоторых регионах которого на определённых этапах исторического развития (например, в лесостепной Скифии) ритуал жертвоприношения свиней получал довольно широкое распространение [Шауб, 2007, с. 108]. Правда, здесь необходимо учитывать, что свиньи являлись одним из главных источников мясной пищи. Поэтому интерпретация роли этого животного в погребальном обряде варваров обычно ограничивается снабжением покойного пищей, приношением в дар богам или культовой тризной. Именно через такое понимание этого ритуала рассматриваются кости свиньи в могильниках меотов [Лимберис, Марченко, 2002, с. 176], погребениях черняховской культуры и Северной Европы римского времени [Могильников, 1974, с. 184-186; Никитина, 2008, с. 146-147].

Ритуальные захоронения животных на городище «Белинское» не исчерпываются собаками и свиньями. Так, в одной из ям, заполненной золой, был найден череп быка, явно попавший туда не случайно вместе с мусором. Фрагмент черепа ещё одного быка был обнаружен на раскопе «Южный» под

фундаментом одной из стен, образующих помещение. Любопытно, что в этом помещении выявлен сакральный комплекс в небольшой нише : ножка амфоры со сбитой нижней частью типа «Синопа», фрагменты ножки амфоры неизвестного типа, ножки амфоры типа «D», по Д. Б. Шелову, ножка амфориска, открытый ладьевидный светильник, бронзовая гиря-экзагия из обточенной монеты. К хазарскому времени относится найденное в подбое одной из ям на северном участке городища захоронение ягнёнка. Все эти захоронения, несомненно, были связаны с жертвоприношениями определённым богам, однако вряд ли их назначение было схоже с захоронениями собак и, возможно, в отдельных случаях свиней. Иное дело ритуальные захоронения людей и в первую очередь погребения младенцев.

Такое погребение в 2010 году было обнаружено в ходе раскопок городища «Белинское» в углу, образованном внешним северо-западным фасом оборонительной стены и выступающим внешним северо-восточным фасом стены западной башни. В небольшой ямке глубиной 0,2 м., перекрытой несколькими крупными фрагментами стенок амфоры типа № 83, по И. Б. Зеест, были выявлены останки двух плодов человека, внутриутробный возраст которых составлял 8.8-9.2 и 8.9-9.3 лунных месяцев. Вероятнее всего, в обоих случаях имело место прерывание беременности, а именно – преждевременные роды³. Захоронение не привязано к основанию фундамента стен, который заглублён здесь в материк на 0,4 м.

Подобные захоронения младенцев в сосудах и без них известны у многих народов. Обычно они связываются с культом плодородия [Лапин, 1966, с. 221-222; Бураков, 1976, с. 142; Секерская, 1978, с. 172, Высотская, 1984, с. 138-139]. Считается, что в Северное Причерноморье этот обряд был принесен греческими колонистами. С середины VI в. до н.э. и вплоть до римского времени включительно он фиксируется на некрополях Березани, Ольвии, Боспора [Зубарь, 2005, с. 132]. Однако только идеей плодородия невозможно объяснить, почему в некоторых случаях такие погребения происходили не на некрополях, а на поселениях, причем непосредственно в домах или в основании внешних фундаментов стен.

Подобные захоронения в сосудах и без них известны на Неаполе Скифском [Высотская, 1979, с. 169], Алма-Кермене [Высотская, 1972, с. 38], Усть-Альминском городище [Высотская, 1984, с. 138-139], Козырском городище [Бураков, 1976, с. 138-143], Никонии [Секерская, 1978, с. 164-173] и в других местах [Мелюкова, 1975, с. 22]. В Ольвии, как и в нашем случае, косточки младенца, помещенные в небольшую ямку (под полом в помещении), были перекрыты сверху амфорными черепками [Крапивина, 1993, с. 38].

Обряд погребений младенцев на территории поселений в римское время

³ Определение антропологического материала осуществлено Д. Ю. Пономарёвым (г. Керчь).

хорошо известен и в Европе, в частности в южных Альпах [Berger, 1998, s. 319-328] и в Англии [Struck, 1998, s. 313-317]. Вероятно, тесно связан с данными погребениями и античный обряд «зугрундариум», когда ребенка младше 40 дней хоронили в нишах стен, закрывая черепицей или фрагментами карнизов [Fulgentius, 1936, s. 138].

По-видимому, погребения младенцев на поселениях являлись отражением особого обряда, который следует рассматривать отдельно от обычных захоронений младенцев на некрополях.

Известно, что в качестве животворящих начал в идее плодородия выступает Мать – земля, являющаяся творцом природы, и Мать – женщина как продолжательница рода [Лапин, 1966, с. 221-222]. При этом глиняный сосуд, в котором часто погребали детей, в представлениях древних являл собой лоно женщины — дом для преждевременно умершего младенца [Морозова, 2003, с. 129].

Погребенные дети (особенно это касается погребений в основании внешних фасов стен) умерли в младенческом возрасте. По этнографическим данным, мать до определенного срока не могла появиться на улице с таким маленьким ребенком, не пройдя очистительные обряды. То есть, без обряда инициации младенец еще не принадлежал общине [Фрэзер, 1998, с. 224-225] и представлял, таким образом, некоего «недочеловека», не родившегося полностью [Тульпе, Хршановский, 2002, с. 163-164]. Он как бы одновременно принадлежал и подземному миру мертвых, откуда он вышел, и миру живых, в котором материально пребывал.

В первые века нашей эры происходил активный поиск посредников между богами и людьми [Свенцицкая, 2003, с. 44]. Младенцы в этом плане могли стать одним из самых эффективных способов установления контакта с посторонним миром. По мнению В.В.Крапивиной, именно это обстоятельство явилось идеологической основой для использования умерших младенцев в мистических ритуалах с целью обеспечения божественной поддержки, в том числе и магической защиты оборонительной стены⁴.

Погребения младенцев, в первую очередь, у оснований внешних фасов, в том числе и оборонительных стен, являлись неким защитным маркером, помечающим непосредственно сам город или поселение. Логическая цепочка ассоциативных звеньев при этом могла бы выглядеть следующим образом:

1. Глина – земля – женщина — явления одного порядка [Морозова 2003, с. 129].

2. Соответственно глиняный сосуд представлялся женщиной (то есть первым домом любых людей, в том числе и живущих в данной местности) [Морозова, 2003, с. 129-130].

⁴ Авторы выражают искреннюю благодарность Валентине Владимировне Крапивиной за предоставленную консультацию по данному вопросу.

3. Отсюда не только дом, но и сам город или поселение в целом могли также сознательно персонифицироваться с женщиной – богиней.

Скорее всего, именно идею неразрывной связи с богиней-покровительницей преследовали жители города или поселения, погребая младенцев на пограничной линии или в основании оборонительных стен. Это вселяло надежду на божественную защиту во время нападения врагов. Кроме того, в местах погребения младенцев, учитывая их высокоэффективные посреднические свойства, происходила непосредственная связь с потусторонним миром. Следовательно, именно здесь можно было ожидать и наибольшую помощь от женского божества.

Очевидно также, что для возникновения данного обряда на том или ином поселении необходимо было наличие, во-первых, собственно женщин, а во-вторых, достаточно развитых специфических черт культа женского божества. Это объясняет, почему повсеместный рост популярности почитания Матери богов в качестве защитницы городов в римское время [Русяева, 2005, с. 240] стал приводить к уменьшению захоронений детей в амфорах на античных некрополях Северного Причерноморья [Зубарь, 2005, с. 132]. Ведь в новых условиях этот исконный греческий обряд уже не выполнял главных функций Верховного женского божества.

Судя по типу амфоры, обломки которой перекрывали погребение младенцев на городище «Белинское», оно может быть датировано не ранее конца II в. н.э. и не позднее середины III в. н.э. Во второй половине III в. н.э. погребение было перекрыто слоем бутового камня, являвшегося частью противотаранного пояса, возведённого вокруг западной башни.

Такая датировка позволяет уточнить этнокультурную составляющую исследуемого нами обряда.

В это время, после того, как в 193 г. Савромат II «завоевал сираков и скифов», «присоединив по договору» (КБН № 1237) с римским военным командованием часть Таврики [Зубарь, 1998, с. 111-113], на городище «Белинское» начинает меняться состав населения. С одной стороны отсюда уходят воинские контингенты, с другой, возможно, появляются беженцы-переселенцы, которые вместе с осевшими здесь ветеранами составляют основу нового гражданского общества [Зубарев, 2008, с. 119].

В связи с прекращением боевых действий и наступлением некоторой стабилизации обстановки миграция населения из наиболее пострадавшего во время войны Центрального Крыма происходит в Юго-Западную Таврику, к югу от Альмы [Зубарь, 2008, с. 111] и в Восточный Крым, на Боспор. На последнем направлении перемещение людей, возможно даже насильственного характера, хорошо прослеживается по данным анализа лепной керамики, проведенного В.П.Власовым [Власов, 2006, с. 173]. Это подтверждается и появлением новых для территории Боспора культовых захоронений

животных, захоронений внутри помещений человеческих черепов и других инноваций [Емец, Масленников, 1992, с. 32-40]. Скорее всего, именно в рамках выявленной А.А.Масленниковым особой роли позднескифского этноса в культуре позднеантичного населения Боспора [Масленников, 2007, с. 517-522] необходимо оценивать и погребение с недоношенными младенцами на Белинском городище.

Крымская Скифия являлась ближайшей к Восточному Крыму регионом, где в первые века нашей эры был достаточно широко распространен обряд погребений младенцев на территории поселений. Количество выявленных здесь подобных захоронений впечатляет. Только для Неаполя Т.Н. Высотская отмечает 22 подобных захоронения [Высотская, 1979, с. 169]. Еще около 20 погребений детей в сосудах и без них обнаружены на городище и в пригороде в результате последующих раскопок [Пуздровский, 1994, с. 121]. Около 30 подобных захоронений открыто на Усть-Альминском городище [Высотская, 1984, с. 138-139; Пуздровский, 1994, с. 122].

Учитывая склонность крымских скифов к подражанию античным вкусам [Высотская, 1975, с. 48], данный обряд явно имел синкретический характер, являясь продуктом взаимовлияния греческих погребений детей в сосудах и местного, скифского обычая погребения младенцев на поселениях [Высотская, 1979, с. 169; Высотская, 1984, с. 139]. Применительно к погребению на Белинском городище, как и в ряде других мест, это просматривается в отсутствии собственно самого сосуда, на который только намекают отдельные черепки.

Особое место среди ритуальных захоронений на городище «Белинское» занимают захоронения взрослых людей. Их появление на городище хронологически связано с тем периодом, когда материальная защита его была полностью разрушена вследствие провала западной экспансии Боспора в период соправительства Радамсада и Рескупорида VI [Зубарев, 2011, с.246-247]. Большинство этих захоронений приходится на линию северо-западной крепостной стены, т.е. туда, где в предшествующее время были сосредоточены ритуальные захоронения животных, в первую очередь собак.

В золистом слое вдоль разрушенной оборонительной стены и непосредственно на сохранившемся фундаменте были выявлены человеческие погребения. Несмотря на почти полное отсутствие инвентаря⁵, хорошо датируемый, золистый слой, не несущий в себе следов поздних перекопов, позволяет отнести эти захоронения ко времени формирования данного слоя — середине – второй половине IV в. н.э. [Зубарев, Ярцев, 2008, с. 17-26].

⁵ Кроме бус из желтого стекла на правом запястье девочки 8-9 лет (тип 146, по Е.М.Алексеевой). Один аналогичный экземпляр происходит из Ольвии. Он датируется концом VI – началом V вв. до н.э. Три экземпляра из комплексов II-IV вв. н.э. могильника «Совхоз 10», а один из могильника «Дружное», датируемый в пределах второй половины III-IV вв. н.э.

При всей своей многофункциональности [Масленников, 2007, с. 448-454] зольники, безусловно, несли в себе ещё и защитную функцию. Так, зольник Белинского городища первых веков н.э., высотой около 5 м и диаметром в основании до 60 м., располагался довольно близко от юго-восточного въезда на территорию города. Похоже, что такое местоположение данного сакрального объекта было непосредственно связано с его охранными функциями [Зубарев, 2003, с. 138]. С противоположной – северо-западной части городища – золистым слоем была засыпана территория над разрушенной оборонительной стеной. Именно в этом слое и найдены ритуальные захоронения позднеантичного времени.

На связь магических действий с золистыми насыпями указывает то обстоятельство, что последние нередко являлись местом человеческих жертвоприношений. Об этом свидетельствуют человеческие черепа в зольниках у с. Кошары [Носова, 2002, с. 64], на поселении «Бакланья скала» [Масленников, 2007, с. 422], на жертвеннике в Илурате, пол у которого был покрыт слоем золы [Коренцвит, 2007, с. 160-161]. Отметим и достаточную устойчивость традиции захоронений в зольниках. Такую особенность хорошо демонстрирует зольник еще позднебронзового века (у с. Новоселица Одесской обл.), в котором, помимо изначальных двух, остальные семь погребений относятся к средневековью [Тощев, Черняков, 1986, с. 123-125]. На мысе Зюк в Крымском Приазовье в мощном золистом слое, непосредственно связанном с городской оборонительной стеной, которая к периоду поздней античности уже не функционировала [Масленников, 2007, с. 424], в верхних золистых слоях (IV-VI вв. н.э.) обнаружено два сильно скорченных, почти безынвентарных женских костяка с деформированными черепами. Перед ними находились остатки детского погребения в обломке большой красноглиняной амфоры [Масленников, 2007, с. 431]. На одном из зольников поселения у с. Михайловка в верхних горизонтах насыпи обнаружено безынвентарное вытянутое мужское захоронение [Масленников, 2007, с. 439].

Предполагается, что такие действия могли соотноситься с оргиастическим дионисийским культом или аналогичным по характеру малоазиатским культом Кибелы [Носова, 2002, с. 65]. Однако в этом случае не учитываются охранно-защитные функции подобных захоронений. Ведь в случае опасности (войны, нападения, штурма) именно на этом месте, где происходил контакт с богами подземного мира, можно было рассчитывать на их божественную поддержку. Следовательно, погребения необходимо было располагать в наиболее уязвимых для обороны местах или же на возвышенностях, откуда подземные боги и умершие предки в минуту опасности, увидев тяжёлое положение поселения или города, могли оказать необходимую помощь.

Погребения с охранным смыслом не обязательно должны были совершаться только в зольниках. Так, например, пространство вдоль оборонительных

стен Херсонеса и даже собственно территория перибола специально использовались жителями города как кладбище. Только на юго-восточном участке в ходе раскопок открыто свыше 500 гробниц преимущественно первых веков. Более того, есть склеп, устроенный непосредственно под оборонительной стеной, и пристенные склепы, специально рассчитанные на внешнее обозрение [Сорочан, Зубарь, Марченко 2003, с. 38-43]. Всё это свидетельствует о том, что в действиях по обеспечению сакральной защиты городов и поселений главным считалось совершение ритуальных человеческих захоронений по обряду трупоположения, которые выполняли функцию важнейших посредников между богами и людьми. Зольник же, по-видимому, лишь обеспечивал контакт с нужным для человека божеством.

Среди захоронений в зольнике над северо-западной оборонительной стеной в первую очередь заслуживает внимания погребение женщины с младенцем на груди [Зубарев, Ярцев, 2008, с. 17-18]. Подобные погребения матери с младенцем крайне редки для Восточной Европы. По-видимому, речь здесь идёт не только о кровнородственной связи матери и ребёнка, иначе бы данный обряд был бы более распространён. Статус погребённой женщины с ребёнком на груди, учитывая особые посреднические свойства последнего, должен был иметь непосредственное отношение к культу хтонических божеств. Возможно, данный обряд был напрямую связан с культом Исиды, иконографический образ которой как раз и представлен изображением богини с младенцем на руках.

Данный образ на Белинском городище был известен. Его позднеантичное костяное изображение, имеющее фракийское происхождение, было обнаружено в разграбленном склепе некрополя городища [Зубарев, 2008а, с. 242]. Возможно, в данном случае могло иметь место намеренное копирование образа Исиды, кормящей грудью Гора [Ярцев, 2010, с. 379-381]. В этом случае перед нами одно из главнейших сакральных защитных погребений Белинского городища — символ персонификации городища с Великой богиней.

Обращает на себя внимание и то обстоятельство, что все погребения над фундаментом оборонительной стены были плотно завалены камнями. Обращение к предкам и миру хтонических божеств было в достаточной степени опасным и просто не могло не сопровождаться страхом живых перед мёртвыми. Заваливание могилы слоем тяжёлых камней было, безусловно, связано со страхом перед не ушедшими в потусторонний мир мертвецами [Никитина, 2008, с. 147-148]. Даже малейшее нарушение обрядовой магии могло привести к прямо противоположным последствиям, и вместо помощи жители городища получили бы вред. Отметим, что в Барбарикуме при обычном погребении по обряду трупоположения большая часть тел уничтожалась при ритуальном вторичном вскрытии могилы. Кости безжалостно ломались, перемешивались, сдвигались и т. д. [Никитина, 2008, с. 121-122]. Однако, моги-

лы с Белинского городища следов вторичного вскрытия не несут. Видимо, это произошло по причине сакральной установки этих обрядов не на временные, а на постоянные защитно-охранные функции.

Тем не менее, на одном мужском костяке из этой группы погребений отсутствует череп⁶ [Зубарев, Ярцев, 2008, с. 19]. В центральной же части городища, в золистом слое под вымосткой второй половины IV в. н.э. было выявлено погребение, состоящее из отдельных фрагментов человеческих тел: черепа и нижней челюсти двух взрослых мужчин вместе с бедренными костями женщины и ребёнка. Рядом был обнаружен серолощённый кувшин, близкий по типу черняховским, но скорее являющийся аланским подражанием [Зубарев, 2009, с. 177].

Захоронения тела без головы, черепа или черепов с другими отдельными костями относятся к так называемым расчленённым погребениям и хорошо известны как на Кавказе [Бакушев, 2008, с. 94-110], так и в лесостепных земледельческих культурах скифского времени [Яковенко, 1967, с. 177; Пузикова, 1969, с. 79]. Вообще отделение головы человека от тела весьма распространённый у различных народов обряд. Он, вероятно, связан с представлением о голове как оместилище души или обладающей особой магической силой [Шауб, 2007, с. 140]. Возможно, это отголоски древних оргиастических женских культов Восточного Средиземноморья. Именно для них было характерно почитание отрубленной человеческой головы [Иванов, 1994, с. 120; Антонова, 1979, с. 18; Шауб, 2007, с. 115-117].

В то же время культ отсечённой головы был напрямую связан опять же с защитной функцией. Вспомним хотя бы крымских тавров, отрубавших головы у своих жертв и насаживавших их на колья над своими жилищами. При этом они считали, что отрубленные головы - это «стражи всего дома» (Herod., IV, 103). Известен культ головы и на Боспоре [Емец, Масленников, 1992, с. 36]. Здесь, как правило, черепа помещались на городищах и внутри помещений, что сближает данный обряд с выявленным погребением на Белинском городище.

Совершенно справедливо также мнение, что обряд расчленённого захоронения в какой-то степени связан всё с той же боязнью вреда, который мог нанести мёртвый живым [Бакушев, 2008, с. 104]. Ведь самым надёжным способом избавиться от живого мертвеца было отчленение его головы [Петрухин, 2010, с. 118]. В этом случае мёртвый был обезврежен и уже не мог вернуться и причинить зло [Молева, Мончинска, 1997, с. 209].

Однако изначальное повреждение тела умершего сильно уменьшало защитно-охранные функции данного захоронения. Поэтому, с целью их

⁶ В отличие от других погребенных, лежащих головой на север с отклонением на северо-восток, это захоронение было ориентировано на запад.

сохранения, при совершении этого обряда необходимо было соблюдать некоторые правила. Если расчленённое захоронение, с целью сохранения своей эффективности, должно имитировать целое тело, то в первую очередь в тех его частях, которые отвечали за главные сакрально-защитные функции этого обряда. По нашему мнению, именно поэтому в состав расчленённых захоронений часто вместе с черепом входят кости конечностей (обычно бедренные кости) и нижние челюсти. При этом, для безопасности, весь этот «набор» часто представлен лишь фрагментами, да и то, как в случае на Белинском городище, от разных людей. Всё это, с одной стороны, не исключало возможности, а с другой, сильно ограничивало мертвеца в способности ходить и говорить. Иногда для большей безопасности вообще уничтожалась нижняя челюсть (чтобы мертвец вообще не мог говорить), а кости конечностей сохранялись лишь в минимально возможном количестве.

Итак, большинство ритуальных захоронений на городище «Белинское» выполняло сакрально-защитные функции. В начальный период эти функции носили вспомогательный характер. Захоронения собак и, возможно, свиней лишь усиливали защитные функции материальных объектов, но не подменяли их. Захоронения людей, по-видимому, носили экстраординарный характер и отражали период наибольшей опасности (захоронение младенцев у западной башни накануне нашествия варваров).

Погребения собак внутри помещений были многофункциональны, на что в частности указывает наличие длительно использовавшегося алтаря над захоронением в одном из помещений на раскопе «Северный». Такие погребения, как правило, содержали инвентарь в отличие от погребений с внешней стороны оборонительных стен, выполнявших исключительно охранные функции.

Разрушение оборонительных сооружений к середине IV в. н.э. привело к тому, что основная функция охраны города в рамках его условных границ отошла исключительно к сакральной сфере. Захоронения животных с этой задачей справиться не могли (до сих пор подобных захоронений этого периода не обнаружено), и их заменили более сильные посредники - люди.

И, наконец, последнее. Можно ли на основе всего вышесказанного говорить о каких-либо изменениях в этническом составе жителей городища «Белинское» за время его существования? Думается, что однозначно ответить на этот вопрос нельзя. Хотя полиэтнический состав населения Боспорского царства изначально предполагал достаточно высокую степень взаимопроникновения религиозно-мифологических представлений, всё-таки доминирующим этносом в этом плане оставались эллины. Лишь на последнем этапе, в условиях, когда Боспор потерял контроль над этой территорией, можно очень осторожно говорить о какой-то новой этнической группе, религиозно-мифологические представления которой нашли отражение в появлении расчленённого захоронения на центральном участке городища.

ЛИТЕРАТУРА

- Антонова Е.В. О характере религиозных представлений неолитических обитателей Анатолии // Культура и искусство народов Средней Азии в древности и средневековье. М., 1979.
- Бакушев М.А. Погребальный обряд населения Дагестана албано-сарматского времени (III в. до н.э. – IV в. н.э.). Ростов н/Д., 2008.
- Бураков А.В. Козырьское городище рубежа и первых столетий н.э. Киев, 1976.
- Власов В.П. О позднескифских миграциях на Боспор // Боспорские исследования. Симферополь; Керчь, 2006. Вып. XI. С. 163-176.
- Высотская Т.Н. Поздние скифы в Юго-Западном Крыму. Киев, 1972.
- Высотская Т.Н. Скифские городища. Симферополь, 1975.
- Высотская Т.Н. Неаполь – столица государства поздних скифов. Киев, 1979.
- Высотская Т.Н. Некоторые аспекты духовной культуры населения Усть-Альминского городища // Античная и средневековая идеология. Свердловск, 1984.
- Денисова В.И. Коропластика Боспора. Л., 1981.
- Емец И.А., Масленников А.А. Новые данные о религиозных представлениях сельского населения античного Боспора // Российская археология. 1992. № 4.
- Завойкин А.А., Добровольская Е.В. Боги, люди, животные и птицы в святилище Деметры и Керы на Фонталовском полуострове // Боспорские чтения. Святилища и сакральные объекты. Керчь, 2007. Вып. VIII.
- Зубарев В.Г. Некоторые особенности сакральной жизни населения сельской территории Европейского Боспора в первых веках н.э. (по материалам городища «Белинское») // Древности Боспора. М., 2003. Т.6.
- Зубарев В.Г. Городище «Белинское» в системе фортификации Европейского Боспора в I – II вв. н. э. // Боспорские чтения. Керчь, 2008. Вып. IX.
- Зубарев В.Г. Изделия из кости с городища Белинское и его некрополя // Древности Боспора. М., 2008а. Вып. 12. Ч.1.
- Зубарев В.Г. К вопросу об этническом составе жителей сельских поселений Европейского Боспора в III – IV вв. н.э. (по материалам городища Белинское и его некрополя) // Боспорские чтения. Керчь, 2009. Вып. X.
- Зубарев В.Г. К вопросу о западной границе Боспора во второй половине IV – начале V вв. н.э. // БФ. СПб. 2011.
- Зубарев В.Г., Ярцев С.В. К вопросу об этнической принадлежности позднеантичного населения городища «Белинское» // Роль университетов в поддержке гуманитарных научных исследований: Материалы III Всерос.науч.-практ.конф.: В 5 т. Тула, 2008. Т.3.
- Зубарь В.М. Северный Понт и Римская империя (середина I в. до н.э. — первая половина VI в. н.э.). Киев, 1998.
- Зубарь В.М. Боги и герои античного Херсонеса. Киев, 2005.
- Иванов В.И. Дионис и прадионисийство. СПб., 1994.
- Крапивина В.В. Ольвия. Материальная культура I-IV вв. н.э. Киев, 1993.
- Коренцевит В.А. Святилище в Илурате // Боспорский феномен. СПб., 2007. Ч. 1.
- Кузина Н.В. Комплекс терракотовых статуэток из Китейского святилища (раскопки 2007 – 2008) // Боспорский феномен. СПб., 2009.
- Лалин В.В. Греческая колонизация Северного Причерноморья. Киев, 1966.
- Лимберис Н.Ю., Марченко И.И. О назначении некоторых предметов инвентаря и роли жертвенных животных в погребальном ритуале меотов IV в. до н.э. (по материалам Прикубанского могильника) // Боспорский феномен. СПб., 2002. Ч. II.
- Масленников А.А. Сельские святилища Европейского Боспора. М., 2007.
- Могильников В.А. Погребальный обряд культур III в. до н.э. — III в. н.э. в западной части Балтийского региона // Погребальный обряд племен Северной и Средней Европы в I тыс. до н.э. — I тыс. н.э. М., 1974.

- Молева Н.В. Антропоморфные памятники Китея // Вопросы истории и археологии Боспора. Воронеж; Белгород, 1991.
- Молева Н.В. Жертвоприношения собак в Китейском святилище // Боспорские чтения. Керчь, 2001. Вып. II.
- Молева Н.В. Очерки сакральной жизни Боспора. Н.Новгород, 2002.
- Молева Н.В. О культе Кибелы на Боспоре // Боспорский феномен. СПб., 2007. Т. I.
- Молева Н.В., Мончинска М. Страх перед умершими и культ мертвых у германцев в IV – VII вв. н.э. (на основании так называемых погребений специфического обряда // STRATUM+Петербургский археологический вестник. СПб; Кишинеv, 1997.
- Морозова Я.И. Предварительный анализ одного обряда погребений первых веков нашей эры в Северном Причерноморье // VITA ANTIQUA. Киев, 2003. № 5-6. С. 126-130.
- Мелюкова А.И. Поселение и могильник скифского времени у с. Николаевка. М., 1975.
- Носова Л.В. О культовых зольниках античных поселений Северо-Западного Причерноморья (в связи с раскопками Кошарского археологического комплекса) // Боспорский феномен. СПб., 2002. Ч. 2.
- Никитина Г.Ф. Черняховская культура Поднестровья (по результатам анализа археологических источников) М., 2008.
- Петрухин В.Я. Загробный мир. Мифы о загробном мире: мифы разных народов. М., 2010.
- Пуздровский А.Е. О погребальных сооружениях Юго-Западного и Центрального Крыма в первые века н.э. // Проблемы истории и археологии Крыма. Симферополь, 1994. С. 114-126.
- Пузикова А.И. Поселения Среднего Дона // МИА. 1969. № 151.
- Ростовцев М.И. Античная декоративная живопись на Юге России. СПб., 1914.
- Русяева А.С. Религия и культы античной Ольвии. Киев, 1992.
- Русяева А.С. Отражение всеобщего кризиса III в. до н.э. в религиозной жизни эллинов Северного Причерноморья // Боспорские чтения. Керчь, 2005. Вып. VI. С. 236-240.
- Русяева А.С. Религия понтийских эллинов в античную эпоху. Мифы. Святилища. Культы олимпийских богов и героев. Киев, 2005а.
- Свенцицкая И.С. Первые христиане и Римская империя. М., 2003.
- Сорочан С.Б., Зубарь В.М., Марченко Л.В. Херсонес – Херсон – Корсунь. Киев, 2003.
- Секерская Н.М. Погребения первых веков нашей эры из Никония // Археологические исследования Северо-Западного Причерноморья. Киев, 1978.
- Тоцев Г.Н., Черняков И.Т. Культовые зольники сабастиновской культуры // Исследования по археологии Северо-Западного Причерноморья. Киев, 1986.
- Тульпе И.А., Хришановский В.А. Сакральное поле некрополя // Боспорский феномен. СПб., 2002. Ч. 1. С. 161-167.
- Фрэзер Дж.Дж. Золотая ветвь. М., 1998.
- Шауб И.Ю. Миф, культ, ритуал в Северном Причерноморье (VII-IV вв. до н.э.). СПб., 2007.
- Яковенко Э.В. Пастирське городище скіфського часу // Археологія. 1967. Т. XXI.
- Ярцев С.В. Некоторые особенности почитания женского божества варварами Северного Приазовья и Крыма позднеантичного времени // Каразінські читання (історичні науки): Тези доповідей 63-ї міжнародної наукової конференції. Харків, 2010.
- Berger L. Sauglings – und Kinderbestattungen in romischen Siedlungen der Schweiz – ein Vorbericht // Archaeologische Schriften des Instituts für Vorung Frugeschichte der Johannes Gutenberg Universität Mainz. Mainz, 1998. S. 319-328.
- Fulgentius Sermones antique 7 (R.E.M. Wheeler, T.V.Wheeler, Vemlaimum. A Belgic and two Roman cities. Report research Committee Soc. Antiqu. London XI). Oxford, 1936.
- Struck M. Kinderbestattungen in romanobritischen Siedlungen – der archaologische Befund // Archaeologische Schriften des Instituts für Vorung Frugeschichte der Johannes Gutenberg Universität Mainz. Mainz, 1998. S. 313-318.

В.Г. Зубарев, С.В. Ярцев

РИТУАЛЬНЕ ПОХОВАННЯ У САКРАЛЬНІЙ ПРАКТИЦІ МЕШКАНЦІВ
ГОРОДИЩА «БЕЛІНСЬКЕ»

Резюме

В статті аналізуються ритуальні поховання тварин та людей з розкопів на городищі «Белінське» у Східному Криму. Розглядаються особливості та призначення поховань собак, свиней та деяких інших тварин. Ритуальне поховання людей на городищі поділені на дві групи: поховання немовлят та поховання дорослих людей. Простежуються спадкоємність та інновації у обрядовій практиці мешканців городища за період з першої чверті II ст. н.е. по першу чверть V ст. н.е. Даються попередні висновки про зміни в етнічному складі населення.

В.Г. Зубарев, С.В. Ярцев

РИТУАЛЬНЫЕ ЗАХОРОНЕНИЯ В САКРАЛЬНОЙ ПРАКТИКЕ ЖИТЕЛЕЙ
ГОРОДИЩА «БЕЛИНСКОЕ»

Резюме

В статье анализируются ритуальные захоронения животных и людей из раскопок на городище «Белинское» в Восточном Крыму. Рассматриваются особенности и назначение погребений собак, свиней и некоторых других животных. Ритуальные захоронения людей на городище разделены на две группы: погребения младенцев и погребения взрослых людей. Прослеживаются преемственность и инновации в обрядовой практике жителей городища за период с первой четверти II в. н.э. по первую четверть V в. н.э. Даются предварительные выводы об изменениях в этническом составе населения.

V.G. Zubarev, S.V. Yartsev

RITUAL BURIALS IN SACRED PRACTICE OF THE INHABITANTS OF THE
SETTLEMENT «BELINSKOYE»

Summary

Burials of animals and humans from the excavation on the site «B» in the eastern Crimea are analyzed in the article. Particular features and purposes of burials of dogs, pigs and other animals are considered. Ritual burials of humans at the site are divided into two groups: burials of infants and burials of adults. Continuity and innovation in the ritual practice of the inhabitants of the settlement for the period from the first quarter of the 2nd century AD till the first quarter of the 5th century AD can be traced. Preliminary conclusions on changes in the ethnic composition of the population are given.

О. Б. БУБЕНОК

НЕКОТОРЫЕ ПАРАЛЛЕЛИ В МАТЕРИАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЕ НАСЕЛЕНИЯ УКРАИНСКОГО ПОДНЕПРОВЬЯ И СЕВЕРО-ЗАПАДНОГО КАВКАЗА (к вопросу об адыго-славянских связях)

Близость Северо-Западного Кавказа и Северного Причерноморья всегда давала повод исследователям говорить о возможных контактах между населением отмеченных субрегионов как во времена античности, так и в средневековье. В специальной литературе уже неоднократно указывалось на давние связи населения украинского Поднепровья и Прикубанья. Так, В. П. Кобычев отметил: «Спектральный анализ металлических изделий трипольской культуры, распространенный в III–II тыс. до н. э. на территории Правобережья Днестра от Карпатских гор и до нижнего течения Дуная, показывает, что подавляющая их часть сделана из мышьяковистой меди кубанской группы. Таврские каменные ящики-могилы, находимые в Крыму, археологи рассматривают всегда не иначе как в связи с аналогичными погребениями Северного Кавказа. В более позднее время на основании целого комплекса различных бронзовых предметов: топоров-кельтов, кинжалов, частей конского убора (псалий) и т. д. – археологи объединяют в один обширный ареал территорию Восточного Прикарпатья, Крыма и Северо-Западного Кавказа, суммарно называемый «киммерийским» [Кобычев, 1973, с. 93]. В этой связи не менее показательны гидронимия и топонимия Среднего Поднепровья.

Так, среди современных гидронимов украинского Днепровского Левобережья особо следует выделить название реки *Псел*. Эта водная артерия представляет собой левый приток Днестра и берет свое начало в Белгородской области России, а далее протекает через территорию Курской, Сумской и Полтавской областей до своего впадения в Днепр ниже г. Кременчуг. Весьма характерно, что в этом районе Приднепровья получили также распространение реки с аналогичными названиями. Так, притоками Псла являются реки *Пселец*, *Псельчик* и *Псинка*, которые протекают через земли Сумской области. Кроме того, в этом же районе находится река *Псоля*, которая является правым притоком Днепра. Однако на этом перечень аналогичных названий с основой на *Пс* на землях Украины является далеко неисчерпанным, хотя обращает на себя внимание то, что в районе Левобережного Поднепровья существует целое скопление гидронимов данного типа [Словник гідронімів..., 1979, с. 451–452]. Около ста лет тому назад О. М. Бодянский

предложил сближение названия реки *Псел* с кавказскими гидронимами типа *Пса, Псе, Псекупс, Психуаба* и т. п. По его наблюдениям, в основе этих гидронимов находится корень *Псы*, который в языках адыгских народов обозначает “вода, река” [В-ко, 1908, с. 3; Мацеевич, 1896]. Исследователи уже давно отметили, что гидроним *Псел* имеет много общего с гидронимами в местах проживания адыго-абхазских народов на Северном и Западном Кавказе. Таких названий рек на Кавказе можно привести большое количество: *Пседах, Псекупс, Псоу, Псужь, Псыбэ, Псыбъундж, Псыгуэнсу, Псыджор, Псыгъуабжэ, Псыжъ, ПсыкIыгъожъ, ПсыIэху, ПсыкъепкIэ, Псымыгъу, Псымышъу, Псынащхъэ, Псынэф, Псыпáп, ПсыпцIэ, Псыфыжъ, Псыхуабэ, Псыхушхъэ* [Коков, 1966, с. 120–123, 144–147; Коков, 1974, с. 102–103, 242–251]. Лингвисты единодушны во мнении, что в основе этих гидронимов лежит адыгское слово *псы*. А. К. Шагиров в “Этимологическом словаре адыгских (черкесских) языков” предлагает следующую этимологию этого слова: “*псы* ‘вода’, ‘река’, ‘речка’ – в значении “река” (“речка”) в адыгейском слово встречается в композитах и в определенных сочетаниях; обычное (самостоятельное) название реки здесь *псыхъэ*». Исследователь также видит соответствия этому адыгскому термину в абхазском *а-дзы* (в абазинском *дзы*) и убыхском *бзы* – “вода, река” [Шагиров 1977, с. 16]. Таким образом, имеются основания считать, что гидроним *Псел* своим происхождением связан именно с адыгским *псы* – “вода, река”.

Кроме того, В. П. Кобычев следы адыгского присутствия на землях Северного Причерноморья склонен связывать не только с названием *Псел*. В частности, по этому поводу он отметил: “К ним можно добавить *Томако* – остров на Днепре, реки *Редединку* (*Редедя* – легендарный касожский богатырь, упоминаемый русской летописью) – на Волыни, *Уनावу* – приток Ирпени (от адыгского *уна* – “дом”, ср. по соседству река *Домашня*)...” [Кобычев, 1973, с. 93]. К. Н. Тищенко также отнес к кавказским названия рек: “*Псло* (*Псел, Псіолъ, Пьслъ, Песелъ*), а также *Пселець, Псоля*”, которые “этимологически восходят к адыгейскому *псы* “вода». Кроме того, с кавказским влиянием К. Н. Тищенко связал также происхождение гидронимов *Ворскла* и *Суба, Субот, Собот, Саба*. Аналогии первому названию исследователь видит не только в грузинском *verçxli*, мегрельском *varçxli, k'varçxli*, сванском *varçli* – “серебро”, или грузинском *varcli* – “корыто”, а также в дагестанских языках: “лезг. *уър*, рут. *уър*, лак. *баър*, арч. *баъри*, лезг. *вир*, но-*вур*, чам. *и-гъир*, анд. *ъи-гъур*, таб. *да-гар*”, а также аварские слова *гIор* – “река” и *хIор* – “озеро”. Что же касается второй группы гидронимов, то К. Н. Тищенко указал на их возможную связь с лезгинским *сув(а)* – “гора”, цахурским *сува*, табасаранским *сив* – “яр”, чеченским *шу* – “горб, возвышенность”. По этому поводу исследователь отметил: “Естественно, что река *Субот Кв* протекает-таки в глубоком яре (с. Малополовецкое Фастовского р-на)” [Тищенко, 2006, с. 89–90].

На сегодня среди ряда лингвистов нет сомнений в том, что часть гидронимов Среднего Поднепровья имеют кавказское происхождение. Однако нет единого мнения относительно времени их возникновения. Так, К. Н. Тищенко считает, что в далеком прошлом земли Северного Причерноморья представляли собой часть циркумпонтийской зоны, которая “по крайней мере с III тыс. до н. э. входила в сферу влияния кавказских и средиземноморских культур”. Следствием этого, по мнению исследователя, является существование на современной карте Украины некоторых гидронимов кавказского происхождения [Тищенко, 2006, с. 89–90].

Кроме того, особой оригинальностью к решению данного вопроса отличается подход В. П. Кобычева, который считал, что название восточных славян VI в. – *анты* имеет кавказское происхождение. Основанием этого, по его мнению, является то, что “в сохранившихся фрагментах убыхского языка (одного из черкесских племен) *анта* обозначает” чудовище, лесной человек» [Кобычев, 1973, с. 93]. На основании этих совпадений исследователь сделал предположение: “Безусловно, анты VI в. н. э. в этническом отношении были стопроцентными славянами, но какая-то примесь каказского субстрата могла быть у них”. Таким образом, В. П. Кобычев дал понять, что приблизительно в это время, т. е. во времена античности и раннего средневековья на землях Северного Причерноморья могли появиться гидронимы кавказского (адыгского) происхождения [Кобычев, 1973, с. 96].

Необходимо отметить, что данным гипотезам не противоречат и данные древнерусских летописей, где упоминается название реки *Псел*. Так, первое упоминание о названии реки содержится уже в том фрагменте текста Ипатьевской летописи, где речь идет о походе киевского князя Владимира Мономаха против половцев в 1111 г. На пути к реке “Дон”, в которой современные исследователи склонны видеть Северский Донец, войско Владимира вынуждено было форсировать несколько рек. Об этом в Ипатьевской летописи сказано: “...и вѣста Володимерь и Стополкъ и цѣлювастался . и поидоста на Половцѣ . Стополкъ съ сномъ . Ярославъ и Володимерь съ сыни . и Двдъ со сыном . и поидоша возложивше надежу на Ба . и на пречистую мать его . и на стыгя англы его и поидоша . въ . в . недѣлю поста . а в пятокъ быша на Сулѣ . в суботу поидоша и быша на Хоролѣ . и ту и сани пометаша . а в недѣлю поидоша в нюже хрестъ цѣлюють и приидоша на **Пслѣ** . и ѿтуди сташа на рѣцѣ Голтѣ . ту пождаша и вои . и ѿтудо идоша Вѣрѣскла...” [Ипатьевская, 1908, с. 184].

Необходимо отметить, что имеются основания говорить о контактах между населением Среднего Поднепровья и Северо-Западного Кавказа также в эпоху средневековья. Данные некоторых письменных источников дают определенные основания для этого. Это касается древнерусских летописей, в которых адыгов при описании событий X – начала XIII вв. называли «касо-

гами». Так, в большинстве списков “Повести временных лет” сказано: “В лето 6473 (965). Иде Святослав на Козары; слышавше же Козары, и изыдоша проитиву с князем своим Коганом, и соступишоса обои; и одоле Святослав Козаром, и град их Белую Вежу взя; и Ясы победи и Касоги” [Воскресенская..., 1856, с. 287; Ипатьевская..., 1843, с. 246; Приселков, 1950, с. 84]. Анализ упомянутых отрывков позволяет предполагать, что в 965 г. Святослав сначала напал на хазар в районе Саркела–Белой Вежи, захватил эту крепость и лишь после этого мог пойти на союзников хазар – аланов-ясов и касогов. Кроме того, в Первой Новгородской летописи содержится указание на то, что киевский князь “ясы победи и касоги и приведе Киеву” [Новгородская Первая, 1950, с. 117]. Это сообщение можно трактовать двояко: либо Святослав привел в политическую зависимость от Киева часть касогов и ясов, либо он переселил их в Киев.

Кроме того, древнерусские летописи неоднократно упоминали о Тмутараканском княжестве, которое находилось на Северо-Западном Кавказе, по соседству с касогами-адыгами. Тмутаракань в древнерусских летописях упоминается при описании событий 988 (6496), 1023 (6531), 1064 (6572), 1065 (6573), 1066 (6574), 1077 (6585), 1078 (6586), 1079 (6587), 1083 (6591) и 1094 (6602) гг. После 1094 г. исчезают сведения о Тмутаракани. По данным летописей, касоги имели очень тесные контакты со славяно-русским населением города. Уже сам этот факт может указывать на активную посредническую роль адыгов в связях между Русью и Кавказом. Это могло также способствовать переселению части касогов на Русь, что находит подтверждение в хрониках.

Так, древнерусские летописи сообщают о переселении на земли Черниговского княжества, которое занимало в начале XI в. все Левобережье Руси, касогов, которых привел с собой из Тмутаракани князь Мстислав и использовал их вместе с тмутараканскими хазарами для борьбы против своего брата – киевского князя Ярослава: “В лето 6531 (1023) собрася Мстислав со Козари и Касоги на Ярослава, брата своего...” [Ипатьевская летопись, 1843, с. 265]. В конце-концов, войско Ярослава, основу которого составляли варяги-норманы, и войско Мстислава, которое состояло из северян и кавказских дружинников – касогов и хазар, должны были сойтись в битве возле Лиственя. Об этом летописец сообщает: “Мъстислав же с вечера исполчи дружину и постави Сѣверъ въ чел противу Варягов . а самъ ста с дружиною своею по крилома . и бівіши нощи...” [Ипатьевская летопись, 1908, с. 95]. На следующий день успех сопутствовал Мстиславу. При этом, по данным летописей, дружинники Мстислава так и не пострадали: «Мъстиславъ же о свѣте . заоутра и видѣ лежачи исѣчены . о своихъ Сѣвѣр . и Варягы Ярославлѣ . и ре кто сему не рад . се лежитъ Сѣверянинъ . а се Варягъ . а своя дружина цѣла...” [Ипатьевская летопись, 1908, 95]. Следовательно, касоги и тмутараканские хазары, которые

составляли дружину Мстислава, не пострадали. Нет известий о том, что после этой войны касоги обратно вернулись на Кавказ. Поэтому интересна их дальнейшая судьба.

Этот вопрос несколько десятилетий тому назад не давал покоя В. В. Мавродину, который относительно этого высказался следующим образом: “После соглашения в Городце, по летописи, “уста усобица и мятежь бысть тишина велика в земли”. Воспользовавшись восстанием эксплуатируемых слоев населения “Ляшской земли”, избивших в 1030 г. “епископы, и попы, и бояры своя”, на следующий год Ярослав и Мстислав идут войной на ляхов, возвращают Руси захваченные одно время ляхами червенские города и берут большой полон. Ярослав поселил своих пленных по Руси, куда посадил своих Мстислав – неизвестно. Можно предположить, что они были поселены по примеру Ярослава, заселявшего пленными южные окраины своих владений, где-либо в укрепленных пунктах юго-восточной окраины Северской земли. Касого-ясо-хазарская дружина Мстислава осталась в Черниговщине... [Мавродин, 1940, с. 137]. Необходимо отметить, что в то время земли Черниговского княжества занимали всю территорию Левобережной Руси, южная граница которой могла находиться где-то в районе междуречья Сулы и Псла.

Исследователи уже давно обратили внимание, что еще в конце XVIII в. левый приток р. Лютенькой, которая, в свою очередь, является левым притоком Псла в среднем его течении, носил название **Косоговка** [Стрижак, 1963, с. 27; Описание рек..., 1868, с. 26]. Необходимо отметить, что существование гидронима **Косоговка** на левобережье Псла, в среднем его течении, отнюдь не случайно, ибо там были известны и аналогичные топонимы.

Необходимо обратить внимание на то, что на левобережье Псла, в среднем его течении, в недалеком прошлом имели распространение топонимы с основой **косог (косаг)**. Так, по данным переписи 1859 г., на территории Полтавской губернии в Зиньковском уезде существовали два поселения, которые имели название **Косоговщина** [Полтавская губерния..., 1862, с. 53]. Кроме того, “Военно-топографическая карта Российской империи” (1869–1890) свидетельствует, что во второй половине XIX в. в этом же районе на правом берегу речки Мужева Долина был хутор **Косоговщина (Паськова)** [Военно-топографическая..., 1869–1890, лист 23, 23–12].

Существует мнение, что к возникновению этих названий на Полтавщине был причастен московский боярин Г. И. Косогов, который в конце XVII в. руководил постройкой вала, получившего название «Косогов вал». Этот вал проходил по южной территории современных Полтавской и Харьковской областей [Гильденштедт, 1891, прим. 24]. Однако Г. И. Косогов долгое время находился не только на Полтавщине, но и на Харьковщине. Однако на территории Харьковской области названия с основой **Косогов** так и не были обнаружены. При этом в среднем течении Псла имелись топонимы **Косогов-**

щина и гидроним *Косоговка*. Относительно последнего названия хочется подчеркнуть, что названия рек не имеют тенденцию возникать от антропонима. Стало быть, более предпочтительно связывать возникновение данных названий с народом *касоги*, чем с фамилией *Косогов*. К тому же само адыгское название реки *Псел* может говорить в пользу предложенной версии.

Однако весьма проблематично утверждать, что именно касоги, поселенные Мстиславом на берегах реки Псел, дали ей это название. Хотя данное переселение могло иметь место с 1026 г. по 1036 г., т. е. в период княжения Мстислава в Черниговском княжестве после войны с Ярославом. К тому же первое упоминание о реке Псел относится к 1111 г. [Ипатьевская, 1908, с. 184]. Однако данная гипотеза имеет одно уязвимое место. Это касается численности пришедших на левобережную Русь касогов, к тому же не одних, а с тмутараканскими хазарами: “В лето 6531 (1023) собрася Мстислав со Козари и Касоги на Ярослава, брата своего...” [Ипатьевская летопись, 1843, с. 265]. Однако упоминание в войсках Мстислава отдельно северян и дружины, к тому же уцелевшей после войны с Ярославом, [Ипатьевская летопись 1908, с. 95], позволяет считать, что эта дружина состояла из касогов и хазар. В специальной литературе неоднократно поднимался вопрос о численности княжеской дружины в Древней Руси. Однако при этом сложилось мнение, что дружина представляла собой наемное войско, и состояла она всего лишь из нескольких сотен воинов-наемников. Стало быть, такой незначительный контингент из касогов вряд ли мог бы способствовать появлению и распространению адыгского названия реки *Псел* в среде славян. Получается, что название реки *Псел* могло существовать и до поселения на ее берегах в XI в. касогов. Однако пребывание на ее берегах именно касогов должно было способствовать тому, что кавказское название реки сохранилось до наших дней. Таким образом, получается, что в прошлом в бассейн р. Псел с Кавказа были совершены, по крайней мере, две миграции носителей адыгских языков. Вторая имела место в начале XI в., что нашло отражение в сохранившихся до XVIII–XIX вв. названиях – гидроним *Косоговка* и топонимы *Косоговищина*. Первая же должна была иметь место в более раннее время и была более значительной, что и способствовало появлению названия реки *Псел*.

Говоря о возможных миграциях адыгов в Поднепровье, конечно же, нельзя оставить без внимания легенды, связанные с основанием города Черкассы на Днепровском Правобережье. Согласно этим преданиям, адыгов-черкасов сюда могли переселить с Северного Кавказа либо правители Золотой Орды в конце XIII в., либо литовские князья в XIV в.. Необходимо отметить, что первая версия гипотезы является больше историографическим курьезом XVIII в. и не подкреплялась никакими ссылками на исторические источники. Но она была настолько популярна среди историков XVIII–XIX вв., что даже послужила основанием для написания нескольких десятилетий

назад В. Ф. Горленко большой статьи историографического характера «Об этнониме Черкасы в отечественной науке конца XVIII – первой половины XIX вв.» [Горленко, 1982, с. 96–107]. Интерес к данной проблеме был обусловлен тем, что, по образному замечанию В. Ф. Горленко, «широкое употребление в XVI–XVII вв. названия *черкасы* по отношению к украинцам Поднепровья – исторический факт» [Горленко, 1982, с. 104].

Что же касается второй версии гипотезы, то она отражена в некоторых исторических документах. Речь идет об одной из люстраций (переписи, ревизии) Каневского и Черкасского замков, датированной 1552 г., где сказано: «*Початокъ Черкасовъ и Канева. Отъ початку Черкасовъ и Канева уходы по всимъ тымъ рекамъ вольны были Каневъцомъ, бо яко князь великій Литовскій Гедиминъ, завоевавъши надъ моремъ Кафу и весь Перекопъ и Черкасы Пятигорское, и приведъши Черкасовъ часть з княгинею ихъ, посадилъ ихъ на Снепородѣ, а иныхъ на Днепре, где теперъ Черкасы сидятъ, а Снепородцевъ посадилъ на Днепрежъ у Каневе и сидячи Снепородце на Днепре у Каневе, предся отъчизны свои по речкамъ инымъ Севирскимъ уходить не престаи*» [Архивъ Юго-Западной Росіи, 1886, с. 103]. Если учесть, что Гедимин – великий князь литовский единолично правил с 1316 по 1341 гг., то получается, что город Черкасы был основан в первой половине XIV в. и своим названием был обязан народу кавказского происхождения. В современной науке существует мнение, что в 1321 г. Гедимин начал войну против галицко-волинских князей, одержал ряд побед и в 1322 г. после успешной битвы на реке Ирпень занял Киев с «пригородами». Следовательно, в этот период, согласно записанной легенде, он и мог основать город Черкасы. Однако у нас нет никаких известий о походе Гедимины на Кавказ, откуда он мог привести адыгов-черкасов. К тому же, в данном случае смущает значительный хронологический разрыв между описанным событием и первым упоминанием о нем в документе – более 200 лет, что позволяет считать его также легендой, хотя и не лишенной определенной доли историчности. При этом смущает и то, что в данном документе к началу XIV в. относят также основание города Канева, хотя хорошо известно, что этот город был основан в домонгольское время.

Существует также мнение, что город Черкассы был основан до правления Гедимины. Обычно при этом ссылаются на следующее сообщение Густинской летописи, датированное 1305 г.(?): «Паки Гедиминъ, князь Литовскій, Овруче и Житомиръ взять подъ княземъ Кіевскимъ Станиславомъ. Въ то же время и самого князя Станислава Кіевского, и Лва Луцкого, и Романа Брянского и прочіяхъ порази, и Кіевъ подъ нимъ взять и потом Каневъ, Черкасы. Путивль, Брянско и Волынь... » [Густинская летопись, 1843, с. 348]. Однако в данном случае смущает дата описанного события – 1305 г., ибо в этом году Гедимин еще не был литовским князем. Кроме того, Густинская летопись была

написана лишь в начале XVII вв., и следовательно хронологический разрыв между описанным событием и упоминанием о нем в документе – более 300 лет, что ставит под сомнение предложенную дату основания города.

Именно такие противоречивые известия немногих письменных документов заставили многих славянских исследователей засомневаться в достоверности легенд об основании города Черкассы переселившимися сюда с Кавказа адыгами. Однако данная гипотеза, по понятным причинам, нашла немало приверженцев на Северном Кавказе, особенно среди исследователей адыгского происхождения. Так, кабардинский историк Н. Л. Шафиев даже не сомневается в том, что город Черкассы на Днестре был основан переселившимися сюда с Кавказа адыгами-черкесами. В частности он отметил: «Исследуя топонимическое название «Черкассы», языковед Дж. Н. Коков доказывает, что оно происходит от слова «черкес». Черкесы в качестве охранителей жили на берегу Днестра столь отдаленно от постоянного местопребывания адыгов (главным образом, Западный Кавказ и Центральное Предкавказье) еще во второй половине XIII века. По летописи, в период монгольского владычества на Руси, в 1282 году, Баскак, губернатор Курского княжества призвал черкесов из Бештау, или Пятигорья, населил ими слободы под именем Козаков... Наконец, они достигли берегов Днестра, где от местного ханского правителя получили землю для заселения ниже Канева. «Тут они построили себе городок, или приличнее, острожек, и называли Черкасск, по причине чего большая часть их породой были черкасы»... Итак, топоним «Черкассы» произведен от этнонима «черкес»... [Шафиев, 1968, с. 32–33].

Однако нельзя полностью согласиться с данным объяснением по двум причинам. Во-первых, ни одна из известных нам летописей не содержит таких сведений. В данном случае Н. Л. Шафиев просто пересказал легенду, содержащуюся в сочинениях историков XVIII–XIX вв. Во-вторых, этническое название **черкас** возникло раньше, чем **черкес**, где последнее является производным от первого, а не наоборот. Наиболее ранние полные упоминания этого этнонима дают именно форму **черкасы**. Так, в сочинении Плано Карпини, написанном в 40-е гг. XIII в., среди жителей Кавказа упомянут народ **Чиркасы** [Карпини, 1957, с. 57, 72]. Даже в XV в. итальянские авторы продолжали использовать форму **Черкас** [Барбаро, 1971, с. 108; Волкова, 1973, с. 24]. Однако уже с XVI–XVII вв. западные европейцы начали использовать термин **черкес** [Волкова, 1973, с. 24]. Необходимо отметить, что в русских летописях форма этнонима **черкас** начала использоваться с начала XIV в. для обозначения народа Кавказа, и в это же время из русского летописания исчез этноним **касог** [Патриаршая Десятая, 1885, с. 184; Воскресенская, 1856, с. 34; Никаноровская, 1962, с. 71; Сокращенный летописный свод 1493, с. 252; Сокращенный летописный свод 1495, с. 331]. Однако анализ текстов поздних русских летописей позволяет считать, что с середины XV в.

“черкасами” стали называть не только жителей Северного Кавказа, но и часть жителей Центральной Украины ...” [Холмогорская, 1977, с. 136]. В XVI–XVII вв. в московских документах «черкасами» называли как жителей Северного Кавказа, так и жителей Центральной и Восточной Украины. Что же касается османо-турецких текстов, то особенность приспособленной к турецкому языку арабо-персидкой графики дала вариант **чркс**, который турки-османы должны были произносить не иначе как **черкес** [Радлов, 1905, с. 1969]. Следовательно, в позднее средневековье данный вариант этнонима мог попасть от турок к европейцам, где и получил распространение в форме **черкес**. Таким образом, исходя из данных этнонимии, можно лишь полагать, что топоним Черкассы на правом берегу Днепра мог возникнуть в очень значительный промежуток времени: с середины XIII в. – по середину XV в. Это значительно осложняет решение проблемы.

Во времена позднего средневековья возможны были и другие миграции адыгского населения на земли Украины. По этому поводу Л. И. Лавров заметил: «украинско-кавказские связи поддерживались и после XIV в. Вспомним хотя бы совместные военные операции XVI в. адыгов и казаков Байды-Вишневецкого против крымских татар и участие адыгских отрядов в героической борьбе украинского народа в период освободительной войны 1648–1654 гг. под руководством Богдана Хмельницкого» [Лавров, 1961, с. 65]. К этому следует добавить, что в феврале 1560 г. князь Д. Вишневецкий был назначен Иваном IV воеводой у черкесов, куда московский царь отправил православных миссионеров. Д. Вишневецкий успешно справился с этой миссией – черкесы приняли православие, а на дочери одного из князей Черкасских – Марии (до крещения – Кученей) Темрюковне был женат вторым браком сам царь [Запорожская сечь]. Известно также, что после 1560 г. Д. Вишневецкий, недовольный отношением к нему Ивана IV, возвращается на Запорожье с отданными ему украинскими и донскими казаками, а также черкесами из племени Жане [Дмитрий Байда-Вишневецкий].

В нашем случае остается констатировать, что гипотезы о переселении адыгов на земли украинского Поднепровья не только в древности, но и в средние века находят лишь косвенное подтверждение в некоторых письменных источниках и топонимии. Несмотря на это, можно согласиться со следующим мнением В. Ф. Горленко: «Вряд ли можно сомневаться в том, что жившие в далеком прошлом на территории Украины и России племена, в том числе восточнославянские, будучи близкими соседями предков черкесов, находились с ними в разнообразных и тесных связях» [Горленко, 1982, с. 96]. К сожалению, письменные источники прямо не говорят о переселении адыгов (касогов и черкасов) на земли Среднего Поднепровья в период раннего и позднего средневековья. Не проводились в этом направлении и специальные археологические исследования. Хотя еще около ста лет назад

академик Ф.И. Шмит отметил, что церковное искусство Древней Руси имело свои истоки не в Константинополе, а на Северо-Западном Кавказе [Шмит, 1919, с. 47]. Кроме того, Л. И. Лавров подчеркнул, что существуют «общие черты в архитектуре старейших храмов Киева и Чернигова, с одной стороны, и синхронных им храмов Абхазии (особенно Моквинского) – с другой» [Лавров, 1961, с. 64]. Однако результаты археологических раскопок средневековых памятников для решения данной проблемы так и не привлекались. Поэтому немаловажным свидетельством адыго-славянских связей в прошлом могут являться сведения этнографического характера. Необходимо исходить из того, что формирование традиционной культуры современных народов в основном проходило во времена средневековья и в более поздний период.

Особо показательными в этом отношении могут являться артефакты материальной культуры, связанные с бытовыми особенностями народов в недалеком прошлом. Исследователи уже давно обратили внимание, что материальная культура населения украинского Поднепровья и черкесов Северного Кавказа имеет немало общих черт, но объясняли этот факт по-разному.

Так, еще в первой половине XIX в. на сходство одежды, жилья и антропологического типа украинцев Поднепровья и черкесов указал А. Ригельман [Ригельман, 1847, с. 8–10]. В середине XIX в. А. Шафонский указал на сходство древней монументальной архитектуры южных украинцев и черкесов. Он также отметил у обоих народов одинаковые элементы одежды – шапки, черкески и т. п. [Черниговского наместничества..., 1851, с. 53]. В начале XX в. Ф. Волков отметил общие черты в строительной технике украинцев и адыгов [Волков, 1916, с. 536]. Эти исследователи видели в этих параллелях результаты миграции кавказских народов на территорию Украины в прошлом.

В советское время данная проблема продолжала интересовать этнографов. Так, в своей специальной статье, посвященной адыго-украинским связям, Л. И. Лавров более детально остановился на многих аспектах данной проблемы. Он, в частности, подчеркнул: «Отдельные черты быта населения Киевской Руси имели место в быте кавказских народов. Например, адыги, подобно Святославу и запорожцам, носили на голове оселедцы, о чем свидетельствовали Юлиан в XIII в., Интериано в XV в. и русский путешественник в 1890 г.» [Лавров, 1961, с. 64]. Исследователь также отметил общие черты в строительной технике украинцев и адыгов Северо-Западного Кавказа [Лавров, 1961, с. 64]. Он также обратил внимание на одежду: «Известно, что ряд элементов старинной одежды украинского казачества (жупан, кунтуш, шапка «кабардинка» и т.п.), а также крестьянского (например, постолы) имеет аналогии в старинной одежде кавказских горцев, грузин и армян» [Лавров, 1961, с. 65]. Л. И. Лавров также подчеркнул, что тяжелый украинский плуг имеет аналогии с адыгейским [Лавров, 1961, с. 64–65]. Исследователь объяснял данные совпадения различными факторами, не исключая при этом

и возможности миграции отдельных групп кавказского населения на территорию Украины в прошлом.

Другой известный советский этнограф-кавказовед В.П. Кобычев также считал, что народы Северо-Западного Кавказа и Северного Причерноморья имели общие элементы в материальной культуре. По этому поводу он отметил: «Северо-Западный Кавказ и Северное Причерноморье объединяют и форма жилища – легкий плетенный обмазанный глиной дом с круговым навесом на столбах и высокой плетеной трубой над открытым очагом; и однотипная мебель – низкие круглые треногие столики и скамейки... » [Кобычев, 1973, с. 94]. Как уже отмечалось, В. П. Кобычев был склонен связывать параллели с Кавказом с примесью «кавказского субстрата» среди славян-антов, что, по его мнению, должно было иметь место в VI в. н. э. [Кобычев, 1973, с. 96].

Данная проблема стала впоследствии объектом научных интересов В. Ф. Горленко, который в специальной статье, посвященной миграциям адыгов в украинское Поднепровье, также обратил внимание на общие элементы в материальной культуре украинцев и черкесов: «бытование в прошлом у тех и других близкого по конструкции тяжелого деревянного плуга, сходных типов турлучного жилища с навесом на столбах, традиции отапливать жилище кизяком; наличие у запорожцев “черкесского” седла...» [Горленко, 1982, с. 105–106]. Эти наблюдения, а также параллели в материальной культуре, сделанные его предшественниками, дали основания В. Ф. Горленко связать это с переселением адыгов в украинское Поднепровье, в результате чего и возник город Черкассы [Горленко, 1982, с. 106–107].

Естественно, что данная проблема интересовала не только ученых славянского происхождения, но и этнографов Северного Кавказа. Однако в этом случае сложилась весьма неожиданная ситуация. Так, славянские исследователи объясняли отмеченные параллели следствием влияния адыгов на быт украинцев, что стало результатом, по их мнению, переселения адыгов на украинские земли в эпоху средневековья. Однако кавказские исследователи Г. А. Кокиев и Л. А. Чибиров, наоборот, видели в этом результат позднего влияния украинцев на быт народов Северного Кавказа [Кокиев, 1946, с. 80; Чибиров, 1970, с. 108].

Однако действительно ли выявленные этнографами параллели в материальной культуре могут свидетельствовать о миграциях в прошлом предков черкесов на украинские земли? В реальности ситуация выглядит весьма запутанной. Имеющиеся параллели в материальной культуре украинцев и адыгов Северного Кавказа можно объяснить тремя факторами: 1) в эпоху средневековья на земли Поднепровья периодически переселялись отдельные группы адыгов; 2) во времена развитого и позднего средневековья предки украинцев и черкесов начали осваивать степные пространства Северного Причерноморья и Северного Кавказа, где они встретили местное оседлое

население со своими специфическими чертами материальной культуры, например, аланов, которые периодически переселялись из Предкавказья в Северное Причерноморье; 3) начиная с конца XVIII в., украинское население начало интенсивно заселять земли Северо-Западного Кавказа, где их соседями стали адыги. Кажется, имеет резон разобраться более детально в происхождении ряда отмеченных совпадений.

В первую очередь, это касается жилища. Как уже отмечалось, исследователи обратили внимание на общий тип жилища украинцев и адыгов, который получил в специальной литературе название “каркасно-турлучного”. Для жилищ Южной и Средней Украины, а также степей Предкавказья было характерно то, что они сооружались при помощи столбов и ивовых прутьев и обмазывались глиной. Они были, как правило, наземными. Крыша этих построек обычно изготавливалась из соломы или камыша. Для украинской хаты и жилищ Прикавказской низменности было характерно то, что это были преимущественно наземные постройки. На Украине и Северном Кавказе каркасно-турлучные жилые постройки, как правило, были однокамерные или двухкамерные [Бломквист, 1956, с. 86–87; Косміна, 1980; Данилюк, 1991; Зеленин, 1991, с. 291–292; Кобычев, 1982, с. 86–87; Народы Кавказа, 1960, с. 161–162; 206, 317–319].

Кроме того, во внутреннем устройстве таких жилищ также имелось немало общего. Так, в украинском и северокавказском жилищах имелся дымоход, сплетенный из ивовых прутьев и обмазанный глиной. На Северном Кавказе такой дымоход обычно сооружался над открытым очагом и прямо выводился за пределы крыши [Народы Кавказа, 1960, с. 161, 206, 317; Кобычев, 1973, с. 90–96]. На Украине же данное устройство для отвода дыма обычно устанавливалось в сенях, рядом со стеной, называемой «кагла» [Бломквист, 1956, с. 263; Косміна, 1980, с. 62, 174–175]. Однако на Украине бытовало и аналогичное северокавказскому сооружение, которое представляло собой небольшой очаг, над которым устанавливалось сплетенное из ивовых прутьев устройство для отвода дыма [Зеленин, 1991, с. 309–310]. Безусловно, и на Украине, и на Северном Кавказе устройство для отвода дыма являлось неотъемлемой частью в конструкции каркасно-турлучного типа жилища, происхождение которого в обоих регионах могло иметь общие истоки и традиции.

Необходимо отметить, что каркасно-турлучный тип жилища получил широкое распространение на просторах Евразии. Известен он, например, в Венгрии, в восточной области страны Альфельд [Руденский, 1984, с. 235], а также в Молдавии [Молдаване, 1977, с. 158–159]. Известен аналогичный украинской хате тип жилища и на севере Ирана, в области Гилян. По наблюдениям Е. Э. Бломквист, каркасно-турлучный тип жилища имел распространение в Южной и Средней Украине, на Нижнем Дону, на Северном Кавказе и в других регионах [Бломквист, 1956, с. 86]. Исследователь считала, этот

равнинный тип наземного жилища произошел от землянки. В качестве доказательства этого Е. Э. Бломквист отметила, что «переходные типы жилища – от полуземлянки к хате, в виде углубленной в землю хаты, не раз отмечались в степной полосе в XIX в.» [Бломквист, 1956, с. 18]. Однако прообразом каркасно-турлучного жилища мог быть и другой тип постройки. Речь идет о «буде» – временном жилище пастухов, до сих пор встречающемся на Волыни. По данным А. Данилюка, такой тип жилища сооружался из лозы, при помощи которой горизонтально обплетали колья. Накрывали «буду» ветками деревьев, а сверху – грубым сеном. Размеры «буды» были различными, в зависимости от количества пастухов, но чаще всего 2х3,5 м. При хорошей погоде пастухи разжигали огонь снаружи, а при дожде – внутри при входе [Данилюк, 2002, с. 65].

Однако отмеченные артефакты являются реликтами древней степной культуры, и поэтому трудно говорить о направлении заимствований. В данной ситуации можно вполне согласиться с выводом Л. И. Лаврова, что общий тип жилища на Украине и Северо-Западном Кавказе формировался в процессе взаимных творческих связей соседних народов, которые долгое время находились в контактах друг с другом. Свой вывод исследователь аргументировал, и не без оснований, следующими фактами: “Известно, что основные черты современной украинской хаты сложились задолго до возникновения Киевского государства. То же самое можно сказать и о современном жилище адыгов, абазов и абхазцев, основные черты которого можно проследить, начиная с энеолита” [Лавров, 1961, с. 64].

Как уже отмечалось, некоторые исследователи обратили внимание на распространение среди адыгов и украинцев однотипной мебели, представленной, прежде всего, низкими круглыми треногими столиками [Кобычев, 1973, с. 94]. Обычно за таким столиком обедали, садясь на землю или на низенькие стульчики. Когда столик не был нужен, то его обычно вешали на стену жилища. На Северном Кавказе этот тип низкой мебели имел распространение не только среди адыгов, но также среди осетин и других народов [Бломквист, 1956, с. 421–422; Народы Кавказа, 1960, с. 162, 206, 319]. Находили данный тип мебели и в средневековых катакомбах Северного Кавказа [Кузнецов, 1971, с. 142]. Весьма примечательно, что при раскопках курганов скифского времени на Алтае в вечной мерзлоте были найдены такие же деревянные круглые столики [Руденко, 1952, с. 40–42; Руденко, 1953, с. 82–86]. В недалеком прошлом, по данным Е. Э. Бломквист, маленькие круглые столики имели распространение не только среди украинцев и северокавказских народов, но также среди казаков на Кубани и Дону, а также среди балканских славян и крымских татар [Бломквист, 1956, с. 421–422]. Следовательно, наличие маленьких круглых столиков у украинцев и адыгов Кавказа необязательно следует рассматривать как результат культурных контактов

в прошлом между их предками, а вполне возможно, что в этом следует видеть результат воздействия со стороны их общих кочевых соседей в степи.

Касаясь же общих черт в хозяйственных сооружениях украинцев и адыгов, можно выделить одно совпадение, которое, вроде бы, может указывать на северокавказское влияние на традиции украинцев. Так, среди украинцев Правобережья имели распространение приспособления для хранения зерна, которые называют “кошницы”. Аналогичные сооружения до сих пор используют на равнинной части Северного Кавказа, где их называют “сапетки”. Данные хозяйственные постройки представляли собой сплетенные из лозы вертикальные сооружения, которые сверху перекрывали соломой. Иногда “сапетки” и “кошницы” обмазывали глиной. На Украине “кошницы” впервые фиксируются лишь после XVII в. [Косміна, 1980, с. 97, 102; Калоев, 1981, с. 159–161]. Однако данные археологии свидетельствуют о том, что на Северокавказской равнине, на землях Алании, “сапетки” имели распространение уже в домонгольский период [Кузнецов, 1971, с. 63]. Известно, что с XIV в. место аланов на Северокавказской равнине заняли адыги-черкесы, что предполагало смену их среды обитания и образа жизни. Это объясняет сохранение у них тех элементов культуры, которая имела распространение среди аланов на Предкавказской равнине в предмонгольский период, т. е. речь идет о заимствовании многих элементов культуры черкесами от их предшественников-аланов. Получается, что предки украинцев могли позаимствовать эти приспособления для хранения зерна от переселившихся с Северного Кавказа аланов или черкесов в очень значительный промежуток времени – с XIII по XVI вв. Однако относительно распространенности этого хозяйственного сооружения Т. В. Космина отметила: «Это сооружение является характерным элементом в усадьбах юго-западной части Подолья, а также в прикарпатской зоне, в частности на Буковине и в Покутье – в районах выращивания кукурузы, где она в конце XIX в. становится одной из основных хлебных культур. Ареал распространения кошниц охватывает Средиземноморье (Испанию, Балканский полуостров) и доходит почти до Кавказа. Их наличие в венгерско-южнославянской этнокультурной среде было известно уже во второй половине XVII в.» [Косміна, 1980, с. 97]. В нашем случае распространенность этого типа хозяйственных сооружений преимущественно на Правобережной Украине позволяет отдать предпочтение балканской, а не кавказской версии заимствования.

Несмотря на это, необходимо подчеркнуть, что в материальной культуре украинцев имеются такие элементы, которые можно объяснить лишь фактом заимствования с Северного Кавказа. Так, следует также обратить внимание на полную идентичность тяжелого колесного плуга украинцев (рис. 1, 1, 3). и “кабардинского плуга” на Северном Кавказе (рис. 1, 2, 4). В соответствии с наблюдениями В.Ф. Горленко, И.Д. Бойко и А.С. Куницкого, с XVIII в.

на Украине известен плуг, который считается классическим украинским плугом. Он состоит из собственно плуга и тягловой части – передка. Рабочая часть плуга состояла из подошвы, которая имела названия – полоз, плаха, повзун, лемеха, подъема, чересла (ножа), грядиля (стрела, вал, придолиб). Направляли плуг при помощи двух ручек. Передок имел колеса из под телеги и при этом правое колесо, как правило, было большим по размерам (рис. 1, 1, 3) [Горленко, Бойко, Куницкий, 1971, с. 45–48]. Весьма характерно, что точно такой же тип плуга был зафиксирован на Северном и Западном Кавказе. По наблюдениям Б. А. Калоева, ситуация выглядела следующим образом: “В равнинной части региона наиболее распространенными пахотными орудиями были черкесский (адыгский) и украинский тяжелые передковые плуги. При этом адыгским плугом обрабатывали земли не только сами адыги – кабардинцы, черкесы и адыгейцы, но и абазины, ногайцы, а также переселившиеся с гор на равнину осетины, балкарцы, карачаевцы, отчасти ингуши и чеченцы. Свидетельством такого заимствования является и термин “черкесский плуг” или “кабардинский плуг”, встречающийся в языках многих из указанных народов...” [Калоев, 1981, с. 118–121]. В то же время, по наблюдениям исследователя, среди чеченцев и ингушей бытовал аналогичный плуг, известный как “русский”. Б. А. Калоев отметил, что под “русским плугом” здесь фигурирует “малороссийский или русский”, что указывает на направление заимствования [Калоев, 1971, с. 118]. Необходимо отметить одну черту северокавказского плуга, которая встречается и на украинском орудии земледелия: “... в основном адыгский плуг делали с колесами разного диаметра, причем на правой стороне оси всегда помещали большое (бороздковое) колесо” [Калоев, 1971, с. 119]. Как отметил Б. А. Калоев, «в ряде мест Кабарды и Черкессии колеса плуга делали нередко одинаковыми» [Калоев, 1971, с. 119]. Возможно, что одинаковые по размеру колеса позволяли обрабатывать равнинную поверхность, а разные по размеру колеса позволяли обрабатывать почву у подножия гор. Тем не менее, в Предкавказье «в основном адыгский плуг делали с колесами разного диаметра, причем на правой стороне оси всегда помещали большое (бродковое) колесо» [Калоев, 1971, с. 119]. Данные археологии свидетельствуют о том, что на плоскости Северного Кавказа это земледельческое орудие было известно уже с XI–XII вв., на равнинной части Алании [Кузнецов, 1971, с. 54, 56], а на Украине, как уже отмечалось, этот тяжелый плуг начал распространяться лишь с XVIII в. [Горленко, Бойко, Куницкий, 1971, с. 45–48]. Стало быть, есть основания говорить о заимствовании этого плуга с Кавказа, а не наоборот.

На территории Украины такой плуг известен, в первую очередь, на равнине в степи. Если бы данный плуг на Северо-Западный Кавказ попал благодаря посредничеству украинцев, то его называли бы “украинский”, а не черкесский. Хотя не исключена возможность того, что в Южной Руси он мог

появиться примерно в то же время. Так, В.Ф. Горленко, И.Д. Бойко и А.С. Куницкий отметили, что “древнерусская миниатюра со сценой пахоты, которая содержалась в так называемой Кенигсбергской (Радзивилловской – О. Б.) летописи, позволяет представить конструкцию плуга и говорить, что уже в первой половине XII в. он в основных своих чертах сформировался” [Горленко, Бойко, Куницкий, 1971, с. 42]. Однако данный плуг (рис. 1, 5), как видим, имел более архаические черты и не совсем походил на тот плуг, которым на Украине обрабатывали целинные земли степи. Авторы монографии «Народная земледельческая техника украинцев» отметили: «Одно из наиболее ранних изображений собственно уже украинского плуга видим на помещенном в «Учительском евангелии» рисунке, который передает процесс пахоты (издано типографией Киево-Печерской лавры в 1637 г.). Это оружие с двухколесным передком, дышлом, двумя ручками и прямым грядилем, запряженное парой волов» [Горленко, Бойко, Куницкий, 1971, с. 43].

В результате получается, что до позднего средневековья, т. е. до XVII в., на территории Украины, которая тогда занимала в основном лесостепь, имел распространение вид плуга, приспособленного к обработке почвы в местных природных условиях. В XVI–XVII вв., когда предки украинцев начали осваивать степь, у них появился новый тип плуга для обработки целинных земель, такой же, как и на Северном Кавказе. В данном случае возможны два пути появления указанной инновации. Во-первых, с данной конструкцией плуга украинцы могли познакомиться благодаря контактам с черкесами, которые в это время, как уже было отмечено, совершали миграции с Кавказа на территорию Украины. Во-вторых, тяжелый степной плуг мог попасть на земли будущей Украины с Кавказа довольно рано, в золотоордынское время, благодаря миграциям аланов или адыгов-«черкасов», но продолжал сохраняться в условиях ландшафта, весьма близкого к Предкавказью. Например, к этому описанию весьма подходит правобережье Черкащины, где рельеф местности испещрен большим количеством речных долин, оврагов, каньонов и холмов.

Если же взять одежду украинцев Поднепровья, то можно отметить много общих элементов с одеждой народов Северного Кавказа. Так, среди украинцев Среднего Поднепровья имели распространение мужские меховые шапки цилиндрической формы с верхом из ткани или войлока (рис. 2, 1–3). Такие же мужские головные уборы до сих пор имеют распространение на Северном Кавказе (рис. 2, 4–6). По наблюдениям Т. Д. Равдоникас, меховая шапка с плоским верхом получила распространение среди кабардинцев уже в первой половине XVII в., однако в более раннее время на Северном Кавказе имели распространение иные типы мужских головных уборов [Равдоникас, 1990, с. 82]. Весьма характерно, что на Украине один из типов таких головных уборов называют “кабардинка”. Для него был характерен полусферический верх, сшитый из отдельных частей кожи, которые были скреплены

в центре пуговицей. При этом нижняя часть этой шапки была сшита мехом наружу и представляла собой узкую полосу [Зеленин, 1991, с. 231]. Следовательно, данный тип головного убора является довольно поздним и мог попасть в украинское Поднепровье как в позднее средневековье, так и в начале нового времени, когда термин Кабарда прочно вошел в обиход многих народов. Следует добавить, что на остальной территории Украины имели распространение конические меховые шапки, называемые “кучма” [Матейко, 1977, с. 69—70].

Даже верхняя одежда населения Центральной Украины и Северного Кавказа имеет много общего. Так, на Украине имели распространение зимние типы одежды (тулупы, кожухи, шубы), которые шились мехом вовнутрь и по своей форме походили на такие же виды верхней одежды народов Северного Кавказа. Обычно они бывали прямого покроя, но и встречались приталенные изделия, походившие на кафтан или черкеску. Такой тип верхней мужской одежды был известен как на Черкащине (рис. 3, 1), так и на Северном Кавказе (рис. 3, 2). Именно последняя форма зимней одежды заставляет вспомнить и о более легком верхнем типе мужской одежды – черкеске.

По наблюдением Т. Николаевой, еще в XIX в. на Украине была известна одежда с таким же названием: «Черкеской на Левобережье называли тип короткого жупана или кунтуша из сукна. Это мужская верхняя одежда, аналогичная кабардинской черкеске с откидными рукавами» [Николаева, 1996, с. 86]. Следует отметить, что данный тип одежды по своему покрою являлся очень сложным. Он отличается тем, что иногда на спине на уровне талии делали поперечные разрезы и, заложив на нижней части крупные складки или собрав ее в мелкую сборку, пришивали к верхней части одежды. Среди русских такая одежда называлась «кафтан», на Украине – «свита, жупан», на Кавказе – «черкеска, бешмет». Исследователи уже давно обратили внимание на сходство украинской свиты (жупана) и кавказской черкески. В старину у такой одежды было принято обшивать швы ворот и борта жупана тесьмой, галуном и т. п. [Маслова, 1956; Матейко, 1977; Студенецкая, 1989; Равдоникас, 1990]. Необходимо отметить, что такой тип мужской одежды в недалеком прошлом имел широкое распространение в украинском Поднепровье. Для нас интерес может представлять то, что свита приталенная из Черкащины (рис. 4, 1) по форме очень напоминает кавказскую черкеску (рис. 4, 2).

Происхождение данного типа одежды уже давно стало объектом пристального внимания исследователей, которые видят прообраз черкески в кафтане аланов. Т.Д. Равдоникас, ссылаясь на выводы А. А. Иерусалимской, полагает, что появление кафтанов на Кавказе следует связывать с миграцией аланов, ибо кафтан является неперенным элементом одежды многих ираноязычных народов. Следует также отметить, что на Змейском катакомбном могильнике были обнаружены кафтаны с различными формами во-

ротника, разрезами ворота и т. п. [Равдоникас, 1990, с. 65, 95]. В нашем случае остается только гадать, кто впервые принес в среду южной части восточных славян одежду, по покрою напоминающую черкеску. Это могли быть как аланы, так и адыги, воспринявшие от первых на Кавказе данный тип мужской одежды.

Общие черты в традициях украинцев Среднего Поднепровья и Северо-Западного Кавказа видны и в особом виде обуви, сшитой из цельного куска кожи, который называют обычно “постолы” (рис. 5, 2), а на Украине – “моршни” (рис. 5, 1). Такой тип обуви очень хорошо приспособлен для хождения по горам. И это никак не вяжется с его распространением среди населения Центральной Украины, где нет гор. Т. Николаева отметила одну примечательную деталь: «В направлении с севера на юг Среднего Поднепровья плетеная обувь постепенно исчезает и заменяется стянутой кожаной обувью – постолы («постоли», «моршни»), которые сохранились почти до начала XX ст., и представляет собой очень давнюю, общую для всех восточнославянских народов форму. ... Постолы на значительной территории Среднего Поднепровья носили летом, в некоторых местностях, например, на Черниговщине, во все поры года» [Николаева, 1987, с. 74]. По данным Т. Д. Равдоникас, данный тип обуви на Кавказе имел давнее происхождение, но был представлен хорошо сохранившимися образцами в склепах Балкарии, относящихся к XVI–XVII вв. [Равдоникас, 1990, с. 113]. По наблюдениям Т. Николаевой, еще со времен Киевской Руси в Среднем Поднепровье были известны «моршни» (рис. 5, 3) [Николаева, 1996, с. 42]. Складывается впечатление, что в Среднем Поднепровье данный тип обуви имеет такое же давнее происхождение, как и гидроним *Псел*.

Следует обратить внимание еще на один элемент мужской одежды – кожаный пояс. На Украине он представлял собой узкий кожаный ремень с медными бляхами, железной пряжкой и скобами для подвешивания предметов [Маслова, 1956, с. 689]. По словам М. Шумко, в XIX в. у украинского населения Екатеринославской губернии были “шаровары с очкуром ремenchатым или суконным (с узеньким поясочком, на котором висят нож и маленькая калитка или капшучок с деньгами)” [Шумко, л. 4]. Необходимо отметить, что подобные узкие кожаные пояса долгое время бытовали среди горцев Северного Кавказа. Е. М. Студенецкая так охарактеризовала этот элемент мужской одежды кавказского горца: “Во второй половине XIX – начале XX вв. более всего были распространены пояса из узкого кожаного ремня. На одном конце пояс имел пряжку, в которую продевался другой конец пояса, снабженный металлическим наконечником. Пояс туго затягивался на талии, а длинный кончик ремня продевали в подвижную обоймочку. Праздничные пояса украшали многочисленными, часто серебряными бляшками и подвесками разной формы. Носили пояс на черкеске, на бешмете ...

К поясу подвешивали различные предметы, необходимые мужчине в дороге, на охоте... Но самое главное – на поясе висело оружие: кинжал....” [Студенецкая, 1989, с. 94–95]. Весьма характерно, что подобные кожаные пояса были зафиксированы как в средневековых катакомбных склепах Северного Кавказа, так и в катакомбах салтовской культуры в лесостепном Подонье. В свое время С. А. Плетнева даже высказала предположение, что на Руси, вследствие переселения туда салтовского населения, с X в. получили распространение типичные для салтовцев формы поясных наборных бляшек [Плетнева, 1961, с. 94]. В итоге остается только гадать, попали ли в Поднепровье узкие кожаные пояса северокавказского типа в X в. или это имело место значительно позже?

Таким образом, предварительный сравнительный анализ материальной культуры украинцев Поднепровья и адыгов Северо-Западного Кавказа позволил сделать вывод о воздействии адыгов на традиции украинцев преимущественно в период позднего средневековья. Это хорошо заметно при анализе земледельческих орудий, а также ряда элементов мужской одежды. К сожалению, этнографические материалы не позволяют проследить контакты между славянским населением Поднепровья и адыгами Северо-Западного Кавказа в более раннее время, в период развитого средневековья, что нашло отражение в некоторых письменных источниках.

ЛИТЕРАТУРА

- Архивъ Юго-Западной Росіи. Ч. VII. Т. I. Кіевъ, 1886.
- Барбаро И. Путешествие в Тану // Барбаро и Контарини о России. Ленинград, 1971.
- Бломквист Е.Э. Крестьянские постройки восточных славян // Восточнославянский этнографический сборник (ТИЭ. Новая серия. Т. XXXII). Москва, 1956.
- Волков Ф. Этнографические особенности украинского народа // Украинский народ в его прошлом и настоящем. Петроград, 1916.
- Волкова Н. Г. Этнонимы и племенные названия Северного Кавказа. Москва, 1973.
- В-ко Н. К вопросу о происхождении названия Полтавы // Киевская старина. Т. LXXXI. Киев, 1903.
- Военно-топографическая карта Российской империи (1869–1890) // history11.ucoz.ru
- Воскресенская летопись // Полное собрание русских летописей (ПСРЛ). Т. VII. Санкт-Петербург, 1856.
- Гильденштедт. Путешествіе академика Гильденштедта. Переводъ съ немецкаго М. Салтыковой, съ ея предисловіем и съ примечаніями проф. Д.И. Багалей // Харьковскій сборникъ. Вып 5. Харьков, 1891. / http://staroverovka.ucoz.ua/publ/puteshestvie_akademika_gildenshtadta
- Горленко В. Ф. Об этнониме черкасы в отечественной науке конца XVIII – первой половины XIX вв. // СЭ. 1982. № 3.
- Густинская летопись // Полное собрание русских летописей. Т. II. Санкт-Петербург, 1843.
- Данилюк А. Г. Українська хата. Київ, 1991.
- Данилюк А. Народна архітектура Волинського Полісся. Луцьк, 2002.

- Дмитрий Байда-Вишневецкий // <http://xn--80ajchjdrd9k.xn--p1ai/dmitrij-vishneveczkij.html-start=6.htm>
Ипатьевская летопись // ПСРЛ. Т. II. Санкт-Петербург, 1843.
Ипатьевская летопись // ПСРЛ. Т. II. Санкт-Петербург, 1908.
Запорожская сечь // <http://history-sich.ucoz.ua/index/0-8>
Зеленин Д. К. Восточнославянская этнография. Москва, 1991.
Калоев Б. А. Материальная культура и прикладное искусство осетин. Москва, 1973.
Калоев Б. А. Земледелие народов Северного Кавказа. Москва, 1981.
Карпини П. История монгалов // Карпини П. История монгалов. Рубрук Г. Путешествие в восточные страны. Москва–Ленинград, 1957.
Кобычев В. П. В поисках прародины славян. Москва, 1973.
Кокиев Г. А. Из истории сношений России с Кавказом // Ученые записки Кабардинского НИИ. Т. 1. Нальчик, 1946.
Коков Дж. Н. Кабардинские географические названия. Краткий словарь. Нальчик, 1966.
Коков Дж. Н. Адыгская (черкесская) топонимия. Нальчик, 1974.
Косміна Т. В. Сільське житло Поділля (кінець XIX – XX ст.). Київ, 1980.
Кузнецов В. А. Алания в X–XIII вв. Орджоникидзе, 1971.
Лавров Л. І. До питання про українсько-кавказькі культурні зв'язки // Народна творчість та етнографія. 1961. № 3.
Маслова Г. С. Народная одежда русских, украинцев и белорусов в XIX – начале XX вв. // Восточнославянский этнографический сборник (ТИЭ. Новая серия. Т. XXXI.). Москва, 1956.
Матейко К. І. Український народний одяг. Київ, 1977.
Мацевич Л. К вопросу о происхождении названия “Полтава” // Киевская старина. Т. IV. Киев, 1896. Молдаване. Кишинев, 1977.
Николаева Т. А. Украинская народная одежда. Среднее Поднепровье. Киев, 1987.
Николаева Т. Історія українського костюма. Київ, 1996.
Народы Кавказа. Т. I. Москва, 1960.
Никаноровская летопись // ПСРЛ. Т. XXV. Москва–Ленинград, 1962.
Описание рек Черниговского наместничества // Записки Черниговского губернского статистического комитета. Кн. 2. Вып. 1–2. Чернигов, 1868.
Патриаршая Десятая или Никонова летопись // ПСРЛ. Т. X. Санкт-Петербург, 1885.
Плетнева С. А. О связях алано-болгарских племен Подонья со славянами // СА. 1961. № 1.
Полтавская губерния. Список населенных мест по сведениям 1859 года. Санкт-Петербург, 1862
Равдоникас Т. Д. Очерки по истории одежды населения Северо-Западного Кавказа (IV в. до н. э. – конец XVII в.). Ленинград, 1990.
Радлов В. В. Опыт словаря тюркских наречий. Т. III. Ч. 2. Санкт-Петербург, 1905.
Ригельман А. Летописное повествование о Малой России и ее народе. Ч. 1. Москва, 1847.
Руденский Н. Е. Венгры // Расы и народы. Вып. 14. Москва, 1984.
Словник гідронімів України. Київ, 1979.
Сокращенный летописный свод 1493 г. // ПСРЛ. Т. XXIII. Москва–Ленинград, 1962.
Сокращенный летописный свод 1495 г. // ПСРЛ. Т. XXIII. Москва–Ленинград, 1962.
Стрижак О. С. Назви річок Полтавщини. Київ, 1963.
Студенецкая Е. М. Одежда народов Северного Кавказа XVIII–XX вв. Москва, 1989.
Тищенко К. Мовні контакти: свідки формування українців. Київ, 2006.
Черниговского наместничества топографическое описание... А. Шафонского. Киев, 1851.
Холмогорская летопись // ПСРЛ. Т. XXXIII. Ленинград, 1977.
Чибиров Л. А. Осетинское народное жилище. Цхинвали, 1970.
Шагиров А. К. Этимологический словарь адыгских (черкесских) языков. П–І. Москва, 1977.
Шафиев Н. Л. История и культура кабардинцев в период позднего средневековья (XIV–XVI вв.). Нальчик, 1968.

Шмит Ф. І. Мистецтво старої Русі-України. Харків, 1919.

Шумко М. Домашній быт крестьян Павлоградского уезда Екатеринославской губернии // Архив РГО. Разр. 13. Оп. I. № 2.

О. Б. Бубенок

ДЕЯКІ ПАРАЛЕЛІ В МАТЕРІАЛЬНІЙ КУЛЬТУРІ НАСЕЛЕННЯ
УКРАЇНСЬКОЇ НАДДНІПРЯНЩИНИ І ПІВНІЧНО-ЗАХІДНОГО КАВКАЗУ
(до питання про адизько-слов'янських зв'язках)

Резюме

Близькість Північно-Західного Кавказу до Наддніпрянщини завжди давала привід дослідникам вести розмову про можливість контактів між населенням відзначених суб-регіонів у минулому. В спеціальній літературі вже неодноразово звертали увагу на можливість таких зв'язків як за часів античності, так і в середньовіччя. Традиційно такі припущення базувалися як на лінгвістичному аналізові даних гідронімії, так і на свідцтвах деяких середньовічних письмових джерел. Проте дані етнографії не залучалися до цього у достатній мірі. В результаті проведеного порівняльного аналізу матеріальної культури українців Наддніпрянщини і Північно-Західного Кавказу вдалося прийти до висновку про певний вплив адигів на традиції українців переважно в період пізнього середньовіччя.

О. Б. Бубенок

НЕКОТОРЫЕ ПАРАЛЛЕЛИ В МАТЕРИАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЕ НАСЕЛЕНИЯ
УКРАИНСКОГО ПОДНЕПРОВЬЯ И СЕВЕРО-ЗАПАДНОГО КАВКАЗА
(к вопросу об адыго-славянских связях)

Резюме

Близость Северо-Западного Кавказа и Поднепровья всегда давала повод исследователям говорить о возможных контактах между населением отмеченных суб-регионов в прошлом. В специальной литературе уже неоднократно указывалось на возможность таких связей как во времена античности, так и в средневековье. Обычно такие предположения базировались как на лингвистическом анализе данных гидронимии, так и на свидетельствах некоторых средневековых письменных источников. Однако для решения проблемы данные этнографии не привлекались в достаточной степени. В результате проведенного сравнительного анализа материальной культуры украинцев Поднепровья и адыгов Северо-Западного Кавказа удалось прийти к выводу об определенном воздействии адыгов на традиции украинцев преимущественно в период позднего средневековья.

SOME PARALLELS IN MATERIAL CULTURE OF THE POPULATION OF THE UKRAINIAN DNIEPER BASIN AND THE NORTHWESTERN CAUCASUS (to the Question on the Adyg-Slavic Connections)

Summary

Proximity of the Northwestern Caucasus and the Dnieper Basin has generally given a reason for researchers to talk about possible contacts between the populations of mentioned regions in the past. It has been repeatedly pointed to the possibility of such links as in ancient times, and in the Middle Ages in special literature. Such hypotheses were typically based on a linguistic analysis of hydronyms, and some medieval written sources. However, ethnographic data have not been involved sufficiently to solve the problem. As a result of comparative analysis of the material culture of the Ukrainians of the Dnieper Basin and the Adygs of the Northwestern Caucasus, we managed to conclude a definite impact of the Adygs on the traditions of the Ukrainians mainly in the Middle Ages.

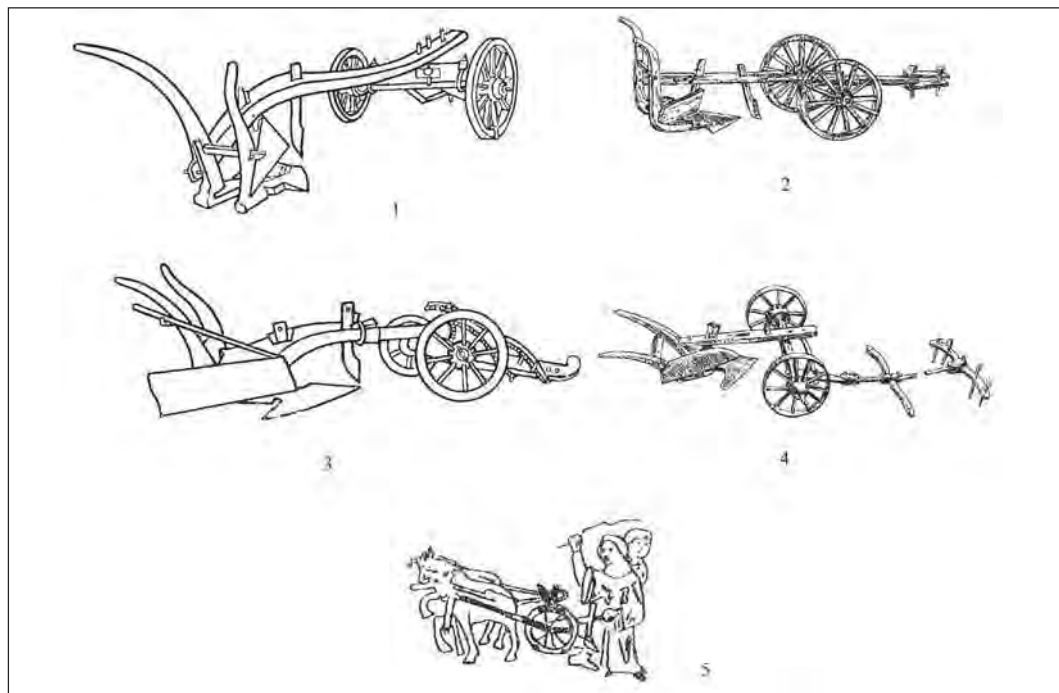

Рис. 1. Пахотные орудия украинцев (по данным В. Ф. Горленко и др.) и черкесов (по данным Б. А. Калоева):

1 – украинский плуг с железным лемехом (Херсонская губ., XIX в.);

3 – тип украинского классического плуга (Южная Украина, XIX в.);

2, 4 – адыгейские (черкесские) тяжелые плуги;

5 – сцена пахоты плугом в Древней Руси (фрагмент миниатюры Радзивилловской летописи).

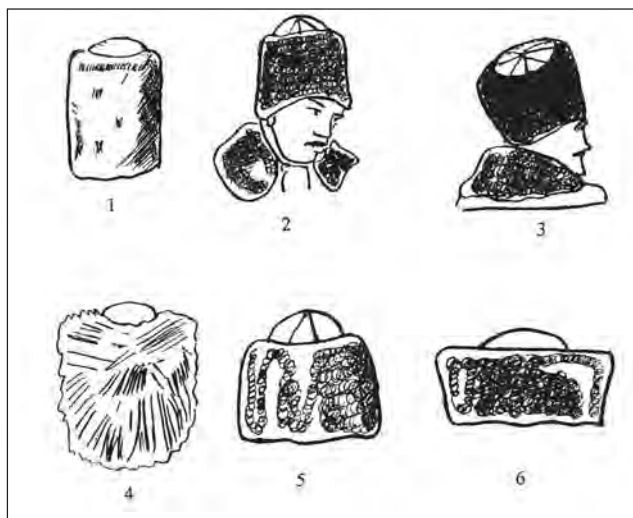

Рис. 2. Мужские головные уборы украинцев и жителей Северного Кавказа:

- 1 – Среднее Поднепровье (по К. И. Матейко);
 2 – Киевская область, XIX в. (по данным Т. А. Николаевой);
 3 – Полтавская обл., XIX в. (по данным Т. А. Николаевой);
 4–6 – Северный Кавказ, XIX в. (по данным Е. Н. Студенцевой).

Рис. 3. Мужская верхняя одежда украинцев и жителей Северного Кавказа:

- 1 – козух, Черкащина, XIX в. (по данным Т. А. Николаевой);
 2 – бешмет в талию типа черкески, Северный Кавказ, XIX в. (по данным Е. Н. Студенцевой).

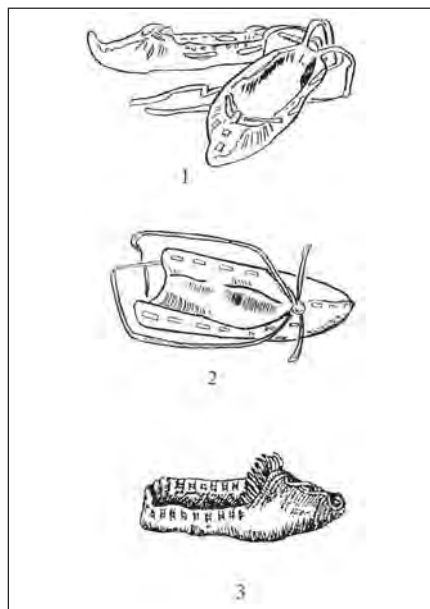
Рис. 4. Мужская легкая верхняя одежда украинцев и жителей Северного Кавказа:

1 – свита приталенная, Черкащина, XIX в. (по данным Т. А. Николаевой);
2 – черкеска, Северный Кавказ, XIX в. (по данным Е. Н. Студенечкой).

Рис. 5. Легкая кожаная обувь населения Среднего Поднепровья и Северного Кавказа:

1 – моршни, Черниговская губ., XIX в. (по данным Т. А. Николаевой);
2 – постолы кавказских горцев, XIX в. (по данным Е. Н. Студенечкой);
3 – моршни Южной Руси, XI в. (по данным Т. А. Николаевой).

Ю.В. АРТЮХИН

ПРИРОДНЫЕ КАТАКЛИЗМЫ КАК ОДНА ИЗ ПРИЧИН «ВЕЛИКОЙ ЗАМЯТНИ» В ЗОЛОТОЙ ОРДЕ И ВОЗНИКНОВЕНИЯ АЗАКА

При изучении природных явлений исследователи часто используют принцип «черного ящика». Подобный подход оправдан в том случае, если известны состав и характеристики процессов на входе и выходе, но неизвестен алгоритм их взаимодействия в закрытой части системы. В его рамках нельзя ограничиваться только одним правдоподобным объяснением развития системы, а продуктивнее рассматривать несколько альтернативных версий. Этот же принцип «черного ящика» фактически используется и при изучении исторических феноменов в условиях недостаточности или отсутствия письменных источников. В полной мере это относится к истории Золотой Орды, в частности, того периода, который именуется «Великой замятней» [Федоров-Давыдов, 1973; Гумилев, 1993].

Историки сходятся на том, что серьезный политический кризис Золотой Орды возник после смерти хана Бердибека, последнего прямого потомка Бату [Сорогин, 2009, с. 462]. Преобладает точка зрения, что причиной «замятни» была внутри династическая борьба: «... ситуация [отсутствия прямого потомка по мужской линии] возникла после смерти хана Бердибека и стала причиной смуты, когда за небольшой промежуток времени на троне сменилось 19 ханов» [Миргалеев, 2009, с. 348]. Считается, что все прямые потомки были уничтожены Бердибеком, однако побудительные мотивы все же недостаточно раскрыты. Согласно русским летописям, «Великая замятня» началась после хана Темир-ходжи (1361 г.) [ПСРЛ. Т.8, с. 11]. Именно в период его краткого правления поднял мятеж Мамай, а на трон начали претендовать Абдуллах, Кильдибек и Мурат [Миргалеев, 2009, с. 350]. Острота межклановой борьбы приводила к массовым жертвам, о чем свидетельствуют, например, археологические раскопки в Азове. Летом 2002 г. на участке реконструируемого домовладения, на месте огромной землянки ордынского времени размером 11,5х7,5 м, были обнаружены многочисленные останки людей, умерщвленных самым изуверским способом. Число казненных приближалось к 200, а с учетом нераскопанной части котлована их было возможно и более. Археологические исследования позволили прийти к выводу, что: «Вероятнее всего, причиной побоища является расправа с людьми хана

Абдуллаха... убиты были все, кто был связан родственными или дружескими узами с родом Абдуллаха» [Масловский, Фомичев, 2004, с. 500].

Не ставя под сомнение обоснованность вывода историков о движущей силе «Великой замятни», все же не следует сбрасывать со счета другие факторы, которые могли сказаться внутри «черного ящика» золотоордынской власти. Ведь убийство Бердибеком прямых потомков могло быть результатом не столько личностной характеристики хана, сколько следствием внезапно возникшей угрозы существованию Орды.

Известно, что могущество Орды базировалось на многочисленном конном войске, использующем своеобразные тактику и стратегию [Гумилев, 1993]. Для обеспечения мобильности и вывоза военных трофеев каждый воин использовал до 3-4 и более лошадей. Наполнение казны осуществлялось из ряда источников – военных трофеев, дани с покоренных народов, продажи ярлыков на княжение, налогов с торговли, платежей за проход судов по Волге, продажи коней и иного скота в Индию и другие сопредельные страны. О масштабах денежных поступлений только от последней статьи бюджета можно судить по сведениям арабских источников. Лошади перегонялись огромными табунами, до 6 тыс. лошадей [Недашковский, 2010, с. 99]. При средней стоимости лошади 500 динар казна могла получать солидную часть доходов от каждой такой сделки. Разумеется, наполнение казны и, следовательно, процветание Золотой Орды возможны были только в благоприятных природно-климатических условиях, обеспечивающих оптимальное состояние пастбищ и обжитой территории.

Как отмечал Г.А. Федоров-Давыдов: «Нижняя Волга, где строились новые города, представляла собой благоприятное сочетание удобных для земледелия пойменных низин, заросших лесом берегов реки и обширных степей, где можно было пасти огромные стада и вольно кочевать. К тому же, расположившись здесь, золотоордынские ханы держали в своих руках важную торговую магистраль всей Восточной Европы – Волгу. Именно здесь пути, ведущие с севера по Волге и далее по Каспийскому морю в Закавказье, Иран и Среднюю Азию, перекрещивались с караванными путями из городов Причерноморья и из Азака на восток, через степи Казахстана в пустыни Приаралья» [Федоров-Давыдов, 1994, с. 4]. Приведенная цитата отражает аксиоматичное представление историков о малой изменчивости природных условий. Здесь их характеристика на начальном этапе возникновения Золотой Орды механически перенесена на этап кризиса улуса Джучи и занимаемого им жизненного пространства. Обобщение сведений русских летописей о неблагоприятных природно-климатических явлениях, эпизоотиях и эпидемиях не только в пределах русских княжеств, но и отчасти на территории Золотой Орды показывает, что жизненные условия степняков даже на самых начальных этапах возникновения улуса были весьма суровыми

[Борисенко, Пасецкий, 1983, с. 133-142] (рис. 1). Но только этим аспектом проблема не ограничивается.

Палеогеографические реконструкции убедительно доказывают, что в результате взаимного наложения вертикальных тектонических движений, климатических ритмов и значительных по амплитуде колебаний уровня Каспийского моря 1,5-4 тыс. лет назад и в позднейшие времена происходили весьма сложные и крупномасштабные ландшафтные перестройки [Бадюкова, 2010, с. 1003; Рычагов и др., 2010, с. 75]. Они охватывали огромные пространства пойм и долин Волги, Ахтубы, Урала, Кумы, степей и полупустынь Северо-Восточного и Западного Прикаспия.

Л.Н. Гумилев являлся свидетелем, а возможно, и участником разработки учеными МГУ, Института географии АН СССР, Географического общества СССР теории климатических и океанологических катаклизмов в регионе Каспийского и Аральского морей. Им сформулирована концепция ритмов увлаженности степей [Гумилев, 1966, с. 82-83]. Отталкиваясь от естественнонаучных построений, подлинной причиной внутреннего разложения Орды он считал возникновение в XII-XIII вв. неблагоприятных климатических процессов. В условиях эпохи иссушения степей, вызванного изменением характера атмосферной циркуляции, пастбища Прикаспия уже не могли обеспечить выпас больших табунов [Гумилев, 1993; 2002]. К тому же площади ландшафтов низин, охарактеризованных Г.А. Федоровым-Давыдовым, стремительно сокращались в результате подтопления и засоления почв. Численность поголовья скота и, соответственно, конного войска, неизбежно должна была сокращаться, что не могло не отразиться на экономике государства.

Попытки комплексного анализа кризиса Золотой Орды, основанного в том числе и на учете изменчивости природных условий, предпринимаются историками в последние годы [Круглов, 2009, с. 269; Сорогин, 2009, с. 464-465]. Но вызывает возражение игнорирование отмеченными авторами идей Л.Н. Гумилева о сопряженном развитии этногенеза и природных процессов, впервые сформулированных им еще в послевоенное время. К тому же историки часто ограничиваются качественными представлениями. Между тем, проведенные в последние годы комплексные исследования ландшафтов Прикаспия позволяют на количественном уровне показать прямую зависимость кормовой ценности и состояния ландшафтов от степени их подтопления морем и засоления грунтовыми водами, уменьшения фитомассы луговой растительности в условиях аридизации климата. Так, оцифровка почвенных, растительных и геологических карт Калмыкии за 150-летний период с помощью геоинформационной системы позволила выявить тенденции опустынивания, в том числе и на фоне колебаний уровня моря [Буваев, 2011, с. 390]. Оказалось, что опускание уровня Каспийского моря на 1 м приводит к возрастанию территорий с подвижными песками (дюны, бар-

ханы, сыпучие пески) на 500-1000 км² в течение двух-трех десятилетий. На фоне противоположного процесса, ингрессии морских вод в пониженные пространства Прикаспийской низменности, площади подвижных песков сокращаются. Зато на смену ксерофитной растительности приходит галофитная, еще менее пригодная для выпаса скота. Она имеет разреженный травяной покров, слабо развитую корневую систему и очень зависит от засоленности почв и периодического привноса илистых частиц морскими водами. Комплексные исследования выявили, например, что внезапный подъем уровня Каспия в 1978-1994 гг. привел к такому засолению почв, которое прослеживается во всех их типах Терско-Кумской низменности, вплоть до настоящего времени [Залибеков и др., 2011, с. 90].

Ситуация менялась только на том этапе, когда трансгрессивный подъем уровня моря прекращался, гидравлический подпор стока реки замещался нормальным режимом сброса пресных вод в водоем [Аллахвердиев, Аллахвердиева, 2011, с. 46]. Только на фоне затопления степных пространств речными водами в условиях половодий и высоких паводков происходило вытеснение ксеро- и галофитов луговой растительностью, пригодной для выпаса больших табунов.

Важнейшую роль в экономических потрясениях Золотой Орды мог сыграть комплекс неблагоприятных океанологических факторов, на которые ранее исследователи почти не обращали внимания. К 1200-1250 гг. инфраструктура Золотой Орды сформировалась на фоне довольно низкого стояния уровня Каспия, примерно на отметке минус 32-30 м относительно уровня Мирового океана. Для сравнения отметим, что в период 1930-1976 гг. уровень Каспия, стоявший на высоких отметках, снизился с -26 м до -29 м [Леонтьев, 1982, с. 3]. Тенденция изменения уровня в XIII-XIV вв. видна из рис. 1 и данных построений А.В. Шнитникова [1969, с. 67]. Хотя эпоху между V-XIV вв. этот автор относил в целом к низкому уровню увлаженности, но в 1150-1250 гг. он фиксировал некоторое ее локальное увеличение. Значит, начальный этап становления улуса Джучи приходился на относительно более благоприятный период, чем в последующее столетие.

Примерно на рубеже 1260-1280 гг. уровень Каспийского моря внезапно стал повышаться (рис. 1). К 1320 г. он поднялся суммарно на 12-15 м [Вознесенский, 1927, с. 777]. Такой высокий горизонт продержался, вероятно, до 1380-1400 гг., после чего немного снизился до минус 18-20 м. Но и на этом уровне фоне пастбища Прикаспия не могли восстановиться, потому что даже в условиях штормовых нагонов, не говоря уже об эвстатических пульсациях уровня, морские воды затапливали обширные пространства за пределами средней линии уреза. Довольно сложные процессы развивались и в речных долинах, поскольку гидравлический подпор их стока препятствовал свободному сбросу пресных вод в морскую акваторию.

График, опубликованный А.В. Вознесенским, как будто входит в противоречие с палеогеографическими построениями других авторов. На рис. 1 показаны также ход уровня моря, по С.И. Варущенко, А.Н. Варущенко [1984, с. 65] и данные определений возрастных рубежей, отметок уровня по археологическим обследованиям развалин морской части оборонительной стены крепости Дербент и анализу арабских источников по острову Баб ал-абваба [Кудрявцев, Гаджиев, 2002, с. 402; Гаджиев, 2008, 202]. Отличия в подъеме уровня по разным оценкам могут достигать 12-13 м, как и возрастной рубеж пика максимума трансгрессии. Это противоречие можно объяснить существенными отличиями тектонического режима Северного Каспия и западного побережья моря. Причем знак геодинамических деформаций Апшеронского полуострова существенно отличается от Дагестанского побережья, но ближе к условиям Северного Прикаспия.

Возможность столь стремительного и очень высокого подъема уровня Каспийского моря, как на графике А.В. Вознесенского, встречает возражение географов [Берг, 1934, с. 20-21; Варущенко, Варущенко, 1984, с. 65]. Хотя тот же Л.С. Берг признавал, что П.А. Православлев отстаивал точку зрения об очень значительном подъеме уровня Северного Каспия в средние века. Л.Н. Гумилев, отталкиваясь от данных собственных полевых исследований на берегах Каспия и сведения арабского географа Бакуи, был убежден, что в конце XIII в. уровень моря достигал отметки -19 м [Гумилев, 1966, с. 87].

В последние годы все в большей мере приобретает поддержку концепция В.Г. Рихтера [1965, с. 123], который считал, что тектонические процессы, особенно по периферии горных стран, способны влиять на водный баланс даже крупных морских акваторий. Фактически с этой точкой зрения солидаризировались серьезные ученые Д.А. Лилиенберг и В.Р. Яценко [1991, 28]. Исследователи ЮФУ полагают «... в пределах осадочного бассейна побережья и акватории Каспийского моря возможно действие пульсационного механизма сжатия-растяжения, зависящего от солнечной активности. Он способен влиять на объем осадочного бассейна и вызывать изменение высотного положения уровня моря» [Ковалев и др. 2011, с. 69].

Колебания уровня Каспийского моря в древности проследил В.Г. Рихтер [1961, с. 123] по данным изучения донных отложений и береговых террас залива Кара-Богаз-Гол. По его оценкам, к середине XIII в. в заливе существовали регрессивные условия, которые сменились трансгрессией в начале XV в. То есть, ход уровня залива Кара-Богаз-Гол, в отдельные периоды изолировавшегося от моря косами, повторяет ход уровня Каспия, хотя и с некоторым временным лагом. В.Г. Рихтер, видимо, не учитывал возможность полной изоляции залива от Каспия вследствие образования непроницаемого литификата в теле единой Карабогазгольской косы. Этот аспект проблемы еще требует изучения. Но явление крупномасштабного затопления обшир-

ного пространства Северного Прикаспия с пастбищами, многочисленными поселениями и столицей Золотой Орды в XIII – XIV вв. вряд ли может быть поставлено под сомнение.

Раскопки достоверно доказывают, что столица Хазарского каганата Итиль, располагавшаяся в дельте Волги, была затоплена в X в. даже при небольшом подъеме уровня Каспийского моря [Зиливинская, Васильев, 2008, с. 224]. Если считать местоположением столицы Золотой Орды современный пос. Красный Яр, то она находилась севернее Итиля, хотя вертикальные отметки этих разных участков Прикаспийской низменности отличаются несущественно. Поэтому, даже отталкиваясь от морфометрии и данных палеогеографических построений ученых МГУ [Рычагов и др., 201, с. 75], логично предположить, что при подъеме уровня Каспия на 5 м, не говоря о скачке на 15 м, столица Орды, ее округа, как и обширные пастбища, оказались затопленными морскими и речными водами. Причем это произошло быстро.

Как знать, может быть трансгрессия моря, преобразовавшая привычные ландшафты, сломавшая сложившуюся инфраструктуру Орды, как раз и вызвала «Великую замятню»? Ведь оказались подорванными экономические основы существования государства и ордынской элиты. Но «агентом» разрушения ордынского социума на первых порах могли выступить даже не морские воды, а массы мышевидных грызунов, покинувших освободившиеся пространства вследствие засух, пожаров или подъема грунтовых вод. Из теории солнечно-земных связей известно, что как трансгрессии, так и эпидемии, вспышка численности насекомых и некоторых видов животных приходятся на пики солнечной активности [Чижевский, 1976, с. 25]. Детально природа синхронных изменений живой и неживой природы в Каспийско-Аральском регионе автором данной статьи не рассматривалась. Однако сбрасывать ее со счета нельзя. Известно, что в 1343 г. хан Джанибек с многочисленным войском осадил Кафу [Зевакин, Пенчко, 1938, с.75]. Уже на начальном этапе осады в войске отмечались случаи смерти от чумы. После удачной вылазки генуэзцев, приведшей к уничтожению осадных орудий и части татарского войска, Джанибек распорядился забрасывать трупы умерших людей и крыс в крепость. Начавшаяся эпидемия вызвала бегство богатых купцов на судах, что вскоре привело к страшной эпидемии чумы в Европе. Можно полагать, что и в Золотой Орде, несмотря на меньшую плотность населения, его смертность, и прежде всего, в среде воинства была значительной. В летописи сообщали, что в 1346 г.: «Под восточную страну в Орде и в Орначи и в Сарае, и в Бездеже и в прочих градах и странах бысть мор велик на люди». Мор был столь силен, что живые не успевали погребать мертвых [Борисенко, Пасецкий, 1983, с.148].

К началу XIV в. в основном устоялись пути торговых караванов, а также маршруты военных походов золотоордынского войска на южные страны.

Маршрут от Нижней Волги до Китая проходил через пункты: Сарай – Астрахань – Сарайчик – Ургенч (Хорезм)– Отрар – Алмалык – Кашгар – Ханбалык (у Пекина) [Скржинская, 1971, с. 50-52]. В Индию караваны направлялись через Ургенч и Газну. Военные походы ордынцев на государство Ильханов совершались через Дербент и Баку. В любом случае как торговые, так и военные передвижения осуществлялись либо вдоль западного побережья Каспия, через так называемый «Дербентский коридор», либо через плоскогорья Мангыстау и Устюрт, то есть, между Каспийским и Аральским морями.

В XIV столетии западное побережье, а также весь юг Каспия потрясали землетрясения [Вознесенский, 1927, с. 780]. Большой город Абестун разрушился в результате опускания дна Астрабадского залива. Произошло опускание береговой полосы в пределах Бакинского ханства. Несомненно, что катастрофический подъем уровня моря сопровождался резкой активизацией грязевулканической деятельности, что подтверждается наблюдениями в XX в., в условиях сходного повышения уровня. На пространстве от р. Самур до р. Кура произошла активизация извержений подводных грязевых вулканов. Внешний эффект излияний вулканов (землетрясения, огненные явления, бурление воды, появление резкого запаха сероводорода и метана, возрастание мощности выхода через трещиноватые горные породы радиоактивного газа радона) таковы, что способны были вызвать эмоциональные потрясения путешественников.

В результате описанного подъема уровня Каспийского моря были подтоплены устьевые части многих горных рек Дагестана, участка «Дербентского коридора». Этим термином обозначают узкую прибрежную равнину в пределах Дербента, располагающуюся между морем и довольно крутыми склонами горного массива Джалгин (максимальная высота 709 м). В современных условиях ширина «коридора» не превышает 1,5 км, а в прошлом он был уже, и его перегораживали крепостные сооружения Дербента. Они включали две высокие стены с башнями, простиравшихся параллельно друг другу в сторону моря, вероятно, до глубины 5-6 м [Хан-Магомедов, 2002, с. 308-322; Кудрявцев, Гаджиев, 2009, с. 402]. Та часть стен, которая располагалась в море, образовывала морскую гавань. Приморские сооружения отчасти предотвращали набеги кочевников, одновременно позволяя собирать пошлину с торговых караванов. Но существовала еще так называемая «Горная стена», общей протяженностью около 40 км, блокировавшая горные проходы на этом участке Дагестана.

В 1222 г. войска Джебе и Субудая, возвращаясь из набега на государство Ильханов, подошли к крепостным сооружениям Дербента, но не стали их штурмовать. С помощью хитрости и местных проводников им удалось обойти кружным путем эту часть горного Дагестана. После долгого и трудного похода они вышли на северный склон Кавказа, направляясь на соеди-

нение с основным войском на подходе к р. Калке. Противодействие горских племен было столь значительно, что войска понесли заметный урон [Ибрагимов, 2011, с. 36]. В последующие десятилетия татаро-монголы разрушали окрестности Дербента, а в 1239 г. захватили его. В 1318 г. хан Узбек вновь захватил Дербент. Зато новый набег, теперь уже Токтамыша, произошел спустя 67 лет. Как раз перед этим на западном побережье Каспия стали развиваться те природные катаклизмы, о которых уже было сказано. И дело тут не только в затоплении участка берега у Дербента, но и в возникновении глубокого залива южнее массива Джалгин. В пределах устьевой зоны Самура и южнее нее побережье в современных условиях, а судя по всему, и в древности, дренировалось многочисленной системой горных рек. Здесь на участке протяженностью около 85 км узкую приморскую равнину пересекают свыше полутора десятка рек. В условиях эвстатического подъема уровня эта приморская равнина должна была превратиться в труднопроходимое болотисто-лагунное пространство, примыкающее к подошве высоких террас и мелкосопочника.

То, что в исторических источниках не зафиксирован факт эвстатического подтопления «Дербентского коридора», отнюдь не свидетельствует, что природные катаклизмы на Каспии не повлияли на возможность пополнения казны Золотой Орды за счет набегов на южные страны и торговли. Причем если конная армия была в состоянии отыскать кружные пути преодоления опасных мест, то вряд ли это было под силу торговым караванам, в том числе и учитывая опасность нападений горских народов.

Однако только природными катаклизмами на западных берегах Каспия дело не ограничилось. Существует точка зрения, согласно которой внезапный подъем уровня Каспия, помимо прочих причин, был спровоцирован изменением течения р. Аму-Дарьи. Под действием тектонических процессов она стала впадать не в Аральское, а через Узбой в Каспийское море [Вейнбергс и др., 1972, с. 86]. Эта точка зрения неплохо подтверждается итальянским портоланом Каспийского моря, предположительно относящимся к XIV-XVI вв. [Волков, 2003, с. 605] (рис. 2).

В результате описанного явления Аральское море потеряло часть воды, что сказалось на его уровне. Согласно палеогеографическим реконструкциям, в описываемый период произошел резкий спад уровня Арала, по крайней мере на 10-12 м, возможно, и более [Вейнбергс и др., 1972, с. 86]. Этот процесс спровоцировал почти мгновенную аридизацию окрестных степей и плоскогорий. Масштабное иссушение территории должно было неизбежно создать непреодолимые препятствия для выпаса животных даже во время непродолжительного перехода. Следует учитывать, что на пути через плато Устюрт раскинулись два бурлящих потока – один «амударьинский» в Каспийское море, другой – из Каспийского моря в Кара-Богаз-Гол. В двух

бессточных котловинах существовал мощный выброс радиоактивного газа радона. Весьма вероятно, что и этот путь для получения добычи, не говоря уже о прохождении караванов, оказался для золотоордынских войск на какое-то время затруднен или даже прерван. Следует заметить, что ордынские полководцы, видимо, пытались приспособиться к неблагоприятным условиям. Возможно, выходом из сложившегося положения были зимние походы. Так, войска Токтамыша совершили набеги на хулагидов и владения Тамерлана зимой 1384-1385 гг., а зимой 1386-1387 гг. набег был повторен [Селезнев, 2010, с. 124-126]. Следующей зимой 1387-1388 гг. поход совершили в Среднюю Азию.

Таким образом, приведенные данные позволяют высказать предположение, что катастрофические изменения уровня Каспийского и Аральского морей, подтопление и аридизация разных прибрежных регионов могли способствовать уменьшению доходов от военной добычи и торговых налогов в казну Золотой Орды. Можно полагать, что именно это обстоятельство в конечном счете сыграло важную роль в создании нового торгового центра Азака, через который можно было наладить торговлю стран Западной Европы с Китаем, Персией, Индией.

Статистическое исследование золотоордынских монет из кладов, обнаруженных на периферии древнерусского государства, показало, что существовало несколько периодов уменьшения доли серебра в монетном чекане [Пономарев, 1995, с. 135]. Они как раз приходились на фазы упадка торговли или уменьшения поступления добычи от походов на смежные территории. Одна из фаз обострения дефицита казны, в частности, приходилась на середину XIV в. Внутридинастическая борьба приводила к расстройству торговли, «неуверенности в завтрашнем дне», что порождало феномен ухода части денежной массы в клады или уменьшения доли серебра в монетах.

Возникающий дефицит казны золотоордынские власти пытались компенсировать разными способами, в том числе и «выбиванием» дани. Представление об этом дает перечень военных походов золотоордынских войск на сопредельные территории в 1359 - 1379 гг., приведенный Е.И. Сорогиным [2009, с 465]. Он отмечает, что в этот период кочевникам приходилось все чаще переходить к обороне, а территория, контролируемая номадами, начала сокращаться.

Но прослеживается и иная тенденция – ослабление Орды, относительное уменьшение поборов и возрастание отпора со стороны покоренных княжеств. Так, если в первой трети XV в. Москва облагалась данью (выходом) в 7 тыс. руб., а в XIV в. и того больше, то после поражения Ахмата в 1480 г. московский князь соглашался выплачивать лишь символический выход в тысячу рублей [Горский, 1997, с. 2]. К числу неудачных с экономической точки зрения мероприятий исследователи относят нападение Мамай на Русь. Подо-

плекой являлось стремление наказать Московское княжество за неуплату дани, так как город Владимир задолжал Золотой Орде 8 тыс. руб., а Москва – 2 тыс. руб. У Мамая не получилось истребовать нужную сумму. В отместку в 1382 г. Токтамыш сжег Москву. Наконец, в 1383 г. Дмитрий Донской получает ярлык на правление и право его передачи по наследству под гарантии возврата в казну Золотой Орды долга по дани. То есть для того, чтобы получить в казну Орды доход в сумме 10 тыс. руб., ханы неоднократно предпринимали крупные воинские операции, что может указывать на значимость этого источника для поправки финансового положения улуса.

В 2003 г. в дискуссии на Одиннадцатой Всероссийской нумизматической конференции исследователи выдвинули предположение, что Мамай к походу на Русь в 1380 г. подтолкнули генуэзские банкиры. Этот сюжет не раскрыт в тезисах докладов, но отражен в газетной публикации журналиста-нумизмата [Одиннадцатая..., 2003; Арсюхин, 2003]. Возможно, формальным мотивом интриги был возврат ранее выданного кредита с целью стимулирования итальянской торговли через Тану. На самом деле, как считают нумизматы, генуэзские банкиры хотели обрушить курс золотоордынской валюты. Однако следствием неудачного похода Мамая стал захват Дмитрием Донским в его обозе мастеров-чеканщиков, которые наладили эффективную чеканку русских монет, что еще более укрепило экономические позиции Москвы в регионе, вплоть до Кавказа и Крыма.

Известно, что в борьбе за контроль над властью в Золотой Орде Мамай опирался на генуэзскую колонию Кафу и Литву [Гумилев, 1993, с. 220]. Именно поэтому генуэзский банк Сан-Джоржио ссужал Мамаю деньги на государственные нужды. Экспозиционные материалы музея Куликовской битвы свидетельствуют, что в тылу войска Мамая находился отряд тяжеловооруженной генуэзской пехоты. Потерпев поражение, темник с четырьмя князьями бежал в Кафу, где, согласно Жемайской хронике, был убит фрагами. Долгое время этот сюжет ставили под сомнение, пока в середине 1990-х годов в пределах заброшенного кладбища у г. Старый Крым не было обнаружено погребение беклярибека Мамая [Крамаровский, 1996, с. 38-40]. Хотя в заголовок статьи М.Г. Крамаровский ввел знак вопроса, но находка все же более определенно позволяет считать Крым вотчиной клана Мамая. Особый интерес представляет выяснение того – по какому маршруту с Куликова поля бежал Мамай, учитывая, что приазовские степи были вотчиной Ногая, злейшего его врага. Не использовали ли генуэзцы свой флот для эвакуации тяжелой пехоты, а быть может, и Мамай с его свитой, в том числе ориентируясь на причалы Таны?

Приведенные выше данные о природных катаклизмах в Каспийском и Аральском морях и примыкающих к ним территориях призваны показать масштаб природных процессов, которые в принципе могли сказаться на развитии властных элит и самой государственности улуса Джучи. Однако на

данном этапе представляется крайне сложным высказывать утверждение о преобладании в одном случае природных, в другом - социально-политических процессов. Если рассматривать всю совокупность сведений о землетрясениях, ураганах, лютых морозах и страшных засухах, сопровождавшихся пожарами, голоде, эпидемиях, поражавших население Поволжья и Руси, то можно уверенно утверждать, что во всех случаях социально-политических потрясений в Орде всегда или почти всегда проявлялся комплекс факторов (рис. 1).

Понятие «Великая замятня» базируется на сведениях о попрании принципа наследования власти, установленного Чингисханом, конкуренции за власть даже среди ближайших родственников, в том числе и с помощью самых коварных и жестоких методов. В этом контексте показательны сведения о том, что: «...во времена усобицы в Орде подавляющую часть рабов составляли сами татары. Согласно актам [нотария Бенедетто Бьянки], только за 1359-1363 гг. проданных рабов-татар оказалось 151 человек, причем 90 из них были проданы в 1363 г.» [Масловский, Фомичев, 2004, с. 498]. Но обратимся к истории воцарения хана Токтамыша и отношения к власти его потомков [Селезнев, 2010, с. 123-127]. Опубликованные материалы позволяют признать, что в период с 1384 по 1419 гг. в Золотой Орде или в ее отколовшихся частях имела место почти такая же «замятня», как и после кончины хана Бердибека. Насколько можно судить по имеющимся данным, проявились новые негативные природные факторы. Обильные снега на фоне лютых морозов приводили к дружному снеготаянию и сбросу поздней весной больших масс воды в реки. Летописи указывают на периоды с обильными ливнями, которые вкупе с тальми водами могли поддерживать высокий уровень Каспийского моря. Все это негативно влияло на попытки Токтамыша спасти разваливающуюся экономику Орды.

Важное место в истории «Великой замятни» и попыток ордынской элиты восстановить могущество государства занимал Азак. Считается, что этот город был оплотом хана Абдуллаха, здесь чеканились его монеты. В 760-763 гг. город «побывал» в руках Кульпы, Навруза, Ордумелика, Хызра, Кильдибека [Масловский, Фомичев, 2004, с. 493]. Через причалы Таны прошло огромное количество разнообразных грузов, перемещаемых караванами и судами между Китаем, Тибетом, Индией, Персией и западноевропейскими государствами. Налоги с торгового оборота, вероятно, намного превышали доходы казны от воинских набегов. Прежде чем рассмотреть роль природных катаклизмов в возникновении и развитии Азака, обратимся к проблеме этнополитической конкуренции за обладание ресурсами дельтовой области Танаиса (Танаида) – Дона.

Ресурсы рассматриваемого региона Меотийского озера весьма интенсивно эксплуатировались в античное время. Позже Византия, помня о стра-

тегическом значении устья Дона и его ресурсов, возвела здесь крепость, о чем упоминал Константин Багрянородный [Карпов, 1997, с. 5]. Точных сведений о контроле Хазарским каганатом устья Дона нет. Однако вряд ли можно согласиться с тем, что здесь хазары не имели военного кордона, тогда как они озаботились контролем над Керченским проливом и средним течением р. Дон (Саркел на левом берегу и цитадель на правом, высоком берегу) [Лунин, 1949, с. 118-122; Тортика, 2004, с. 177-378]. Русы, вероятно, в основном выходцы из Тмутаракани, занимались здесь промыслом и продажей рыбы [Гадло, 1964, с. 417; Волков, 2003, с. 108-109]. Ключевым моментом в выяснении вопроса о славянском присутствии в устье Дона является утверждение В. Рубрука о том, что татары не занимались рыбной ловлей [Путешествия..., 1957]. Следовательно, купцы в годы, предшествовавшие приезду Рубрука, покупали сушеную рыбу и балыки не у татар. Эти сделки могли совершаться в пределах населенного пункта, в котором проживало население иного этнического состава, возможно, славяне.

А.М. Масловский, указывая на отсутствие Азака в тексте Рубрука, пришел к выводу, что этого населенного пункта с причалами в тот момент вообще не существовало. Однако такой довод представляется малообоснованным, поскольку неизвестны случаи создания татарами портов. Он также ставит под сомнение толкование Г.А. Галкиным и В.И. Коровиным этимологии слова «Азак» - низкое болотистое место [Галкин, Коровин, 1990, с. 75; Масловский, 2006, с. 265]. Действительно, такая этимология вроде противоречит возвышенному рельефу, на котором появился Азак, а позже Азов. Если же предположить, что первые татарские становища и селения возникли гораздо раньше 1253 г., это противоречие исчезает. На кривой колебаний уровня Азовского моря нетрудно заметить, что на рубеже IX-X вв. уровень моря стал снижаться, хотя незадолго до этого наблюдался небольшой подъем, примерно на 1 м, возможно, 1,5 м выше современного (рис. 1) Штормовые нагоны при западных ветрах и волнениях накрывали все пониженное пространство вокруг «Азакского холма». К тому же, тектонический режим правого и левого берегов Дона кардинально отличался. Это доказано инструментально [Мещеряков, Левинсон, 1951, с. 37-38]. В 1929-1930 гг. и 1945-1946 гг. был проложен нивелировочный ход второго класса, охватывающий южную окраину Русской платформы в районе Ростова-на-Дону, левобережье Дона, степное пространство Предкавказья. Достоверно установлено, что если южная периферия Русской платформы в этот период воздымалась с темпом 1-4 мм/г, то в пределах левобережья Дона были отмечены нисходящие тектонические движения с темпом 1, локально 2 мм/г. В конце 1960-х годов высокоточные геодезические работы повторены, и на их основе построена карта современных вертикальных движений земной коры [Мещеряков и др., 1971]. В этот период в пределах северного берега Таганрогского залива

и правобережья Дона выявлены восходящие тектонические движения с темпом 1,4-1,6 мм/г, в то время как в пределах Ростовского свода (купол г. Азова) – с темпом 2-3 мм/г. Прирусовая часть левобережья Дона оказалась стабильной.

Из приведенных данных следует, что как в античное, так и средневековое время фазы опускания и стабилизации левобережья Дона чередовались с интервалом от нескольких десятилетий до столетия. Есть основания полагать, что на определенных фазах, скорее всего, приуроченных к подъему уровня моря, левобережье испытывало погружение. В том случае, если взаимно накладывались нисходящие тектонические движения, пик эвстатического подъема уровня и высокий штормовой нагон от запада, «холм» в пределах современного г. Азова мог приобретать облик острова или полуострова на подтопленном пойменном пространстве. Это обстоятельство способствовало сохранению представлений об Азаке как о болотистом, низинном месте.

Естественно задаться вопросом, почему татары основали город Азак на левом берегу, если предполагали сразу использовать его в качестве пункта перевалки грузов и их отправки к низовью Волги караванами? При продвижении по левому берегу Дона на пути купцов в ту эпоху встречалось гораздо больше труднопреодолимых водных препятствий (многочисленные реки, озера, в том числе и старичного типа, болота), чем на высоком правом берегу, вдоль которого направлялись к Нижней Волге итальянские «путешественники». Объяснение может быть одно – для степняков-скотоводов важны были обширные пойменные луга левобережья Танаида (Дона). К тому же здесь можно было возделывать некоторые сельскохозяйственные культуры без дополнительного полива. Отсюда и возникло мнение первых татарских поселенцев, что Азак – низкое, болотистое место. Эта характеристика распространялась не на холм, где ныне находится Азов, а на пониженные пространства, где пасли свои табуны и возделывали сельхозкультуры жители как раз той сельской округи, которая позже создала материальную основу существования города Азака. Значимость сельской округи в возникновении города совершенно справедливо показана А.Н. Масловским [2009, с. 323].

Наконец, можно предположить, что в ту эпоху, в условиях низкого стояния уровня моря, реку Дон в меженный период сравнительно легкого переходили вброд. Убеждают в этом сведения Э. Челеби об обстоятельствах перехода ногайским конным войском реки Дон в 1641 г., после неудачной попытки выбить казаков из захваченной ими крепости Азов: «... направили коней в воду и, так как она не доходила им до стремян, [спокойно] переправились на тот [северный] берег [реки Дон]» [Челеби, 1979, с. 36]. В этот период, по сведениям турецкого путешественника, уровень моря также стоял на весьма низких отметках. Справедливость его суждений о регрессивной фазе развития моря в 1637-1641 гг. подтверждена естественнонаучным анализом [Артюхин, 2010, с. 21-22].

В письменных источниках топоним «Азак» упоминается в 1269 и 1271 гг. [Карпов, 1997, с. 14-15]. Но анализ археологических материалов позволил несколько уточнить время его основания – 1263-1269 гг. [Масловский, 2006, с. 293]. С 1270 по 1330 гг. Азак трансформировался в огромный для того времени административный и торговый центр, численность населения в котором достигала 20-30 тыс. чел., что сопоставимо с Лондоном и Новгородом [Бурлака, 2005, с. 37; Масловский, 2009, с.323]. Очень важно, что оценки опираются на данные по плотности застройки и размерам городского пространства в ту эпоху.

Процесс создания Азака, по мнению В.О. Бурлака, был инспирирован золотоордынскими властями, принудительно переселявших жителей окрестных селений в город. К точке зрения о значительной роли административных приказов ханов склоняется и И.В. Волков: «...около 1262 г... Берке принял собственные меры, смягчающие конфликт при дележе налогов. Для этого надо было ликвидировать те податные единицы (поселки), которые существовали до разрыва [с Каракорумом] и подлежали обложению, а их население переместить в новые города» [Волков, 2003, с. 128]. Подобные события укладывались в стратегию административного формирования торговой инфраструктуры Золотой Орды в XIII в., активизации строительства поселений, устройства переправ, ориентированных на обеспечение торговых караванов [Недашковский, 2010, с. 25]. Традиционно стремление золотоордынских властей активизировать торговлю, в том числе и путем создания торговых центров, объясняют попытками восстановления мощи государства в условиях внутридинастической борьбы за власть [Миргалеев, 2009, с. 348]. Но кроме общего хода социально-политического развития Золотой Орды в развитии Азака сказался комплекс природных факторов, которые обычно не принимают во внимание.

На рис. 1 показана кривая колебаний уровня Азовского моря в рассматриваемую эпоху, основанная на данных радиоуглеродного датирования отложений из ряда скважин [Арсланов и др., 1977, с. 147]. В X в. началась фаза падения уровня Азовского моря, и к XI-XII вв. спад составил не менее 3-4 м.

Эти данные согласуются со сведениями В. Рубрика о малых глубинах в Азовском море: «...река ... образует на севере как бы некое море, имеющее в ширину и длину семьсот миль, но нигде не имеющее глубины свыше шести шагов (passus); поэтому большие корабли не входят в него, а купцы из Константинополя, приставая к вышеупомянутому городу Матрике, посылают [оттуда] свои лодки до реки Танаида, чтобы закупить сушеной рыбы, именно осетров, чебаков и других рыб в беспредельном количестве....» [Путешествие..., 1955, с. 88]. Из цитаты следует, что Азовское море в этот период как будто имело малые глубины, не превышающие 4-5 м, тогда как в XVIII-XIX вв. на пути из Керченского пролива к устью Дона в открытой части

моря глубина нигде не была меньше 7-8 м, максимально достигая 12-13 м. О значительном падении уровня свидетельствуют опросные сведения В. Рубрика и фраза: «... как бы некое море...». Не следует сбрасывать со счета и упоминаемые им размеры водоема – семьсот миль в ширину и длину. Изометричным море можно было принимать только в том случае, если действительно уровень значительно снизился, а Таганрогский залив воспринимался узкой речной долиной.

Только к началу XIV в. уровень Азовского моря стал подниматься и приблизился к современным отметкам (рис. 1). На данном этапе неизбежно должны были возникнуть проблемы переправки грузов и людей с левого берега на правый. Это, возможно, стимулировало необходимость организации лодочной переправы. Иначе говоря, город, даже если его создание было инспирировано ордынской администрацией в 1260-е годы, скорее всего, так и остался бы провинциальным, не имевшим серьезного значения для морской торговли Европы с Азией и пополнения золотоордынской казны, если бы уровень Азовского моря к концу XIII в. не приблизился к современным отметкам. Только в этих океанологических условиях могло совершаться безопасное мореплавание, а торговля процветать (если, конечно, не мешали другие природные и социально-политические факторы). Но этот процесс продолжался недолго, как видно из рис.1. Уже в начале XV в. уровень Азовского моря вновь стал снижаться в условиях начавшегося «малого ледникового периода» [Адаменко, Ловелиус, 1976, с. 292]. Возросшая суровость климата, большая продолжительность ледостава не только в Азовском, но и в прибрежной части Черного, а временами даже Адриатического и Средиземного морей привели к катастрофическому уменьшению грузопотока через порт Таны, а впоследствии к замиранию всех торговых операций. Такой вывод подтверждается историческими сведениями. Люди, жившие в турецком Азаке в XVI-XVII вв, утверждали: «... море и Дон были скованы льдом по 5 месяцев [в году]. В этот период корабли из Кафы в Азак не приходили» [Челеби, 1979, с. 207]. Анализ показывает, что в XV в. и в отдельные годы XVI-XVII вв. продолжительность навигации могла сокращаться в отдельные годы до 3-4 месяцев, что делало сухопутно-морские торговые операции нерентабельными, а риски потерь грузов и судов весьма высокими. Иначе говоря, если бы даже османы в 1475 г. не захватили Тану-Азак, этот торговый центр неизбежно стал бы замирать.

ЛИТЕРАТУРА

- Адаменко В.Н., Ловелиус Н.В. Аномалии прироста деревьев и изменение барико-циркуляционных условий последнего тысячелетия // Изв. ВГО. 1976. Т. 108. Вып. 4.
- Аллахвердиев Ф.Д., Аллахвердиева Д.Ф. Динамика растительных комплексов на побережье Северо-Западного Прикаспия в условиях новейшей трансгрессии // Изв. ВУЗов. Сев.-Кавк. рег. Естеств. науки. 2011. № 3.
- Арсланов Х.А., Балабанов И.П., Гей Н.А. и др. Методы и результаты картирования и геохронологическая привязка древних береговых линий // Колебания уровня морей и океанов за последние 15 тыс. лет. М. Наука. 1982.
- Арсюхин Е. Ископаемая валюта. Мамай пошел на Русь по наводке итальянских банкиров // Россия. 25.04. 2003.
- Артюхин Ю.В. Океанологический фон противоборства России и Турции за обладание устьевой частью р. Дон. В сб.: Большой Ромбит. Ейск. 2010.
- Бадюкова Е.Н. История развития Северного Прикаспия и дельты Волги // Океанология. Т. 50. № 6. 2010.
- Берг Л.С. Уровень Каспийского моря за историческое время. В сб.: Проблемы физической географии. Вып. 1934.
- Борисенков Е.П., Пасецкий В.М. Экстремальные природные явления в русских летописях XI-XVII вв. Л. Гидрометеиздат. 1983.
- Буваев Д.А. ГИС опустынивания Черных земель Калмыкии за 150-летний период // В матер. межд. конф. Изучение и освоение морских и наземных экосистем в условиях арктического и аридного климата. Ростов-на-Дону. 2011.
- Бурлака В.О. Азов – город с тысячелетней историей. Очерки истории Азова. Вып. 10. Азов. 2005.
- Варуценко С.И., Вариценко А.Н. Уровень Каспийского моря и колебания увлажненности Русской равнины в средние века // Изв. АН. Сер. географическая. 1984. № 4.
- Вейнбергс И.Г., Ульст В.Г., Розе В.К. О древних береговых линиях и колебаниях уровня Аральского моря. В сб.: Вопросы четвертичной геологии. Вып. 6. Рига. Изд-во «Зинатне». 1972.
- Вознесенский А.В. Изменение уровня Каспийского моря // Природа. 1927. № 10.
- Волков И.В. Поселения Приазовья в XII-XIII веках // Русь в XIII веке. Древности тёмного времени. М. Наука. 2003.
- Гаджиев М.С. Загадочный остров Бабал-абваба // Северный Кавказ в древности и средние века. Махачкала. 2008.
- Гадло А.В. Поселение XI-XII вв в дельте Дона // КСИА. 1964. Вып. 99..
- Галкин Г.А., Коровин В.И. Происхождение названия Азовского моря и Керченского пролива // Изв. АН СССР. Серия географическая. 1990. № 3.
- Горский А.А. О времени и обстоятельствах освобождения Москвы от власти Орды // Вопросы истории. 1997. № 5.
- Гумилев Л.Н. Гетерохроность увлажнения Евразии в средние века // Вестник Ленинградского университета. 1966. № 18.
- Гумилев Л.Н. Тысячелетие вокруг Каспия. М. 1993.
- Гумилев Л.Н. Древняя Русь и Великая степь. М.; АСТ., 2002.
- Залибеков З.Г., Баламирзоев М.А., Биарсланов А.Б. Применение информационных технологий в разработке мероприятий по управлению почвенными ресурсами Западного Прикаспия // Изв. ВУЗов. Сев.-Кавк. регион. Естеств. науки. 2011. № 4.
- Зевакин Е.С., Пенчко Н.А. Очерки по истории генуэзских колоний на Западном Кавказе в XIII и XV вв. // Исторические записки. 1938. № 3.
- Зиливинская Э.Д., Васильев Д.В. О вероятной локализации города Итиля на Самосдельском городище в дельте Волги // Труды II (XVIII) Всерос. археологического съезда в Суздале. М. Т. II. 2008.

- Ибрагимов И.Г. Борьба агулов с татаро-монгольскими завоевателями в первой половине XIII в. // Изв. ВУЗов. Сев.-Кавк. регион. Обществ. науки. 2011. № 3.
- Карпов С.П. Когда и как возникла Тана? (О происхождении итальянской фактории на византийской окраине) // ВВ. Т. 57. 1997.
- Ковалев В.В., Астахов В.В., Нечипорова Т.П. Геолого-геоморфологические аспекты изменений уровня Каспийского моря в голоцене // Изв. ВУЗов. Сев.-Кавк. регион. Естеств. науки. 2011. № 5.
- Крамаровский М.Г. Погребение беклярибека Мамае (?): археологические наблюдения и исторический контекст // Эрмитажные чтения. 1996.
- Круглов Е.В. Об отражении палеоклиматических условий в географии и топографии археологических памятников // Донские древности. Диалог городской и степной культур на Евразийском пространстве. Вып. 10. Азов. 2010.
- Кудрявцев А.А., Гаджиев М.С. Подводные археологические исследования в акватории Дербента // ПИФК. Вып. XII. 2002.
- Леонтьев О.К. Почему не сбылись прогнозы? (к вопросу об изменении уровня Каспийского моря) // Вестн. Моск. Ун-та. Сер. 5. География. 1982. № 4.
- Лилиенберг Д.А., Яценко В.Р. Основные тенденции современной геодинамики горных морфоструктур Большого Кавказа по новым геодезическим данным // Геодезия и картография. 1991. № 2.
- Лунин Б.В. Очерки истории Подонья – Приазовья. Ростов-на-Дону. Ростиздат, 1949.
- Масловский А.Н. О времени возникновения Азака // ИАИАИАНД. Вып. 22. 2006.
- Масловский А.Н. О сельской округе Азака (к постановке проблемы) // Донские древности. Диалог городской и степной культур на евразийском пространстве. Вып. 10. Азов. 2009.
- Масловский А.Н., Фомичев А.Н. О дате побоища в Азаке времени «великой замятни» в Орде // ИАИАИАНД. Вып. 20. Азов. 2004.
- Мещеряков Ю.А. Левинсон В.Г. Современные тектонические движения в южной части Русской платформы и Кавказа // Геология и разведка. Сборник материалов по обмену опытом. Гостоптехиздат. 1951.
- Мещеряков Ю.А., Буланже Ю.Д., Выржиковский Г.Е. и др. Карта современных вертикальных движений земной коры Восточной Европы. М., ГУГК СССР. 1971.
- Миргалеев И.М. Проблема престолонаследия в период смуты в Золотой Орде (60-70-е годы XIV в.) // Донские древности. Диалог городской и степной культур на евразийском пространстве. Вып. 10. Азов. 2009.
- Недашковский Л.Ф. Золотоордынские города Нижнего Поволжья и их округа. М., «Восточная литература». 2010.
- Одиннадцатая Всероссийская нумизматическая конференция. Тезисы докладов и сообщений. СПб. Изд-во Гос. Эрмитажа. 2003.
- Пономарев А.Л. Монетное обращение Золотой Орды в XIV в. (методика анализа) // Причерноморье в средние века. Изд-во МГУ. 1995.
- Полное собрание русских летописей. Т. 8. СПб. 1859.
- Путешествия в восточные страны Плано Карпини и Рубрука. М. 1957.
- Рихтер В.Г. Донные отложения залива Кара-Богаз-Гол как индикатор колебаний уровня Каспийского моря // Бюлл. моск. общ-ва испытат. природы. Т. XXXVI. 1961.
- Рихтер В.Г. Методы изучения новейшей и современной тектоники шельфовых зон морей и океанов. Москва. Недра. 1965.
- Рычагов Г.И., Коротаев В.Н., Чернов А.В. История формирования палеodelьт Нижней Волги // Геоморфология. 2010. № 3.
- Селезнев Ю.В. Токтамыш – последний хан единой Орды // Вопросы истории. 2010. № 2.
- Скржинская Е. Ч. Барбаро и Контарини о России. К истории итало-русских связей в XV в. Л. 1971.

- Сорогин Е.И.* Комплексный кризис Золотой Орды в 60-70-е гг. XIV в. («Великая Замятня») и его компоненты // *Донские древности. Диалог городской и степной культур на евразийском пространстве.* Вып. 10. Азов. 2009.
- Тортика А.А.* Боспор Киммерийский в хазарское время, по данным арабо-персидских и хазаро-еврейских авторов // *БИ.* Вып. V. Симферополь – Керчь. 2004.
- Федоров-Давыдов Г.А.* Общественный строй Золотой Орды. М. 1973.
- Федоров-Давыдов Г.А.* Золотоордынские города Поволжья. М. 1994.
- Хан-Магомедов С.О.* Дербентская крепость и Даг-бары. Изд-во «Ладыя». 2002.
- Челеби Э.* Книга путешествия. М. 1979. Вып. 2.
- Чижевский А.Л.* Земное эхо солнечных бурь. М.: Мысль. 1976.
- Шнитников А.В.* Внутривековая изменчивость компонентов общей увлажненности. Л. «Наука». 1969.

Ю.В. Артюхин

ПРИРОДНІ КАТАКЛІЗМИ ЯК ОДНА З ПРИЧИН «ВЕЛИКОЇ ЗАМЯТНІ» У ЗОЛОТІЙ ОРДІ ТА ВИНИКНЕННЯ АЗАКА

Резюме

Розглянута можлива роль природних катаклізмів у виникненні смути в Золотій Орді, у російських літописах іменованою «Велика замятня». Аналіз показав, що на початку XIV ст. відбулося вельми значне підвищення рівня Каспійського моря, яке супроводжувалось комплексом інших несприятливих для розвитку Орди явищ. Спроби ханів Золотої Орди зробити модернізацію економіки не дали позитивного результату, перш за все через зростання суворості клімату в умовах розпочатого у кінці XV – XVI ст. «малого льодового періоду». Показані природні умови виникнення Азака, який за планами ординської влади повинен був активізувати торгівлю між східними та західноєвропейськими країнами і тим самим збільшити фінансові знаходження в скарбницю. Аналіз багаторічного ходу рівня Азовського моря свідчить, що розквіт Азака був наслідком поєднання низки сприятливих факторів. Однак незалежно від соціально-політичних процесів, які розвивалися у XV ст., подальший розквіт цього торгового центру був неможливим в умовах зростання суворості клімату та льодовитості Азовського моря.

Ю.В. Артюхин

ПРИРОДНЫЕ КАТАКЛИЗМЫ КАК ОДНА ИЗ ПРИЧИН «ВЕЛИКОЙ ЗАМЯТНИ» В ЗОЛОТОЙ ОРДЕ И ВОЗНИКНОВЕНИЯ АЗАКА

Резюме

Рассмотрена возможная роль природных катаклизмов в возникновении смути в Золотой Орде, в русских летописях именуемой «Великая замятня». Анализ показал, что в начале XIV в. произошло весьма значительное повышение уровня Каспийского моря,

сопровождавшееся комплексом других неблагоприятных для развития Орды явлений. Попытки ханов Золотой Орды произвести модернизацию экономики не дали положительного результата, прежде всего из-за возрастания суровости климата в условиях начавшегося в конце XV - XVI вв. «малого ледникового периода». Показаны природные условия возникновения Азака, который по планам ордынских властей должен был активизировать торговлю между восточными и западноевропейскими странами и тем самым увеличить финансовые поступления в казну. Анализ многолетнего хода уровня Азовского моря свидетельствует, что процветание Азака было следствием сочетания ряда благоприятных факторов. Однако независимо от социально-политических процессов, развивавшихся в XV в., дальнейшее процветание этого торгового центра было невозможно в условиях возрастания суровости климата и ледовитости Азовского моря.

Y.V. Artyukhin

NATURAL DISASTERS AS CAUSES OF “GREAT ZAMYATNYA” IN THE GOLDEN HORDE AND THE EMERGENCE OF AZAK

Summary

Possible role of natural disasters in the occurrence of troubles in the Golden Horde, referred to as the “Great Zamyatnya” in Russian chronicles, is discussed in the article. Analysis showed that at the beginning of the 14th century, there was a very significant increase of the Caspian Sea level, accompanied by a complex of other adverse effects on the Horde development. Attempts of the Golden Horde khans to modernize the economy did not bring any positive results, primarily due to increase in severe climate conditions of “Little Ice Age”, which began in the late 15th – the 16th cc. AD. Natural conditions of appearance of Azak are shown. According to the plans of the Horde authorities, Azak had to intensify trade between eastern and western countries, and thereby increase the revenues for the treasury. Analysis of the long-term shifting of the Sea of Azov level shows that prosperity of Azak was the result of a combination of favorable factors. However, regardless of socio-political processes developing in the 15th century, the further prosperity of that trading centre was not possible in conditions of increasing severity of climate and ice cover of the Sea of Azov.

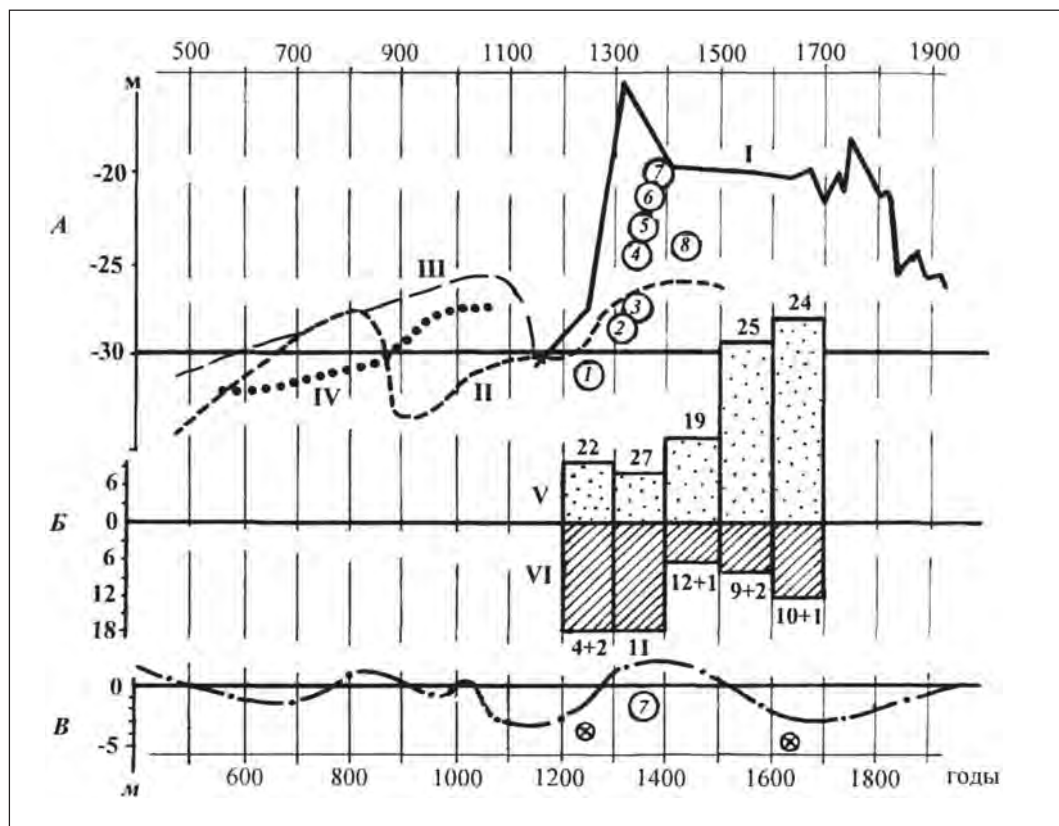

Рис. 1. Схема изменений положения уровня Каспийского моря в VI-XIX вв. (А), Азовского моря в V-XIX вв. (В) и неблагоприятных природных явлений в степной зоне в XIII-XVII вв. (Б).

А – Изменение уровня Каспийского моря, по данным А.В. Вознесенского, 1927 (I), С.И. Варущенко, А.Н. Варущенко, 1984 (II), А.А. Кудрявцева, М.С. Гаджиева, 1982 (III) и М.С. Гаджиева, 2008 (IV).

Б – Количество неблагоприятных природных факторов, проявившихся в разные столетия в степях Приазовья и Прикаспия в XIII-XVII вв. (по данным Е.П. Борисенкова и В.М. Пасецкого, 1983). Вверху: количество лет с сильными и лютыми морозами в столетие (V). Над гистограммой надписано количество голодных лет в столетие. Внизу: количество лет с засухами (VI). Под гистограммой надписано количество эпидемий + эпизоотий в столетие.

В – Изменение уровня Азовского моря, по данным Х.А. Арсланова и др., 1982. Кружками с крестиками показано положение уровня, согласно некоторым историческим данным.

Исторические события: 1 – строительство при Менгу-Тимуре городов, учреждение шести монетных дворов, первое упоминание об Азаке; 2 – денежная реформа; 3 – принятие ханом Узбеком и его подданными ислама; 4 – конфликт татар с итальянцами в Тане; 5 – гибель хана Кильдибека; 6 – Азак за четыре года переходил из рук в руки пяти ханов; 7 – упадок венецианской торговли в Тане; 8 – от Орды отделился Крым.

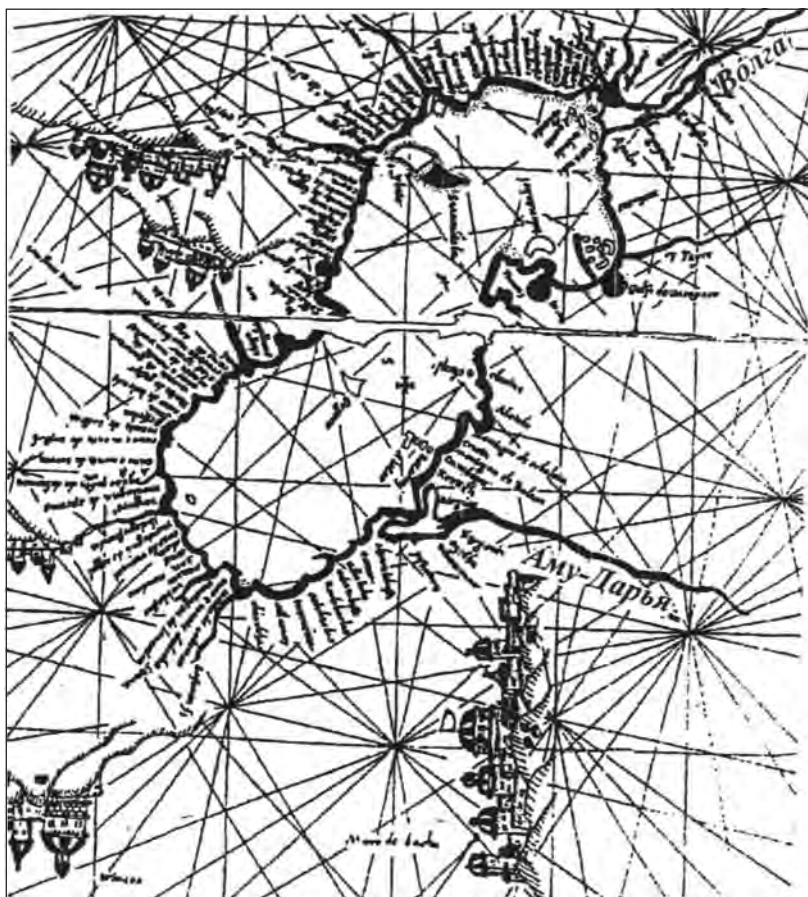

Рис. 2. Портолан Каспийского моря XIV в. (Волков, 2003). В юго-восточной части моря показано место впадения Аму-Дарьи в Каспий.

ПУБЛИКАЦИИ

Д.В. ЖУРАВЛЕВ, Н.П. ТУРОВА

АНТИЧНЫЕ ГЛИНЯНЫЕ СВЕТИЛЬНИКИ ЯЛТИНСКОГО ИСТОРИКО-ЛИТЕРАТУРНОГО МУЗЕЯ¹

Глиняные светильники – одна из групп коллекции античной керамики Ялтинского историко-литературного музея. Как и большинство других беспаспортных древностей музея, светильники происходят из собрания Великого князя Александра Михайловича (Новиченкова, 1993, с. 222; Турова, 2001, с. 75–85; Турова, 2004, с. 28–34)². Коллекция светильников Ялтинского музея состоит из 103 предметов, что составляет приблизительно одну десятую часть всего великокняжеского собрания античной керамики³. В коллекции имеются как целые светильники, так и их фрагменты.

*Светильники классического и эллинистического времени,
изготовленные на гончарном круге*
(Табл. 1–5; Кат. 1–28)

Ионийский открытый светильник

Первый светильник из публикуемого собрания, со втулкой в центре⁴ дна, относится к производству одного из ионийских центров⁵. Этот тип светильников близок афинскому типу Howland 19A (= Broneer, тип III). Подобные светильники были распространены во всем Причерноморье (Menzel, 1969,

¹ Завершение статьи стало возможным благодаря работе одного из авторов в библиотеках Германского археологического института в Берлине и Рима в рамках стипендии, предоставленной фондом Александра фон Гумбольдта (Alexander von Humboldt Stiftung).

² Основным признаком принадлежности вещей к великокняжеской коллекции являются приклеенные к некоторым из них бумажные этикетки-марки с указаниями номера по описи и места, где находился предмет в Ай-Тодорском дворце: «кабинет», «столовая».

³ В каталоге будут рассмотрены 96 целых и фрагментированных светильников из 103 единиц хранения (7 предметов этой коллекции представляют собой маловыразительные фрагменты профилированных стенок светильников: НВ13416, НВ 21298–21301, 21304, 21305). Все рисунки и фотографии к статье выполнены Н.П.Туровой.

⁴ Эта втулка делалась для пальца руки, присутствие которого обеспечивало светильнику большую устойчивость при переноске (Howland, 1958, p. 25) или для подставки, на которой благодаря втулке было легче закрепить лампу.

⁵ О возможностях более подробного выделения центров – производителей ионийских светильников см. Dupont, 2005, 73–79.

р. 12, Abb. 2, 6; Гайдукевич, 1987, с. 31, рис. 27; Охотников, 1990, фото 11, 4,6; Забелина, 1992, табл. II; Dupont, 2005, fig. 2j; Русяева, 2006, с. 167–168, рис. 175, 1; Журавлев, Золотарев, Кобзева, 2005, с. 136, табл. 1, 1; Журавлев, Быковская, Желтикова, 2007, с. 31–37, № 1–16) и Средиземноморье (Dupont, 2005, fig. 2i). Близкие светильники хранятся в собрании Лувра (Lyon–Caen, 1986, No. 3, p. 26–27), Археологического музея в Стамбуле (Kassab Tezgör, Sezer, 1995, No. 106) и ряда других музеев. Также известны, в частности, из собрания Государственного Эрмитажа, двухрожковые светильники с втулкой, но без лакового покрытия (Вальдгауер, 1914, № 24, табл. II). Такие светильники датируются второй половиной VI – началом/первой четвертью V вв. до н.э. (Забелина, 1992, с. 299; Журавлев, Быковская, Желтикова, 2007, с. 31–32).

Кат. 1 (табл. 1, 1). Низкий открытый двухрожковый светильник, плечи вогнуты внутрь. В центре дна расположена конусовидная втулка. Рожки короткие, скругленные. Глина оранжево-розовая, с сероватым закалом, с большим количеством блесков, белыми и темными включениями. На поверхности светильника сохранились следы оранжево-красного лака.

Размеры: высота – 2,6 см, диаметр – 9,8 см, длина – 12,4 см.

Сохранность: часть плечиков и небольшой участок тулова утрачены. Поверхность заизвесткована, имеет потертости, мелкие сколы.

КП 712; А1–228.

Литература: Турова, 2001, с. 82, рис. 2, 6.

Антический светильник Howland 21A=Broneer IV

Этот тип светильников получил широкое распространение как в Греции (Scheibler, 1976, S. 23, Taf. 13, Nos. 51–52; Νικόλαου, 2004, πιν. 5, BE16066), так и за ее пределами, включая Северное Причерноморье (Журавлев, Быковская, Желтикова, 2007, с. 60, № 80).

Среди всех светильников этого типа наиболее широко представлены более поздние экземпляры типа 22В (см. подробнее: Журавлев, Быковская, Желтикова, 2007, с. 61–62; со списком аналогий). Р.Хоуланд специально отмечает, что большинство подобных светильников имеет ручку, хотя известны экземпляры и без нее (Howland, 1958, p. 45). Датировка публикуемого светильника – 500–480 гг. до н.э. (Howland, 1958, p. 45).

Кат. 2 (табл. 1, 2). Светильник имеет низкое уплощенное вместилище, дно плоское. Плечи светильника достаточно широкие, сильно вогнуты вовнутрь, в центральной части дна изнутри сделан небольшой конический выступ. Глина оранжевая, без видимых примесей. Черный лак почти полностью утрачен (следы его сохранились главным образом на внутренней поверхности резервуара для масла и рожка, а также местами снаружи).

Размеры: высота – 2 см, диаметр – 8 см, длина – 9,8 см.

Сохранность: склеен из двух частей. Небольшой фрагмент плечиков утрачен.

КП 680; А1–201.

Публикуется впервые.

Аттический светильник Howland 22A=Broneer IV

Широко распространенный тип светильников аттического производства (Broneer, 1930, Type IV; Howland, 1958, p. 52; pl. 35, 193–195), хотя варианты этого типа (особенно 22C) получили большое распространение, в том числе и в Северном Причерноморье. Близкие светильники из Афин относятся к первой половине V в. до н.э. (Bailey, 1975, p. 35, Q17; Q18). Близкий светильник известен также из Мирмекия (Журавлев, Быковская, Желтикова, 2007, с. 65, № 90).

Кат. 3 (табл. 1, 3). Открытый светильник с невысокой конусовидной втулкой в центре дна. Низкое тулово, плечи вогнуты внутрь. Рожок короткий, круглый. Дно светильника плоское. Нижняя часть светильника лаком не покрыта; нельзя исключить, что здесь был узкий лаковый пояс, от которого почти ничего не осталось, за исключением плохо сохранившихся линий. По верхней поверхности плеч, покрытых черным лаком, – полоса в цвете глины. Глина красно-оранжевая, без видимых включений. Лак черный, блестящий, местами переходит в бурый.

Размеры: высота – 1,9 см, диаметр – 7,2 см, длина – 8,95 см.

Сохранность: поверхность потерта, местами заизвесткована.

КП 639; А1–163. «Кабин. № 376».

Публикуется впервые.

Аттические светильники tupa Howland 23C=Broneer Type VI

Для светильников этого типа характерными являются вертикальные стенки тулова (вместилище имеет подчетырехугольную форму) и небольшой конический выступ в центре массивного дна, а также горизонтальная ручка. Близкий светильник был найден в Пантикапее (Забелина, 1992, табл. IV, 1). Аналогичные светильники известны в Афинах (Howland, 1958, p. 59–60; pl. 8; 36; Scheibler, 1976, S. 178, 179 etc), Пелле (Дрочу, 1992, πιν. 15, No. 63) и других памятниках Греции (Bailey, 1975, Q65–Q70; Νικόλαου, 2004, πιν. 5, BE 17650), а также в Торице (Blonde, 1983, pl. 17, 214; 18–19; 18–19). Несколько светильников этого типа из различных боспорских памятников представлено в собрании Керченского заповедника (Журавлев, Быковская, Желтикова, 2007, с. 70–72, № 100–105). Близкий экземпляр хранится также в Народном музее в Варшаве (Bernhard, 1955, No. 19, Tabl. IV). Датировка светильников, близких Кат. 4, укладывается в первую половину IV в. до н.э. (наиболее широко эти лампы были распространены во второй четверти столетия). Кат. 5, возможно, относится к типу Howland 23D, а датировка его расширяется до второй–третьей четверти IV в. до н.э.

Кат. 4 (табл. 2, 4). Светильник имеет тулово цилиндрической формы; массивное дно плоское, немного вогнуто в центре. Стенки светильника вертикальны, широкие плечи вогнуты к отверстию для заливания масла. Рожок светильника длинный, в плане прямоугольной формы, с округлым окончанием и небольшим отверстием для фитиля.

На противоположной от рожка стороне находилась горизонтальная ручка, от которой сохранились лишь корни, прикрепленные с двух противоположных боков стенок тулова. Внутри на дне светильника имеется едва заметная выпуклость. Глина серовато-оранжевая, без видимых примесей. Лак блестящий, бурого цвета, местами переходящий в черный. Лаком покрыта вся поверхность как внутри, так и снаружи (за исключением поддона, оставленного в цвете глины).

Размеры: высота – 3,3 см, диаметр – 6,3 см, длина – 9,5 см.

Сохранность: поверхность местами заизвесткована, имеет сбой, потертости.

КП 648; А1–172.

Аттика. Вторая четверть IV в. до н.э.

Публикуется впервые.

Кат. 5 (табл. 2, 5). Форма тулова светильника близка Кат. 4. Глина светло-оранжевая, без видимых примесей. Лак черный блестящий; им выделены врезные пояски, внутренняя и наружная поверхность светильника, за исключением плечиков и поддона. На поддоне на наружной поверхности в центре процарапана незамкнутая окружность.

Размеры: высота – 3,3 см, диаметр – 6 см.

Сохранность: рожок утрачен. Поверхность местами заизвесткована, имеет сбой, потертости.

КП 719; А1–255.

Аттика. Вторая – третья четверти IV в. до н.э.

Публикуется впервые.

Антический светильник типа Howland 25A

Светильники этого типа широко известны на Боспоре и были одним из наиболее распространенных типов раннеэллинистических ламп (Вальдгауер, 1914, табл. III, № 27, 31; Журавлев, Быковская, Желтикова, 2007, с. 74–86, № 109–140). В значительных количествах они найдены в Малой Азии (Kassab Tezgör, Sezer, 1995, Nos. 160–162), а также в Греции – Афинах (Howland, 1958, p. 67–68, pl. 38, Nos. 267–284; Scheibler, 1976, Taf. 19–20, Nos. 90–104), Пелле (Δροῦου, 1992, πιν. 10–11) и т.п. Есть они в Торики (Blonde, 1983, pl. 12–13), а также на территории Добруджи (Iconomi, 1967, fig. 64). Ряд аналогичных экземпляров происходит из музейных собраний (Bernhard, 1955, No. 18). Отметим, что среди светильников этого типа известны как экземпляры с ручками, так и без них (подобно публикуемому). Общая датировка типа – середина второй четверти IV – первая четверть III вв. до н.э.

Кат. 6 (табл. 2, 6). Тулово светильника имеет биконическую форму; стенки плавно вогнуты вверх. Щиток светильника отделен от плеч бороздкой. Длинный рожок имеет подпрямоугольную в плане форму, его поверхность горизонтальна, край скруглен. Дно светильника массивное, снаружи – небольшая вогнутость, изнутри – низкий конусовидный выступ в центре. Глина оранжевая, с мелкими блестками. Внутри светильник покрыт черным тусклым лаком. На рожке сохранились следы копоты.

Размеры: высота – 3,7 см, диаметр – 5,9 см, длина – 8,4 см.

Сохранность: конец носика отбит. На поверхности потертости, царапины, сколы. КП 650; А1–174.

Аттика. Вторая половина IV в. до н.э.

Публикуется впервые.

Кат. 7 (табл. 2, 7). Фрагмент массивного рожка с округлым окончанием. Глина бежевая. Лак черный блестящий.

Размеры: 2,8 x 2,7 см.

Сохранность: поверхность фрагмента оббита, царапины.

НВ 15843.

Аттика. Вторая половина IV – первая четверть III вв. до н.э.

Публикуется впервые.

Светильник, близкий типу Howland 29=Broneer IX

Происхождение светильников этого типа тесно связано с рассмотренными выше светильниками типа 25. Об этом свидетельствует как близкая в целом (но более уплощенная) форма самого светильника, так и массивное дно с выступом в центре. Р.Хоуланд определяет эту форму как «watch-shaped lagynos profile» (Howland, 1958, p. 94). Большинство светильников этого типа, известных из Средиземноморья и Причерноморья (см. подробнее: Журавлев, Быковская, Желтикова, 2007, с. 97–98, № 162–164), имеют на боку небольшой выступ–ушко, который использовался для подвешивания этого светильника. Среди афинских материалов есть аналогичные светильники, у которых вместо ушка присутствует горизонтальная ручка. Общая датировка этого типа – последняя четверть IV – вторая четверть III вв. до н.э. Наличие ручки, а не выступа у светильника позволяет датировать его не ранее первой четверти III в. до н.э. Форма светильника, а также бороздки по краю плечиков сближают его с более поздними лампами типа 33 (хотя аналогичные бороздки есть и на светильниках типа 25 – ср. Кат. № 5). Один из подобных позднеэллинистических светильников представлен в собрании Керченского историко–культурного заповедника (Журавлев, Быковская, Желтикова, 2007, с. 102, № 175).

Кат. 8 (табл. 2, 8). Форма светильника биконическая, плечи горизонтальные, со слабым наклоном к отверстию для заливания масла. Рожок вытянут, верхняя поверхность уплощена, край его обломан. Дно оформлено в виде невысокого поддона с выпуклостью в центре. Изнутри в центре дна светильника присутствует массивный выступ конической формы. По краю плечиков сделаны две кольцевые бороздки, поверх которых была прикреплена горизонтальная ручка. Глина на сколе оранжево–бежевая, на поверхности более темного, бежево–кремового оттенка. Внутри светильник покрыт черным лаком с матовым блеском.

Размеры: высота – 3,2 см, диаметр – 7,2 см, длина – 9 см.

Сохранность: склеен из двух частей. Конец рожка отбит. Горизонтальная ручка и небольшой фрагмент тулова утрачены. На поверхности потертости, царапины, сбой, следы расплавленного стекловидного вещества.

КП 713; А1–229.

Аттика (?). Первая четверть III в. до н.э.

Публикуется впервые.

Светильник с вытянутым рожком и боковым выступом

Этот светильник близок, хотя и не идентичен, аттическим светильникам типа 33 (Howland, 1958, pl. 42, 433–442). Такие светильники происходят, например, из собрания Керченского историко-культурного заповедника (Журавлев, Быковская, Желтикова, 2007, с. 101, № 173–174). В то же время близкие светильники эллинистического времени известны из Херсонеса (Вальдгауер, 1914, табл. III, 37; Chrzanovski, Zhuravlev, 1998, р. 42–43, № 9) и из Добруджи (Iconomi, 1967, р. 9, fig. 10, No. 78), а также из собрания Софийского археологического музея (Кузманов, 1992, с. 62, № 14, с. 64, № 26). Вероятно, публикуемый светильник – не аттического происхождения, а является подражанием популярной форме ламп, изготовленным в одном из неизвестных центров. Датировка – конец III – первая половина II вв. до н.э.

Кат. 9 (табл. 2, 9). Тулово светильника имеет цилиндрическую форму, плечи слабо вогнуты к центру; щиток окружен низким валиком. Отверстие для заливания масла сравнительно узкое, расположено в центре щитка. Сбоку от отверстия для заливания масла на тулове сделан конусообразный боковой выступ. Длинный рожок светильника, удлинённый и заостренный на конце, имеет большое овальное отверстие для фитиля. Дно светильника оформлено в виде плоского поддона. Глина оранжевая, с блестками, местами бежевого оттенка. Светильник (за исключением дна и внутренней поверхности) покрыт тусклым лаком оливкового цвета, местами переходящим в бурый.

Размеры: высота – 3 см, диаметр – 5,6 см, длина – 9,2 см.

Сохранность: сколы, потертости, царапины, следы стекловидного расплавленного вещества.

КП 651; А1–175.

Конец III – первая половина II вв. до н.э.

Публикуется впервые.

Светильник с рожком с подтреугольным завершением

Этот светильник, еще изготовленный на гончарном кругу, демонстрирует стремительно меняющиеся тенденции античной моды – вытянутый рожок имеет подтреугольное завершение. Эта форма рожка, характерная,

например, для эфесских осветительных приборов, была более типична для светильников, изготовленных в форме. Несмотря на то, что полностью идентичные светильники нам неизвестны, круг аналогий можно очертить достаточно широко. Так, например, публикуемый экземпляр напоминает светильники афинской агоры типа 35A (Howland, 1958, pl. 43, 468). Сравнительно близкие светильники хранятся в коллекции Британского музея (Bailey, 1975, pl. 26, Q135) и в Стамбульском музее (Kassab Tezgör, Sezer, 1995, p. 99, No. 238). Похожие светильники происходят и из северо-восточного района Херсонеса (Журавлев, Золотарев, Кобзева, 2005, с. 134, табл. 5, 40–42). Стамбульский светильник относят к восточно-эгейской продукции. Д.Бейли относит близкий светильник из Tsamourli к I в. до н.э. (Bailey, 1975, p. 81–82), а авторы публикации стамбульской коллекции – ко второй половине II в. до н.э. (Kassab Tezgör, Sezer, 1995, p. 99). Точное место производства публикуемого светильника определить затруднительно, но, без сомнения, он был изготовлен в одном из центров Восточного Средиземноморья. Датировка определяется в пределах последней четверти II – первой четверти I вв. до н.э. (ср.: Howland, 1958, p. 109).

Кат. 10 (табл. 2, 10). Светильник имеет круглый углубленный щиток с маленьким отверстием для заливания масла, окруженный валиком. Тулово светильника в виде усеченного конуса, расширяется в нижней части, дно оформлено в виде вогнутого поддона. Длинный рожек светильника скруглен на конце и обрамлен двумя выступами, образующими в плане треугольник с закругленными углами. Вертикальная ручка светильника крепилась к стенке тулова на противоположной от рожка стороне. Глина ярко-оранжевая, без видимых примесей. Лак черный, блестящий, покрывающий всю наружную поверхность, у поддона его цвет местами меняется на бурый.

Размеры: высота – 3,4 см, диаметр – 5,25 см, длина – 8,6 см.

Сохранность: ручка утрачена. На поверхности потертости, оббит.

КП 649; А1–173. «Кабин. № 225».

Последняя четверть II – первая четверть I вв. до н.э.

Публикуется впервые.

Светильники типа кувшинчика

Это одна из наиболее распространенных групп светильников Северного Причерноморья эллинистического времени (об истории исследования этой категории осветительных приборов: Журавлев, 2010, с. 264–266). Такие светильники, в связи с простотой и экономичностью их конструкции, изготавливались во многих центрах античного мира. Светильники, представленные в собрании Ялтинского музея, могут быть условно разделены на две группы, находящие параллели в Ольвии и на Боспоре. Несмотря на то, что происхождение светильников из великокняжеского собрания покрыто мраком, мы позволим себе условно разделить их на «ольвийские» и «боспорские».

Ольвийские светильники типа кувшинчика

(Табл. 3; Кат. 11–15)

Первая группа этих светильников представлена уплощенными светильниками с округлым, более или менее устойчивым дном. К ней относятся четыре однорожковых (Кат. 12–15) и один двухрожковый (Кат. 16) светильники III–II вв. до н.э. Они изготовлены из оранжевой глины с примесью песка, белыми и темными включениями и блестками. На наружной поверхности некоторых из них частично или полностью сохранилась светлая обмазка. Подобный тип гончарных светильников определен О.Ф. Вальдгауером (Вальдгауер, 1914, с. 26, табл. VIII, 86) и Т.Н. Книпович (Книпович, 1940, с. 145; ср. также: Парович–Пешикан, 1974, с. 115) как ольвийский, существующий в III–II вв. до н.э. Т.Н.Книпович отнесла подобные светильники к 21 типу местной ольвийской керамики (Книпович, 1940, с. 144–145, табл. XXXIII, 1–2).

М.Парович–Пешикан описала наиболее ранние экземпляры данного типа (Парович–Пешикан, 1974, с.115). Они имеют небольшой, близкий к прямоугольнику рожок, с большим отверстием для фитиля. Такая особенность формы окончания рожка фиксируется у двух светильников публикуемой коллекции (Кат. 11–12). Носики других светильников округлые (Кат. 13) или слегка заостренные (Кат. 14).

Д.Бейли, рассматривая близкие светильники из собрания Британского музея, датировал их III в. до н.э. (Bailey, 1975, p. 75, Q121). Один из авторов статьи уже высказывал предположение о более поздней датировке этих светильников. В частности, близкий нашим Кат. 13–14 светильник происходит из п. 39 ольвийского некрополя (раскопки Б.В.Фармаковского, 1896 г.). Нет никаких сомнений, что комплекс погребения датируется концом II – первой четвертью I вв. до н.э. (Журавлев, Ломтадзе, 2007, с. 86–87, рис. 5, 1), что определяет и дату светильника. Двухрожковый светильник ольвийского типа (Кат. 15) также имеет аналогии из погребений ольвийского некрополя, в частности, из п. 35, датированного второй половиной II – первой половиной I вв. до н.э. (Журавлев, Ломтадзе, 2007, с. 84–86, рис. 4, 3).

В недавней публикации светильников из раскопа НГС в Ольвии специально отмечается, что диаметр отверстия для заливания масла является хронологическим признаком, и в позднеэллинистическое время прослеживается тенденция к его уменьшению (Nøtje, 2010, p. 433). Диаметр отверстия для заливания масла светильников ялтинского собрания составляет менее 50% диаметра тулова, что является поздним хронологическим признаком. Соответственно, датировка публикуемых ламп, вероятно, должна быть ограничена II в. до н.э.

Генезис ольвийских кувшинчиковых светильников, в отличие от боспорских (ср.: Журавлев, 2010, с. 266) пока еще не нашел отражения в литературе. Интересно отметить, что ольвийские гончарные светильники служили

прототипами для ряда лепных имитаций – они, в частности, обнаружены на ольвийском теменосе на раскопе АГД (Гаврилюк, 2006, с. 193, рис. 214, 5–6).

Кат. 11 (табл. 3, 11). Тулово светильника имеет округлую форму. Плечи светильника узкие, отверстие для заливания масла окружено невысоким венчиком. Рожок короткий, немного приподнят, имеет подпрямоугольную форму; широкое отверстие для фитиля. Дно светильника плоское. Вертикальная ручка (утрачена) была прикреплена к венчику и центральной части тулова. Глина красновато-оранжевая, с блестками, песком, также имеет редкие крупные включения. Поверхность покрыта плотной желтоватой обмазкой.

Размеры: высота – 4 см, диаметр – 7,3 см, длина – 10 см.

Сохранность: ручка утрачена, поверхность местами заизвесткована, имеет трещины и копоть на носике.

КП 679; А1–200.

Ольвия (?). II в. до н.э.

Публикуется впервые.

Кат. 12 (табл. 3, 12). Тулово светильника имеет округлую форму. Плечи светильника узкие, отверстие для заливания масла окружено невысоким венчиком. Рожок короткий, немного приподнят, имеет подпрямоугольную форму; широкое отверстие для фитиля. Дно светильника плоское. Вертикальная ручка (утрачена) была прикреплена к венчику и центральной части тулова. Глина оранжевая, с примесью серого песка, белыми включениями и блестками.

Размеры: высота – 4,3 см, диаметр – 7,65 см, длина – 9,65 см.

Сохранность: ручка отбита. Поверхность потерта, ее верхний слой отслаивается. Рожок оббит в древности и покрыт копотью.

КП 678; А1–199.

Ольвия (?). II в. до н.э.

Публикуется впервые.

Кат. 13 (табл. 3, 13). Тулово светильника имеет округлую форму. Плечи светильника узкие, отверстие для заливания масла было окружено невысоким венчиком (обломан). Рожок короткий, скруглен на конце; широкое отверстие для фитиля. Дно светильника плоское. Вертикальная ручка (утрачена) была прикреплена к венчику и центральной части тулова. Обжиг неравномерный, цвет глины переходит из оранжевого в желтый. Глина насыщена блестками, в ней заметны серые и крупные белые включения.

Размеры: высота – 3,2 см, диаметр – 6,85 см, длина – 8,95 см.

Сохранность: ручка, фрагменты тулова утрачены. На поверхности трещины, потери, сколы, на носике – копоть.

КП 715; А1–231.

Ольвия (?). II в. до н.э.

Публикуется впервые.

Кат. 14 (табл. 3, 14). Тулово светильника имеет форму, близкую биконической. Плечи светильника достаточно широкие, узкое отверстие для заливания масла окружено невысоким венчиком. Рожок короткий, имеет заостренное завершение; широкое отверстие

для фитиля. Дно светильника плоское, нижняя часть рожка находится в той же плоскости. Вертикальная ручка, высоко поднятая над туловом, верхним прилепом соединена с венчиком, нижним крепится в центральной части тулова. Глина ярко-оранжевая с серым песком, темными и белыми включениями и блестками. На поверхности сохранились следы зеленовато-желтой обмазки (?).

Размеры: высота – 3,65 см, диаметр – 7,05 см, длина – 9,05 см.

Сохранность: потертости, утраты, сколы.

КП 711; А1–227.

Ольвия (?). II в. до н.э.

Публикуется впервые.

Кат. 15 (табл. 3, 15). Тулово двухрожкового светильника имеет округлую форму, дно плоское. Плечи светильника узкие, отверстие для заливания масла окружено невысоким венчиком. С двух сторон сделаны немного приподнятые короткие рожки, скругленные на концах, с отверстием для фитиля овальной формы. Вертикальная ручка расположена между рожками, соединена с венчиком и крепится в центральной части тулова. Глина ярко-оранжевая с серым песком, темными включениями и блестками. На поверхности в некоторых местах сохранилась зеленовато-желтая обмазка (?).

Размеры: высота – 4,3 см, диаметр – 9,55 см, длина – 14,5 см.

Сохранность: поверхность потерта, заизвесткована, оббита. На рожках копоть.

КП 677; А1–198.

Ольвия (?). II в. до н.э.

Публикуется впервые.

Боспорские светильники типа кувшинчика

(Табл. 4; Кат. 16–17)

Эта категория светильников получила широкое освещение в литературе (Вальдгауер, 1914, с. 26; Кругликова, 1957, с. 134; Зеест, 1957, с. 156–157, рис. 7, 3; Максимова, 1979, с. 133; Арсеньева, 1988, с. 17; Забелина, 1992, с. 306). В недавнем каталоге собрания Керченского историко-культурного заповедника этой группе осветительных приборов был посвящен большой раздел (Журавлев, Быковская, Желтикова, 2010, с. 46–117; см. также: Журавлев, 2010, с. предшествующей литературой и историей исследования этого типа). Во избежание повторов отсылаем читателя к этим публикациям.

Первый светильник относится к варианту 3.1 боспорских кувшинчиковых светильников (Журавлев, Быковская, Желтикова, 2010, с. 52–76; Журавлев, 2010, с. 267–270) и датируется III – первой половиной II вв. до н.э.

Кат. 16 (табл. 4, 16). Тулово светильника имеет округлую форму. Плечи светильника узкие, очень широкое отверстие для заливания масла окружено невысоким венчиком. Рожок короткий, немного приподнят, скруглен на конце; широкое отверстие для заливания масла. Дно светильника плоское. Вертикальная ручка (утрачена) соединялась с вен-

чиком и крепилась в центральной части тулова. Глина красная с белыми включениями. На наружной поверхности светильника сохранилась розовая обмазка (?).

Размеры: высота – 3,8 см, диаметр – 7,95 см, длина – 10,1 см.

Сохранность: ручка утрачена. На поверхности сбой, сколы, следы копоты на рожке. КП 714; А1–230.

Боспор. III – первая половина II вв. до н.э.

Публикуется впервые.

Второй светильник относится к более позднему варианту 4.2 боспорских светильников типа кувшинчика (Журавлев, Быковская, Желтикова, 2010, с. 93–105; Журавлев, 2010, с. 270) и датируется II – I вв. до н.э.

Кат. 17 (табл. 4, 17). Тулово светильника близко по форме биконической. Плечи светильника узкие, отверстие для заливания масла окружено высоким венчиком. Рожок длинный, с округлым завершением, немного приподнят; очень широкое отверстие для заливания масла. Дно светильника плоское. Вертикальная ручка (утрачена) была прикреплена к венчику и центральной части тулова. Глина красно-оранжевая с блестками, песком и белыми мелкими вкраплениями.

Размеры: высота – 4,95 см, диаметр – 6,6 см, длина – 11,9 см.

Сохранность: следы копоты, потертости, выщерблины.

КП 675; А1–196.

Боспор. II – I вв. до н.э.

Публикуется впервые.

Книдский светильник Howland Type 40

Светильники книдского производства делались как на кругу, так и в форме (тип 50A–B), причем они были очень тесно связаны между собой как морфологически, так и по элементам декора (публикуемый ялтинский светильник – гончарный). Основная отличительная черта – прежде всего, форма рожка с серповидным завершением. Сами светильники имеют круглую форму, тулово биконическое, щиток небольшого диаметра. Дно выгнуто в центре. Ручки этих светильников вертикальные; они могут быть как гладкими, так и профилированными. Некоторые из ручек имитируют ручки металлических светильников и представляют собой как бы двойной обруч, перехваченный ободом. О.Бронир считал, что высококачественная глина и блестящее лаковое покрытие книдских светильников также свидетельствует в пользу того, что они были имитациями металлических изделий (Broneer, 1930, p. 24).

Говоря о хронологии книдских светильников, которая вызывала много дискуссий, отметим, что они существуют как минимум с конца III в. до н.э., а наибольшего распространения достигают во второй половине II в. до н.э. (Bailey, 1975, p.126–127; ср. также: Howland, 1958, p. 126; Коваленко, 1989, с. 127; Журавлев, Быковская, Желтикова, 2010, с. 17–18).

Основная масса книдских светильников происходит с территории юго-запада Малой Азии и прилегающей территории Эгейского бассейна (Bailey, 1975, pl. 46–71; Kassab Tezgör, Sezer, 1995, Nos. 241–259), в Греции их найдено не так много (Broneer, 1930, p. 53; Howland, 1958, p. 126). Находки книдских светильников в Северном Причерноморье сравнительно немногочисленны (Коваленко, 1989, с. 123–127; 406–407; Забелина, 1992, табл. V, 8; VI, 1; Журавлев, Быковская, Желтикова, 2010, с. 18–19, кат. 405–406).

Кат. 18 (табл. 4, 18). Гончарный светильник имеет биконическую форму тулова с вогнутым щитком, в центре которого маленькое отверстие для масла. Рожок короткий, носик имеет серповидное завершение. Ручка светильника двуствольная, с перевязью. Одним концом она прикреплена к широкой части резервуара, другим – к краю воронкообразного щитка. Широкие округлые плечи украшены выпуклыми налепами, оттиснутыми в форме: с двух сторон от рожка налепы круглые, далее – изображения «книдского листа». Дно светильника плоское. Глина серая с блестками и редкими белыми включениями. Лак черный, блестящий, графитного оттенка, покрывает всю верхнюю видимую часть светильника, заходя на стенки тулова и рожка с обратной стороны.

Размеры: длина – 11,3 см, диаметр резервуара – 7,75 см, высота с ручкой – 5,55 см, высота резервуара – 3,6 см.

Сохранность: часть рожка утрачена, поверхность местами заизвесткована, потерта, имеет мелкие сколы и царапины.

КП 640; А1 – 164.

Книд. Вторая половина II – начало I вв. до н.э.

Публикуется впервые.

СВЕТИЛЬНИКИ, ИЗГОТОВЛЕННЫЕ В ФОРМЕ

Появление изготовленных в разъемной форме светильников связано с производством и распространением в Средиземноморье рельефной эллинистической керамики⁶. Переход к этой технике позволил производить значительное количество стандартных и недорогих изделий массового спроса. Рельефные глиняные светильники часто имитировали металлические, причем копировались детали формы тулова и ручек, а также декора. Даже качество лакового покрытия должно было придавать изделию максимальное сходство с дорогим и престижным металлическим оригиналом.

Начало производства рельефных штампованных светильников с рельефными украшениями относится к концу III – первой половине II вв. до

⁶ На связь между производством рельефной керамики и светильников неоднократно указывалось в литературе (Howland, 1958, p. 129; Menzel, 1954, p. 6; Коваленко, 1989, с. 121). Использование одних и тех же мотивов, присутствие одних и тех же имен мастеров на «мегарских» чашах и светильниках позволяют предполагать, что они могли изготавливаться в одних мастерских.

н.э. (Broneer, 1930, p. 7–8; Menzel, 1954, S. 17; Baug, 1947, p. 2; Журавлев, Быковская, Желтикова, 2010, с. 20). Помимо быстроты производства и дешевизны рельефных светильников, их важным преимуществом была большая прочность по сравнению с круговыми лампами. Рожок светильника составлял теперь единое целое с туловом и значительно реже отбивался, а при утрате верхней половинки светильника оставалась возможность использования нижней (Howland, 1958, p. 129). Все это обусловило популярность этой техники изготовления рельефных светильников в течение двух столетий, а также позднее, в римское время.

Эллинистические импортные светильники.

Эфесские светильники Broneer mun XIX = Howland, mun 49A–B
(Кат. 19–22; табл. 4)

Обычно эфесские светильники изготовлены из серой глины с включениями мелких блесток. Иногда глина имеет красный или оранжево-красный цвет. Лак обычно бывает серого или черного цвета. Для эфесских светильников типична округлая форма; биконическое тулово имеет четко выраженное ребро между верхней и нижней половинками. Щиток светильника окружен изготовленным от руки венчиком; позднее его сменяет узкий рельефный пояс. Помимо отверстия для наливания масла, на щитке часто делались несколько (обычно три) отверстий, меньших по диаметру, расположенных вокруг центрального. Они служили для выхода воздуха во время заправки светильника маслом. Более ранние светильники имеют треугольное завершение рожка, более поздние – округлое. Ручки эфесских светильников вертикальные, петлевидные, часто с перетяжками; дно обычно оформлено в виде высокого поддона, вытянутого к рожку.

Массовые находки эфесских светильников известны как в Эфесе (Bailey, 1975, pl. 30–39; Meriç, 2002, Taf. 72–75; Giuliani, 2001, S. 45–49; 2005, S. 139–142), так и далеко за его пределами в Малой Азии (Schäfer, 1968, Taf. 68–72; Kassab Tezgör, Sezer, 1995, N. 291–336, 339–348; Barr, 1996, p. 191–193, fig. 27) и Греции (Broneer, 1930, p. 66–70; Howland, 1958, pl. 49; Scheibler, 1976, Taf. 88–92; Дрогов, 1992, п. 56–79; и др.). Производство эфесских светильников начинается около середины II в. до н.э. (Giuliani, 2005, S. 140), а наибольшую популярность они приобретают в последней четверти II – первой четверти I вв. до н.э.; производятся до последней четверти I в. до н.э. (Broneer, 1930, p. 70; Howland, 1958, p. 166).

С рубежа II–I вв. до н.э. и до конца I в. до н.э. это был наиболее популярный тип импортных ламп в Северном Причерноморье (Вальдгауер, 1914, табл. VIII, 92, 96; Зеест, 1957, рис. 7, 1; Парович–Пешикан, 1974, рис. 97, 3, 5, 6; Арсеньева, 1970, рис. 5, 1; 1988, с. 27–28, табл. IV; Корпусова, 1983, табл. XXV, 17; XXXIX, 12; Сон, Сорочан, 1988, рис. 1, 5; Кадеев, Сорочан, 1989, рис. 2, 2, 4;

Коваленко, 1989, с. 133–136; 407–409; Забелина, 1992, с. 307, табл. IV, 4, 5, 7; Chrzanowski, Zhuravlev, 1998, p. 47–48, N 12; Zaitsev, 2002, p. 55–56, fig. 8–9, Cat. N 1, 4, 9; Пуздровский, 2007, рис. 177, 1–3; Журавлев, Ломтадзе, 2007, рис. 2, 1; Журавлев, Быковская, Желтикова, 2010, с. 20–35; Nøjte, 2010, p. 435, pl. 325, O–92; 326, O–93; O–94; O–95; и др.).

Кат. 19 (табл. 4, 19). Светильник на плоском дне, с округлым биконической формы туловом и удлинённым рожком. Щиток светильника выполнен в виде круглой площадки с тремя сквозными отверстиями вокруг центрального для заливания масла; окаймлен высоким заостренным валиком (треугольным в сечении). Рожок с большим отверстием для фитиля имеет заостренное треугольное окончание, сверху рожок уплощен, на нем оттиснут рельефный лист. Над туловом возвышается вертикальная кольцообразная ручка с двумя желобками. Плечики светильника украшены рельефным орнаментом – узкими заостренными листьями. Глина серого оттенка с мелкими известковыми (?) включениями и мелкими блестками слюды. Лак черный, графитного оттенка.

Размеры: длина – 12,5 см, диаметр тулова – 6,05 см, высота с ручкой – 4,25 см, высота – 2,9 см.

КП 641; А1 – 165

Последняя четверть II – первая половина I вв. до н.э.

Публикуется впервые.

Кат. 20 (табл. 4, 20). Тулово светильника имеет форму, близкую округлой. Щиток светильника был выполнен в виде круглой площадки, которую окаймляет высокий заостренный валик (треугольный в сечении). На щитке, несмотря на сильные утраты, видны отверстия, располагавшиеся вокруг центрального. Над туловом возвышается вертикальная кольцообразная ручка с двумя желобками. Вытянутый рожок имеет подтреугольное завершение, заостренный край и большое округлое отверстие для фитиля. Плечики светильника украшены рельефным орнаментом – точечными розетками; такая же розетка присутствует и на рожке. Глина серая с мелкими белыми включениями. Лак графитного оттенка.

Размеры: длина – 11,6 см, диаметр – 5,6 см, высота – 2,8 см.

Сохранность: светильник склеен из 4 частей, дно, большая часть тулова утрачены. Потертости, сколы.

Последняя четверть II в. до н.э. – первая половина I в. до н.э.

НВ 13415.

Публикуется впервые.

Кат. 21 (табл. 4, 21). Светильник округлой формы на слегка вогнутом дне, оформленном валиком. Рожок удлинённый, с большим округлым отверстием для фитиля. В центре тулова находилось отверстие для масла. Округлые плечики украшены корзиной из листьев аканфа. На тулове с двух сторон имеются выступы – ручки, расположенные напротив друг друга. Глина серая с мелкими редкими белыми включениями. Лак черный матовый, графитного оттенка покрывал всю поверхность светильника, за исключением дна.

Размеры: длина – 10,1 см, восстанавливаемый диаметр тулова – 6 см, высота – 3,3 см.

Сохранность: светильник склеен из семи фрагментов.

КП 77783; А1 – 2355.

Целый ряд стилистически близких ламп эфесского или пергамского (?) производства представлен в коллекции Стамбульского археологического музея (Kassab Tezör, Sezer, 1995, p. 132–134, Nos. 332–334, 336–338). Публикуемый светильник может быть предположительно отнесен к продукции эфесских мастерских. Последняя четверть II – первая половина I вв. до н.э.

Публикуется впервые.

Кат. 22 (табл. 4, 22). Светильник имеет приземистое биконическое тулово на плоском дне, вытянутый длинный рожок, расширяющийся к широкому круглому отверстию для масла. Светильник по бокам снабжен псевдоручками в виде ушек – прилепов прямоугольной формы. Вогнутый щиток отделен от плеч низким валиком. Отверстие для наливания масла также окружено невысоким валиком. Плечики украшены рельефным орнаментом: овами с выпуклыми серединками в обрамлении пояса из астрагалов. Ручка вертикальная, пластинчатая в виде кольца; верхним прилепом крепится к валику, обрамляющему щиток, нижним – к ребру на тулове. Глина светло-оранжевая, неравномерного обжига, без видимых включений. Покрытие отсутствует.

Размеры: высота резервуара – 3,25 см, высота с ручкой – 5,7 см, длина – 13,6 см, диаметр резервуара – 8,3 см.

Сохранность: часть одной боковой ручки сколота. На поверхности потертости, царапины, местами заизвесткован. Рельеф четкий.

КП 646; А1 – 170.

Эфес. Конец II – первая половина I вв. до н.э. Этот светильник был ошибочно датирован С.Д. Крыжицким I–II вв. н.э. (Крыжицкий, 2004, с. 29). Публикуемый светильник близок экземпляру из некрополя Ольвии, отнесенному к концу II – середине I вв. до н.э. (Журавлев, Ломтадзе, 2007, с. 80, 81, рис. 2, 1), а также лампе Q474 из коллекции Британского музея (Bailey, 1975, pl. 89).

Литература: Крыжицкий, 2004, рис. на с. 29.

Боспорские эллинистические и римские светильники (Табл. 5; Кат. 23–28)

В собрании Ялтинского музея хранится пять светильников, которые вне всякого сомнения являются продукцией боспорских мастерских. Все они относятся к широко распространенным типам, в изобилии представленным находками в Пантикапее и на других боспорских памятниках. В связи с недавней публикацией классификации боспорских светильников (Журавлев, Быковская, Желтикова, 2010) мы опускаем подробную характеристику каждого типа, ограничившись ссылками на указанную работу. В ней же представлены подробная история исследования боспорских светильников и основные аналогии.

Многорожковые светильники

Журавлев, Быковская, Желтикова, 2010, тип 4

Этот тип светильников представляет собой имитацию металлических прототипов⁷ и широко распространен на боспорских памятниках (Вальдгауер, 1914, № 57, 62, 63; Гайдукевич, 1959, с. 82, рис. 93; Забелина, 1992, с. 322–323; табл. VII, 5; Малышев, 1993, рис. 2е; Журавлев, 2001а, табл. 1, 1–2; Журавлев, Быковская, Желтикова, 2010, с. 141–148, № 667–680; и др.). Общая датировка этого типа – вторая половина I в. до н.э. – начало I в. н.э.

Кат. 23 (табл. 5, 23). Тулово светильника имеет биконическую форму. Дно на низком кольцевом поддоне D-образной (подтреугольной со скругленным верхним углом) формы. В центре вогнутого щитка, окруженного низким валиком, – отверстие для заливания масла. Рожки, расположенные практически под прямым углом друг к другу, вытянуты, немного приподняты, имеют подтреугольные окончания (обломаны). Верхняя часть рожков и прилегающая часть тулова декорирована двумя листьями–волютами. На верхней поверхности рожков, между волютами, расположены рельефные побеги. Вертикальная ручка утрачена. Глина серая с редкими включениями известняка мелкого и крупного размера.

Размеры: длина – 7,75 см, ширина – 8 см, высота – 2,7 см.

Сохранность: ручка утрачена, концы рожков отбиты, поверхность заизвесткована, потерта, имеются сколы.

КП 645, А1 – 169.

Боспор. Вторая половина I в. до н.э. – начало I в. н.э.

Публикуется впервые.

Вероятно, к тому же типу относится фрагмент красноглиняного светильника с двумя рожками. Как известно, цвет изделия зависел, главным образом, от характера обжига (окислительного или восстановительного). На Азиатском Боспоре зафиксированы находки многорожковых светильников, сделанных из «красной глины» (Zhuravlev, 2007, p. 213, fig. 4). Отметим также находку аналогичного светильника в Ольвии (Højte, 2010, pl. 326, O–103).

Кат. 24 (табл. 5, 24). То же, что Кат. 23. Сохранилось два удлинённых рожка, слегка расширяющихся к окончаниям. Отверстие для масла находилось в центральной части щитка, обрамленного двумя желобками. По рожкам проведены желобки к отверстиям для фитилей, вероятно, имитирующие подобные каналы на итальянских изделиях. Круглое дно оформлено валиками. Глина бледно-оранжевая с серыми и белыми мелкими включениями.

Размеры: 15,5 x 8,2 x 3,6 см.

Сохранность: значительные утраты, на поверхности копоть, потертости, сколы, трещинки.

КП 77771; А1 – 2343

Боспор (?). Конец I в. до н.э. – начало I в. н.э.

Публикуется впервые.

⁷ О прототипах см. подробнее: Журавлев, Быковская, Желтикова, 2010, с. 141–142.

Трехрожковый светильник. Журавлев, Быковская, Желтикова, тип 8

Все трехрожковые светильники этого типа были изготовлены в формах и впоследствии дорабатывались вручную. Отверстие для заливания масла сделано только одно, остальные лишь намечены. Места предполагаемых отверстий украшены розетками. Между рожками сделаны круглые вдавления, иногда украшенные в центре рельефными листовидными выпуклостями (В.С.Забелина называла их «светлячками»), – на публикуемом светильнике они отсутствуют. Это наиболее широко распространенный тип среди многорожковых ламп Боспора (Журавлев, 2001а, табл. 2; Журавлев, Быковская, Желтикова, 2010, с. 151–156, № 684–694). Датировка таких светильников – в пределах второй половины I в. до н.э. – начала I в. н.э., хотя, возможно, они существовали и позднее, в I в. н.э.

Кат. 25 (табл. 5, 25). Тулово светильника вытянуто, верхняя поверхность уплощена. Три коротких рожка расположены по одной вытянутой стороне, немного приподняты; их окончания скруглены. В центре тулова, в неглубоком воронковидном углублении, находится маленькое отверстие для масла, с двух сторон от которого тулово украшено восьмилепестковыми розетками. Сторцевых сторон светильник имеет своеобразные ручки – выступы. С двух сторон от отверстия для масла помещены рельефные восьмилепестковые розетки. Уплощенное дно оформлено тремя выделенными кольцевыми валиками. Глина серая с белыми мелкими вкраплениями.

Размеры: длина – 5,4 см; ширина – 9,5 см; высота – 2,9 см.

Сохранность: ручка утрачена, сколы, потертости.

КП 644; А1–168.

Боспор. Вторая половина I в. до н.э. – начало I в. н.э.

Публикуется впервые.

Светильник. Журавлев, Быковская, Желтикова тип 12

Это широко распространенный тип боспорских светильников, ведущий свое происхождение от светильников типа 2. Впоследствии светильники этой формы сильно упростились и послужили прототипом для целого ряда других ламп боспорского производства. Большинство аналогий из городищ и некрополей Боспора укладывается в последнюю четверть I в. до н.э. – I в. н.э. Подробно об этом типе боспорских светильников см. (Журавлев, Быковская, Желтикова, 2010, с. 173–175 (с предшествующей литературой)).

Кат. 26 (табл. 5, 26). Светильник с биконическим туловом, на кольцевом поддоне миндалевидной формы. Узкое отверстие для заливания масла находится в центре вогнутого щитка, отделенного от плечиков невысоким валиком. Плечики у верхнего края украшены двойными овами. Верхняя часть вытянутого рожка и прилегающая часть тулова декорированы трехлепестковой пальметтой с двумя маленькими листьями между ними. Рожок немного приподнят, носик скруглен; у основания отверстия для фитиля – два подтреугольных выступа, образованных окончаниями листьев пальметт. Ручка вертикальная,

петлевидная, двуствольная; с двух сторон у ее основания – налепы круглой формы. Глина оранжево–красная с известковыми включениями, блестками, на поверхности имеет серый оттенок. Обжиг неравномерный, в некоторых местах черепок серого закала.

Сохранность: один стержень двуствольной ручки утрачен. На поверхности потерто-сти, сколы, трещины.

Размеры: длина – 12,6 см, высота тулова – 3,7 см, высота с ручкой – 6,75 см.

КП 642; А1 –166.

Боспор. Последняя четверть I в. до н.э. – I в.н.э.

Публикуется впервые.

Светильник. Журавлев, Быковская, Желтикова тип 14.1

К этому варианту относятся светильники с валиком вокруг отверстия для заливания масла, орнаментированным в виде жгута, и с треугольными выступами у рожка. Аналогичные светильники известны из Пантикапея, Нимфея, Тиритаки и других боспорских памятников (Журавлев, Быковская, Желтикова, 2010, с. 188–191, № 754–762). Наиболее близкий публикуемому экземпляр найден в районе Нимфея и хранится в Керченском историко–культурном заповеднике (Журавлев, Быковская, Желтикова, 2010, с. 190, № 759). Отметим, что ялтинский светильник мог быть изготовлен в сработанной форме – рожок не имеет четких выступов треугольной формы, а валик–«жгут», расположенный вокруг отверстия для заливания масла, плохо проработан. Дата этих светильников – II–III вв. н.э.

Кат. 27 (табл. 5, 27). Светильник биконической формы, на уплощенном миндалевидном дне. Вокруг заливного отверстия – воронковидное углубление с венчиком в виде перевитого жгута. Рожок вытянут, приподнят. У фитильного отверстия – два подтреугольных выступа, образованные окончаниями листьев. На верхней части рожка и прилегающей части тулова – стилизованная трехлепестковая пальметта с приподнятым окончанием центрального листа. Сохранились корни вертикальной ручки. Глина серая с многочисленными мелкими белыми включениями и блестками. Светильник оттиснут неаккуратно в двух забитых формах.

Размеры: длина – 11,5 см, диаметр – 6,9 см, высота – 4,25 см.

Сохранность: двуствольная ручка утрачена, сколы, потертости на поверхности, местами заизвесткован.

КП 673; А1 – 194.

Боспор. II–III вв. н.э.

Публикуется впервые.

Светильник. Журавлев, Быковская, Желтикова тип 28 *= Арсеньева тип 2*

Аналогичные светильники происходят в основном из слоев III в. н.э. (Журавлев, Быковская, Желтикова, 2010, с. 257), лишь светильник из Мирмекия датирован В.Ф.Гайдукевичем II в. н.э. (Гайдукевич, 1952, с. 159, рис. 42, 2).

Ближний светильник из Танаиса (Арсеньева, 1988, с. 32, табл. XVIII, 1) происходит из случайных находок.

Кат. 28 (табл. 5, 28). Светильник с туловом биконической формы, на плоском миндалевидном дне. Отверстие для заливания масла, окруженное невысоким валиком, находится в центре узкого углубленного щитка, обрамленного, в свою очередь, валиком. Рожок немного вытянут, приподнят над туловом. По обеим сторонам на плечиках светильника на уровне верхнего корня ручки — две рельефные круглые выпуклости. Глина серая с белыми мелкими включениями. Лак черный, жидкий, графитного оттенка покрывал всю поверхность.

Размеры: длина — 9,5 см, максимальный диаметр тулова — 5,6 см, высота — 3,35 см.

Сохранность: ручка утрачена, следы догипсовки ручки, сколы и потертости на поверхности.

КП 674; А1 — 195.

Боспор. III в. н.э.

Публикуется впервые.

Провинциально-римские светильники

Firmalampen

(Табл. 6; Кат. 29–30)

К этой разновидности провинциально-римских светильников отнесены два экземпляра, имеющие на донце рельефные сигнатуры с именем владельца мастерской. Немецкий термин «*Firmalampen*»⁸ определяет большую группу глиняных светильников римского времени, разделенную, в свою очередь, на многочисленные типы и подтипы (см. например: Deringer, 1965, S. 19 ff.; Buchi, 1975, pp. XXIII — XXVIII; Panazza 1984, p. 56–58). Форма светильников очень характерна — круглая, с узкими плечиками и щитком, окруженным высоким валиком; ручка отсутствует. Длинный рожок этих светильников скруглен на конце и имеет канал различной ширины⁹. За редким исключением, декор на щитках отсутствует. Наиболее характерная черта, из-за которой они и получили свое наименование — клеймо с маркой изготовителя, которое обычно располагается в центре дна.

Исследователи продолжают дискуссию о хронологии *Firmalampen*. Обычно время их возникновения относят к периоду с конца I в. до н.э. до третьей четверти I в. н.э.¹⁰ Можно утверждать, что наибольшее распространение *Firmalampen* приходится на эпоху Флавиев — II в. н.э.

⁸ Несмотря на то, что термин «*Firmalampe*» сегодня является наиболее распространенным, в некоторых изданиях используются и другие термины, например, «*Factory Lamps*».

⁹ Этот канал был сделан для предохранения от утрат масла. Эксперименты, проведенные со светильниками этого типа, показали, что в некоторых случаях в этот канал мог помещаться фитиль. См. Wunderlich 2003, 45–50, fig. 10–11.

¹⁰ Интересно отметить, что с семидесятых годов XX в. среди археологов прослеживается

Важно отметить, что эти светильники всегда четко фиксируют степень романизации региона и чаще всего встречаются в местах дислокации римских войск или неподалеку от них. Было бы заманчиво предположить, что два публикуемых светильника из бывшей великокняжеской коллекции были найдены при раскопках Харакса, но, к сожалению, какие-либо паспортные данные на них отсутствуют. В Северном Причерноморье были найдены лишь несколько *Firmalampen*, и то исключительно в местах, где сильнее всего чувствовалось влияние Римской империи: в Херсонесе, Ольвии, Тире (Вальдгауер, 1914, № 461 — 463; Сон, Сорочан, 1988, с. 123–124, рис. 3, 3; Кадеев, Сорочан, 1989, с. 38–39, рис. 20, 2; Левина, 1992, с. 57, № 108, табл. 6, 45–46; Зубарь, 1993, с. 54, рис. 22, 1; Журавлев, Хршановски, 1997, 288–291; 2003, с. 79–83, рис. 4; Chrzanowski, Zhuravlev, 1998, p. 71–77, N 28–31). Два светильника этой группы были найдены на «Юге России» и хранятся в Государственном Эрмитаже (Вальдгауер, 1914, № 555, 556). Еще один светильник неизвестного происхождения хранится в Одесском археологическом музее (Левина, 1992, с. 57, № 109, рис. 18). Насколько нам известно, находки *Firmalampen* на территории Боспорского царства пока не зафиксированы. Скорее всего, большинство экземпляров, попавших в Северное Причерноморье, были изготовлены в римских провинциях как копии итальянских оригиналов. Как правило, такие светильники имеют худшее качество, часто сделаны без клейма, или даже с клеймом, представляющим собой просто беспорядочный набор букв, лишенный смысла (см. например: Subic, 1976, pl. 6–9).

К сожалению, клеймо на одном светильнике (Кат. 29) не поддается прочтению. Сигнатура другого светильника хорошо различима – OCTAVI. Оба светильника существенно различаются как цветом глиняного теста, так и лакового покрытия, что может косвенно говорить о различных производственных центрах, из которых они происходят.

Кат. 29 (табл. 6, 29). Светильник круглой формы, тулово имеет цилиндрические стенки; дно плоское. Плечи узкие, плоский щиток окружен валиком. Рожок скруглен на конце, соединяется с щитком узким каналом, окруженным валиком. Штамп – однострочный (не поддается прочтению). Глина мелкозернистая, светло-желтая, без видимых примесей. Лак светло-коричневый, местами бурый.

Размеры: высота – 3,05 см, длина – 8,55 см, диаметр резервуара – 5,95 см.

тенденция датировать эти светильники более ранним, чем прежде, временем. Так, например, Е.Буки предложил датировать первые *Firmalampen* началом I в. н.э., тогда как со времен З.Лешке считалось, что они начали производиться со времени правления Веспасиана. Основная проблема в классификации и хронологии данного типа светильников состоит в том, что огромное количество этих светильников были изготовлены за пределами Италии, в провинциях, и лишь имитировали итальянские оригиналы. При этом в III в.н.э. продолжали воспроизводиться и более ранние типы (см. Журавлев, Хршановски, 2003, с. 80, 87, сноска 61).

Сохранность: часть резервуара утрачена, трещинки, мелкие сколы, потертости на поверхности.

КП 652; А1 – 176.

Конец I–II вв. н.э.

Литература: Турова, 2004, с. 29, прим. 7; рис. 2, 2.

Кат. 30 (табл. 6, 30). Светильник круглой формы, тулово имеет цилиндрические стенки; дно плоское. Плечи узкие, плоский щиток (выломан) окружен валиком. Рожок скруглен на конце, соединяется с щитком узким каналом, окруженным валиком. На дне сохранился однострочный штамп ОСТАVI. Глина оранжевая, с блестками. Лак красный, матовый.

Размеры: высота – 3,2 см, длина – 9,05 см, диаметр – 6,15 см. Размеры клейма: длина – 2,5 см, ширина – 0,5 см.

Сохранность: склеен с помощью гипса из трех фрагментов. Верхняя часть тулова утрачена. Потертости, сколы на поверхности.

КП 672; А1 – 193.

Конец I–II вв. Этот светильник имеет марку одного из крупнейших производителей *Firmalampen*. Находки светильников с этим клеймом хорошо известны в римских провинциях, например, в Дакии (Alicu, 2006, S. 26, 130–131, Nr. 545–550; S. 183–184, Nr. 1173–1174; S. 189, Nr. 1248; Roman, 2006, p. 108, N 80, pl. 9, 14; p. 134–135, N 160–162, pl. 14, 22). Ряд подобных светильников происходит с территории Болгарии (Кузманов, 1992, с. 100, № 223; с. 106, № 245; и др.) или Сербии (Zotović, Jordović, 1990, T. CI, 6; CXLII, 2; CLXV, 1; CXCV, 5). Наиболее вероятно, что перед нами не итальянский светильник, а его провинциальная копия, например, из Паннонии (Ср. например: Iványi, 1935, Taf. XCIII, 93–100; XCIV, 1–45).

Литература: Турова, 2004, с. 29, прим. 8; рис. 2, 3.

Светильник квадратной формы с латинскими сигнатурами (Табл. 7; Кат. 31)

Этот светильник – один из наиболее интересных в коллекции Ялтинского историко-литературного музея. На плечах светильника сохранилась врезная сигнатура (по сырой глине) KSERGI. Еще одна надпись находится на дне: KSER. Наиболее близок ему по форме анэпиграфный светильник из собрания Британского музея (происходит из Пуцеол) (Bailey, 1980, p. 242–243, pl. 41, Q1107; здесь же см. список аналогий из других музеев), а также светильник с греческой сигнатурой СГ из Народного музея в Варшаве (Bernhard, 1955, p. 310, Tabl. LXII, 256). Из Эфеса происходит близкий по форме светильник, но его рожок обрамлен волютами (Bailey, 1988, p. 374, pl. 99, Q3023); аналогия ему известна и из Самарии (Crowfoot, 1957, fig. 88, 12). Из Херсонеса также происходит светильник четырехугольной формы, но отличающийся от нашего целым рядом деталей (Кадеев, Сорочан, 1989, с. 38, рис. 20, 4). Аналогии же сигнатуре остались нам неизвестны. Аналогичные светильники датируются в пределах последней трети I в. н.э. Вероятно, тем же временем может быть датирован и ялтинский светильник.

Кат. 31 (табл. 7,31). Светильник квадратной формы; стенки тулова слабо расширяются кверху, дно плоское, массивный прямоугольный рожок. На верхней поверхности тулова светильника по сырой глине прочерчены двоянные линии, образующие квадрат, в середине которого расположен щиток, окруженный двумя кольцевыми бороздками, с маленьким отверстием в центре. Из внутренних углов квадрата прочерчены биссектрисы, доходящие до кольцевых бороздок, окружающих щиток. Небольшое отверстие для выхода воздуха сделано между отверстием для масла и внутренним краем стороны квадрата, напротив рожка. С противоположной стороны, на верхней поверхности светильника, между краем тулова и одной из сторон квадрата, по сырой глине нанесена надпись: KSERGI.... Еще одна надпись KSER находится на дне светильника. Глина светло-оранжевая, желтого оттенка, с блестками. Лак жидкий, красно-оранжевый.

Размеры: высота – 2,6 см; ширина – 6,8 см; длина – 9,75 см.

Сохранность: потертости, царапины, мелкие сколы. На рожке – следы копоти, его кончик утрачен.

КП 681; А1 – 202.

Последняя треть I в. н.э.

Публикуется впервые.

РИМСКИЕ СВЕТИЛЬНИКИ С ВОЛЮТАМИ (Табл. 8; Кат. 32–35)

Светильники с волютами получили широкое распространение в Италии и отсюда распространились по всем римским провинциям. Известно несколько основных форм декора рожков и огромное число изображений на щитках, иконографии которых посвящена огромная литература. В Ялтинском историко-литературном музее хранятся три светильника с волютами и один фрагмент, который можно достоверно отнести к этой группе.

Светильник Bailey Type D, группа II = Broneer Type XXI

Большую группу светильников итальянского производства составляли светильники с ручкой, выполненной с треугольным налетом. Подобная иконография хорошо известна: миртовые венки часто использовались как декор щитка светильников, в том числе на лампах с ручкой типа D (Bailey, 1980, Q1007, Q1010 и др.). Об иконографии миртовых венков на щитках светильников в целом см.: (Bailey, 1980, p. 88, fig. 101, Q867, Q925; Bailey, 1988, p. 90, fig. 114; см. также: Ponsich, 1961, pl. V, 42; XXII, 298). Изображение цветка аканфа на треугольных ручках также характерно для итальянских светильников I в. н.э. (см. например: Bailey, 1980, pl. 28, Q1005; pl. 29, Q1010; pl. 30, Q1020 и др.), так и для провинциально-римских экземпляров из различных центров производства (см. например: Вальдгауер, 1914, табл. XXIII, 228; Bernhard, 1955, tabl. LIV; LV; LVII; Deneauve, 1969, pl. LVIII; Szentlélek, 1969, p. 62–63, N 60, 61 etc.; Oziol, 1977, pl. 28–29; Bailey, 1988, Q1944; Q2443; Q2444; Q2448;

Q3014; Q3016; Bussière, 2000, pl. 27; и т.д.). Похожее изображение представлено и на одном светильнике из Тиры (Сон, Сорочан, 1988, рис. 2, 2). Особенностью ялтинского светильника является зигзагообразная линия, идущая по краю треугольного налепа на ручку. Датировка оригинальных итальянских светильников подобного облика укладывается во вторую–третью четверти I в. н.э. (Bailey, 1980, p. 206, 208).

Кат. 32 (табл. 8, 32). Светильник имеет круглый резервуар с вогнутым щитком, украшенным рельефным миртовым венком с перевязью. Щиток обрамлен тремя вдавленными желобками, а в центре он имеет сквозное отверстие для масла (диаметр 0,75 см). Рожок удлинённой формы с скругленным окончанием и большим отверстием для фитиля (диаметром 1,5 см). Рожок отделен от резервуара двумя боковыми выступами и украшен на внешней поверхности волютами. На противоположной стороне от рожка возвышается ручка в виде треугольника с рельефным зигзагообразным орнаментом по краю и семилепестковой пальметтой в виде цветка аканфа в центре. Рельеф высокий. Глина оранжевая с мелкими белыми включениями. Лак жидкий, красно-бурый, покрывает верхнюю поверхность светильника, слегка заходит на нижнюю часть стенок.

Размеры: высота резервуара – 3,65 см, высота с ручкой – 7 см, диаметр тулова – 7,1 см

Сохранность: ручка подклеена, сколы, потертости и выщерблины на поверхности.

КП 837; А1 – 353. «Кабин. № 297».

Вторая – третья четверти I в. н.э. В свое время светильник был датирован С.Д.Крыжицким I–II вв. н.э. (Крыжицкий, 2004, с. 29).

Литература: Крыжицкий, 2004, рис. на с. 29.

Светильники с волютами Bailey Type C

Два других светильника с волютами и полуволютами – характерные образцы провинциально-римской продукции. У Кат. 33 волюты плохо выделены, а у Кат. 34 вообще являются лишь декоративным мотивом. Светильники с волютами изготавливались как без ручек, так и с ручками; их датировка в целом ограничивается I в. н.э., хотя отдельные экземпляры со следами отчетливой стилизации доживают до II в. н.э.

Кат. 33 (табл. 8, 33). Светильник без ручки, с округлым туловом и удлинённым рожком. Щиток светильника широкий, вогнутый, обрамлен невысоким валиком и кольцевой бороздкой. Всю поверхность щитка занимает изображение двенадцатилепестковой розетты, в центре которой имеется небольшое отверстие для масла (диаметр – 0,6 см). Рожок, с двух сторон обрамленный стилизованными волютами, примыкает к тулову, фланкируя его двумя сглаженными выступами по сторонам. Глина желто-красного цвета с большим количеством мелких блесков. Лак жидкий, красный, покрывал всю поверхность светильника.

Размеры: высота – 2,5 см, диаметр тулова – 6 см.

Сохранность: поверхность сильно потерта, имеет трещины, сколы.

КП 671, А1 – 192.

Розетты – один из наиболее типичных мотивов украшения щитков. Изначально они появляются на итальянских светильниках (Bailey, 1980, fig. 100) и затем широко распространяются в провинциях Империи. Подобные розетты известны, например, на квидских светильниках, но более раннего типа, с хорошо выраженными волютами (Heres, 1972, Taf. 23, 183; Bailey, 1988, pl. 74, Q2665; Q2666; и многие другие светильники из различных собраний). Датировка нашего светильника: вторая половина I – начало/первая четверть II вв. н.э.

Публикуется впервые.

Кат. 34 (табл. 8, 34). Светильник на плоском дне, округлой формы с небольшим выступающим рожком. Петлеобразная ручка с желобком прикреплена на плечиках светильника. Щиток светильника вогнут, обрамлен низким валиком; в центре – маленькое отверстие для масла. Плечи орнаментированы пояском из ов. Короткий рожок с большим отверстием для фитиля на верхней поверхности украшен стилизованными волютами. Глина светильника на поверхности оранжево–желтая, без видимых включений. Лак буро–черный, тусклый, покрывает неравномерно и неаккуратно верхнюю поверхность светильника, заходя местами и на его нижнюю часть.

Размеры: высота тулова – 3,6 см, высота с ручкой – 5,7 см, длина – 12,7 см, диаметр – 7,9 см.

Сохранность: потертости, сколы на поверхности.

КП 647; А1 – 171.

Конец I – первая половина II вв. н.э.

Публикуется впервые.

Кат. 35 (табл. 8, 35). Фрагмент рожка светильника со стилизованными волютами. Глина желто–оранжевая, черепок на наружной поверхности вокруг отверстия для фитиля серого оттенка. В тесте заметны многочисленные блески. Лак красно–бурого оттенка.

Размеры: 3,9 x 1,7 см.

Сохранность: поверхность сильно потерта. Лак почти полностью утрачен.

КП 77773; А1 – 2345.

Судя по сохранившемуся фрагменту рожка, светильник относится к позднему типу светильников с волютами. Рожок был небольшой. Конец I – первая половина II вв. н.э.

Публикуется впервые.

Фигурный светильник в виде ступни ноги в сандалии Bailey Type L

(Табл. 9; Кат. 36)

Фигурный краснолаковый светильник в виде ступни ноги, обутой в сандалию. Светильник двурожковый, имеет два расположенных рядом отверстия для наливания масла. Светильник дополняет высоко поднятая ручка в форме листа плюща (?), в центре которого помещена маска Диониса (?).

Светильники в форме ноги в сандалии хорошо известны среди итальянских и провинциально–римских изделий и весьма разнообразны (Вальдгауер, 1914, табл. XLVIII, 504; Grandjouan, 1961, pl. 24, 922; Bailey, 1980, p. 254–258, pl. 46, Q1136, Q1137, Q1138; Bussière, 2000, pl. 150, 7220; и др.). Очевидно, прототипами таких глиняных светильников являются металлические

оригиналы (см. например: Кузманов, 1992, с. 149, № 436; Bailey, 1996, pl. 17, Q3587, Q3588, Q3589). Отдельный интерес представляет изображение на ручке (вероятно, Дионис или один из персонажей дионисийского культа), точные аналогии которому нам неизвестны. Местом производства светильника можно считать одну из восточных провинций Римской империи. Датировка светильника – II в. н.э.

Кат. 36 (табл. 9, 36). Светильник двухрожковый; с двумя отверстиями для наливания масла, расположенными рядом. Имеет высоко расположенную и отогнутую назад ручку в форме листка плюща, в центре которого помещена маска Диониса. Маска, оттиснутая в форме, выполнена в высоком рельефе. Лицо повернуто в три четверти, увенчано головным убором (фригийский колпак?), из-под которого выбиваются волосы с листьями плюща, а над лбом – повязка с шишками пинии. Завязки сандалий, проходящие между пальцами на перекрестье, украшены листиком плюща. Дно светильника плоское. Глина оранжевая с многочисленными блестками, светлыми и серыми редкими включениями на поверхности. Лак красно-оранжевый.

Размеры: высота – 10,7 см; длина – 19 см; ширина – 7,8 см.

Сохранность: светильник склеен из 8 фрагментов, имеет следы реставрации начала XX в. (догипсован, тонирован). Имеются утраты, на поверхности – сколы, потертости.

КП 722; А1 – 238.

II в. н. э. Малая Азия (?).

Публикуется впервые.

Римские светильники Loeschke Type VIII

(Табл. 10–13)

Наибольшее распространение в Северном Причерноморье получили светильники типа *Loeschke Type VIII*, традиционно именуемые в отечественной литературе светильниками «римского» типа. Это самая многочисленная группа ялтинских светильников датируется в целом первыми веками н.э. Они имеют округлую форму с возвышающейся ручкой–петелькой и небольшим носиком для фитиля. Центральную часть у них занимает округлый плоский или вогнутый щиток с отверстием для масла. Плечики и щитки обычно украшены рельефными изображениями, хотя встречаются светильники и с гладкими щитками.

Подобные осветительные приборы являются типичными ремесленными изделиями среднего и низкого качества. При определении центров их производства следует учитывать, что условия обжига настолько изменяют внешний характер изделия, что цвет глиняного теста или же лакового покрытия как определяющие признаки зачастую теряют самостоятельное значение. В то же время техника изготовления подобных светильников путем оттиска с форм позволяла широко пользоваться готовыми образцами.

Многие из этих светильников относятся к так называемому «северо-причерноморскому варианту римского типа» (см. например: Сон, Сорочан, 1988, с. 125–126). В публикуемом каталоге мы не ставили перед собой задачу определения центров производства каждого из светильников, за исключением очевидных. Для точного определения центров производства необходимо проведение дорогостоящих археометрических исследований, которыми авторы по объективным причинам пока не располагают. Большинство светильников, хранящихся в Ялтинском историко-литературном музее, имеют близкие или полные аналогии в материале как Средиземноморья, так и Причерноморья. Вне всякого сомнения, большая их часть происходит из северо-причерноморских мастерских.

Светильники типа Loeschke VIII с сердцевидным рожком

Кат. 37 (табл. 10, 37). Светильник круглой формы с выступающим сердцевидным рожком. Петельчатая ручка пластинчатая, профилирована широкой неглубокой ложбинкой. Дно плоское выделено врезной не замкнутой окружностью. Щиток – вогнутый, с рельефным изображением головы Медузы Горгоны. Щиток отделен от гладких маленьких покатых плечиков двумя врезными линиями. Глина оранжево-коричневых оттенков (пережженная) с блестками и редкими известковыми включениями. Лак от оранжево-красного до буро-черного оттенков, жидкий. Лаком покрыта верхняя часть и отчасти боковые стенки резервуара.

Размеры: диаметр – 5,7 см, длина – 7,95 см, высота – 2,7 – 2,2 см.

Сохранность: часть носика отбита, на поверхности потеки расплавленного стекла. Поверхность пережженная. Потертости, трещинки, сколы.

КП 710; А1 – 226.

Вторая половина II – начало III вв. н.э. Близкий светильник происходит из Усть-Альминского могильника (Zaitsev, 2002, fig. 10, Cat. 8; Пуздровский, 2007, рис. 190, 1). Светильники с изображением крылатой головы Медузы Горгоны были очень популярны не только в восточных провинциях Римской империи и Северном Причерноморье (Bernhard, 1955, tabl. LXXXVII, Nr. 308; Chrzanowski, Zhuravlev, 1998, № 53), но на западе (см. например: Leibundgut, 1977, Taf. 33, 122–130). Об иконографии Медузы на щитках провинциально-римских светильников см. также: (Bailey, 1988, p. 37–38, fig. 42).

Публикуется впервые.

Кат. 38 (табл. 10, 38). Светильник округлой формы с маленьким сердцевидным носиком. Щиток вогнутый, окружен низким валиком и кольцевыми бороздками, сделанными циркулем (неаккуратно – с одной стороны их три); отверстие для заливания масла смещено от центра. На щитке изображена бегущая вправо собака (борзая). Щиток отделен от гладких покатых плечиков врезными линиями. Плоское дно выделено врезной не замкнутой бороздкой. Ручка петлеобразная, с продольным желобком. Глина оранжевая с известковыми включениями. Лак оранжево-красный, матовый, покрывает верхнюю поверхность светильника.

Размеры: диаметр – 5,95 см, длина – 8,2 см, высота – 2,45–3,3 см.

Сохранность: потертости, носик закопчен, заизвесткован, трещины.

КП 708; А1 – 224.

Иконография изображения находит многочисленные параллели как в Северном Причерноморье (Танаис: (Арсеньева, 1988, табл. XII, 4); Херсонес (Chrzanovski, Zhuravlev, 1998, № 25)), так и за его пределами (см. Leibundgut, 1977, S. 179, Motivkatalog 285, Taf. 47, Nr. 464). Датировка светильника в рамках середины I – середины II вв. н.э.

Публикуется впервые.

Кат. 39 (табл. 10, 39). Светильник круглой формы с выступающим носиком, выделенным врезной округлой или сердцевидной линией (слабо рельефной). Ручка в виде широкой пластины с двумя желобками. Маленькое дно плоское. На щитке изображение бегущей собаки (?) сохранилось плохо, т. к. большая часть щитка утрачена. Покатые плечики украшены овами (?). Глина серо-черная, пережженная. Лак в местах, где он сохранился, имеет оранжево-бурый оттенок.

Размеры: диаметр – 5,6 см, длина – 7,7 см, высота с ручкой – 2,6 см, высота без ручки – 2,35 см.

Сохранность: потерт, покрыт копотью; пережженная верхняя поверхность местами отслоилась, тыльная сторона почти полностью заизвесткована.

КП 709; А1 – 225.

То же, что Кат. 38. Середина I – середина II вв. н.э.

Публикуется впервые.

Кат. 40 (табл. 10, 40). Светильник круглой формы с маленьким сердцевидным носиком, имеющим в месте соединения верхней врезной линией на плечиках округлый выступ. Щиток отделен от маленьких, слегка покатых плечиков с рельефным орнаментом жемчужника (?) двумя врезными бороздками. Щиток проломлен. Дно светильника плоское. Глина оранжевая с блестками, серыми включениями и вкраплениями известняка. Лак оранжево-красный, матовый, местами меняющийся на бурый, почти весь утрачен (сохранился лишь на верхней поверхности светильника).

Размеры: диаметр – 5,6 см; длина – 7,2 см; высота – 2,6–2,5 см.

Сохранность: потертости, царапины, верхняя поверхность отслаивается. Ручка и большая часть щитка утрачены. Копоть на носике и на стенках тулова.

КП 707; А1 – 223.

II в. н.э.

Публикуется впервые.

Кат. 41 (табл. 10, 41). Светильник округлой формы с маленьким сердцевидным носиком. Щиток гладкий, вогнутый, отделен от плечиков двумя бороздками. На узких покатых плечах неясно оттиснута рельефная гирлянда с листьями и гроздьями винограда. Маленькое плоское дно выделено врезной линией. Глина оранжево-красная, светлая, мелкозернистая, с золотистыми блестками и серыми включениями. Лак жидкий, матовый, оранжево-красный. Он почти полностью утрачен, хотя его следы видны на всей наружной поверхности.

Размеры: диаметр – 5,7 см, длина – 6,5 см, высота – 2,3 см.

Сохранность: ручка утрачена, носик на конце оббит и закопчен. Центральная часть щитка утрачена. Трещины, царапины, потертости на поверхности.

КП 668; А1 – 189.

Форма рожка светильника близка книдской Bailey Cn. A1 (Bailey, 1988, fig. 160, p. 330), или Loeschke Н. Сам светильник также напоминает изделия книдского производства, хотя однозначно говорить о его месте изготовления сложно. II в. н.э.

Публикуется впервые.

Кат. 42 (табл. 10, 42). Светильник круглый, с маленьким выступающим сердцевидным носиком. Щиток вогнут, его центральная часть с рельефным изображением почти полностью утрачена, за исключением небольшой части изображения сосуда (канфара – ?) в левой нижней части щитка. Фрагментированное отверстие для заливания масла располагалось в нижней части щитка. Щиток отделен от покатых плечиков двумя врезными бороздками. Плечики украшены поясом ов. На плоском дне с двух сторон – короткие насечки циркулем. Глина оранжево-красных оттенков. Лак оранжево-красный, переходящий в бурый; местами имеет металлический блеск.

Размеры: диаметр – 6,05 см, длина – 7,75 см, высота – 3,2–2,85 см.

Сохранность: ручка и центральная часть щитка с рельефным изображением утрачены, потертости, местами верхняя поверхность отслоилась. Рожок закопчен.

КП 659; А1 – 183.

Изображение вазы (в том числе канфара) часто присутствует на щитках римских светильников (см. например: Bailey, 1988, p. 50–51, fig. 59–61; Heimerl, 2001, Taf. 21; и др.; см. также литературу к Кат. 65). В нашем случае, учитывая небольшой размер канфара, мы можем предполагать, что он являлся лишь частью составной композиции, выступая в качестве аксессуара. В качестве подобного примера (но не аналогии) можно привести значительно более ранний египетский светильник с волютами из собрания Британского музея, на котором представлен лев, положивший лапу на кратер (Bailey, 1988, p. 68, 233, Q1887, pl. 32; см. также p. 67 с аналогиями этому сюжету). Также возможен и другой сюжет – Геракл или Одиссей с чашей в руках, воспроизводящий известные скульптурные изображения (см. например: Bailey, 1980, p. 34–35, fig. 31, Q1067; Q1334; Q1256 (с подробной библиографией вопроса); ср. также: Heres, 1972, S. 91, Taf. 64, 620). В Британском музее хранится и светильник с изображением раба, моющего герму (Д.Бейли не исключает и ритуального значения этой сцены), в левом нижнем углу изображения также представлен канфар, близкий нашему (Bailey, 1980, p. 46–47, fig. 50, Q818). II в. н.э.

Кат. 43 (табл. 10, 43). Светильник круглой формы с двумя псевдоручками – выступающими по бокам резервуара на плечиках напротив друг друга и маленьким выступающим сердцевидным носиком. Дно плоское, выделено двумя узкими поясками. Щиток вогнутый, широкий, в центре его помещено рельефное изображение мужской головы в остро-конечном уборе (?). Щиток отделен от гладких узких плечиков двумя врезными бороздками. Ручка была оттиснута в одной форме со светильником. Придонная часть стенок тулова имеет с одной стороны вмятину, появившуюся до обжига. Глина пережженная,

буро-серого цвета с блестками. Жидкий лак темно-серого цвета покрывал верхнюю поверхность светильника, заходя на боковые стенки.

Размеры: диаметр – 5,75 см, длина – 7,1 см, высота – 2,3 – 2,4 см.

Сохранность: ручка утрачена, потертости, капли расплавленного стекла на поверхности. Сколы.

КП 670; А1 – 191.

Форма светильника аналогична изделиям Пергама (см. например: Heimerl, 2001, S. 135, Taf. 11, 455), датированным второй половиной I в. н.э. Близкие псевдо-ручки по бокам известны на светильниках без вертикальной ручки, например, из Тарса (Bailey, 1988, pl. 72, Q2623–2626) или Афин (Perlzweig, 1961, pl. 13, 397/400). Похожие выступы-ручки известны и на керченских светильниках (Вальдгауер, 1914, табл. XXXVIII, 386). Что касается изображения, то полностью идентичная иконография нам неизвестна. По всей видимости, представленный здесь образ может быть сопоставлен с изображением Луны на многочисленных светильниках различных центров производства (Вальдгауер, 1914, табл. XXV; 243; Ponsich, 1961, pl. XIX, 252; Bailey, 1980, fig. 20, Q839, Q1265, Q1289; Bailey, 1988, fig. 19, Q1672; и т.д.). Форма светильника позволяет датировать его второй половиной I – первой половиной II вв. н.э.

Публикуется впервые.

Кат. 44 (табл. 10, 44). Светильник круглой формы с носиком сердцевидной формы, петельчатая ручка имела продольный желобок. Дно плоское, слегка вогнутое, выделено врезной линией. Щиток вогнутый, с рельефным изображением четырехлистника. Щиток отделен от покатых плечиков двумя врезными линиями. Плечики украшены двойным рядом жемчужника. Глина оранжево-красная; на поверхности заметны блестки и отдельные мелкие известковые включения. Лак жидкий, оранжево-красный, переходящий местами в коричневый, покрывает верхнюю поверхность светильника, а нижнюю поверхность – лишь частично.

Размеры: диаметр – 5,4 см, длина – 6,85 см, высота – 2,5–2,25 см.

Сохранность: большая часть ручки, конец рожка и часть щитка утрачены. Сколы, потертости, трещинки.

КП 706; А1 – 222.

Вторая половина II–III вв. н.э. Аналогичные светильники получили широкое распространение в Северном Причерноморье: в Пантикапее (Кунина, Сорокина, 1972, рис. 9, 51), Херсонесе (Chrzanovski, Zhuravlev, 1998, № 56), а также экземпляр из «южной России» в Эрмитажном собрании (Вальдгауер, 1914, табл. XXXVIII, 379). Аналогии из других регионов см. (Chrzanovski, Zhuravlev, 1998, p. 105).

Публикуется впервые.

Кат. 45 (табл. 10, 45). Фрагмент вогнутого щитка светильника с рельефным украшением в виде четырех листьев, соединенных в центре. Плечики украшены двумя рядами жемчужника. Щиток отделен от узких плечиков тремя врезными бороздками. Глина светло-коричневая, с серым оттенком; с включением мелких блесков. Лак оранжевого цвета, местами бурый.

Размеры: 4,05 х 3,35 х 0,8 см.

Сохранность: потертости, сколы.

КП 77770; А1 – 2342.

Подобные светильники происходят из Тире (Сон, Сорочан, 1988, с. 125–126, рис. 5, 3) и Херсонеса (Chrzanowski, Zhuravlev, 1998, № 55). Конец II–III вв. н.э.

Публикуется впервые.

Кат. 46 (табл. 11, 46). Фрагмент светильника округлой формы, с большим вогнутым щитком, отделенным от узких гладких округлых плечиков двумя врезными линиями. Носик у светильника, скорее всего, был сердцевидной формы. Глина оранжевая, мелко-зернистая, с мелкими блестками. Лак оранжевый, жидкий, блестящий, с бурыми пятнами.

Размеры: 6,1 х 2,6 х 0,7 см.

Сохранность: Потертости, сколы, внутренняя поверхность заизвесткована.

НВ 21309.

Публикуется впервые.

Светильники типа Broneer XXVII

(Табл. 11; Кат. 47–48)

Кат. 47 (табл. 11, 47). Светильник округлой формы, плечи гладкие с двумя слабо-рельефными перемычками, расположенными напротив друг друга. Дно слегка вогнуто. Ручка изготовлена в одной форме со светильником, в виде выступа с проколотым отверстием. Носик, в центре которого находится широкое отверстие для фитиля, оформлен в виде трапеции. На широком щитке – изображение раковины гребешка, в центре которого сделано отверстие для масла. Глина красная, без видимых включений. Лак бурый, пятнами покрывает верхнюю поверхность светильника вместе с ручкой.

Размеры: длина – 9,55 см; диаметр – 7,35 см; высота с ручкой – 4,45 см; высота без ручки – 2,7 см.

Сохранность: трещина на носике склеена гипсом. Поверхность заизвесткована и потерта.

КП 716, А1 – 232.

Светильник относится к типу XXVII классификации материалов из Коринфа (Broneer, 1930, pl.XII). Это один из наиболее широко известных типов греческих ламп III в. н.э., получивших повсеместное распространение. Оригинальные светильники этого типа производились в Коринфе и Аттике¹¹, но их популярность породила появление бесчисленного множества имитаций в различных центрах. Изображение раковины гребешка на щитках светильников изначально восходит к культу Афродиты; они были широко распространены по всему римскому миру, но особенно на Кипре и на Книде (см. Bailey, 1988, p. 85–87, fig. 110–111). Близкий по иконографии светильник с иной формой рожка представлен, например, в собрании Британского музея и был найден на Кипре (Bailey, 1988, p. 314,

¹¹ Об аттических светильниках и их имитациях в Северном Причерноморье см. (Кадеев, 1969, с. 164–165, рис. 5; Журавлев, 2004, с. 274–275; Zhuravlev, 2007, p. 217–220, fig. 11).

Q2565, pl. 69). Еще один похожий светильник происходит из Констанцы (Исопоти, 1967, р. 125–126, 128, fig. 141, Nr. 651). Датировка – III в. н.э.

Публикуется впервые.

Кат. 48 (табл. 11, 48). Светильник округлой формы; маленький носик трапецевидной формы практически не выходит за контур тулова. Дно плоское, слегка вогнуто. Гладкие широкие плечики имеют с двух сторон по одной рельефной линии – перемычке. Щиток небольшой, вогнутый, окружен рельефным валиком; в центре щитка – изображение Персея с головой Медузы Горгоны в руке. Глина оранжевая, без видимых примесей. Лак жидкий, от оранжево–красного до бурого; покрывал всю поверхность светильника.

Размеры: диаметр – 5,85 см, длина – 7,3 см, высота – 2,75–2,55 см.

Сохранность: ручка утрачена. Потертости, сколы; поверхность заизвесткована.

КП 660, А1 – 184.

В руках Персея меч харпе, упоминаемый античными авторами обычно лишь в контексте мифов. По форме наш светильник напоминает коринфские оригиналы (Bronceer, 1930, Туре XXVIIIС, р. 93). Иконография, аналогичная представленной на ялтинском светильнике, также хорошо известна на светильниках из Коринфа (Bailey, 1988, р. 37, fig. 42; р. 405, pl. 117, Q32560) и из Афин (Perlzweig, 1961, р. 93, N 245 (со списком параллелей из других собраний)). Вторая половина II – первая половина III вв. н.э.

Публикуется впервые.

Светильники типа Loeschke VIII с рожками округлой формы

Кат. 49 (табл. 11, 49). Светильник круглой формы, плечи плоские; с маленьким выступающим носиком, окруженным валиком. Дно уплощено. Ручка высокая, петлеобразная, профилирована посередине желобком. Светильник отлит в сильно сработанной форме. Изображения на щитке не видны, об их существовании свидетельствуют слабо рельефная поверхность и отверстие для заливания масла, смещенное от центра. Гладкие округлые плечики почти плоские. Глина оранжевого цвета, без видимых примесей. Лак жидкий, оранжево–красный.

Размеры: диаметр – 5,9 см, длина – 7,4 см, высота – 2,5 – 4,1 см.

Сохранность: потертости, царапины, местами заизвесткован.

КП 666; А1 – 187 (?).

II–III вв. н.э.

Публикуется впервые.

Кат. 50 (табл. 11, 50). Светильник круглой формы; с коротким, немного приподнятым вверх рожком, скругленным на конце; отверстие для фитиля окружено низким валиком. Щиток широкий, вогнутый, гладкий, в центре имеет отверстие для масла. Гладкие узкие плечики плоские, дно также плоское. Глина оранжевая, без видимых включений (на поверхности местами заметны блестки). Лак оранжево–красный, неравномерный, имеет пятна более темных оттенков. По всей видимости, светильник изначально был покрыт лаком полностью.

Размеры: диаметр – 5,8 см, длина – 7,15 см, высота – 2,35 см – 2,5 см.

Сохранность: ручка утрачена, потертости, сколы, поверхность заизвесткована. КП 658; А1 – 182.

II–III вв. н.э.

Публикуется впервые.

Кат. 51 (табл. 11, 51). Светильник округлой формы с коротким рожком (носик утрачен); отверстие для масла выделено низким валиком. Петлеобразная ручка профилирована продольным желобком в средней части. Щиток гладкий, широкий, вогнутый, отделен от узких гладких плечиков двумя врезными бороздками. Дно плоское, слегка вогнуто. На дне светильника – граффито в виде двух перекрещивающихся линий. Глина светло-оранжевая, с многочисленными золотистыми блестками. Лак жидкий, матовый, оранжево-красный, покрывает верхнюю поверхность светильника, снизу – подтеки.

Размеры: диаметр – 6 см, длина – 7,6 см, высота – 2,5–3,15 см.

Сохранность: носик отбит, центральная часть щитка утрачена. Потертости, царапины, мелкие сколы.

КП 717, А1 – 233.

II–III вв. н.э.

Публикуется впервые.

Кат. 52 (табл. 11, 52). Светильник округлой формы с коротким выступающим носиком, имеющим большое отверстие. Ручка петельчатая, имеет продольный желобок. Дно плоское, выделено по контуру врезной незамкнутой линией. Почти горизонтальные плечики украшены рядом жемчужника (двойным с одной стороны и тройным с другой). Щиток отделен от плечиков валиком с двумя врезными линиями. Щиток небольшой, вогнутый, в центре – изображение сидящего орла; отверстие для заливания масла смещено влево. Светильник изготовлен в забитых формах. Глина оранжевых оттенков, с золотистыми блестками. Лак оранжево-красный, жидкий, полностью покрывал верхнюю поверхность и неравномерно – нижнюю.

Размеры: диаметр – 5,75 см, длина – 8,05 см, высота – 3,05–2,5 см.

Сохранность: заизвесткован, потертости, сколы.

КП 664; А1 – 185.

Этот мотив относится к числу широко распространенных на территории всей Римской империи (см. например: Leibundgut, 1977, Motivkatalog H 60, S. 143, Taf. 28; Haken, 1958, p. 72–73, pl. X, N 75; Marsa, 1972, p. 121–122, pl. VII, N 139), в том числе и в причерноморских городах (см. например: Кузманов, Бъчваров, 1986, табл. III, 22; Museteanu, Elefterescu, 1983, p. 120, fig. 3; N 41; Baumann, 1995, pl. XXVIII, 3; XLV, 7). Светильники с этим сюжетом широко представлены в памятниках Северного Причерноморья (Вальдгауер, 1914, № 348, табл. XXXVI; № 374, табл. XXXVII; Сон, Сорочан, 1988, с. 125–126, рис. 5, 3; Зубарь, 1993, рис. 23, 4; Chrzanovski, Zhuravlev, 1998, № 60, 61). Датировка ламп с этой иконографией в целом: со второй половины I в. н.э. до конца III в. н.э. Наш светильник может быть датирован концом II – III вв. н.э.

Публикуется впервые.

Кат. 53 (табл. 11, 53). Светильник круглой формы, дно плоское. Короткий рожок скруглен на конце, отверстие для фитиля обрамлено рельефным валиком. Плечики

относительно широкие, покатые, украшены тремя рядами жемчужника. Щиток отделен от плечиков врезными линиями. Иконография щитка аналогична Кат. 52. Глина оранжевых оттенков с многочисленными блестками. Лак жидкий, оранжево-красный, покрывает верхнюю поверхность светильника, заходя на боковые стенки. Светильник оттиснут в сильно сработанных формах, поэтому рельефные детали сильно смазаны.

Размеры: диаметр – 5,7 см, длина – 7,05 см, высота – 2,8–2,55 см.

Сохранность: ручка отбита. На носике – копоть. Потертости, сколы, поверхность заизвесткована.

КП 661; А1 – 182 (а) .

Конец II – III вв. н.э.

Публикуется впервые.

Кат. 54 (табл. 11, 54). Светильник круглой формы с округлым маленьким выступающим носиком; отверстие для фитиля обрамлено по краю выступом округлой формы. Дно плоское. Щиток отделен от гладких, почти плоских плечиков двумя врезными линиями, вогнут, во всю его длину помещено рельефное изображение бюста Сола – Гелиоса. Глина оранжево-красная, с золотистыми блестками. Лак оранжево-красный, неравномерной густоты: от насыщенного матового до тускло-жидкого. Лак покрывает верхнюю поверхность светильника, подтеки в нижней части.

Размеры: диаметр – 6,3 см, длина – 7,65 см, высота – 2,2 см.

Сохранность: ручка утрачена, сколы, потертости на поверхности.

КП 662; А1 – 183а.

Близкое изображение есть на листовидном выступе ручки светильника из собрания Британского музея (Bailey, 1988, p. 17, fig. 19, Q1565; p. 163, pl. 4). Разнообразные изображения римского солнечного божества Сола–Гелиоса часто присутствуют на щитках античных и позднеантичных светильников (см. например: Bernhard, 1955, tabl. LXXXIII, 302; Ponsich, 1961, pl. XVIII, 227; Perlzweig, 1961, pl. 37, 2367–2368; Bailey, 1985, fig. 7, 478; Bailey, 1988, pl. 102, 3067; Karivieri, 1996, pl. 47, 12; Böttger, 2002, Taf. 74, 4469; и т.д.). Формы для их производства открыты, например, в Афинах (Perlzweig, 1961, pl. 45, 2875–2876). Известна подобная иконография и на светильниках из Пантикапея (Забелина, 1992, табл. VIII, 5). Несколько неопубликованных светильников с этим сюжетом хранится в собрании Государственного Исторического музея в Москве. II–III вв. н.э.

Публикуется впервые.

Кат. 55 (табл. 12, 55). Светильник круглой формы с коротким выступающим носиком с округлым завершением. Ручка сделана в виде маленькой петельки, профилирована желобком. Щиток отделен от гладких плечиков двумя врезными желобками. Щиток украшен изображением быка с поднятой передней левой ногой. Хвост изящно изогнут. Земля показана рельефной линией. Отверстие на щитке смещено вправо от изображения. Контур дна выделен одним желобком. Глина оранжевая, без видимых включений. Местами на поверхности светильника заметны блестки. Лак оранжево-красный, местами имеет бурый оттенок. Лаком покрыта верхняя поверхность светильника, включая верхнюю часть ручки и носика, подтеки на стенках.

Размеры: диаметр – 5,55 см, длина – 7,7 см, высота – 2,75–2,4 см.

Сохранность: потертости, царапины.

КП 663; А1 – 184а.

Светильники с аналогичной иконографией распространены повсеместно (Iconomiti, 1967, fig. 124, Nr. 441; Bailey, 1988, p. 77, 380; fig. 97, pl. 103; Q3085; Сон, Сорочан, 1988, с. 125, рис. 5, 1; Chrzanowski, Zhuravlev, 1998, N 38 (с библиографией)). Возможным прототипом могли послужить эфесские светильники, подобные экземпляру Q3085 из Британского музея. II в. н.э.

Публикуется впервые.

Кат. 56 (табл. 12, 56). Светильник круглой формы, с плоским слегка вогнутым дном. Рожок короткий, выступает вперед, носик скруглен, оконтурен выступающей линией. Щиток отделен от гладких узких плечиков двумя врезными бороздками. Щиток широкий, вогнутый; всю его поверхность занимает рельефная сцена – плохо читаемые фигуры взрослого и ребенка. Глина оранжевых оттенков с многочисленными мелкими золотистыми блестками.

Размеры: диаметр – 5,8 см, длина – 7,25 см, высота – 2,7–2,55 см.

Сохранность: ручка отбита, лаковое покрытие полностью утрачено. Дно и придонная часть стенок резервуара с одного боку покрыта копотью. Трещины и сколы на поверхности.

КП 667; А1 – 188.

У О.Вальдгауера, опубликовавшего аналогичный светильник из Эрмитажа, данная сцена трактуется так: «сатир (?) со шкурой, переброшенной через руку, бьет амура; за ним – дерево» (Вальдгауер, 1914, с. 50). Вероятно, перед нами совсем иной сюжет – популярная в римском изобразительном искусстве сцена бегства Энея из Трои – на плечах его престарелый отец Анхис, а за руку он ведет юного сына Аскания. Этот сюжет известен не только на щитках светильников (Oziol, 1977, N 438; Bailey, 1980, fig. 41, Q1394; и др.), но во фресковой живописи, например, на известной фреске из Помпей из Национального музея в Неаполе. Подробно об этом сюжете см. у Д.Бейли (Bailey, 1980, p. 40). Датировка светильника может быть определена в пределах II–III вв. н.э.

Публикуется впервые.

Кат. 57 (табл. 12, 57). Светильник круглой формы; дно плоское. Широкий вогнутый щиток с рельефным нечитаемым изображением. Почти горизонтальные плечики отделены от щитка невысоким валиком и у основания украшены узким пояском из ов. Светильник оттиснут в сильно сработанных формах. Глина оранжево–красная, слоистая, с известковыми включениями. Лак оранжево–красный, сохранился лишь на незначительных участках. Рельефные детали и изображение на светильнике сильно смазаны.

Размеры: диаметр – 6,1 см, высота – 2,6 см.

Сохранность: ручка, рожок, часть тулова утрачены. Поверхность потерта, заизвесткована.

КП 77772; А1 – 2344.

Датировка очень широкая: II– III вв. н.э., а возможно, и первая половина IV в.

Публикуется впервые.

Кат. 58 (табл. 12, 58). Светильник округлой формы, маленький рожок вытянут, скруглен на конце. Дно плоское, маленькое, выделено врезной широкой бороздкой. Щиток широкий, вогнутый, отделен от плеч двумя врезными бороздками. Его поверхность полностью занимает рельефное изображение человеческой фигуры по пояс, в три четверти, голова слегка развернута вправо. Правая рука персонажа поднята, в ней он сжимает тирс с виноградной гроздью наверху. Изображение виноградной грозди заметно и над головой мужчины. Узкие плечики украшены жемчужником и овами, которые местами заходят друг на друга. Ручка была изготовлена в той же форме (отбита). Светильник изготовлен в сработанных, забитых формах, неаккуратно. Глина красная, плотная, без видимых примесей. Лак оранжево–красный, местами бурый, покрывает всю поверхность.

Размеры: диаметр – 5,3 см, длина – 6,6 см, высота – 2,5 см.

Сохранность: ручка утрачена. На поверхности сколы, частично заизвесткован, трещинки.

КП 665; А1 – 186.

Единственная близкая параллель – светильник из Херсонеса III – середины IV вв. с изображением мужского торса в окружении виноградной лозы (Chrzanovski, Zhuravlev, 1998, р. 127, № 69). Нет сомнений, что перед нами изображение одного из персонажей дионисийского цикла или самого Вакха. Так, на светильнике с волютами из собрания Британского музея представлена аналогичная сцена (Bailey, 1980, р. 14–15, 133, pl. 2, Q766). III – первая половина IV вв.

Публикуется впервые.

Кат. 59 (табл. 12, 59). Светильник круглой формы с маленьким округлым носиком; дно округлое, уплощено. Щиток широкий, слегка вогнутый, отделен от плечиков округлым валиком. Очень узкие округлые плечики украшены вдавленным поясом округлых точек (пояс слабо–рельефный). Глина оранжевых оттенков, с многочисленными блестками и редкими белыми включениями. Лак оранжево–красный матовый, покрывал верхнюю поверхность светильника, заходя на боковые стенки.

Размеры: диаметр – 7,7 см, длина – 8,9 см, высота – 3,5–2,75 см.

Сохранность: части щитка плечиков и ручка утрачены. Потертости, сколы по всей поверхности.

КП 718; А1 – 234.

II–III вв. н.э.

Публикуется впервые.

Фрагменты светильников круглой формы различных типов

Кат. 60 (табл. 12, 60). Фрагмент светильника с плоским дном. Плечики светильника были украшены поясом из ов. На дне оттиснуто клеймо *planta pedis*, выполненное сработанным штампом, обрамленное двумя бороздками. Глина оранжевая, мелко-зернистая, с золотистыми блестками. Лак оранжево–красный, со светлыми пятнами, имеет металлический блеск.

Размеры: 6,95 x 5,25 x 3 см; 4,8 x 2,7 x 0,95 см.

Сохранность: состоит из двух частей: нижней половины тулова и фрагментов плечиков. Одна часть склеена из двух фрагментов, другая из шести. Потертости, мелкие сколы.
НВ 13417.

I – первая половина II вв. н.э. О семантике клейм римского времени с изображением *planta pedis* см.: Журавлев, 2001а, с. 90–99.

Литература: Турова, 2004, с. 28, прим. 6, рис. 2, 10.

Кат. 61 (табл. 12, 61). Светильник на плоском, выделенном валиком дне имел тулово округлой формы; щиток обрамлен двумя разновысотными валиками. В центре щитка расположено маленькое отверстие для масла. Узкие плечики украшены гирляндой из ов. Глина на сколе серого цвета, с многочисленными мелкими белыми и серыми включениями; на поверхности – оранжево-бурого цвета. Возможно, светильник был покрыт жидким лаком.

Размеры: высота тулова – 3,1 см; размеры фрагментов – 5,3 х 3,1 х 3,3 см; 3,15 х 2,25 х 2,3 см.

Сохранность: сохранилось два фрагмента тулова.

КП 77782; А1 – 2354.

II в. н.э.

Публикуется впервые.

Кат. 62 (табл. 12, 62). Фрагмент представляет собой часть плечиков и щитка светильника. Щиток обрамлен рельефным уплощенным поясом диаметром 2,5 см, покатые плечики украшены рельефными линиями. Глина на изломе серая, на поверхности – оранжевого цвета. В тесте имеются мелкие светлые включения.

Размеры: 2,4 х 2,65 х 0,6 см.

НВ 21303.

II–III вв. н.э.

Публикуется впервые.

Кат. 63 (табл. 12, 63). Фрагмент щитка краснолакового светильника. Щиток вогнут, с рельефным изображением, от которого сохранился незначительный фрагмент, на нём можно, предположительно, увидеть крыло. Щиток отделен от плечиков тремя врезными линиями. Глина светло-серая, без видимых примесей. Поверхность покрыта ангобом (?) серо-желтого цвета.

Размеры: 2,95 х 3,25 х 0,45 см.

НВ 21297.

II в. н.э.

Публикуется впервые.

Кат. 64 (табл. 12, 64). Фрагмент щитка краснолакового светильника. В центре щитка – фрагментированное изображение Сераписа между двумя змеями. Глина светло-оранжевая, без видимых примесей.

Размеры: 4,05 х 3,3 х 0,75 см.

Сохранность: заизвесткован, потертости.

НВ 13414.

Аналогичная иконография представлена на причерноморских светильниках (Вальдгауер, 1914, с. 49, табл. XXXIII, 312; Кобылина, 1978, с. 126–127, рис. 8–9). III в. н.э.

Публикуется впервые.

Кат. 65 (табл. 13, 65). Фрагмент центральной части вогнутого щитка с рельефным изображением кратера. Отверстие для масла находилось на щитке снизу слева от изображения. Глина оранжевая, слоистая, без видимых включений. Лак жидкий оранжевый.

Размеры: 3,5 x 3,05 x 0,55 см.

Сохранность: потертости, следы гипса.

НВ 13408.

Изображение вазы на щитке – широко распространенный сюжет на светильниках римского времени (Bailey, 1988, p. 49–51, fig. 59; здесь же см. подробный анализ иконографии). Известны они и в Северном Причерноморье, например, в Тире (Сон, Сорочан, 1988, рис. 4, 6), Ольвии (Вальдгауер, 1914, табл. XLII, 439; Левина, 1992, с. 42, № 53, табл. 4, 27; см. также другой экземпляр: Вальдгауер, 1914, табл. XLII, 440, из Одессы) и Пантикапее (Левина, 1992, с. 51, № 85, табл. 5, 37). Ряд экземпляров происходит из Западного Причерноморья (Isoponti, 1967, fig. 121, Nr. 346). II в. н.э.

Публикуется впервые.

Кат. 66 (табл. 13, 66). Фрагментированный светильник; имел круглую форму с небольшим трапецевидным носиком, украшенным с двух сторон у основания вдавленными кружками. Подобный орнамент поясом украшал узкие плечики. Вогнутый щиток был отделен от плечиков тремя врезными окружностями, расположенными по отношению друг к другу достаточно широко. От щитка сохранился лишь незначительный фрагмент с нижними частями ног человека. Глина светло-коричневая, оранжевого и серого оттенков (неравномерный обжиг), с многочисленными золотистыми блестками.

Размеры: 5,85 x 4,2 x 1,45 см.

Сохранность: Склеен из двух частей, потертости, сколы, заизвесткован. Следы копыт (?) на внутренней поверхности.

НВ 21308.

II в. н.э.

Публикуется впервые.

Кат. 67 (табл. 13, 67). Светильник круглой формы с ручкой в виде округлого выступа, с проколотым по сырой глине отверстием в центре. На небольшой сохранившейся части вогнутого щитка видно слаборельефное изображение человеческой головы с поднятыми вверх и согнутыми в локтях руками. Щиток отделен от плечиков двумя (?) врезными линиями. Рельефное украшение узких покатых плечиков смазано при оттиске светильника в форме. Видимо, они были украшены рядом жемчужника или ов и насечками (в виде коротких черточек) по краю. Глина плотная, оранжево-красная, с мелкими белыми включениями; с серым закалом у носика. Лак матовый, бурого цвета.

Размеры: 6,45 x 3,7 x 3,2 см.

Сохранность: состоит из четырех частей, склеенных между собой: ручка и часть плечиков с небольшим фрагментом щитка. Потертости, сколы, копыт на поверхности.

КП 77784; А1 – 2356.

III – возможно, начало IV вв. н.э. Реконструировать иконографию изображения затруднительно.

Публикуется впервые.

Кат. 68 (табл. 13, 68). Светильник имел круглую форму, короткий рожок выделен с боков, судя по сохранившейся части, округлыми черточками с точками на концах. Щиток вогнутый, отделен от плечиков глубокой врезной линией. На щитке сохранился рельефный заостренный конец листа (?). Глина оранжевая, с многочисленными мелкими блестящими. Лак матовый, красный, сохранился как на наружной поверхности, так и на внутренней.

Размеры: 4,25 x 2 x 0,7 см.

Сохранность: потертости, мелкие сколы.

НВ 13403.

Вторая половина I – II вв. н.э. Изображение на щитке реконструировать затруднительно. Возможно, иконография близка Кат. 45.

Публикуется впервые.

Кат. 69 (табл. 13, 69). Фрагмент щитка и плечиков краснолакового светильника. Большой вогнутый щиток отделен от узких гладких плечиков двумя врезными линиями. На сохранившемся фрагменте щитка видно изображение копыта животного. Глина оранжево–серая с красноватым оттенком. Лак оранжево–красный, матовый, жидкий, местами буроватого оттенка.

Размеры: 5,8 x 1,95 x 0,65 см.

Сохранность: состоит из двух склеенных частей. Потертости.

НВ 21307.

Возможно, близок светильнику из Херсонеса с изображением оленя середины I – III вв. (Chrzanowski, Zhuravlev, 1998, № 33, там же см. и анализ иконографии).

Публикуется впервые.

Кат. 70 (табл. 13, 70). Фрагмент светильника представляет собой часть узких покатых плечиков, переходящих в стенки округлого резервуара. Плечики отделены от щитка желобком. Щиток вогнутый, практически не сохранился, но он явно имел рельефное изображение. Ручка, оттиснутая в одной форме со светильником, в виде округлого уступа с проколотым большим сквозным отверстием (диам. 1,2 см), декорирована в верхней части двумя неглубокими бороздками. Глина бледно–желтая, мелкозернистая, кое–где заметны мелкие белые включения. Лак бурый, местами – светло–коричневый, жидкий, тусклый.

Размеры: 6,6 x 4,5 x 3,6 см.

Сохранность: склеен из двух фрагментов.

КП 77781; А1 – 2353.

II–III вв. н.э.

Публикуется впервые.

Кат. 71 (табл. 13, 71). Светильник круглой формы с вогнутым гладким щитком. Щиток отделен от почти горизонтальных слегка выпуклых плечиков валиком; в центре –

отверстие для масла. Плечики, судя по сохранившимся фрагментам, были украшены растительной гирляндой. Глина светло-оранжевая, мелкозернистая, с блестками. Лак оранжево-красный, жидкий.

Размеры: 5,65 x 4,25 x 1,6 см.

Сохранность: склеен из двух частей, потертости, с внутренней стороны заизвесткован. НВ 13418.

II в. н.э.

Публикуется впервые.

Кат. 72 (без изображения). Фрагмент щитка краснолакового светильника. Щиток углублен; отделен от узких плечиков врезным пояском и нешироким валиком. На щитке сохранился рельеф неопределенных очертаний. Черепок пережжен до серого цвета. В тесте многочисленные блестки слюды. Лак светло-коричневый, матовый, прослеживается только на щитке.

Размеры: 2,9 x 2,2 x 0,6 см.

Сохранность: сохранился фрагмент плечиков с частью круглого щитка; потертости. Внутренняя поверхность фрагмента заизвесткована.

НВ 13409.

II–III вв. н.э.

Публикуется впервые.

Кат. 73 (без изображения). Фрагмент светильника: углубленный щиток окаймлял рельефный пояс, сильно потертый от времени, видимо, из жемчужника. Глина розовато-оранжевая, с многочисленными золотистыми блестками. Лак оранжево-красный, сохранился на незначительных участках.

Размеры: 4,1 x 2,05 x 2,3 см.

Сохранность: сохранился фрагмент. Сильно потерт.

НВ 21306.

II–III вв. н.э.

Публикуется впервые.

Кат. 74 (без изображения). Ручка в виде вертикальной дуги, согнутой из круглого в сечении отрезка, концы которого плотно прикреплены к стенке резервуара. Глина оранжевая, с блестками и редкими белыми включениями. Лак жидкий, оранжево-красный.

Размеры: 2,7 x 2,1 x 1,65 см.

Сохранность: потертости.

НВ 13407.

Римское время.

Публикуется впервые.

Кат. 75 (без изображения). Ручка согнута в форме овала, изготовлена из гладкого круглого в сечении отрезка, концы которого плотно примыкают к небольшому фрагменту стенки светильника. Глина ярко-оранжевая, с блестками и белыми включениями.

Размеры: 2,35 x 2 x 1,3 см.

Сохранность: потеря, заизвесткована.

НВ 13406.

Римское время.

Публикуется впервые.

Кат. 76 (без изображения). Ручка в сечении ручка была изготовлена отдельно от светильника (сохранился ее нижний корень). Глина оранжевая, без видимых включений. Лак красный, жидкий, почти полностью утрачен.

Размеры: 2,7 x 2,15 x 0,8 см.

Сохранность: потертости.

НВ 13405.

Римское время.

Публикуется впервые.

Кат. 77 (без изображения). Ручка светильника сформована отдельно от тулова, петлеобразная, круглая в сечении, имеет один желобок. Судя по сохранившемуся фрагменту, плечики были гладкие. Глина оранжевая с сероватым оттенком, без видимых примесей. Лак жидкий оранжевый.

Сохранность: потертости, следы догипсовки.

НВ 21310.

Римское время.

Публикуется впервые.

Кат. 78 (без изображения). Ручка петельчатая, в виде овального в сечении стержня, с глубоким продольным желобком на наружной поверхности. Глина серая, с красноватым оттенком, без видимых примесей.

Размеры: 2,1 x 1,7 x 0,8 см.

НВ 21302.

Римское время.

Публикуется впервые.

Кат. 79 (без изображения). Ручка петельчатая, согнутая из стержня подквадратной в сечении формы. Глина оранжевая, с серым закалом, плотная, с многочисленными блестками. Лак жидкий, тусклый, оранжево–красный.

Размеры: 2,8 x 2,05 x 0,95 см.

Сохранность: поверхность сильно потерта.

НВ 13410.

Римское время.

Публикуется впервые.

Кат. 80 (без изображения). Петельчатая ручка в виде тонкой, по всей видимости, широкой пластины с легкой вогнутостью на наружной поверхности. Глина светло–оранжевая, с мелкими белыми включениями. Лак жидкий, тусклый, оранжево–красный.

Размеры: 2,7 x 1,45 x 1,45 см.

Сохранность: имеет продольный отполированный скол, потертости на поверхности.

Римское время.

НВ 13411.

Прочие светильники

Кат. 81 (табл. 13, 81). Светильник на плоском дне. Тулово биконической формы. Щиток плоский, выделен рельефным валиком, имеет в центре маленькое отверстие для заливания масла. Рожок удлиненный, расширяется к носику с большим отверстием. Ручка пластинчатая, с продольным ребром, согнута в виде петли. Глина оранжево-красная с блестками. Поверхность светильника покрыта оранжево-бурым лаком, заходящим и на нижнюю часть рожка.

Размеры: высота тулова – 3,15 см, высота с ручкой – 5,15 см, длина – 12,4 см, диаметр вместилища – 6,55 см.

Сохранность: потертости, сколы.

КП 643 А1–167.

II – III вв. н.э.

Публикуется впервые.

Кат. 82 (табл. 13, 82). Светильник округлой формы, на плоском выделенном дне. В центре вогнутого щитка имеется маленькое отверстие для наливания масла. Плечики широкие, украшенные плохо различной растительной гирляндой. Светильник отгиснут в сильно сработанной форме. Ленточная ручка дугообразной формы крепится одним концом к верхней части тулова, другой – к краю щитка. Глина оранжевая, с белыми и серыми включениями. Лак темно-красный, тусклый, покрывал весь светильник, за исключением дна и нижней части рожка.

Размеры: высота с ручкой – 6 см, диаметр резервуара – 6,9 см, длина – 9,6 см, диаметр дна – 4,15 см.

Сохранность: рожок утрачен. На поверхности потертости, сколы.

КП 676; А1 – 197. Надпись на марке почти полностью утрачена, за исключением двух последних цифр номера – 05.

II – III вв. н.э.

Публикуется впервые.

«Рубчатые» светильники

11 целых и фрагментированных светильников относятся к так называемому типу «рубчатых» светильников. Это одна из наиболее распространенных групп позднеантичных светильников в Северном Причерноморье. Несмотря на то, что они сравнительно хорошо изучены и многократно описаны в литературе, среди исследователей до сих пор нет единого мнения об их происхождении. Эти светильники получили широкое распространение в городах Северного Причерноморья в III–IV вв., причем в Херсонесе они доминируют (Сорочан, 1982, с. 43–50; Chrzanowski, Zhuravlev, 1998, р. 133–140, см. также сноску 466 на с. 133 с литературой). Классификация «рубчатых» светильников была предложена С.Б.Сорочаном и до сего времени остается неизменной (Сорочан, 1982, с. 43–50). Согласно этой классификации, светильники типа I (так называемые «грушевидные») характеризуются округлым

туловом и вытянутым рожком, тогда как светильники типа II (названные «круглыми» или «яйцевидными»), напротив, имеют вытянутое тулово и короткий рожок (Сорочан, 1982, рис. 1).

«Рубчатые» светильники появляются не позднее второй четверти III в. н.э., и продолжают пользоваться популярностью вплоть до конца IV в. н.э. (Chrzanovski, Zhuravlev, 1998, p. 133–135). Широкое распространение этих светильников в Причерноморье, как Северном (Гайдукевич, 1958, рис. 24, 1; 1981, рис. 32, 2; Гудкова, Фокеев, 1982, рис. 8, 5; Петерс, 1983, с. 308; Сорокина, 1985, рис. 4, 6; Левина, 1985, с. 67–70; Арсеньева, 1988, табл. XIX–XXIII; Арсеньева, Науменко, 1992, рис. 76, 1; Толстиков, Журавлев, Ломтадзе 2005, рис. 16, 1–2; Крапивина, 1993, рис. 71, 1–3; и т.д.), так и Западном (Iconomi, 1967, p. 131, N 675, fig. 47; Szentl  ky, 1969, N 267; Culica, 1969, fig. 1, 1; Кузманов, 1992, N 277–279; и т.п.) позволяет с высокой вероятностью предполагать их понтийское производство. Хотя стоит отметить, что эта группа светильников неоднородна: многие экземпляры сделаны из различной глины, что может косвенно свидетельствовать в пользу нескольких производственных центров, их выпускавших.

Кат. 83 (табл. 14, 83). Светильник грушевидной формы, имеет легкую припухлость на рожке. Ручка в виде вогнутой пластины плотно согнута петлей и наклонена к щитку. Щиток маленький, слегка вогнутый. Широкие покатые, округлые плечики украшены рубчиками. Округлое дно слегка приплюснуто. Глина оранжевая, без видимых примесей. Лак оранжево–красный, покрывал всю поверхность.

Размеры: диаметр – 5,1 см, длина – 7,3 см, высота – 3,6 – 2,25 см.

Сохранность: часть щитка утрачена. Копоть на рожке. Многочисленные сколы, трещинки, потертости и отслаивания верхней глиняной поверхности. Заизвесткован. КП 655, А1–179.

Публикуется впервые.

Кат. 84 (табл. 14, 84). Светильник грушевидной формы, щиток маленький, его обрамляет пояс рельефных точек и рубчиков на покатых плечиках. У рожка 3 пары крупных точек. Ручка в виде выступа с отверстием, сделанным после формовки (пробитым). Дно украшено многолепестковой рельефной розеткой. Глина плотная, без видимых примесей.

Размеры: 7,7 x 5,6 x 3,85 см.

Сохранность: сколы, потертости. Поверхность заизвесткована.

КП 682; А1 – 203. Происходит из довоенной коллекции музея; вторично поступил в музей в августе 1944 г. от ялтинской жительницы В.С.Щербаковой, заведующей складом № 1.

Публикуется впервые.

Кат. 85 (табл. 14, 85). Светильник с туловом округлой формы, небольшой щиток вогнут, в центре имеет отверстие для масла подквадратной формы. Щиток отделен от округлых покатых плечиков врезной линией. Плечики украшены врезными, косо нанесенными линиями. У носика на плечиках – дугообразные линии с насечками и выпуклостью под дугой. Напротив рожка рельефная линия с насечками и выступами (два по бокам, один – в средней части).

Рожок имеет на конце припухлость. Дно плоское, слегка вогнутое, украшено многолепестковой розеттой. Ручка в виде массивной пластины, свернутой петлей. Глина оранжево-красная, с известковыми включениями. Лак жидкий, оранжево-красный, сохранился в основном на верхней поверхности, но, вероятно, ранее им была покрыта вся поверхность.

Размеры: диаметр – 5,3 см, длина – 7,6 см, высота – 3 (ручки) – 2,7 (носика) – 2,5 (тулова) см.

Сохранность: царапины, сколы, потертости на поверхности. Копоть на носике. Заизвесткован.

КП 653; А1 – 177.

Публикуется впервые.

Кат. 86 (табл. 14, 86). Светильник имеет округлую форму тулова; рожок удлинен, с припухлостью на окончании. Ручка в виде массивной пластины; в сечении имеет легкую вогнутость в верхней линии контура. Дно слегка вогнуто. Покатые широкие плечики отделены от щитка двумя рельефными поясками и украшены наклоненными рубчиками. У основания рожка – рельефная горизонтальная лента, украшенная на концах и в средней части выступами, обращенными к носику. Глина оранжевого оттенка, без видимых примесей. Лак оранжево-красный, покрывает всю наружную поверхность светильника.

Размеры: диаметр – 5,75 см, длина – 8 см, высота – 3,6–2,8–2,6 см.

Сохранность: поверхность потерта, местами заизвесткована, на носике копоть.

КП 654; А1 – 178.

Публикуется впервые.

Кат. 87 (табл. 14, 87). Светильник округло-яйцевидной формы со слегка вздернутым рожком, имеющим припухлость. Ручка пластинчатая, свернутая в трубочку. Дно плоское, украшено многолепестковой вдавленной розеттой. Щиток маленький, почти горизонтальный, с легким спуском к центральному отверстию; отделен от плечиков врезным желобком. Покатые плечики украшены частыми рубчиками. На основании носика – пять округлых выпуклостей. Глина на сколах светло-коричневая, с оранжевым оттенком. Лак бурый, местами светло-коричневый.

Размеры: диаметр – 4,5 см, длина – 6,4 см, высота – 3,15 (с ручкой) – 2,6 (с рожком) – 2,45 см.

Сохранность: сильно заизвесткован, потертости, сколы.

КП 656; А1 – 180.

Публикуется впервые.

Кат. 88 (без изображения). Фрагмент плечиков рубчатого светильника. Щиток вогнутый, отделен от широких плечиков врезной линией, образующей два невысоких валика. Плечики украшены рубчиками. Судя по сохранившейся части светильника, у носика он был украшен рельефной линией (?) с рельефными выступами. Глина светло-серая с красноватым оттенком, с белыми редкими включениями. Лак бурый жидкий, сохранился на фрагменте как внутри, так и снаружи.

Размеры: 3,35 x 2,7 x 0,7 см.

НВ 13413.

Публикуется впервые.

Кат. 89 (без изображения). Фрагменты (2) рожка и придонной части светильника «рубчатого» типа. Светильник грушевидной формы был украшен на дне многолепестковой розеткой с серединкой в виде кольца, а на плечиках – рубчиками. Глина серая, слоистая, с прослойками разных оттенков, без видимых примесей.

Размеры: 5,35 x 4,75 x 2,6 см.

НВ 13420.

Публикуется впервые.

Кат. 90 (без изображения). Фрагмент плечиков с частью щитка рубчатого светильника. Форма светильника не ясна. Щиток был вогнутый. Он отделялся от широких плечиков неглубокой врезной линией. Покатые плечики украшены характерными врезными линиями, образующими рубчики. Глина: от светло-коричневой до кремовой оттенка, с блестками. Обжиг неравномерный, на сколе черепок со светлыми прожилками.

Размеры: 4,55 x 2,9 x 0,75 см.

Сохранность: сколы, заизвесткован на внутренней поверхности, оббит, потертости.

НВ 13404.

Публикуется впервые.

Кат. 91 (без изображения). Фрагмент дна и стенки рубчатого светильника. Дно плоское с розеткой. Глина слоистая, оранжевая со светлыми прожилками, без видимых включений. Лак на фрагменте неравномерный, оранжево-красный жидкий, с бурными разводами, сохранился на верхней поверхности светильника и местами на стенках тулова и на дне.

Размеры: 4 x 3,2 x 2,1 см.

Сохранность: заизвесткован, потертости.

НВ 13412.

Публикуется впервые.

Кат. 92 (без изображения). Ручка и часть стенки рубчатого (?) светильника. Ручка петельчатая, массивная, в виде широкой пластины. Глина оранжево-красная, с блестками и белыми включениями.

Размеры: 3 x 2,3 x 1,55 см.

Сохранность: сколы, потертости.

НВ 21296.

Публикуется впервые.

Кат. 93 (табл. 14, 93). Светильник округлой формы с выступающим, слегка вздернутым на конце узким рожком. Пластинчатая ручка утрачена. Плоское дно хорошо выделено. Щиток широкий, горизонтальный, с неглубоким кольцеобразным желобком. В слегка вогнутом центре щитка расположено отверстие для масла. Узкие, немного покатые плечики украшены лучеобразно расходящимися насечками. У самого основания рожка на плечиках – две округлые выпуклости. Глина светло-оранжевая, почти желтая, с мелкими блестками. Лак оранжево-красный. Лаковое покрытие сохранилось в основном на верхней поверхности и местами – на стенках у дна.

Размеры: диаметр – 5,55 см, длина – 7,5 см, высота максимальная – 2,7 см.

Сохранность: ручка утрачена. Лаковое покрытие сохранилось на некоторых участках. Потертости, трещинки, царапины, сколы.

КП 669; А1 – 190.

Этот экземпляр имеет ряд отличий от классических рубчатых светильников, но может быть отнесен к той же группе. Судя по глине, он явно принадлежит к изделиям иного производственного центра и может быть возможным прототипом боспорских светильников. Датировка его, вероятно, ограничивается III в. н.э.

Публикуется впервые.

Подражания рубчатым светильникам

К этой группе в нашей коллекции относятся лишь два светильника. Они имеют ту же форму, что и рубчатые, но без орнамента. Датировка таких ламп та же, что и для рубчатых экземпляров.

Кат. 94 (табл. 14, 94). Светильник круглой формы с узким удлиненным, слегка поднятым вверх, рожком с легкой припухлостью. Ручка пластинчатая, в виде петли, наклоненной к щитку. Щиток слегка вогнут к центру, где расположено отверстие для масла. Щиток возвышается над округлыми слегка покатыми плечиками, и отделен от них невысоким валиком. Дно имеет валикообразный кольцевой поддон и округлую маленькую вмятину в центре. Глина светло-оранжевая, без видимых примесей. Лак оранжево-красный, покрывал всю наружную поверхность светильника.

Размеры: диаметр – 5,85 см, длина – 8 см, Высота – 3,55, 2,75 (с ручкой – 2,4) (с рожком) см.

Сохранность: поверхность сильно потерта, имеет мелкие сколы, трещинки, поверхность отслаивается.

КП 657; А1 – 181.

IV в. Аналогичные светильники известны в Херсонесе (Chrzanovski, Zhuravlev, 1998, № 88).

Публикуется впервые.

Кат. 95 (без изображения). Светильник круглой формы с пластинчатой широкой ручкой, от которой сохранился корень. Округлые плечики спускаются к центральному отверстию, украшены тремя слабо рельефными валиками, которые отделяют плечики от маленького вогнутого щитка.

Размеры: диаметр – 5,4 см; 5,4 x 3,8 x 1,8 см.

Сохранность: потертости, сколы, местами заизвесткован. Глина светло-оранжевая с блестками. Лак оранжевый, жидкий.

НВ 13419.

Публикуется впервые.

Гончарный светильник – свечник

К последней группе гончарных светильников в музейной коллекции относится светильник-свечник. Его цилиндрическое открытое вместилище сообщалось через боковое отверстие внизу с широкой чашей на кольцевом поддоне. О ее размерах судить трудно, так как ее края отбиты. К венчику

вместилища была прикреплена вертикальная дуговидная ручка, от которой сохранился верхний корень. Судя по аналогичным светильникам, найденным в Херсонесе (Белов, 1941, с.189), второй конец ручки крепился к краю чаши. По мнению, Г.Д. Белова, светильники данной формы бытовали и в III – IV вв. н.э. (Белов 1941, с. 222; 1950а, с. 114; 1950б, с. 231; Рыжов, 1986, с. 136, рис. 7). Известны подобные светильники и на территории Добруджи (Scorpan, 1973, Type B, fig. 2).

Специальное исследование этой группы светильников было подготовлено С.Б.Сорочаном (Sorochan, 2002, р. 111–119; Сорочан, 2005, с. 255–263). С.Б.Сорочан выяснил, что этот тип светильников приходит на смену светильникам античного типа в связи с распространением восковых свечей в культовой жизни и в домашнем обиходе.

Кат. 96 (табл. 15, 96). Светильник имеет цилиндрическое открытое вместилище, сообщаемое через боковое отверстие внизу с широкой чашей на кольцевом поддоне. К венчику вместилища и к краю чаши была прикреплена вертикальная дуговидная ручка, от которой сохранился лишь верхний корень. Глина оранжево-бежевая, без видимых примесей.

Размеры: высота – 5,7 см, диаметр края – 6,85 см.

Сохранность: края чаши и ручка светильника отбиты. На поверхности потертости, заизвесткован.

КП 720; А1–236.

Херсонес (?). III–IV вв. н.э.

Публикуется впервые.

ЛИТЕРАТУРА

- Арсеньева Т.М. Могильник у дер. Ново-Отрадное // Поселения и могильники Керченского полуострова начала н.э. МИА. № 155. М. 82–149. 1970.
- Арсеньева Т.М. Светильники Танаиса. М. 1988.
- Арсеньева Т.М., Науменко С.А. Усадьбы Танаиса. М. 1992.
- Белов Г.Д. Раскопки в северной части Херсонеса в 1931–1933 гг. // МИА. № 4. 202–267. 1941.
- Белов Г.Д. Античный дом в Херсонесе // ВДИ. № 2. 108–121. 1950а.
- Белов Г.Д. Археологические раскопки в Херсонесе в 1949 г. // ВДИ. № 2. 227–231. 1950б.
- Вальдгауер О.Ф. Императорский Эрмитаж. Античные глиняные светильники. СПб. 1914.
- Гаврилюк Н.А. Лепная керамика и общие статистические данные керамических материалов // В.Н. Зинько (Ред.). Древнейший теменос Ольвии Понтийской. МАИЭТ. Supplementum. 2. Симферополь. 191–196. 2006.
- Гайдукевич В.Ф. Раскопки Мирмекия в 1935–1938 гг. // МИА. № 25. М.-Л. 135–220. 1952.
- Гайдукевич В.Ф. Илурад. Итоги археологических исследований 1948–1953 гг. // Боспорские города. II. МИА. № 85. М.-Л. 9–148. 1958.
- Гайдукевич В.Ф. Мирмекий. Советские раскопки в 1956 г. (1934–1956). Варшава. 1959.
- Гудкова А.В., Фокеев М.М. Поселение и могильник римского времени Молога II // А.А.Гудкова (Ред.). Памятники римского и средневекового времени в Северном Причерноморье. Киев. 55–113. 1982.

- Журавлев Д.В. Позднеэллинистические многорожковые светильники Боспора // ДБ. № 4. 131–149. 2001а.
- Журавлев Д.В. К вопросу о клеймах *planta pedis* на римской керамике // М.И. Золотарев (Ред.). ANAXAPΣIΣ. Памяти Юрия Германовича Виноградова. ХСб. Вып. XI. Севастополь. 90–99. 2001б.
- Журавлев Д.В. Терракотовая «погремушка» из могильника Бельбек IV // В.Н. Зинько (Ред.). БИ. VII. Симферополь – Керчь. 271–287. 2004.
- Журавлев Д.В. О боспорских светильниках типа «кувшинчика» // ПИФК. № 1. 264–276. 2010.
- Журавлев Д.В., Быковская Н.В., Желтикова А.Л. Светильники VI – первой половины III вв. до н.э. // Коллекция светильников из собрания Керченского историко-культурного заповедника. Том 1. Киев. 2007.
- Журавлев Д.В., Быковская Н.В., Желтикова А.Л. Импортные эллинистические светильники. Боспорские светильники III в. до н.э. – IV в. н.э. // Коллекция светильников из собрания Керченского историко-культурного заповедника. Том 2. Киев. 2010.
- Журавлев Д.В., Золотарев М.И., Кобзева А.А. Светильники из северо-восточного района Херсонеса: позднеархаическое, классическое и эллинистическое время // ХСб. Вып. XIV. Памяти М.И. Золотарева. Севастополь. 129–140. 2005.
- Журавлев Д.В., Ломтадзе Г.А. Керамические комплексы эллинистического времени из некрополя Ольвии // Археологія (Київ). № 1. 78–91. 2007.
- Журавлев Д.В., Хришановски Л. Firmalampen из Херсонеса // Никоний и античный мир Северного Причерноморья. Сборник научных статей международной конференции. Одесса. 288–291. 1997.
- Журавлев Д.В., Хришановски Л. Римские светильники из Херсонеса в собрании Государственного Исторического музея (I). ХСб. Вып. XII. Севастополь. 69–88. 2003.
- Забелина В.С. Античные глиняные светильники из Пантикапея // СГМИИ. Вып. 10. М. 298–328. 1992.
- Зеест И.Б. Пантикапейская керамика сарматского времени (по материалам раскопок Пантикапея 1945–1949 гг.) // Пантикапей. МИА. № 56. 139–159. 1957.
- Зубарь В.М. Херсонес Таврический в античную эпоху (экономика и социальные отношения). Киев. 1993.
- Кадеев В.И. Импортные светильники I–IV вв. из Херсонеса // СА. № 3. 159–170. 1969.
- Кадеев В.И., Сорочан С.Б. Экономические связи античных городов Северного Причерноморья в I в. до н.э. – V в. н.э. (на материалах Херсонеса). Харьков. 1989.
- Книпович Т.Н. Керамика местного производства из раскопа II // Ольвия. Т. VI. Киев. 1940.
- Кобылина М.М. Изображения восточных божеств в Северном Причерноморье в первые века н.э. М. 1978.
- Коваленко С.А. Античная рельефная керамика III–I вв. до н.э. в Северном Причерноморье. Дисс. ... канд. ист. наук. М. 1989.
- Корпусова В.Н. Некрополь Золотое (к этнокультурной истории Европейского Боспора). Киев. 1983.
- Крапивина В.В. Ольвия. Материальная культура I–IV вв. н.э. Киев. 1993.
- Кругликова И. Т. Ремесленное производство простой керамики в Пантикапее в VI–III вв. до н.э. // Пантикапей. МИА. № 56. М. 96–138. 1957.
- Крыжицкий С.Д. Древнегреческие города Крымского полуострова // Т.Л. Самойлова (Ред.). Античные памятники Крыма. Киев. 12–34. 2004.
- Кузманов Г. Античные лампы. София. 1992.
- Кузманов Г., Бъчваров И. Коллекцията от антични лампи в Силистренския музей // Известия на народния музей – Варна. Кн. 22(27). 43–62. 1986.
- Кунина Н.З., Сорокина Н.П. Стекланные бальзамарии Боспора // Труды ГЭ. XIII. Л. 146–177. 1972.

- Левина Э.А. Рубчатые светильники из коллекции ОАМ // Памятники древней истории Северо-Западного Причерноморья. Киев. 67–70. 1985.
- Левина Э.А. Античные светильники Одесского археологического музея (I–VI вв. н.э.). Одесса. 1992.
- Максимова М.И. Артюховский курган. Л. 1979.
- Мальшиев А.А. Коллекция античных древностей из Ставропольского краеведческого музея // ВДИ. № 2. 241–250. 1993.
- Новиченкова Н.Г. Археологическая коллекция Ялтинского историко-литературного музея // ВДИ. № 1. 222–228. 1993.
- Охотников С.Б. Нижнее Поднестровье в VI – V вв. до н.э. Киев. 1990.
- Парович-Пешикан М. Некрополь Ольвии эллинистического времени. Киев. 1974.
- Петерс Б.Г. О работе Михайловской экспедиции // Археологические открытия 1981 г. М. 307–308. 1983.
- Пуздровский А.Е. Крымская Скифия II в. до н.э. – III в. н.э. Погребальные памятники. Симферополь. 2007.
- Русяева А.С. Восточногреческая керамика // В.Н. Зинько (Ред.). Древнейший теменос Ольвии Понтийской. МАИЭТ. Supplementum. 2. Симферополь. 162–168. 2006.
- Рыжов С.Г. Керамический комплекс III – IV вв. н.э. из северо-восточного района Херсонеса // В.А. Анохин (Ред.). Античная культура Северного Причерноморья в первые века нашей эры. Киев. 130–139. 1986.
- Сон Н.А., Сорочан С.Б. Античные светильники из Тиры // Античные древности Северного Причерноморья. Киев. 115–133. 1988.
- Сорокина Н.П. Фигурный стеклянный сосуд из Кеп // СА. № 4. 181–189. 1968.
- Сорочан С.Б. Про так звані рубчасті світильники з Херсонеса // Археологія (Київ). № 38. 43–50. 1982.
- Сорочан С.Б. Византийский Херсон (вторая половина VI – первая половина X вв.). Очерки истории и культуры. Часть 1. Харьков. 2005.
- Толстиков В.П., Журавлев Д.В., Ломтадзе Г.А. Цистерна римского времени на Западном плато Первого кресла горы Митридат // ДБ. 8. 340–376. 2005.
- Турова Н.П. Коллекция керамики VI – V вв. до н. э. Ялтинского историко-литературного музея // Археологія (Київ). № 3. 75–85. 2001.
- Турова Н.П. Клейма на краснолаковой керамике ЯГОИЛМ // История Южного берега Крыма: факты, документы, коллекции, литературоведение, мемуары. VII Дмитриевские чтения. Симферополь. 2004.
- Alicu D. Die römischen Lampen von Sarmizegetusa. I. Die Funde der Jahre 1882-1976. 2., ergänzte Ausgabe. Zalău. 2006.
- Bailey D.M. A Catalogue of the Lamps in the British Museum. I. Greek, Hellenistic, and Early Roman Pottery Lamps. London. 1975.
- Bailey D.M. A Catalogue of the Lamps in the British Museum. II. Roman Lamps Made in Italy. London. 1980.
- Bailey D.M. Excavations at Sidi Khrebish Benghazi (Berenice). Vol. III. Part 2: The Lamps. Tripoli. 1985.
- Bailey D.M. A Catalogue of the Lamps in the British Museum. III. Roman Provincial Lamps. London. 1988.
- Bailey D.M. A Catalogue of the Lamps in the British Museum. IV. Lamps of Metal and Stone, and Lampstands. London. 1996.
- Barr R. Greek and Hellenistic Lamps from Ilion // Studia Troica. Bd. 6. 159-200. 1996.
- Baumann V.H. Asezari rurale antice on zona Gurilor Dunarii. Contributi archeologice la cunoasterea Habitatului rural (sec. I-IV p. Chr.). Biblioteca Istro-Pontica. Seria Archeologie. Tulcea. 1995.
- Baur R. The Lamps // The excavation at Dura-Europos. Vol. IV.3. New-Haven. 1–84. 1947.
- Bernhard M.L. Lampki starożytnie. Warszawa. 1955.

- Blonde F.* Greek Lamps from Thorikos. Gent. 1983.
- Böttger B.* Die keiserzeitlichen Lampen vom Kerameikos. Kerameikos. Bd. XVI. München. 2002.
- Broneer O.* Corinth IV, 2. Terracotta Lamps. Cambridge. 1930.
- Buchi E.* Lurne del museo di Aquileia. Vol. I. Lucerne Romane con marchio di fabbrica. Aquileia. 1975.
- Bussièrre J.* Lampes antiques d'Algérie. Monographies Instrumentum. 16. Montagnac. 2000.
- Chrzanowski L., Zhuravlev D.* Lamps from Chersonesos in the State Historical Museum – Moscow. Studia archaeologica 96. Roma. 1998.
- Crowfoot C.M.* Lamps, and an Early Stone Lamp Holder // J.W.Crowfoot, G.M.Crowfoot, K.M.Kenyon. The Objects from Samaria. London. 365–378. 1957.
- Culica V.* Obiecte de caracter crestin din epoca Romano-Bizantina Gasite la Pîrjoaia-Dobrogea // Pontica. 2. 355–371. 1969.
- Deneauve J.* Lampes de Carthage, Paris. 1969.
- Deringer H.* Römische Lampen aus Lauriacum. Linz. 1965.
- Δρουγος Σ.* Ανασκαφη Πελλας 1957–1964 οι πηλιντοι λυχνοι. Αθηαι. 1992.
- Dupont P.* Les lampes ioniennes archaïques de la mer Noir: presentation générale // L.Chrzanowski (Ed.). Lychnological Acts 1. Acts of the 1st International Congress on Ancient Lighting Devices (Nyon-Geneva, 29.IX – 4.X.2003). Montagnac. 2005 (Monographies Instrumentum, Vol. 30). 73–79. 2005.
- Grandjouan C.* Terracottas and Plastic Lamps of the Roman Period. The Athenian Agora. Vol. VI. Princeton. 1961.
- Giuliani A.* Untersuchungen zu Ephesos-Lampen an Beispielen aus der Werkstatt des Asklepiades // Studien zur hellenistischen Keramik in Ephesos. Wien. 45–49. 2001.
- Giuliani A.* Hellenistische Matrizenlampen aus Ephesos // Lychnological Acts 1. Acts of the 1st International Congress on Ancient Lighting Devices (Nyon-Geneva, 29.IX – 4.X.2003). Montagnac. 2005 (Monographies Instrumentum, Vol. 30). 139–142. 2005.
- Haken R.* Roman lamps in the Prague National Museum // Sbornik Narodniho Musea v Praze. Rada A. XII. 1–115. 1958.
- Heimerl A.* Die römischen Lampen aus Pergamon. Vom Beginn der Kaiserzeit bis zum Ende des 4. Jhs. n. Chr. Pergamenische Forschungen. Bd. 13. Berlin-New York. 2001.
- Heres G.* Die Römischen Bildlampen der Berliner Antiken-Sammlung. Berlin. 1972.
- Højte J.M.* Lamps // N.A.Lejpunskaja, P.Guldager Bilde, J.M.Højte, V.V.Krapivina, S.D. Kryžickij (Eds.). The Lower City of Olbia (Sector NGS) in the 6th Century BC to the 4th Century AD. Black Sea Studies. 13. Aarhus. 423–438. 2010.
- Howland R.H.* Greek Lamps and Their Survivals. The Athenian Agora. Vol. IV. Princeton, New Jersey. 1958.
- Iconomu C.* Opaite greco-romane. Bucureşti. 1967.
- Iványi D.* Die Pannonischen Lampen. Eine Typologisch-Chronologische Übersicht. Budapest. 1935.
- Karivieri A.* The Athenian Lamp Industry in Late Antiquity. Helsinki. 1996.
- Kassab Tezgör D., Sezer T.* Catalogue des lampes en terre cuite du Musée Archéologique d'Istamboul. Tome 1. Epoque protohistorique, archaïque, classique et hellénistique. Varia Anatolica VI, 1. Istamboul-Paris. 1995.
- Leibundgut A.* Die Römischen Lampen in der Schweiz. Bern. 1977.
- Loeschcke S.* Lampen aus Vindonissa. Ein Beitrag zur Geschichte von Vindonissa und des antiken Beleuchtungswesens. Zürich. 1919.
- Lyon-Caen C.* Lampes grecques en terre cuite // Musée du Louvre. Catalogue des lampes en terre cuite grecques et chrétiennes. Paris. 1986.
- Marsa J.* Roman Lamps in the Prague National Museum and in other Czechoslovak Collections // Sbornik Narodniho Musea v Praze. Rada A. XXVI, 3–5. 89–150. 1972.
- Menzel H.* Antike Lampen in Römisch-Germanischen Zentralmuseum zu Mainz. Mainz. 1954.

- Meriç R. Späthellenistisch-römische Keramik und Kleinfunde aus einem Schachtbrunnen am Staatsmarkt in Ephesos. Forschungen in Ephesos. IX/3. Wien. 2002.
- Museteanu C., Elefterescu D. Lampes romaines de Durostorum // Dacia. XXVII, 1-2. 109–128. 1983.
- Νικολαου Ε. ΣΤ' Οι πηλινovi λυχνovι απο το βορειο νεκροταφειο της αρχαιας Δημητριάδας // Επιστημονικη Συναντησε για την Ελληνιστικη Κεραμικη. Προβλεματα χρονολογησης. Κλειστα Συνολα – Εργαστερα. Πρακτικα. Αθηνα.
- Oziol T. Les Lampes. Salamine de Chypre I. Paris. 1977.
- Panazza P. Le lucerne romane della Valcamonica, Quaderni Camuni. 3. Brescia. 1984.
- Perlzweig J. Lamps of the Roman Period. The Athenian Agora. VII. Princeton. 1961.
- Ponsich M. Les lampes Romaines en terre cuite de la Maurétaine Tingitane. Publications du service des antiquités du Maroc. Fasc. 15. Rabat. 1961.
- Roman C.-A. Lamps from Dacia Porolissensis. I. Zalău. 2006.
- Sorochan S. Light for life and death in Early Byzantine Empire // D.Zhuravlev (Ed.). Fire, Light and Light Equipment in the Graeco-Roman World. BAR International Series 1019. Oxford. 11–119. 2002.
- Schäfer J. Hellenistische Keramik aus Pergamon. Pergamenische Forschungen 2. Berlin. 1968.
- Scheibler I. Kerameikos XI. Griechische Lampen. Berlin. 1976.
- Scorpan S. Tipi sconosciuti di lumini a olio romani e il problema di certe transmissioni nel primo feudallismo // Pontica. VI. 209–228. 1973.
- Subic Z. Rimske oljenke v Slovenji // RCRF Acta. XVI. Emona. 1976.
- Szentlélek T. Ancient Lamps. Amsterdam. 1969.
- Wunderlich C.-H. Éclairage antique high-tech: la Firmalampe. Les Romains ont-ils anticipé une invention brevetée par les disciples de Lavoisier à la fin du XVIIIe siècle? // L.Chizanovski. Lumière! L'éclairage dans l'antiquité. Une exposition du Musée romain de Nyon, Suisse. 15 mai 2003 – 30 avril 2004. 45–50. 2003.
- Zaitsev Yu.P. Light and Fire in the Palace of Skythian King Skilur // Zhuravlev D. (Ed.). Fire, light and light equipment in the Graeco-Roman world. BAR International Series. 1019. Oxford. 61–73. 2002.
- Zhuravlev D. Lighting equipment of the Northern Pontic area in the Roman period: imports and local production // V.Gabrielsen, J. Lund (Eds.). The Black Sea in Antiquity. Regional and Interregional Economic Exchanges. Black Sea Studies. 6. Aarhus. 209–237. 2007.
- Zotović L., Jordović Č. Viminacium. Necropole “Više Grobalja». Belgrad. 1990.

Д.В. Журавльов, Н.П. Турова

АНТИЧНІ ГЛИНЯНІ СВІТИЛЬНИКИ ЯЛТИНСЬКОГО ІСТОРИКО-ЛІТЕРАТУРНОГО МУЗЕЮ

Резюме

Глиняні світильники – одна з груп колекції античної кераміки Ялтинського історико-літературного музею. Як і більшість інших безпаспортних стародавностей музею, світильники походять із збірки Великого князя Олександра Михайловича. Колекція світильників Ялтинського музею складається з 103 предметів, що становить приблизно одну десяту частину всього великокнязівського зібрання античної кераміки. В колекції знаходяться як цілі світильники, так і їх фрагменти, більшість з яких публікуються вперше.

Д.В. Журавлев, Н.П. Турова

АНТИЧНЫЕ ГЛИНЯНЫЕ СВЕТИЛЬНИКИ
ЯЛТИНСКОГО ИСТОРИКО-ЛИТЕРАТУРНОГО МУЗЕЯ

Резюме

Глиняные светильники – одна из групп коллекции античной керамики Ялтинского историко-литературного музея. Как и большинство других беспаспортных древностей музея, светильники происходят из собрания Великого князя Александра Михайловича. Коллекция светильников Ялтинского музея состоит из 103 предметов, что составляет приблизительно одну десятую часть всего великокняжеского собрания античной керамики. В коллекции имеются как целые светильники, так и их фрагменты, большинство из которых публикуются впервые.

D.V Zhuravlev, N.P. Turova

ANCIENT CLAY LAMPS
OF THE YALTA HISTORICAL-LITERARY MUSEUM

Summary

Clay lamps are a group in the collection of antique ceramics of the Yalta Historical-Literary Museum. The lamps come from the collection of Grand Prince Alexander Mikhailovich like most undocumented antiquities of the museum. The collection of lamps is composed of one hundred and three items, representing approximately one-tenth of all Grand Prince's collection of ancient ceramics. There are intact lamps and fragmented ones in the collection. Most of them are published for the first time.

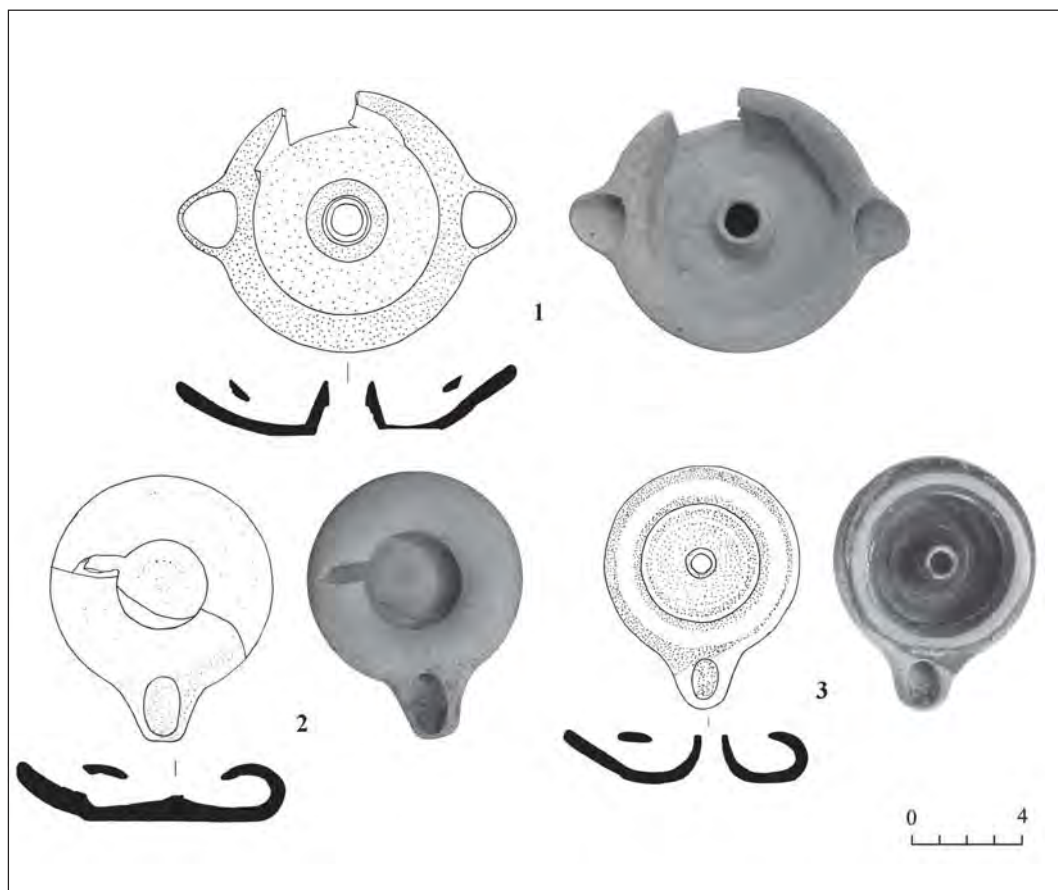

Табл. 1. Восточно-греческий и аттические светильники. Кат. 1 – 3.

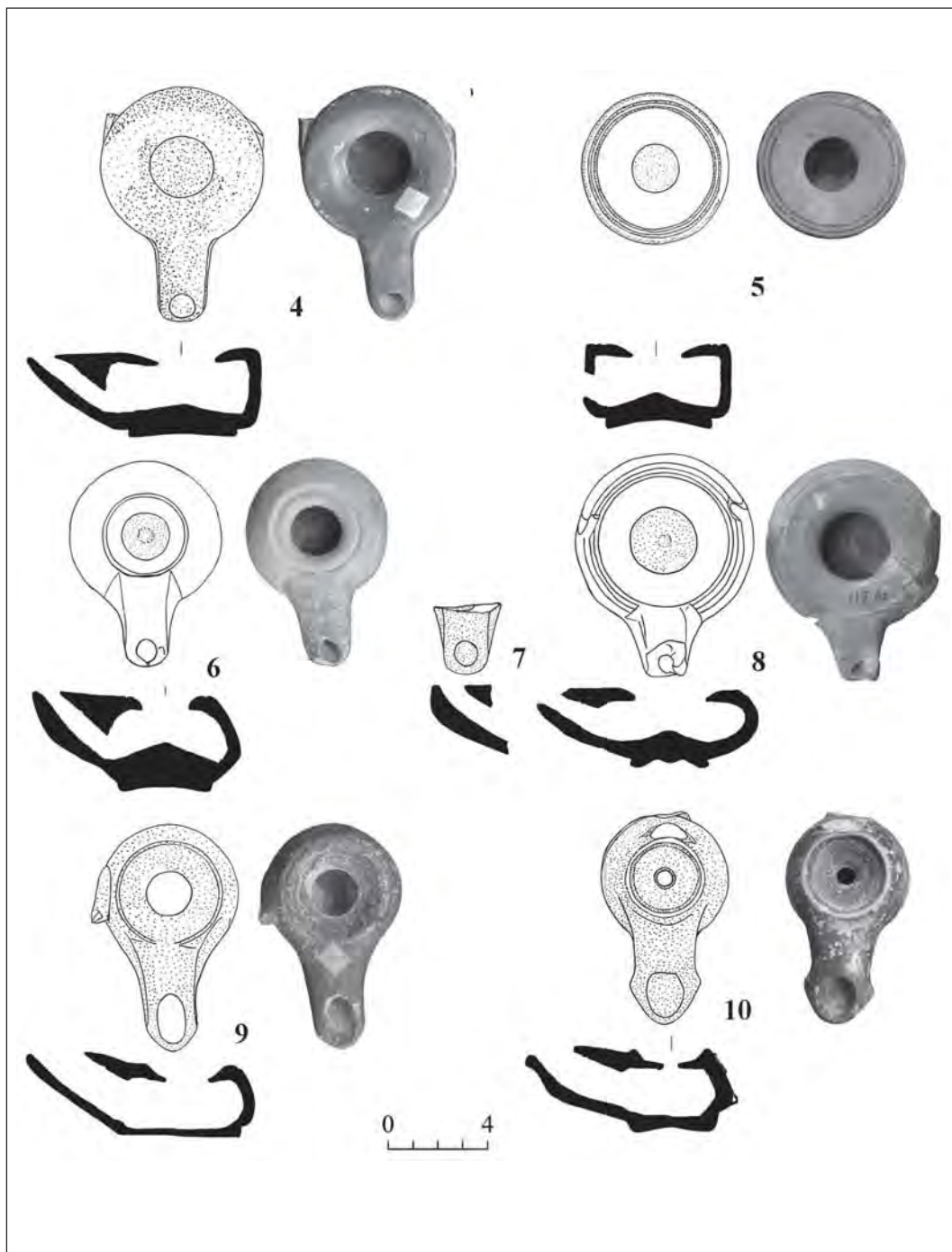

Табл. 2. Аттические светильники и их имитации. Кат. 4 – 10.

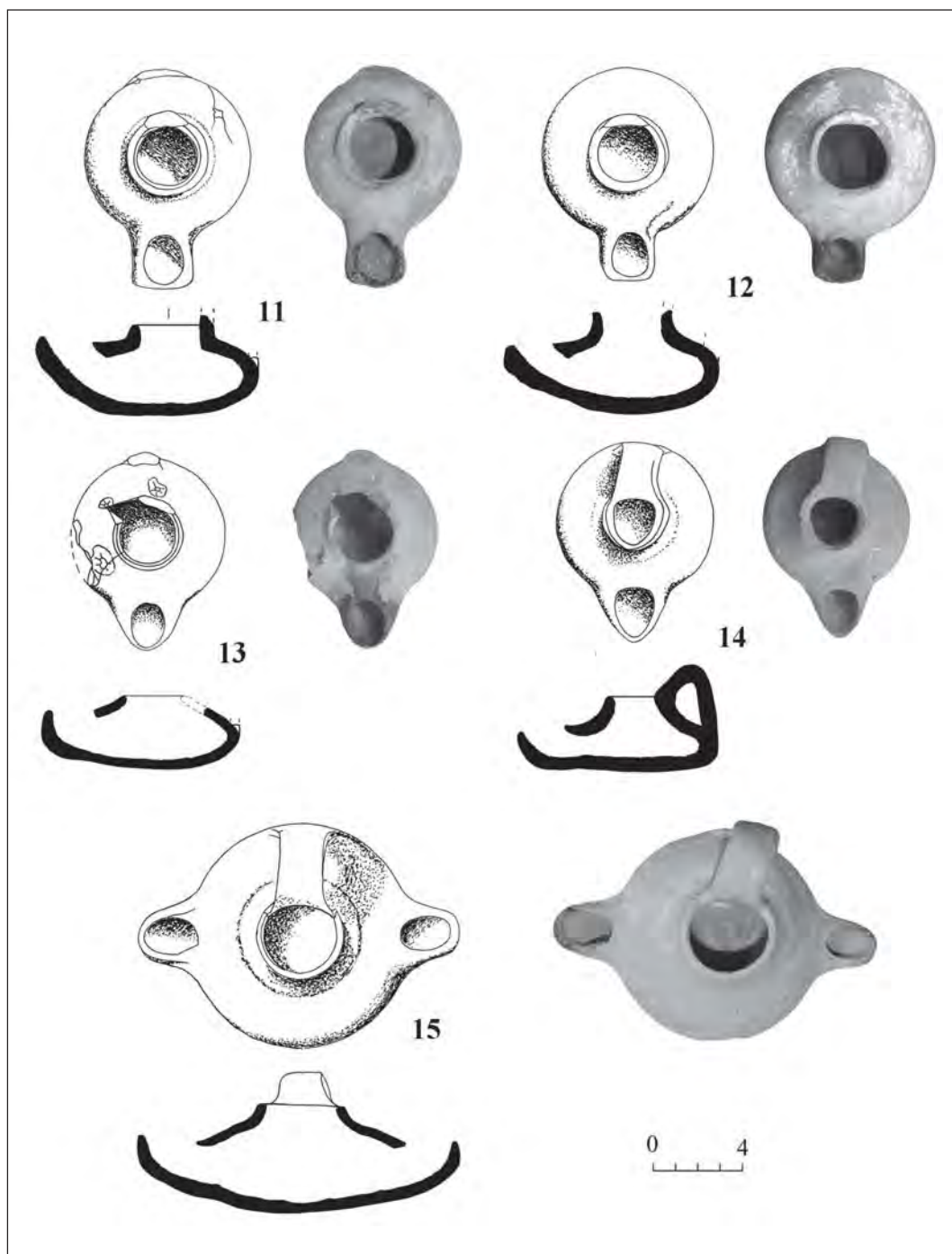

Табл. 3. Светильники типа кувшинчика. Ольвия (?). Кат. 11 – 15.

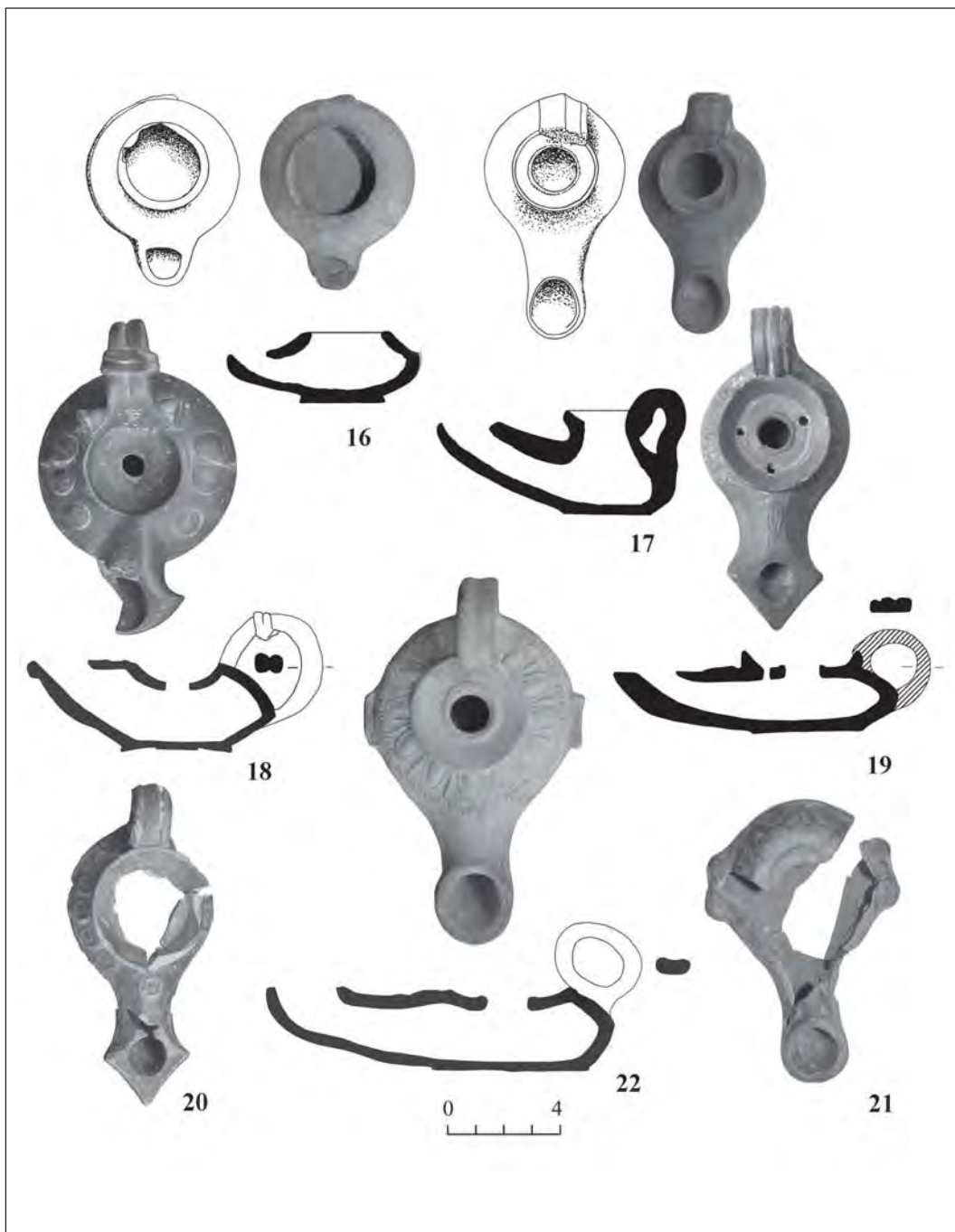

Табл. 4. Боспорские (Кат. 16–17); книдский (Кат. 18) и эфесские (Кат. 19–22) эллинистические светильники.

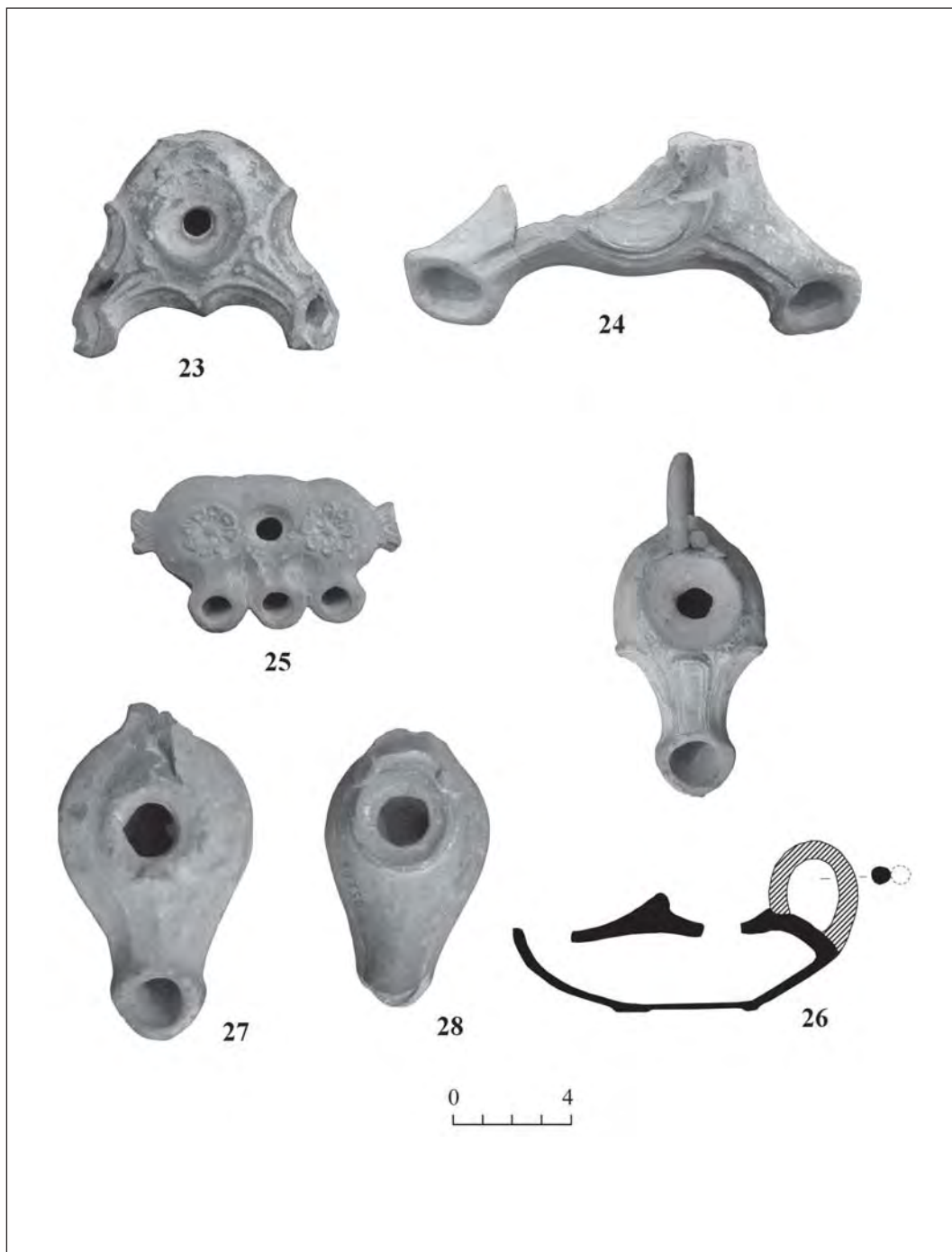
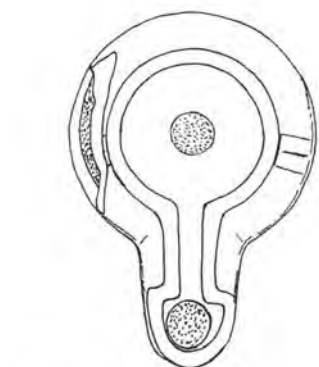
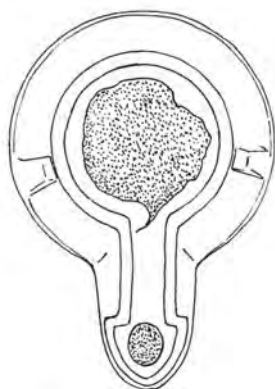

Табл. 5. Боспорские эллинистические и римские светильники. Кат. 23–28.

29

30

Табл. 6. Firmalampen. Кат. 29–30.

Табл. 7. Светильник с латинскими сигнатурами. Кат. 31.

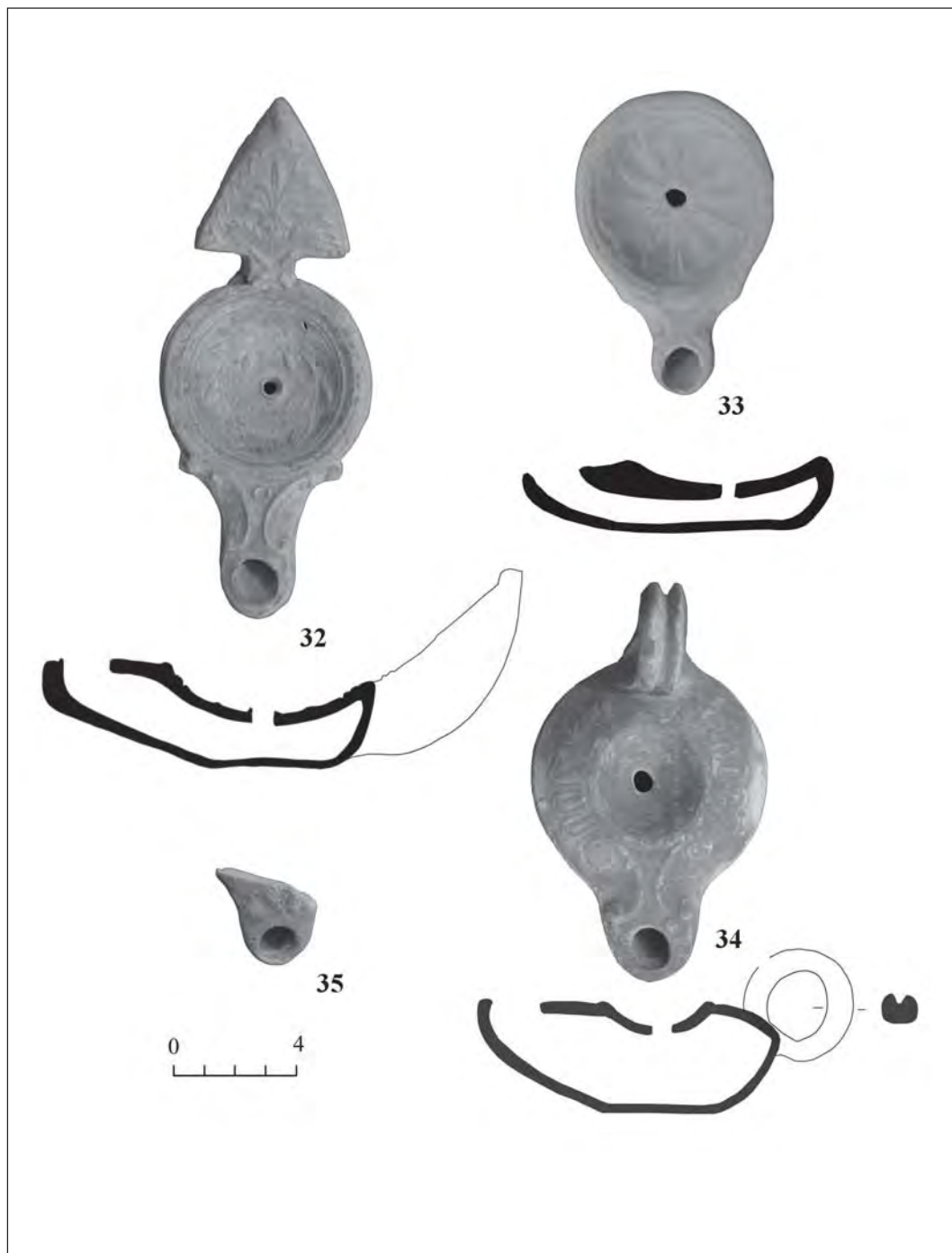

Табл. 8. Святильники с волютами. Кат. 32–35.

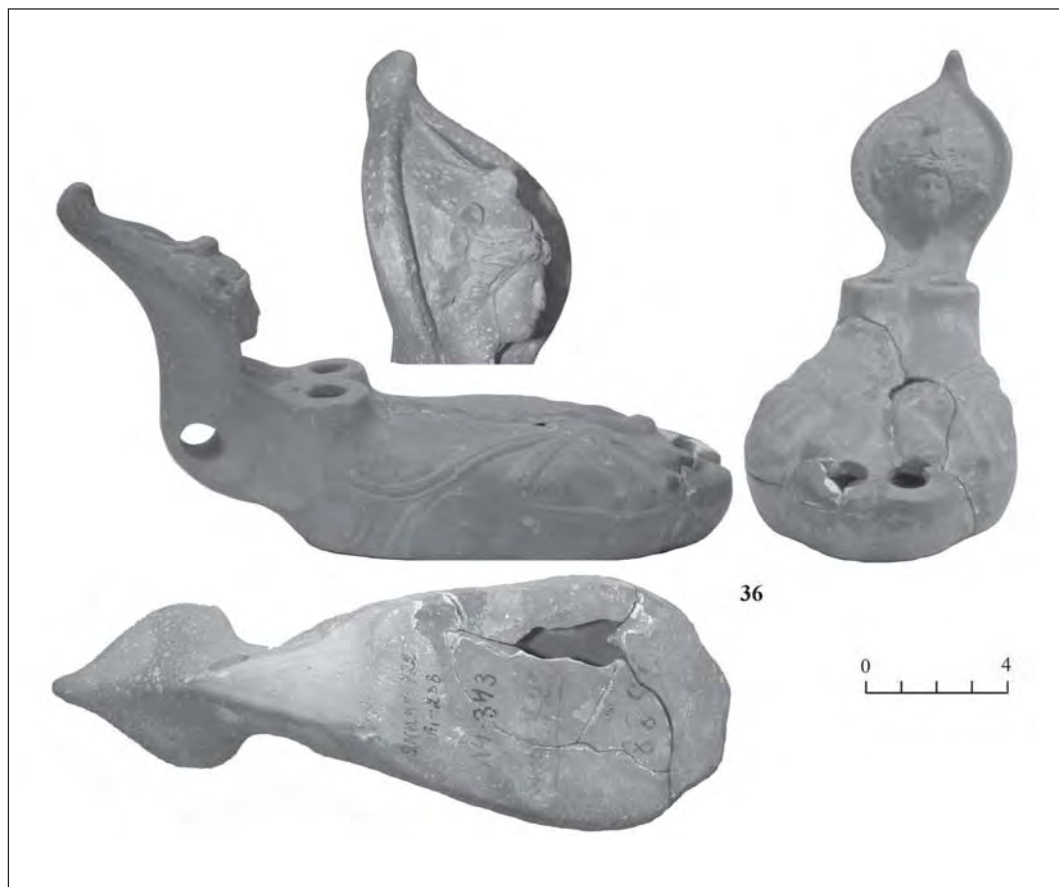

Табл. 9. Фигурный светильник. Кат. 36.

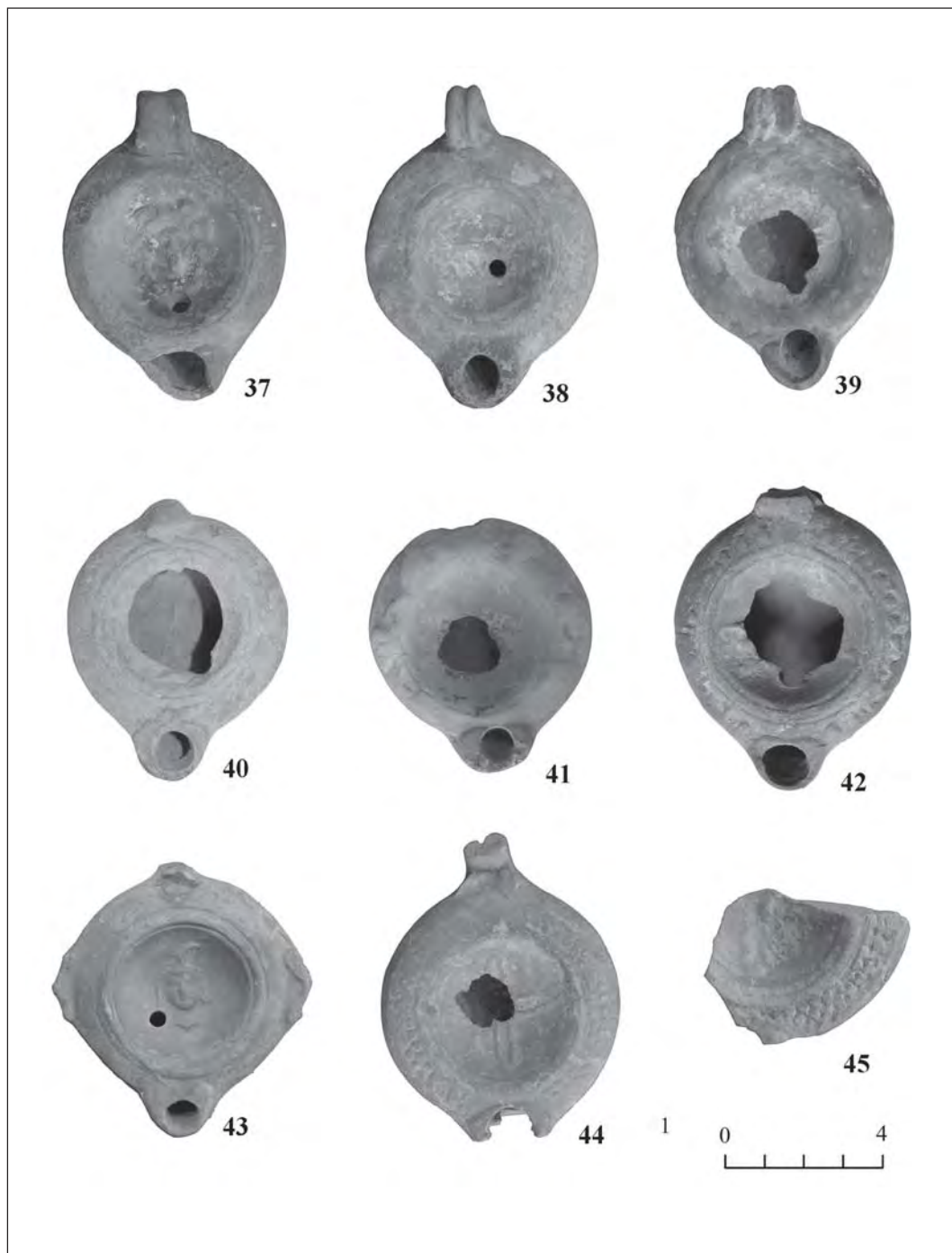

Табл. 10. Святильники типа Loeschke VIII. Кат. 37–45.

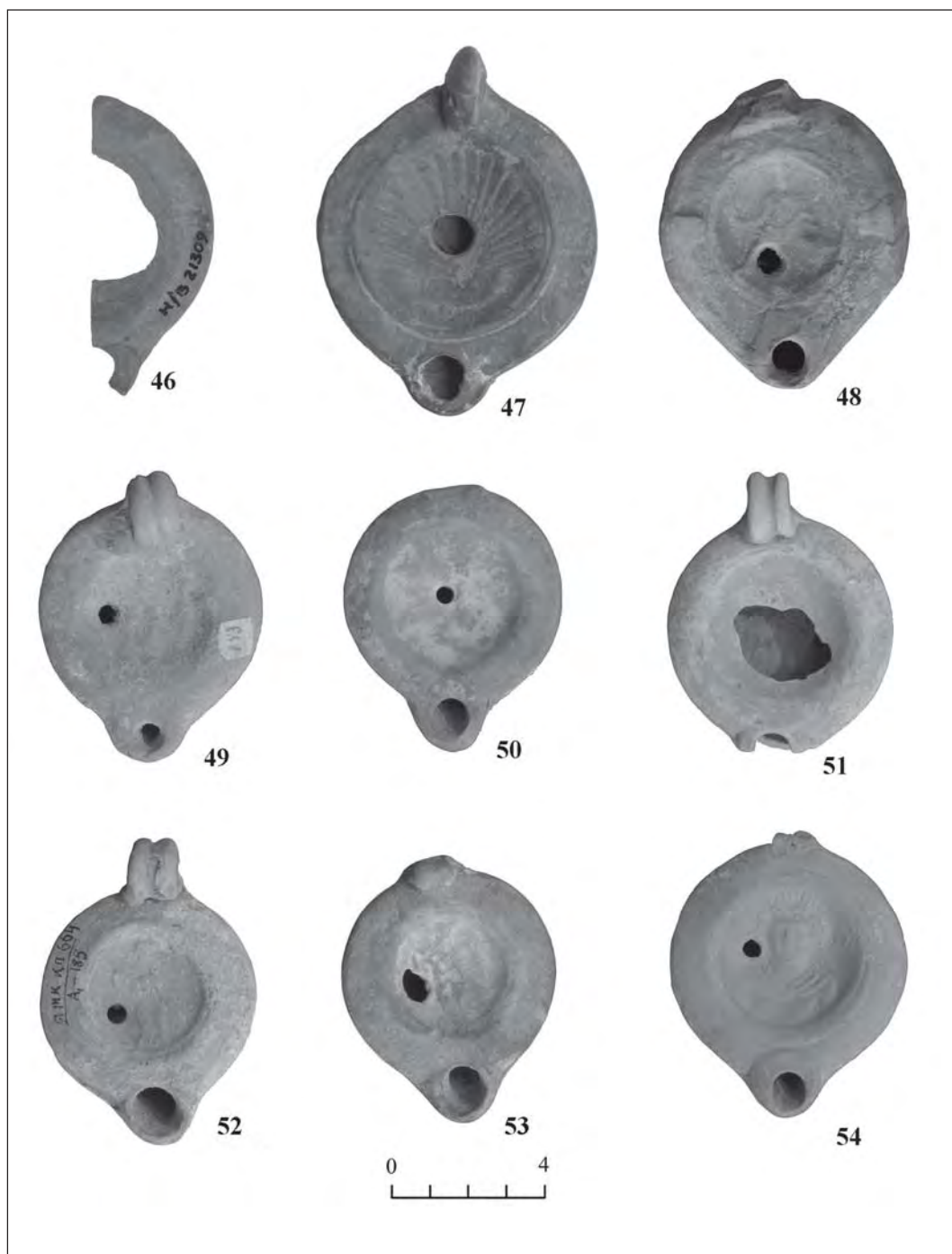

Табл. 11. Светильники типа Loeschke VIII. Кат. 46–54.

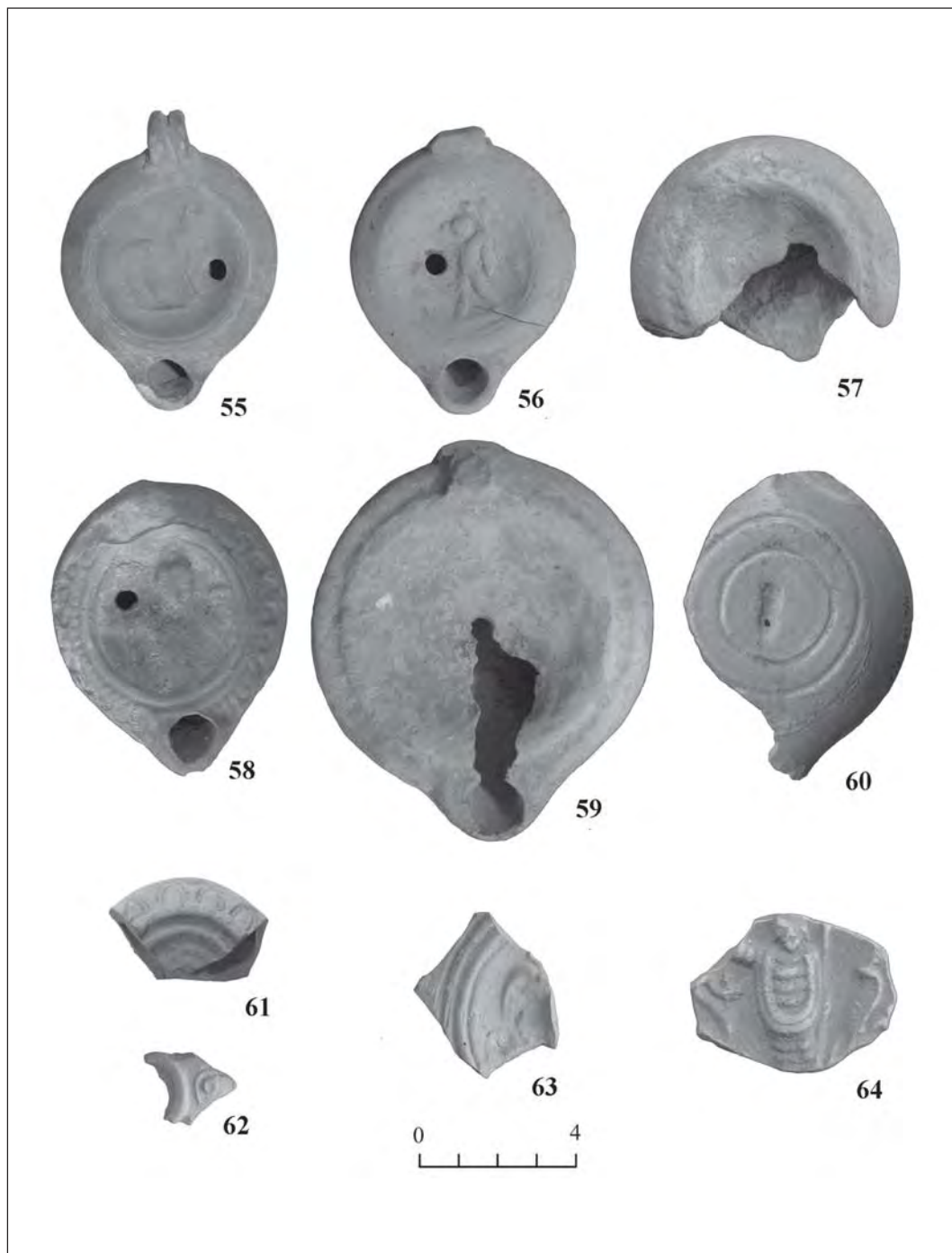

Табл. 12. Святильники типа Loeschke VIII (Кат. 55–59) и фрагменты (Кат. 60–64).

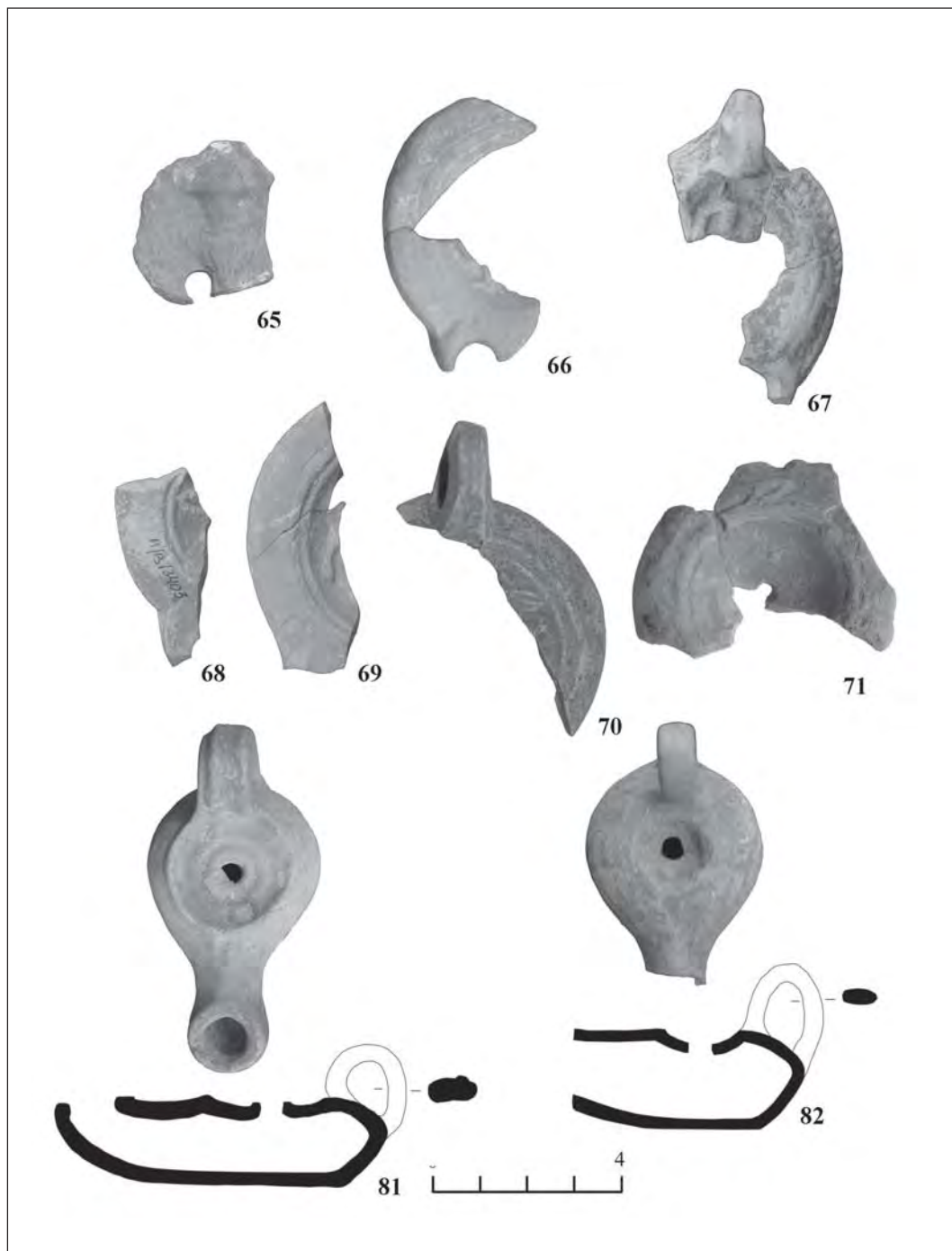

Табл. 13. Фрагменты светильников (Кат. 65–71) и светильники неопределенных типов (Кат. 81–82).

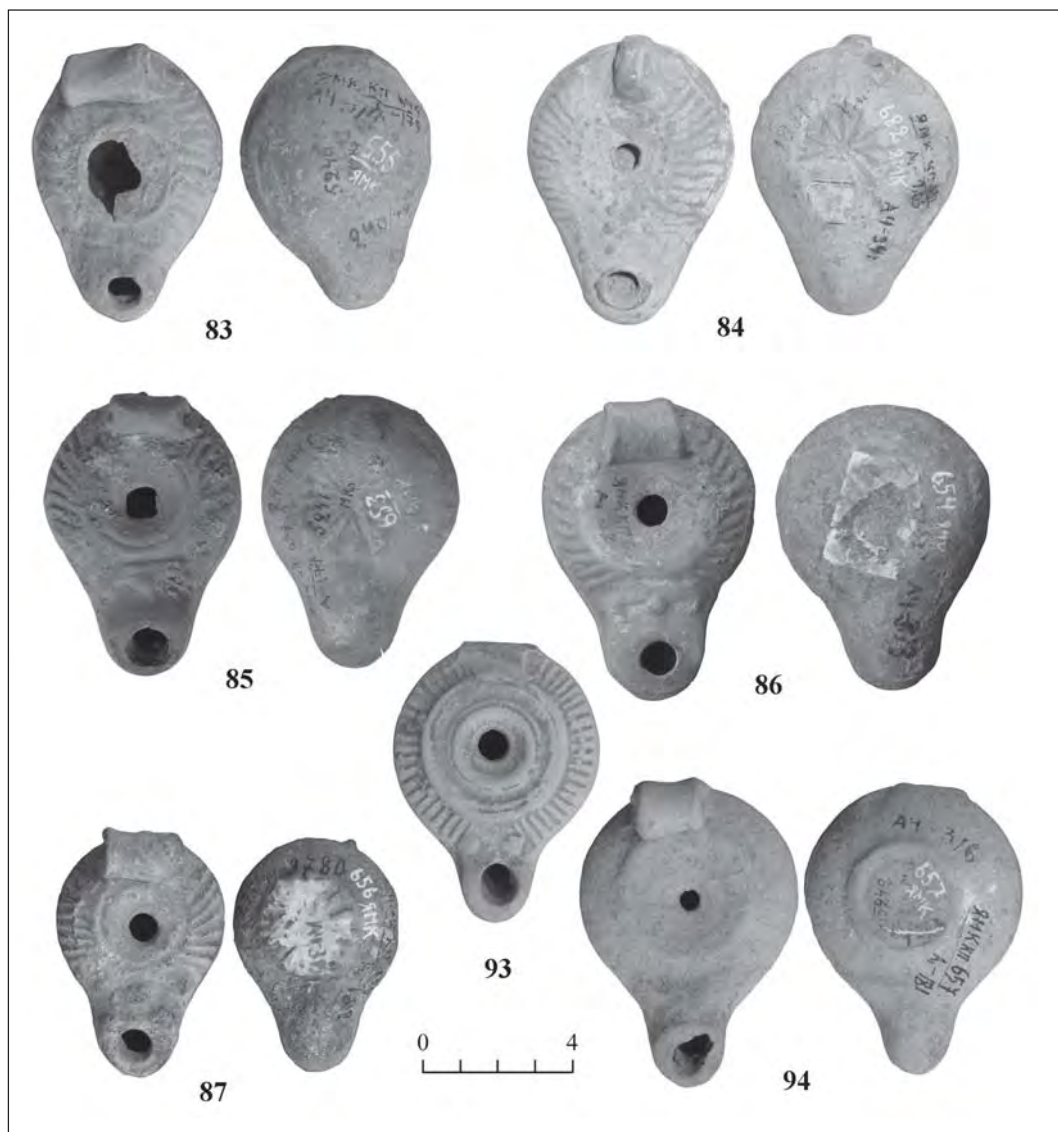

Табл. 14. Рубчатые светильники. Кат. 83–87; 93–94.

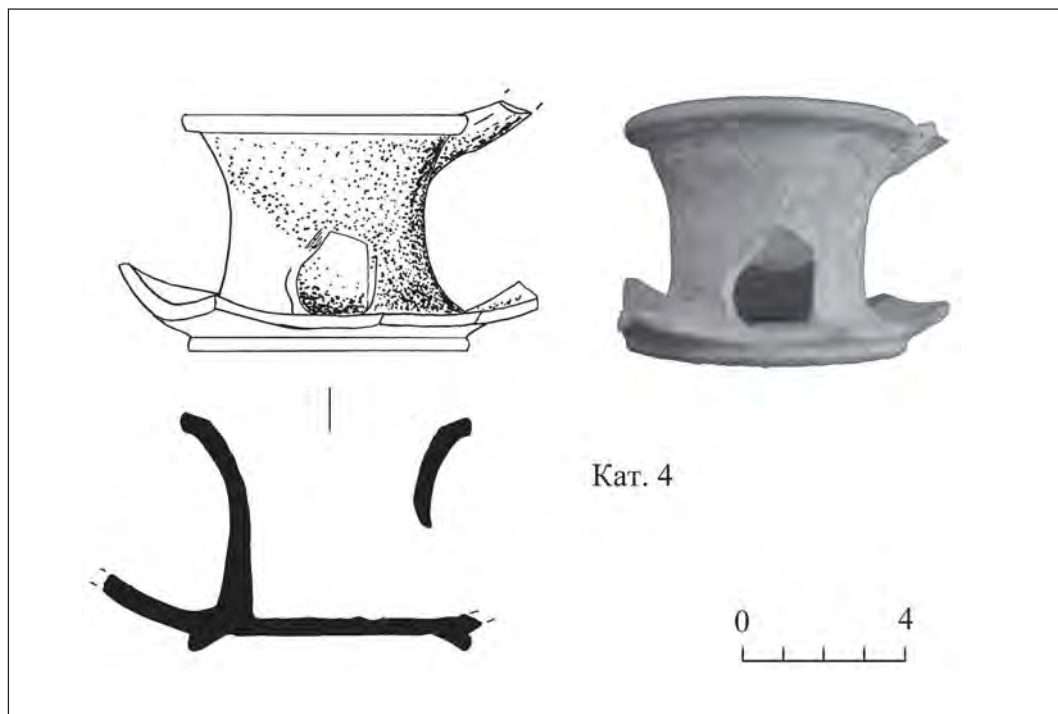

Табл. 15. Свотильник-свечник. Кат. 96.

Н.В. КУЗИНА

**КОМПЛЕКС ТЕРРАКОТ ИЗ РАСКОПОК АНТИЧНОГО
СВЯТИЛИЩА НА ПОСЕЛЕНИИ «ПОЛЯНКА»
В КРЫМСКОМ ПРИАЗОВЬЕ¹.**

В 2010 г. было исследовано небольшое сельское святилище, расположенное на возвышенности в 150 м к юго-востоку от античного городища «Полянка» [подробно см.: Масленников, Кузина, 2011, с. 228–247]. Как и большинство сельских святилищ, оно скромное и непритязательное, плохо сохранилось, но вместе с тем расширяет круг уже известных сакральных комплексов. Его изучение позволяет дополнить наши сведения о духовной жизни населения Крымского Приазовья.

В ходе исследования плато на вершине холма были открыты остатки трех сооружений, относившихся к двум строительно-хронологическим периодам (рис. 1). К первому – относится помещение I, остатки которого представлены стенами №№ 4 и 5, образующими его северо-восточный угол. Помещение ориентировано стенами по сторонам света с небольшим смещением по линии северо-восток; юго-запад. Кладки стен, сложенные из средних и мелких необработанных камней местного известняка, сохранились на высоту одного ряда (около 0,4 м). Сохранившаяся максимальная длина стены № 4 (по внешнему фасу) около 1,40 м, ширина – в среднем 0,54 м, длина стены № 5 (по внешнему фасу) около 1,64 м, ширина – около 0,6–0,7 м.

К первому строительному периоду следует отнести и конструкцию подпрямоугольной формы, сложенную из известняковых необработанных средних по размерам камней, располагавшуюся примерно в двух метрах к юго-востоку от восточной части стены № 5. Данное сооружение, возможно, представляло собой остатки основания алтаря. «Стены» его ориентированы по сторонам света. Эта конструкция сложена из нескольких средних и мелких необработанных известняковых камней, причём крупные камни поставлены на ребро и образуют внешние ряды кладки. Среди них использован фрагмент зернотёрки из тёмно-серого, зернистого камня (п/о 2837, к/о 107). Конструкция имеет следующие размеры, длина её – 1,7 м, ширина – 1,3 м, высота – 0,6 м. Аналогичное алтарное основание было открыто в святилище

¹ Автор выражает благодарность д.и.н. А.А. Масленникову за ценные консультации и возможность публиковать материалы из раскопок святилища.

поселения «Сиреневая бухта» [Масленников, 2007, с. 243, рис. 107, а]. Думается, что присутствие фрагмента зернотёрки среди алтарных камней также неслучайно. К этой мысли подводят и место находки, и её первоначальное функциональное назначение, связанное с зерном и его переработкой, превращением в иные продукты: муку и крупу. Такие преобразующие (разрушающие старую и порождающие новые) качества особо ценились в обрядах жертвоприношения [Тульпе, Хршановский, 1994, с. 108–109]. В северопричерноморских античных центрах известны неоднократные случаи использования зернотёрок в культовой практике при жертвоприношении в основном хтоническим богам [Молева, 2006, с. 86–98]. Находки зернотерок именно в этом контексте фиксируются в слоях китейского святилища, «святилища Афродиты» (по М.М. Худяку) в Нимфее [Худяк, 1962, с. 24], сакрального комплекса на поселении «Белинское» [Зубарев, Крайнева, 2006, с. 150–151], а также на некрополях Илурата и Китея, где они выступали атрибутами заупокойных ритуалов, также хтонических по своей сути [Тульпе, Хршановский, 1994, с. 94]. Исходя из датировок материала, обнаруженного возле алтаря, можно заключить, что даты первого строительного периода, вероятнее всего, III–II вв. до н.э. [Масленников, Кузина, 2011, с. 232].

Помещение I было разобрано, и на его месте строится новое здание – помещение II, соответствующее второму строительно-хронологическому периоду. Оно было подпрямоугольной формы, ориентированное стенами по сторонам света и вытянуто в направлении: восток-запад. Восточная стена и вход не сохранились. Уцелели, и то не полностью, цокольные ряды кладок трёх стен. Пол фиксируется по всей площади помещения и представляет собой относительно горизонтальную двухслойную подмазку из плотной желтоватой глины, толщина каждого слоя 0,07–0,1 м. Его подстилает практически стерильная зольная прослойка, в свою очередь, лежащая на материковой скале. Наиболее «типичные» находки, происходящие как из заполнения помещения, так и из верхнего слоя подмазки пола дают основание предполагать, что святилище функционировало в пределах II–I вв. до н.э. и, может быть, начале I в. н.э. [Масленников, Кузина, 2011, с. 243]

Культовый характер комплекса, помимо описанной выше алтарной конструкции, маркируют также находки фрагментов лепных и красноглиняных гончарных курильниц (20 фр.), нижней части лепного алтарика (п/о 2762), 7 фрагментов светильников (п/о 2609, 2610, 2680, 2681, 2683, 2684, 2874) и терракот.

Здесь найдено несколько десятков обломков терракот (всего – 32 фрагмента). Почти все они происходят из заполнения помещения II. Три фрагмента обнаружены в слое темно-коричневого гумуса, 21 фрагмент происходит из прослойки серо-коричневого суглинка с примесью раковин морского гребешка, 5 обломков найдено в слое золистого суглинка, насыщенного ракушкой, и 3 фрагмента терракот обнаружены вблизи помещения в слое

гумуса и глинистого желто-коричневого суглинка. Большинство из них (68,7%) – это мелкие, неопределимые обломки терракотовых статуэток, однако 10 фрагментов – 31,3% (Кат. № 1–10, рис. 2 1–10) – поддаются интерпретации, и некоторые из них заслуживают внимания как свидетельства религиозной практики населения Крымского Приазовья. Отмеченные терракоты можно условно разделить на две хронологические группы. Терракоты первой группы связаны с религиозными воззрениями населения городища «Полянка» и представлены типами, бытовавшими во II–I вв. до н.э. Их обломки попали в святилище в основной период его функционирования.

Прежде всего, это фрагмент терракотовой протомы, изображающей богиню с высокой прической и в покрывале (Кат. № 1, рис. 2, 1). Женские изображения с прической в виде «узла» наиболее часты среди культовых и жанровых статуэток II–I вв. до н.э. [САИ, ч. III, табл. 27, 1; 39, 3–4; 62, 2] и более позднего времени I в. н.э. [Mollard-Besques, 1971, pl. 211. E/D 3292 n; ibid, 1972, pl. 414. E/D 2896 b, 2898 c, E/D 2900 a; САИ, ч. III, табл. 62, 4]. Отметим также, что терракоты девушек с близкой по форме прической происходят из мастерской коропласта на акрополе Пантикапея и датируются I в. до н.э. [Ильина, 2006, кат. 26, 27, 61, 62, 64]. Культовые статуэтки, близкие по иконографии той, что была найдена в святилище, нередко интерпретируются как изображения Афродиты [Кобылина, 1961, с. 148; Силантьева, 1974, с. 12 и далее; Завойкин, 2007, с. 180–181].

Следующие несколько терракот связаны с культом Диониса, который в позднеэллинистическое время нередко почитался совместно с Афродитой, а также Кибелой (Великой Матерью) [см. Сокольский, 1964, с. 106, с. 110; Молева, 2002, с. 70; она же. 2003, с. 74–80; Tolstikov, p. 732; Ильина, Муратова, 2002, с. 117; Кузина, 2007, с. 42]. Среди них – два фрагмента вотивных масок Диониса-Винограда (Диониса-Ботрюса) – это борода и часть прически, выполненные в виде крупных виноградных ягод (Кат. № 2–3, рис. 2, 2, 3). Самые ранние изображения этого типа, происходящие из раскопок боспорских городов, датируются второй половиной IV–III вв. до н.э. К этому времени относятся два фрагмента маски Диониса-Винограда, найденные при исследовании небольшого зольного святилища в западной части Китея [Молева, 2003, с. 77]. Подобные изображения Диониса-Винограда известны среди терракот из некрополя Пантикапея [Древности Боспора Киммерийского, 1854, табл. LXXIV, 1, 2] и Порфмия [Кастанаян, 1958, с. 206]. Однако, лучше всего этот тип отражают позднеэллинистические вотивные маски из Мирмекия [САИ, ч. II, табл. 44, 5; Денисова, 1981, табл. XXI, а, д]. Терракоты воплощают Диониса как в облике зрелого бородатого мужа, так и цветущего женоподобного юноши. На масках бог представлен улыбающимся, в жреческой повязке и венке из виноградных листьев, волосы, усы, борода трактованы в виде ягод или гроздей винограда. В упомянутых памятниках коропластики

нашло художественное выражение отождествление Диониса с виноградом и виноградной лозой, которое прослеживается и в сакральных именах бога «Виноградная лоза», «Виноградная гроздь», «Виноградный» (*Orph. h.* L, 1, 6), «Многогроздный» (*Hom. h.* XXVI, 11).

Ещё один фрагмент культовой маски представляет собой правую часть бороды Диониса и отличается тщательной моделировкой завитков (Кат. № 4, рис. 2, 4). Пышная борода с локонами является неотъемлемым элементом иконографического типа Диониса-Сарданапала. Как и образ Диониса-Винограда, изображения Диониса-Сарданапала, наделённые восточными чертами, берут начало в малоазийском искусстве. Известно, что большинство реплик терракот этого типа происходит из мастерских Амиса [Mollard-Besques, 1971, pl. 107, D 494; Atasoy, 2003, p. 1363–1365; Сапрыкин, 2009, с. 94–107]. На Боспоре он получает популярность с III в. до н.э. В IV–III вв. до н.э. для изготовления масок, вероятно, пользовались привозными формами. Большинство позднеэллинистических терракот с изображением Диониса-Сарданапала – местного производства и являются подражанием малоазийским образцам [Финогенова, 1990, с. 190–193].

Целый ряд изображений, отражающих данный иконографический тип, происходит из раскопок Пантикапея [САИ, ч. III, табл. 12, 1; Античная ко-ропластика, 1976, кат. 186, с. 49–50; Финогенова, 1990, с. 191, рис. 1–3] и Мирмекия [Гайдукевич, 1963, с. 55; САИ, ч. II, табл. 44, 1; Денисова, 1981, табл. XXI, б, в, XXII, в, ж]. Маски Диониса-Сарданапала встречаются и среди терракотовых статуэток, обнаруженных при исследовании сельских поселений Боспора. При раскопках святилища на городище «Полянка» в 1985 г. была найдена вотивная маска в виде головы бородатого Диониса, входившая в комплекс культовых терракот II–I вв. до н.э. [Масленников, 2007, с. 26, рис. 12; он же, 2006, с. 115, рис. 29]. Маски этого типа передают один иконографический образ, для которого свойственны следующие элементы: высокий головной убор – повязка в виде тюрбана, перевитого лентой, концы которой свисают по бокам, венок из листьев и плодов плюща, два коримба в центре венка, симметрично расположенные спиралевидные локоны бороды. Однако, точные повторения среди масок редки, каждая терракота индивидуальна в оформлении деталей [Финогенова, 1990, с. 192]. Вместе с тем, самая близкая аналогия находке из святилища на холме происходит из раскопок Мирмекия [Денисова, 1981, табл. XXII, ж]. На наш взгляд, стилистическое сходство между этими фрагментами прослеживается в трактовке завитков бороды. По иконографии дионисийские маски из святилища могут быть датированы концом II–началом I вв. до н.э.

Среди обломков терракот, обнаруженных в помещении II святилища, примечательны два фрагмента от статуэтки, изображавшей детскую фигуру в распаханном плаще, сидящую на спокойно переступающей лошади

(Кат. № 5, рис. 2, 5, а, б). Терракота выполнена в хорошей форме с тщательной проработкой деталей. Большинство реплик аналогичных статуэток относится ко II–I вв. до н.э. [Денисова, 1981, табл. XXII, з, к; Масленников, 2007, с. 21, 23; рис. 11, 1, с. 27, рис. 13, 6; Ильина, Муратова, 2008, с. 298]. Наиболее близки по смыслу нашей статуэтке две терракоты из открытого ранее на «Полянке» святилища [Масленников, 2006, с. 107, рис. 25, с. 125, рис. 39; он же, 2007, с. 21, 23; рис. 11, 1, с. 27, рис. 13, 6]. Аналогичная схема изображения ребенка верхом на лошади встречается в терракотовой пластике других североPontийских городов, в частности, Мирмекия [Денисова, 1981, табл. XXII, к], Горгиппии [САИ, ч. IV, табл. 55, 5, (I в. до н.э.)] и Херсонеса [САИ, ч. II, табл. 16, 1 (II в. до н.э.)]. Этот образ в историографии трактуется довольно широко. В памятниках античного искусства в виде детей и подростков часто изображались хтонические божества, олицетворявшие весеннее пробуждение природы и плодородие. В нем видят синкретических божеств Гора-Гарпократа [Kiss, 1996, p. 214–217, САИ, ч. IV, табл. 14, 1], Аттиса-Мена, Аттиса-Митру [Масленников, 2007, с. 23, 27]. Вместе с тем, известно, что в Греции дети, подростки и юноши, проходя посвящение, участвовали в мистериях Диониса и Матери Богов (*Dem.* XIX. 199; *Strabo* X. 3, 18), а также Деметры [Ходза, 2000, с. 29–30; Лауэнштайн, 1996, с. 228 и сл.] и Кабиров [Сорокина, 1997, с. 58]. Учитывая этот факт, не стоит исключать возможность того, что подобные терракоты могли воплощать образы участников религиозных ритуалов [Кузина, Молева, Матукина, 2010, с. 284].

Вероятно, к числу позднеэллинистических терракот следует отнести и фрагмент объемной статуэтки, представленный частью пьедестала подпрямоугольной формы (Кат. № 6, рис. 2, б). В памятниках коропластики II–I вв. до н.э. нередко встречается оформление подставки статуэтки в виде высокого прямоугольного постамента [САИ, ч. III, табл. 21, 4, 23, 3, 32, 3, 33, 1–2, 39, 1; САИ, ч. IV, табл. 34, 3, 54, 1–2, 57, 1]. На уровне пьедестала сохранился незначительный фрагмент складок длинной женской одежды (?). Не исключено, что обломок, обнаруженный при раскопках святилища, принадлежит изображению стоящей женщины, аналогичному терракотам из сакрального комплекса в центре городища [Масленников, 2006, с. 113–114, рис. 28, с. 120, рис. 34, с. 123, рис. 37].

Среди терракот, большинство из которых соотносится с распространенными на Боспоре типами культовых изображений, выделяется фрагментированная вылепленная от руки терракотовая антропоморфная статуэтка, изображающая стоящую(?) фигурку без признаков пола с тонкими, слегка согнутыми в коленях ногами (Кат. № 7, рис. 2, 7). Фигурка выполнена из светло-коричневой глины, туловище исполнено в одностороннем рельефе, ноги – объемные. Высота статуэтки – 6,5 см. Аналогий данной терракоте найти не удалось. Вероятно, она имела какое-то символическое значение и попала

в святилище в качестве приношения. Определение времени её бытования в святилище представляет некоторую сложность. Контекст находок дает дату II–I вв. до н.э. – начало I в. н.э. Вместе с тем, это не исключает и более позднего времени изготовления и использования терракоты в культовой практике святилища.

В целом же отметим, что вышеупомянутый весьма скромный набор фрагментированных терракотовых статуэток из святилища на вершине синхронен комплексу терракот из святилища в центральной части городища и сюжетно с ним соприкасается. Оба набора датируются II–I вв. до н.э. и отражают сложившийся в этот период круг религиозных представлений и сюжетов [подробно об особенностях религиозного мировоззрения на Боспоре в период позднего эллинизма см. Масленников, Сапрыкин, 1998, с. 398–440; Масленников, 2006, с. 65–67; Сапрыкин, 2009, с. 318–409].

Ко второй группе терракот, обнаруженных в святилище на холме, отнесем несколько фрагментов ритуальных статуэток, которые, возможно, применялись в обрядах синкретических культов плодородия римской эпохи, включая культ верховного женского божества.

Несомненно, к числу таких сакральных терракот относится фрагмент, представляющий собой руку богини с несохранившимся предметом (Кат. №8, рис. 2, 8). Вероятно, этот фрагмент принадлежал терракоте, изображавшей богиню на троне. Статуэтки данного сюжета бытовали на Боспоре очень долго: от VI в. до н.э. до I в. н.э. и позднее. Этот экземпляр следует отнести к одним из самых поздних реплик боспорских терракот, воплощающих женское божество на троне, распространенных во II–III вв. н.э. Близкие по смыслу терракоты происходят из раскопок Пантикапея, Илурата, сельских поселений Боспора [Кругликова, 1966, с. 113–115, она же. 1970, с. 8–9, Кобылина, 1978, рис. 57; она же, 1961, с. 159, 163, табл. XXXVI, 1, 2; Денисова, 1981, с. 79, табл. XXIV, а, б; САИ, ч. IV. 1974, табл. 55, 3; Ханутина, 2011, с. 224]. Статуэтки этого типа воплощают образ богини, сидящей на троне с высокой скамеечкой для ног, в коническом головном уборе и покрывале, с фиалой, яблоком (или голубем) в руках. Их своеобразием является то, что они выполнены без соблюдения пропорций: сравнительно миниатюрное тело и несоразмерно большие, вытянутые вперед руки богини.

С культом верховного женского божества традиционно ассоциируются статуэтки певцов, танцоров, мимов с подвесными конечностями [Кобылина, 1961, с. 159; Марченко, 1974, с. 38–46; Денисова, 1981, с. 79; Ильина, Муратова, 2008, с. 299–300; Былкова, Дяченко, 2002, с. 53–54]. Вполне вероятно, что с этими персонажами связаны две находки: два составляющих фрагмента нижней части марионетки с колоколовидным туловом и часть ноги ниже колена со слабо выраженной стопой (Кат. № 9, 10, рис. 2, 9, 10). Терракоты танцоров-марионеток получили популярность на Боспоре в период позднего

эллинизма (II–I вв. до н.э.) и раннего римского времени. Большинство терракот с подвесными конечностями, бытовавших со II в. до н.э. по I в. н.э., относят к типу так называемых «дионисийских танцоров». Эти изображения, как правило, имеют реалистическую форму и пластическое исполнение [Кобылина, 1961, с. 155, 163]. Ранние образцы выполнены по примеру общегреческих типов марионеток и воплощают участников театрализованных действий [Марченко, 1974, с. 39]. Для поздних терракот свойственны схематизация и грубое исполнение. Отметим также, что своеобразной чертой ритуальных статуэток II–III вв. н.э. является трактовка одеяния мима в виде колоковидной рубахи. Видимо, к гротескам позднего типа принадлежали вышеупомянутые фрагменты марионеток из святилища. В качестве аналогий им можно привести статуэтки из раскопок Пантикапея [САИ, ч. III, табл. 54, 1, 54, 4, 55, 3, 8, 56, 4, 3, Кобылина, 1961, табл. XXXVII, 1], Илурата [Ханутина, 2011, с. 224], городища «Белинское» [Зубарев, 2007, с. 186], восточного комплекса сельского теменоса городища Генеральское–Восточное [Масленников, 2007, с. 122, рис. 60, 1]. В историографии эти персонажи интерпретируются как изображения слугителей культа местной великой богини, которые могли иметь и самостоятельное значение, выполнять функции апотропеев, воплощать духов или демонов, покровителей различных сил природы, растительности и животного мира [Кругликова, 1966, с. 114; Марченко, 1974, с. 43; Кобылина, 1961, с. 159].

Отметим, что кроме упомянутых терракот в культурном слое святилища зафиксировано небольшое количество находок первых веков н.э. Среди них – самыми поздними являются нижние части рюмок-бокалов из светло-зеленого стекла (п/о. 2701, 2789, 2790), датируемые IV–V вв. н.э. [Голофаст, 2001, с. 107; Засецкая, 2008, с. 35–36, рис. 12, с. 109–110]. В сакральном контексте святилища этим предметам, вероятно, придавалось какое-то символическое значение, и они могли выступать атрибутами магических действий [об этом см.: Масленников, Кузина, 2010, с. 241]. К римскому времени, судя по всему, относятся фрагменты светильников, представленные двумя ручками-выступами (п/о. 2609, 2683). Нельзя исключить позднего происхождения и таких атрибутов культовой практики, как лепные курильницы. Тип курильниц-рюмок с воронковидным вместилищем, высокой круглой в сечении ножкой и почти плоским основанием особенно хорошо известен среди находок в сакральных комплексах рубежа н.э. – первых веках н.э. [Масленников, 2007, с. 328; Кастанаян, 1981, с. 98–100, с. 175, табл. XL, 1–6]. Учитывая все вышеизложенное, допустимо предположить, что на месте святилища продолжали совершаться какие-то культовые действия даже после гибели поселения.

Итак, рассмотренная нами небольшая коллекция терракот включает в себя разновременные образцы, имеющие отношение к разным этапам функционирования святилища. Фрагменты наиболее ранних терракотовых

статуэток попали в святилище в основной период его существования и связаны непосредственно с религиозными воззрениями населения городища «Полянка». Находки терракот, датируемые II–III вв. н.э., в совокупности с поздним материалом, позволяют предполагать длительное сохранение памяти о сакральном значении этих мест даже после прекращения жизни на поселении.

КАТАЛОГ

№ 1. Фрагмент (голова) терракоты, изображающей богиню

Описание: фрагмент терракотовой протомы, изображающей богиню с высокой прической. Лицо – овальное, черты лица – правильные. Прическа оформлена в виде волнистых прядей, разделенных на прямой пробор, на макушке волосы уложены «узлом» (?), трактованным в виде двух выступов. Поверх прически накинута покрывало.

Дата: имеющиеся реплики относятся к II–I вв. до н.э. и I в. н.э.

Место находки: ВКАЭ–2010, поселение «Полянка», раскоп «Святилище», помещение II; слой светло-серо-коричневого суглинка с включением раковин *Cordium*. П/о. 2685, к/о. 90.

Размеры: 4,2 × 2,0 см.

Материал и техника изготовления: глина красная с серым закалом. Оттиск в одно-сторонней форме с доработкой стекой.

Сохранность: на внешней поверхности глина отслоилась, поверхность заизвесткована.

Реплики: *Силантьева*, 1974, табл. 27, 1; 39, 3–4; 62, 2 (I в. до н.э.), 62, 4 (I в. н.э.); *Mollard-Besques*, 1971, pl. 211. E/D 3292 n; *ibid*, 1972, pl. 414. E/D 2896 b, 2898 c, E/D 2900 a.

№ 2. Фрагмент вотивной маски Диониса-Винограда

Описание: верхняя часть вотивной маски Диониса, воплощающего виноград (фрагмент близок кат. № 3). Черепок вогнутый. Внешняя поверхность рельефная, трактована в виде крупных ягод, сохранилась часть венка из листьев винограда.

Дата: большинство реплик датируется концом II–началом I вв. до н.э.

Место находки: ВКАЭ–2010, поселение «Полянка», раскоп «Святилище», помещение II; при зачистке бровки между I и III кв., золистый суглинок с включением ракушки *Cordium*. П/о. 2827, к/о. 86.

Размеры: 5 × 4,6 см

Материал и техника изготовления: глина оранжево-красная, серая в изломе; выполнена в односторонней форме.

Сохранность: утрачена большая часть маски; поверхность заизвесткована.

Реплики: *Пругло*, 1970, табл. 44, 5 (бородатый Дионис); *Денисова*, 1981, табл. XXI, a (бородатый Дионис), б (юный безбородый Дионис); *Хачатурова*, 1987, с. 127, кат. 62 (юный, безбородый Дионис).

№ 3. Фрагмент вотивной маски Диониса-Винограда

Описание: фрагмент представляет собой изображение бороды Диониса, трактованной в виде крупных ягод винограда.

Дата: имеющиеся реплики датируются концом II – началом I вв. до н.э.

Место находки: ВКАЭ–2010, поселение «Полянка», раскоп «Святилище», помещение II; светло-серо-коричневый суглинок с включением ракушки *Cordium*. П/о. 2686, к/о. 91.

Размеры: 8,1 x 4,7 см.

Материал и техника изготовления: ярко-красная глина без видимых включений; отгис в односторонней форме.

Сохранность: отсутствует верхняя часть маски, передающая лицо бога и головной убор; поверхность заизвесткована.

Реплики: Пругло, 1970, табл. 44, 5; Денисова, 1981, табл. XXI, а; Финогонова, 1990, с. 194, рис. 2, 1; Кастанаян, 1958, с. 206, рис. 6; Mollard-Besques, 1972, pl. 107.

№ 4. Фрагмент вотивной маски Диониса-Сарданапала

Описание: фрагмент представляет край вотивной маски: правая часть бороды Диониса-Сарданапала. Завитки локонов бороды тщательно моделированы.

Дата: ранние терракоты этого типа относятся ко второй половине IV– III вв. до н.э., большинство реплик датируется II–I вв. до н.э.

Место находки: ВКАЭ–2010, поселение «Полянка», раскоп «Святилище», помещение II; светло-серо-коричневый суглинок с включением ракушки *Cordium*. П/о. 2787, к/о. 102.

Размеры: 5,1 x 2,6 см

Материал и техника изготовления: глина оранжево-красная, плотная, серая в изломе; изготовлена в односторонней форме, детали доработаны стеклой.

Сохранность: утрачена большая часть маски; поверхность заизвесткована.

Реплики: Денисова, 1981, табл. XXII, ж (I в. до н.э.).

№ 5. Два фрагмента от объемной терракотовой статуэтки с изображением мальчика на коне

Описание: а) торс полуобнаженного мальчика. Голова мальчика слегка наклонена и повернута вправо. Лицо ребенка овальное, пухлое. На груди – складка гиматия, скрепленного на правом плече овальной фибулой;

б) передняя часть коня, украшенная фаларом. Конь представлен идущим мерным шагом вправо, с поднятой левой передней ногой.

Дата: большинство реплик аналогичных статуэток относится ко II–I вв. до н.э.

Место находки: ВКАЭ–2010, поселение «Полянка», раскоп «Святилище», помещение II; золистый суглинок с включением ракушки *Cordium*. П/о. 2826, к/о. 85 (фрагмент «а»); п/о. 2825, к/о. 84 (фрагмент «б»)

Размеры: а – 3,3 x 3,1 см; б – 5,5 x 4,1 см.

Материал и техника изготовления: глина оранжево-красная, плотная, без видимых включений; изготовлена в двухсторонней форме.

Сохранность: утрачена большая часть статуэтки; поверхность фрагментов заизвесткована.

Реплики: Денисова, 1981, табл. XXII, з, к; Масленников, 2006, с. 107, рис. 25, с. 125, рис. 39; он же, 2007, с. 21, 23; рис. 11, I, с. 27, рис. 13, 6.

№ 6. Фрагмент объемной терракотовой статуэтки (часть пьедестала)

Описание: фрагмент представляет собой часть пьедестала подпрямоугольной формы от объемной терракотовой статуэтки. В верхней части терракоты, на уровне постамента, сохранился незначительный фрагмент складок длинной женской одежды (?).

Дата: вероятно, II – I вв. до н.э.

Место находки: ВКАЭ–2010, поселение «Полянка», раскоп «Святилище», помещение II; светло-серо-коричневый суглинок с включением ракушки *Cordium*. П/о. 2687, к/о. 93.

Размеры: 4,5 x 3,5 см.

Материал и техника изготовления: глина – красная, серая в изломе. Оттиск в двухсторонней форме. Поверхность заизвесткована.

Сохранность: сохранился угол с боковыми гранями.

Реплики: Силантьева, 1974, табл. 21, 4, 23, 3, 32, 3, 33, 1–2, 39, I; Кобылина, 1974, табл. 34, 3, Кругликова, 1974, табл. 54, 1–2, 57, I; Масленников, 2006, с. 113–114, рис. 28, с. 120, рис. 34, с. 123, рис. 37.

№ 7. Односторонняя антропоморфная статуэтка

Описание: грубо выполненная стоящая (?) фигурка без признаков пола, с тонкими, слегка согнутыми в коленях ногами. Изображение схематичное.

Дата: общий контекст находок дает дату II–I вв. до н.э. – начало I в. н.э. Однако, это не исключает и более позднего времени изготовления терракоты.

Место находки: ВКАЭ–2010, поселение «Полянка», раскоп «Святилище», помещение II; золистый суглинок с включением ракушки *Cordium*. П/о. 2783, к/о. 89.

Размеры: высота фрагмента – 6,5 см.

Материал и техника изготовления: глина светло-коричневая, серая в изломе; фигурка вылеплена от руки. Туловище выполнено в одностороннем рельефе, ноги – объемные.

Сохранность: отсутствуют голова, руки, правая нога выше колена; поверхность заизвесткована.

Аналогии: не выявлены.

№ 8. Фрагмент (рука) терракотовой статуэтки

Описание: рука – фрагмент большой статуэтки богини, сидящей на троне. На запястье – браслет, около локтя – фрагмент одежды. На ладони след от несохранившегося предмета (фиалы или яблока). Тыльная сторона руки – заглажена, в её основании небольшой выступ. Очевидно, за счет него рука крепилась к основной части статуэтки.

Дата: имеющиеся реплики относятся ко II–III вв. н.э.

Место находки: ВКАЭ–2010, поселение «Полянка», раскоп «Святилище», помещение II; золистый суглинок с включением ракушки *Cordium*. П/о. 2785, к/о. 97.

Размеры: 7 см.

Материал и техника изготовления: глина – красно-коричневая, серая в изломе. Вылеплена от руки и доработана стекой.

Сохранность: отбит палец; отсутствует предмет, лежавший на ладони.

Реплики: Пругло, 1970, табл. 55, 3; *Кобылина*, 1978, рис. 57; *она же*, 1961, с. 159, 163, табл. XXXVI, 1, 2; *Денисова*, 1981. Табл. XXIV, а.

№ 9. Два фрагмента объемной терракотовой статуэтки (марионетки)

Описание: два составляющих фрагмента нижней части марионетки с колоколо-видным туловом. На оборотной стороне черепка – отпечатки пальцев короппаста.

Дата: имеющиеся реплики датируются II–III вв. н.э.

Место находки: ВКАЭ–2010, поселение «Полянка», раскоп «Святилище», за предела-ми помещения II, прослойка темно-коричневого гумуса с незначительным включением раковин *Cordium*, п/о. 2854–2855, к/о. 99.

Размер: высота фрагмента – 4 см.

Материал и техника изготовления: глина плотная - красная, серая в изломе; терра-кота отжата в двух формах.

Сохранность: утрачена большая часть терракоты; поверхность заизвесткована.

Реплики: *Марченко*, 1974, табл. 54, 1, 54, 4, 55, 3, 8, 56, 4, 3; *Кобылина*, 1961, табл. XXXVII, 1; *Масленников*, 2007, с. 122, рис. 60, 1; *Былкова, Дяченко*, 2002, с. 53–54, рис. 2, 2, 3.

№ 10. Фрагмент терракотовой статуэтки (подвесная нога?)

Описание: фрагмент представляет собой часть ноги (?), ниже колена, со слабо выра-женной стопой. Изображение схематичное.

Дата: вероятнее всего, II–III вв. н.э.

Место находки: ВКАЭ–2010, поселение «Полянка», раскоп «Святилище», помеще-ние II; золистый суглинок с включением ракушки *Cordium*. П/о. 2784.

Размеры: высота фрагмента – ок. 3 см, диаметр – 1,5 см, длина основания (сто-пы) – ок. 2 см.

Материал и техника изготовления: глина светлая, красно-коричневая, плотная; вы-леплена от руки.

Сохранность: поверхность заизвесткована и оббита.

Реплики: *Марченко*, 1974, табл. 54, 1, 54, 4, 55, 3, 8, 56, 4, 3; *Кобылина*, 1961, табл. XXXVII, 1; *Масленников*, 2007, с. 122, рис. 60, 1; *Былкова, Дяченко*, 2002, с. 53–54, рис. 2, 2, 3.

ЛИТЕРАТУРА

- Античная коропластика. Каталог выставки. Л., 1976.
- Былкова В.П., Дяченко С.А. Терракоты из фондов Херсонесского краеведческого музея // БФ, 2002. Ч. II.
- Гайдукевич В.Ф. Раскопки Мирмекия // Сообщения Государственного Эрмитажа. Л., 1963. Вып. 24.
- Голофаст Л.А. Стекло ранневизантийского Херсонеса // МАИЭТ, 2001. Том. VIII.
- Денисова В.И. Коропластика Боспора. Л. 1981.
- Завойкин А.А. Афродита на святилище Деметры и Керы // БФ, 2007. Ч. I.
- Засецкая И.П. Стеклянная посуда некрополей Боспора второй половины IV–рубежа VI–VII вв. н.э. (из собрания Государственного Эрмитажа) // БИ, 2008. Том XX.
- Зубарев В.Г., Крайнева А.А. Сакральные объекты в застройке северного квартала городища «Белинское». Окоп. VII. Керчь, 2006.
- Зубарев В.Г. Терракотовые и лепные статуэтки городища «Белинское» и его некрополя // ДБ, 2007. Т. 11.
- Ильина Т.А. Псевдотанагрские статуэтки из Пантикапея (в собрании ГМИИ им. А.С. Пушкина) // ДБ, 2006. Т. 9.
- Ильина Т.А., Муратова М.Б. Вотивные терракоты из храма на акрополе Пантикапея // Боспор Киммерийский, Понт и варварский мир в период античности и средневековья. Сборник научных материалов III Боспорских чтений. Керчь. 2002.
- Ильина Т.А., Муратова М.Б. Вотивные терракоты из дворцового храма на акрополе Пантикапея // ДБ, 2008. Т. 12/1.
- Кастанаян Е.Г. Раскопки Порфмия в 1953 г. // СА. 1958. № 3.
- Кастанаян Е.Г. Лепная керамика боспорских городов. Л. 1981.
- Кобылина М.М. Терракотовые статуэтки Пантикапея и Фанагории. М., 1961.
- Кобылина М.М. Терракоты Фанагории // Терракотовые статуэтки. Придонье и Таманский полуостров. САИ. Вып. Г1–11. Ч. IV. М., 1974.
- Кобылина М.М. Изображения восточных божеств в Северном Причерноморье в первые века нашей эры. М., 1978.
- Кругликова И.Т. О культе верховного женского божества на Боспоре во II–III вв. н.э. // Культура античного мира. М., 1966.
- Кругликова И.Т. Религиозные представления сельского населения Боспора // КСИА, 1970. Вып. 124.
- Кругликова И.Т. Терракоты Горгиппии // Терракотовые статуэтки. Придонье и Таманский полуостров. САИ. Вып. Г1–11. Ч. IV. М., 1974.
- Кузина Н.В. Особенности отправления культа Диониса в сакральных комплексах Северного Причерноморья // БФ, 2007. Ч. I.
- Кузина Н.В., Молева Н.В., Матукина А.Н. Комплекс терракотовых статуэток из Китейского святилища (раскопки 2007–2009 гг.) // ДБ, 2010. Т. 14.
- Лауэнштайн Д. Элевсинские мистерии. М. 1996.
- Марченко И.Д. Марионетки и культовые статуэтки Пантикапея // Терракотовые статуэтки. Пантикапей. САИ. Вып. Г 1–11. Ч. III. М., 1974.
- Масленников А.А. Античное святилище на Меотиде. М., 2006.
- Масленников А.А. Сельские святилища европейского Боспора. М., 2007.
- Масленников А.А., Кузина Н.В. Античное святилище на вершине близ поселения «Полянка» // ДБ, 2011. Т. 15.
- Молева Н.В. Культ Диониса в боспорском городе Китее // Из истории античного общества. Нижний Новгород, 2003. Вып. 8.

- Молева Н.В. Орудия труда как votivные подношения в Китейском святилище // БИ, 2006. Вып. XIII.
- Сапрыкин С.Ю., Масленников А.А. Люди и их боги: религиозное мировоззрение в Понтийском царстве // Человек и общество в античном мире. М., 1998.
- Сапрыкин С.Ю. Религия и культы Понта эллинистического и римского времени. М.–Тула, 2009.
- Силантьева П.Ф. Терракоты Пантикапея // Терракотовые статуэтки. Пантикапей. САИ. Вып. Г 1–11. Ч. III. М., 1974.
- Сокольский Н.И. Святилище Афродиты в Кепях // СА. 1964. № 4.
- Сорокина Н.П. Религия и коропластика в античности. М., 1997
- Тулье И.А., Христановский В.А. Жернова на некрополе // Вещь в контексте культуры. СПб., 1994.
- Финогенова С.И. Античные терракотовые маски Северного Причерноморья // СА. 1990. № 2.
- Ханутина З.В. Терракоты из погребально-поминальных комплексов Илуратского плато // БФ, 2011.
- Хачатурова Е.А. Терракотовые статуэтки в собраниях Краснодарского, Таманского и Темрюкского музеев // Тайны терракот. Античные терракотовые статуэтки из музеев Краснодарского края. Краснодар, 1987.
- Ходза Е.Н. Терракотовые статуэтки мальчиков из собрания Эрмитажа // ΣΥΣΤΙΤΑ. СПб., 2000.
- Худяк М.М. Из истории Нимфея VI–III вв. до н.э. Л., 1962
- Atasoy S. Amisos // Ancient Greek colonies in the Black Sea. Thessaloniki, 2003. Vol. II.
- Kiss Z. Harpocrate – Heros. A propos d'une figurine en terre cuite du Musee National de Varsovie // Journal of Roman Archaeology. 1996. Suppl. 19.
- Mollard-Besques S. Catalogue raisonne des figurines et Reliefs et terre-cuite grecs, Etrusques et Romains. Paris, 1971. Vol. I. Illustrations.
- Mollard-Besques S. Catalogue raisonne des figurines et Reliefs et terre-cuite grecs, Etrusques et Romains. Paris, 1972. Vol. II.
- Tolstikov V.P. Panticapaeum. The capital city of the Kingdom of Cimmerian Bosphorus in the light of New Archaeological Studies // Ancient Greek colonies in the Black Sea. Thessaloniki, 2003. Vol. II.

Н.В. Кузіна

КОМПЛЕКС ТЕРАКОТ З РОЗКОПІВ АНТИЧНОГО СВЯТИЛИЩА НА ПОСЕЛЕННІ «ПОЛЯНКА» У КРИМСЬКОМУ ПРИАЗОВ'І

Резюме

У 2010 р. було досліджено невелике сільське святилище, розташоване на пагорбі у 150 м до південного сходу від античного городища «Полянка». Як і більшість сільських святилищ, воно скромне та невибагливе, погано збереглося, але, разом з тим, розширює коло вже відомих сакральних комплексів.

Представлена невелика колекція теракот включає до себе різночасові зразки, які мають відношення до різних етапів функціонування святилища. Фрагменти найбільш ранніх теракотових статуеток потрапили до святилища в основний період його існування (III–I ст. до н.е.) та пов'язані безпосередньо з релігійними поглядами населення городища «Полянка». Знахідки теракот, які датуються II–III ст. н.е., в сукупності з пізнім матеріалом дозволяють припускати тривале збереження пам'яті про сакральне значення цих місць навіть після припинення життя на поселенні.

Н.В. Кузина

КОМПЛЕКС ТЕРРАКОТ ИЗ РАСКОПОК АНТИЧНОГО СВАТИЛИЩА НА ПОСЕЛЕНИИ «ПОЛЯНКА» В КРЫМСКОМ ПРИАЗОВЬЕ

Резюме

В 2010 г. было исследовано небольшое сельское святилище, расположенное на возвышенности в 150 м к юго-востоку от античного городища «Полянка». Как и большинство сельских святилищ, оно скромное и непритязательное, плохо сохранилось, но, вместе с тем, расширяет круг уже известных сакральных комплексов.

Представленная небольшая коллекция терракот включает в себя разновременные образцы, имеющие отношение к разным этапам функционирования святилища. Фрагменты наиболее ранних терракотовых статуэток попали в святилище в основной период его существования (III–I вв. до н.э.) и связаны непосредственно с религиозными воззрениями населения городища «Полянка». Находки терракот, датируемые II–III вв. н.э., в совокупности с поздним материалом, позволяют предполагать длительное сохранение памяти о сакральном значении этих мест даже после прекращения жизни на поселении.

N.V.Kuzina

TERRACOTTA COMPLEX FROM THE EXCAVATIONS OF THE ANCIENT SANCTUARY IN THE SETTLEMENT «POLYANKA» IN THE CRIMEAN SEA OF AZOV AREA

Summary

In 2010, a small rural sanctuary, situated on a hill 150 meters southeast of the ancient settlement Polyanka was investigated. Like most rural sanctuaries, it is modest and unassuming, badly preserved, but at the same time, expands the range of known sacred complexes.

Presented small collection of terracotta includes different time patterns related to different stages of functioning of the sanctuary. The earliest fragments of terracotta figurines were in the sanctuary during the main period of its existence (the 3rd- the 1st cc. BC), and were directly connected with the religious views of the settlement Polyanka population.

Terracotta finds dating back to the 2nd-3rd cc. BC, together with late material, suggest long lasting memory of the sacred meaning of these sites even after the termination of life in the settlement.

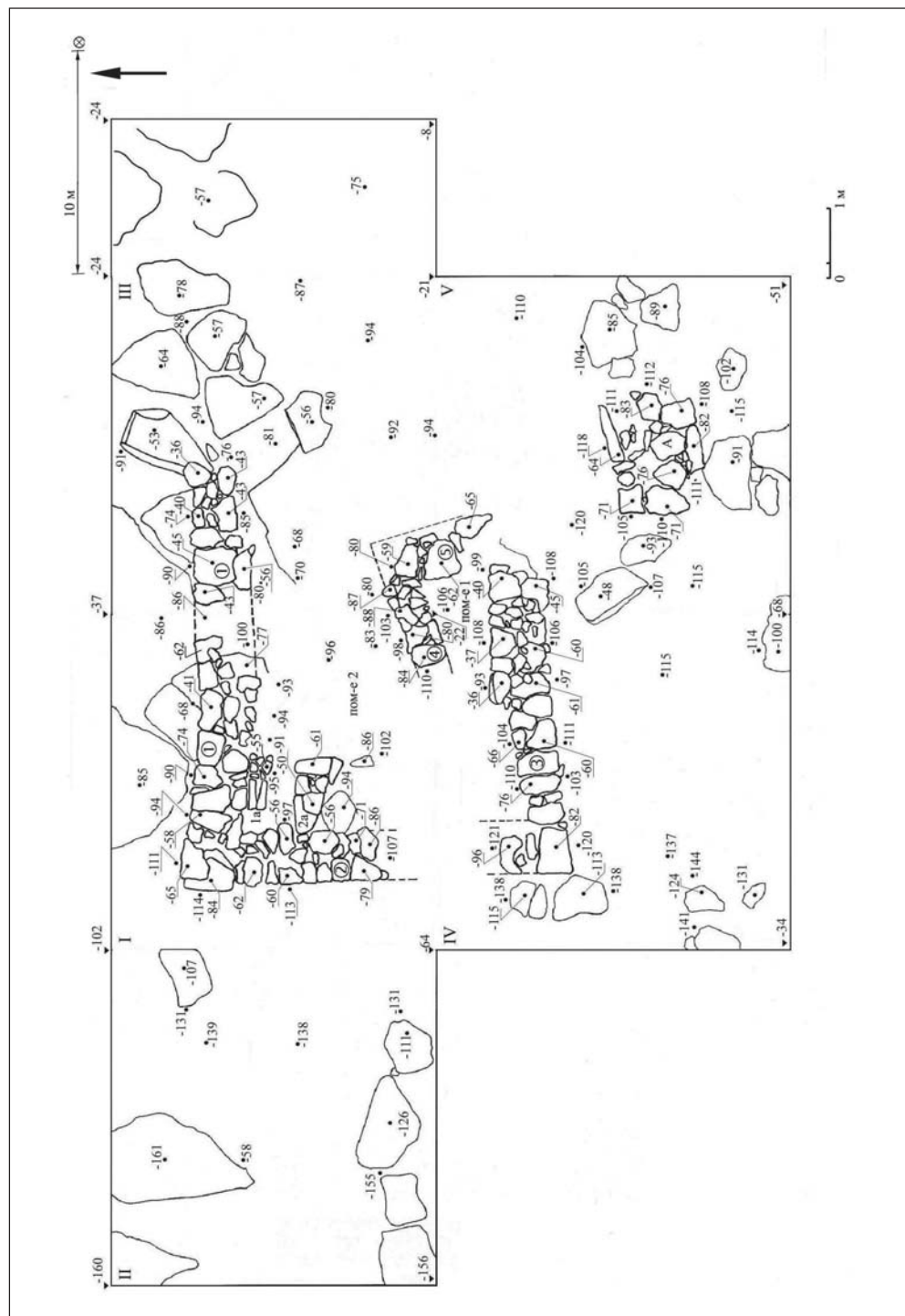

Рис. 1. План-схема раскопа «Святилище».

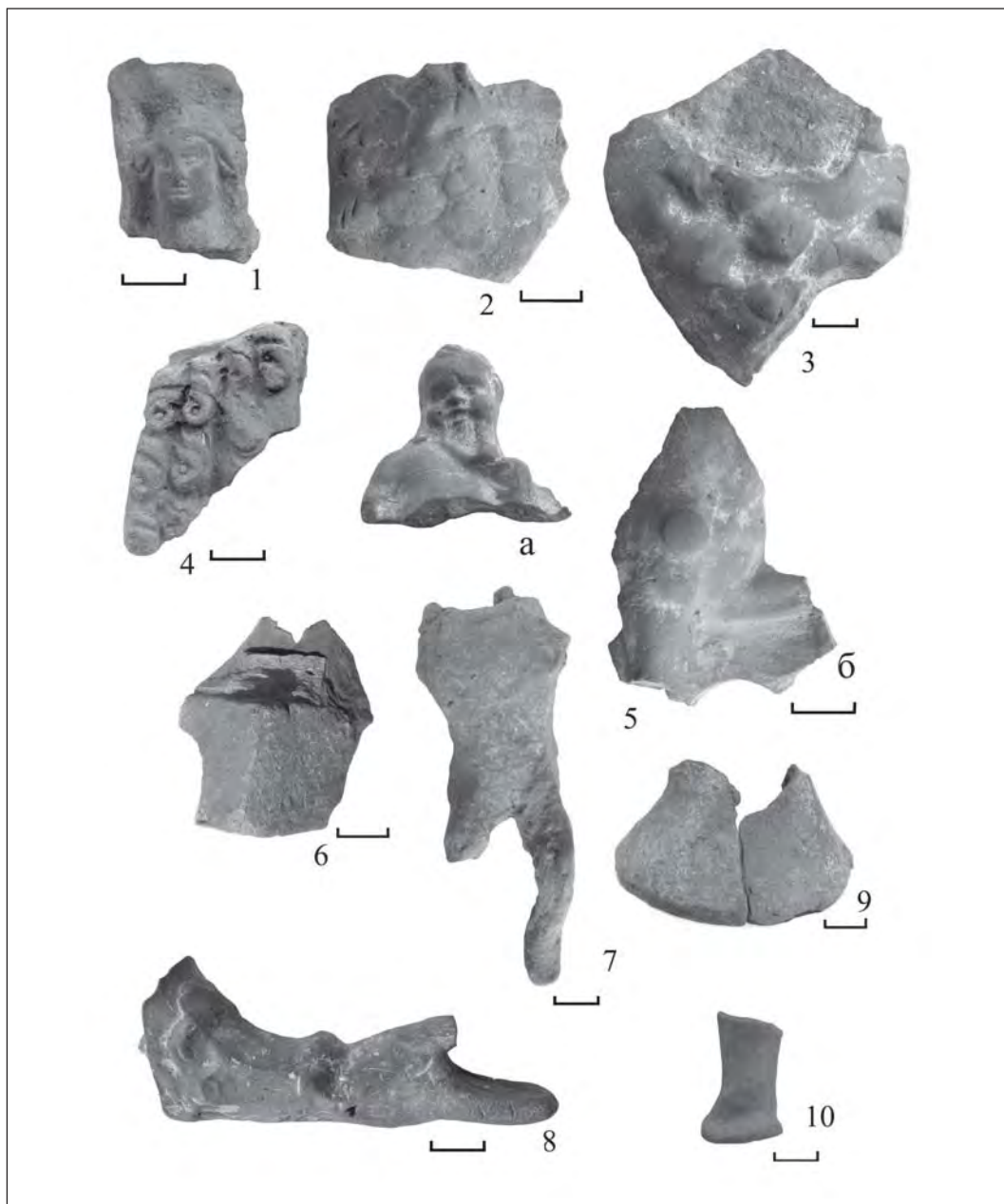

Рис. 2. Фрагменты терракот из святилища:

1 – протома богини; 2-3 – фрагменты масок Диониса-Винограда; 4 – фрагмент маски Диониса-Сарданапала; 5 а, б – фрагменты статуэтки, изображавшей детскую фигурку верхом на лошади; 6 – фрагмент объемной терракотовой статуэтки (часть постамента); 7 – фрагментированная антропоморфная статуэтка; 8 – рука «богини на троне» (фрагмент статуэтки); 9-10 – фрагменты терракотовых марионеток.

Е.А. ЗИНЬКО

СТЕКЛЯННЫЕ СОСУДЫ ИЗ НОВЫХ РАСКОПОК НЕКРОПОЛЯ ПАНТИКАПЕЯ-БОСПОРА

При исследовании в конце XIX – начале XX вв. позднеантичных грунтовых склепов некрополя Пантикапея-Боспора на северном склоне горы Митридат найдены, наряду с разнообразными предметами погребального инвентаря, и сотни стеклянных сосудов. Благодаря своей массовости и различию форм эта категория находок является важным историческим источником не только для изучения производства стеклянной посуды, определения центров ее производства, времени ее бытования, но также раскрывает многие аспекты развития этого ремесла позднеантичного и ранневизантийского Боспора. При изучении стеклянных сосудов боспорского некрополя специалисты, рассматривая технические особенности производства, выделяют разновидности стеклянных изделий, приводят типологические и хронологические характеристики [Сорокина, 1962, 1971, 1978, 1989; Кунина, 1997, 1997а; Засецкая, 1993, 2008]. Так, исследование стеклянной посуды III –IV вв. позволило отнести некоторые формы к сосудам восточно-средиземноморского происхождения [Скалон, 1974, с. 44-48]. Выделяя локальные особенности отдельных категорий стеклянных изделий, найденных в погребениях некрополя Пантикапея-Боспора V – VI вв., исследователи предполагали, что определенная часть сосудов является продукцией местных боспорских стекловаренных мастерских [Высотська, 1964, с. 13; Белов, 1965, с. 237; Алексеева, Арсеньева, 1966; Кунина, Сорокина, 1972; Скалон, 1973, с.51; Сорокина, 1989; Николаева, 1991, с.55; Кунина, 1997].

Новые раскопки 2003-2009 гг. грунтовых склепов на северном склоне горы Митридат (район между улицами Шлагбаумская и Желябова г. Керчи) позволили исследовать несколько десятков погребальных сооружений [Зинько, 2005; 2006; 2008; 2010]. Все они были неоднократно ограблены, и в большинстве случаев обнаруженные в погребальных камерах фрагменты инвентаря практически не подлежат реконструкции. Однако небольшая часть стеклянной посуды может быть частично восстановлена [Зинько, 2010а], что позволяет произвести ее общий типологический и хронологический анализ, а также определить центры производства. Среди определяемых фрагментов (рис.1, 1а) можно выделить обломки как закрытых (кувшины, колбы),

так и открытых (стаканы, блюда) сосудов. Однако не всегда их можно достаточно аргументировано соотнести с тем или иным известным классификационным типом или вариантом. Поэтому ограничимся лишь выделением групп и описание начнем с закрытых форм.

Кувшины

1, 2. *Два фрагментированных кувшина* (рис. 2), обнаруженных при расчистке пятна из органического и древесного тлена на полу камеры склепа № 48 «Системы 2000 г.». Стекло прозрачное, оливково-зеленоватое, с множеством мелких и отдельных крупных пузырьков. Кувшины с грушевидным туловом, с высоким, почти цилиндрическим горлом, слегка сужающимся кверху и заканчивающимся воронковидным устьем, дно вогнуто конусом внутрь. Ручки лентовидные, с тремя ребрами, с массивными петлевидными выступами под венчиком. Кувшины выполнены в технике свободного выдувания. Реконструируемая высота - 17-18 см.

Значительное число таких сосудов, происходящих из пантикапейских склепов [Скалон, 1973, с. 51, ил. 3; Сорокина, 1963, с. 139, ил. 2,5; Сорокина, 1971, с. 98, ил. 6,1], Н.З. Кунина относит к местному производству и датирует их концом III – началом IV вв. [Кунина, 1997 а, с. 134-148]. Однако И.П. Засецкая кувшины, оформленные подобным образом, с грушевидным туловом из склепа 154, открытого В.В. Шкорпилом в 1904 на северном склоне горы Митридат, как и в нашем случае, без кольцевого поддона, относит к III типу, датирует их IV-V вв. и, отмечая сходность конструкции и техники изготовления ручек, указывает на преемственность этих кувшинов от боспорской стеклоделательных мастерских предшествующего, более раннего периода [Засецкая, 2008, с. 41-42, рис. 15, 3,6, кат. 46, 45, табл. XII, 2, XII,1].

3. *Фрагменты кувшина* (рис. 3, 4) с округлым сверху и резко суживающимся книзу туловом, покатыми плечиками, расширяющимся равно книзу и кверху высоким горлом, воронкообразным устьем, со слегка утолщенным краем, оформленным без валика, открыты в нише входной ямы склепа № 44 «Системы 2003 г.». Стекло светлого оливково-зеленоватого цвета. Горло сосуда в верхней части декорировано одной накладной полосой стекла того же цвета, что и весь сосуд. Ручка кувшина плоская, плавно изогнутая, ребристая, верхний конец завернут петлей и прикреплен к устью круглым уплощением поверх накладной полосы декора. Нижний, более широкий конец ручки соединен с верхней частью тулова кувшина. Дно конически вогнуто внутрь, без поддона. Кувшин выполнен в технике свободного выдувания. Реконструируемая высота – 17,8 см.

Близкий по форме и параметрам кувшин, обнаруженный в разрушенном склепе 181 при раскопках 1902 г. в районе ул. Шлагбаумской [Шкорпил, 1904, с. 107], И.П.Засецкая относит к IV виду боспорского или восточно-средизем-

номорского производства и датирует в пределах последней четверти IV – первой половины V вв. [Засецкая, 2008, с. 43].

4. *Фрагменты кувшина* обнаружены на полу склепа №1 «Системы 2004 г.» (рис. 5). Стекло прозрачное, светлого насыщенного оливкового цвета. Найденные на полу склепа фрагменты тулова, изогнутая рифленая ручка и фрагменты дна кувшина подобны по цвету и могли принадлежать этому кувшину. Ручка из трех соединенных стержней согнута под углом (рис.5,1). Верхний конец завернут петлей и прикреплен к краю устья, нижний, широкий соединен с верхней частью тулова. Дно кувшина слегка вогнуто внутрь (рис.5,2). Кувшин выполнен в технике свободного выдувания. Реконструируемая высота – 17-18 см.

Кувшин аналогичен по форме сосуду из склепа 176 некрополя Пантикапея, раскопанного В.В. Шкорпилом в 1904 г., и отнесен И.П.Засецкой к боспорскому производству второй половины IV – первой половины V вв. н.э. [Засецкая, 2008, с. 120, рис. 16, 1; кат. 54; табл. XIV, 1].

5. *Фрагменты кувшина* обнаружены на полу склепа №1 «Системы 2004 г.» (рис. 6). Стекло светло-зеленого цвета. Судя по цвету стекла, этому сосуду могли принадлежать часть фрагментов тулова и фрагменты дна, найденные на полу склепа. Устье в виде воронки с неправильным очертанием – искаженная форма ойнохои (рис.6,1). По краю устья массивный валик. Ручка отсутствует. Дно конически вогнуто внутрь (рис.6,2). Кувшин выполнен в технике свободного выдувания. Реконструируемая высота – около 16 см.

Аналогичный кувшин с туловом грушевидной формы найден в Керчи, в склепе в усадьбе Гордиковой в 1893 г. Он датируется И.П. Засецкой IV – V вв. н.э. и предположительно отнесен к боспорскому производству [Засецкая, 2008, с. 119-120, рис. 16, 3; кат. 53-а].

Колбы

1. *Колба фрагментированная* - узкое горло с частью круглого тулова и фрагмент вогнутого внутрь дна этого сосуда (рис. 7) обнаружены на полу склепа №1 «Системы 2004 г.». Стекло прозрачное, с легким зеленоватым оттенком и множеством мелких пузырей. С одной стороны горла по всей высоте вертикальное ребро (защип стекла). Причем ребру на наружной поверхности соответствует вогнутость на внутренней. Горло колбы заканчивается воронкообразным расширением открытой формы и гладко обработанным краем (рис.7,1). Длина горла – 6 см, воронки – 4,8 см. Дно конически вогнуто внутрь (рис.7,2). Реконструируемая высота около 16 см. Колба выполнена в технике свободного выдувания.

Колба с таким горлом известна в пантикапейском склепе № 4 «Системы 2000 г.» [Лысенко, Юрочкин, 2004, рис. 13.1], в погребении V в. из боспорского некрополя по ул. Госпитальной [Скалон, 1973, стр. 50, рис. 2], в склепе № 146

[Засецкая, 1993, табл. 20, кат. 71]. Н.П. Сорокина бытование подобных сосудов относит к периоду с конца III-IV вв. [Сорокина, 1963:142,143] и указывает на их обязательное наличие среди погребального инвентаря. К.М. Скалон считает колбообразные сосуды самым распространенным и часто встречаемым в боспорском некрополе типом сосуда V в. и относит их к боспорскому производству [Скалон, 1973, стр. 51]. И. П. Засецкая датирует сосуды аналогичной формы типа I вида 1 периодом, начиная со второй половины IV до начало V вв. н.э., и относит их к восточно-средиземноморскому производству [Засецкая, 2005, кат. 4, табл. I, 1; Засецкая, 2008, табл. XV, 4; рис. 22.2].

Стаканы

1-3. Фрагменты трех стеклянных стаканов из склепа №48 «Системы 2000 г.» (рис. 8) характеризуются высоким суживающимся книзу туловом, со слегка отогнутым краем и небольшим вогнутым дном (рис. 8,1). Край срезан и зашлифован. Стекло прозрачное, ярко зеленое. Диаметр устья -6,2 см. Реконструируемая высота – 7 см. Стаканы выполнены в технике свободно-го выдувания.

Подобные стаканы Н.З. Кунина датирует III в. н.э. [Кунина, 1997, с. 318, №325]. Тожественные по форме и пропорциям стаканы, выполненные в технике свободного выдувания, происходят из некрополя Боспора и отнесены И.П.Засецкой к типу I, вариант В, вид В-а, возможно, боспорского или восточно-средиземноморского производства, которые она датирует второй половиной IV – первой половиной V вв. н.э. [Засецкая, 2008, кат. 11-13; табл. II. 1,2,4; рис. 4. 4-6].

4. Венчик стакана найден при зачистке пола склепа №1 «Системы 2004 г.» (рис. 9, 1). Стекло оливкового цвета. Стакан с туловом в виде усеченного конуса со слегка выпуклыми стенками. Необработанный край устья отогнут и приподнят кверху. Дно отсутствует. Стакан выполнен в технике свободно-го выдувания. Реконструируемая высота – 9 см.

Аналогичный стакан найден в склепе 145 на некрополе Пантикапея В.В.Шкорпиллом в 1904 г., отнесен И.П.Засецкой к типу II подтипа I варианта А и датируется второй половиной IV – первой половиной V вв. н.э. Изготовлен в Восточном Средиземноморье или Причерноморье [Засецкая, 2008, с.101-102; кат. 16; табл. III. 1; рис. 6, 1].

5. Венчик стакана найден при зачистке пола склепа №1 «Системы 2004 г.» (рис. 9, 2). Стекло оливкового цвета. Стакан конической формы с широким устьем. По краю устья узкий рельефный валик. Дно отсутствует. Реконструируемая высота – около 9 см. Стакан выполнен в технике свободного выдувания.

Подобный фрагментированный стакан найден в склепе 78 некрополя Пантикапея В.В.Шкорпиллом в 1907 г., отнесен И.П.Засецкой к типу II под-

типа 2 варианта Б и датируется V в. н.э. Изготовлен в Восточном Средиземноморье или Причерноморье [Засецкая, 2008, с.104-105; кат. 23; табл.V. 2; рис. 6, 8].

Блюда

1. Блюдо фрагментированное с округлыми стенками, с толстым полым валиком по краю, на кольцевом поддоне (рис. 10, 11). Найдено у лежанки склепа №5 «Системы 2004 г.». Стекло прозрачное, на ножке – травянисто-зеленое (рис. 11,3-4), на поверхности – иризация. На внутренней поверхности дна выполнено шлифовкой стилизованное изображение бабочки (рис.10,1; 11,1-2). Блюдо выполнено в технике свободного выдувания. Реконструируемая высота блюда – 13-14 см и диаметр – 32 см. Высота поддона – 2 см, диаметр поддона – 17 см.

Подобные по форме и размерам блюда-«патеры» происходят из склепов IV-V вв. №№ 2, 25, 31 пантикапейского некрополя «Системы 2000 г.» [Лысенко, Юрочкин, 2004, с.125, рис.7.1; 21.1; 25.1]. Сходное по форме и пропорциям блюдо V в., изготовленное в Египте или Сирии, известно из пантикапейского склепа, открытого в 1857 г., хранится в настоящее время в коллекции Государственного Эрмитажа [Кунина, 1997, с. 339, кат. 432]. И.П.Засецкая также датирует эти блюда V в. н.э. [Засецкая, 2008, с.111-112; кат. 38; табл.VIII. 1,2; рис. 10, 5].

Несмотря на фрагментарность, стеклянные сосуды из новых раскопок грунтовых склепов позднеантичного времени некрополя Пантикапея-Боспора дают, наряду с другими данными, дополнительные возможности для решения сложной задачи по точной хронологической датировке этих погребальных сооружений. Подобная стеклянная посуда найдена при исследовании позднеантичных грунтовых склепов на городском некрополе Тиритаки [Кобылина, 1941, с.81-82, рис.117], а также на некрополях боспорских поселений Крымского Приазовья [Масленников, 1997, с.31-32]. Находят они аналогии и среди погребального инвентаря в комплексах крымских могильников [Айбабин, 1999, с.261, 265, табл.XIX, 6, XX, 10], куда могли поступать как из Боспора, так и из Херсонеса. С учетом ранее опубликованных материалов, а также открытых стеклоделательных боспорских мастерских в Танаисе [Алексеева, Арсеньева, 1966, с. 176], на Ильичевском городище [Николаева, 1991], а в последнее время и в рыбацком предместье Пантикапея-Боспора, представленные сосуды дополняют представление о широком использовании стеклянной посуды, как привозной, так и местного стеклоделательного производства.

ЛИТЕРАТУРА

- Айбабин А.И. Этническая история ранневизантийского Крыма. – Симферополь, 1999.
- Алексеева Е.М., Арсеньева Т.М. Стеклоделие Танаиса //СА, 1966, №2.
- Засецкая И.П. Материалы боспорского некрополя второй половины IV – первой половины V вв. н.э. //МАИЭТ.- Вып. III. – Симферополь, 1993.
- Засецкая И.П. О двух классификациях стеклянных сосудов с декором из напаянных капель и нитей синего стекла //Нижеволжский археологический вестник. Вып. 3. – Волгоград, 2000.
- Засецкая И.П. Хронология колбообразных сосудов из Боспорского некрополя позднеантичного и раннесредневекового периодов //БИ. – Вып. X. – С.-Керчь, 2005.
- Засецкая И.П. Стеклянная посуда некрополя Боспора второй половины IV – рубежа VI- VII вв. н. э. //БИ. - Вып. XX – С.-Керчь, 2008.
- Зинько Е.А. Новые исследования пантикапейского некрополя //Боспорские чтения. - Вып. VI. - Боспор Киммерийский и варварский мир в период античности и средневековья. Периоды дестабилизаций, катастроф. – Керчь, 2005.
- Зинько Е.А. Новые расписные ранневизантийские склепы Боспора //Византия в контексте мировой культуры. Тезисы докладов. – СПб., 2006.
- Зинько Е.А. Новый (?) склеп некрополя Боспора ранневизантийского времени //ТГЭ. – Вып. XLII. - Византия в контексте мировой культуры. - СПб, 2008.
- Зинько Е.А. Исследования некрополя Пантикапея-Боспора в 2009 г. //АДУ 2009. – К., 2010.
- Зинько Е.А. Стеклянная посуда из грунтовых склепов некрополя Пантикапея-Боспора //Боспорские чтения. – Вып. XI. - Керчь, 2010 а.
- Кобылина М.М. Раскопки некрополя Тиритаки в 1933 г. //МИА, № 4. – М.-Л., 1941.
- Кунина Н.З. Античное стекло в собрании Эрмитажа. – СПб., 1997.
- Кунина Н.З. К вопросу о стеклоделии на Боспоре //ТГЭ. Культура и искусство античного мира. – Вып. XXVIII. – СПб., 1997а.
- Кунина Н.З., Сорокина Н.П. Стеклянные бальзамарии Боспора // ТГЭ. - Вып. XIII. - Л., 1972.
- Лысенко А.В., Юрочкин В.Ю. Некрополь Пантикапея-Боспора (по материалам исследований 2000-2002 гг.) //О древностях южного берега Крыма и гор Таврических. Сборник научных трудов. – Киев, 2004.
- Масленников А.А. Семейные склепы сельского населения позднеантичного Боспора. – М., 1997.
- Николаева Э.Я. Стеклоделие на Боспоре //КСИА.- Вып. 204, 1991.
- Скалон К.М. О некоторых формах стеклянной посуды позднеантичного и раннесредневекового Боспора //СГЭ. - Вып. XXXVII. - Л., 1973.
- Скалон К.М. Стеклянные сосуды из боспорского некрополя //СГЭ. – Вып. XXXVIII. – Л., 1974.
- Сорокина Н.П. Стекло из раскопок Пантикапея 1945-1959 гг. //МИА – Вып. 103. – М. 1962.
- Сорокина Н.П. Позднеантичное и раннесредневековое стекло с Таманского городища //Керамика и стекло древней Тмутаракани. – М., 1963.
- Сорокина Н.П. О стеклянных сосудах с каплями синего стекла из Причерноморья //СА. - № 4. – М., 1971.
- Сорокина Н.П. Античное стекло в собрании Одесского археологического музея //Археологические исследования Северо-Западного Причерноморья. – Киев, 1978.
- Сорокина Н.П. Основные направления изучения стекла первых вв. н.э. Северного Причерноморья (по материалам отечественной литературы) //Труды ГИМ. - Вып. 70. – М., 1989.
- Шкорпил В.В. Отчет об археологических раскопках в г. Керчи и его окрестностях в 1902 г. // ИАК. - Вып. 9 – СПб., 1904.

О.О. Зінько

СКЛЯНІ ПОСУДИНИ З НОВИХ РОЗКОПІВ НЕКРОПОЛЮ ПАНТИКАПЕЮ - БОСПОРУ

Резюме

Нові розкопи 2003-2009 рр. ґрунтових склепів на північному схилі гори Мітридата (район між вулицями Шлагбаумська та Желябова м. Керчі) дозволили досліджувати декілька десятків похоронних споруд. Всі вони були неодноразово пограбовані, та в більшості випадків виявлені фрагменти інвентарю у похоронних камерах практично не підлягають реконструюванню. Однак невелика частина скляного посуду може бути частково відновлена, що дозволяє зробити її загальний типологічний та хронологічний аналіз, а також визначити центри виробництва. Серед визначених фрагментів можна виділити обломки як закритих (гличики, колби), так і відкритих (склянки, блюда) посудин. Всі вони датуються в межах III-V ст. н.е.

Не дивлячись на фрагментарність, скляні посудини з нових розкопів ґрунтових склепів пізньоантичного часу некрополю Пантікапею – Боспору дають, поряд з іншими даними, додаткові можливості для рішення складного завдання по точному хронологічному датуванню цих похоронних споруд.

Е.А. Зинько

СТЕКЛЯННЫЕ СОСУДЫ ИЗ НОВЫХ РАСКОПОК НЕКРОПОЛЯ ПАНТИКАПЕЯ - БОСПОРА

Резюме

Новые раскопки 2003-2009 гг. грунтовых склепов на северном склоне горы Митридат (район между улицами Шлагбаумская и Желябова г. Керчи) позволили исследовать несколько десятков погребальных сооружений. Все они были неоднократно ограблены, и в большинстве случаев обнаруженные фрагменты инвентаря в погребальных камерах практически не подлежат реконструкции. Однако небольшая часть стеклянной посуды может быть частично восстановлена, что позволяет произвести ее общий типологический и хронологический анализ, а также определить центры производства. Среди определяемых фрагментов можно выделить обломки как закрытых (кувшины, колбы), так и открытых (стаканы, блюда) сосудов. Все они датируются в пределах III-V вв. н.э.

Несмотря на фрагментарность, стеклянные сосуды из новых раскопок грунтовых склепов позднеантичного времени некрополя Пантикапея-Боспора дают, наряду с другими данными, дополнительные возможности для решения сложной задачи по точной хронологической датировке этих погребальных сооружений.

E.A.ZINKO

GLASS VESSELS FROM THE NEW EXCAVATIONS AT THE NECROPOLIS OF
PANTICAPAEUM – THE BOSPORUS

Summary

In 2003 – 2009 new digs of underground vaults on the northern slope of Mount Mithridates (the area between Shlagbaumskaya Street and Zhelyabov Street, Kerch) allowed exploring dozen of burial structures. They had been repeatedly looted. In most cases, found fragments of inventory in the burial chambers practically can not be reconstructed. However, a small part of glassware can be partially restored that allows making its typological and chronological analysis and identifying centres of production. Defined fragments can be determined as closed (pitchers, retortas) and open (glasses, dishes) vessels. All of them are dated within the 3rd – the 5th cc. AD.

Despite fragmentary, glass vessels from the new excavations of underground tombs of late antiquity at the necropolis of Panticapaeum – the Bosporus give, along with other data, additional opportunities to solve the complex task of precise chronological dating of the burial structures.

Рис. 1 – фрагменты стеклянных сосудов из склепа № 1 «Системы 2004 г.».

Рис.1а – фрагменты стеклянных сосудов из склепа № 5 «Системы 2004 г.».

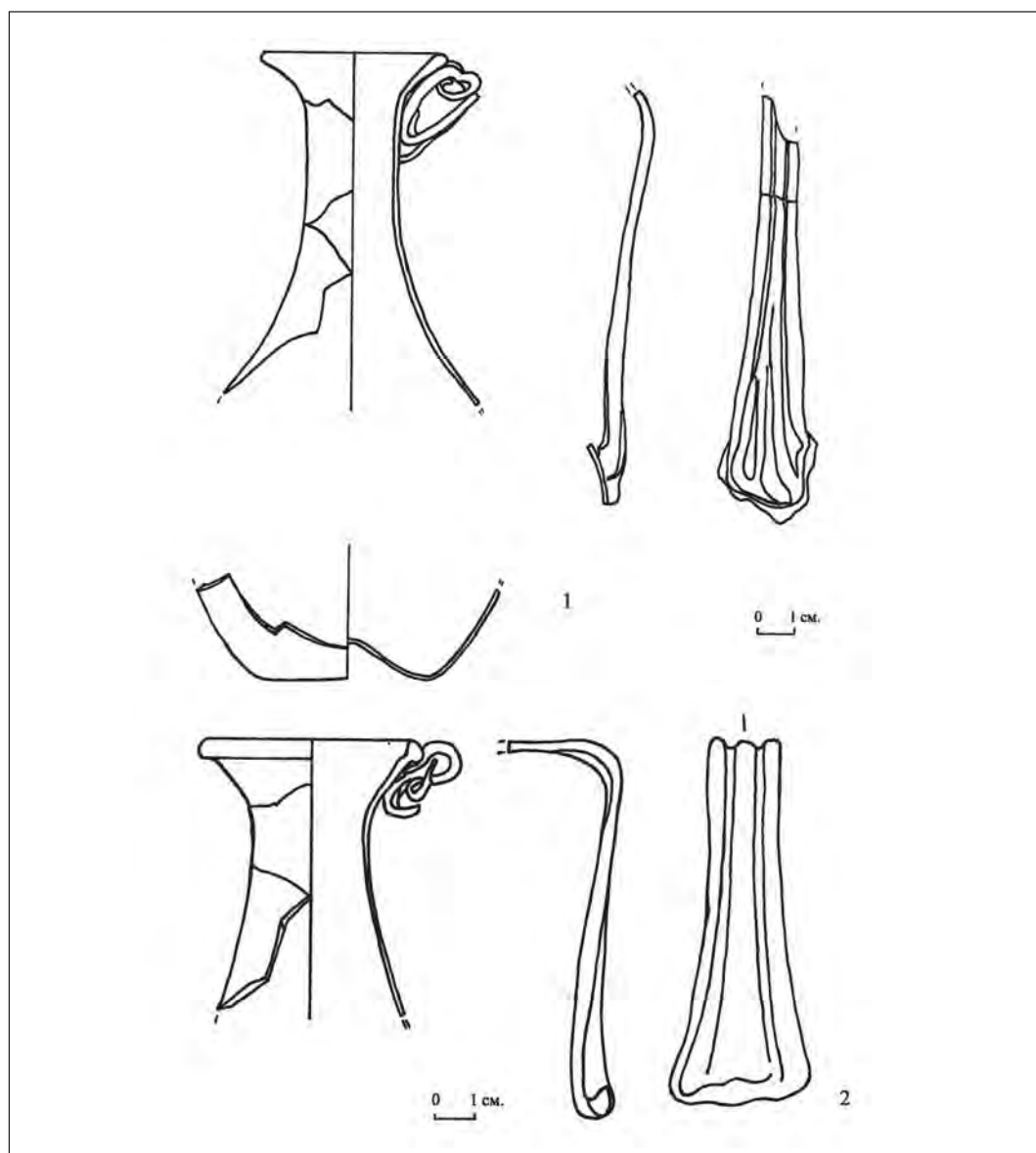

Рис. 2 – реконструкция кувшинов из склепа № 48 «Системы 2000 г.».

Рис. 3 – фрагменты кувшина, склеп № 44 «Системы 2003 г.».

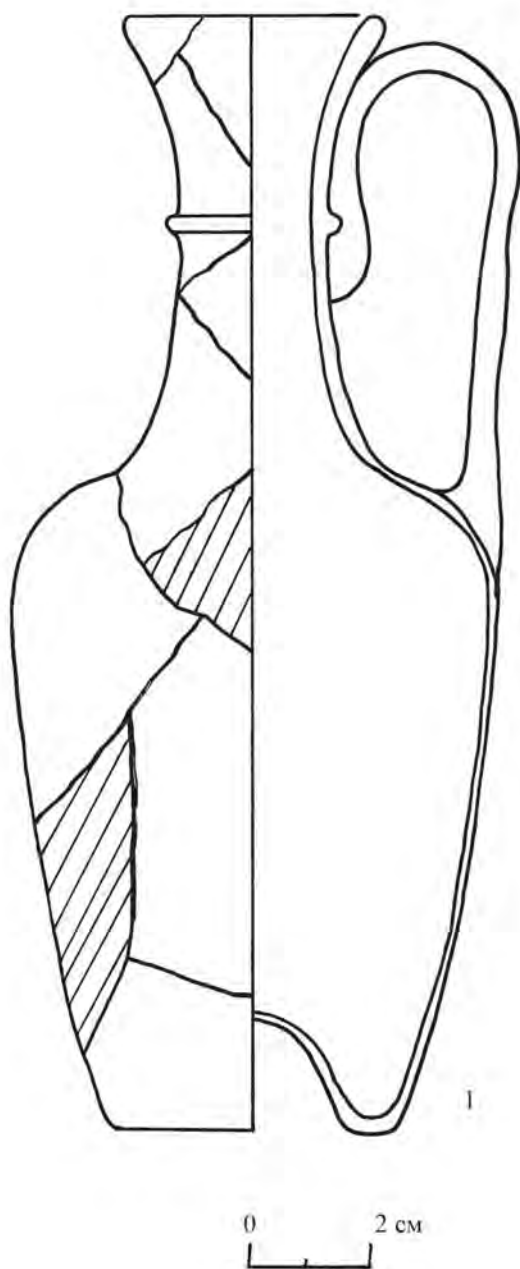

Рис. 4 – реконструкция кувшина, склеп № 44 «Системы 2003 г.».

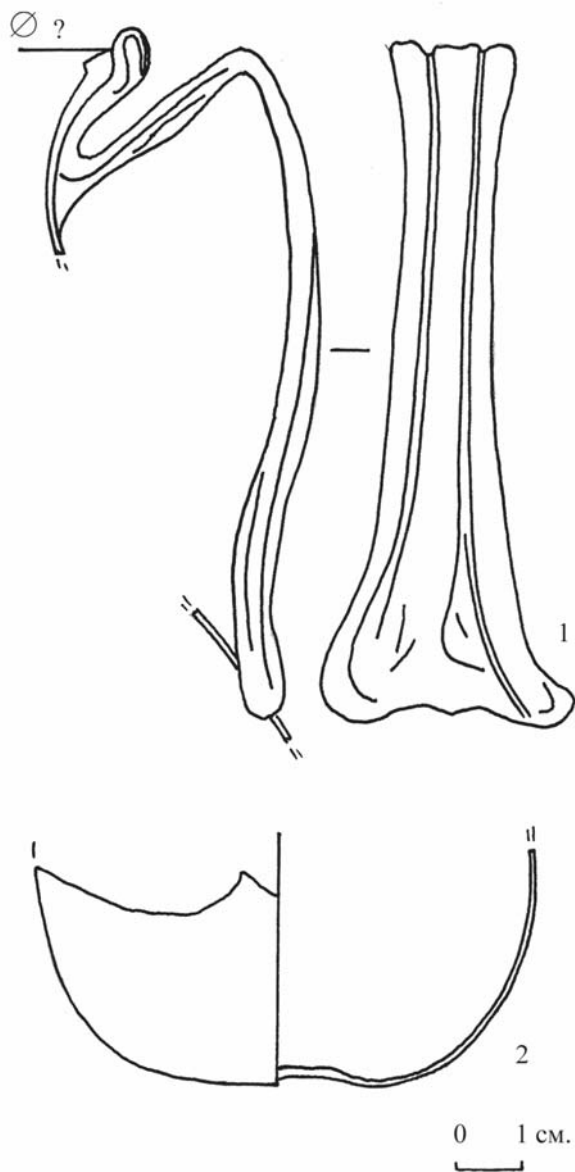

Рис. 5 – фрагменты кувшина, склеп № 1 «Системы 2004 г.».

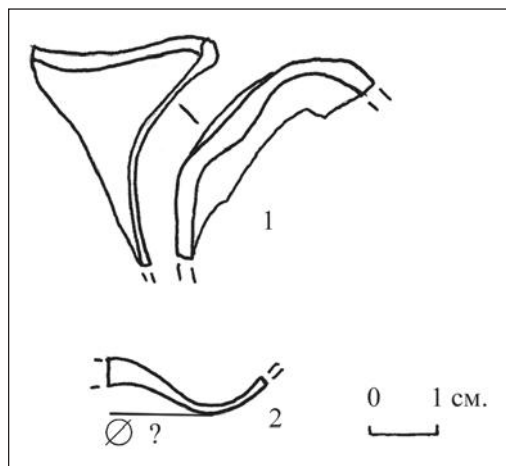

Рис. 6 – фрагменты кувшина, склеп № 1 «Системы 2004 г.».

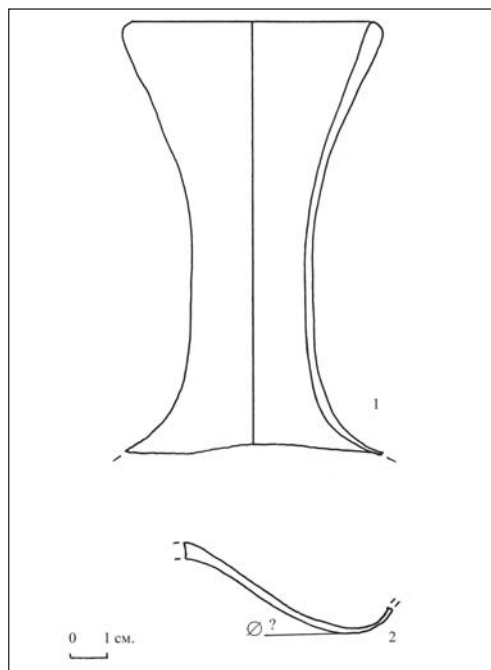

Рис. 7 – колба, склеп №1 «Системы 2004 г.».

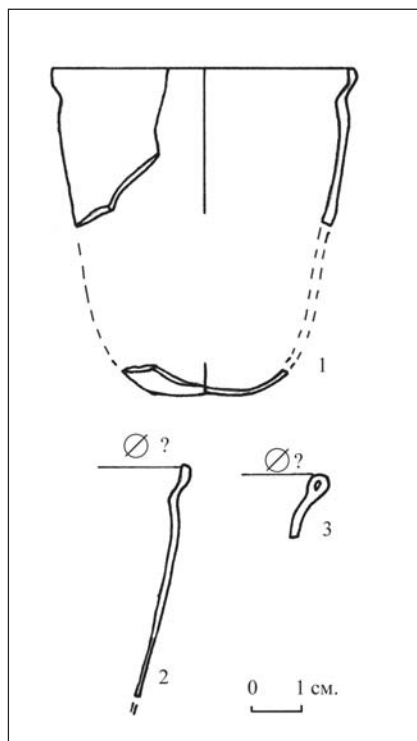

Рис. 8 – профили трех стаканов, склеп № 48 «Системы 2000 г.».

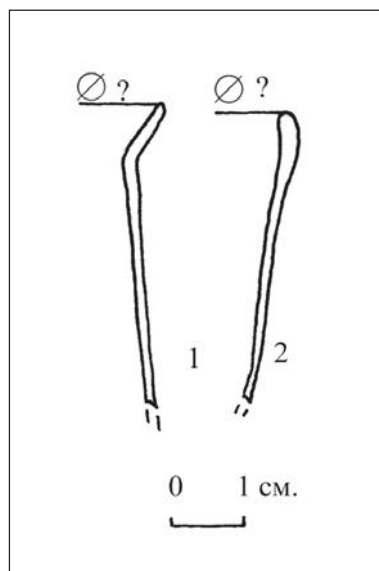

Рис. 9 – 1-2 - венчики стаканов, склеп №1 «Системы 2004 г.».

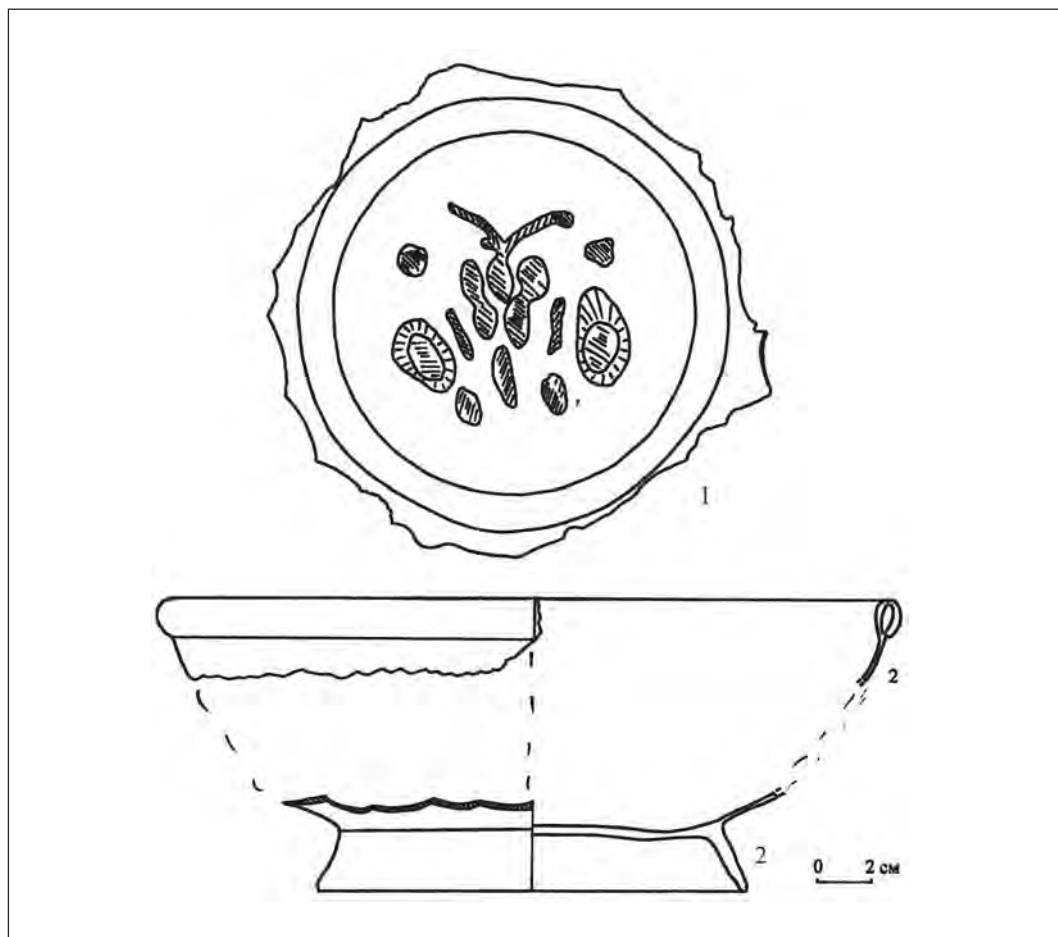

Рис. 10 – реконструкция блюда из склепа № 5 «Системы 2004 г.».

Рис. 11 – фрагменты блюда из склепа № 5 «Системы 2004 г.».

ИСТОРИЯ НАУКИ

А.Г. КУЗЬМИЩЕВ

БЕРЕЗАНЬ В АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЯХ

Э.Р. фон ШТЕРНА

Конец XIX – начало XX века заслуженно называют периодом расцвета европейской исторической науки, в том числе и антиковедения. Как отмечал Э.Д.Фролов: «Особенного блеска и вся гуманитарная культура и наука, и их существенная, заглавная отрасль – классическое образование и связанное с ним антиковедение – достигли на рубеже XIX – XX столетий, в последние десятилетия перед Первой мировой войной и развязанными ею страшными социальными потрясениями, которые фактически подвели черту под историей европейского гуманизма» [Фролов, 2001, с. 29].

Одной из ярких личностей, которые в это время стояли у истоков становления и начальных этапов развития отечественного антиковедения, но научная деятельность которых пока еще далеко не полностью получила достойное отображение в историографии, был талантливый ученый-филолог, историк и археолог конца XIX - начала XX ст. Эрнест Романович фон Штерн (1859-1924 г.).

Во многом благодаря своему классическому образованию, прекрасному знанию европейской научной литературы, и в то же время будучи исследователем памятников Северного Причерноморья, Э.Р.Штерн стал посредником, связующим звеном, между европейской и российской археологической наукой [Шестаков, 1925, с. 148; Дложевский, 1925, с. 101]. Он вводил европейские методы исследований в отечественную историческую науку и одновременно знакомил, через свои публикации в иностранных журналах, европейскую общественность с последними достижениями отечественной античной археологии [Фролов, 2001, с. 49; Бузескул, 2004, с. 186].

С именем Э.Р.Штерна неразрывно связаны появление отечественной школы классической археологии и ее становление как отдельной отрасли археологической науки. Он воспитал целую плеяду известных отечественных археологов, среди которых Е.Е.Кагаров, М.И.Мандес, М.Ф.Болтенко и знаменитый исследователь Ольвии - Б.В.Фармаковский, [Шестаков, 1925, с. 150; Ванчугов, 1989, с. 26; Бузескул, 2004, с. 177, 186; Ласінська, 2011, с. 12].

Также именно Э.Р.Штерн начал первым использовать археологические источники для определения особенностей греческой колонизации и разработал

первую в европейской науке основанную на археологических данных теоретическую модель колонизации [Непомнящий, 1999, с. 112]. Нужно сказать и о том, что Э.Р.Штерн впервые в отечественном антиковедении оценил важность такого источника как граффити [Русяева, 2004, с. 14] и стал активно использовать его в своих научных изысканиях. Согласно мнению С.А.Жебелева, Э.Р.Штерн занимал одно из первых мест по уровню своих исследований среди ученых, изучавших древности Северного Причерноморья [Жебелев, 1901, с. 95].

Свою раскопчную деятельность ученый начал в 1900 году [Штерн, 1901], будучи к тому времени уже сложившимся исследователем и имея богатый теоретический опыт. В 1900, 1903, 1912 гг. Э.Р.Штерн осуществил первые археологические исследования античной Тире [Штерн, 1901, с. 88-91; Штерн, 1913, с. 92-102], в 1902-1903 гг. проводил раскопки поселения Петрены в Бессарабии, которое он отнес к домикенской культурно-исторической общности [Штерн, 1904а, с. 69-72; 1907б, с. 9-52; 1914, с. 1-14; Stern, 1921, s. 161-166], при этом сразу же отметив, что это поселение трипольской культуры [Шестаков, 1925, с. 151].

Однако наиболее значимыми в научной биографии Э.Р.Штерна стали проведенные им в 1904-1909, 1913 гг. планомерные и крайне важные археологические раскопки древнегреческого поселения на о-ве Березань [Штерн, 1907, с. 137-146; 1907а, с. 68-71; 1907б, с. 46-53; 1907в, с. 41-49; 1908, с. 227-228; 1908а, с. 35-38; 1909, с. 50-58; 1910, с. 80-91; 1910а, с. 39-48; 1910а, с. 66-75; 1911, с. 81-82; 1912, с. 84-93; 1913, с. 105-117; 1914]¹. Анализу результатов его исследований на о.Березань и посвящена данная статья.

О личности Э.Р.Штерна было написано несколько исследовательских работ, из которых наиболее обширными являются публикации Э.Д.Фролова [Фролов, 2001, с. 29-58; 2006], В.П.Ванчугова [Ванчугов, 1989 с. 24-27; 2004, с. 7-13], Д.П. Шестакова [Шестаков, 1925, с. 147-151; 1926, с. 22-43] и О. Хойслера [Hdusler, 1984, s. 683-695; Хойслер, 1996, с. 54-56], однако результаты его археологической деятельности, в т.ч. работы на Березани отражения в них практически не получили.

О раскопках Э.Р.Штерном поселения на острове Березань и о намеченных им этапах его исторического развития в свое время писала С.И.Капошина [Капошина, 1956, с. 214-216, 225, 231]. Позже В.В.Лапин дал достаточно высокую, хотя и не лишенную критики, оценку березанским раскопкам Э.Р.Штерна, скептически относясь к его «эмпириальной» теории возникновения античного поселения на о. Березань [Лапин, 1966, с. 86, 96] и к теории о двух строительных периодах существования этого поселения [Лапин, 1966,

¹ К сожалению, публикация Э.Р. Штерна «Отчёт о раскопках на о. Березани в 1913 г.», изданная в Одессе в 1915 году, пока осталась недоступна автору de visu.

с. 100, 122]. Также о деятельности Э.Р.Штерна на Березани писал С.Л. Соловьев в своей монографии [Solovyov, 1999, p. 20-22] и в рамках историографического очерка, посвященного истории исследования о.Березань [Соловьев, 2005, с. 33-34]. В рамках своей статьи о некоторых аспектах истории исследований Березани об Э.Р.Штерне упоминают Д.В.Бондаренко и А.И. Смирнов [Смирнов, Бондаренко, 2008, с. 82-85], также Д.В.Бондаренко писал о раскопках Э.Р. Штерна в публикации, посвященной дореволюционным исследованиям березанского некрополя [Бондаренко, 2010, с. 71-73].

Следует сказать, что остров Березань начал привлекать внимание научной общественности еще с начала XIX века, когда на нем проводили визуальное обследование такие исследователи, как, например, Е.Е. Келер и А.С. Уваров [Тункина, 2002, с. 246–252, 419; Соловьев, 2005, с. 31; Гребенников, 2010, с. 18]. Но первые раскопки были проведены здесь только в конце XIX столетия, а именно: в 1884 году профессором кафедры минералогии Новороссийского университета Р.А.Пренделем. В силу небольшой открытой раскопками площади они имели и весьма скромные результаты [Прендель, 1886, с. 216-219]. Следующие археологические исследования о. Березань были проведены только в 1896 году тогда еще молодым магистрантом Б.В.Фармаковским и носили, опять-таки, исключительно разведочный характер [Фармаковский, 1898, с. 211–212].

Рубеж столетий был отмечен в Российской империи экономическим кризисом, который привел к тому, что обнищавшее крестьянство начало массово заниматься грабительскими раскопками античных памятников, которые, правда, в несколько меньших масштабах проводились и ранее. От этого серьезно пострадала Ольвия, грабежи охватили также и о.Березань [Назаров, 2006, с. 186].

В 1900-1901 гг., широкомасштабные раскопки на Березани (в том числе и с целью упредить грабительское рытье и поковы) провел Г.Л.Скадовский. К сожалению, он не был профессиональным археологом, что крайне негативно отразилось на методике его раскопок и на ведении полевой документации, а также, очевидно, на том, что результаты работ так и не были им опубликованы, хотя подготовка к публикации велась [Штерн, 1907б, с. 42]².

В начале октября 1900 года Г.Л.Скадовский пригласил Э.Р.Штерна к себе в имение в Белозерке для того, чтобы тот осмотрел и определил находки первого сезона раскопок на Березани. 4 октября Э.Р.Штерн приехал в имение и провел там весь день, изучая керамический материал Березанского некрополя. Э.Р.Штерн позже напишет, что Г.Л.Скадовским было исследовано

² Подробный отчет Г.Л. Скадовского вместе с описанием коллекции Левицкого, приобретенной Археологической комиссией, планировалось опубликовать в специальном выпуске «Материалов», посвященном Березани, но он так и не был издан.

на острове 800 могил [Штерн, 1901, с. 89], назвав такую цифру, видимо, со слов последнего. Однако сомнительно, чтобы это число было столь велико, поскольку речь шла только о первом годе работ Г.Л.Скадовского (1900-м). В.В. Лапин, работая с дневником Г.Л. Скадовского за 1900 год, насчитал 432 погребения [Лапин, 1966, с. 263]. В то же время В.М.Отрешко предполагал, что цифра в 800 погребений ближе к действительности, но при этом он считал, что 800 захоронений было раскрыто Г.Л. Скадовским за 2 полевых сезона на острове [Отрешко, 2009, с. 113].

Обработанный из раскопок Г.Л.Скадовского материал был разбит Э.Р. Штерном на две категории: 1-я, (большая) – импорт из Милета и Малой Азии (восточногреческая керамика); 2-я (меньшая) - аттический импорт (чернолаковая и чернофигурная керамика, в основном 2-й половины VI в. до н.э.). Наиболее ранняя восточногреческая керамика, в т.ч. Wild Goat Style (по терминологии Э.Р.Штерна: «кувшины и амфоры с изображением темнобурых косорогов»), была им датирована концом VII – началом VI вв. до н.э., что привело его к выводу о том, что: *«Мы, таким образом, имеем перед собой остатки одного из древнейших поселений на побережье Черного моря»* [Штерн, 1901, с. 89]. Также Э.Р.Штерн отметил, что в многочисленной коллекции Г.Л.Скадовского нет ни одного фрагмента краснофигурной керамики. Это, а также полное отсутствие аттической посуды V-IV вв. позволили Э.Р.Штерну говорить о том, что Березанское поселение прекратило свое существование в V в. до н.э. [Штерн, 1901, с. 90]. Позже С.И. Капошина определит среди сохранившейся части коллекции Г.Л.Скадовского и керамику IV в. до н.э. [Капошина, 1956, с. 216].

Результаты научной интерпретации материалов раскопок Г.Л. Скадовского на Березани были подытожены Э.Р.Штерном в докладе на 329-м заседании Одесского общества истории и древностей 23 октября 1900 г. Уже тогда он говорил о том, что на Березани существовало античное поселение или эмпорий, а не только некрополь [Штерн, 1901, с. 90]. Гипотеза Г.Л. Скадовского о том, что Березань была «островом мертвых», и сюда перевозились умершие с материка для сожжения или погребения в земле, вполне справедливо казалась Э. Р. Штерну несостоятельной. «Следов жилых помещений пока не найдено, но их откроют еще, наверное, на том месте, где г. Г.Л. Скадовский при разведках обнаружил массу кухонных отбросов», - отмечал Э.Р. Штерн [Штерн, 1901, с. 90]. Также он предположил, что: «этот эмпорий поглощен был развитием торговли в колонии Ольвии и окончательным утверждением греков на этом пункте материка» [Штерн, 1901, с. 90; Лапин, 1966, с. 86].

В конце мая 1902 года группа членов Одесского общества истории и древностей, в.т.ч. В.В. Латышев, предприняла экскурсию в Ольвию и на следующие сутки приехала на о.Березань, где было принято решение провести одnodневные раскопки, благо, в распоряжении ученых было достаточное

количество рабочих [Штерн, 1904, с. 97]. К северо-западу от того места, где Г.Л.Скадовский исследовал некрополь, были заложены 3 шурфа на отвесном берегу, обращенном к материковой береговой линии.

В первом шурфе на небольшой глубине было обнаружено погребение, судя по сопровождающему инвентарю, достаточно позднее. Как писал Э.Р. Штерн: «Очень может быть, прошло лишь немного столетий с тех пор, как здесь уложен был на последний покой убитый в борьбе запорожец» [Штерн, 1904, с. 98]. Во втором шурфе не было погребений. Был обнаружен только довольно насыщенный культурный слой.

Третий шурф раскрыл, по мнению Э.Р.Штерна, «сорную яму» глубиной в 3 сажени, что, если перевести это число в метры, равно глубине в 6,4 м. В яме был очень разнообразный материал, представляющий разные хронологические этапы существования поселения, а именно: в верхних слоях были обнаружены бронзовый ключ от замка, бронзовая цепочка, две золотые серьги. Ниже были найдены фрагменты стеклянной чаши со штампом, на котором сохранилась часть надписи «ΦΡΑΝΟΥ» - Э.Р.Штерн датировал эту чашу не ранее, чем началом II в. до н.э. Далее был обнаружен «бронзовый орел маленького размера», а ниже него фрагменты простой чернолаковой посуды. Глубже были найдены остатки чернофигурных чаш, а еще ниже восточногреческая керамика конца VII-VI вв. до н.э. [Штерн, 1904, с. 99].

Необходимо отметить, что обнаруженный материал, его хронологическое разнообразие, а также ценные находки (например, золотые серьги) позволяют усомниться в том, что это была обычная мусорная яма. Скорее всего, речь идет о нескольких разновременных объектах, стратиграфически прорезавших друг друга, об этом также свидетельствует крайне большая глубина «ямы».

После этих раскопок Э.Р.Штерн пришел к выводу о том, что, несмотря на то, что в V в. до н.э. Березанское поселение прекратило свое существование (на это указывало полное отсутствие, как и в раскопках Г.Л.Скадовского, краснофигурной керамики), позже Березань, очевидно, снова была заселена (как минимум, во II в. до н.э., согласно стеклянному фрагменту со штампом). Как обстояло дело в период между VI-II вв. до н.э., был ли остров оставлен греками или же поселение продолжало существовать здесь в продолжение всей античной эпохи, могли показать только дальнейшие, причем масштабные, раскопки, которые: «в виду важных сделанных здесь уже находок являются одной из неотложных задач для наших археологов» [Штерн, 1904, с. 100].

И спустя два года археологические работы здесь действительно были проведены. Показательно, что руководство раскопками на острове Березань в 1904 году Археологическая комиссия поручила именно Э.Р.Штерну.

В сезоне 1904 года необходимо было до конца выяснить, был ли остров

Березань только «островом мертвых» или, как предположительно считал Э.Р.Штерн, на нем, кроме некрополя, находилось античное поселение. Э.Р.Штерн предположил, что следы этого поселения надо искать на северо-востоке острова, там, где к нему можно пристать на лодках [Штерн, 1907в, с. 48]. Крайне важным представлялось также установить, был ли остров обитаем после V в. до н.э., поскольку в пробных раскопках 1902 года, в отличие от раскопок некрополя 1900-1901 гг., был обнаружен материал II в. до н.э. [Штерн, 1907в, с. 42]. Кроме того, была поставлена цель определить значение незначительных возвышений и полукруглых впадин на западном и северо-восточном берегах о. Березань, а также раскопать курганы, располагавшиеся в центре острова по направлению с севера на юг. Позже раскопки античного поселения станут основополагающими в его раскопочной деятельности на о. Березань [Соловьев, 2005, с. 33].

Сначала намечалось, что экспедицию можно будет завершить в течение одного сезона, но уже очень скоро, с началом систематических раскопок, стало очевидно, что столь уникальный археологический памятник, как Березанское поселение, исследовать в такой короткий срок невозможно.

В ходе работ возвышения и впадины на берегу острова были определены Э.Р.Штерном как похоронные ямы. Такая интерпретация была основана на том, что в ямах были обнаружены «урны»³ с пеплом [Штерн, 1907в, с. 43]. Но все «урны» были разбиты, кроме того, керамический материал (преимущественно фрагменты восточнореческих и аттических чернофигурных сосудов) также был в подавляющем большинстве своем представлен в виде отдельных обломков, причем некоторые из них подходили к фрагментам керамики из других ям [Капошина, 1956, с. 215]. Некоторые ямы отделялись друг от друга невысокими кладками в два-три ряда бутовых камней [Штерн, 1907в, с.43; Капошина, 1956, с. 215].

Археологический контекст позволяет предположить, что ямы эти были выкопаны одновременно и являлись, вероятнее всего, мусорными. Надо сказать, что к такому же выводу пришел в ходе дальнейших раскопок и Э.Р.Штерн. Если в отчетах за 1904-1906 гг. он называет их погребальными, то, начиная с полевого сезона 1907 года, точно такие же по конструктивным особенностям ямы становятся «сорными», т.е. – мусорными [Капошина, 1956, с. 215]. Далее Э.Р.Штерн определял часть ям как погребальные, а часть как мусорные, исходя из контекста обнаруженного в них материала, если находки были достаточно существенными, то яма определялась как похоронная [Штерн, 1913, с. 108; Капошина, 1956, с.215]. Гипотезы о том, что небольшие по диаметру «погребальные ямы» на самом деле являются мусорными придерживался и В.В.Лапин, утверждая, в контексте кострищ, раскрытых

³ «Простыми урнами» Э.Р.Штерн изначально называл амфоры [Капошина, 1956, с.215].

Г.Л.Скадовским (некоторые из них были идентичны тем, которые раскопал Э.Р.Штерн), что: «если это действительно кострища, то почему их диаметры так малы. На таком костре покойника можно было подвергнуть сожжению только в сидячем положении или сжигать его по частям» [Лапин, 1966, с. 111; Отрешко, 2009, с. 114]. Впрочем, далеко не все подобные объекты могут быть исключительно мусорными ямами. В.М.Отрешко считал гипотезу Э.Р. Штерна о наличии кострищ наиболее убедительной, указывая на то, что небольшой размер кострищ вполне может объясняться тем, что на них сжигались останки детей [Отрешко, 2009, с. 114]. Соответственно, данный вопрос пока остается открытым, наиболее полный ответ на него, по всей видимости, может дать только работа непосредственно с дневниками Э.Р.Штерна и чертежами раскрытых объектов.

При раскопках этих ям Штерн обратил внимание на то, что часть из них (те, что были у самой кромки береговой линии) уже наполовину обрушилась в море, и, сверив состояние острова с картой Березани первой четверти XIX века, пришел к выводу о стремительных эрозионных процессах, которым подвергается остров и из-за которых береговая линия уменьшилась за истекший период на 25,6 метров (12 сажений) [Штерн, 1907, с. 43; Лапин, 1966, с. 130].

Одна из особенно глубоких ям (глубина – 3,55 м, диаметр устья 1,06 м) была наполнена золой и углем и содержала фрагменты от «сотен киликов, тарелок и т.д.» [Штерн, 1907в, с. 43]. На глубине 1,75 м. в ней был устроен дымоход, прорубленный в скале по направлению к морю. По мнению Э.Р. Штерна, она на протяжении многих лет служила крематорием, где производилось сжигание человеческих останков. Найденные здесь в большом количестве обломки сосудов и другие предметы были им расценены как остатки тризны [Штерн, 1907, с. 43-44]. Продатировал Э.Р.Штерн обнаруженный материал VI в. до н. э. Но, что характерно - обломков человеческих костей в ней практически не было, зато было очень много костей рыб и животных. Кроме того, для древнегреческого погребального обряда подобные крематории были нехарактерны. На это обстоятельство обратили внимание В.М.Отрешко и С.Н.Мазарати: «Как известно, в архаическое время греки сжигали своих умерших либо на открытых кострах, либо в мелких углублениях. В глубоких ямах трупосожжение не практиковалось» [Отрешко, Мазарати, 2009, с. 89-90]. В.М.Отрешко обоснованно предположил, что подобная конструкция могла использоваться для копчения рыбы и мяса [Крыжицкий, 1982, с. 20, прим. 44; Отрешко, Мазарати, 2009, с. 90].

В том же году Э.Р.Штерном были проведены раскопки больших и малых «плоских курганов» в центральной части острова, которые также были им датированы VI в. до н. э. и интерпретировались как погребальные сооружения. Среди многочисленного вещественного материала VI в. до н.э. в этих ямах были обнаружены бронзовые монеты – «дельфинчики».

В начале XX века большинство нумизматов отрицали существование в архаическую эпоху медных монет. Но после обнаружения «дельфинчиков» в березанских ямах с материалом VI в до н.э. Э.Р.Штерн пересмотрел эти представления и пришел к выводу о том, что «раскопки заставляют признать, что рыбки надо датировать VI веком». Развивая свою мысль, он подчеркивал: «Мы теперь вправе установить, что ионийские греки на Черном море пользовались в VI веке до Р.Х. при своей меновой, конечно, в сущности, торговле уже бронзовыми мерилками ценности, которым приданы были особые формы и которые отливались под ответственностью государства, выпускавшего их» [Штерн, 1907, с. 45]. Также Э.Р.Штерн продатировал «ассы» (т.е. литые монеты) с изображениями Горгоны и Афины Паллады, началом V века до н.э. [Штерн, 1907в, с. 45]. По современным данным, наиболее ранние ольвийские литые монеты с изображением Афины датируются В.А. Анохиным около 480-470 гг. до н.э. (что достаточно близко к датировке Э.Р. Штерна), а с изображением Горгоны - около 437-410 гг. до н.э. [Анохин, 2011, с. 31, 37].

В процессе раскопок был прослежен также ряд последовательно сменяющих друг друга напластований, наиболее раннее из которых, по мнению Э.Р. Штерна, захватывало конец VII в. до н. э., а позднейшее – V в. до н. э. [Штерн, 1907в, с. 45].

В результате поиска остатков поселения в северо-восточной части острова на площади 32,35 x 23,55 м были открыты 12 хозяйственных ям и остатки кладок стен жилых домов. Штерн впервые выделяет здесь два строительных периода и впоследствии будет придерживаться именно этой концепции. Первому соответствовали кладки, сложенные на материке, второму – уже на культурном слое. Причем кладки второго строительного периода были сложены из более мелкого бутового камня. Второй строительный этап Штерн относил к концу VI – началу V вв. до н. э. [Штерн, 1907, с.48].

В 1905 году профессор Э.Р.Штерн по поручению Археологической комиссии продолжил исследование на о. Березань, которое он проводил совместно со своим помощником Е.Е.Кагаровым [Штерн, 1907а, с. 68]. Условия для работы в тот год сложились крайне тяжелые. В первой половине июня были частыми проливные дожди и бури, а с 13 июня на ходе работ отразились революционные события на юге Российской империи, в том числе восстание на крейсере «Очаков», в связи с чем целую неделю о. Березань был отрезан от всякого сообщения с внешним миром [Штерн, 1908, с. 35]. Естественно, это не лучшим образом сказалось на масштабах проведенных работ, тем не менее результатами раскопок Э.Р.Штерн все же остался доволен [Штерн, 1907а, с. 68].

В ходе раскопок 1905 г. планировалось осуществить несколько целей: 1) исследовать один из больших курганов; 2) продолжить дальнейшие

раскопки античного поселения; 3) раскрыть «плоский» курган, находящийся рядом с курганом такого же типа, который был исследован в прошлом году.

Раскопки античного поселения проводились на площади 311 кв. метров, и за сезон 1905 года были выявлены многочисленные остатки кладок стен жилых домов, 10 хозяйственных ям и колодец с обложенной камнем горловиной, раскрытый до глубины 9,60 (раскоп «А» на плане Э.Р.Штерна). Причем, по заверениям рабочих, вода в колодце была пресной [Штерн, 1908а, с. 36]. Находки были представлены обломками различных керамических сосудов, в большинстве своем, восточногреческих и аттических. Было найдено всего лишь 2-3 обломка краснофигурных сосудов [Штерн, 1907а, с. 69]. Хронологически материал не отличался от раскопок прошлого года и соответствовал VI – самому началу V вв. до н.э. На основании раскопок 1905 года Э.Р.Штерн пришел к выводу о том, что размеры Березанского поселения были гораздо больше, чем это предполагалось ранее [Штерн, 1908а, с. 36].

Э.Р.Штерн подчеркивал крайнюю важность изучения остатков и составления полного плана античного поселения на острове, поскольку: «на почве России это единственный древнегреческий городок VI - начала V века до Р. Хр., который сохранился в первоначальной своей форме и над которым нет надстроек позднейшего времени» [Штерн, 1908, с. 36]. Э.Р.Штерн считал, что: «Научного исследования Березани нельзя публиковать раньше, чем весь план этого поселения раскроется пред нашими глазами. В интересах науки необходимо раскопки здесь продолжать и в следующем году» [Штерн, 1907, с. 70]. Для того, чтобы раскопки носили более широкомасштабный характер, Э.Р.Штерн планировал задействовать большее количество рабочих, использовать рельсы и вагонетки, а также возлагал большие надежды на то, что вода из раскрытого колодца окажется годной для питья и приготовления пищи, что решило бы основную проблему содержания большого количества рабочих [Штерн, 1907, с. 70]. Но его надежды по поводу наличия пресной воды не оправдались, в раскопанных колодцах она неизменно оказывалась солоноватой.

Все раскопанные колодцы Э.Р.Штерн отнес к двум типам: к первому, более многочисленному, им были отнесены колодцы с круглой в плане шахтой, ко второму – колодцы с шахтой, имевшей прямоугольный профиль. При этом первый тип он считал наиболее древним [Штерн, 1908, с. 88]. В.В.Лапин, отметив данную гипотезу Э.Р.Штерна как весьма интересную, все же указал, что материалов для ее широкого обобщения пока недостаточно [Лапин, 1978, с. 211; Отрешко, Мазарати, 2009, с. 90-91].

Одновременно Э.Р.Штерном проводились раскопки «большого кургана, первого при входе на остров» [Штерн, 1908а, с. 36]. В нем было выявлено более 60-ти впускных погребений, к сожалению, в основном безынвентарных, находки были обнаружены только в двух из них. Некоторые захоронения были в каменных ящиках. Поскольку часть погребений была потревожена,

Э.Р. Штерн сделал вывод о том, что в мягкой насыпи кургана проводились захоронения в разные исторические периоды, и зачастую при сооружении более поздних могил кости из более ранних оказывались выброшенными [Штерн, 1908а, с. 37].

В верхнем слое кургана, под головой одного из скелетов была найдена полукруглая известняковая плита с рунической надписью [Штерн, 1908, с. 37], явно использованная вторично. Она гласила: «Грани соорудил холм этот по Карлу, товарищу своему» [Браун, 1907, с. 71]. Эта надпись была опубликована Ф.А.Брауном в 1907 году [Браун, 1907, с. 66-75]⁴. Исходя из датировки керамического материала, Э.Р.Штерн отнес сооружение кургана к тому же времени, что и существование античного поселения, т.е. к VI в. до н.э. [Штерн, 1908а, с. 37]. На подошве кургана был выявлен ряд ям, вырытых в материке, которые Э.Р.Штерн снова интерпретировал как погребальные, но они, судя по инвентарю, скорее всего, были мусорными.

В конце полевого сезона возле большого кургана было раскрыто «маленькое возвышение», в верхнем слое которого были найдены два обломка мраморной плиты с посвящением Ахиллу Понтарху от коллегии ольвийских архонтов [Штерн, 1908а, с. 38]. Надпись была продатирована Э.Р.Штерном II веком н.э. и позже опубликована В.В.Латышевым [Латышев, 1906, с. 109-110]. Э.Р.Штерн предположил, что эта плита оказалась на острове не случайно, а была специально поставлена именно на Березани, вероятно, вблизи морского берега [Штерн, 1908а, с. 38; 1907б, с. 71]. В 1904 году две подобные надписи были обнаружены и в ур. Бейкуш, в устье Березанского лимана, вблизи морского берега [Штерн, 1907а, с. 71; Буйских, 2001, с. 40].

В 1906 году Э.Р.Штерн продолжил планомерные раскопки на о. Березань. Основные задачи он определил так: 1) продолжить дальнейшее исследование античного поселения, 2) раскрыть курган, находившийся в восточной части острова между раскопанной частью поселения и курганами, которые уже были исследованы [Штерн, 1909, с. 50]. Раскопки продолжались в течение июня. Рабочих на этот раз было больше, кроме того, в распоряжение Э.Р.Штерна были переданы вагонетки и рельсы из Ольвии, что позволило ему раскрыть более значительную площадь, нежели в предыдущие годы [Штерн, 1909, с. 50].

В ходе раскопок 1906 г. были открыты остатки наземных (каменные кладки) и углубленных в землю сооружений (ямы, колодцы) VI - начала V вв. до н.э. Раскопки Березани еще раз подтвердили вывод Э.Р.Штерна о том, что строительные остатки поселения относятся к двум хронологическим перио-

⁴ Таким образом, на основании археологического материала было убедительно доказано, что остров Березань в средневековую эпоху посещался древними скандинавами [Кузьмищев, 2006, с. 87].

дам. Строительных остатков второго строительного периода было выявлено меньше. Ни одного предмета позднее начала V в. до н.э. обнаружено не было.

Благодаря новым материалам, полученным в ходе своих раскопок, Э.Р. Штерн разработал концепцию исторического развития Березанского поселения. Согласно этой концепции, греческое поселение (или фактория) на Березани существовало приблизительно на протяжении столетия, в конце этого периода новые постройки (вместо сгоревших, обветшавших или разрушенных) сооружались непосредственно на перепланированном культурном слое. По характеру находок и способам строительной техники Э.Р. Штерн определил промежуток между двумя строительными периодами в 25-50 лет. «Двукратное» заселение объясняло, почему так много мусорных ям и колодцев располагалось на небольшом расстоянии друг от друга [Штерн, 1909, с. 52]. Также наличие значительного количества мусорных ям в то время, как различные хозяйственно-бытовые отходы, в принципе, можно было бы выбрасывать просто в море, Э.Р.Штерн объяснял следующим: «Так как в продолжении последнего столетия остров кругом уменьшился приблизительно на 12 сажень⁵, то в VI столетии до Р.Х. раскопанное ныне место, наверное, отстояло от моря на полверсты⁶, а по направлению к материку - больше чем на версту⁷», [Штерн, 1909, ст. 53] т.е. выдвинул теорию о постепенном разрушении Березани вследствие эрозионных процессов.

Тогда же, по-видимому, Э.Р.Штерном были раскрыты полуземлянки, которые поначалу он интерпретировал как ямы, но не мусорные, а такие, которые служили в качестве погребов или кладовых [Штерн, 1909, с. 53]. На то, что это могли быть именно полуземлянки, [Крыжицкий, 1082, с. 12-14; Буйских 2005, с. 3-21; Отрешко, 2009, с. 98; Отрешко, Мазарати, 2009, с. 81-82], по нашему мнению, указывает несколько обстоятельств. Во-первых, они были неглубокими (не глубже чем на 1,40 м, вырезаны в материке), во-вторых, некоторые из них не содержали никакого материала и были засыпаны песком (для нивелировки поверхности перед 2-м строительным периодом), в-третьих, они имели одинаковые размеры как в устьевой части, так и по дну, и, наконец, для спуска в некоторые из них в материке были вырезаны ступеньки.

В ходе раскопок 1905 года Э.Р.Штерном были обнаружены также фундаменты неких круглых построек, которые он отнес к первому строительному периоду и предположил, что это могли быть сооружения типа «толос» [Штерн, 1909, с. 54]. Кроме этого, был раскопан курган «на восточной стороне острова». В его насыпи на глубине 0,70-0,90 м от уровня дневной поверхности было обнаружено шесть погребений. Ближе к центру кургана,

⁵ 25,6 метра.

⁶ 533,4 метра.

⁷ 1066,8 метра.

на глубине около 0,50 м была обнаружена еще одна группа из трех захоронений и одного погребения младенца в амфоре.

Керамический материал 1905 г. не отличался от раскопок предыдущих лет и в целом охватывал VI – начало V вв. до н.э. Э.Р. Штерн уделял керамике самое пристальное внимание, поскольку, по его словам: «Березанская керамика заслуживает самого тщательного изучения: она дает ключ к разъяснению многих темных еще вопросов в области культурных сношений греческого мира в VI веке до Р.Х.» [Штерн, 1909, с. 55].

В 1907 году Э.Р. Штерн продолжал исследовательскую деятельность на острове Березань. На этот раз основные задачи, которые ставил перед собой ученый, заключались в следующем: 1) продолжить раскопки античного поселения, 2) определить, как далеко к юго-востоку простиралось это поселение, 3) выяснить значение плоских круглых углублений и впадин, которые встречались в большом количестве, особенно в северо-западной части острова [Штерн, 1910а, с. 66].

Строительные остатки, как и в предыдущие годы, были представлены двумя хронологическими периодами. К первому строительному периоду относились кладки, заложенные на материке, либо на «не особенно толстой подстилке из глины и золы» [Штерн, 1910а, с. 67]. Кладки второго периода сооружались непосредственно на культурном слое, имевшем иногда довольно значительную мощность (в одном случае до 1,42 м) [Штерн, 1910а, с. 68].

Было раскрыто также 11 мусорных ям, в одной из которых сверху были обнаружены фрагменты 10 амфор, один амфориск, глиняный кувшин и светильник. Ниже шли фрагменты восточногреческого сосуда, а еще ниже были обнаружены осколки восточногреческого кратера с изображением «козлов», практически целый чернолаковый килик и т.д. Тогда же Э.Р. Штерн впервые обратил внимание на то, что в одних и тех же заполнениях совместно с восточногреческой и аттической керамикой встречается и лепная керамика, «весьма грубая, вероятно, местной работы» [Штерн, 1910а, с. 69].

В сезоне 1907 г. в насыпи между стенами на глубине 1, 24 м от дневной поверхности была обнаружена мраморная плита с посвянительной надписью в честь Ахилла Понтарха [Штерн, 1910а, с. 69; Латышев, 1908, с. 35].

Кроме раскрытия площади поселения, было раскопано и несколько безынвентарных погребений. В насыпи неподалеку от погребенных был обнаружен родосский фигурный сосуд начала VI в. до н.э. в виде головы воина в раннекоринфском шлеме, ныне хранящийся в Одесском археологическом музее [Штерн, 1910а, с. 70; Karageorghis, Vanchugov, 2001. - р. 26-27, № 4].

Таким образом, в результате работ 1907 г. было установлено, что Березанское поселение простиралось, как минимум, до подошвы большого кургана на западе острова. Также выяснилось, что «плоские углубления» пред-

ставляли собой остатки разрушенных жилых помещений, хотя Э.Р. Штерн планировал перепроверить это в ходе дальнейших раскопок. [Штерн, 1910а, с. 72].

Также было исследовано возвышение к востоку от большого кургана, которое практически прилегал к тому холму, где в 1905 году были найдены фрагменты посвящения Ахиллу Понтарху. [Штерн, 1910а, с. 72].

Кроме этого, проводились работы в восточной части острова, возле кургана (К³ на плане Штерна), непосредственно перед балкой, за которой следы античного поселения уже визуальнo не обнаруживались. Цель этих работ заключалась в том, чтобы проверить, доходят ли границы поселения до балки и что находится в курганный насыпи. В насыпи были обнаружены две литейные формы, одна для отливки подвесок, вторая - розеток [Штерн, 1910а, с. 73]. В ходе раскопок в этой части Березани было обнаружено большое количество ям, в том числе насыщенных материалом, в большинстве своем восточногреческой и аттической керамикой. Все это позволило сделать Э.Р. Штерну вывод о том, что Березанское поселение простиралось гораздо шире, чем предполагалось ранее [Штерн, 1910а, с. 75].

Целями следующего полевого сезона 1908 года было дальнейшее раскрытие площади античного поселения, исследование пространства между курганом (К на плане Э.Р.Штерна) и поселением, а также начало раскопок по береговой линии в северо-западной части острова, с тем, чтобы определить, простиралось ли поселение до берега [Штерн, 1912, с. 84]. В ходе работ были обнаружены остатки тринадцати каменных кладок и десять грунтовых сооружений – в том числе две полуземлянки и один колодец. Особый интерес представляло открытие четырех рядов кладки маленького дома прямоугольной формы, длиной 5,20 м и шириной 4,10 м, его строительство было отнесено Э.Р.Штерном ко второму строительному периоду, и он был датирован Э.Р.Штерном, как и прочие каменные строительные остатки, концом VI-началом V вв. до н.э. [Штерн, 1912, с. 85].

Также было раскрыто круглое в плане сооружение диаметром 2,04 м, сложенное из мелкого бута на глине, высотой от дна 1,6 м. Э.Р. Штерн интерпретировал его как печку, поскольку внутри были следы горения, но в то же время он допустил, что: «нет внизу отверстий для топлива, нет дымохода. Возможно предположить, что это сооружение было башней» [Штерн, 1912, с. 86]. В.В. Лапин считал, что это была цистерна [Лапин, 1978, с. 206-207; Отрешко, Мазарати, 2009, с. 89]. В то же время В.М. Отрешко и С.Н. Мазарати пришли к выводу, что данное сооружение являлось постройкой производственного характера, назначение которой на основании опубликованного Э.Р. Штерном материала раскопок точно определить не представляется возможным [Отрешко, Мазарати, 2009, с. 89].

Первая из обнаруженных полуземлянок была четырехугольной формы, размерами 3,47 x 3,38 м, и сохранившейся глубиной 0,36 м. На дне полуземлянки

были обнаружены «остатки каменной кладки в виде лежанки» [Штерн, 1912, с. 87]. Вторая полуземлянка, размерами 2,98 x 3,13 м, находилась на том же стратиграфическом уровне, что и первая, но имела с трех сторон полукруглые ниши, которые, по мнению Э.Р.Штерна, могли использоваться в качестве ступенек [Штерн, 1912, с. 87]. Интересно отметить, что в юго-западном углу этой полуземлянки были обнаружены остатки печи.

Именно после обнаружения этих полуземлянок Э.Р.Штерн впервые в историографии высказал соображение о том, что они могли использоваться в качестве жилых сооружений: *«Углубления... представляют собою, по-видимому, жилые помещения древнейшего периода заселения, того периода, когда милетяне еще не решались на постоянное пребывание, а заезжали только летом на Березань для рыбной ловли и торговых операций с туземными жителями Черноморского побережья»* [Штерн, 1912, с. 87; Лапин, 1966, с. 96]. Э.Р.Штерн предполагал, что сверху данные грунтовые сооружения покрывались растянутыми на веслах парусами, поскольку именно так поступали современные ему рыбаки, используя для ночлега на Березани раскопанные археологами углубления [Штерн, 1912, с. 87].

При исследовании пространства между курганом и поселением (раскоп С-6) были обнаружены ямы и остатки каменных стен, причем все стены относились ко второму строительному периоду [Штерн, 1912, с. 90]. Находок позднее VI века на этом участке почти не было, исключение составил обломок мраморной плиты с фрагментом надписи – посвящением Ахиллу Понтарху [Штерн, 1912, с. 91].

По результатам раскопок 1908 г. было определено, что Березанское поселение было крупнее, чем предполагалось ранее, а также в очередной раз подтверждена точка зрения Э.Р.Штерна о двух основных, сменяющих друг друга, строительных периодах в истории этого поселения [Штерн, 1912, с. 91].

В ходе раскопок участка на северо-западной береговой линии острова (раскоп В-8) было обнаружено восемь каменных кладок и восемь ям. И те и другие были отнесены Э.Р.Штерном к первому строительному периоду. Сопровождающий материал, в основном, относился к VI в. до н.э. [Штерн, 1912, с. 92].

В четырех из восьми ям были обнаружены человеческие останки, которые имели следы горения, из чего Э.Р.Штерн сделал вывод, что эти ямы были похоронными. Кроме этого, в ямах были обнаружены «дельфинчики», грузила, светильники, несколько целых сосудов, а также терракотовые статуэтки [Штерн, 1912, с.92].

Во время полевого сезона 1909 года раскопки продолжались на участке античного поселения (раскоп А-1), по береговой полосе (раскоп В-8), а также продолжилось исследование большого кургана в центре острова (раскоп К) и был раскопан еще один курган (раскоп К-4) на юго-западной стороне острова [Штерн, 1913, с. 105].

Обнаруженные при раскопках поселения строительные остатки и сопро-вождающие материалы в целом были сходны с теми, что были обнаружены здесь в предыдущие годы, но относились на этот раз только к первому стро-ительному периоду.

Среди уникальных находок необходимо отметить литую монету «в фор-ме камбалы». Она была просверлена (видимо, для использования в каче-стве амулета) и обнаружена в раннем слое, что привело Э.Р.Штерна к выводам о том, что: «монетки подобной формы представляют собой древ-нейший тип, который впоследствии был изменен в форму дельфина» [Штерн, 1913, с. 106].

На этом участке также были обнаружены безынвентарные захороне-ния, в том числе одиннадцать расположенных рядом человеческих черепов и, на 9 см глубже, еще 3 черепа. Причем у многих из них недоставало нижних челюстей. Эти погребения являлись, по мнению Э.Р.Штерна, перезахороне-нием останков, потревоженных при строительстве турецких укреплений [Штерн, 1913, с. 106-107].

На участке возле северо-западной береговой линии были раскопаны ос-татки стен, колодец круглой формы и ямы, идентичные тем, которые были обнаружены на раскопе поселения (А1). Стены принадлежали к двум стро-ительным периодам. Особый интерес представляли остатки прямоуголь-ного сооружения. Его размеры составили 6,05 x 3,69 м, сохранились 15 рядов кладки, благодаря чему сохранившаяся высота сооружения дости-гала 2,93 м. Данное сооружение было интерпретировано Э.Р.Штерном как помещение и, по найденному материалу, продатирована концом VI – на-чалом V вв. до н.э.

Некоторые из ям Э.Р. Штерн снова интерпретировал как погребальные. К этому выводу он пришел на основании того, что в их заполнении были обнаружены целые или почти целые сосуды при отсутствии в нижних сло-ях заполнения ям костей животных. В одной из таких ям был обнаружен светильник с фрагментированным граффити на древнегреческом языке, которое Э.Р. Штерн перевел следующим образом: «я служу как светильник и свечу богам и людям» [Штерн, 1913, с. 108]⁸. Также в некоторых ямах были обнаружены фрагменты терракотовых статуэток, в том числе и в яме с описанным выше светильником [Штерн, 1913, с. 109].

В плане достоверной интерпретации надписей очень большую роль иг-рает контекст, в котором была обнаружена находка. А.С. Русяева обо-снованно предположила, что некоторые из раскопанных Э.Р. Штерном в 1909 году ям, в том числе и та, в которой был обнаружен светильник, по размерам,

⁸ Позднее надпись на этом светильнике неоднократно переиздавалась и интерпретировалась различными исследователями по-разному [см. - Русяева, 2004, с. 16-20].

форме, а также учитывая обнаруженный в них материал, напоминают ботросы ольвийских теменосов архаического времени [Русяева, 2004, с. 19].

В ходе работ на кургане (раскоп К) в верхнем слое были обнаружены 10 захоронений. Среди них, за исключением двух погребений, все были безынвентарными. Поскольку у них были одинаковы глубина захоронения и погребальный обряд, Э.Р.Штерн заключил, что эти захоронения следует отнести к одному времени и этносу, «но к какому именно, определить пока невозможно» [Штерн, 1913, с. 109]. Ниже были обнаружены кладка из больших каменных глыб и две ямы.

Раскопки данного кургана привели Э.Р.Штерна к выводу о том, что это был естественный холм. [Штерн, 1913, с. 113].

Несмотря на это, перекрывающий его культурный слой был сильно насыщен битой керамикой. Слой этот, по мнению Э.Р.Штерна, образовался в результате свалки здесь мусора [Штерн, 1913, с. 116]. По найденному материалу, который был одним из наиболее ранних на Березани, автор раскопок датировал культурный слой над холмом концом VII- началом VI вв. до н.э. Под культурным слоем были выявлены остатки ям, не характерных для Березанского поселения. Эти ямы, по предположению Э.Р. Штерна, были вырыты для добывания глины, а затем засыпаны [Штерн, 1913, с. 115].

Среди находок сезона 1909 года было обнаружено довольно много граффити. Кроме описанного выше граффити, на светильнике было также найдено несколько фрагментов керамики с посвящением Афродите [Штерн, 1913, с. 116].

Также при раскопках в северо-западной прибрежной части острова впервые были обнаружены светильники и несколько фрагментов керамики римского времени. Вследствие этого Э.Р.Штерн сделал вывод о том, что: «несомненно, на Березань приезжали из Ольвии, чтобы ставить посвященные надписи Ахиллу Понтарху и приносить ему жертвы... О постоянном или сплошном заселении острова в римский период не может быть пока речи. Но находки отчетного года могут указывать и на то, что ольвиополиты, может быть, заезжали на Березань не только для культа Ахилла Понтарха, но и для рыбной ловли» [Штерн, 1913, с. 116-117].

В 1909-1914 годах на Березани по распоряжению Военного Ведомства, несмотря на категорические протесты научной общественности (и в первую очередь Э.Р.Штерна) [Соловьев, 2005, с. 34], начинается крупномасштабное строительство опытных железобетонных сооружений, которые были построены для того, чтобы использовать их для стрельб с кораблей и проверять прочность этого строительного материала. Тогда же, в связи с этим, были запрещены археологические раскопки на острове [Нудельман, 1940; Носенко, 2007, с. 272]. В связи с этим строительством на о. Березань была проложена дорога, которая частично нарушила стратиграфию исследуемых уже в

наше время участков, в том числе раскопа «Т» (Теменос)⁹ [Назаров, Кузьмищев, 2005, с. 178].

Э.Р. Штерна, к тому времени ученого с мировым именем, часто приглашали на работу в европейские научные и учебные заведения. Сначала неизменно отказываясь от приглашения ряда университетов и музеев Европы, он, после трагической гибели своего младшего сына в 1910 году¹⁰, переезжает в г. Галле [Дложевский, 1925, с. 101; Ванчугов, 2004, с. 12]. Также, видимо, в принятии Э.Р.Штерном решения о переезде сыграл свою негативную роль и запрет на проведение раскопок на о. Березань.

С тех пор и до конца жизни Э.Р. Штерн оставался профессором Виттенбергского университета, одного из самых крупных центров антиковедения в Германии [Фролов, 2001, с. 48]. О высоком научном статусе Э.Р. Штерна неоспоримо говорит тот факт, что он стал деканом историко-филологического факультета Виттенбергского университета и дважды избирался его ректором (в 1921/1922 и 1923/1924 гг.) [Фролов, 2001, с. 48].

В 1913 году Э.Р.Штерн с большим трудом смог добиться разрешения на проведения раскопок на о.Березань [Носенко, 2007, с. 272]. По приезду на остров он увидел, что значительная часть культурного слоя была уничтожена строительством. О своих впечатлениях по этому поводу он написал в отчете о раскопках этого года, который был набран для публикации в Записках Одесского общества истории и древностей: «Пустынный прежде остров стал неузнаваем. В середине его уже издали виднеется большое сооружение, возведенное Военным Ведомством для целей пробной стрельбы... . Господин Комендант Очаковской крепости самым предупредительным образом представил мне, моему помощнику М.Ф. Болтенко и моему повару помещение в так называемом инженерном доме, а моим рабочим в бараке, который находился по-соседству с помещением для караула... Я о громадном сооружении на середине острова здесь говорить не стану и не могу; понятным образом, мне и моим рабочим запрещено было к нему подходить и его рассматривать... В северо-западной части острова, там, где прежде возвышался большой курган (К6), он издали был виден. Приблизительно еще восьмая часть этого кургана осталась нераскопанной... Кургана этого более не существует, он весь снесен,...для устройства блиндажа вблизи инженерного дома; и для той же цели, так как для этого блиндажа потребовалось очень много земли, скрыты верхние слои почвы на большое пространство»

⁹ Назаров В. В., Кузьмищев А. Г. К проблеме интерпретации позднеархаической полуземлянки на о. Березань. //Боспорский феномен 2005: Проблема соотношения письменных и археологических источников: Мат. междунар. науч. конф. – СПб., 2005. - с. 178.

¹⁰ Он утонул во время купания у берегов острова Березань. Судьба старшего сына Э.Р. фон Штерна - Виктора также сложилась трагически, он служил офицером в Белой армии и был расстрелян в 1920 году в Красноярске.

[Штерн, 1915. с. 78-79; Носенко, 2007, с. 272]. Вот еще один пример: «В западной и северо-западной части острова, где главным образом производились раскопки, картина была еще более печальной. С берега сделано было несколько довольно глубоких прорезов через античные культурные слои для прокладки рельсового пути на шпалах и погибло много ценного материала» [Нудельман, 1940, с. 7; Носенко, 2007, с. 272].

Отчет Э.Р. Штерна за 1913, набранный для ЗООИД № 32 за 1915 год, был изъят из данного тома по цензурным соображениям буквально в типографии [Дложевский, 1925, с. 101; Носенко, 2007, с. 272, прим. 17]. Тем не менее, Э.Р.Штерн смог его опубликовать в качестве отдельного издания, которое вышло очень ограниченным тиражом [Штерн, 1915].

Первая мировая война, революция и гражданская война нарушили нормальное течение жизни Э.Р.Штерна. Его постигли новые испытания – утрата родового имения в Лифляндии и кончина членов семьи (после тяжелой болезни умирает жена, был расстрелян большевиками старший сын)¹¹ [Фролов, 2001, с. 48]. Тем не менее, академическая карьера Э.Р. Штерна была успешной.

Э.Р. Штерн постепенно вводил полученный в ходе многолетних раскопок Березани вещественный материал в научный оборот, хотя и не успел сделать это в полном объеме. Он активно использовал его в своих работах для воссоздания важных черт материальной и духовной культуры новооснованных полисов Северного Причерноморья, деятельности и быта переселенцев, включая и такой особенный аспект, как жизнь детей колонистов. Для изучения последнего им были использованы найденные в древних захоронениях (главным образом на Березани) предметы детского обихода – гутусы, погремушки, терракотовые фигурки животных и птиц, куклы и т.п. [Штерн, 1911, с. 13-30].

Э.Р. Штерну принадлежит первая более или менее полная концепция греческой колонизации Северного Причерноморья и развития античной Березани. Еще в 1900 г., сразу же после ознакомления с результатами работ Г.Л. Скадовского на березанском некрополе, он пришел к выводу, что на острове находятся остатки «одного из древнейших греческих поселений на побережье Черного моря» [Штерн, 1901, с. 89].

Рамки существования античного поселения, согласно найденному археологическому материалу, Э.Р.Штерн ограничил концом VII- началом V вв. до н.э. Эти материалы, по мнению Э.Р.Штерна, отражали момент равновесия торговой конкуренции двух древнегреческих городов-государств -

¹¹ Штерн был женат дважды. Его первая жена Алиса-Августа происходила из старинного шведско-лифляндского рода Либиенфельдов. Вторично Штерн женился в 1919 г. на Симонетте Керстен [Фролов, 2001, с. 53, прим. 39].

Милета и Афин. Наконец, одним из основных выводов было предположение о том, что гибель (поглощение) «поселения или эмпория» Березани произошло в результате торговой конкуренции с Ольвией [Штерн, 1901, с. 90].

Спустя некоторое время эта концепция подверглась некоторому изменению. Подтверждая прежнюю датировку поселения, Э.Р. Штерн видит остров вновь заселенным ко II в. до н. э. и далее вплоть до рубежа нашей эры. Неясным оставалось только, «как дело обстояло в промежуточное время между VI и II веками до н.э., был ли остров действительно оставлен греческими поселенцами из-за процветания и развития Ольвии или же продолжал служить торговым пунктом во время всего античного периода истории» [Штерн, 1908, с. 36]. Надо подчеркнуть, что вопрос о положении Березани в последние века до н. э. и ныне остается одним из самых неясных и необеспеченных археологическими источниками.

Вывод о двух периодах в жизни поселения был конкретизирован Э.Р. Штерном в 1906 г.: «городок (или фактория) существовал в течение столетия, затем последовал перерыв в 25-50 лет, после чего новые дома сооружались прямо на спланированном культурном слое» [Штерн, 1909, с. 52]. Выводы о двух строительных периодах были им сделаны на основании расположения строительных остатков относительно материкового грунта и по характеру кладок [Соловьев, 2005, с. 33]. К первому периоду (2-я половина VII – 1-я половина VI вв. до н.э.) Э.Р.Штерн отнес кладки, которые стояли на материке или незначительном культурном слое и были сложены из хорошо отесанных камней. Ко второму (2-я половина VI – начало V вв. до н.э.) – кладки, сложенные из более грубого, часто мелкого, бута и на культурном слое, причем последний достигал иногда толщины до 1,40 м [Соловьев, 2005, с. 33].

Кроме стратиграфических наблюдений, этот вывод был основан на изучении привозного керамического материала, который отчетливо делился на две хронологические группы, что было подтверждено позднейшими исследованиями [Капошина, 1956, с. 216].

Березанское поселение, по мнению Э.Р. Штерна, возникло во второй половине VII в. до н.э., хотя большинство вещественного материала первого периода относилось к первой половине VI в. до н.э. Второй хронологический период, выделенный Э.Р.Штерном, охватывал материал от второй половины - конца VI в. до н.э. до начала V в. до н.э. [Соловьев, 2005, с. 33]. В культурно-политическом аспекте он соотносил эти периоды с тем регионом, который доминировал в березанском импорте. Для первого периода таковым регионом была Иония, для второго – Атика.

В 1909 г. на северо-западном берегу острова более ощутимо, чем в других местах, проявил себя вещественный материал римского времени. Это заставило Э. Р. Штерна вновь обратиться к вопросу о роли Березани в первые века н. э. и заключить: «для утверждений о постоянном или сплошном

заселении острова в римское время нет оснований; можно лишь допустить, что ольвиополиты не только в культовых целях, но и для рыбной ловли чаще заезжали сюда, чем предполагалось раньше» [Штерн, 1913, с. 116-117].

Такова в основных чертах концепция развития Березанского поселения, созданная Э.Р. Штерном.

За семь полевых сезонов на острове Березань (1904-1909, 1913 гг.) Э.Р. Штерном были проведены значительные по своему объему раскопки, на большой площади раскрыт участок древнегреческого поселения, в основном в северной его части. В результате раскопок поселения была определена его стратиграфия, выявлены основные строительные периоды его жизнедеятельности. Итоги раскопок послужили основанием для создания относительной хронологии существования этого уникального памятника, чему Э.Р.Штерн уделял большое внимание [Соловьев, 2005, с. 33].

Также значительные усилия в плане раскопок были направлены Э.Р. Штерном на то, чтобы определить границы существования античного поселения на острове. Раскопки в северо-западной, юго-западной и в южной частях Березани показали, что поселение охватывало практически всю северную часть острова [Соловьев, 2005, с. 34].

Большинство березанского материала из раскопок Э.Р. Штерна поступило в Одесский археологический музей, а также в Государственный Эрмитаж. В меньшей степени находки представлены в Государственном историческом музее в Москве и в музеях университетов в Галле (музей Робертинум) и Бонне [Фролов, 2001, с. 48; Соловьев, 2005, с. 34].

Большая заслуга Э.Р.Штерна проявилась в том, что он активно занимался разработкой правильной, научно обоснованной методики проведения археологических раскопок, исходя из того принципа, что «лучше не производить раскопок, чем производить их неправильно» [Ванчугов, 2004, с. 11].

Конечно, по прошествии более ста лет не все его гипотезы, интерпретации и оценки, связанные с Березанью, выдержали проверку временем, но многое из того, что им было сделано, до сих пор остается в активном аналитическом фонде нашей науки.

В этом плане прежде всего необходимо отметить следующее – Э.Р. фон Штерн, впервые в историографии, указал на то, что на о.Березань находилось древнегреческое поселение, причем древнейшее в Северном Причерноморье [Штерн, 1901, с. 89-90]. Позже, опираясь на материалы проведенных на острове археологических раскопок, он разработал концепцию исторического развития этого памятника, выделил основные этапы и хронологический диапазон его существования.

Также именно Э.Р.Штерн на материалах раскопок Березани впервые пришел к выводу, что в качестве жилых построек переселенцев использовались углубленные в землю конструкции – землянки и что они были построе-

ны эллинским, а не тубильным населением [Штерн, 1912, с. 87]. Нужно отметить и тот факт, что выводы о появлении первых литых монет в Северном Причерноморье еще в архаический период – это также заслуга Э.Р.Штерна, сделанная им на основании полученного в ходе исследований на Березани нумизматического материала [Штерн, 1907, с. 45].

Именно перу этого неустомимого исследователя принадлежит и создание первой, основанной на археологических данных, теории греческой колонизации. Ее основные принципы заключались в том, что в ходе переселенческого процесса доминировал «эмпориальный» фактор вывода первых апойкий. С ней можно соглашаться или оспаривать ее, но одно несомненно – она послужила крайне важным импульсом для дальнейшего развития научных представлений о характере заселения Северного Причерноморья античными перепоселенцами в колонизационную эпоху.

После прекращения работы экспедиции Э.Р. фон Штерна долгое время на острове Березань не проводились археологические раскопки. Первая мировая война, Февральская, позже Октябрьская революции, потом гражданская война надолго отодвинули Березань из плана серьезных научных исследований. Только в 1927 году, наконец, появились небольшие средства на проведения здесь новых раскопок. Теперь экспедицию на о. Березань возглавлял ученик Э.Р. фон Штерна – Михаил Федорович Болтенко [Кузьмищев, 2007, с. 223], однако характеристика его деятельности уже выходит за рамки данной статьи.

ЛИТЕРАТУРА

- Анохин В.А. Античные монеты Северного Причерноморья: Каталог. – К., 2011.
- Бондаренко Д.В. Дослідження березанського некрополя в дореволюційний час // VIII Миколаївська обл. краєзнавча конф. Історія. Етнографія. Культура. Нові дослідження. – Миколаїв, 2010. – с. 71-73.
- Бондаренко Д.В., Смирнов О.І. Деякі аспекти історії досліджень острова Березань // VII Миколаївська обл. краєзнавча конф. Історія. Етнографія. Культура. Нові дослідження. – Миколаїв, 2008. – с. 82-85.
- Браун Ф.А. Шведская руническая надпись, найденная на о. Березань // ИАК. Вып. 23.– СПб, 1907. – с. 66-75.
- Бузескул В. Всеобщая история и её представители в России в XIX и начале XX веков. – К., 2004.
- Буйских С.Б. Земляночное домостроительство эпохи колонизации Северного Причерноморья // БИ. – Вып. 9. – Симферополь–Керчь. – с. 3-21.
- Буйских С.Б. Исследования святилища Ахилла на Бейкушском мысу (предварительные итоги) // Хсб. – Вып. 11. – Севастополь, 2001. – с. 34-43.
- Ванчугов В. П. Одесское общество истории и древностей на рубеже XIX–XX вв. и Э.Р. Штерн // 150 лет Одесскому обществу истории и древностей 1839-1989. Тез. докл. юб. конф. – Одесса, 1989. – с. 24-27.
- Ванчугов В. П. Э.Р. фон Штерн и археология Северного Причерноморья на рубеже XIX и XX веков // *Borysthenika*–2004. Матер. междунар. научн. конф. к 100-летию исследования острова Березань Э. Р. фон Штерном. – Николаев, 2004. – с. 7-13.

- Гребенников В.Б.* История изучения памятников археологии у Николаевской области (конец XVIII – XX ст.). – Николаев, 2010.
- Дложевский С.С.* Эрнест Романович Штерн (Некролог) // ВООК при ВУАН. – Одесса, 1925. – Ч. 2-3. – с. 99-101.
- Жебелев С.А.* Отзыв о трудах Э.Р. фон Штерна, посвященных классическим древностям Южной России // ЗООИД. – Одесса, 1901. – Т. 23. Протоколы. – с. 95-112.
- Капошина С.И.* Из истории греческой колонизации Нижнего Побужья. // МИА. – № 50. – 1956. – с. 211-254.
- Крыжицкий С.Д.* Жилые дома античных городов Северного Причерноморья (VI в. до н.э. – IV в. н.э.) – К., 1982.
- Кузьмищев А.Г.* Остров Березань в эпоху Средневековья: Изученность проблемы. // Середньовічні старожитності Центрально–Східної Європи: Тези доповідей V Міжнар. студ. наук. археолог. конф. – Чернівці, 2006. – с. 87-88.
- Кузьмищев А.Г.* Археологические раскопки М. Ф. Болтенко на острове Березань (1927–1947) // Вісник Київського славистичного університету. – К., 2007. – № 32. – с. 222-230.
- Лалин В.В.* Греческая колонизация Северного Причерноморья (Критические очерки отечественных теорий колонизации). – К., 1966.
- Лалин В.В.* Березань и проблемы генезиса античной северо–причерноморской цивилизации. – К., 1978. /НА ИА НАН Украины. – Ф. 24. – № 58.
- Ласінська М.Ю.* Дослідження археологічних пам'яток Нижнього Побужжя: історіографія проблеми (XIX–30–ті роки XX ст.). Автореф. канд. дисс... ист. наук. – Миколаїв, 2011.
- Латышев В.В.* Эпиграфические новости из южной России. (Находки 1905 года). // ИАК. – Вып. 18. – СПб., 1906. – с. 95-137.
- Латышев В.В.* Эпиграфические новости из южной России. (Находки 1907 года). // ИАК. – Вып. 27. – СПб., 1908. – с. 15-41.
- Назаров В.В.* «Счастливики» // Материалы Березанской (Нижнебугской) античной археологической экспедиции. – Т. 1. – СПб., 2006. – с. 185-188.
- Непомнящий А.А.* Крымоведческие исследования в Одессе в середине XIX – начале XX веков // Культура народов Причерноморья. – № 7 – Симферополь, 1999. – с. 101-118.
- Носенко В.П.* К истории военного строительства на острове Березань // Ευχαριστήριον. Антиковедческо–историографический сборник памяти Ярослава Витальевича Доманского (1928–2004). – СПб., 2007. – с. 269-278.
- Нудельман Д.И.* Древнегреческое поселение на острове Березань. Канд. дисс... ист. наук. – Одесса, 1940. /НА ОАМ НАНУ.
- Отрешко В.М.* Землянки и полуземлянки на античных поселениях Нижнего Побужья. // Ольвийские древности. Сб. науч. трудов памяти В.М. Отрешко (1949–1999). – К., 2009. – с. 98-102.
- Отрешко В.М.* Население Нижнего Побужья в архаическое время // Там же. – с. 103-122.
- Отрешко В.М., Мазарати С.Н.* Архаические сооружения Березани. // Там же. – с. 81-92.
- Прендель Р.А.* Археологические расследования на острове Березань // Труды VI Арх. съезда в Одессе. М., 1886. Т. I. – с. 216-219.
- Русяева А. С.* Научная судьба эпиграфических исследований Э. Р. фон Штерна // Borysthenika–2004. Матер. междунар. науч. конф. к 100–летию исследования острова Березань Э. Р. фон Штерном. – Николаев, 2004. – с. 14-22.
- Соловьев С.Л.* История археологических исследований на Березани //Борисфен – Березань. Арх. коллекция Эрмитажа. СПб., 2005. Т. 1. – с. 31-40.
- Тункина И.В.* Русская наука о классических древностях Юга России (XVIII – середина XIX вв.). – СПб., 2002.
- Фармаковский. Б.В.* Отчёт о раскопках, произведенных магистрантом Б.В. Фармаковским в некрополе древней Ольвии и на острове Березань в 1896 году // ОАК за 1896 год. – СПб., 1898. – с. 211-212.

- Фролов Э.Д.* Немецкий профессор в русском университете: Эрнст Романович фон Штерн (1859–1924 гг.) // (Сб. статей в честь 70-летия Г.Л. Курбатова. – СПб., 2001. – с. 29-58.
- Фролов Э.Д.* Русская наука об античности. Историографические очерки. Изд. 2-е. СПб., 2006.
- Хойслер А.* Эрнст фон Штерн, археолог в Одессе и Галле // Традиции российской археологии. Матер. методолог. семинара ИИМК РАН. – СПб., 1996. – с. 54-56.
- Шестаков Д.П.* Научная деятельность Э.Р.Штерна // Известия общества археологии, истории и этнографии при Казанском государственном университете. – Т. 33, вып. 1. – Казань, 1925. – с. 147-151.
- Шестаков Д. П.* Исследователь памятников классической древности на юге России // Д.П. Шестаков. Два момента из истории нашей археологической науки. – Владивосток, 1926. – с. 22-42.
- Штерн Э.Р.* Бессарабская находка древностей // МАР, № 34, Пг., 1914, – с. 1-14.
- Штерн Э.Р.* Доисторическая греческая культура на юге России // Труды XIII Арх. съезда в Екатеринославле (1905 г.). – Т. I. – М., 1907, – с. 9-52.
- Штерн Э.Р.* Из жизни детей в греческих колониях на северном побережье Черного моря // Сб. археологических статей, поднесенный графу А.А.Бобринскому. – СПб., 1911. – с. 13-30.
- Штерн Э.Р.* О новейших раскопках в г. Аккермане и на острове Березань // ЗООИД. – Т. 23. – Одесса, 1901. Протоколы 329 заседания. – с. 88-91.
- Штерн Э.Р.* О пробных раскопках на острове Березани // ЗООИД. – Т. 25. – Одесса, 1904. Отд. 4. Протоколы 345 заседания. – с. 97-100.
- Штерн Э.Р.* О раскопках на Березани // Труды XIV Арх. съезда в Чернигове. М., 1911. Т. 3. Протоколы. с. 81-82.
- Штерн Э.Р.* Отчет о раскопках на о. Березани в 1909 г. // ЗООИД. – Т. 28. – Одесса, 1910. Протокол 397 заседания – с. 80-91.
- Штерн Э.Р.* Отчет о раскопках на о. Березани летом 1907 г. // ЗООИД. – Приложение к Т. 28. – Одесса, 1907. – с. 137-146.
- Штерн Э.Р.* Отчет о раскопках на острове Березани в 1905 году. // ЗООИД – Т. 27. – Одесса, 1907а. Протокол 369 заседания – с. 68-71.
- Штерн Э.Р.* Отчет о раскопках на острове Березани летом 1913 года. Одесса, 1914.
- Штерн Э.Р.* Предварительное сообщение о раскопках в имении Петрены в Белецком уезде Бессарабской губернии // ЗООИД – Т. 25. – Одесса, 1904а. Протоколы 343 заседания. – с. 69-72.
- Штерн Э.Р.* Раскопки в Аккермане летом 1912 г. // ЗООИД. – Т. 31. – Одесса, 1913. Протоколы 419 заседания. – с. 92-101.
- Штерн Э.Р.* Раскопки на Березани // Труды XIII Арх. съезда в Екатеринославле. – Т. 2. – М., 1908. Протоколы. с. 227-228.
- Штерн Э.Р.* Раскопки на Березани в 1906 г. // ЗООИД. – Приложение к Т. 28. – Одесса, 1907б. – с. 46-53.
- Штерн Э.Р.* Раскопки на о. Березани // ОАК за 1909 и 1910 годы. – СПб., 1913. – с. 105-117.
- Штерн Э.Р.* Раскопки на о. Березани. // ОАК за 1905 год. – СПб., 1908а. – с. 35-38.
- Штерн Э.Р.* Раскопки на о. Березани. // ОАК за 1906 год. – СПб., 1909. – с. 50-58.
- Штерн Э.Р.* Раскопки на о. Березани. // ОАК за 1907 год. – СПб., 1910а. – с. 66-75.
- Штерн Э.Р.* Раскопки на о.Березани // ОАК за 1908 год. – СПб., 1912. – с. 84-93.
- Штерн Э.Р.* Раскопки на острове Березани. // ОАК за 1904 год. – СПб., 1907в. – с. 41-49.
- Штерн. Э.Р.* Краткий отчёт о раскопках на о. Березани в 1908 г. // ЗООИД. – Т. 28. – Одесса, 1910. Протоколы. с. 39-48.
- Hausler A* Ernst von Stern, Archäologe in Odessa und Halle. Zum 125. Geberbstag // EAZ. – Vol. 25. – Berlin, 1984. – s. 683-695.
- Karageorghis V, Vanchugov V.P.* Greek and Cypriote Antiquities in the Archaeological museum of Odessa. – Nicosia, 2001.

Solovyov S.L. Ancient Berezan: The architecture, history and culture of the first Greek colony in the Northern Black Sea. Leiden, 1999.

Stern E. Die Leichenverbrennung in der «praemykenischen» Kultur Sued-Russlands // Festschrift fuer A.Bezenberger. – Koenigsberg, 1921, – s. 161-166.

О.Г. Кузьмищев

**БЕРЕЗАНЬ В АРХЕОЛОГІЧНИХ ДОСЛІДЖЕННЯХ
Э.Р. фон ШТЕРНА**

Резюме

Серед яскравих постатей, які стояли у витоків становлення і розвитку вітчизняного антикознавства був талановитий учений-філолог, історик і археолог кінця ХІХ - початку ХХ ст. Ернест Романович фон Штерн (1859-1924 рр.).

Найбільш важливими в науковій біографії Е.Р. Штерна як археолога стали проведені їм у 1904-1909, 1913 рр. розкопки давньогрецького поселення на о-ві Березань.

У статті розглядаються основні етапи його археологічної діяльності на цьому острові, починаючи з 1900 року, коли відбулося ознайомлення Е.Р. Штерна з Березанської колекцією Г.Л. Скадовського, внаслідок чого Е.Р. Штерн першим серед дослідників прийшов до висновку про те, що на Березані знаходилося найбільш давнє в Північному Причорномор'ї античне поселення, і закінчуючи його останнім польовим сезоном на острові Березань в 1913 році.

За сім років розкопок Березані (1904-1909, 1913 рр.) Е.Р. Штерном були проведені значні за своїм обсягом дослідження, на великій площі розкрита частина давньогрецького поселення.

В ході проведених дослідів Е.Р. Штерн розробив концепцію історичного розвитку давньогрецького поселення на о. Березань, виділив основні етапи та хронологічний діапазон його існування.

Березанське поселення, на думку Е.Р. Штерна, виникло в другій половині VII в. до н.е., але більшість речового матеріалу першого періоду відносилися на першу половину VI ст. до н.е. Другий хронологічний період, виділений Е.Р. Штерном, охоплював матеріал від другої половини - кінця VI ст. до н.е. до початку V ст. до н.е.

Також саме Е.Р. Штерн вперше прийшов до висновку, що як житлові конструкції переселенців використовувалися землянки, а також, що вони були побудовані еллінським, а не тубільним населенням. Йому ж належить і створення першої, заснованої на археологічних даних, теорії грецької колонізації. Її основні принципи полягали в тому, що в ході переселенського процесу домінував «емпоріальний» чинник виведення перших апойкій.

А.Г. Кузьмищев

БЕРЕЗАНЬ В АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЯХ
Э.Р. фон ШТЕРНА

Резюме

Среди ярких личностей, которые стояли у истоков становления и развития отечественного антиковедения был талантливый ученый-филолог, историк и археолог конца XIX - начала XX ст. Эрнест Романович фон Штерн (1859-1924 гг.).

Наиболее значимыми в научной биографии Э.Р. Штерна как археолога стали проведенные им в 1904-1909, 1913 гг. раскопки древнегреческого поселения на о-ве Березань.

В статье рассматриваются основные этапы его археологической деятельности на этом острове, начиная с 1900 года, когда состоялось ознакомление Э.Р. Штерна с Березанской коллекцией Г.Л. Скадовского, в результате чего Э.Р. Штерн первым пришел к выводу о том, что на о.Березань находилось древнейшее в Северном Причерноморье античное поселение, и заканчивая его последним полевым сезоном на острове Березань в 1913 году.

За семь лет раскопок Березани (1904-1909, 1913 гг.) Э.Р. Штерном были проведены значительные по своему объему раскопки, на большой площади раскрыт участок древнегреческого поселения.

В ходе проведенных исследований Э.Р. Штерн разработал концепцию исторического развития древнегреческого поселения на о.Березань, выделил основные этапы и хронологический диапазон его существования.

Березанское поселение, по мнению Э.Р. Штерна, возникло во второй половине VII в. до н.э., но большинство вещественного материала первого периода относилось к первой половине VI в. до н.э. Второй хронологический период, выделенный Э.Р. Штерном, охватывал материал от второй половины - конца VI в. до н.э. до начала V в. до н.э.

Также именно Э.Р. Штерн впервые пришел к выводу, что в качестве жилых конструкций переселенцев использовались землянки, что они были построены эллинским, а не тубильным населением. Ему же принадлежит и создание первой, основанной на археологических данных, теории греческой колонизации. Ее основные принципы заключались в том, что в ходе переселенческого процесса доминировал «эмпориальный» фактор вывода первых апоекий.

A.G. Kuzmishchev

BEREZAN IN ARCHAEOLOGICAL RESEARCH OF E.R. VON STERN

Summary

Among outstanding personalities, who stood at the origins of the formation and development of the national studying of antiquity there was a scholar – a philologist, a historian, and an archaeologist of the late 19th early 20th century, Ernest R. von Stern (1859-1924).

Excavation of an ancient Greek settlement on the island Berezan conducted in 1904-1909, 1913 became most significant in scientific biography of E.R. von Stern.

Main stages of his archaeological activity on the island since 1900, when E.R. Stern's familiarization with Berezan collection of G.L. Skadovsky took place, resulting in Stern's conclusion that the oldest ancient settlement in the northern Black Sea region had been on the island Berezan, and ending with his last field season on the island Berezan in 1913, are discussed in this article.

Considerable in this scope excavations were carried out by E.R. von Stern for seven years (1904-1909, 1913). A site of an ancient Greek settlement was discovered in a large area.

In the course of studies E.R. von Stern developed the concept of the historical development of the Greek settlement on the island Berezan, identified main stages and chronological range of its existence.

Berezan settlement, according to E.R. von Stern, appeared in the second half of the 7th century BC, but most of the real material of the first period belonged to the first half of the 6th century BC. Second chronological period highlighted by E.R. von Stern, covered material from the second half – the late 6th century BC till the 5th century BC.

E.R. von Stern was the first, who concluded that pit houses had been used as residential structures and that they had been built by Hellenic population. Establishment of the first theory of Greek colonization, based on archaeological evidence is also his. Its basic principle is that “emporium” factor of withdrawal of the first apoikias dominated during the resettlement process.

Рис. 1. Эрнест Романович фон Штерн в одесский период деятельности.

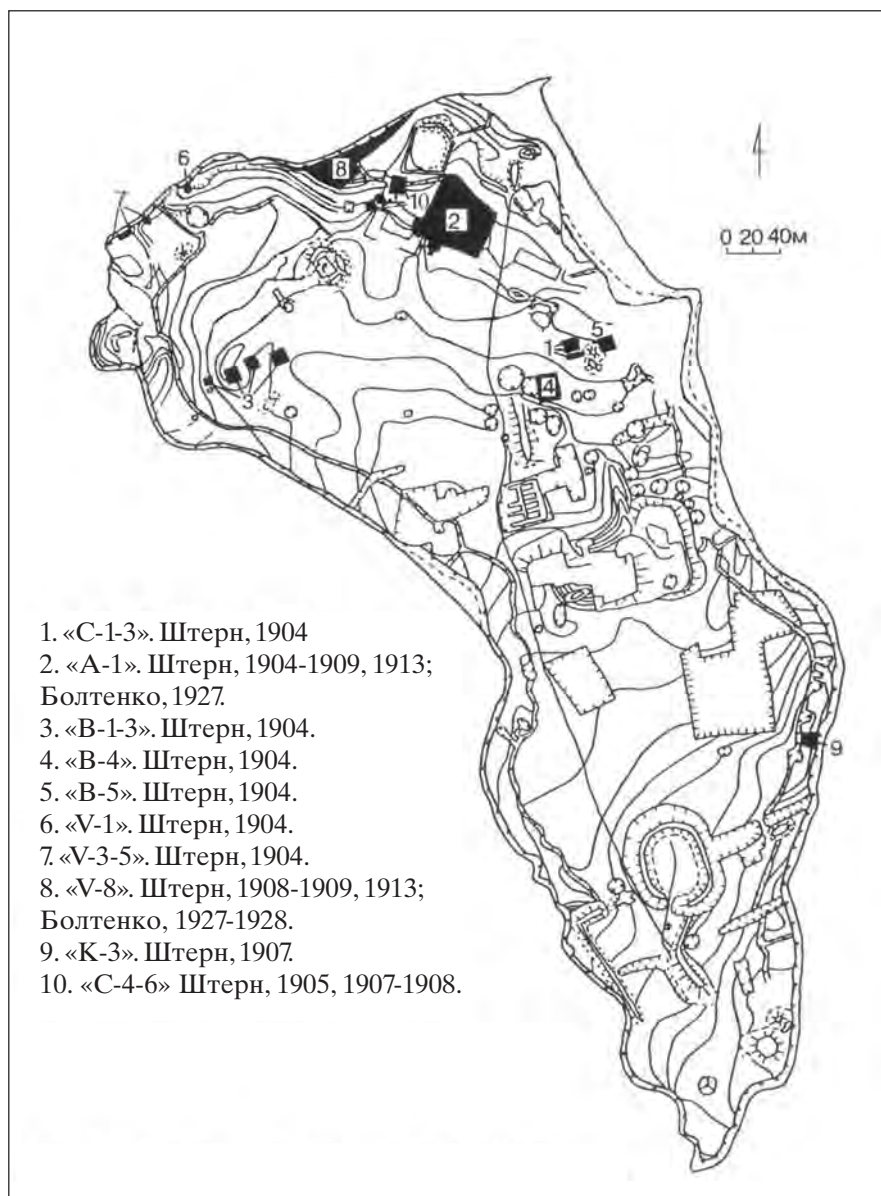

Рис. 3. План острова Берзань. Черным цветом отмечены участки, исследованные Э.Р.Штерном. [по: Solovyov, 1999, p. 16, fig. 6]

А. В. СЕВАСТЬЯНОВ

**«ВАШИ БЕРЕГА БОГАТЫ ПРОМЫСЛАМИ.
ВАША ЗЕМЛЯ ПОДЛИННАЯ ЖИТНИЦА,
У ВАС ПОД ЗЕМЛЕЙ НЕСМЕТНЫЕ БОГАТСТВА...».
КЕРЧЕНСКОЕ ОТДЕЛЕНИЕ РОССИЙСКОГО ОБЩЕСТВА
ПО ИЗУЧЕНИЮ КРЫМА (1922–1932 гг.)**

Одной из актуальных тем в контексте восстановления объективной истории изучения Крыма является реконструкция вклада научных сообществ разного уровня представительства, проводивших свою работу в период всплеска регионоведческих исследований 20-х – начала 30-х гг. XX в.

Местная инициатива подвижников-краеведов досоветского периода после установления Советской власти в 1920 году получила государственную, в том числе финансовую, поддержку. В годы Гражданской войны наблюдалось активное сотрудничество крымоведов с авторитетнейшими представителями отечественной науки из столичных центров (наиболее ярко этот синтез проявился в деятельности Таврической ученой архивной комиссии и ее преемника – Таврического общества истории, археологии и этнографии). Одновременно с этим в первые годы после установления Советской власти в Крыму возникали новые учреждения и общественные организации, ставившие своей целью всестороннее изучение прошлого и настоящего полуострова. Среди таковых ключевую роль играло Российское общество по изучению Крыма (РОПИК).

РОПИК – общественная организация, объединявшая в своих рядах авторитетный круг советских ученых и организаторов науки 20-х гг. XX в., массы краеведов-энтузиастов, популяризаторов крымоведческих знаний. Научное общество, созданное в Москве в октябре 1922 года на волне бума краеведческих исследований, смогло интегрировать в своей деятельности традиции столичных научных школ и новые методологические приемы организации регионоведческих исследований [Севастьянов, 2010].

Одной из наиболее значимых и плодотворных сфер деятельности РОПИК стала работа по созданию сети региональных отделений общества, призванная объединить штудии ученых столичных академических и университетских кругов с популяризаторской или аматорской исследовательской деятельностью местных краеведов. Эта цель была закреплена в Уставе РОПИК при учреждении. В 1923–1925 гг. по инициативе правления организации и при активном участии его представителей такие филиалы были созданы во всех городах Крыма и в Ленинграде, в 1923 году начала свою

исследовательскую и полевую работу Гурзуфская научная база РОПИК. Наиболее полноценно традиции краеведческой работы 20-х гг. XX в. с применением новых методологических исследовательских разработок отразились в работе Керченского отделения Российского общества по изучению Крыма.

Керченское отделение РОПИК было открыто 18 ноября 1923 года. Этому событию предшествовала переписка правления общества с директором Керченского историко-археологического музея, археологом Юлием Юльевичем Марти (1874–1959). На первом заседании правления отделения в ноябре 1923 года были проведены выборы руководства – председателем избрали Ю. Ю. Марти, заместителем председателя – заведующего городской ихтиологической лабораторией А. И. Александрова, секретарём и казначеем – педагога Е. П. Филиппова. Также была создана комиссия в составе А. К. Ольхиной, М. Г. Тодорова и Е. П. Филиппова для разработки проекта организации краеведческого музея при отделении РОПИК. В дальнейшем идея краеведческого музея при филиале общества конкретизировалась в его экономико-производственной профилизации. Однако в 1924–1925 годах музей так и не начал свою деятельность вследствие отсутствия финансирования.

Отчёт о работе отделения за 1924–1925 гг. (Керченское отделение РОПИК, 1925) фиксировал 35 членов РОПИК в Керчи. Это были представители кругов местных административных и партийных работников, сотрудников учреждений культуры и науки, врачей и педагогов. Деятельность отделения была сосредоточена на организации открытых научных собраний, на которых были заслушаны следующие доклады и сообщения: профессора, председателя Морского совета Государственного гидрологического института, ихтиолога и океанолога Николая Михайловича Книповича (1862–1939) «Очерк природы Чёрного моря», ассистента Петровско-Разумовской академии Н. Л. Чугунова «Задачи и изучение продуктивности донного населения Азовского моря и его рыбопромышленное значение», Ю. Ю. Марти «О задачах Общества в изучении археологических и исторических памятников Керченского района», «Об археологических раскопках 1924 года в Крыму и Ольвии», «Рыболовство в Керченском проливе с древнейших времён», А. И. Александрова «О плане устройства при Керченском отделении музея краеведческого характера», «Значение хамсы в рыболовном промысле Керченского района», сотрудника ихтиологической станции в Керчи Н. Ф. Невтонова «Поваренная соль из озёр Керченского полуострова», М. Г. Тодорова «Мамонт по находкам на Таманском полуострове», Е. П. Филиппова «Геологическое строение Керченского полуострова и его флора», «Сопки Керченского района», Л. Г. Якубовича «О необходимости обследования Керченского района для выяснения местностей, пригодных для климатологического пользования, и составление сборника с описанием этих местностей».

В распоряжение отделения в конце 1924 года стали поступать краеведческие материалы, для хранения которых была выделена комната в помещении Керченского филиала КрымОХРИСа, которым заведовал Ю. Ю. Марти. Велась работа по согласованию деятельности создаваемого музея при отделении РОПИК и музея краеведения при Керченском ОХРИСе, которые могли взаимно дополнить друг друга. Использовались и полевые формы работы. Так, летом 1925 года была проведена исследовательская экскурсия по изучению растительных и минеральных богатств Керченского района, в планах отделения на 1926 год продолжение этих исследований было названо приоритетным. Также в перспективе отделение РОПИК рассматривало возможность самостоятельной издательской деятельности, для которой были необходимы материальные ассигнования (Керченское отделение РОПИК, 1925, с. 76). В течение 1923–1925 годов Керченское отделение РОПИК прошло этап становления, сформулировало свою специализацию на изучении экономики, производительных сил и исторического прошлого региона.

Период 1926–1928 годов можно охарактеризовать как переломный для развития краеведения в масштабах всего СССР. Подготовленная в первой половине 20-х годов исследовательская база, привлечение новых социальных слоев и групп населения к этой работе, наметившийся успешный синтез досоветских научных традиций и новой марксистской методологии сделали возможным получение первых практических результатов. Вместе с тем, эти три года стали последним «звонким аккордом» регионоведческих разысканий в СССР в рассматриваемый период. С 1929 года начался резкий поворот к свертыванию любой инициативы исследователей, работа сообществ краеведов стала все более и более контролироваться со стороны государственных органов, а через год–другой начались и открытые репрессивные мероприятия в отношении ученых со стороны органов власти. «Перелом» государственной политики привел к лагерным вышкам для десятков тысяч исследователей, в том числе и членов РОПИК...

Изменение управленческой структуры общества, концентрация основных распорядительных и научно-исследовательских функций в компетенции региональных отделений на территории Крымской АССР, состоявшиеся после проведения первого съезда общества в апреле 1927 г. в Симферополе, позволили представителям научных кругов Крыма, а также краоведам-энтузиастам из числа представителей городской интеллигенции проявить значительный организаторский талант в инициировании различных форм и методов краеведческой работы. Официальное изменение названия организации на общество по изучению Крыма (ОПИК), также закрепленное решениями Первого съезда, демонстрировало общесоюзное значение крымоведческих штудий. Это выделяло работу РОПИК/ОПИК среди подобных синхронных организаций в Крыму, а также позволило обществу четко оп-

ределить основные приоритеты исследовательских и популяризаторских проектов. Наиболее рельефно эти новые приоритеты отразились в деятельности Керченского отделения ОПИК в 1926–1929 гг.

Согласно отчету, в 1926 году филиал организации насчитывал 36 действительных членов. Членами правления являлись: директор Керченского историко-археологического музея Ю. Ю. Марти (председатель правления), А. И. Александров, заведующий городским отделом народного образования Б. И. Рудин, представитель профсоюзов Д. П. Бударин, делегированный Работпросом А. Т. Игнатенко, педагоги: Д. В. Давыдов, Е. Н. Ковалдина, Н. Ф. Невтонов, А. А. Сагакский, М. Г. Тодоров, Е. П. Филиппов (секретарь правления), А. А. Яковлев [Филиппов Е. П., 1927]. Основным видом деятельности отделения в 1926 году оставалось проведение общих и секционных собраний. Была налажена постоянная работа трех секций: естественно-исторической, народного быта и школьно-краеведческой.

В рамках общих собраний в 1926 году участники Керченского филиала ОПИК знакомились с научными разработками столичных исследователей, имевшими значение для изучения региона. Так, темой первого общего собрания стало чтение лекции ленинградского профессора, выдающегося океанолога и гидробиолога Н. М. Книповича, проводившего в 1922–1927 гг. комплексную экспедицию, посвященную гидробиологии Азово-Черноморского бассейна, подробные результаты которой были опубликованы на страницах журнала Общества «Крым» в 1928 г. [Книпович Н. М., 1928]. В ходе собрания сотрудником городской Ихтиологической лаборатории В. Н. Тихоновым был зачитан доклад «К 40-летию деятельности Н. М. Книповича».

Второе общее собрание, на котором присутствовало более 70 человек (что свидетельствует о росте численности организации), решало организационные вопросы. Также был заслушан доклад посетившего Керчь для геологических исследований инженера-геолога С. В. Константова «Минеральные богатства Керченского полуострова», который вызвал содержательную дискуссию среди присутствовавших.

Правление Керченского отделения РОПИК/ОПИК в течение 1926 года провело пять заседаний, где, кроме организационных и хозяйственных вопросов, была рассмотрена и проблема проведения краеведческой выставки в городе. Целью сбора материалов для проведения мероприятия, согласно планам правления, должно было стать в дальнейшем создание «Музея производительных сил района» при отделении. Выставка прошла в рамках Керченской археологической конференции 6–12 сентября 1926 года и привлекла широкий круг посетителей: экспонаты осмотрели, помимо участников конференции, 325 керчан и гостей города. В ходе заключительного заседания конференции инициатива создания музея при филиале ОПИК получила публичную поддержку со стороны руководства города, и к концу года

в историко-археологический музей для ознакомления с особенностями истории города и района [Яковлев А. А., 1927].

Промежуточные итоги работы Керченского отделения ОПИК за три года с момента учреждения подвел в своем очерке заместитель председателя РОПИК/ОПИК, литературовед Евгений Эмильевич Лейтнеккер (1888–1954) [Лейтнеккер Е. Э., 1928]. Автор отмечал, что за это время (1923–1926 гг.) отделение так и не приобрело массового характера – численность его активистов была определена в 50 человек. Также было указано, что основой кадрового состава филиала были педагоги города, для вовлечения же в ряды ОПИК рабочих и хозяйственников представитель руководства общества предлагал провести специальную агитационную кампанию, которая могла иметь успех ввиду значительного представительства обеих категорий населения в регионе. Кроме того, Е. Э. Лейтнеккер указывал на перспективность вовлечения в ряды общества и жителей деревень Керченского полуострова, подчеркивая при этом передовой характер их хозяйственной деятельности, а также неоднородный этнический состав населения, который мог бы стать одним из направлений исследований актива Керченского отделения ОПИК.

Как позитив отмечалось создание усилиями отделения музея производительных сил в городе. Несмотря на скромность занимаемого помещения, данный объект за короткое время смог стать наглядным показателем краеведческой активности членов ОПИК. Благодаря субсидии Главнауки Наркомпроса РСФСР музей производительных сил имел штатную оплачиваемую единицу, которую занимал заведующий музеем Е. П. Филиппов. Кроме данной финансовой дотации, Керченское отделение ОПИК не имело других материальных поступлений – ни от городских властей (кроме предоставляемого помещения под музей), ни от государственных учреждений Крымской АССР. Е. Э. Лейтнеккер отмечал, что вся прибыль от деятельности отделения в 1927 году составила 277 рублей 47 копеек, которые были потрачены на срочные нужды по оборудованию музея [Лейтнеккер Е. Э., 1928, с 109–110].

В рамках проведения в 1927 году Керченским отделением ОПИК кампании публичных докладов в очерке отмечены следующие: профессора А. И. Анисимова «О памятниках живописи в Крыму», архитектора Центральных государственных реставрационных мастерских Б. Н. Засыпкина «О памятниках архитектуры в Крыму», Ю. Ю. Марти «О задачах и работе 1-й Всекрымской краеведческой конференции», М. Г. Тодорова «О целях и задачах краеведения», Е. П. Филиппова «О первом крымском съезде краеведов» (очевидно, был посвящен первому съезду РОПИК/ОПИК в Симферополе 16–18 апреля 1927 года – А. С.) и «О музее местного края», гидроинженера Ф. И. Михайлова «Гидротехнические сооружения на Керченском полуострове в древние времена и теперь», аспиранта Ленинградского института опытной зоологии и фитопатологии В. И. Кузнецова «Энтомологические

поездки весной 1927 года по Керченскому району». Приоритетными заданиями для дальнейшей работы Керченского филиала РОПИК/ОПИК Е. Э. Лейтнеккер определил: расширение числа участников, упрочение материальной базы, создание постоянного экскурсионного органа в рамках организации, дальнейшее развитие музея производительных сил, краеведческая работа на предприятиях и в деревне, нахождение контакта и совместные исследования с пребывающими на Керченский полуостров научными экспедициями разного профиля [Лейтнеккер, 1928, с. 111].

В 1928 году исследовательская активность Керченского отделения РОПИК/ОПИК оставалась на столь же высоком уровне. К этому времени следует отнести окончательное формирование структуры музея местного края, предшественником которого в 1926–1927 годах был музей производительных сил. В учреждении были определено разделение на три отдела – естественно-исторический, посвященный флоре, фауне, геологии региона; производственный, освещавший историю становления и современное состояние экономики и социального развития; и т. н. «революционный» – основная экспозиция которого была собрана в связи с празднованием 10-летия Октябрьской социалистической революции в 1927 году и существование которого было результатом совместных усилий филиала ОПИК и городского истпарта. В контексте проведения популяризаторских акций, способствовавших ознакомлению с результатами научных исследований широких масс городской интеллигенции, рабочих, молодежи, Керченским отделением РОПИК/ОПИК были продолжены публичные доклады, которые можно разделить на три тематических направления: изучение природных богатств Керченского региона; исследования, касающиеся исторического прошлого района в археологическом и этнологическом контекстах; доклады по краеведческой методологии и практике и общественным наукам в целом.

К первой группе докладов относились выступления заместителя председателя Московского отделения ОПИК, профессора Б. Ф. Добрынина «О целях и задачах комплексной экспедиции Московского отделения Общества по изучению Крыма на Керченском полуострове в 1928 году» и «Геоморфология и ландшафты Керченского полуострова по данным экспедиции 1928 года», участника этой экспедиции Е. В. Шифферс «Растительность Керченского полуострова: исследования 1928 года по заданиям Главного ботанического сада и Общества по изучению Крыма», Е. П. Филиппова «Керченские сопки и их извержения в последние годы», С. В. Константова «Разведочные работы в Керченском железорудном районе и значение последнего в хозяйстве СССР». Ко второму массиву докладов в отчете были причислены выступления профессора А. И. Анисимова «Открытия эпохи революции в области древнерусской живописи», члена Правления ОПИК, профессора Б.А. Куфтина «О задачах этнографического изучения Крыма и Керченского

полуострова», Ю. Ю. Марти «Об археологических раскопках с 1924 года в Крыму и Ольвии» и «Раскопки Керченского археологического музея на горе Опук в 1927 г.», профессора Е. М. Придика «Значение керамических надписей на амфорных ручках для изучения торговли древнего мира». Третью группу публичных докладов составляли результаты исследований профессора Крымского государственного педагогического института им. М. В. Фрунзе В. И. Филоненко «22 народности Крыма и их изучение» и И. К. Голубева «Научные труды и просветительская деятельность М. Н. Покровского» [Марти, 1929, с. 203–204].

9 декабря 1928 года состоялось торжественное заседание актива Керченского отделения РОПИК/ОПИК, посвященное пятилетнему юбилею работы организации. В сообщении председателя филиала Ю. Ю. Марти и докладе секретаря Е. П. Филиппова отмечались положительные достижения в работе организации, однако, были упомянуты и недостатки, впоследствии внесенные в резолюцию собрания. Основными недостатками, согласно документу, оставалась малая вовлеченность рабочих и крестьян в работу филиала РОПИК/ОПИК, указывалась необходимость согласования работы отделения с общегородским и районным планами социально-экономического развития, констатировалась и необходимость возобновления работы школьно-краеведческой секции филиала для тесной связи с кругами учащейся молодежи. Также снова указывалась необходимость хотя бы частичного финансирования со стороны городских властей музея местного края, высказывалась идея создания общего городского музея силами различных общественных организаций и государственных учреждений и подчеркивалась необходимость скорейшего изыскания средств для издания трудов членов РОПИК/ОПИК по экономике и географии региона.

Своеобразным итогом пятилетней работы Керченского отделения РОПИК/ОПИК можно также считать слова из приветствия заместителя председателя РОПИК/ОПИК Е. Э. Лейтнеккера коллективу Керченского отделения организации, обозначившего новые горизонты как в работе керченских краеведов, так и отразившим тенденции, сложившиеся в общесоветском краеведческом движении к 1929 году: «Перед вами, дорогие товарищи, открывается большое поле деятельности. Возле вас гигант–металлург – Керченский металлургический завод. Ваши берега богаты промыслами. Ваша земля подлинная житница, у вас под землей несметные богатства. Керченскому краеведению предстоит огромная научно-культурная и организационная работа. Приобщение к ней масс, приобщение керченского краеведения к социалистическому строительству, к культурному походу, постепенная методическая проработка всего местного краеведческого материала – таковы вехи дальнейшей работы» [Марти, 1929, с. 205–206].

Центральным событием в деятельности всего общества по изучению Крыма в 1928 году стала комплексная экспедиция членов Московского отделения научной организации на Керченский полуостров. Летом 1928 года на средства, выделенные Главнаукой, в Керчь прибыли три отряда: физико-географический (руководитель – профессор Б. Ф. Добрынин, в составе старшего ассистента Главного ботанического сада в Ленинграде, ассистента Ленинградского государственного университета Е. В. Шифферс, аспиранта географического научно-исследовательского института МГУ Б.С. Шустова и студентов М. В. Викторова и В. П. Зенкевича), этнологический (руководитель – профессор Б. А. Куфтин, в составе молодых ученых М. Орлова, К. Ф. Соколовой, Стешенко, Н. Н. Чебоксарова) и статистико-экономический (руководитель – Н. Т. Юрин, в составе – сотрудник Юлин). Общее руководство экспедицией было возложено на профессора I МГУ, географа Бориса Федоровича Добрынина (1885–1951). Побудительным интересом к изучению именно Керченского района стала малая информированность научной общественности о географическом, геологическом, ботаническом, этнологическом и экономическом характере региона. Предварительные итоги исследований докладывались в экспресс-режиме – на заседаниях Керченского отделения РОПИК/ОПИК (в течение лета 1928 г. с докладами выступили Б. Ф. Добрынин, Б. А. Куфтин, Е. В. Шифферс) [Московское отделение ОПИК, 1928, с. 99].

Первым закончил работу (которая проводилась в третьей декаде мая – первых числах июня 1928 года) и опубликовал определенные промежуточные итоги этнологический отряд. Его руководитель, профессор Борис Алексеевич Куфтин (1892–1953) дал короткое интервью, опубликованное 10 июня 1928 г. в газете «Красная Керчь» (Изучают культуру и экономику Крыма, 1928). В интервью ученый информировал общественность о проведенных исследованиях, в частности высказался насчет цели работы своего отряда: «задачей нашего отряда было – собрать материал по отживающему старому быту населения Керченского полуострова, главным образом – татар» [МАЭ, ф. 12, оп. 1, д. 16, л. 1.]. Б. А. Куфтин отмечал, что для сбора оригинальных памятников татарского фольклора и музыкального творчества этнографы совершили полевую экспедицию, в которую входило посещение населенных пунктов: Маяк-Салынь, Ташлы-Яр, Кара-Сиджеут, Марфовка, Каяли-Сарт, Джай-Тебе, Аджи-Менди, Харджи-Бие, Карангат, Опук, Баш-Аул и Кочегень. Там, благодаря беседам с представителями старшего поколения, были записаны фольклорные произведения: поэма «Эдиге и Хан-Тохтамыш», былины «Чора-Батыр», «Эр-Талгир Батыр», «Эруамет», «Джанибек Хан», «Кокланды-Батыр» и романтическая повесть «Козу-Курпенч». Также были собраны 86 музыкальных мелодий татар и болгар Керченского полуострова. Впервые, по словам Б.А. Куфтина, были записаны речитативные мелодии старинных крымско-

татарских былин, которые были сохранены при записи с голоса и проверены вместе с исполнителем для сохранения аутентичности текста и мелодики.

Наиболее системно была организована работа географического отряда экспедиции. Как отмечал в кратком отчете профессор Б. Ф. Добрынин, были разработаны девять отдельных маршрутов по населенным пунктам Керченского полуострова, которые отряд использовал во время работы. Отдельно Е. В. Шифферс изучала флору региона по восьми маршрутам. Б.С. Шустов сосредоточился на изучении юго-западной части полуострова, а также совершил поездку для изучения Керченского морского порта. Также отрядом было сделано более 200 фотографий, собраны геологическая и гербарная коллекции, а также составлена карта флоры Керченского полуострова [Добрынин, 1928].

Оригинальные работы по результатам экспедиции были опубликованы Б. Ф. Добрыниным и Е. В. Шифферс в журнале «Крым» в 1929 году. Очерк Б. Ф. Добрынина «Геоморфология и ландшафты Керченского полуострова» [Добрынин, 1929] носил классический академический характер, несмотря даже на специальное замечание автора о том, что статья – только промежуточный этап при создании исчерпывающего географического и геологического исследования посещенного экспедицией региона. Такую же оценку можно дать и очерку Е. В. Шифферс «Растительность Керченского полуострова» [Шифферс, 1929], который она написала под руководством председателя Ленинградского отделения ОПИК, профессора Ленинградского государственного университета, геоботаника Николая Ивановича Кузнецова (1864–1932) (он стал автором предисловия к публикации). Очерк Е. В. Шифферс являлся узкопрофильной работой, которая содержала серьезный анализ исследуемой темы, также в ней были приведены исчерпывающие учетные таблицы флоры региона.

Промежуточными назвал результаты своей работы во время экспедиций и руководитель статистико-экономического отряда Н. Т. Юрин. В опубликованном «Предварительном отчете Керченской комплексной экспедиции» его авторства был представлен анализ развития экономики Керченского региона [Юрин, 1928]. Н. Т. Юрин отмечал, что исследование сельского хозяйства региона он вел по трем направлениям: по материалам центральных органов власти Крымской АССР, по данным районных органов сельского хозяйства и связанных с ними учреждений и путем опроса населения. Отдельно ученый указывал на помощь практически всех учреждений Советской власти автономии – Народного комиссариата земледелия, Народного комиссариата финансов, Крымплана, Центрального статистического управления, районной власти.

Обработка собранного материала происходила в Москве в 1929 году. Готовились фундаментальные работы: Б. Ф. Добрыниным – «Общий

географический очерк, геоморфология и ландшафты Керченского полуострова», Е. В. Шифферс – «Растительность Керченского полуострова», Б. А. Куфтиным – «Этнографический очерк Керченского полуострова», Н. Т. Юриным – «Экономический очерк Керченского полуострова», Б. С. Шустовым – «Экономико-географический очерк Керченского порта» [Добрынин, 1928, с. 103]. Следует заметить, что публикации по материалам работ экспедиции стали основным содержанием периодического органа ОПИК в последний год его издания.

Значительное сокращение возможности реализации краеведческих инициатив на рубеже 20–30-х гг. XX в. негативно отразилось на динамике и качестве работы Керченского отделения РОПИК/ОПИК. Единственным информативным упоминанием о работе подразделения общества является краткое изложение доклада председателя отделения Ю. Ю Марти, представленное в рамках общего отчета о проведении второго съезда ОПИК в Симферополе 10–12 декабря 1929 г. Отделение насчитывало в своем составе до 60 членов, была продолжена практика устройства публичных лекций, в отчете названы их темы: о запасах железной руды в Керчи; о Керченском металлургическом заводе; о борьбе с засухой; о раскопках в Херсонесе, Геракле и Керчи. Лекции читались в том числе и на территории металлургического комбината, о чем была достигнута специальная договоренность с руководством предприятия. Совместно с городским музеем проводились выставки: агрономическая, историко-революционная и сельскохозяйственная – «ко дню урожая» (в отчете была сделана специальная оговорка о том, что последнее мероприятие посетило более 3000 человек – А. С.). Были осуществлены выездные мероприятия – для обследования колхоза с фотографическим отчетом. Свидетельством сохранения привычных форм краеведческой работы условно можно назвать проведение двух художественных выставок и выезда в деревни для зарисовок антропологических типов крымских татар и их построек [Зенкович, 1930, с. 26–27]. В целом же, можно констатировать, что основные постулаты, озвученные на пятилетнем юбилее отделения в декабре 1928 г. Е. Э. Лейтнеккером, стали активно претворяться в жизнь.

Общий кризис краеведческого движения, начавшийся в 1929 г. и спровоцировавший сворачивание значительной части инициатив местных исследователей, затронул и РОПИК/ОПИК. В течение 1929–1932 гг. правление общества пыталось переориентировать его деятельность в соответствии с новыми политико-идеологическими парадигмами советского руководства, в частности была значительно усилена риторика в духе развития социалистического строительства и индустриализации. Однако стремление соответствовать новым лозунгам эпохи не помогло реализоваться масштабным и действительно исследовательским проектам членов общества, в том числе так и остались неопубликованными масштабные исследования по материалам,

собранным в ходе комплексной экспедиции членов РОПИК/ОПИК на Керченский полуостров в 1928 г. Сохранение малоконтролируемых интеллектуальных сообществ не входило в интересы правящей верхушки. В 1932 году РОПИК/ОПИК было вынуждено влиться в состав Крымского областного бюро краеведения, созданного властями Крымской АССР, прекратив тем самым самостоятельную научную деятельность и распустив свои региональные отделения.

ЛИТЕРАТУРА

- Добрынин Б. Ф.* Керченская комплексная экспедиция МООПИК //Крым. – 1928. – № 2 (8), вып. 2. – С. 103–105.
- Добрынин Б. Ф.* Геоморфология и ландшафты Керченского полуострова // Крым. – 1929. – № 1 (9). – С. 98–119.
- Зенкович П. [З.]* Съезд Общества по изучению Крыма //Краеведение. – 1930. – № 2. – С. 26–28.
- Изучают культуру и экономику Крыма //Красная Керчь. – 1928. – № 132. – 10 июня. – С. 3.
- Керченское отделение РОПИК // Крым. – 1925. – №1. – С. 75–76.
- Книпович Н. М.* Научные исследования Азовско-Черноморской экспедиции в морях, омывающих берега Таврического полуострова // Крым. – 1928. – № 1 (5), вып. 1. – С. 42–63; № 1 (6), вып. 2. – С. 13–36; № 2 (7). – С. 21–34.
- Лейтнеккер Е. Э.* Керченское отделение Общества по изучению Крыма / Е. Э. Лейтнеккер // Крым. – 1928. – № 2 (7). – С. 109–111.
- [Марти Ю. Ю.]* Пять лет краеведческой работы Керченского отделения Общества по изучению Крыма // Крым. – 1929. – № 1 (9). – С. 203–206. – Изд. под псевд.: Ю. М.
- Московское отделение ОПИК // Крым. – 1928. – № 1 (6), вып. 2. – С. 97–99.
- Музей антропологии и этнографии (МАЭ) им. Петра Великого (Кунсткамера), ф. 12, оп. 1, д. 16.
- Севастьянов А. В.* Десять лет на службе краеведения: Российское общество по изучению Крыма (1922–1932) //Центр памятниковедения НАН Украины и УТОПИК. – К. - Симферополь, 2010. – 255 с. – (Серия : Биобиблиография крымоведения ; вып. 13).
- Филиппов Е. П.* Керченское отделение РОПИК // Крым. – 1927. – № 1 (3). – С. 180–182.
- Шифферс Е. В.* Растительность Керченского полуострова // Крым. – 1929. – № 1 (9). – С. 120–155.
- Юрин Н. Т.* Предварительный отчет Керченской комплексной экспедиции // Крым. – 1928. – № 2 (8), вып. 2. – С. 10–33.
- Яковлев А. А.* Первый опыт работы школьно-краеведческой секции Керченского отделения РОПИК // Крым. – 1927. – № 1 (3). – С. 182–183.

О. В. Севастьянов

«ВАШИ БЕРЕГИ БАГАТІ ПРОМИСЛАМИ. ВАША ЗЕМЛЯ СПРАВЖНЯ
ЖИТНИЦЯ, У ВАС ПІД ЗЕМЛЕЮ НЕСМЕТНІ БАГАТСТВА...».
КЕРЧЕНСЬКЕ ВІДДІЛЕННЯ РОСІЙСЬКОГО ТОВАРИСТВА З ВИВЧЕННЯ
КРИМУ (1922–1932 рр.)

Резюме

В статті на основі опублікованих маловідомих документів та публікацій журналу «Крым» відтворюється діяльність Керченського відділення Російського товариства з вивчення Криму (РТВК; з 1927 року – Товариства з вивчення Криму, ТВК). Презентовані основні напрями діяльності Товариства, актуалізована робота правління організації із створення ланки регіональних відділень Товариства в містах Криму. Дослідження проведено на підґрунті аналізу діяльності регіонального підрозділу наукового співтовариства на тлі загального розвитку краєзнавчого руху в СРСР в 20-х рр. XX ст., виокремлено основні етапи цього процесу, з'ясовані особливості, досягнення та проблеми краєзнавчих студій.

Діяльність Керченського відділення РТВК/ТВК може бути поділена на три періоди:

- 1) 1923–1925 рр. – період організаційної розбудови, формування керівних органів та дослідницьких підрозділів, початок втілення проекту створення музею виробничих сил Керченського регіону при відділенні РТВК/ТВК;
- 2) 1926–1928 рр. – час плідної дослідницької та популяризаторської роботи Товариства по вивченню виробничих сил, економіки, гідробіології, геології, історії, археології, етнографії Керченського району. Активна участь активу відділення в розповсюдженні краєзнавчих знань в середовищі учнівської молоді, привернення мас педагогів до студій із шкільного краєзнавства. Перебудова музею виробничих сил при відділенні РТВК/ТВК в музей місцевого краю, організація виставок стародавностей та екскурсій по археологічним пам'яткам регіону. Здійснення комплексної експедиції членів Московського відділення РТВК/ТВК влітку 1928 року, організація масштабних польових досліджень експедицією за географічним та геологічним (Б. Ф. Добринін), ботанічним (Є. В. Шифферс), етнологічним (Б. О. Куфтін) та економічним профілями (М. Т. Юрін).
- 3) 1929–1931 рр. – згорання ініціативи в дослідницькій діяльності РТВК/ТВК в цілому та Керченського відділення зокрема на тлі кризи краєзнавчого руху в СРСР наприкінці 20-х – на початку 30-х рр. XX ст. Невдала спроба правління переорієнтувати діяльність наукового співтовариства на обслуговування інтересів партійно-державного апарату. Ліквідація Товариства в 1932 р., припинення його дослідницької та популяризаторської діяльності, розпуск його відділень.

Загальним висновком здійсненого дослідження є теза про найбільш адекватне відображення в діяльності Керченського відділення РТВК/ТВК (1923–1932) характерних рис у краєзнавчому руху в СРСР в 20-х рр. XX ст. із застосуванням нових методологічних розробок на ґрунті марксистської ідеології.

А. В. Севастьянов

«ВАШИ БЕРЕГА БОГАТЫ ПРОМЫСЛАМИ. ВАША ЗЕМЛЯ ПОДЛИННАЯ
ЖИТНИЦА, У ВАС ПОД ЗЕМЛЕЙ НЕСМЕТНЫЕ БОГАТСТВА...».
КЕРЧЕНСКОЕ ОТДЕЛЕНИЕ РОССИЙСКОГО ОБЩЕСТВА ПО ИЗУЧЕНИЮ
КРЫМА (1922–1932 гг.)

Резюме

В статье на основе опубликованных малоизвестных документов и статей журнала «Крым» реконструируется деятельность Керченского отделения Российского общества по изучению Крыма (РОПИК; с 1927 года – Общества по изучению Крыма, ОПИК). Представлены основные направления деятельности Общества, актуализирована работа правления организации по созданию сети региональных отделений Общества в городах Крыма. Исследование проведено на основе анализа деятельности регионального подразделения научного сообщества на фоне общего развития краеведческого движения в СССР в 20-х гг. XX в., выделены основные этапы этого процесса, показаны особенности, достижения и проблемы краеведческих штудий.

Деятельность Керченского отделения РОПИК/ОПИК может быть разделена на три периода:

- 1) 1923–1925 гг. – период организационного становления, формирования руководящих органов и исследовательских подразделений, начало осуществления проекта создания музея производительных сил Керченского региона при отделении РОПИК/ОПИК;
- 2) 1926–1928 гг. – время активной исследовательской и популяризаторской работы Общества по изучению производительных сил, экономики, гидробиологии, геологии, истории, археологии, этнографии Керченского района. Активное участие актива отделения в распространении краеведческих знаний в среде учащейся молодежи, вовлечение масс педагогов в исследования по школьному краеведению. Преобразование музея производительных сил при отделении РОПИК/ОПИК в музей местного края, проведение выставок древностей и экскурсий по археологическим памятникам региона. Проведение комплексной экспедиции членов Московского отделения РОПИК/ОПИК на Керченский полуостров летом 1928 года, организация масштабных полевых исследований экспедиции по географическому и геологическому (Б. Ф. Добрынин), ботаническому (Е. В. Шифферс), этнологическому (Б. А. Куфтин) и экономическому профилям (Н. Т. Юрин).
- 3) 1929–1931 гг. – сворачивание активности в исследовательской деятельности РОПИК/ОПИК в целом и Керченского отделения в частности на фоне кризиса краеведческого движения в СССР в конце 20-х – начале 30-х гг. XX в. Неудачная попытка правления переориентировать деятельность научного сообщества на обслуживание идеологических интересов партийно-государственного аппарата. Ликвидация Общества в 1932 г., окончание его исследовательской и популяризаторской работы, роспуск его отделений.

Общим выводом проведенного исследования является тезис о наиболее адекватном отображении в деятельности Керченского отделения РОПИК/ОПИК (1923–1932) характерных черт краеведческого движения в СССР в 20-х гг. XX в. с использованием новых методологических разработок на основе марксистской идеологии.

“YOUR COASTS ARE RICH IN FISHERIES, YOUR LAND IS THE TRUE GRANARY;
YOU HAVE GREAT TREASURES UNDER THE GROUND...”

THE KERCH BRANCH OF THE RUSSIAN SOCIETY ON STUDYING THE CRIMEA
(1922 – 1932)

Summary

The article reconstructs activities of the Kerch branch of the Russian Society on Studying the Crimea (RSSC; since 1925 – the Society on Studying the Crimea SSC) on the basis of little-known documents and the articles published in the magazine “The Crimea”. The main activities of the Society are represented; work of the Board of the organization on creating a network of regional branches of the Society in the cities of the Crimea is actualized. Research has been spent based on the analysis of the regional sub-unit of scientific community against the general development of the local history movement in the USSR in the 20s of the 20th century; the basic stages of the process are identified; features, achievements and problems of local history studies are shown.

Activities of the Kerch branch of the RSSC/SSC can be divided into three periods:

- 1) 1923-1925 – the period of institutional development, the formation of governing bodies and research units, the beginning of the Museum of the Productive Forces of the Kerch region at the branch of the RSSC/SSC project realization;
- 2) 1926-1928 - active research and popularization of the Society’s work on studying productive forces, economics, hydrobiology, geology, history, archaeology and ethnography of the Kerch region. Active participation of the unit’s activists in disseminating local history knowledge among students; involving masses of teachers in local history research at schools; transformation of the Museum of the Productive Forces at the branch of the RSSC/SSC into the Museum of Local Region; holding exhibitions and tours on archaeological sites in the region; organization of expedition of the Moscow branch of the RSSC/SSC members to the Kerch Peninsula in the summer of 1928; organization of large-scale field research expedition on the geographical and geological (B.F. Dobrynin), botanical (E.V. Shiffers), ethnological (B.A. Kuftin), and economic (N.T. Yurin) profiles;
- 3) 1929-1931 – minimization of research activity of the RSSC/SSC in general, and of the Kerch branch in particular during the crisis of local history movement in the USSR in the late 20s – early 30s of the 20th century. Unsuccessful attempt of the Board to reorient scientific community on servicing the ideological interests of the party and state apparatus. Liquidation of the Society in 1932, ending of its research and promotional work, and dissolution of its branches.

The thesis about the most adequate reflection of characteristic features of local history movement in the USSR in the 20s of the 20th century in the activities of the Kerch branch of the RSSC/SSC (1923-1932) is the general conclusion of the study with the use of new methodological works based on Marxist ideology.

Фото 1 – Юлий Юльевич
Марти (1874–1959).

Фото 2 – Николай Михайлович Кни-
пович (1862–1939).

Фото 3 – Борис Федорович Добрынин
(1885–1951).

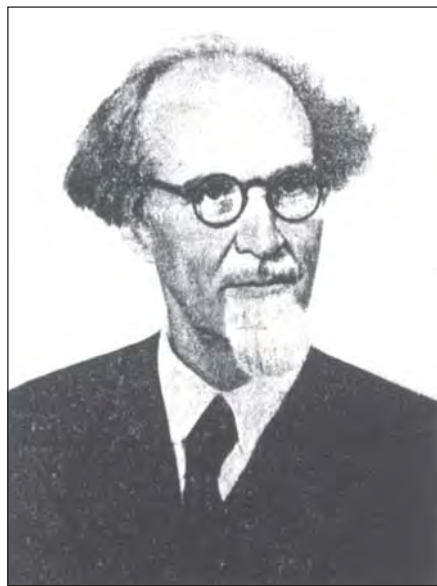

Фото 4 – Борис Алексеевич Куфтин
(1892–1953).

Изучают культуру и экономику Крыма

Московское отделение общества по изучению Крыма издарило в керченский район большую научную экспедицию для ознакомления с национальной культурой и с экономической Керченского полуострова.

Экспедиция состоит из трех отрядов: этнографического, географического и статистико-экономического.

Первый, этнографический отряд во главе с проф. Куфтиным, уже закончил свою работу.

Руководитель экспедиции проф. Куфтин в беседе с нашим сотрудником о целях экспедиции сообщает следующее:

— Задачей нашего отряда было — собрать материал по отживающему старому быту населения керченского полуострова, жившим образом — татар.

Для ознакомления с подлинными памятниками татарской народной словесности и музыкального творчества, нами пройден следующий маршрут: Маяк-Силынь, Тышам-Яр, Кара-Сиджеут, Марфовка, Каялы-Сарт, Джук-Тебе, Аджид-Менды, Харджи-Бие, Карангат, Ошук, Баш-Аул и Кочегезь.

В этих местностях был собран большой материал по древнему татарскому эпосу, сохраняющемуся — почти исключительно на керченском полуострове — в памяти нескольких сказителей — стариков, записавших следующие вещи: татарская поэма «Одиге и Хан-Тохтамыш», богатырская былина «Чора — Батыр», былины «Эр-Талгир Батыр», «Эруамет», «Джанибек Хан», «Юклянджи-Батыр» и романтическая повесть «Козу-Курпеч». Все это записано на татарском языке с сохранением народного говора.

Музыкальный материал, собранный

Т. Стещенко, обнимает 86 мелодий, из которых — 72 татарских и 14 болгарских. Мелодии собирались исключительно у стариков в нетронутых новым движением, старых музыкальных формах, эти мелодии с голоса и подвергались тщательной проверке совместно с певцом — исполнителем.

В числе музыкальных мелодий, в первый раз подверглись записи речи тативные мелодии сказителей древних татарских былин.

Быт татар керченского полуострова характеризуется в общих чертах, как быт сравнительно бедного, земледельческого населения, но далеко ушедшего вперед в смысле типов земельного хозяйства от коренного татарского населения.

Вместе с тем, в области духовного творчества татары керч. полуострова являются почти единственными хранителями древнего татарского эпоса, сохранившегося в наиболее чистом виде от более поздних наслоений (арабских, персидских турецких и др.). Былинный эпос сохранился главным образом в устах экономически беднейшего населения (крестьянин — бедняк Денис Ямак из дер. Кара-Сиджеут, каменщик Абдель-Вели-Абдула-Оглы и др.). Кроме того, татарскую старину сохранили и местные цыганы, живущие в районе и усвоившие татарский язык. Все эти материалы представляют большую ценность для изучения не только крымско-татарской культуры, но и культуры всех турецких народов, так как восходят к зоологической и более древним эпохам. После обработки, предполагается все эти материалы как литературные так и музыкальные издать в качестве трудов керченской экспедиции ОПИ.

Крымская Керчь 10/VI 1928 г. № 132

Фото 5 — Интервью профессора Б. А. Куфтина газете «Красная Керчь» от 10 июня 1928 г.

Л.Ю. ПОНОМАРЕВ

О РАЗВЕДКАХ И РАСКОПКАХ Д. Л. ТАЛИСА НА КЕРЧЕНСКОМ ПОЛУОСТРОВЕ В 1960 г.

В 1958 г. А. Л. Якобсон опубликовал статью, посвященную раннесредневековым поселениям Восточного Крыма, в которой справедливо обратил внимание на отсутствие интереса к ним со стороны исследователей [Якобсон, 1958, с. 477]. Как на один из существенных недостатков на эту же ситуацию в начале 50-х годов указал П. Н. Шульц [Шульц, 1950, с. 156]. Действительно, немногие известные к этому времени на Керченском полуострове памятники VIII-X вв. были открыты случайно, как правило, в процессе разведок и раскопок античных городищ и некрополей [Пономарев, 2008, с. 250–255]. В первое послевоенное десятилетие неоднократные попытки исправить это положение предпринимались исключительно сотрудниками Керченского историко-археологического музея. Так, в 1949 г. дирекция музея обратилась к руководству историко-археологического сектора Крымской научно-исследовательской базы АН УРСР с предложением проведения совместных археологических разведок побережья Азовского моря, основная цель которых предусматривала выявление остатков поселений «раннеславянского времени». Одновременно она выступила с предложением включения в состав экспедиций ГМИИ и ИИМК специалистов в области славянской археологии и палеолита [Баукова, 2008, с. 191]. Однако успехом эти усилия так и не увенчались, поскольку на базе действующих экспедиций комплексные созданы так и не были.

Спустя десятилетие первую целенаправленную попытку изучения раннесредневековых памятников на Керченском полуострове предпринял Д.Л. Талис [Талис, 1960; Гадло, 2004, с. 71]. В августе – сентябре 1960 г. возглавляемая им Восточно-Крымская экспедиция Государственного исторического музея обследовала мыс Казантип, участок побережья Казантипского залива между с. Азовское и с. Верхнезаморское, а также окрестности с. Королево, с. Птичное, с. Калиновка, с. Марфовка, с. Новоселовка и с. Тамарино, расположенных в центральной, северо-западной и юго-западной частях полуострова. Благодаря активному участию В. В. Веселова, который за год до этого предпринял самостоятельные разведки в некоторых из исследованных Д. Л. Талисом районах, за сравнительно короткий период небольшой по числу сотрудников экспедиции удалось выявить свыше 30 памятников эпохи бронзы, античного

периода, раннего и позднего средневековья (рис. 1)¹. К сожалению, Восточно-Крымская экспедиция Д. Л. Талиса отработала на Керченском полуострове только один полевой сезон. В дальнейшем исследователь обратился к изучению средневековых памятников Юго-Западного Крыма, а материалы разведок 1960 г. так и не были опубликованы и до сих пор хранятся невостребованными в фондах ГИМ [Талис, 1973, прим. 19; Пономарев, 2008, с. 255].

Мыс Казантип и побережье Казантипского залива

1. Поселение Азовское [Талис, 1960, с. 2–12, № 1; Гадло, 1968а, с. 60, № 71; Веселов, 2005, с. 70, 127–128, № 286/186.-1; № 287/187.-2; Якобсон, 1970, с. 28, пункт 70, рис. 1, 70; Баранов, 1990, рис. 1, 29; Пономарев, 2010, с. 363–368]². Расположено на пересыпи между соленым Акташским озером и берегом Казантипского залива (рис. 17, 1). Вытянуто на 2 км к ЮЮВ от с. Азовское (бывш. Колай, центральная усадьба лесхоза «Азовское», «Поселок Азовское») по направлению к урочищу Мысок и ныне не существующему с. Плавни (бывш. Чегерчи, совр. ур. Плавни). Занимаемая поселением территория представляет собой участок молодой песчано-ракушечной равнины высотой 2–3 м над уровнем моря с небольшими всхолмлениями, вытянувшимися в направлении СЗ-ЮВ и расположенными без видимого порядка на расстоянии от 20 до 500 м друг от друга. С 1949 г. эта территория оказалась в пределах искусственного лесопарка, принадлежащего лесхозу «Азовское» (ныне Мысовское лесничество ГП «Ленинское лесное хозяйство»)³. После того как Акташское озеро было превращено в пруд-охладитель Крымской АЭС, примыкающие к нему с севера участки лесного массива (соответственно и южный участок поселения тоже) были подтоплены грунтовыми солеными водами. С северо-востока лесонасаждения ограничены песчаным пляжем, практически полностью уничтоженным в 50-е годы прошлого столетия карьером по добыче песка.

В «Сводной ведомости...» В. В. Веселова в 0,3, 0,4 и 0,6 км к западу, югу и северо-западу от с. Азовское упоминаются еще три поселения VIII – первой половины X вв., но Д. Л. Талис рассматривает их как составные части этого же поселения площадью 3,5 × 0,8 км [Талис, 1960, с. 4; Веселов, 2005, с. 70, № 287/187.-2; 288/401.-3; 289/402.-4].

¹ Экспедиция работала на Керченском полуострове с 12 августа по 24 сентября 1960 г. Основной состав: ст. н. с. ГИМ Д. Л. Талис (руководитель), В. В. Веселов (научный сотрудник, с 25 августа по 11 сентября). В разведках на мысе Казантип принимал участие Ю. В. Учаев [Талис, 1960, с. 1; Веселов, 2005, с. 11].

² В 1962–1963 гг. поселение осмотрели А. В. Гадло и А. Л. Якобсон. Позднее памятник более не исследовался [Гадло, 1963, с. 5; Якобсон, 1970, с. 28].

³ Создание лесопарковой зоны на засушливой равнине обусловлено неглубоким залеганием в песке линз пресной воды, которую издавна добывали здесь при помощи колодцев [Клюкин, Корженевский, 2004, с. 105].

В 1959 г. при распашке одного из участков под лесопосадки к югу от усадьбы лесхоза рабочими был обнаружен пифос. Тогда же эту территорию осмотрели научные сотрудники КИАМ С. А. Семенов и В. Э. Кунин, отметившие на поверхности скопления раннесредневековой керамики. В этом же году поселение обследовал В. В. Веселов. На составленном им схематическом плане, в 0,8 км к юго-востоку от усадьбы лесхоза нанесены четыре «небольших кургана», на которых были зафиксированы скопления раннесредневековой керамики, в том числе причерноморских амфор с бороздчатым и мелким зональным рифлением на корпусе [Веселов, 1959, с. 1].

В 1960 г. к работам на поселении приступил Д. Л. Талис. Основное внимание исследователь сосредоточил на всхолмлениях, представлявших собой округлые в плане песчаные насыпи, распаханые плантажным плугом на глубину до 0,9 м. Некоторые из них были уже едва различимы на поверхности, высота других варьировалась от 0,3 до 0,7 м, и только три из них имели высоту около 1,6–1,7 м. Территория, на которой расположены всхолмления, достигает в направлении ЮВ-СЗ 2 км, а в направлении СВ-ЮЗ 0,8 км. На их поверхности, помимо керамики, прослежены скопления небольших необработанных известняковых камней.

В дальнейшем работы были продолжены на всхолмлении № 2, входящем в группу из пяти всхолмлений, расположенных на юго-восточной окраине с. Азовское. Оно представляло собой вытянутую в направлении запад-восток, приближенную в плане к овалу, насыпь размерами 32,5 × 19,5 м и высотой 1,7 м (рис. 2). В 1949 г. она дважды распахивалась на глубину до 0,9 м. Раскопки насыпи Д. Л. Талис произвел при помощи техники, причем ножом бульдозера срезался пласт толщиной не более 0,2 м, а последующие «два штыка» раскапывались вручную. Стратиграфия насыпи, зафиксированная в бровке, оставленной между ее СЗ и ЮВ половинами, выглядит следующим образом. Ниже дерна залегал слой гумусированного песка буровато-желтого оттенка мощностью до 0,3 м. Его подстилал слой песка темно-коричневого оттенка, толщина которого в среднем составляла 0,7 м. Он, в свою очередь, перекрывал слой плотного песка серого оттенка мощностью около 0,45 м. Основанием ему служил материковый песок-ракушечник светло-желтого оттенка с включением кварцевого песка (рис. 2).

В слое дерна, гумусированного песка и песка темно-коричневого оттенка были зафиксированы зольные прослойки, но после неоднократной распахки их первоначальную форму проследить не удалось. На глубине до 0,8 м в этих же слоях встречались мелкие необработанные камни и фрагментированная керамика VIII – первой половины X вв. При этом наиболее крупные и поддающиеся склейке обломки сосудов находились на глубине 0,5–0,6 м в слое дерна и гумусированного суглинка. У подошвы слоя песка темно-коричневого оттенка и в слое плотного песка серого оттенка находки керамики были

представлены единичными обломками. Однако, как уже упоминалось выше, верхние слои насыпи подверглись распахке, поэтому достоверно установить принадлежность того или иного фрагмента какому-то слою не удалось.

По функциональному признаку обнаруженную керамику можно разделить на тарную и кухонную, хотя часть мелких обломков и прежде всего стенок сосудов атрибутировать не удалось.

Транспортная тара представлена причерноморскими амфорами, относящимися к двум наиболее распространенным в Крыму типам. Амфоры типа 1 высотой до 50-60 см, с округлым венчиком и бороздчатым туловом соответствуют амфорам варианта 2, по классификации А. Л. Якобсона и классам 36, 38, по херсонесской классификации 1995 г. (рис. 3, 2, 3; 4, 4, 5, 6) [Талис, 1960, табл. V, 2; VI, 2, 4-6; Якобсон, 1979, с. 31, рис. 13, 1-4; Романчук, Сазанов, Седикова, 1995, с. 60-61, табл. 23, 128-129; 28, 132]. Датируются они между серединой/второй половиной VIII – X вв. [см. Науменко, 2009а, с. 46]. Некоторые из них изготовлены из глины коричнево-красного оттенка с крупными включениями карбонатных пород и шамота [Ковнурко, 1968, с. 119-120, группа 1], другие – из тщательно отмученной глины равномерного обжига светло-красного оттенка. Амфоры типа 2 имеют характерный признак в виде зон мелкого горизонтального рифления на плечиках и верхней части корпуса. Датируются они между VIII–XI вв. и соответствуют варианту 1 и 3, по классификации А. Л. Якобсона и классу 24, по херсонесской классификации 1995 г. (рис. 4, 3) [Якобсон, 1979, с. 29-33, рис. 12; 13, 5-8; Романчук, Сазанов, Седикова, 1995, с. 50-52, табл. 20-21, 22, 95; см. Науменко, 2009а, с. 43].

Отсюда же происходят немногочисленные фрагменты высокогорлых кувшинов с плоской ручкой [Талис, 1960, табл. VII, 9], нижняя хронологическая граница которых обычно определяется в пределах второй половины – конца IX в. (рис. 5, 9) [Науменко, 2009б, с. 50–57].

Кухонная керамика представлена в основном фрагментами салтово-маяцких сероглиняных горшков, изготовленных из глины с примесями песка, шамота и крупно-толченных раковин морских моллюсков. Стенки некоторых из них украшены сплошным горизонтальным рифлением (рис. 5, 2, 4, 5) [Талис, 1960, табл. VII, 4, 5, 8, 10].

В северо-западной части всхолмления был обнаружен *in situ* пифос, вкопанный на глубину до 1 м в материковый слой песка (рис. 3, 1) [Талис, 1960, с. 6, 7, 9; табл. V, 1]⁴. Верхняя часть пифоса была повреждена при вспашке. Первоначальная его высота составляла 1,4 м, наибольший диаметр тулова 0,7 м, диаметр горла 25 см, диаметр и высота ножки соответственно достигают 15 см и 5 см. Пифос изготовлен из хорошо отмученной глины кирпично-

⁴ Еще один пифос был найден в 1959 г. в распаханном всхолмлении, расположенном в 0,6 км к ЮЗ от всхолмления № 2.

красного оттенка. К сожалению, в отчете Д. Л. Талиса его рисунок не приведен, но, судя по фотографии, он относится к гладкостенным пифосам с яйцевидным или веретенообразным туловом, целые экземпляры которых хорошо известны по раскопкам поселений VIII-X вв. в Юго-Западном и Юго-Восточном Крыму [Якобсон, 1979, рис. 17]. На глубину до 0,20 м пифос был заполнен небольшими камнями, которые, по мнению Д. Л. Талиса, представляли собой остатки разрушенной плугом каменной горловины. Ниже, на глубине до 0,85 м были обнаружены кости рыб, домашних и диких животных (в том числе зайца) и раковины улиток. Днище пифоса перекрывал слой песка мощностью 0,13 м. Характер заполнения пифоса и прежде всего наличие в нем пищевых отходов позволили Д. Л. Талису предположить, что какое-то время до того как пифос был окончательно заброшен, его использовали как емкость для бытовых отходов.

В 0,23-0,30 км к юго-востоку от всхолмления № 2 находились всхолмления № 3, 4, 5, размеры которых составляли: $15 \times 15 \times 0,7$ м; $10 \times 9 \times 0,35$ м и $30 \times 25 \times 0,9$ м. Поскольку на момент раскопок они уже были засажены деревьями, всхолмления № 3 и 4 исследовались шурфами размерами $1,0 \times 0,8$ м. Свита прослеженных напластований в целом соответствовала стратиграфическому разрезу всхолмления № 2. Немногочисленные фрагменты керамики были найдены только в верхнем, перепаханном, слое на глубине 0,4-0,6 м.

Гораздо чаще фрагменты керамики встречались на поверхности всхолмлений и между ними, среди лесопосадок и в плантажных бороздах. Большая ее часть представлена причерноморскими амфорами с бороздчатым и мелким зональным рифлением на корпусе (рис. 4, 2; 5, 1, 3, 6, 8) [Талис, 1960, табл. VI, 3; VII, 1, 3], высокогорлыми кувшинами с плоской ручкой и обломками сероглиняных салтово-маяцких горшков, часть стенок которых украшена сплошным горизонтальным рифлением (рис. 5, 7, 10, 11) [Талис, 1960, табл. VII, 6, 10, 11]. Здесь же впервые на Керченском полуострове был обнаружен обломок котла с внутренними ручками-ушками [Талис, 1960, с. 12, табл. VI, 1]. Он изготовлен из серой глины плохого обжига с включениями дробленых раковин морских моллюсков. Ручка представляет собой два полукруглых выступа, разделенных неглубокой выемкой и просверленными в них круглыми отверстиями (рис. 4, 1). В настоящее время на салтово-маяцких поселениях Керченского полуострова обнаружены котлы двух типов, при этом котел с поселения «Азовское» относится к типу I, для которого характерен небольшой оттянутый наружу венчик [Пономарев, Пономарева, 2010, с. 456–457].

Материалы, полученные в процессе раскопок и шурфовок, позволили Д.Л. Талису прийти к следующим выводам. Разбросанные по всей площади всхолмления имели естественное происхождение, в пользу чего, по его мнению, свидетельствовали характер их взаимного расположения и структура

самых насыпей. В VIII – первой половине X вв. их использовали для «каких-то жилых или хозяйственных сооружений». На это косвенно указывали не только обнаруженные в них пифосы, но и тот факт, что большая часть керамики была приурочена именно к всхолмлениям. Однако, как справедливо отметил Д. Л. Талис, «судить о форме и конструкции» этих сооружений на основе полученных материалов не представлялось возможным, при этом обращало на себя внимание полное отсутствие следов каменных и сырцовых конструкций. Как уже указывалось выше, на самих всхолмлениях и между ними были зафиксированы лишь небольшие развалы мелкого необработанного камня. Тем не менее, располагая весьма немногочисленным и противоречивым материалом, исследователь предположил, что на этих насыпях могли размещаться «легкие деревянные постройки», возможно, «юртообразные» [Талис, 1960, с. 13].

Впоследствии это уходящее в область чистых предположений заключение Д. Л. Талис облек в более категоричную форму. По словам исследователя, результаты его работ «на севере Керченского полуострова показали, что в VIII-IX вв. здесь существовали поселения с жилищами легкого, очевидно, юртообразного облика». При этом в качестве одного из существенных аргументов в пользу этого предположения Д. Л. Талис привел находку на поселении обломка котла с внутренними ручками-ушками [Талис, 1974, с. 94]. Отчасти и в более осторожной форме его поддержал А. Л. Якобсон. Он согласился с тем, что на поселении были раскопаны остатки нескольких жилищ, но характер самих построек оставил открытым [Якобсон, 1970, с. 28]. Спустя три десятилетия в дискуссию включился А. В. Гадло, согласившись с тем, что на одном из всхолмлений были раскопаны «остатки жилища в виде округлой в плане жердевой конструкции». При этом в качестве ближайших им аналогий привел юртообразные жилища Дмитриевского и Правобережного, Цимлянского городищ [Гадло, 2004, с. 78, 122, прим. 37]. На наш взгляд, любая дискуссия относительно раскопанного Д. Л. Талисом комплекса пока что может носить исключительно прикладной характер, поскольку было исследовано только одно всхолмление, культурный слой которого к тому же оказался полностью переотложен распашкой. Их назначение еще предстоит выяснить, но уже сейчас можно говорить о том, что, по крайней мере, часть из них – в насыпи которых были обнаружены пифосы, использовалась для размещения хозяйственных комплексов.

Довольно спорными и слабо аргументированными представляются выводы Д. Л. Талиса и относительно хозяйственного уклада жителей поселения. По его мнению, супесчаные, слабозадернованные почвы побережья Казантипского залива не способствовали развитию земледелия, поэтому основными занятиями оставались скотоводство, рыболовство и, возможно, охота. Сами же жители, учитывая предполагаемый исследователем ха-

рактически жилищ, незначительную насыщенность керамикой культурного слоя между насыпями, а также находку котла с внутренними ручками-ушками, только недавно осели на землю, а возможно, еще вели кочевой или полукочевой образ жизни [Талис, 1960, с. 13]. Во-первых, как уже упоминалось выше, каких-либо остатков конструкций, указывающих на характер построек, обнаружить не удалось. Во-вторых, слабая насыщенность культурного слоя между отдельными жилыми постройками характерна для всех салтово-маяцких поселений Керченского полуострова⁵. В-третьих, котлы с внутренними ручками использовали не только кочевники, но и оседлое население⁶. И, в-четвертых, вывод исследователя относительно рыболовства и охоты как одних из основных занятий жителей поселения базируется на частном примере – находках нескольких костей из заполнения пифоса в всхолмлении № 2. К тому же находки самих пифосов, а их на поселении обнаружено два – больше чем на каком-либо другом салтово-маяцком поселении Керченского полуострова, свидетельствуют в пользу оседлого образа жизни. Лишь в одном Д. Л. Талис остается совершенно прав. Поселение действительно располагалось на малопригодной для сельскохозяйственного использования песчаной равнине, поэтому его жители были вынуждены более активно использовать готовые природные (пищевые) ресурсы, занимаясь охотой и рыболовством⁷. Однако, ответ на вопрос, какое место эти промыслы занимали в структуре их хозяйства, помогут дать лишь дальнейшие раскопки поселения.

2. Поселение Азовское [Талис, 1960, с. 12; Веселов, 2005, с. 70, № 289/402.-4]. Расположено в 0,6 км к западу от СЗ от окраины с. Азовское (рис. 17, 2). В отличие от В. В. Веселова, Д. Л. Талис рассматривал его как составную часть предыдущего поселения. На территории поселения обнаружены развалы камней, крупные обломки пифосов, фрагменты причерноморских амфор, салтово-маяцких горшков и поливной керамики желтовато-зеленого оттенка. Здесь же была найдена деформированная ножка гераклейской амфоры.

3. Поселение Мысовое [Гадло, 1968а, с. 60, № 72; Баранов, 1990, рис. 1, 30; Веселов, 2005, с. 73, 75, № 300/195.-2, № 310/411.-12; Талис, 1960, с. 14, № 2; Кругликова, 1975, с. 275, № 241; Кругликова, 1984, с. 75, карта 9, № 241]⁸.

⁵ На эту особенность впервые указал А. В. Гадло [Гадло, 1968б, с. 78; Гадло, 1971, с. 63].

⁶ В данном случае Д. Л. Талис исходил из общепринятого в то время мнения, согласно которому котлы являются одним из характерных признаков кочевых и полукочевых сообществ [ср. Мерперт, 1957, с. 32; Фронджуло, 1968, с. 131; Якобсон, 1954, с. 156].

⁷ К примеру, А. В. Гадло, ссылаясь на Д. Л. Талиса, полагал, что поселение имело сезонный характер и заселялось только на период путины. Таким образом, в качестве приоритетной отрасли хозяйства рассматривается рыболовный промысел [Гадло, 2004, с. 78].

⁸ Античная керамика [Кругликова, 1975, № 241] была собрана в СВ части поселения, но не в 0,15 км к востоку от с. Мысовое, как указано в монографии И. Т. Кругликовой, а на северной окраине села в 120–150 м к СВ от колхозного погреб-ледника [Талис, 1960, с. 14]. В 1962 г.

Расположено на северной окраине с. Мысовое (бывш. Казантип Русский), у подножия южного склона эллиптической рифовой гряды мыса Казантип (рис. 17, 3). В 1957 г. в 100 м к востоку от сельского клуба в отвалах котлована строящегося погребя-ледника рыбколхоза им. Адмирала Нахимова В. В. Веселовым была собрана многочисленная раннесредневековая керамика, включая причерноморские амфоры, салтово-маяцкие горшки и ойнохой баклинского типа [Веселов, 1957, с. 59–60; Веселов, 2005, с. 73, 128, № 300/195.-2]. Спустя три года в 70 м к северу от села и 120–150 м к СВ от погребя-ледника (между полевой дорогой к известняковому карьере и домом братьев Трегубовых) на распаханном участке площадью 60 × 90 м Д. Л. Талис зафиксировал скопления камней и керамики, относящейся «к эллинистическому периоду, первым векам нашей эры и эпохе раннего средневековья» [Талис, 1960, с. 14].

Среди обломков керамики IV–III вв. до н. э. надежно атрибутируются ножка гераклейской амфоры и ручка клейменной синопской амфоры (рис. 7, 3, 7) [Талис, 1960, табл. X, 3, 7]⁹. В свою очередь находок, которые с полной уверенностью можно было датировать первыми веками нашей эры, среди подъемного материала не оказалось. По мнению Д. Л. Талиса, к этому периоду относились «венчик кувшина» и фрагменты «желобчатых амфор» [Талис, 1960, с. 14, табл. X, 5, 6]. Однако, последние, судя по фотографии, принадлежат причерноморским бороздчатым амфорам (рис. 7, 6), а «венчик кувшина» очень напоминает миски, бытовавшие в IV–III вв. до н. э. (рис. 7, 5).

Наиболее многочисленную группу находок на поселении составляет раннесредневековая керамика. Помимо уже упоминавшихся выше фрагментов причерноморских бороздчатых амфор, она представлена в основном обломками салтово-маяцких сероглиняных и красноглиняных горшков, покрытых сплошным и зональным горизонтальным рифлением (рис. 7, 1, 2) [Талис, 1960 табл. IX, 2-4, 6, 8; X, 1]. Венчики некоторых из них украшены косыми насечками (рис. 7, 4) [Талис, 1960, табл. X, 4]. Здесь же найден фрагмент стенки сероглиняного сосуда VIII – первой половины X вв., украшенного вертикальными полосами лощения [Талис, 1960, табл. IX, 7].

поселение осмотрел А. В. Гадло [Гадло, 1963, с. 5]. Спустя год поселение обследовал А. Л. Якобсон, согласно информации которого на одном из его участков был обнаружен зольник с толстыми раковинами. Собранный им подъемный материал включал в себя фрагменты причерноморских амфор с бороздчатым и мелким зональным рифлением, салтово-маяцких горшков, украшенных многорядной волной и горизонтальным рифлением, лощеных сосудов, а также обломки венчика и стенок пифоса и черепицы с массивным низким бортиком и рельефным знаком в виде буквы «Х» [Якобсон, 1970, с. 28, пункт 68, рис. 1, 68].

⁹ Πασ[ιχ]άρον
 Ασ[τυ]νόμου
 Τεῦδρα

4. Поселение Казантип III¹⁰ [Талис, 1960, с. 14; Веселов, 2005, с. 74, 150, № 309/410.-11; Кругликова, 1975, с. 275, № 240; Кругликова, 1984, с. 75, карта 9, № 240]. Расположено в небольшой балке на северной окраине с. Мысовое в 0,45–0,55 км к востоку от здания клуба (рис. 17, 4). Немногочисленный подъемный материал, включавший в себя фрагменты стенок пифоса, а также стенки и профилированные ручки амфор с бороздчатым рифлением, позволил Д. Л. Талису датировать памятник I-ми вв. н. э.

5. Поселение Маяк [Талис, 1960, с. 15, № 3; Веселов, 2005, с. 73, 150, № 303/404.-5]. Расположено в урочище Кошара, в 0,30-0,35 км к СЗ от Казантипского маяка на СВ оконечности мыса Казантип (рис. 17, 5). Немногочисленный подъемный материал представлен мелкими фрагментами лепной посуды и невыразительными обломками «сосудов коричневой и оранжевой глины». В 1954 г. местным жителем в расщелине скалы на территории поселения был найден салтово-маяцкий сероглиняный горшок, тулово которого украшало сплошное горизонтальное рифление, а плечики - многорядная волна. На дне горшка оттиснуто клеймо в виде креста в круге [Талис, 1960, с. 15; Гадло, 1963, с. 3; Веселов, 2005, с. 73]. Эта находка позволила Д. Л. Талису предварительно классифицировать памятник как небольшое поселение VIII – первой половины X вв.

6. Поселение Казантип I [Талис, 1960, с. 15, № 4; Веселов, 2005, с. 74, 150, № 306/407.-8; Кругликова, 1975, с. 274, № 238; Кругликова, 1984, с. 75, карта 9, № 238]. Расположено в небольшой бухте «Белая Скала» на восточном берегу мыса Казантип примерно в 1,8 км к СВ от бывшего с. Афанасьино и в 1,2 км к северу от поселения Афанасьевка (Казантип Восточный) (рис. 17, 6) [Кругликова, 1975, № 237]. Площадь около 1 га. Мощность культурного слоя поселения, обнажившегося в береговых откосах, достигает 1,5 м. Среди подъемного материала преобладали фрагменты грубой лепной посуды и амфор, в том числе Гераклеи, неопределенных центров с двухствольной ручкой и I-х вв. н.э. с крупными профилированными ручками (рис. 6, 1–5). Помимо них, были найдены венчик пифоса и стенка краснолакового сосуда. На основании этих находок Д. Л. Талис отнес памятник к эпохе позднего эллинизма, а В. В. Веселов и И. Т. Кругликова к позднеантичному периоду.

7. Поселение Казантип II (Казантип Восточный 2) [Талис, 1960, с. 16, № 5; Веселов, 2005, с. 74, 150, № 307/408.-9; Кругликова, 1975, с. 274, № 239; Кругликова, 1984, с. 75, карта 9, № 239]. Расположено на берегу Татарской бухты в 1,2 км к СВ от бывшего с. Афанасьино и 0,6 км к ЮВ от поселения Казантип I (рис. 17, 7). Площадь поселения около 0,5 га (100 x 60 м). Мощность

¹⁰ Поселения с цифровыми (римскими) обозначениями соответствуют сводке античных поселений Керченского полуострова, составленной И. Т. Кругликовой по материалам разведок В.В. Веселова [Кругликова, 1975; 1984]. В отчете Д. Л. Талиса и «Сводной ведомости...» В.В. Веселова [Веселов, 2005] расположенные близ одного населенного пункта поселения имеют одно название без дополнительных условных обозначений.

культурного слоя, обнажившегося в береговых откосах бухты, составляет 1,0 – 1,5 м. Наиболее ранний материал представлен фрагментами синопских амфор, а остальные находки - преимущественно керамикой I–III вв. н. э., в том числе венчиком пифоса, профилированными ручками позднеантичных амфор, фрагментами краснолаковых и лепных сосудов.

8. Поселение Песочное [Талис, 1960, с. 16, № 6; Веселов, 2005, с. 69, 149, № 280/395.-2]¹¹. Расположено в 0,4 км к северу от с. Песочное (д. Песочная, бывш. Мескечи, в дневниках В. В. Веселова иногда упоминается как д. Пески) (рис. 8, 1; 17, 8). Среди небольших песчаных дюн и ям, образовавшихся вследствие добычи песка местными жителями, зафиксировано скопление керамики VIII – первой половины X вв., преимущественно обломков причерноморских амфор с мелким зональным и бороздчатым рифлением (рис. 8, 2) [Талис, 1960, табл. XI, 2]. Здесь же, по сведениям В. В. Веселова, обнаружен фрагмент чернолакового сосуда.

9. Поселение Песочное [Талис, 1960, с. 16, № 7; Веселов, 2005, с. 69, 149, № 281/396.-3]. Расположено в 0,7 км к СЗ от центральной части с. Песочное (рис. 8, 1; 17, 9). В пределах русла пересохшего ручья обнаружены тонкие прослойки культурных напластований, камни и отдельные фрагменты керамики. Среди подъемного материала преобладали стенки причерноморских желобчатых амфор середины VIII – X вв. и обломки лепной посуды.

10. Поселение Песочное II [Талис, 1960, с. 17, № 8; Веселов, 2005, с. 69, 149, № 283/398.-5; Кругликова, 1975, № 199; Кругликова, 1984, с. 75, карта 9, № 199]. Расположено в 1,1 км к ЮЗ от с. Песочное (рис. 17, 10). На территории площадью около 8 га зафиксированы остатки не менее 10 построек, прослеженные на дневной поверхности в виде каменных развалов диаметром 10–15 м. Расстояние между ними варьируется в пределах 40–50 м. Большую часть находок составляли обломки хиосских, гераклейских, синопских и фассосских амфор (рис. 9, 1, 4). На одной из ручек амфор Синопы сохранились остатки клейма. Возможно, к этому же периоду относятся венчики амфор неопределенных центров, лепная посуда и обломок каменной зернотерки. Отсюда же происходят немногочисленные фрагменты керамики VIII – первой половины X вв.

11. Поселение Песочное III [Талис, 1960, с. 17, № 9; Веселов, 2005, с. 69–70, 149, № 284/399.-6; Кругликова, 1975, № 200; Кругликова, 1984, с. 75, карта 9, № 200]. Расположено в 0,15–0,20 км к югу от центральной части села, в 40 м южнее кладбища и 50 м к востоку от дороги с. Песочное – с. Астанино (рис. 8, 1; 17, 11). Собранный подъемный материал представлен в основном

¹¹ Поскольку в окрестностях с. Песочное обнаружено несколько поселений VIII – первой половины X вв., установить, какое из них обозначено на археологических картах как поселение Песочное, установить не удалось [Гадло, 1968а, с. 60, № 70; Баранов, 1990, рис. 1, 28; Айбабин, 1999, рис. 78, 90].

керамикой VIII – первой половины X вв., среди которой выделяются: обломки горловины пифоса, украшенный вертикальными бороздками, нанесенными многозубчатым штампом, стенки и ручки причерноморских амфор с мелким зональным и бороздчатым рифлением (рис. 9, 6), венчики и стенки салтово-маяцких горшков, орнаментированные зубчатыми вдавлениями и сплошным горизонтальным рифлением (рис. 9, 2, 3, 5) [Талис, 1960, табл. XII, 3-7]. В числе прочих находок В. В. Веселов отметил немногочисленные фрагменты ручек амфор IV-III вв. до н. э. (рис. 9, 7).

12. Поселение Песочное [Талис, 1960, с. 18, № 10; Веселов, 2005, с. 70, 149, № 285/400.-7]. Расположено в 0,3 км к югу от с. Песочное и на расстоянии 0,15-0,35 км к западу от дороги, ведущей в с. Астанино (рис. 8, 1; 17, 12). На территории фруктового сада были зафиксированы локальные скопления камней, находившиеся на расстоянии 25–40 м друг от друга. Наиболее крупные из них достигали диаметром 10-15 м. Подъемный материал представлен немногочисленными обломками амфор IV-III вв. до н. э. (рис. 10, 1, 2) и керамики VIII – первой половины X вв., в том числе профильными фрагментами причерноморских амфор (рис. 10, 6) и высокогорлых кувшинов с плоской ручкой (рис. 10, 5) [Талис, 1960, табл. XIII, 1–4]¹².

13. Поселение Пресноводная I [Талис, 1960, с. 18–19, № 11; Веселов, 2005, с. 61, 151, № 233/416.-1; Кругликова, 1975, № 183; Кругликова, 1984, с. 75, карта 9, № 183]. Расположено в 1,4–1,5 км к ЮВ от железнодорожной станции Пресноводная (Станционное, Станционная, ст. Ташлыяр) (рис. 18, 13). Вдоль восточного подножия холма по обеим сторонам грунтовой дороги, соединяющей ст. Пресноводная и с. Новониколаевка, обнаружены многочисленные фрагменты лепной керамики эпохи бронзы, а также ручки синопских и гераклейских амфор.

14. Поселение Пресноводная II – Зеленый Яр I [Талис, 1960, с. 19, № 12; Веселов, 2005, с. 67–68, 151–152, № 271/424.-2, 272/425.-3; Кругликова, 1975, № 184, 195; Кругликова, 1984, с. 75, карта 9, № 184, 195]. Расположено в 2,6–3,5 км к западу от ст. Пресноводная и 1,3–2,6 км к СВ от с. Зеленый Яр (бывш. Ташлыяр), при этом его северо-восточную оконечность (0,1 км к северу от железной дороги и 0,5 км к западу от километрового столба 57/58 км) И.Т. Кругликова рассматривает как отдельный памятник – поселение Пресноводная II (рис. 18, 14). Протяженность поселения в направлении ЮЗ–СВ составляет 0,8–1,0 км, площадь не менее 20–25 га. В пределах указанной территории были обнаружены остатки многочисленных построек, зафиксированные на поверхности в виде компактных и

¹² В 1954 г. в окрестностях с. Песочное в 0,5 км от берега моря П. Н. Шульц произвел разведочные раскопки раннесредневекового поселения, в ходе которых был найден *in situ* пифос с амфорой внутри. Рядом с поселением был исследован небольшой участок плитового могильника этого же времени [Якобсон, 1970, с. 28, пункт № 75]. Установить место работ пока не удалось.

растянутых плугом развалов необработанных камней. На отдельных участках прослежены обнажения культурного слоя «пепельного цвета» с большим содержанием створок мидий и костей животных. Обнаруженная керамика относится к IV–III вв. до н.э. Среди подъемного материала, собранного преимущественно на СВ оконечности поселения, Д. Л. Талис упомянул ручки и ножки амфор Гераклеи и Синопы (рис. 10, 4), клеймо на ручке синопской амфоры (рис. 10, 3)¹³, обломки лепной посуды (рис. 10, 7) и каменной зернотерки [Талис, 1960, табл. XIII, 5–7]¹⁴.

15. Поселение Верхнее Заморское [Талис, 1960, с. 19–20, № 13; Веселов, 2005, с. 61, 151, № 237/420.-1; Кругликова, 1975, № 194; Кругликова, 1984, с. 75, карта 9, № 194]¹⁵. Расположено на западной окраине с. Верхнезаморское (бывш. Верхне-Заморское, Гапки Заморские, Заморск). Занимает среднюю часть узкого мыса (западная граница поселения локализована в 0,8 км к востоку от его оконечности), ограниченного с севера песчано-ракушечным пляжем, а с юга балкой, вытянутой в направлении СЗ–ЮВ (рис. 11, 1; 18, 15). Подъемный материал представлен в основном фрагментами синопских амфор IV–III вв. до н. э. и лепными сосудами. Встречаются также немногочисленные фрагменты керамики VIII – первой половины X вв. и позднесредневековой посуды¹⁶.

16. Поселение Верхнее Заморское [Талис, 1960, с. 20, № 13; Веселов, 2005, с. 61–62, 151, № 238/421.-2]. Расположено в 0,30–0,35 км к ЮЗ от с. Верхнезаморское на северном склоне балки, вытянувшейся в направлении ЮВ–СЗ (рис. 11, 1; 18, 16). Среди подъемного материала преобладали ручки и ножки синопских и гераклейских амфор, а также лепная посуда (рис. 11, 2). Керамика VIII – первой половины X вв. представлена фрагментами причерноморских амфор (рис. 11, 3) [Талис, 1960, табл. XIV, 3]. К числу наиболее ранних находок относятся отщепы кремня.

17. Поселение Верхнее Заморское [Талис, 1960, с. 20, № 13; Веселов, 2005, с. 62, 151, № 239/422.-3]. Расположено в 0,9 км к западу от с. Верхнезаморское на южном склоне балки (рис. 11, 1; 18, 17). Подъемный материал представлен фрагментами причерноморских амфор середины VIII – X вв. и позднесредневековых плоскодонных кувшинов.

¹³ [αστυ]νόμου

.....ω → палица

¹⁴ Более подробное описание керамики с поселения Пресноводная II – Зеленый Яр I содержится в полевой документации В. В. Веселова [Веселов, 2005, с. 67–68].

¹⁵ В окрестностях с. Верхнезаморское Д. Л. Талис обнаружил три поселения, но в отличие от В. В. Веселова он рассматривает их как один памятник [Талис, 1960, № 13].

¹⁶ Как правило, среди находок позднесредневековой керамики на Керченском полуострове преобладают обломки плоскодонных кувшинов. Реже встречается поливная посуда. Время их бытования, собственно как и датировку позднесредневековых поселений, Д. Л. Талис и В. В. Веселов оставили открытыми.

18. Поселение Нижнее Заморское [Талис, 1960, с. 20, № 14; Веселов, 2005, с. 62, 151, № 240/423.-1]. Расположено в 1,0 км к западу от с. Нижнезаморское (Нижнее Заморское, до 1948 г. насел. пункт рыбпромысла близ Заморска) в урочище «Белые пески» (рис. 18, 18). В настоящее время поселение уничтожено карьером по добыче кварцевого песка. Раннесредневековая и античная керамика была обнаружена на небольших дюнах высотой до 7–10 м. Среди находок можно отметить фрагменты причерноморских амфор с бороздчатым и мелким зональным рифлением (рис. 12, 1, 3), стенки салтово-маяцких горшков (рис. 12, 2) и обломок горла фасосской амфоры (рис. 12, 4) [Талис, 1960, табл. XV, 1-4].

19. Поселение Державино I [Талис, 1960, с. 20–21, № 15; Веселов, 2005, с. 60, 152, № 228/432, 229/433.-1,2; Кругликова, 1975, № 180; Кругликова, 1984, с. 75, карта 9, № 180]. Расположено в 0,6 км к востоку от километрового столба железной дороги 61/62 км и 0,6 км к ЮЗ от бывшего с. Державино (Аджиэли). Занимает южный склон и подошву возвышенности к северу от железной дороги (рис. 18, 19). В направлении запад-восток протяженность поселения составляет 0,9 – 1,0 км, а в направлении север-юг варьируется в пределах 60 – 150 м. На распаханых участках прослеживаются остатки построек в виде развалов мелких камней и переотложенный культурный слой, представляющий собой грунт пепельного цвета, насыщенный костями животных. Подавляющее большинство находок, собранных в западной части поселения, представлено фрагментами амфор Синопы, Гераклеи, Фасоса, Коса (рис. 12, 5–8) [Талис, 1960, табл. XV, 5–8]. Помимо них были найдены обломки чернолаковых и лепных сосудов, а также ручки причерноморских амфор. В восточной части поселения на участке протяженностью около 0,1 км преобладали обломки лепной орнаментированной посуды эпохи бронзы. Здесь же были обнаружены кремневые отщепы и обломок каменного молота(?). Незначительную часть находок составляли фрагменты амфор IV–III вв. до н.э. и VIII – первой половины X вв.

20. Поселение Державино III [Талис, 1960, с. 21–22, № 16; Веселов, 2005, с. 60, 153, № 231/435.-4; Кругликова, 1975, № 182; Кругликова, 1984, с. 75, карта 9, № 182]. Расположено в 0,25 км к югу от ныне не существующего с. Державино (рис. 18, 20). Занимает вершину невысокой возвышенности площадью 200 × 250 м. Подъемный материал представлен обломками амфор и лепных сосудов первых веков нашей эры, а также керамикой VIII – первой половины X вв., в том числе фрагментами причерноморских бороздчатых амфор (рис. 13, 1) и стенок салтово-маяцких горшков со сплошным горизонтальным рифлением на тулове (рис. 13, 2) [Талис, 1960, табл. XVI, 1, 2].

21. Поселение Державино II [Талис, 1960, с. 22, № 16; Веселов, 2005, с. 60, 153, № 230/434.-3; Кругликова, 1975, № 181; Кругликова, 1984, с. 75, карта 9, № 181]. Расположено в 0,55 км к югу от с. Державино (рис. 18, 21). На территории

поселения выявлены остатки не менее 8 построек, прослеженных в виде развалов камней диаметром около 15 м. Среди находок преобладали фрагменты позднеантичных и причерноморских амфор середины VIII – X вв.

22. Поселение между станцией Пресноводное и с. Зеленый Яр [Талис, 1960, с. 22, № 17; Веселов, 2005, с. 68, 152, № 275/428.-6, 276/429.-7]¹⁷. Расположено в 1,2–1,4 км к СВ от с. Зеленый Яр и 0,55–0,75 км к северу от железной дороги (рис. 17, 22). Занимает восточный склон балки – урочища «Серые Скалы», пересекающей железную дорогу в направлении юг-север, в 50 м к западу от железнодорожного столба с отметкой 55/56 км. Подъемный материал собран на склонах балки и в лесопосадках на площади 200 × 80 м. Находки представлены керамикой VIII – первой половины X вв., в том числе обломками причерноморских амфор и салтово-маяцких горшков (рис. 13, 3, 4) [Талис, 1960, табл. XVI, 3, 4].

23. Поселение Зеленый Яр III [Талис, 1960, с. 22–23, № 18; Веселов, 2005, с. 68, 152, № 277/430.-8; Кругликова, 1975, № 197; Кругликова, 1984, с. 75, карта 9, № 197]. Расположено в 1,5 км к северу от с. Зеленый Яр и 0,9 км к северу от железной дороги, на восточном склоне балки-урочища «Серые Скалы» (рис. 17, 23). В 100 м к югу от дома лесничего среди искусственных лесонасаждений обнаружено небольшое скопление фрагментов амфор IV–III вв. до н. э., среди которых преобладали амфоры Синопы. По видимому, к этому же периоду относятся обломки лепной посуды.

24. Поселение между станцией Пресноводное и с. Зеленый Яр [Талис, 1960, с. 23, № 19; Веселов, 2005, с. 69, 152, № 278/431.-9]. Расположено на западном склоне описанной выше балки, в 0,1 км к востоку от километрового столба 54/55 км и в 0,2 км к северу от железной дороги (рис. 17, 24). Площадь распространения подъемного материала 150 × 60 м. Подъемный материал представлен в основном фрагментами причерноморских амфор с бороздчатым рифлением и стенками салтово-маяцких горшков со сплошным и зональным горизонтальным рифлением (рис. 13, 5–9) [Талис, 1960, табл. XVI, 5-9]. Гораздо реже встречается керамика IV–III вв. до н.э., среди которой определена только ножка фасосской амфоры.

Северо-западная часть Керченского полуострова

25. Поселение Птичное [Талис, 1960, с. 29, № 33; Веселов, 1960, с. 39, № XVII; Веселов, 2005, с. 83, 133, № 240; Гадло, 1968а, с. 60, № 85]. Открыто в 1960 г. В. В. Веселовым. Расположено на восточном берегу Карпеченской балки

¹⁷ Поскольку в окрестностях ст. Пресноводная и с. Зеленый Яр находится несколько поселений VIII – первой половины X вв. [Веселов, 2005, № 184, 424, 427–429, 431], установить какие из них нанесены на археологические карты как поселения Пресноводное и Зеленый Яр не представляется возможным [Гадло, 1968а, с. 60, 65, 66; Якобсон, 1970, с. 28, № 72, рис. 1, 72; Баранов, 1990, рис. 1, 26, 27; Айбабин, 1999, рис. 78, 89].

в 1,5 км к ССЗ от с. Фронтное (бывш. Кой-Асан Русский) и 0,8 км к востоку от ныне не существующего с. Птичное (бывш. д. Птичная, Карпечь, Корфечь) (рис. 20. 1, 25)¹⁸. Занимает площадь около 5 га. Большую часть подъемного материала составляет керамика VIII – первой половины X вв., преимущественно фрагменты причерноморских амфор и салтово-маяцких горшков [Талис, 1960, табл. XX, 2, 3]. Античная керамика представлена единичными находками амфор IV-III вв. до н. э., в том числе клейменной ручкой амфоры неизвестного центра и деформированной ножкой гераклеийской амфоры.

26. Поселение Чапаевка II [Талис, 1960, с. 28, № 31; Веселов, 2005, с. 79, 131, № 336/223.-2; Кругликова, 1975, № 226; Кругликова, 1984, с. 75, карта 9, № 226; Лесков, Збенович, 1962, с. 270; Гадло, 1968а, с. 60, № 74; Баранов, 1990, рис. 1, 32]¹⁹. Открыто в 1959 г. В. В. Веселовым. Расположено в 0,4 – 0,8 км к северу от с. Калиновка (до 1957 г. с. Калиновка и с. Чапаево, бывш. Курпе и Астабань). Обнаружено в 1959 г. В. В. Веселовым [Веселов, 1957, с. 3]. Протяженность поселения в направлении С–Ю составляет около 1 км [Гадло, 1971, с. 63]. В 1960 г. был обследован южный участок поселения, локализованный в 0,4 км к северу от с. Калиновка (рис. 20. 2, 26). На распаханном поле примерно в 100 м к востоку от дороги, соединяющей пос. Ленино и с. Семеновка, прослежены остатки 12 построек в виде каменных развалов диаметром около 8 м. Подъемный материал, за исключением нескольких обломков синопской и гераклеийской амфор, представлен фрагментами керамики VIII – первой половины X вв. Среди находок преобладают стенки и ручки причерноморских амфор, венчики и стенки салтово-маяцких горшков, часть которых украшена врезным горизонтальным и волнообразным орнаментом [Веселов, 2005, рис. 215; 217]. Здесь же был найден фрагмент венчика сероглиняного лощеного сосуда [Веселов, 2005, рис. 216].

27. Поселение Королево [Талис, 1960, с. 28–29, № 32; Веселов, 2005, с. 71–72, 128, № 294/190.-1; Кругликова, 1975, № 219; Кругликова, 1984, с. 75, карта 9, № 219; Гадло, 1968а, с. 60, № 78; Баранов, 1990, рис. 1, 41; Айбабин, 1999, рис. 78, 97]²⁰. Расположено вдоль северной окраины с. Королево (бывш. Коджалар

¹⁸ В краткой сводке памятников VIII-X вв. А. Л. Якобсона и на карте И. А. Баранова название как самого поселения, так и эпонимного села искажены – «пос. Птичкино» [Якобсон, 1970, с. 27, № 68, рис. 1, 68; Баранов, 1990, рис. 1, 45]. На месте самого села находится памятник воинам, погибшим в 1941–1942 гг. [Гаврилов, 2008, с. 380]. В качестве еще одного ориентира служит искусственный пруд, расположенный на дне Курпеченской балки в 0,2 км к западу от поселения.

¹⁹ Следует также заметить, что в одной из публикаций А. В. Гадло и на карте, составленной им по материалам разведок Д. Л. Талиса и собственных разведок 1962 г., оно имеет двойное название Чапаевка–Калиновка (Чапаево–Калиновка), поскольку незадолго до этого (в 1957 г.) оба эпонимных населенных пункта были объединены в одно село [Гадло, 1963, с. 5; Гадло, 1968а, с. 60, № 74; Гадло, 1971, с. 62–63]. В 90-е годы прошлого столетия в научный обиход вошли названия Чапаево и Калиновка [Баранов, 1990, рис. 1, 32; Айбабин, 1999, рис. 78, 95].

²⁰ В 1962–1963 гг. поселение осмотрено А. В. Гадло и А. Л. Якобсоном [Гадло, 1963, с. 5; Якобсон, 1970, с. 28].

Русский) на южном склоне возвышенности, на вершине которой в 50 м к северу от поселения находится песчаный карьер (рис. 20. 3, 27)²¹. Открыто в 1957 г. В. В. Веселовым [Веселов, 1957, с. 77, № XXX(46); Веселов, 2005, с. 128, № 190]. Подъемный материал представлен в основном лепной керамикой эпохи бронзы с налепными валиками и штампованным орнаментом (рис. 16, 3, 4), ручками амфор эллинистического времени, фрагментами амфор первых веков н.э. и причерноморских амфор середины VIII – X вв. (рис. 16, 5, 6) [Талис, 1960, табл. XIX, 5, 6]. Помимо керамики на поселении обнаружены кремневые отщепы, обломок каменного молота и терракотовая статуэтка лошадки длиной 5,3 см, высотой 4,3 см (рис. 16, 7).

Центральная и юго-западная часть Керченского полуострова

28. Поселение Новоселовка III [Талис, 1960, с. 23, № 20; Веселов, 2005, с. 56, 151, № 213/415.-3; Кругликова, 1975, № 108; Кругликова, 1984, с. 75, карта 9, № 108]. Расположено в 0,8 км к ЮЗ от с. Новоселовка (бывш. Ново-Шепетеевка), в 0,15 км к востоку от дороги, соединяющей с. Марфовка и шоссе Симферополь-Керчь (рис. 19, 28). На вспаханном поле зафиксированы остатки семи построек в виде развалов необработанных камней диаметром 8–10 м. Расстояние между ними варьируется в пределах 15–20 м. Найденная керамика, в том числе ручка и ножка синопской и гераклейской амфор, относится к IV–III вв. до н. э.

29. Поселение Марфовка [Талис, 1960, с. 23–24, № 21; Веселов, 2005, с. 56, 153, № 214/437.-1]. Расположено на СВ окраине с. Марфовка (бывш. Даут-Эли), в 25 м к западу от здания бывшего колхозного свинарника (рис. 19, 29). В отвалах грунта из котлованов под силосные ямы обнаружено большое количество лепных сосудов. Некоторые из них имели сильно отогнутый венчик и лощеную поверхность, тулово других было украшено горизонтальными налепными валиками (рис. 14, 1–6) [Талис, 1960, табл. XVII, 1–5]. По мнению Д. Л. Талиса, сосуды первой группы относились к эпохе поздней бронзы, а второй – к эпохе раннего железа. Помимо лепной керамики с поселения происходят отщепы кремня, обломок шарообразного камня, а также фрагменты ручки и венчика амфор неизвестного центра IV–III вв. до н. э.

30. Поселение Марфовка VI [Талис, 1960, с. 24–25, № 22; Веселов, 2005,

²¹ В составленной А. Л. Якобсоном выборочной сводке раннесредневековых памятников Керченского полуострова для поселения Королево приведены иные топографические ориентиры. Из текста следует, что оно располагалось на южном склоне возвышенности, но не на северной окраине села, а в 3 км к югу от него. Возможность ошибки, на первый взгляд, исключена, поскольку автор ссылается на сообщение В. В. Веселова и результаты личного обследования памятника, произведенного им в 1963 г. [Якобсон, 1970, с. 28, пункт 71, рис. 1, 71]. Однако, с другой стороны, какие-либо другие поселения в окрестностях с. Королево в «Сводной ведомости...» В. В. Веселова не упоминаются.

с. 56, 153, № 219/438.-2; Кругликова, 1975, № 109; Кругликова, 1984, с. 75, карта 9, № 109]. Расположено в 2,6 км к ЮВ от с. Марфовка, 1,0 км к СЗ от с. Тамарино и 0,25 км к ЮВ от соленого озера Даутель-коль (Марфовское) (рис. 19, 30). На склоне, обращенном к южному берегу озера, выявлены остатки построек, прослеженные в виде развалов камня диаметром 6–10 м. Площадь поселения составляет около 4 га (250 × 150 м). Подъемный материал представлен фрагментами амфор IV–III вв. до н. э., в том числе гераклейских, фасосских и синопских (рис. 14, 10, 11), а также лепной посудой. Среди находок выделяются три частично сохранившихся клейма на ручках амфор Синопы (рис. 14, 7–9)²².

31. Поселение Марфовка II [Талис, 1960, с. 25, № 24; Веселов, 2005, с. 57, 153, № 217/440.-4; Кругликова, 1975, № 111; Кругликова, 1984, с. 75, карта 9, № 111]. Расположено в 0,6 км к западу от с. Марфовка на западном и юго-западном берегах небольшого соленого озера (рис. 19, 31). На территории площадью 150 × 170 м обнаружены развалы мелких камней и немногочисленная керамика IV–III вв. до н. э., в том числе фрагменты гераклейских и синопских амфор.

32. Поселение Тамарино I [Талис, 1960, с. 25, № 24; Веселов, 2005, с. 58, 153, № 222/444.-1; Кругликова, 1975, № 116; Кругликова, 1984, с. 75, карта 9, № 116; Пономарев, 2011, с. 362–363]. Расположено у подошвы восточного склона небольшой возвышенности в 0,3 км к СВ от с. Тамарино (бывш. Бичекъ) и 0,2 км к востоку от Узунларского вала (рис. 19, 32). В качестве основных ориентиров указаны курган и два колодца, маркирующие восточную и южную границы поселения. На территории площадью 150 × 120 м выявлены небольшие скопления мелких камней, немногочисленные фрагменты синопских и гераклейских амфор IV–III вв. до н.э., а также отдельные фрагменты причерноморских амфор и салтово-маяцких горшков.

33. Поселение Тамарино [Талис, 1960, с. 25–26, № 25; Веселов, 2005, с. 58, 153, № 224/446.-3; Гадло, 1968а, с. 60, № 62; Баранов, 1990, рис. 1, 22; Пономарев, 2011, с. 362]. Расположено в 0,35 км к северу от ныне не существующего с. Тамарино, на восточном склоне возвышенности, по которой проходит Узунларский вал (рис. 19, 33). В 50 м к востоку от насыпи вала на размытых участках полевой дороги и к востоку от нее на распаханном поле на территории площадью 30 × 120 м зафиксировано скопление керамики VIII – первой половины X вв., среди которой преобладали стенки бороздчатых

²² 1. ἀστ[υνόμου]

Μα [.....]

2. [ἀστυ]όμου

[.....]ου → голова(?)

3. [.....]σ

[.....]ου

[.....]ιο

Â полевой документации В. В. Веселова содержатся сведения о находке еще одного клейма, при этом для клейма № 3 (№ 4, по В. В. Веселову) предложен иной вариант прочтения [Веселов, 2005, с. 56].

причерноморских амфор (рис. 15, 2–4) и салтово-маяцких горшков (рис. 15, 5). Среди других находок следует отметить венчик высокогорлого кувшина с плоской ручкой (рис. 15, 1) [Талис, 1960, табл. XVIII, 1-5].

34. Поселение Тамарино IV [Талис, 1960, с. 26, № 26; Веселов, 2005, с. 59, 154, № 226/448.-5; Кругликова, 1975, № 119; Кругликова, 1984, с. 75, карта 9, № 119]. Расположено в 0,3 км к ЮВ от с. Тамарино и в 0,08 км к востоку от Узунларского вала (рис. 19, 34). На вспаханном поле обнаружено небольшое скопление амфор I-х вв. н.э., в том числе амфор типа 72, по И.Б. Зеест, II-III вв. н.э. (рис. 15, 6, 7) [Зеест, 1960, с. 111–112, табл. XXX, 72].

35. Поселение Тамарино II [Талис, 1960, с. 26, № 27; Веселов, 2005, с. 58, 153, № 223/445.-2; Кругликова, 1975, № 117; Кругликова, 1984, с. 75, карта 9, № 117]. Расположено в 0,35 км к ЮЗ от с. Тамарино и 0,3 км к западу от Узунларского вала (рис. 19, 35). На вспаханном поле у подошвы возвышенности выявлены скопления мелких камней, а также немногочисленные фрагменты стенок неопределенных амфор IV-III вв. до н. э. и лепной посуды эпохи бронзы.

36. Поселение Тамарино III [Талис, 1960, с. 27, № 28; Веселов, 2005, с. 58–59, 154, № 225/447.-4; Кругликова, 1975, № 118; Кругликова, 1984, с. 75, карта 9, № 118]. Расположено в 2 км к югу от с. Тамарино и в 0,9 км к западу от алебастрового карьера на горе Шаклар (рис. 19, 36). На восточном склоне невысокой возвышенности и у ее подошвы на площади около 1 га обнаружены небольшие скопления мелких камней и обломков керамики, среди которой преобладали фрагменты амфор IV-III вв. до н. э. и лепная посуда.

37. Поселение Марфовка III [Талис, 1960, с. 27, № 29; Веселов, 2005, с. 57, 153, № 218/441.-5; Кругликова, 1975, № 112; Кругликова, 1984, с. 75, карта 9, № 112]. Расположено на северном склоне небольшой возвышенности в 0,5 км к ЮВ от с. Марфовка и 0,35 км к ЮЗ от соленого озера Даутель-коль (рис. 19, 37). На территории площадью примерно 150 × 100 м обнаружены небольшие скопления мелкого камня и обломков амфор IV-III вв. до н. э., в том числе амфор Синопы, Гераклеи и Фасоса.

38. Поселение Марфовка VII [Талис, 1960, с. 27, № 30; Веселов, 2005, с. 57–58, 153, № 220/443.-7; Кругликова, 1975, № 114; Кругликова, 1984, с. 75, карта 9, № 114]. Расположено на небольшой возвышенности в 3,5 км к востоку от с. Марфовка и 3 км к СВ от с. Тамарино (рис. 19, 38). На территории площадью около 200 × 150 м выявлены скопления мелких необработанных камней и многочисленная керамика IV-III вв. до н.э., в том числе клейменные ручки синопских амфор (рис. 16, 1, 2) [Талис, 1960, табл. XIX, 1, 2]²³.

²³ 1. ἀστὺν[οῦ] 2. [......]του
[...]ου[.....] [......]vo
[.....]ιο → орел на дельфине

Таким образом, в результате разведок, проведенных в 1960 г. Д. Л. Талисом, были обследованы не менее 38 поселений, большая часть которых открыта впервые. Из них 23 оказались многослойными памятниками. Преобладали поселения эллинистического периода (73,68%, № 2, 3, 6–8, 10–16, 18, 19, 23–32, 35–38) и поселения VIII – первой половины X вв. (60,52%, № 1–3, 5, 8–12, 15–22, 24–27, 32, 33). За ними следуют поселения I–х вв. н.э. (21,05%, № 3, 4, 6, 7, 20, 21, 27, 34), поселения эпохи бронзы (15,78%, № 13, 16, 19, 27, 29, 35) и позднесредневековые поселения (5,03%, № 15, 17). Кроме того в «Сводной ведомости...» В. В. Веселова упоминается еще несколько поселений и других археологических объектов, открытых в процессе разведок Восточно-Крымской экспедиции ГИМ, однако в отчет Д. Л. Талиса они по неизвестной нам причине не были включены [Веселов, 2005, № 397, 403, 405, 406, 417, 418, 419, 426, 427, 439, 442, 449, 464].

К сожалению, как уже упоминалось выше, результаты этих работ не были своевременно доведены до издательского уровня, но благодаря В. В. Веселову большинство поселений эллинистического и позднеантичного периодов все же были включены в сводку античных памятников, опубликованную в качестве одного из приложений в монографии И. Т. Кругликовой «Сельское хозяйство Боспора» [Кругликова, 1975, № 108–112, 114, 116–119, 194, 195, 197, 199, 200, 219, 226, 238–241]. Однако, большая часть поселений VIII – первой половины X вв., изучение которых собственно и входило в число основных задач, поставленных перед экспедицией Д. Л. Талиса, осталась неизвестной археологам-медиевистам. Лишь некоторые из них спустя несколько лет были нанесены на карту-схему «Южное Приазовье в период хазарского каганата (конец VII – начало X вв.)», составленную А.В. Гадло [Гадло, 1968а, с. 60, № 62, 65–67, 70–72, 74]. И, наконец, совсем недавно Институтом археологии РАН были частично изданы дневники В.В. Веселова. В некоторых из них приведено краткое описание всех исследованных в 1960 г. памятников [Веселов, 2005, с. 11, № 395–449, 464]. В совокупности с ними публикуемые материалы из отчета Д. Л. Талиса позволят не только скорректировать старые и составить новые, более подробные археологические карты, но и ввести в научный оборот неизвестные ранее памятники эпохи бронзы, античности и средневековья.

ЛИТЕРАТУРА

- Айбабин А.И. Этническая история ранневизантийского Крыма. Симферополь, 1999.
 Баранов И.А. Таврика в эпоху раннего средневековья (салтово-маяцкая культура). К., 1990.
 Баукова А.Ю. Археологічна діяльність Керченського музею у другій половині 40-х – у 50-х рр. XX с. // Научный сборник Керченского заповедника. Вып. II. Керчь, 2008.
 Веселов В.В. Разведки на Керченском полуострове 1957 г. // Рукопись.
 Веселов В.В. Археологические исследования 1959 г. май–июнь. Тетрадь № 1 // Рукопись.

- Веселов В.В.* Дневник археологических изысканий в районе г. Феодосии. Июнь-июль 1960 г. Тетрадь № I // Рукопись.
- Веселов В.В.* Сводная ведомость результатов археологических разведок на Керченском и Таманском полуостровах в 1949-1964 гг. // ДБ. Supplementum. II. М., 2005.
- Гаврилов А.В.* Средневековые памятники Юго-Восточного Крыма (материалы к археологической карте) // Сугдейский сборник. К.; Судак, 2008. Вып. III.
- Гадло А.В.* Отчет о работе средневекового археологического отряда Ленинградского ордена Ленина Государственного университета им. А. А. Жданова на территории Керченского полуострова в 1962 году. Л., 1963 // НА ИА НАНУ, № 1962/41.
- Гадло А.В.* Раннесредневековое селище на берегу Керченского пролива (по материалам раскопок 1963 г) // КСИА. 1968а. Вып. 113.
- Гадло А.В.* Проблема Приазовской Руси и современные археологические данные о Южном Приазовье VIII–X вв. // Вестник Ленинградского университета. 1968б. № 14. Вып. 3. июль.
- Гадло А.В.* Этнографическая характеристика перехода кочевников к оседлости (по материалам Восточно-Крымской степи и предгорий VIII–X вв.) // Этнография народов СССР. Л., 1971
- Гадло А.В.* Предыстория Приазовской Руси. Очерки истории русского княжения на Северном Кавказе. СПб., 2004.
- Зеест И.Б.* Керамическая тара Боспора / МИА. № 83. М., 1960.
- Клюкин А.А., Корженевский В.В.* Крымское Приазовье. Симферополь, 2004.
- Ковнурко Г.М.* Петрографический анализ средневековых амфор из Крыма и Приазовья // КСИА. 1968. Вып. 113.
- Кругликова И.Т.* Сельское хозяйство Боспора. М., 1975.
- Кругликова И.Т.* Сельская территория // Археология СССР. Античные государства Северного Причерноморья. М., 1984.
- Лесков А.М., Збенович В.Г.* Археологические разведки на Керченском полуострове в 1959 г. // АИБ. Симферополь, 1962. Т. II.
- Мерперт Н.Я.* К вопросу о древнейших болгарских племенах. Казань, 1957.
- Науменко В.Е.* Амфоры // Зинько В.Н., Пономарев Л.Ю. Тиритака. Раскоп XXVI. Том I. Археологические комплексы VIII–X вв. / Боспорские исследования. Supplementum 5. Симферополь-Керчь, 2009а.
- Науменко В.Е.* Высокогорлые кувшины с широкими плоскими ручками // Зинько В.Н., Пономарев Л.Ю. Тиритака. Раскоп XXVI. Том I. Археологические комплексы VIII–X вв. / Боспорские исследования. Supplementum 5. Симферополь-Керчь, 2009б.
- Пономарев Л.Ю.* К истории археологического изучения салтово-маяцких памятников Керченского полуострова (30-60 гг. XX в.) // БИ. Симферополь-Керчь, 2008. Вып. XIX.
- Пономарев Л.Ю.* К вопросу о «юртообразных жилищах» на салтово-маяцком поселении у с. Азовское (Керченский полуостров) // Боспор Киммерийский и варварский мир в период античности и средневековья. Ремесла и промыслы. Боспорские чтения. Вып. XI. Керчь, 2010.
- Пономарев Л.Ю., Пономарева И.А.* Редкие формы салтово-маяцкой нелощеной керамики из раннесредневековых поселений Керченского полуострова (предварительная информация) // Сугдейский сборник. К.; Судак, 2010. Вып. IV.
- Пономарев Л.Ю.* К археологической карте памятников VIII – первой половины X вв. южной части Керченского полуострова // БИ. Симферополь-Керчь, 2011. Вып. XXV.
- Романчук А.И., Сазанов А.В., Седикова Л.В.* Амфоры из комплексов византийского Херсона // Средневековый Херсон: история, стратиграфия, находки. Екатеринбург, 1995. Ч. 2.
- Талис Д.Л.* Отчет о работе Восточно-Крымской экспедиции Государственного исторического музея в 1960 г. // НА ИА НАНУ, № 1960/42.
- Талис Д.Л.* Топонимы Крыма с корнем «рос-» // АДСВ. Свердловск, 1973. Сб. 10.

Талис Д.Л. Росы в Крыму // СА. 1974. № 3.

Фронджуло М.А. Раскопки средневекового поселения на окраине с. Планерское 1957–1959 гг. //

Археологические исследования средневекового Крыма. К., 1968.

Шульц П.Н. Историко-археологические исследования в Крыму (1920–1950 гг.) // «Крым». 1950. № 6.

Якобсон А.Л. Византия в истории раннесредневековой Таврики // СА. 1954. Т. XXI.

Якобсон А.Л. Раннесредневековые поселения Восточного Крыма // МИА. 1958. № 85.

Якобсон А.Л. Раннесредневековые сельские поселения Юго-Западной Таврики // МИА. 1970. № 168.

Якобсон А.Л. Керамика и керамическое производство средневековой Таврики. Л., 1979.

Л.Ю. Пономарев

ПРО РОЗВІДКИ ТА РОЗКОПИ Д.Л. ТАЛІСА НА КЕРЧЕНСЬКОМУ ПІВОСТРОВІ У 1960 р.

Резюме

В статті опубліковані основні результати розвідок та розкопів Д.Л. Таліса на Керченському півострові у 1960 р. За порівняно короткий період у центральній, північно-західній та південно-західній частинах півострова їм було відкрито більш ніж 30 поселень від епохи бронзи до пізнього середньовіччя. Більша частина виявилися багаточаровими пам'ятками, в тому числі 28 поселень з матеріалом IV–III ст. до н.е., 23 поселення з матеріалом VIII – першої половини X ст., 8 поселень з матеріалом I–III ст. до н.е., 6 поселень з матеріалом епохи бронзи та 2 поселення з пізньосередньовічним матеріалом. Однак, лише деякі з них, переважно античні пам'ятки, були своєчасно введені у науковий обіг та нанесені на археологічну карту.

Л.Ю. Пономарев

О РАЗВЕДКАХ И РАСКОПКАХ Д. Л. ТАЛИСА НА КЕРЧЕНСКОМ ПОЛУОСТРОВЕ В 1960 г.

Резюме

В статье опубликованы основные результаты разведок и раскопок Д. Л. Талиса на Керченском полуострове в 1960 г. За сравнительно короткий период в центральной, северо-западной и юго-западной частях полуострова им было открыто свыше 30 поселений от эпохи бронзы до позднего средневековья. Большая часть оказалась многослойными памятниками, в том числе 28 поселений с материалом IV–III вв. до н.э., 23 поселения с материалом VIII – первой половины X вв., 8 поселений с материалом I–III вв. н.э., 6 поселений с материалом эпохи бронзы и 2 поселения с позднесредневековым материалом. Однако, лишь немногие из них, преимущественно античные памятники, были своевременно введены в научный оборот и нанесены на археологическую карту.

EXPLORATION AND EXCAVATION OF D.L.TALIS ON THE KERCH PENINSULA IN 1960

Summary

Main results of exploration and excavation of D.L.Talis on the Kerch Peninsula in 1960 are published in the article. More than thirty settlements from the Bronze Age to the late Middle Ages were discovered by him in the central, north-western, and southwestern parts of the peninsula in a relatively short period. Most of the sites were multilayered, including twenty eight settlements with the material dated back to the 4th- 3rd cc. BC, twenty three settlements with the material of the 8th- the first half of the 10th century, eight settlements with the material dated to the 1st-the 3rd cc. AD, six settlements with the material of the Bronze Age, and two settlements with the material of the late Middle Ages. However, few of them, mostly ancient sites, were promptly put into scientific circulation and marked on the archaeological map.

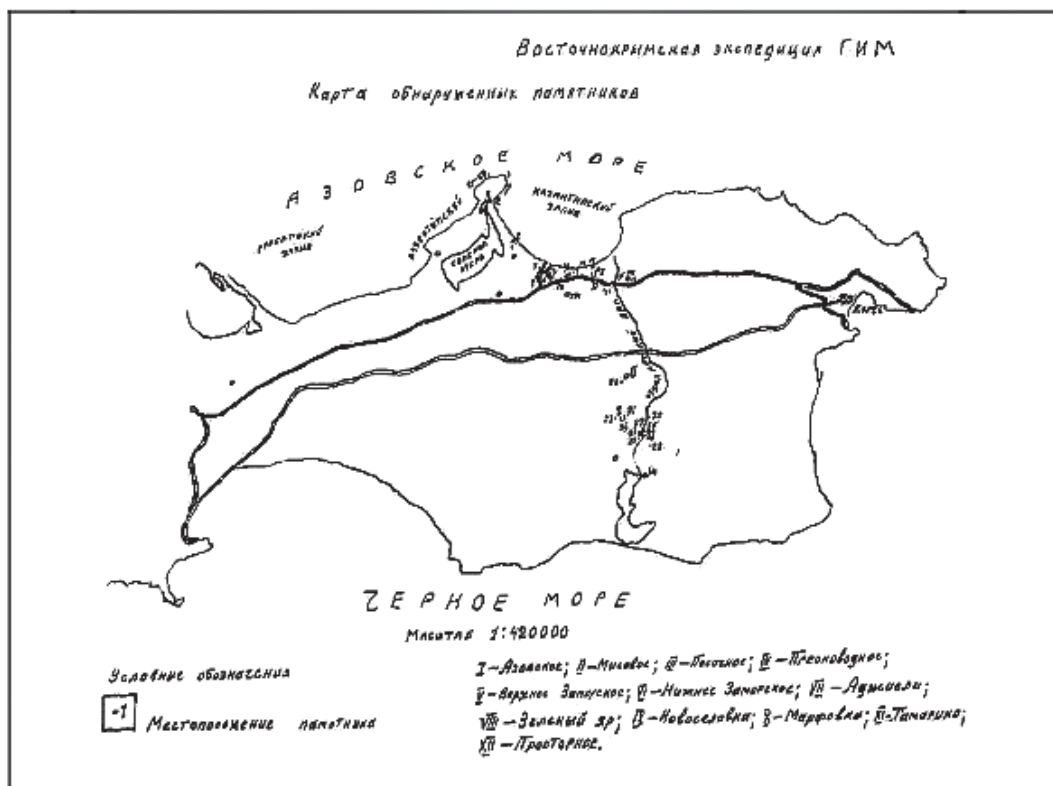

Рис. 1. Карта-схема памятников, обнаруженных в 1960 г. Восточно-Крымской экспедицией ГИМ (по Д. Л. Талису).

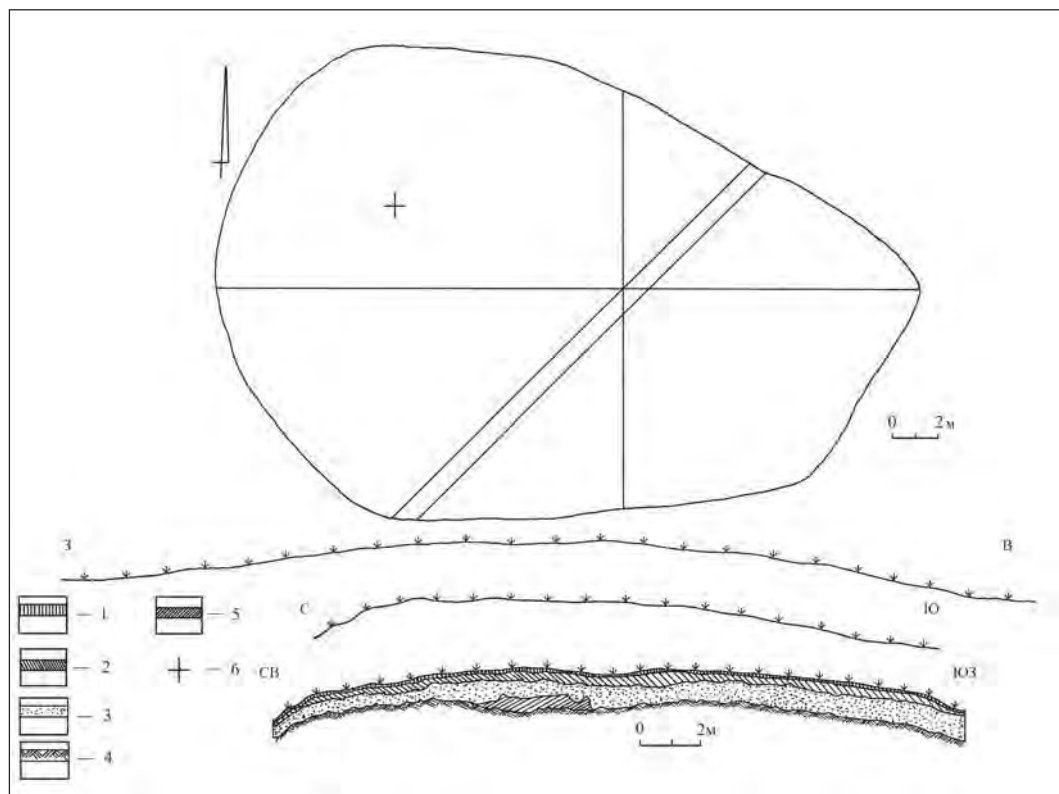

Рис. 2. Поселение Азовское (Талис, № 1; Веселов, № 186, 187). Вскопание № 2. План и разрезы (по Д. Л. Талису).

Условные обозначения: 1 – дерн; 2 – гумусированный песок буровато-желтого оттенка; 3 – песок темно-коричневого оттенка; 4 – плотный песок серого оттенка; 5 – материковый песок-ракушечник светло-желтого оттенка с включением кварцевого песка; крестиком на плане вскопания № 2 обозначен пифос.

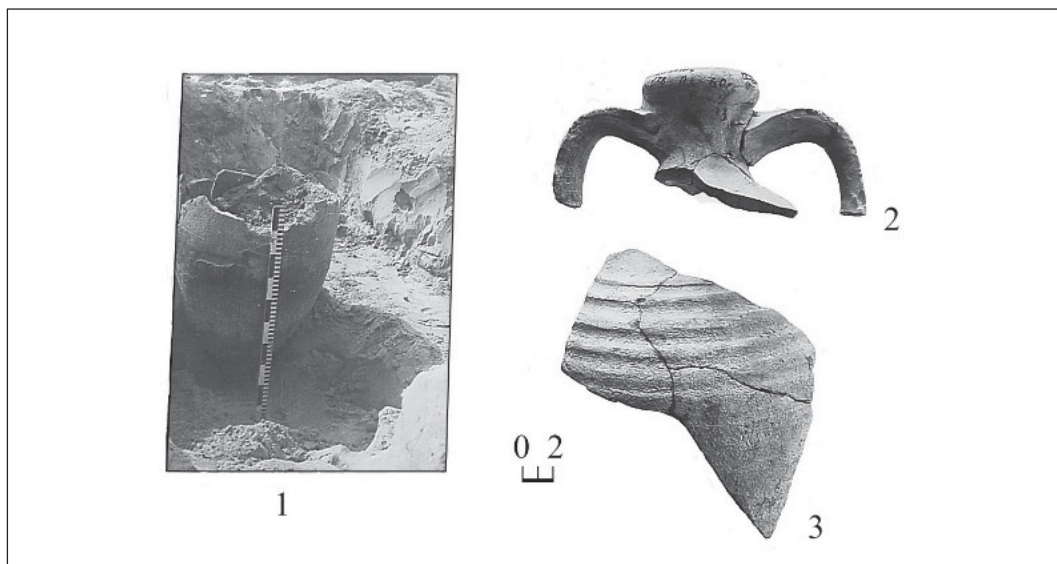

Рис. 3. Поселение Азовское (Талис, № 1; Веселов, № 186, 187). 1 – Пифос в всхолмлении № 2 (фото Д. Л. Талиса); 2 – Фрагменты причерноморских амфор (фото Д. Л. Талиса).

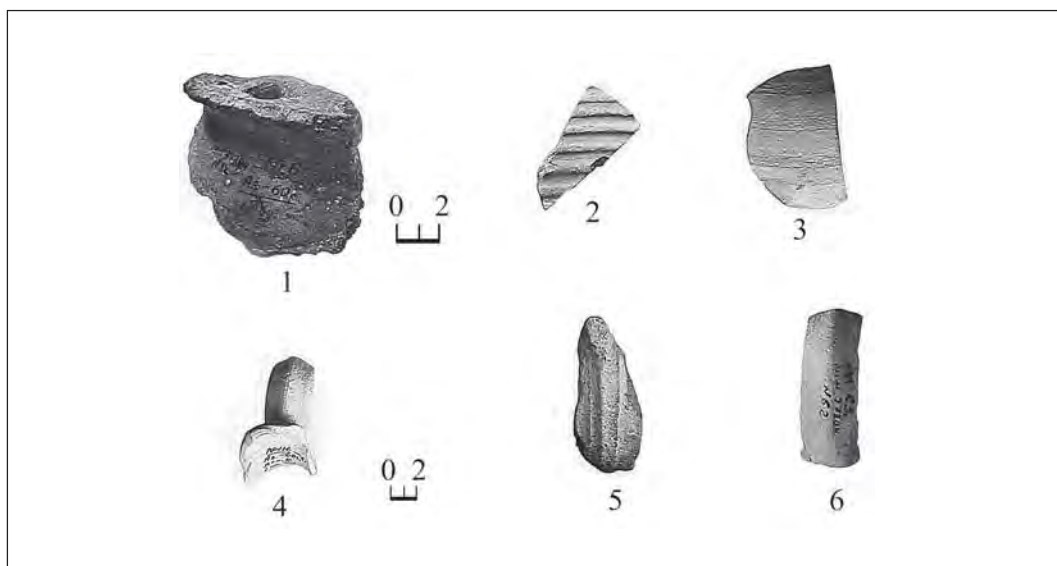

Рис. 4. Поселение Азовское (Талис, № 1; Веселов, № 186, 187). 1–6 – Фрагменты керамики (фото Д. Л. Талиса).

Рис. 5. Поселение Азовское (Талис, № 1; Веселов, № 186, 187). 1–11 – Фрагменты керамики (фото Д. Л. Талиса).

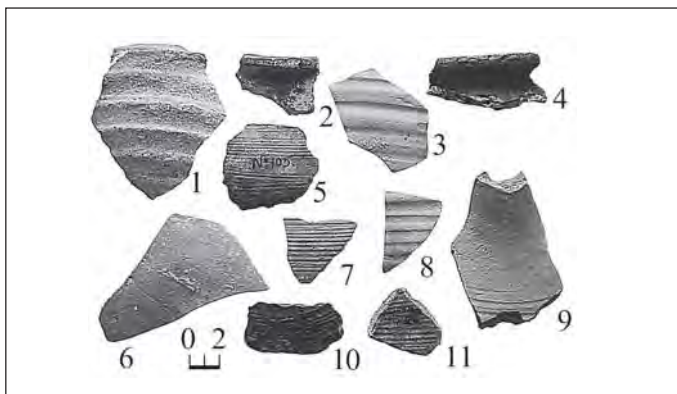

Рис. 6. Поселение Казантип I (Талис, № 4; Веселов, № 407). 1–5 – Фрагменты керамики (фото Д. Л. Талиса).

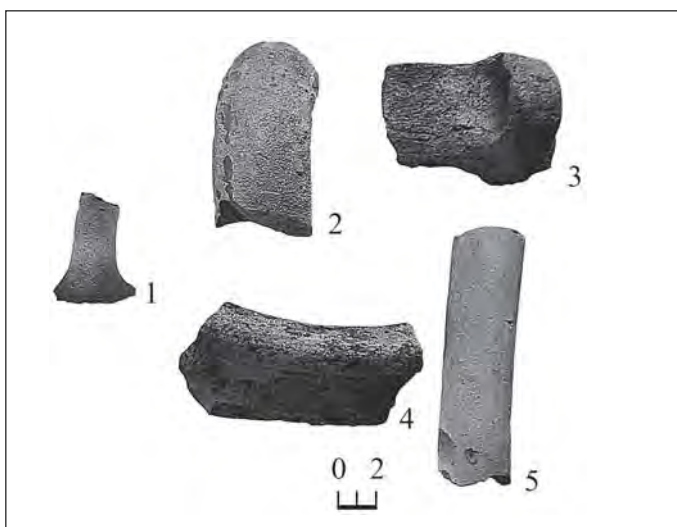
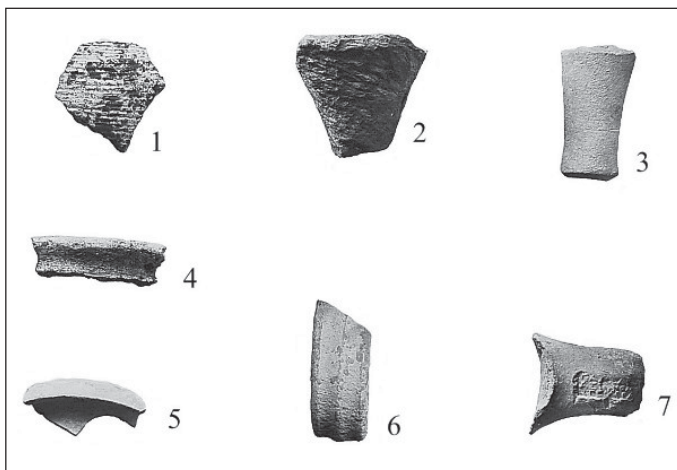

Рис. 7. Поселение Мысовое (Талис, № 2; Веселов, № 195, 411). 1–7 – Фрагменты керамики (фото Д. Л. Талиса).

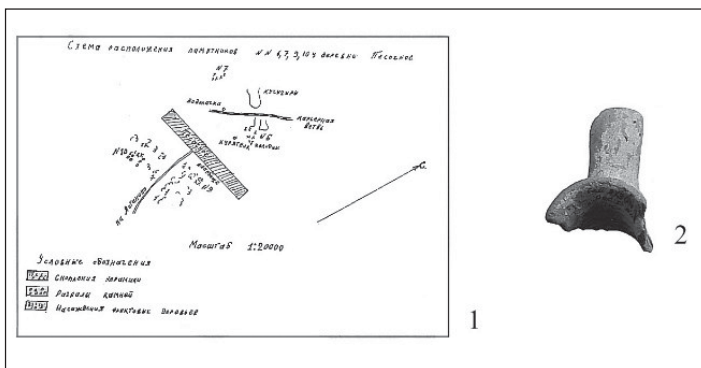

Рис. 8. 1 – Схема расположения памятников в окрестностях с. Песочное (по Д. Л. Талису); 2 – Поселение Песочное (Талис, № 6; Веселов, № 395). Фрагмент причерноморской амфоры (фото Д. Л. Талиса).

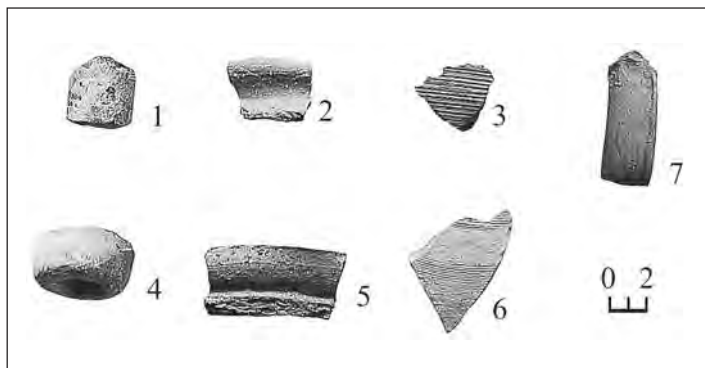

Рис. 9. 1, 4 – Поселение Песочное II (Талис, № 8; Веселов, № 398). Фрагменты керамики (фото Д. Л. Талиса). 2, 3, 5–7 – Поселение Песочное III (Талис, № 9; Веселов, № 399). Фрагменты керамики (фото Д. Л. Талиса).

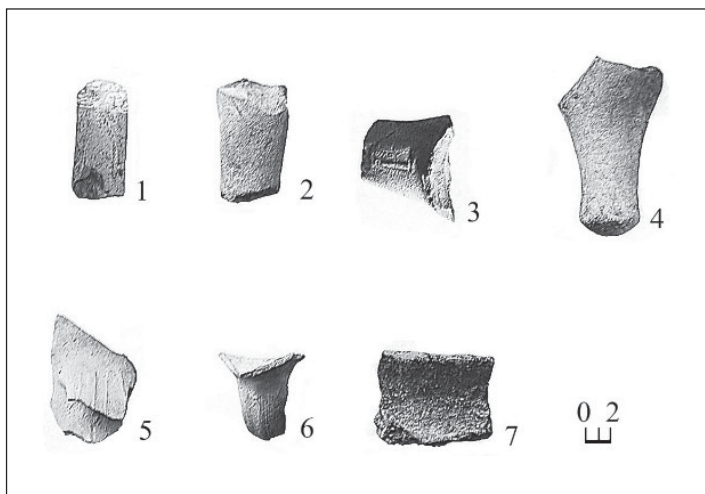

Рис. 10. 1, 2, 5, 6, – Поселение Песочное (Талис, № 10; Веселов, № 400). Фрагменты керамики (фото Д. Л. Талиса). 3, 4, 7 – Поселение Пресноводное II – Зеленый Яр I (Талис, № 12; Веселов, № 424, 425). Фрагменты керамики (фото Д. Л. Талиса).

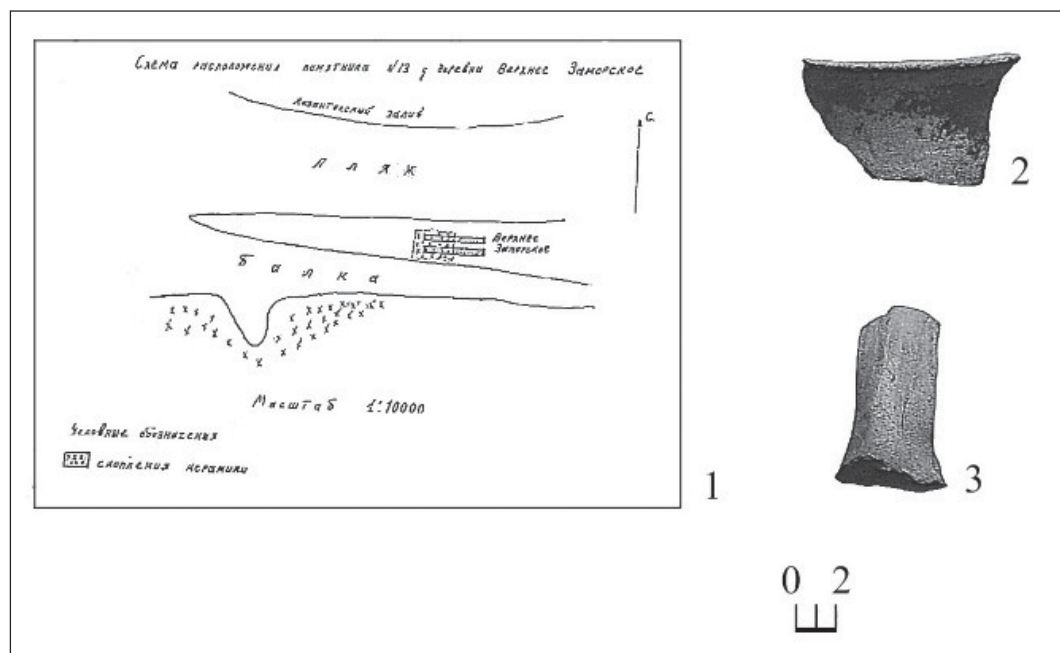

Рис. 11. 1 – Схема расположения поселений в окрестностях с. Верхнезаморское (по Д. Л. Талису). 2 – Поселение Верхнее Заморское (Талис, № 13; Веселов, № 420). Фрагменты керамики (фото Д. Л. Талиса).

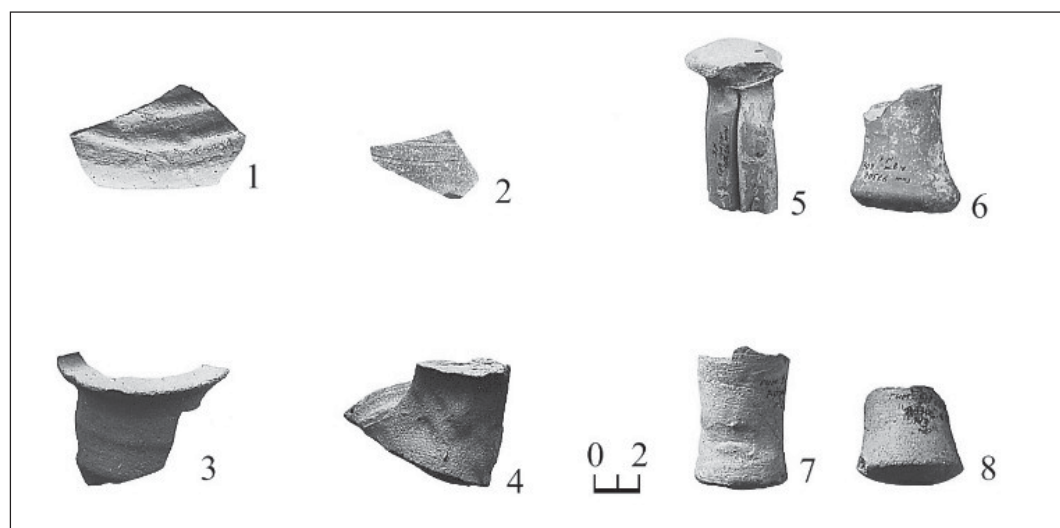

Рис. 12. 1–4 – Поселение Нижнее Заморское (Талис, № 14; Веселов, № 423). Фрагменты керамики (фото Д. Л. Талиса). 5–8 – Поселение Державино I (Талис, № 15; Веселов, № 432, 433). Фрагменты керамики (фото Д. Л. Талиса).

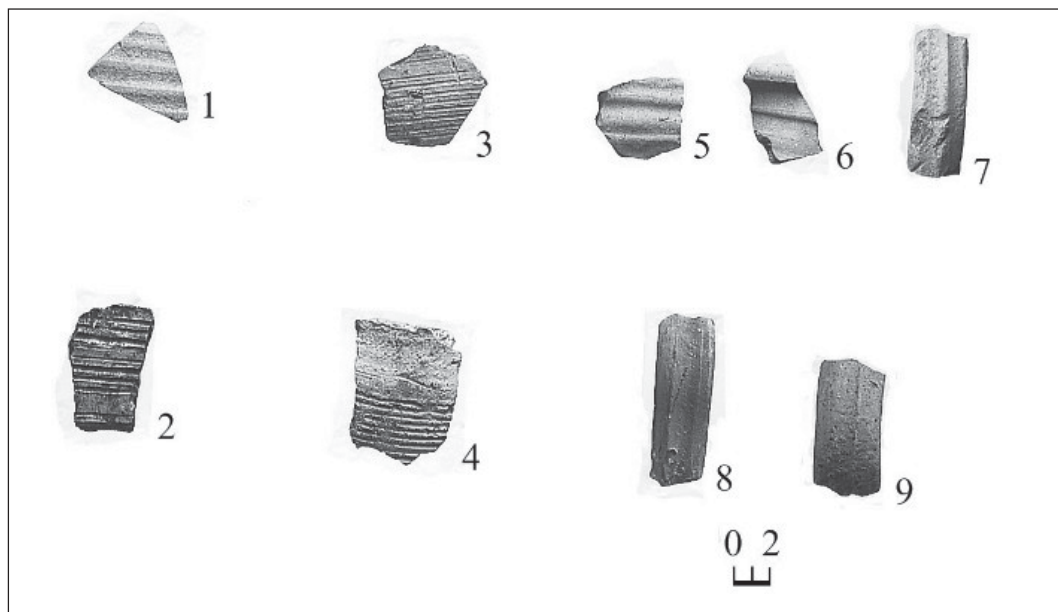

Рис. 13. 1–2 – Поселение Державино III (Талис, № 16; Веселов, № 435). Фрагменты керамики (фото Д. Л. Талиса). 3–4 – Поселение между ст. Пресноводная и с. Зеленый Яр (Талис, № 17; Веселов, № 428, 429). Фрагменты керамики (фото Д. Л. Талиса). 5–9 – Поселение между ст. Пресноводная и с. Зеленый Яр (Талис, № 19; Веселов, № 431). Фрагменты керамики (фото Д. Л. Талиса).

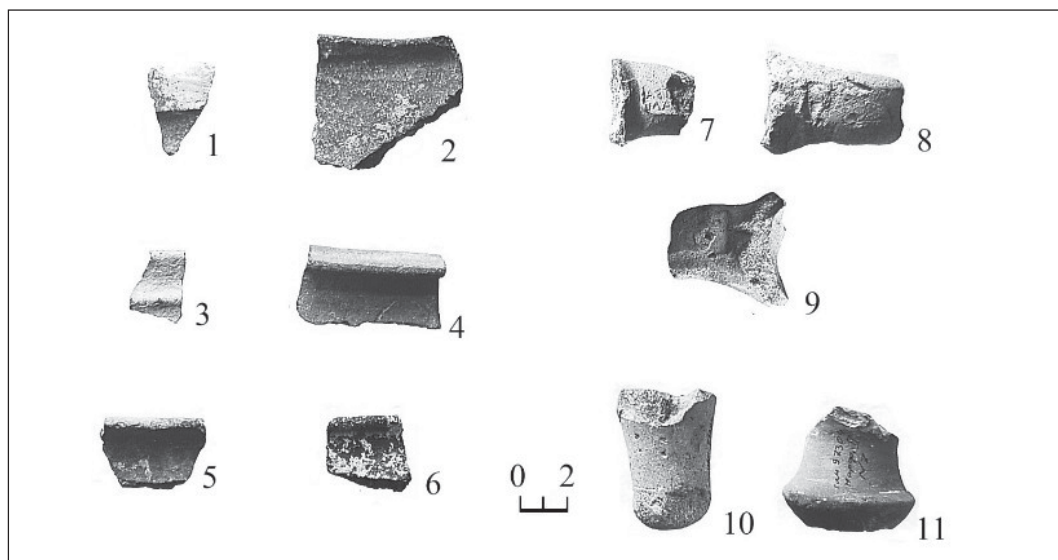

Рис. 14. 1–6 – Поселение Марфовка IV (Талис, № 21; Веселов, № 437). Фрагменты керамики (фото Д. Л. Талиса). 7–11 – Поселение Марфовка VI (Талис, № 22; Веселов, № 438). Фрагменты керамики (фото Д. Л. Талиса).

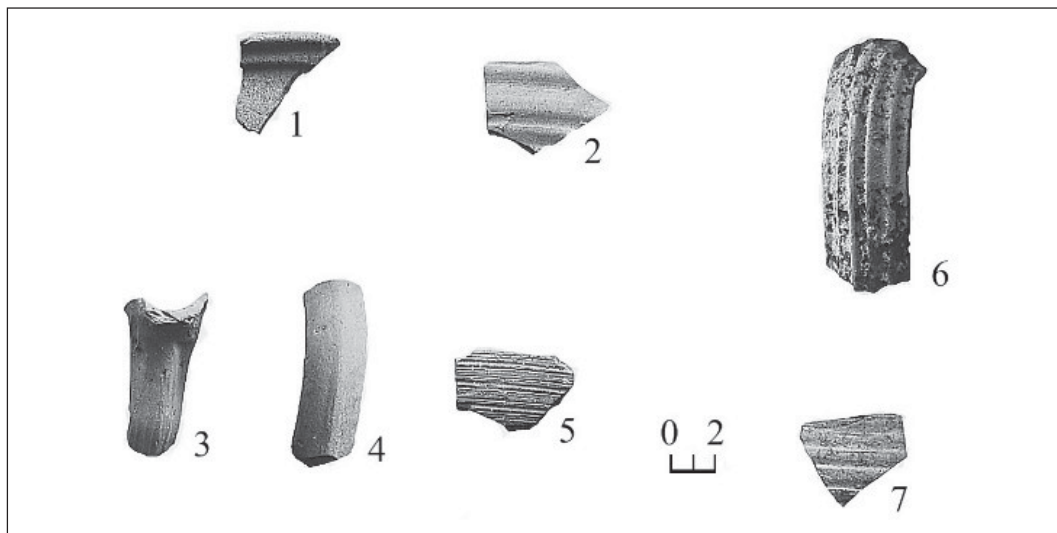

Рис. 15. 1–5 – Поселение Тамарино (Талис, № 25; Веселов, № 446). Фрагменты керамики (фото Д. Л. Талиса). 6–7 – Поселение Тамарино IV (Талис, № 26; Веселов, № 448). Фрагменты керамики (фото Д. Л. Талиса).

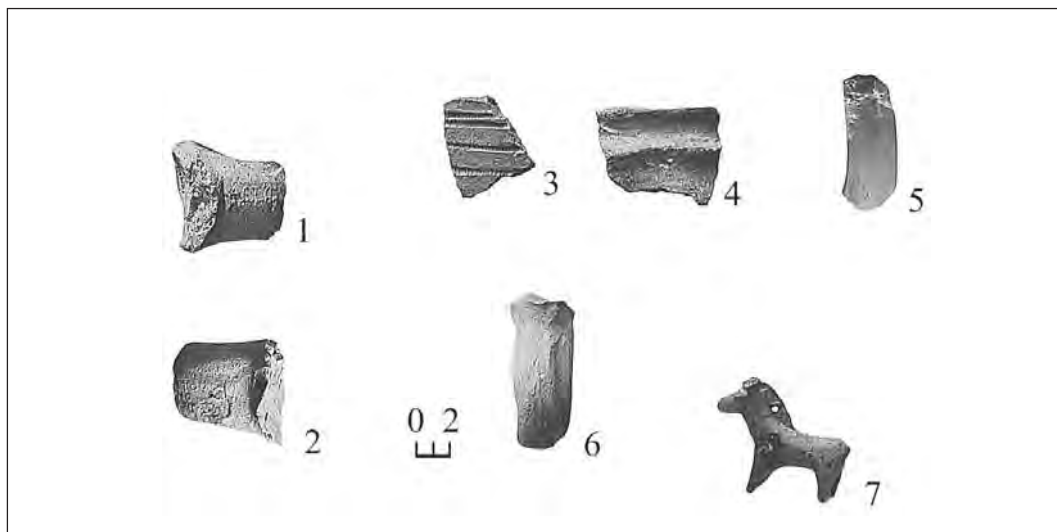

Рис. 16. 1–2 – Поселение Марфовка VII (Талис, № 30; Веселов, № 443). Фрагменты керамики (фото Д. Л. Талиса). 3–7 – Поселение Королево (Талис, № 32; Веселов, № 190). Фрагменты керамики и терракотовая статуэтка (фото Д. Л. Талиса).

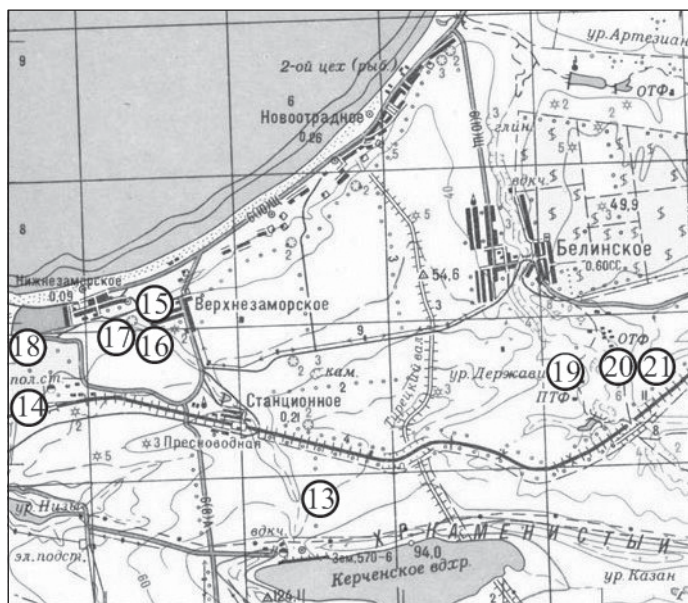

Рис. 18. Карта поселений. Северо-восточное побережье Казантипского залива (топографическая карта масштаба 1: 100 000).

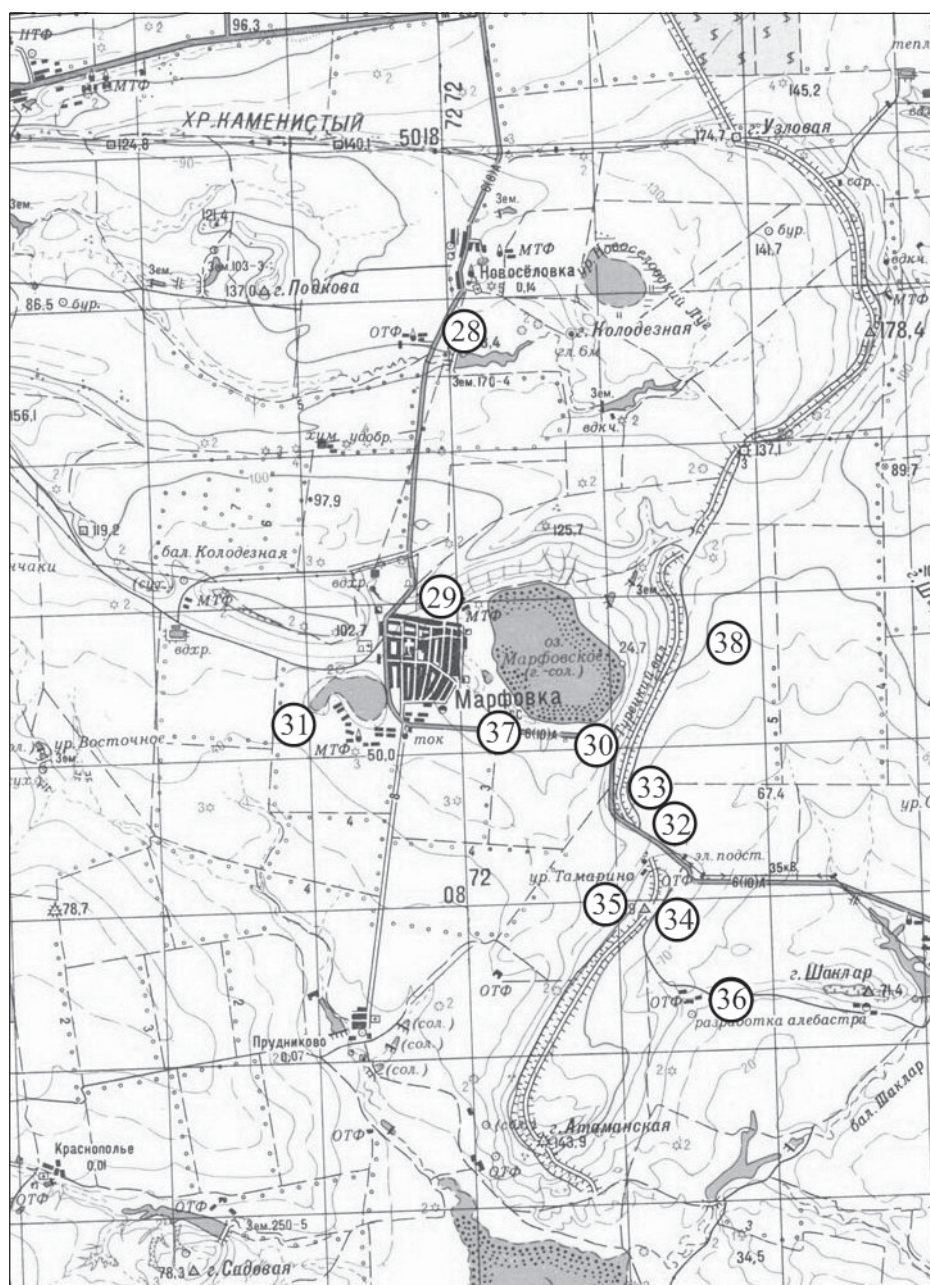

Рис. 19. Карта поселений. Окрестности с. Марфовка (топографическая карта масштаба 1: 100 000).

Рис. 20. Карта поселений. 1 – Окрестности с. Фронтное и бывшего с. Птичное; 2 – Окрестности с. Калиновка; 3 – Окрестности с. Королево (топографическая карта масштаба 1: 100 000).

С.Б. БУЙСЬКИХ

ТРИ ПРИГОРЩІ ЗЕМЛІ НА МОГИЛУ АРХЕОЛОГА (пам'яті В.В. Рубана)

*«У всякого своя доля
І свій шлях широкий –
Той мурує, той руйнує...»*

Т.Г. Шевченко «Сон»

Два різновиди людської долі з давнього Шевченкового спостереження (чи може – застереження?) чудернацьким чином переплелися в долі відомого українського археолога Володимира Рубана (фото 1), бо за своє, на жаль, не дуже довге життя він багато і мурував, і руйнував одночасно. Мурував – дотепні наукові гіпотези, цікаві незаїжджені ідеї (приголомшуючи колег новизною), напрочуд стрункі побудови, що ґрунтувались на ретельно перевірених фактах, глибокому знанні джерел і літератури, чіткому датуванні, бездоганній системі аналогій, а водночас – майже свідомо руйнував свою наукову кар'єру, абсолютно не піклуючись про своє «становище у суспільстві», наче навмисно гальмував просування по службових сходах і, врешті-решт, так недбало (або необережно) обійшовся зі своєю долею, що вона цього не простила і надовго (щоб не сказати – назавжди) взагалі відвернула його від науки. Останнє, правда, – не без відверто заздрісно-мстивої «допомоги» тих, від кого безпосередньо залежало його становлення та ріст як вченого ...

Так само, як свою професійну археологічну долю, він (і не раз, і не два!) одночасно мурував і руйнував своє особисте та родинне життя ... Від Бога він був наділений багатьма обдаруваннями – вільно володів десятима (!) іноземними мовами (включаючи давньогрецьку и латину), добре грав на багатьох музичних інструментах, гарно малював і креслявив, був людиною талановитою, непересічною (а через те, звісно, не зовсім простою і зрозумілою для навколишньої сірої, а то й підлої посередньості). Походячи з давнього козацького роду Рубанців-Рубанів, був він особистістю волелюбною, гордовитою, гоноровою та амбіційною, часто швидкою на висновки, іноді незлагідною та бурхливою в деяких своїх висловах та вчинках.

На превеликий жаль, пишу в минулому часі «був», бо нещодавно (9.11.2010 р.) він раптово залишив земний світ – недозрозумілим, недооціненим, навіть і на половину не використавши свій потужний інтелектуальний потенціал, та не зайнявши те чільне місце у нашій науці, на яке він дійсно заслуговував. І це дуже й дуже прикро ... Але через ці обставини ми навряд чи маємо право на його забуття. У таких непоправно зламаних долях завжди є не тільки своя, але зізнаємося чесно, – й наша провина і драма, що відображено у відомій

народній приповідці: «Що маємо – те не бережемо ...». «Лише після його смерті стало зрозумілим яку втрату всі ми понесли», – написав мені (лист від 15.12.2010) після Рубанових сороковин наш спільний друг Валерій Урсалов. Так воно й є...

І як би мені жагуче не боліло як людині і другові від відчуття незворотної незамінності для мене того, хто пішов, я все ж усе більше відчуваю й бачу і як давній колега та соратник В.В.Рубана (фото 2), і просто як фахівець з 40-річним уже досвідом ту глибоку порожнечу, що утворилася після його смерті в нашому антикознавстві. Саме тому я хочу порушити традиції складання некрологів і почати цю поминальну статтю не з біографічних відомостей, а зі спроби бодай хоч приблизно (в найголовніших рисах) осягнути значення того, що Володимир Рубан полишив нам у спадок, тобто якими ідеями, досягненнями, відкриттями був позначений його непростий (можна сказати - драматичний), але яскравий творчий шлях у науці.

Почну з його невтомної польової діяльності, бо польовиком (а особливо – розвідником) він був, що називається від Бога. Прекрасно відчував особливості кожної пам'ятки, добре «бачив» землю і навіть – крізь землю. В цьому плані, перш за все, треба відзначити здійснення ним на чолі загону МКМ у 1973-1978 рр. ретельного та поглибленого обстеження правобережжя Бузького лиману, що охопило не тільки вузьку прибережну смугу, але й значні ділянки степового простору [Крыжицкий и др., 1980, с. 3-4, прим. 4].

В результаті його самовідданої і копіткої праці було відкрито масу нових археологічних пам'яток різного часу (зокрема багато поселень ольвійської хори), визначено їхню хронологію, встановлено етнокультурну належність та внутрішню структуру. Особливо слід відмітити багаторічні рекогносціровочні роботи В.В. Рубана з пошуку та ідентифікації античних пам'яток різних типів у районі Волоської коси, уроч. Чортуватого, уроч. Дідова Хата, селищ Парутино, Кателіно, Козирка Очаківського р-ну та Старої і Нової Богданівок, Малої і Великої Корених, Варварівки Миколаївського р-ну [Крыжицкий, Буйских, Отрешко 1990. с. 26-32, 55-63] та розкопки поселень архаїчного та класико-елліністичного часу – Чортувате-2, 7 (рис. 3); Козирка-2; Дідова Хата-1 [Крыжицкий и др. 1989, с. 8; Treister, Vinogradov, 1993, P. 537].

В ході цих робіт В.В. Рубан вперше у вітчизняній польовій античній археології застосував метод детального дослідження мікрорельєфу. Це дозволило досліднику виявити принципово нові, раніше невідомі типи античних пам'яток не тільки у Нижньому Побужжі, а й усьому Північно-Західному Причорномор'ї, а саме, сільські агломерації, колективні та індивідуальні садиби, пастуші стоянки, риболовецькі стани, сезонні пункти металообробки та ін. [Рубан 1985, с. 36-39]. З іншого боку цей метод дозволяв ще до розкопок визначати загальну площу пам'ятки та її внутрішню структуру аж до розташування приміщень в окремих будівлях. Це прекрасно підтвердили

розкопки В.В. Рубана в уроч. Дідова Хата у 1976-1978 рр. Саме йому [Рубан, 1976] належить честь першого відкриття тут (а згодом і в інших мікрорегіонах Нижнього Побужжя) античних ольвійських сільських садиб [Марченко, 1984, с. 44; Отрешко, 1986, с. 322; Kryjickij, Bujskih, 1990, Р. 277, fig. 4; Buyskich, 2006, Р. 124-125], до того відомих у Північному Причорномор'ї лише на сільських округах Херсонесу та Боспору.

Вивчення археологічно вцілілих форм давнього розселення В.В. Рубан вважав неодмінним атрибутом повного відтворення конкретної історичної картини [Рубан 2009, с. 147]. Через це він багато часу зі своїх польових та кабінетних штудій присвятив отриманню та введенню до наукового обігу все нових і нових джерел, що характеризували специфіку античного аграрного розселення на території Нижнього Побужжя в I тисячолітті до н.е. Саме ним на обширному історико-археологічному матеріалі була розроблена типологія та класифікація античних населених пунктів і досліджені системи аграрного розселення на хорі Ольвії догетського часу, а також детально розроблені й обґрунтовані археологічна хронологія та періодизація основних етапів історії античних сільських поселень Нижнього Побужжя VI-I ст. до н.е. і особливо ранніх пам'яток епохи колонізації на ґрунті розробленої ним класифікації хіоських амфор (1982).

Не можна не сказати і про розробку та впровадження ним в науку метода стратиграфічного виключення (1990). Він полягає в співставленні кераміки діахронних пам'яток, що дозволяє весь масив визначеної категорії археологічного матеріалу розділити на більш компактні хронологічні групи, що відповідають окремим етапам еволюції керамічної тари. Використовуючи цей метод, В.В. Рубан розробив детальні хронологічні та класифікаційні шкали для двох типів амфор VII-V ст. до н.е. – червоноглиняних з конічними ніжками (1990) та мілетських (1991), які до цього вважались «не підйомними» для дрібного датування. Від того часу жодна розвідка з хронології пам'яток та класифікації кераміки архаїчної доби Північного Причорномор'я у нашій науці не обходиться без цих трьох, присвячених грецьким амфорам, методично бездоганних праць В.В. Рубана.

Не кожен археолог відчуває радість або принаймні охоту корпіти не над унікальними знахідками, а над простим керамічним матеріалом, тим паче – масовим. В.В. Рубан же матеріал любив, цінував і завжди намагався одержати з нього максимум інформації. Чимало статей він присвятив питанням хронології окремих вузлових пам'яток ольвійської хори, зокрема – Ягорлицького поселення (1980, 1983), Козирки-2 (1979), Чортуватого (1981), Дідової Хати (1978), що базувались на доскональному опрацюванні керамічного матеріалу з їх розкопок. Він міг примусити говорити, здавалося б, рядовий матеріал з невеликого розкопу чи шурфу на хорі, та так, що мова йшла на рівні вирішення проблем її історичного розвитку. І це не

перебільшення, це просто об'єктивна оцінка рівня його мислення як дослідника.

Ще треба неодмінно сказати: багато того, що пов'язане з ім'ям В.В. Рубана і що увійшло, завдячуючи йому в науку, здебільшого мало якісну позначку «вперше» і було суттєвим внеском в розробку наукових уявлень про час, причини, рушійні сили, характер і наслідки грецької колонізації Північного Причорномор'я,¹ становлення і історичний розвиток Ольвійського поліса та його хори, основні риси їхньої матеріальної та духовної культури. Окрім того, що вже було сказано – це, зокрема: 1) розробка докладної схеми періодизації іонійського колонізаційного руху в межах усього Понтійського басейну архаїчного періоду; 2) монографічне дослідження динаміки територіального розвитку Ольвійської держави впродовж догетського часу (VI-I ст. до н.е.), в якому на основі детальної розробки хронології керамічних комплексів та нумізматичних джерел з хори В.В. Рубан виділив дев'ять окремих періодів, в результаті чого були внесені відчутні уточнення та корективи в періодизацію історії Ольвійського полісу загалом; 3) обґрунтування нового методу вивчення міграційних процесів і демонстрація їхньої ролі в історії Ольвійського полісу та його метрополії – Мілету; 4) доведення на конкретних прикладах значення системного підходу у вивченні археологічних структур, що становили собою залишки держав полісного типу, зокрема, здійснення вперше в історіографії порівняльного дослідження процесу протікання колонізації і виникнення грецьких полісів у Нижньому Побужжі (Ольвія) та Північній Добруджі (Істрія); 5) встановлення основних етапів і характеру історії грошового обігу на території Нижнього Побужжя в доримський час, оригінальне вирішення проблеми походження так зв. монет-стрілок та дельфіноподібних монет; 6) розробка концепції існування валютного союзу між іонійськими полісами західної частини Понта Евксинського в VI ст. до н.е.; 7) розробка типології систем античного розселення, виділення типів античних міст та інших населених пунктів на території грецьких полісів Північно-Західного Причорномор'я; 8) здійснення детальної комплексної реконструкції історичного розвитку ольвійської хори IV-III ст. до н.е. в територіальному, хронологічному, структурному, етнокультурному та соціально-політичному аспектах; 9) здійснення ретельної класифікації агораномних клейм з Ольвії і встановлення функції діяльності ольвійської колегії агораномів та її кількісного складу з IV ст. до н.е. впритул до кінця римського (імператорського) періоду; 10) висвітлення багатьох важливих аспектів матеріальної та духовної культури і соціальної історії населення сільської округи Ольвії на основі досконального вивчення і одержання максимальної інформації лише з однієї

¹ Докладніше про внесок В.В. Рубана в наукову розробку питань, пов'язаних з грецькою колонізацією Північного Причорномор'я, див. – [Буйских, 2009, с. 532-538].

категорії знахідок (зокрема – ліпних кратерів (1980) чи фіміатеріїв (1984), або навіть однієї знахідки, а саме – енгліфічного клейма (1976), ливарної форми (1979), свинцевої аплікації (1982) тощо); 11) реконструкція північної оборонної лінії в системі фортечних споруд Ольвії та простеження її еволюції в класичний та елліністичний періоди (2009).

Цей список можна було б продовжувати й далі, але думаю, що цього вже досить, аби зрозуміти, якого рівня вченим був В.В. Рубан. Теми, питання, проблеми, яких він торкався, – дуже різнобічні, але вирішення їх було завжди однаковим: неспішним, виваженим, ретельним, ґрунтовним, якісним. І я б ще додав – красивим, або шармним. І це стосується як текстової частини його друкованих праць, так і ілюстративної, яку він, використовуючи свій природний дар, дуже вишукано завжди робив сам. Спектр його наукових інтересів був дуже широким. Його цікавили питання античної історії, екістики, нумізматики, епіграфіки, керамології, релігії, архітектури, мистецтва, військової справи та ін. І в кожній з цих сфер він почував себе вільно. На момент захисту кандидатської дисертації (1989) В.В. Рубан мав у своєму активі 44 наукові праці, що вийшли друком протягом 15-ти років його інтенсивної праці в археологічній науці.

Не дивлячись на відносно молодий вік, його в цей час не просто помітили, а щиро і заслужено поважали, з ним охоче радилися, з його думкою рахувалися, з ним спілкувалися та листувалися багато відомих вітчизняних і зарубіжних колег, зокрема, О.І. Леві, Т.І. Фармаковська, І.Т. Кругликова, П.О. Каришковський, Д.Б. Шелов, А.О. Білецький, О.Д. Лордкіпанідзе, Ю.Г. Віноградов, О.М. Щеглов, О. Вонсович, П. Александреску, Дж. Бордман, П. Дюпон, О. Коновичи та ін.

Здавалося б, далі на нього чекали ще більші висоти, щаблі, рівні в його дослідницькій діяльності, нові сміливі ідеї, цікаві відкриття, гарні знахідки. Але – не судилося ... У 1989-1991 рр., на підйомній післязахисній хвилі, в нього з'явилося ще сім статей і публікацій сталого «рубанівського» рівня, а далі, майже на двадцять років, ім'я В.В.Рубана (як відрізало!) зникло зі шпальт видань з античної археології, з програм наукових конференцій та симпозіумів, зі списку заявок на Відкриті листі для нових польових сезонів. Що ж трапилося? Чому так сталося? Заглянемо тепер в його біографічні нетрі...²

Народився Володимир Рубан 11 січня 1950 р. в с. Мала Корениха (в міській смузі м. Миколаєва). Від батька – Володимира Олексійовича (1911-1979) – майстра-столяра - успадкував велику фізичну силу і любов до праці, від матері –

² Користуючись нагодою, висловлюю щиро подяку Т.В. Ковальчук, В.М. Урсалову та І.О. Снитко за надання важливих документів та матеріалів до біографії В.В.Рубана та К.П. Бунятян, О.М. П'ятаковій, І.Г.Тарасенко, О.Г.Кузьміщеву за дружню допомогу і слушні поради при підготовці цієї статті до друку.

Поліні Омелянівни (1918-1992), сільської вчительки, мабуть, одержав відчутний хист до історії та іноземних мов. Ще зі шкільної пори захопився стародавньою історією, старожитностями Північного Причорномор'я, брав участь у «дорослих» археологічних експедиціях – у А.В. Буракова в Козирці, у Л.М. Славіна в Ольвії, у В.В.Лапіна на Березані. Ще школярем був навіть прийнятий до Одеського Товариства історії та старожитностей (1966). Але...

Цих «але» згодом буде дуже багато в його біографії. Отож, але після школи (яку він, до речі, закінчив з золотою медаллю)³ Володя вирушив не на істфак, а у 1967 р. вступив на факультет романо-германської філології Одеського університету, *але* закінчив там тільки три курси. У 1970 р. за сприяння проф. П.О. Каришковського, якого В. Рубан вважав своїм найголовнішим вчителем та наставником у вивченні античних старожитностей Надчорноморщини, він перевівся на історичний факультет того ж вузу. І знову «але» – в цей момент втрутилась його примхлива доля і на два роки закинула його до горезвісного радянсько-армійського «стройбату». Мабуть варто сказати, що він мав можливість уникнути цього, але коли йому запропонували надійну «відмазку», обурився: «А як я потім хлопцям буду в очі дивитися? Чим я кращий за них?». І чесно пішов служити.

Після армії (яка дуже виснажила його і фізично, і психологічно), у 1972 р. Володя повернувся до alma mater, *але*, щоб мати більшу можливість проводити самостійні розвідувально-розкопачні роботи в Побужжі – з денного відділення істфаку перейшов на заочне і закінчив університет тільки у 1978 році. У ці роки (1972-1978) В.Рубан устиг попрацювати і реставратором у Миколаївському краєзнавчому музеї, і лаборантом Інгільської та Ольвійської експедицій, і художником у конструкторському бюро Миколаївського облмісцевпрому. А весь свій вільний час, починаючи з 1973 р., віддавав самостійним розвідкам, розкопкам і дослідженню мікрорельєфу античних пам'яток Миколаївщини та Очаківщини. Був обраний в бюро секції археології Миколаївської обласної організації Товариства охорони пам'яток, а також головою секції археології відділку цієї організації по Миколаївському району.

У червні 1978 р. Володя одержав університетський диплом, а в жовтні вже складав іспити до аспірантури Інституту археології у Києві, *але* ... Він набрав рівну кількість балів з конкурентами, що вступали до інших відділів, *але* зарахували чомусь не його, а їх ... Аналогічна ситуація повторилась і наступного, 1979 року, коли В.Рубану знов відмовили в аспірантурі. За нього вступилася Рада молодих вчених Інституту, звернувшись за допомогою до член.-кор. АН УРСР С.М.Бібікова. Сергій Миколайович підготував тоді листа до Президії (в якому характеризував В.В. Рубана як молодого й дуже здібного та вдумливого

³ Про це він не повідомив приймальню комісію і складав вступні іспити нарівні з іншими (вчинок сучасного «рубанивського» стилю!).

дослідника) з проханням виділити додаткове місце в аспірантурі для нього. Паралельно історію з В.Рубаном прокоментувала редакція молодіжної газети статтею з промовистою назвою «Рифи аспірантури».

І в підсумку все це допомогло! Президія Академії наук надала В.Рубану можливість навчатися в аспірантурі – спочатку в заочній, а згодом – в очній. Пристрасті постихали, всі сторони залишилися задоволеними. Здавалося, життя налагодилось. Улітку Володя віддавався улюбленій польовій роботі, восени-взимку ходив на заняття, сидів в бібліотеках та архівах. І, було видно, з вогником працював над текстом дисертації, малював до неї таблиці ілюстрацій.

За півроку до закінчення аспірантури йому була надана характеристика, в якій, зокрема, вказувалося: «В.В.Рубан – фахівець в області античної проблематики, що займається питаннями грецької колонізації, розвитку полісів, дослідженням низки категорій матеріальної культури. За цією темою ним опубліковано 32 наукові статті загальним обсягом близько 20 д.а. Він неодноразово приймав участь в роботі наукових конференцій з доповідями та повідомленнями. Нині він завершує роботу над дисертацією «Основні етапи просторового розвитку Ольвійського поліса».

Це було наприкінці червня 1982 р., і здавалося, що у В.В. Рубана, як ні в кого, захист пройде без жодних проблем, а, можливо, ще й в межах часу аспірантури, або ж відразу по її закінченню. Але ... Ніхто навіть не міг припустити того, що сталося потім. На початку жовтня на ім'я тодішнього директора інституту І.І. Артеменка від В. Рубана надійшла телеграма, яка приголомшила весь інститут, а 4 жовтня на його стіл лягла заява: «Прошу відрахувати мене з аспірантури, оскільки затверджена мені тема за обсягом і широтою проблематики не може бути виконана в межах кандидатської дисертації. В. Рубан».

І його відраховували ... Парадокс же ситуації полягав у тому, що Інститут був невдоволений колишнім аспірантом, який вчасно не написав дисертації, а аспірант був невдоволений тим, що він цю дисертацію ... написав (!). Але, вона його просто в такому вигляді не влаштовувала! Що ж було потім? Лихі язики пащекували, що Рубан більше ніколи не повернеться в археологію, що він швидко декваліфікується, працюючи вчителем сільської школи (це було у 1982-1988 рр.), ніколи не захиститься, зіп'ється та ще щось подібне.

Але В.Рубан відповів на це активною польовою роботою, участю з ґрунтовними доповідями у наукових конференціях найвищого рангу та цілою низкою першокласних статей, дві з яких – «Проблемы исторического развития Ольвийской хоры в IV-III вв. до н.э.» (ВДИ, 1985, № 4) та «История денежного обращения на сельской территории Борисфениды и Ольвии догетского времени» (ВДИ, 1986, № 4) разом з його розробками по хронології та класифікації амфор архаїчної доби увійшли до золотого фонду вітчизняної

історіографії з античної археології Північного Причорномор'я [Безрученко 1991. с. 25, 32-33] і досі вражають своєю науковою довершеністю.

Вінцем цього став блискучий захист В. Рубаном кандидатської дисертації в лютому 1989 р. Йому опонували на захисті Д.Б. Шелов та І.Р. Пічікян, які обидва у своїх виступах наголошували на тому, що робота В.В. Рубана має докторський рівень через її актуальність, використання нової методики досліджень і насиченість новим матеріалом і має бути опублікована якомога раніше. Але ... Забігаючи вперед відразу скажемо, що не опублікована вона й досі ...

Після захисту В. Рубану запропонували роботу в заповіднику «Ольвія», та деякий час він там працював. Ми тоді ще з В.М. Отрешком і заздрили йому по-дружньому, і раділи за нього, бо здавалося, що наш колега і друг вдало влучив у двох зайців відразу – і улюблені пам'ятки хори поруч (завжди можна подивитись, що там і як) і в заповіднику набагато краще, ніж у Києві (ніхто не буде відволікати від творчості – сиди собі й строчи монографії чи статті). Спочатку так воно й було. Декілька статей Володя в Ольвії дійсно написав. А потім ... І знову, і знову, в котрий раз мушу сказати оте колюче «але»! Але ... Далі пішов якийсь незрозумілий збій ... Чи то нова Володіна дуже «розумна» пасія (зовсім не перша і далеко не остання) налаштувала його хворобливе самолюбство на бій з неіснуючими вітряками, чи то революційна атмосфера перебудови з її переоцінками і запереченнями всього пробудила в ньому гени козацької гордоти, чи то йому, може, дійсно помесіанські вірилося, що він сам-один спроможний справитися з усіма недоліками, недоречностями, зловживаннями, безладом, інтригами тощо і в заповіднику, і в експедиції, і в регіоні, і в науці, і в країні, і в світі? Не знаю ...

Він тоді, як міг, уникав спілкування. Весь час щось і комусь доводив, кудись писав, звертався, жалівся, обурювався, звинувачував... На науку ж часу не залишалось. А на всі наші схвильовані й здивовані запитання, – що з ним коїться, – відповідав: «Зачекайте! Ось правда візьме гору, тоді й займемося наукою по-справжньому». Лише через багато років в одному з листів до мене він розповів, що, окрім всього іншого, він хотів тоді навести лад у сфері охорони пам'яток археології Прибужжя, але зробити це йому не дали. «А тепер душа болить, що у всіх на очах так зв. «скарбошукачами» знищуються пам'ятки Ольвійської хори, на відкриття яких разом (на жаль, вже з покійними нашими соратниками) ми поклали свої найкращі роки» (лист від 3.03.2003 р.).

Так чи не так, та все ж мені здається, що в розпалі тієї давньої «війни» Володя, зовсім не думаючи про наслідки, ненароком торкнувся чогось такого, чого не можна було торкатися і зачепив «за живе» когось, хто йому цього ніколи не пробачив. А наслідки були фатальними для нього – як для людини і як для фахівця. Йому просто перекрили в археології «кисень» – не брали на роботу, не давали Відкритого листа, не друкували, забороняли запрошувати на конференції, щедро розповсюджували про нього усілякі нісенітниці тощо.

Спочатку він протестував, доказуючи свою правоту, хоч важко, але пробивав (на початку 90-х рр.) свої публікації, працював у бібліотеках, продовжував виписувати часописи та нові книжки, намагався активно спілкуватись (зокрема через листування) з деякими вітчизняними і зарубіжними колегами, гостював в експедиціях друзів, допомагаючи їм в роботі, *але ...* Але, як влучно колись висловився відносно схожої ситуації О.І. Солженіцин – «бодалося теля з дубом ...». Треба було якось жити, виживати, існувати, і він відступив.

Відступив, але не здався. Тимчасово пішов з археології (хоч ніколи не поривав думкою з нею і не полишав хай і не таких систематичних, як раніше, а все ж занять нею), *але* знайшов для своєї непосидючої душі інший творчий терен – всерйоз захопився журналістикою. Тут він міг вільно висловлювати й пропагувати свої погляди на археологію та історію (і стародавню, і новітню), гостро ставити нагальні питання охорони пам'яток, розповідати про славні часи козаччини та історію заселення краю у XVIII-XIX ст., публікувати цікаві розвідки з різних аспектів історії та культури України. Зі слів І.О.Снитка (лист від 15.01.2011 р.), В.В. Рубан опублікував більш ніж 500 репортажів, статей, заміток, нарисів тощо. І його активна та плідна журналістська діяльність не лишилась марною.

Наприкінці 90-х рр. його було прийнято до Спілки журналістів України. Щоправда, в одному з листів він дуже самокритично та гірко зізнавався мені: «Після того, як мене виперли з археології, я потрапив до журналістики. І хоча в мене на руках тепер всілякі там посвідчення, журналіста з мене не вийшло. Це – не моя справа. Я виріс на старожитностях» (лист від 22.05.2003 р.).

На початку нового століття одному з його давніх миколаївських приятелів прийшла в голову гарна ідея (кажуть, що допоміг у цьому В.М.Станко) запросити В.В.Рубана викладати давню історію в щойно створеному університеті «Україна». І після цього він буквально ожив! Окрім енергійної журналістської діяльності, він став ретельно готуватись до лекцій, спілкуватись і дискутувати зі студентською молоддю. Його знов стали бачити в читальних залах бібліотек, він всерйоз відновив заняття наукою, навіть (після величезної перерви) надрукував цікаву статтю (2003 р.) цілком колишнього «рубанівського» рівня.

На хвилі цих добрих змін у його житті йому запропонували написати (на щедрих гонорарних умовах) книгу «Перші гроші на території України», де лєвова частка мала бути присвячена античним монетам, і зокрема – ольвійським. А це ж був його хліб! Без зайвих розмов він з головою поринув у роботу, з якою пов'язував великі плани на майбутнє. За відносно короткий термін (два роки) він завершив фундаментальне монографічне дослідження, яке дуже схвально прорецензували фахівці. Хотілось тоді вірити, що людина нарешті здолала себе, ожила після жорстоких ударів долі, відшукала в собі сили розпочати нове життя і, головне, знайшла себе в ньому. *Але ...* і знову це кляте «але» ...

Йому не тільки не заплатили за роботу, а й, зволікаючи з публікацією, обидва примірники рукопису десь загубили (ще невідомо - випадково чи навмисно), а третій, не очікуючи на такий розвиток подій, В.Рубан собі не залишив. Цього він уже пережити не зміг. І, що називається, знову зійшов з рейок ... Якби була сім'я, а поруч – розумна кохана дружина, діти, онуки, можливо, він би (хай не відразу, а поступово) все ж оговтався б після чергового несподіваного й жорстокого удару, але на той час він був сам, наодинці лише із собою ...

Не кожна людина може витримати випробування самотністю. Багато сучасних психологів вважають, що життя без сім'ї губить людину, розлючує її, породжує в неї різні хворобливі і дуже небезпечні для особистості комплекси і часто-густо примушує топити свою розпуку, невпевність чи безпорадність у алкоголі, наркотиках, блуді чи ще в чомусь підступному та страшному ...

Як правильно написав про В.Рубана в листі до мене Валерій Урсалов: «Якщо б не сімейно-побутові проблеми і деякі негативні звички, він зробив би значно більше в археологічній науці» (лист від 9.03.2011). І перше – правда, і друге – болюча правда. Без надійної сімейної опори, в обіймах з великою (хоча і небезпідставною) образою на весь світ, в полоні нереалізованих життєвих і наукових амбіцій – він, мабуть, і сам не відчув, коли і як став поступово, але невідворотно опускатися ... Продав батьківську хату (і жити стало ніде), розпродав книжки зі своєї чудової бібліотеки (а частково й так розтягли), розгубив свої рукописи, документи, листування, фото, картотеки знахідок. Особливо шкода, що назавжди втрачені складені ним безцінні картотеки знахідок у Нижньому Побужжі античних монет і керамічних клейм. Це був незворотній рух особистості на дно життя ... І я з великим сумом і болем перегортаю ці передостанні сторінки з життя мого безталанного Друга.

...Лише після його смерті повністю відкрилася страшна правда, якими гіркими, самотніми і - можна сказати прямо - просто нужденними були останні роки його життя ... Бог зна, де і як він жив (чи ночував), чим (і за що) харчувався, в що одягався взимку, про що думав, на що надіявся. Взагалі, чи можна сказати, що він *жив*?

Все життя він шукав любові, розуміння й захисту, не раз створюючи нову сім'ю. Але ... Ці спроби, на жаль, ніколи не увінчувались успіхом. Вочевидь, свою Музу він так і не зустрів. Правда, кажуть, що в останній рік свого життя він знаходив притулок у якоїсь жінки на ім'я Людмила. Хай її Бог береже, цю християнську душу. Він їй за це віддячить – я певен.

До нас же, своїх найближчих друзів і колег, його природна гордість (що часто переходила в гоноровість і навіть погорду) за якоюсь допомогою звертатись на дозволяла. Він дистанціювався від «великої» науки та її носіїв. Рідко з ким з колишнього колежанського кола спілкувався. На мої запитання – як там в нього справи, завжди відповідав, - «та все добре». На запрошення приїхати до Києва

погостювати, говорив, що був би радий, але має багато роботи. На щирі дружні пропозиції допомогти йому грішми різко ображався: «Серж, ти з мене бомжа не роби, я на кусень хліба поки що сам собі можу заробити».

Але старій дружбі він був вірний до кінця! Одним з перших (якщо не перший!) він відгукнувся на мою ідею зібрати збірку пам'яті нашого друга й соратника по хорі Валерія Отрешка, хоча я довго не міг зв'язатися з ним, поки, врешті-решт, не відшукав його далеко від рідних прибузьких степів аж ... у Івано-Франківську, куди його закинула примхлива доля. «Зрозумій, – писав він мені, – я більше був не в змозі споглядати цю жахливу картину грабіжництва і руйнування хори та емігрував подалі від Миколаєва ... За останні роки довелося пережити таке, що ворогам не побажаєш ... Ти затіяв благородну справу, збираючи збірку пам'яті Вела. Треба буде обов'язково таку саму зробити і пам'яті Віссаріоновича [А.В. Буракова] ... Я зараз ніде не працюю. Живу випадковими заробітками журналіста. Пиши мені, Серж ... Для мене твій лист – особлива цінність: сто разів перечитав! Один Господь Бог знає, як я скучив і знудьгувався за археологією» (лист від 3.03.2003 р.).

До речі, саме в Івано-Франківську (після того, що сталося в Миколаєві) В.В.Рубан востаннє зробив спробу повернутися до науки, що говорить про те, що натурою він був все ж таки дуже енергійною і сильною. На цей раз він загорівся ідеєю видавати незалежний від офіційної науки «Український часопис класичних штудій» (українською та англійською), де б друкувались статті з проблем класичної (античної) філології, історії, археології, культури та мистецтва, потім «Вісник нумізматики та археології», але ... Потрібного розуміння і підтримки він тут не отримав і змушений був повернутися до Миколаєва, вже на все повністю і остаточно махнувши рукою ...

Згодом він, Володя Рубан, був одним з перших, хто не удавано щиро й палко зрадів довгоочікуваному виходу в світ збірки пам'яті В.М. Отрешка у 2009 році. Втім, на її презентацію до Києва він не приїхав ... Мабуть, посоромився чи свого занедбаного вигляду, чи непоказного вбрання, чи, цілком припустимо, закомплексував видатися відсталим на тлі сучасного наукового процесу в колі колег, з якими давно не спілкувався.

Його стаття в цій збірці [Рубан, 2009], як гірко з'ясувалося через рік, ставила символічну крапку, підбивала підсумок його діяльності в науці, бо більше з під його пера вже нічого не вийшло⁴...

В останні роки він часто дзвонив мені (як правило, з позиченої у когось

⁴ У Додатку до статі друкуються дві невеликі, раніше не відомі праці В.В. Рубана. Першу з них мені пощастило відшукати в архіві Ради молодих вчених Інституту археології НАНУ серед рукописних матеріалів III Республіканської молодіжної конференції (березень 1978), другу – в особистому архіві В.М. Отрешка, упорядкуванням якого я зараз займаюсь. Не зважаючи на те, що вони написані більше тридцяти років тому, аніскільки не втратили своєї наукової цінності та актуальності.

мобілки) десь з берега Бузького лиману: «Серж, ти чуєш, як хвилі розмовляють? Я тут на мисочку сиджу, палю та згадую Лазаря Мойсейовича [Л.М. Славіна], пані Фаню [Ф.М. Штітельман], Віссаріоновича [А.В. Буракова], Ярослава [Я.В. Доманського], бідного Вовку [В.М. Ключинцева], Вела [В.М. Отрешка] ... Ти ж пам'ятаєш, як запеклі інтригани робили все, щоб між нами не було єдності та усіх по черзі знищували. Лише ми з тобою, як останні могікани, на рідній хорі тепер й лишилися, і нам неодмінно треба триматись разом ...».

Так було й того разу – на початку листопада 2010 року, десь за тиждень до непоправної події. Володя зателефонував мені, дав послухати роздумливий гуркіт бузьких хвиль і раптом ... став просити вибачення за те, що колись у чомусь був не правий переді мною, Віссаріоновичем, Велом та іншими нашими побратимами. Я намагався зупинити це несподіване самобичування та втішити його, сказавши, що давні друзі – це не давні вороги, що я вже давно простив усім своїм друзям колишні образи, та додав, що всі ми свого часу робили дурні помилки, ціну і наслідки яких тоді не усвідомлювали, а розуміння того прийшло набагато пізніше.

Це його не переконало, і він став мене вмовляти, щоб саме зараз я особисто його простив. Що мені залишалось робити? Я відповів, що прощаю. Тоді він дуже зрадів, подякував мені і сказав, що планує незабаром приїхати до Києва і тоді нарешті про все-все-все докладно поговоримо ... Але ...

Але цьому, на жаль, не судилося бути. За тиждень Володі не стало ... Тепер ось думаю – можливо, щось він тоді передчував, свідомо чи підсвідомо, коли дзвонив мені ?..

Та ніхто про це вже ніколи не дізнається ... Так само, як ми вже, мабуть, ніколи не дізнаємось, як і за яких обставин власне помер Володимир Рубан, бо й після смерті його ім'я (як і за життя) продовжує вирувати у колі світлих і темних легенд, міфів, балачок, напівпліток, напівправд, напівздогадок, натяків і т. ін. Дехто, наприклад, озираючись каже, що начебто, міфічний «хтось» міг зводити з Рубаном рахунки і що, начебто, була якась сварка, в якій Володю побили (чи навіть забили). Свідків, правда, у цих «всезнайок», як годиться – немає.

Інші ж, навпаки, впевнено стверджують, що все було зовсім інакше: Володя зустрів смерть на березі лиману, десь неподалік від одного з поселень ольвійської хори, колись знайденого і згодом розкопуваного ним. І така смерть як для археолога-польовика видавалася б мені цілковито логічною, знаковою, навіть піднесеною. Достеменно, на жаль, невідомо чи так насправді було. Але можу засвідчити (тут вже як очевидець), що момент його поховання дійсно мав якийсь епічний характер.

На мою думку, якби доля В.В. Рубана склалась інакше, в далекому своєму старезному майбутньому він заслуговував би на урочистіші і гучніші похорони – з палкими прощальними промовами, міднотрубним оркестром,

натовпом колег, соратників, учнів, морем вінків і квітів на якомусь привілейованому столичному цвинтарі ... Насправді ж все відбувалось на непишному околичному сільському кладовищі біля стрімкого берега Південного Бугу, і проводжали його в останній путь лише його сільські родичі та зовсім невеликий гурт найближчих друзів і колег – Василь Нікітін, Валерій Урсалов, Віктор Фоменко, Ігор Смирнов, Іван Снитко та я ... Але!

Коли після відспівування в невеликій сільській церковці Божої Матері ми принесли Володю на кладовище, всіх нас пронизала несподівана і, на перший погляд, зовсім недоречна думка. Велика, широка й глибока свіжовирита Володіна могила (неподалік від могили матері) чомусь нагадала нам ... закінчений, бездоганно зроблений археологічний шурф або невеличкий розкоп. Зверху, під ще зеленою, не дивлячись на листопад, травою в борту було видно тонкий прошарок сумного чорного гумусу, далі йшла стрічка сіро-попелястого культурного шару (можливо, сліди одного з багатьох античних поселень в районі с. Мала Корениха, чи залишки старої частини села), а нижче – якимось святково виблискував на останньому осінньому сонці – чистий янтарно-медовий лес, (де-не-ніде поцяткований маленькими кристаликами білогозаски) з таким знайомим для усіх нас і пахучим запахом сиріої глини.

На наших очах Володя мав піти в цей ґрунт, у землю, на якій він народився, жив, по якій ходив, яку досліджував, яку шанував і любив, як матір. І вона прощалась з ним, як зі своїм сином, приймаючи його до себе так щиро, як тільки могла. Мені це здалось дуже символічним і хоч трохи утішило в цей заповнений глухою скорботою день.

Мало схожий на себе живого, Володя смиренно лежав в труні на купі виритого ґрунту як боець після виснажливого жорстокого бою, що зробив усе, що міг, для перемоги, але загинув в нерівному поєдинці зі своєю норовливою долею. Він мовчки прощався з нами, і ми прощалися з ним так само мовчки і безслізно, як і повинно бути серед справжніх чоловіків.

І ось настав момент, коли труну опустили на дно останнього Володіного шурфу. Кожен з нас, як водиться, набрав і кинув туди по три традиційних пригорщі землі. Три пригорщі землі на могилу археолога ... Ні, не так! Три маленькі крихти землі на могилу великого археолога, бо попри все, він дійсно був ним, і Господь тому свідок.

Кидаючи першу пригорщу, я попросив у Володі вибачення за те, що ми недооцінили його, не долюбили і, саме болісне, не врятували, хоча, напевне, й могли б. Кидаючи другу - я щиро подякував йому за те, що він був у моєму житті – як Друг, як колега, як однодумець, як побратим, як споборник по «ольвійському братерству» і нашим роботам на хорі. Кидаючи третю - я побажав довгоочікуваного спокою його бентежній душі та гарного спілкування в піднебессі з усіма нашими вчителями, колегами і друзями, що вже давно пішли за обрій ...

Йдучи з кладовища, я думав: «Ми часто нарікаємо на те, що справжні непересічні особистості з кола нашої інтелектуальної еліти (чи то в мистецтві, чи то в літературі, чи то в науці) лишились десь у далекому минулому, в якійсь там «золотій» чи «срібній» добі XIX – початку XX століть. Але, може бути, справа зовсім не в катаклізмах часу, не в здрібненні культури, не в змізеринні людських талантів, а нерідко в нашій, дійсно злочинній байдужості та неувазі до тих, хто живе, творить і страждає поряд з нами»?..

Доля Володимира Рубана – видатного археолога та особистості небуденного масштабу – досить яскравий і гіркий тому приклад.

ЛІТЕРАТУРА

- Безрученко И.М. Основные итоги изучения истории и культуры Ольвии и ее округи (1980-1989)//Проблемы истории и культуры Северного Причерноморья в античную эпоху. – М., 1991. – С. 11-33.
- Буйских С.Б. Сложение, принадлежность и ранние этапы развития античной хоры в Нижнем Побужье. Ч. II. // БИ. – Вып. XIX – Симферополь-Керчь, 2009. – С. 521-565.
- Крыжицкий С.Д., Бураков А.В., Буйских С.Б., Отрешко В.М., Рубан В.В. К истории ольвийской сельской округи // Исследования по античной археологии Северного Причерноморья. – К., 1980. – С. 3-18.
- Крыжицкий С.Д., Буйских С.Б., Бураков А.В., Отрешко В.М. Сельская округа Ольвии. – К., 1989.
- Крыжицкий С.Д., Буйских С.Б., Отрешко В.М. Античные поселения Нижнего Побужья (археологическая карта). – К., 1990.
- Марченко К.К. Поселения античного времени на территории Нижнего Побужья // АГСП. – М., 1984. – С. 40-44.
- Отрешко В.М. Хора Ольвии // Археология УССР. – Т. 2. – К., 1986. – С. 317-329.
- Рубан В.В. Открытие античных усадеб на территории ольвийской хоры // ЕПРНН. XI Междунар. конф. античников соц. стран. Тез. докл. – Ереван, 1976. – С. 367-368.
- Рубан В.В. Проблемы исторического развития ольвийской хоры в IV-III вв. до н.э. // ВДИ. – 1985. – № 1. – С. 26-46.
- Рубан В.В. Заметки о расселении ионийских греков в Причерноморье // Ольвийские древности. Сб. науч. трудов памяти В.М. Отрешко. – К., 2009. – С. 148-150.
- Bujskich S.B. Die Chora des pontischen Olbia: Die Hauptetappen der räumlich – strukturellen Entwicklung // Surveying the Greek Chora the Black Sea Region in a Comparative Perspective // BSS. – 2006. – 4. – S. 115-139.
- Kryjickij S.D., Bujskich S.B. La dynamique d'aménagement du territoire rural d'Olbia Pontique // BCH. – Suppl. 34. – 1999. – P. 273-288.
- Treister M.J., Vinogradov Yu.G. Archaeology on the Northern Coast of the Black Sea // AJA. – 1993. - № 97. – P. 521-563.

ДОДАТОК

Матеріали до наукової спадщини В.В. Рубана

1. Список друкованих праць кандидата історичних наук Володимира Володимировича РУБАНА

1974

1. Античная усадьба на побережье Бугского лимана // АО 1973 г. – М., 1974. – С. 335-336.

1975

2. Исследования античных памятников на правом берегу Бугского лимана в 1973-1974 гг. // НОСА. Тез. докл. конф. Ч. II. – К., 1975. – С. 87-89.
3. О периодизации античных памятников Северо-Западного Причерноморья доримского времени // 150 лет ОАМ. Тез. докл. конф. – К., 1975. – С. 130-132.
4. Разведка по правобережью Бугского лимана // АО 1974 г. – М., 1975. – С. 346-347.
5. Исследования поселений на берегах Бугского лимана // АО 1974 г. – М., 1975. – С. 276 (соавторы Доманский Я.В., Марченко К.К.).

1976

6. Открытие античных усадеб на территории ольвийской хоры // ЕУРНН. XIV Междунар. конф. античников соц. стран. Тез. докл. – Ереван, 1976. – С. 367-368.
7. Фасосская амфора с энглифическим клеймом // Археологические и археографические исследования на территории Южной Украины. – К.-Одесса, 1976. – С. 190-197.
8. Исследования в урочище «Дидова Хата» // АО 1975 г. – М., 1976. – С. 386 (соавтор Буйских С.Б.).
9. Раскопки поселения Чертоватое II // АО 1975 г. – М., 1976. – С. 387 (соавтор Отрешко В.М.).

1977

10. Рецензия на книгу: *Wąsowicz A. Olbia Pontique et son territoire.* – Paris, 1975 // ВДИ. – 1977. – № 2. – С. 147-154.
11. Некоторые аспекты изучения процесса формирования античных городов Северо-Западного Причерноморья // Древние города. Материалы к Всесоюзн. конф. «Культура Средней Азии и Казахстана в эпоху раннего средневековья». – Л., 1977. – С. 42-44.
12. Исследование античных памятников близ Ольвии // АО 1976 г. – М., 1977. – С. 362-363 (соавтор Рычка В.М.).
13. Работа Периферийного отряда Ольвийской экспедиции // АО 1976 г. – М., 1977. – С. 331-332 (соавторы Марченко К.К., Доманский Я.В., Головачева Н.В.).

1978

14. Из истории приольвийских поселений правобережья Бугского лимана IV-III вв. до н.э. // Археологические исследования Северо-Западного Причерноморья. – К., 1978. – С. 65-83.

15. Динамика территориальных границ Ольвийского полиса на протяжении догетского времени // Полис и хора. Вопросы экономики, политики и культуры. Авт.-чит. конф. ВДИ. Тез. докл. – М., 1978. – С. 43-45.
16. Комплекс памятников античного времени в урочище Дидова Хата на Бугском лимане // КСИА. – 1978. – Вып. 156. – С. 32-36.
17. Основные этапы ионийской колонизации Западного и Северо-Западного Причерноморья // АИУ в 1976-1977 гг. Тез. докл. XVII конф. ИА АН УССР. – Ужгород, 1978. – С. 78-79.
18. Ольвийские монеты из античных сельскохозяйственных вилл Бугского лимана // ВДИ. – 1978. – № 3. – С. 82-88 (соавтор Урсалов В.Н.).

1979

19. Из истории греческой колонизации Нижнего Побужья // Местное население Причерноморья в эпоху Великой греческой колонизации VIII-V вв. до н.э. Материалы II Всесоюзн. симпозиума по древней истории Причерноморья. Тез. докл. – Тбилиси, 1979. – С. 66-67.
20. О датировке поселения Козырка II // Памятники древних культур Северного Причерноморья. – К., 1979. – С. 60-80.
21. Литейная форма из поселения Козырка XV // СА. – 1979. – № 3. – С. 249-258.

1980

22. Внешнеполитический фактор в истории населения греческого периферийного полиса (на примере Ольвии догетского времени) // АИУ в 1978-1979 гг. Тез. докл. XVIII конф. ИА АН УССР. – Днепропетровск, 1980. – С. 110-111.
23. Раннеэллинистические лепные кратеры из Нижнего Побужья // СА. – 1980. – № 1. – С. 287-289.
24. К истории ольвийской сельской округи // Исследования по античной археологии Северного Причерноморья. – К., 1980. – С. 3-18 (соавторы Крыжицкий С.Д., Бураков А.В., Буйских С.Б., Отрешко В.М.).
25. О датировке Ягорлыцкого поселения // Там же. – С. 104-114.
26. Из истории взаимоотношений Тирь и Ольвии // Исследования по античной археологии Юго-Запада УССР. – К., 1980. – С. 103-106.

1981

27. Археологический комплекс из поселения Чертоватое II на Бугском лимане // Памятники древних культур Северо-Западного Причерноморья. – К., 1981. – С. 63-73.
28. Типы античных памятников правобережья Бугского лимана // Актуальные проблемы археологических исследований в УССР. Тез. докл. Респ. конф. мол. ученых. – К., 1981. – С. 73.

1982

29. О хронологии раннеантичных поселений Бугского лимана (по материалам хиосских амфор) // Материалы по хронологии археологических памятников Украины. – К., 1982. – С. 96-113.

30. Хора Ольвии в период эллинизма //Эллинизм и Причерноморье. Материалы III Всесоюзн. симпозиума. Тез. докл. – Тбилиси, 1982. – С. 82-84.
31. Литое свинцовое изображение группы фигур из поселения Кателино I // Новые памятники древней и средневековой художественной культуры. – К., 1982. – С. 54-58.
32. Магістратура агораномів в Ольвії // Археологія. – 1982. – № 39. – С. 30-40.
33. О хронологическом соотношении литых стрело- и дельфиновидных бронзовых монет на территории Нижнего Побужья // Нумизматика античного Причерноморья. – К., 1982. – С. 15-20.

1983

34. Керамика Ягорлыцкого поселения из собрания Херсонского музея //СА. – 1983. – № 1. – С. 285-291.

1984

35. Раннеэллинистические фимиатерии из Нижнего Побужья // Новые археологические исследования на Одессчине. – К., 1984. – С. 108-111.
36. История денежного обращения на сельской территории Борисфениды и Ольвии догетского времени // Тез. докл. IX Всесоюзн. авт. -чит. конф. ВДИ. – М., 1984. – С. 47-48 (соавтор Урсалов В.Н.).

1985

37. Проблемы исторического развития ольвийской хоры в IV-III вв. до н.э. // ВДИ. – 1985. – № 1. – С. 26-46.
38. Классификация клазоменских амфор из Нижнего Побужья // Проблемы исследования Ольвии. Тез. докл. и сообщ. семинара. – Парутино, 1985. – С. 67-68.

1986

39. История денежного обращения на сельской территории Борисфениды и Ольвии догетского времени // ВДИ. – 1986. – № 4. – С. 31-53 (соавтор Урсалов В.Н.).

1987

40. Древние системы расселения, города и общинные государства // X авт.-чит. конф. ВДИ. Тез. докл. - М., – 1987. – С. 167-169.
41. Рецензия на книгу: *Пичикян И.Р.* Малая Азия – Северное Причерноморье. Античные традиции и влияния. – М., 1984 // ВДИ. – 1987. – № 2. – С. 180-185.

1988

42. Основные этапы пространственного развития Ольвийского полиса (догетское время). – Автореф. дис. ...канд. ист. наук. – К., 1988. – 26 с.
43. Археологическое отражение миграций ионийских эллинов на северных и западных берегах Понта Эвксинского в VII-V вв. до н.э. (в свете общей теории миграций населения) // Проблемы античной культуры. Тез. докл. Крымской науч. конф. – Ч. III. – Симферополь, 1988. – С. 266-268.
44. Расселение на территории Северо-Западного Причерноморья в VII-V вв. до н.э. // Первая Правобережная краевед. конф. Тез. докл. – Кировоград, 1988. – С. 31-34.

1989

45. Новые находки памятников античной эпиграфики в Ольвии и ее окрестностях // Проблемы скифо-сарматской археологии. Тез. докл. конф. – Запорожье, 1989. – С. 134-136.

1990

46. Хора Истрии в VII-V вв. до н.э. // Проблемы археологии Северного Причерноморья. Тез. докл. конф. Ч. 2. – Херсон, 1990. – С. 84-87.
47. Из истории денежного обращения в Нижнем Побужье доримского времени // Нумизматические исследования по истории Юго-Восточной Европы. – Кишинев, 1990. – С. 30-44 (соавтор Урсалов В.Н.).
48. Древности как экономическая и правовая категория // Охорона і дослідження пам'яток археології. III Обл. наук.-практич. конф. Тези доп. – Полтава, 1990. – С. 9-10.
49. О хронологии красноглиняных амфор с коническими ножками VII-V вв. до н.э. // КСИА. – 1990. – Вып. 197. – С. 12-19.

1991

50. Опыт классификации так называемых милетских амфор из Нижнего Побужья // СА. – 1991. – № 2. – С. 182-195.
51. О географическом методе в антиковедении (на примере Нижнего Поднестровья) // Древнее Причерноморье. II чтения памяти П.О.Карышковского. Тез. докл. – Одесса, 1991. – С. 80-81.

2003

52. Зміна культурного обличчя Ольвії наприкінці елліністичного та початку римського періодів // Записки істор. ф-ту ОНУ ім. І.І.Мечнікова. – Вип. 13. – Одеса, 2003. – С. 22-26 (співавтор Орлов В.В.)

2009

53. Заметки о расселении ионийских греков в Причерноморье // Ольвийские древности. Сб. науч. трудов памяти В.М.Отрешко. – К., 2009. – С. 148-150.

2012

54. Граффити приольвийских поселений догетского времени // БИ. – Вып. XXVI – Симферополь, Керчь. – 2012. – С. 530-531 (соавтор Отрешко В.М.).
55. Раскопки и разведки античных памятников Нижнего Побужья // БИ. - Вып. XXVI – Симферополь, Керчь. – 2012. – С. 531-534.

В.В. Рубан, В.М. Отрешко

Граффити приольвийских поселений догетского времени

На ряде поселений Нижнего Побужья догетского времени найдено значительное количество керамики с различного рода граффити. Они являются одним из основных источников для суждения о языке, ономастике, религиозных представлениях и некоторых чертах экономики населения этого района в VI-I вв. до н.э.

Одной из наиболее многочисленных категорий граффити являются культовые надписи, которые свидетельствуют о почитании на ольвийской хоре Ахилла, Афродиты, Кору. Такие граффити, как IEPH и IEPA, могли относиться к любому греческому культу. Наибольшее количество культовых граффити связано с почитанием Ахилла и происходит из Бейкуша, где, вероятно, находилось его святилище. Бейкушское граффити «Агрот послал Ахиллу из дому» может свидетельствовать о популярности этого святилища среди жителей других населенных пунктов региона.

Весьма распространены на приольвийских поселениях также обломки днищ сосудов с надписями типа AH, AP, IF и т.д. Подобные граффити могли являться сокращениями как имен богов, так и имен владельцев сосудов. Последнее – более вероятно, поскольку посвящения божествам на донышках вырезались сравнительно редко. Среди надписей имеются и полностью сохранившиеся антропонимы: Аристокл, Артэм, Гекатей, Деметрий, Файдон, Фанисал и др.

Сравнительно многочисленную группу граффити составляют различного рода пометки – зарубки на ручках сосудов, Т-образные знаки, кресты, отдельные буквы. Подобные метки имеются среди граффити различных греческих центров и интерпретируются они, в основном, в качестве указаний на объем сосудов и их стоимость. Особо следует отметить остракон с граффити из поселения у Сиверсова маяка, представляющего греческую цифровую запись по акрофонической системе, где E = 100, ρ = 50, Δ = 10, C = 5, I = 1.

Рассмотренные категории граффити позволяют сделать следующие выводы. Единственным зафиксированным к настоящему времени языком в Нижнем Побужье догетской эпохи являлся древнегреческий. Греческой же являлась и антропонимия (за исключением лишь второй части имени Фанисал). Вотивные граффити свидетельствуют о распространении греческих культов, и только их одних. Наблюдается, конечно, определенное количественное расхождение с картиной, фиксируемой в Ольвии или на Березани, что является

ярким показателем различий между античным городом и деревней. Определенные расхождения имеются и в качественном отношении. Например, на Бейкуше зарегистрировано большое количество посвящений Ахиллу, в то время как в Ольвии и на Березани подобные находки единичны. Вместе с тем, на поселениях отсутствуют посвящения Аполлону Дельфинию, которых так много в Ольвии. Такое явление связано, несомненно, с расположением храмов и святилищ на территории Ольвийского полиса. Если святилища Деметры и Ахилла размещались на хоре, то храмы Аполлона Дельфиния и других божеств находились в самой Ольвии, где, естественно, прежде всего, соответствующие культы и почитались материальными приношениями. И, наконец, различные метки на сосудах и цифровое граффити могут служить свидетельством того, что население хоры использовало те же меры объема и те же числовые знаки, что и жители городских центров полиса – т.е. Ольвии и Березани. Кроме того, особо следует подчеркнуть то обстоятельство, что в Ольвийском полисе применялась та же цифровая система, что и в метрополии – ионийской Греции.

Граффити из поселений Нижнего Побужья могут и должны служить одним из аргументов отнесения к древнегреческому, а не к варварскому этносу сельского населения указанного района в VI-I вв. до н.э.

1978 г.

В.В. Рубан

Раскопки и разведки античных памятников Нижнего Побужья

На территории, прилегающей к устьям Днепра и Южного Буга, в античную эпоху существовало одно из наиболее значительных древних государств Северо-Западного Причерноморья - *Ольвийский полис*. Тысячелетний период истории этого государства оставил нам огромное количество памятников его материальной и духовной культуры, объем исследований которых возрастает с каждым годом. Прежде чем затронуть некоторые вопросы методики изучения указанных памятников в полевых и камеральных условиях, позволю себе дать краткую характеристику остатков античных городов и поселений Нижнего Побужья, сохранившихся к настоящему времени.

Наиболее ранним очагом античной цивилизации в этом районе является Березанское поселение, находящееся на небольшом островке напротив впадения Днепро-Бугского лимана в Черное море. Это поселение было основано во второй половине VII в. до н. э. выходцами из ионийских полисов Малой Азии, как сообщает литературная традиция, преимущественно гражданами города Милета. Наиболее распространенным типом раннего домостроительства являлись здесь земляночные сооружения. Экономика

населения древней Березани базировалась на земледелии, рыболовстве и скотоводстве. Немаловажную роль играли также различные виды ремесел, о чем свидетельствует синхронное существование рядом с ранней Березанью сезонного ремесленного очага у Ягорлыцкого залива. Уже на начальном этапе своего существования Березань установила тесные торговые контакты как с греческими городами Средиземноморья, так и с оседлым населением лесостепной зоны Украины. Особо славится рассматриваемое поселение обилием греческой архаической керамики, среди которой нередко встречаются подлинные шедевры античной вазописи.

В начале VI в. до н.э. началось территориальное расширение греческой общины в Нижнем Побужье. В непосредственной близости от Березани, по берегам Березанского лимана и Черного моря, возникает ряд небольших аграрных поселений с земляночным домостроительством. Наиболее интересным памятником такого рода является поселение на Бейкушском мысу, где обнаружены многочисленные надписи, посвященные Ахиллу.

Около середины VI в. до н.э. в истории Нижнего Побужья наступает переломный момент. В устье Бугского лимана был заложен новый город - Ольвия, ставший столицей полиса. Как и на Березани, в Ольвии этого периода преобладало земляночное домостроительство. Вместе с тем, здесь уже прослеживаются черты регулярности в застройке территории города. Начинает формироваться общественный и религиозный центр города - агора и теменос.

Одновременно с основанием Ольвии начался интенсивный процесс аграрного освоения новых территорий в районе Бугского лимана, выразившийся в возникновении целого ряда сельских поселений, в числе которых имелись и памятники, весьма крупные по площади.

В первой половине V в. до н.э. на всех античных памятниках Нижнего Побужья - как городских, так и сельских - фиксируется переход от земляночного домостроительства к наземному сырцово-каменному. Ольвия в это время приобретает более урбанизированный облик. Наряду с каменными домами здесь начинается сооружение крепостных стен. В сельской округе Ольвии появляются новые поселения. В V в. до н.э. Ольвия окончательно оформляется как государство полисного типа в классическом его виде.

В эпоху классики продолжается дальнейший экономический и культурный подъем Ольвийского полиса. Особого расцвета государство достигло в период раннего эллинизма. В Ольвии этого времени наблюдается наиболее широкий размах домостроительства, а территория города достигает своих максимальных размеров. Значительно изменяется и облик хоры. Наряду с обычными сельскими поселениями здесь появляются отдельностоящие усадьбы-виллы.

В дальнейшем, в результате взаимодействия ряда различных факторов, Ольвию охватывает тяжелый и затяжной экономический кризис,

завершившийся полным разгромом города гетским царем Буребистой в середине I в. до н.э.

В эпоху римской экспансии Ольвия была восстановлена, однако в гораздо меньших пределах, чем раньше. Собственно цитадель римского времени занимала лишь южную часть города эпохи эллинизма. На хоре Ольвии была выстроена серия хорошо укрепленных городищ, создание которых имело своей целью не только развитие сельского хозяйства, но и защиту города извне. Окончательная гибель Ольвии произошла в IV в. вследствие интенсивных вторжений варваров.

Археологические исследования античных памятников Нижнего Побужья имеют уже почти двухсотлетнюю историю. На первых порах они носили случайный характер и сводились, в основном, к поискам ярких произведений искусства, целых сосудов, монет и т. п. На строго научные рельсы (по тому времени) раскопки Ольвии были поставлены Б.В. Фармаковским на рубеже прошлого и нынешнего столетий, впервые начавшим вести раскопки города широкими площадями. При этом исследуемые участки предварительно разбивались на сетку квадратов, что позволяло точно фиксировать расположение не только строительных остатков, но и находимых при раскопках вещей. Такая методика позволила Б.В. Фармаковскому в кратчайшие сроки получить столь громадную информацию об истории и культуре города, что она с лихвой перекрывала все, что было сделано прежде.

В советский период раскопки Ольвии были возобновлены и продолжают по сей день. За это время выросла новая плеяда известных исследователей города - Л.М. Славин, А.Н. Карасев, Е.И. Леви, С.Д. Крыжицкий, Н.А. Лейпунская, Ю.И. Козуб, Р.И. Ветштейн, А.С. Русяева и др. В течение многолетних планомерных археологических исследований Ольвии была значительно усовершенствована традиционная методика раскопок культурного слоя древнего города. Особое значение приобрели совершенно новые научные методы, такие, как, например, подводная археология, геоморфологические исследования, унификация фиксирования строительных остатков, электромагнитные изыскания, остеологический и палеоботанический анализы, петрография, металлография и многие другие. Благодаря успешному сочетанию всех этих методов за последние десятилетия удалось сделать важные открытия в наземной и в подводной частях Ольвийского городища и значительно раздвинуть границы прежних представлений об истории и культуре этого древнего города.

Большим достижением советской археологической науки являются развернутые исследования сельских поселений античных государств Северного Причерноморья - Боспора, Херсонеса, Ольвии и Тиры. Что касается района Нижнего Побужья, то первые раскопки сельских поселений были предприняты здесь в конце 30-х гг. Затем они спорадически проводились

с конца, 40-х гг. по 60-е гг. (Л.М. Славин, Ф.М. Штительман, М.С. Синицын, А.В. Бураков и др.). Переломный период в исследовании ольвийской хоры наступил в начале прошлого десятилетия благодаря усовершенствованию традиционной методики раскопок и разведок, а также выработке новых методических принципов.

Прежде всего, следует сказать, что систематические раскопки в это время постоянно сочетались с планомерными разведками археологических памятников. Указанные разведки охватили не только береговую полосу, но и значительные участки прилегающего степного пространства. Особое значение в указанных разведочных работах получил метод изучения микрорельефа. Этот метод позволил выявить принципиально новые, ранее вообще неизвестные типы памятников в ольвийской округе. С другой стороны, благодаря ему появилась возможность еще до раскопок определять общую площадь памятника и его внутреннюю структуру, вплоть до расположения помещений в отдельных домах. В результате проведенных исследований удалось открыть массу новых памятников на территории ольвийской хоры, установить их хронологию, выявить их типологическую принадлежность и внутреннюю структуру, а также проследить динамику территориальных границ Ольвийского полиса на протяжении всей его истории.

Наконец, хотя бы в самом сжатом виде следует коснуться полевой и камеральной обработки вещественного материала. Как известно, культурный слой любого античного памятника содержит массу керамического материала, львиная доля которого представлена во фрагментированном виде. Однако справиться с десятками тысяч черепков сложно лишь на первый взгляд. Первичная обработка всего материала в поле производится путем классификации керамики по группам и подвергается статистической обработке. В камеральных условиях профилирующие части зарисовываются и фотографируются. Далее идет более дробный статистический учет по центрам производства, по хронологическим группам и т.д. В результате практически ни один предмет не остается вне поля зрения археолога и является полноценным источником информации об истории археологического памятника⁵.

1981 г.

⁵ Склавав список наукових праць В.В. Рубана та підготував архівні матеріали до друку – С.Б. Буйських.

С.Б. Буйських

ТРИ ПРИГОРШІ ЗЕМЛІ НА МОГИЛУ АРХЕОЛОГА
(ПАМ'ЯТІ В.В. РУБАНА)

Резюме

Стаття присвячена пам'яті відомого вітчизняного вченого-антикознавця, невтомного дослідника античних старожитностей Північно-Західного Причорномор'я, в першу чергу, сільської округи Ольвії - Володимира Володимировича Рубана (1950-2010). В ній зроблено спробу в основних рисах подати значення того, що дослідник залишив нам у спадок, якими ідеями, досягненнями та відкриттями був позначений його непростий, багато в чому драматичний, але дуже яскравий творчий шлях у науці.

У Додатку до статі вперше подано повний список наукових праць В.В. Рубана та друкуються дві його раніше невідомі роботи.

С.Б. Буйских

ТРИ ГОРСТИ ЗЕМЛИ НА МОГИЛУ АРХЕОЛОГА
(ПАМ'ЯТИ В.В. РУБАНА)

Резюме

Статья посвящена памяти известного отечественного ученого-антиковеда, неутомимого исследователя античных древностей Северо-Западного Причерноморья, в первую очередь, сельской округи Ольвии - Владимира Владимировича Рубана (1950-2010). В ней делается попытка в основных чертах оценить значение того, что исследователь оставил нам в наследство, т.е. какими идеями, достижениями и открытиями был отмечен его непростой, во многом драматичный, но очень яркий творческий путь в науке.

В Приложении к статье впервые подается полный список научных работ В.В. Рубана и публикуются две его ранее неизвестные работы.

S.B. Buisikikh

THREE HANDFULS OF EARTH TO THE GRAVE OF AN ARCHAEOLOGIST
(FOR MEMORY OF V.V. RUBAN)

Summary

The article is devoted to memory of the famous national scientist – a scholar of antiquity, a tireless researcher of antiquities of the north-western Black Sea region, primarily of rural county of Olbia – Vladimir Vladimirovich Ruban (1950-2010). The article tries to see the significance of the researcher's legacy we have inherited in proper prospective, i.e. what ideas, achievements and discoveries marked his difficult, in many respects dramatic, but very bright creative career in science.

For the first time, a full list of V.V. Ruban's scientific papers is supplied in the appendix to the paper. Two formerly unknown works are also published there.

Фото 1. В.В. Рубан, 1978 р.

Фото 3. В.В. Рубан на розкопках поселення Чортувате-2, листопад 1979 р.

Фото 2. Розвідка у верхів'ях Березанського лиману, вересень 1976 р. Зліва направо: В.В. Рубан, К.К. Шилик, С.Б. Буйських, С.Д. Крижицький.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

АВ	– Археологические вести
АГСП	– Античные государства Северного Причерноморья
АДЖ	– Ростовцев М.И. Античная декоративная живопись на юге России. СПб., 1913
АИУ	– Археологические исследования на Украине
АМ	– Штітельман Ф.М. Античне мистецтво. Київ, 1977
АМА	– Античный мир и археология – Саратов
АНО	– Скуднева В.М. Архаический некрополь Ольвии. Л., 1988
АО	– Археологические открытия
АП	– Соколов Г.И. Античное Причерноморье. Л., 1973
АРК	– Античная расписная керамика из собрания ГМИИ им. А.С. Пушкина. М., 1985
АСГЭ	– Археологический сборник Государственного Эрмитажа
АСХ	– Античная скульптура Херсонеса
АХБ	– Античная художественная бронза //Каталог выставки. Л., 1973
ББ	– Борисфен – Березань. Начало античной эпохи в Северном Причерноморье //Каталог выставки в Гос. Эрмитаже. СПб., 2005
БИ	– Боспорские исследования
Бсб	– Боспорский сборник
БФ	– Боспорский феномен
БЧ	– Боспорские чтения
БЦ	– Гайдукевич В.Ф. Боспорское царство. М., Л., 1949
ВДИ	– Вестник древней истории
ВОКК при ВУАН	– Вісник Одеської комісії краєзнавства при Всеукраїнській Академії наук
ГЗ	– Уильямс Д., Огден Д. Греческое золото. Ювелирное искусство классической эпохи V- IV вв. до н. э. СПб., 1995
ГИМ	– Государственный Исторический музей
ГМИИ	– Государственный музей изобразительных искусств им. А.С. Пушкина
ГЭ	– Государственный Эрмитаж
ДБ	– Древности Боспора
ДБК	– Древности Боспора Киммерийского. СПб., 1854
ДГН	– Древний город Нимфей. Каталог выставки. СПб., 1999
ЗООИД	– Записки Одесского общества истории и древностей
ИААЮЗУ	– Исследования по античной археологии Юго-Запада СССР

ИАК	– Известия Императорской археологической комиссии
ИБАИ	– Известия на Българският археологическия Институт
ИГАИМК	– Известия Государственной Академии истории материальной культуры
ИРАИМК	– Известия Российской Академии истории материальной культуры
ИРОМК	– Известия Ростовского областного музея краеведения
КБН	– Корпус боспорских надписей. М., Л. 1965
КСИА	– Краткие сообщения Института археологии АН СССР
КСИИМК	– Краткие сообщения Института истории материальной культуры
МАИЭТ	– Материалы по археологии, истории и этнографии Таврии
МАР	– Материалы по археологии России
МАСП	– Материалы по археологии Северного Причерноморья
МГВ	– Горбунова К.С., Передольская А.А. Мастера греческих расписных ваз. Л., 1961
МИА	– Материалы и исследования по археологии СССР
МИС	– Граков Б.Н. Материалы по истории Скифии в греческих надписях Балканского полуострова и Малой Азии // ВДИ. 1939. № 3
МКМ	– Миколаївський краєзнавчий музей
НА ИА НАНУ	– Научный архив Института археологии Национальной Академии наук Украины
НА ОАМ НАНУ	– Научный архив Одесского археологического музея Национальной Академии наук Украины
НО	– Надписи Ольвии
НОСА	– Новейшие открытия советских археологов
НЭПХ	– Соломоник Э.И. Новые эпиграфические памятники Херсонеса. Киев, 1964. Т.1.; Киев, 1972. Т.2
ПИО	– Проблемы исследования Ольвии
ПИФК	– Проблемы истории, филологии и культуры. Москва – Магнитогорск
ОАК	– Отчеты Археологической комиссии
ОАМ	– Одесский археологический музей
ОНУ	– Одеський національний університет ім. І.І. Мечнікова
РА	– Российская археология
РД	– Толстой И.И., Кондаков Н.П. Русские древности в памятниках искусства. Вып. 1., СПб., 1889
РОИ	– Рождение Олимпийских игр. М., 2004
СА	– Советская археология
САИ	– Свод археологических источников
СГМИИ	– Сообщения Государственного музея изобразительных искусств им. А.С.Пушкина
ССПК	– Старожитності Степового Причорномор'я і Криму
ТГЭ	– Труды Государственного Эрмитажа
ТОИПК ГЭ	– Труды Отдела истории первобытной культуры Государственного Эрмитажа
ТС	– Терракоты Северного Причерноморья. САИ. Вып. Г 1-11.- М., 1970
Хсб	– Херсонесский сборник
ААМР	– Annual of the Archaeological Museum Plovdiv

- AAP – *Acta antiqua Phillipolitana*
- ABF – *Boardman J. Athenian Black-Figure Vases*. London, 1985
- AJA – *American Journal of Archaeology*
- ARF – *Boardman J. Athenian Red-figure Vases. The Archaik Period*. London, 1985
- ARV – *Beazley J.D. Attic Red-figure Vase-painters*. Oxford, 1963
- BCH – *Bulletin de Correspondance Hellénique*
- BSA – *The Annual of the British school of Athens*
- BSS – *Black Sea Studies*
- CVA – *Corpus vasorum antiquorum*. Russia. Pushkin State Museum Fine Arts. Moskow. 1996, 2003
- Dacia. N.S. – *Dacia Nouvelle série. Revue d'archéologie et d'histoire ancienne*
- DHA – *Dialogues d'histoire ancienne*
- GCA – *Greek and Cypriote Antiquities in the Archaeological Museum of Odessa*. Nicosia, 2001.
- GRA – *Greek and Roman Antiquities in the Hermitage*. Leningrad, 1975
- IOSPE – *Inscriptiones Antiquae Orae Septentrionalis Ponti Euxini, Graecae et Latinae*
- LIMG – *Lexicon iconographicum mythologiae Graecae*
- UKV – *Schefold K. Untersuchungen zu den Kertschen Vasen // Archäologische Mitteilungen aus russischen Sammlungen*. Berlin- Leipzig. 1934. Bd.4
- Slov. arch – *Slovenska archeologia*

СОДЕРЖАНИЕ

СТАТЬИ

<i>Зинько В.Н.</i> К вопросу о населении позднеархаической Тиритаки	3
<i>Буйских С.Б.</i> Серая гончарная керамика Боспора (попытка осмысления на фоне Северного Причерноморья)	22
<i>Скржинская М.В.</i> Мифы о богах в культуре и искусстве античных государств Северного Причерноморья	59
<i>Терещенко А.Е.</i> Еще раз к вопросу о возникновении пантикапейской чеканки	168
<i>Крапивина В.В.</i> Домашние святилища античных памятников Северного Причерноморья	182
<i>Фиалко Е.Е.</i> Скифский курган с античными импортами у с. Зеленое	218
<i>Немцев С.О.</i> К проблеме хронологической классификации «колпачковых» ножек амфор Хиоса IV в. до н.э.	255
<i>Зубарев В.Г., Ярцев С.В.</i> Ритуальные захоронения в сакральной практике жителей городища «Белинское»	275
<i>Бубенок О. Б.</i> Некоторые параллели в материальной культуре населения украинского Поднепровья и Северо-Западного Кавказа (к вопросу об адыго-славянских связях)	290
<i>Артюхин Ю.В.</i> Природные катаклизмы как одна из причин «великой замятни» в Золотой Орде и возникновения Азака	314

ПУБЛИКАЦИИ

<i>Журавлев Д.В., Турова Н.П.</i> Античные глиняные светильники Ялтинского историко-литературного музея	335
---	-----

Кузина Н.В.

Комплекс терракот из раскопок античного святилища
на поселении «Полянка» в Крымском Приазовье 401

Зинько Е.А.

Стеклянные сосуды из новых раскопок
некрополя Пантикапея-Боспора 417

ИСТОРИЯ НАУКИ

Кузьмищев А.Г.

Березань в археологических исследованиях Э.Р. фон Штерна 433

Севастьянов А.В.

«Ваши берега богаты промыслами. Ваша земля подлинная
житница, у вас под землей несметные богатства...».
Керченское отделение российского
общества по изучению Крыма (1922-1932 гг.) 462

Пономарев Л.Ю.

О разведках и раскопках Д.Л. Талиса на Керченском
полуострове в 1960 г. 479

Буйских С.Б.

Три пригорщі землі на могилу археолога (пам'яті В.В. Рубана) 512

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ 537

CONTENTS

ARTICLES

<i>Zinko V.N.</i> To the question about the population of the late archaic Tyritake	3
<i>Buiskikh S.B.</i> Grey wheel-made ware of the Bosporus (an attempt of giving meaning against the North Pontic region background)	22
<i>Skrzhinskaya M.V.</i> Myths about gods in ancient art and culture of the North Pontic area	59
<i>Tereshchenko A.E.</i> To the question of the origin of Panticapaeum coinage	168
<i>Krapivina V.V.</i> Home sanctuaries in the Northern Black Sea littoral	182
<i>Fialko E.E.</i> Scythian kurgan with ancient imports near Zelenoye village	218
<i>Nemtsev S.O.</i> To the problem of chronological classification of Chios amphorae “cap” feet of the 4 th century BC	255
<i>Zubarev V.G., Yartsev S.V.</i> Ritual burials in sacred practice of the inhabitants of the settlement “Belinskoye”	275
<i>Bubenok Q.B.</i> Some parallels in material culture of the population of the Ukrainian Dnieper basin and the northwestern Caucasus (to the Question of the Adyg-Slavic links)	290
<i>Artyukhin Y.V.</i> Natural disasters as causes of “Great Zamyatnya” in the Golden Horde and the emergence of Azak	314

PUBLICATIONS

<i>Zhuravlev D.V., Turova N.P.</i> Ancient clay lamps of the Yalta Historical-Literary Museum	335
<i>Kuzina N.V.</i> Terracotta complex from the excavations of the ancient sanctuary in the settlement Polyanka in the Crimean Sea of Azov area	401

Zinko E.A

Glass vessels from the new excavations at the necropolis of Panticapaeum the Bosporus	417
--	-----

HISTORY OF SCIENCE

Kuzmishchev A.G.

Berezan in archaeological research of E.R. Von Stern	433
--	-----

Sevastyanov A.V.

“Your coasts are rich in fisheries, your land is the true granary;
you have great treasures under the ground...”

The Kerch branch of the Russian Society on studying the Crimea (1922 1932)	462
---	-----

Ponomarev L.Y.

Exploration and excavation of D.L.Talis on the Kerch peninsula in 1960	479
--	-----

Buiskikh S.B.

Three handfuls of earth to the grave of an archaeologist (for memory of V.V. Ruban)	512
--	-----

LIST OF ABBREVIATIONS	537
-----------------------------	-----

Научное издание

Боспорские исследования

Вып. XXVI

Сборник

Ответственный редактор: **Зинько** Виктор
Николаевич, доктор исторических наук

Ответственный секретарь: **Зинько** Алексей
Викторович, кандидат исторических наук

Перевод на английский *Н.М. Красина*

Перевод на украинский *И.Н. Барановская*

Корректор *В.Н. Солин*

Компьютерная верстка *Л.К. Мусихина*

Наукове видання

Боспорські дослідження

Вип. XXVI

Збірник

(російською мовою)

Відповідальний редактор: **Зінько** Віктор
Миколайович, доктор історичних наук

Відповідальний секретар: **Зінько** Олексій
Вікторович, кандидат історичних наук

Формат 70x100 ¹/₁₆. Умов. друк. арк. 44,2.

Тираж 300. Замовлення 79.

СПД ФО Озарків А.М.

вул. Борзенко, 2, кв. 20, м. Керч, АР Крим, 98302

Свідоцтво суб'єкта видавничої справи КМ № 44 від 27.02.2008 р.

ТОВ «Керченська міська друкарня»

вул. Кірова, 13, м. Керч, АР Крим, 98300

Свідоцтво держ. реєстрації виготовлювача КМ № 002 від 05.05.2000 р.